Ca 5775

EX LIBRIS
A D
Ca 5775
Z 6018
D.959

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG2950
.P66
1868

Ge 5775

62

ПОСОБІЕ

PG2950
MC P66
1868

ПРИ ИЗУЧЕНІИ

ОБРАЗЦЕВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

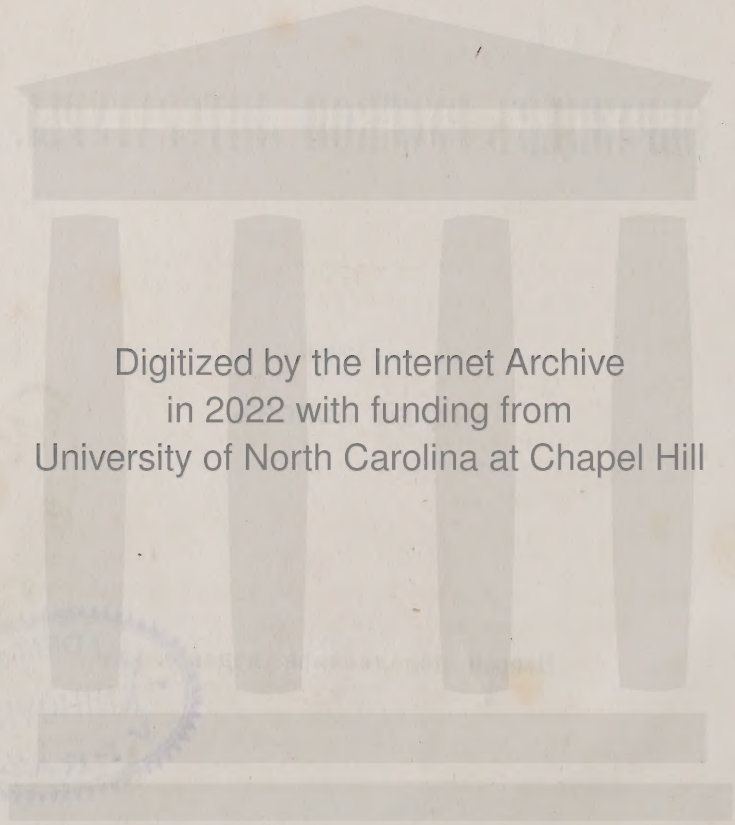
СОСТАВИЛЪ

АНДРЕЙ ПОПОВЪ.

KNIHOVNA
AKADEMICKÁ KNIHOVNA V PRAZE

Второе дополненное изданіе.

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова, Большая Дмитровка, д. № 7.
1868.



Digitized by the Internet Archive
in 2022 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/posobepriizuchen00popo

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Народныя былины. Стр.

1) Поѣздка Ильи Муромца въ Кіевъ 1
2) Освобожденіе Кіева Ильею Муромцемъ 10
3) Садко купецъ, богатый гость 20

Начало русской письменности 43

Изъ лѣтописи Нестора по Лаврентьевскому списку:

1) Княженіе Ольги и Святослава 49
2) Первые христіянскіе мученики въ Россіи 65
3) Испытаніе вѣръ и принятіе христіянства Владиміромъ Святымъ 67
4) Войны Владиміра съ Печенѣгами и кончина его . . . 75
5) Убіеніе Бориса и Глѣба 82

Изъ Исторіи Государства Россійскаго Карамзина отрывки для сравнительнаго изученія съ лѣтописью 87

Житіе преподобнаго Ѳеодосія Игумена Кіевопечерскаго . . . 113

Кириллъ Епископъ Туровскій 132

Слово Кирилла еп. Туровскаго въ недѣлю новую или Ѳомину. 135

Слово о полку Игоревѣ, Игоря сына Святъславля внука Ольгова 143

Изъ Лѣтописи, по Ипатьевскому списку, о походѣ Сѣверскихъ князей на Половцевъ 155

Домострой (памятникъ XVI вѣка) 179

А. Д. Кантемиръ. Свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ 193
Сатира 1-я (къ уму своему) 198

М. В. Ломоносовъ. Свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ 213
1) О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ . . 223

Стр.
2) Слово похвальное Петру Великому 230
3) **Ода на день восшествія на престолъ Императрицы Елизаветы** 258

Г. Р. Державинъ. Свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ 273
1) Фелица 281
2) Видѣніе мурзы 291

Д. И. Фонъ-Визинъ 298

Н. М. Карамзинъ. Свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ 312
1) Изъ Писемъ русскаго путешественника 320
2) Предисловіе къ Исторіи Государства Россійскаго . . . 335
3) Изъ Исторіи Государства Россійскаго (т. XI гл. 2) . . 346

И. А. Крыловъ. Свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ 378
1) Волкъ на псарнѣ 390
2) Пушки и Паруса 391
3) Лисица и Сурокъ 392
4) Мірская сходка 393
5) Демьянова уха 394
6) Слонъ и Моська 395

В. А. Жуковскій. Свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ 396
1) Свѣтлана 409
2) Торжество побѣдителей 418
3) Кубокъ 424
4) Перчатка 429
5) Гаральдъ 431

А. С. Пушкинъ. Свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ 433
1) Поэтъ 471
2) Чернь 472
3) Поэту 474
4) Бѣсы . . . . . —
5) Элегія (Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ) 476
6) Опять на родинѣ 477
7) Изъ драмы Борисъ Годуновъ 479
8) Скупой рыцарь 498

Н. В. Гоголь. Свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ 508
1) Изъ поэмы Мертвыя Души (гл. VI) 531
2) Замѣчанія къ VI-й главѣ Мертвыхъ Душъ 559

НАРОДНЫЯ БЫЛИНЫ.

Поѣздка Ильи Муромца въ Кіевъ.

Какъ изъ славнаго города изъ Мурома,
Изъ того села Корочаева,
Какъ была-де поѣздка богатырская—
Наряжался Илья Муромецъ Ивановичъ
Ко стольному городу ко Кіеву,
Онъ тою дорогою прямоѣзжею,

---

1. *Какъ* — союзъ употребленный въ началѣ рѣчи безъ особаго значенія, въ качествѣ простаго эпическаго пріема. *Славный* — эпитетъ города Мурома, прилагается и къ другимъ старымъ городамъ: Кіеву, Новгороду, Ростову.

2. *Изъ того.* Ср. ниже: тою дорогою, черезъ тѣ лѣса, въ тѣ ворота, по той по головѣ и т. п. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ мѣстоименіе тотъ-та-то употреблено вмѣсто члена т. е. не указываетъ на предметъ, о которомъ говорится, а просто прилагается къ названію его для большей оживленности и живости рѣчи (ср. Гр. Бусл. II § 208). Къ этому мѣстоименію въ значеніи члена присоединяется еще частица ли см. ниже: того ли топу (33), тоя ли (34), того ли Илью (88). *Корочаево* называется и Корочарово.

3. *Богатырскій* — корень слова бог., откуда богатый, богатырь т. е. щедро одаренный силою, необычайный силачъ.

4. *Наряжался* т. е. собирался въ дорогу, изготовлялся. Въ народномъ языкѣ *наряжать* зн. изготовить, снарядить, изладить. *Ивановичъ.* Отецъ Ильи въ былинахъ называется Иванъ Тимофеевичъ.

5. Ко — предлогъ повторяется по требованію размѣра стиха. Ср. ниже стихъ 55. *Стольный* — старинное народное слово, отъ *столъ* въ значеніи княжескаго сѣдалища, позднѣе престолъ.

6. *Онъ* плеоназмъ, съ помощію котораго обстоятельственныя слова—дорогою прямоѣзжею — выдѣлены въ особое предложеніе.

Котора залегла ровно тридцать лѣтъ;
Чрезъ тѣ лѣса Брынскіе,
Чрезъ черны грязи Смоленскія,—
И залегъ ее дорогу Соловей разбойникъ.
И кладетъ Илья заповѣдь велику:
Что проѣхать дорогу прямоѣзжую,
Котора залегла ровно тридцать лѣтъ,
Не вымать изъ налушна тугой лукъ,
Изъ колчана не вымать калену стрѣлу.
Беретъ благословеніе великое у отца съ матерью.
А и только его Илью видѣли—
Прощался съ отцомъ, съ матерью,
И садился Илья на своего добра коня,
А и выѣхалъ Илья со двора своего
Во тѣ ворота широкія;

---

7. *Котора.* Усѣченныя *котора* и *которо* въ древнемъ и народномъ языкѣ весьма употребительны, а въ мужескомъ родѣ которъ не удержалось въ употребленіи (Гр. Бусл. I § 93). *Залегла* — средній залогъ въ зн. страдательнаго т. е. вм. покинута, давно неѣзжена.

9. *Черны грязи* — усѣченное прилагательное въ народномъ языкѣ ставится и на мѣстѣ опредѣлительнаго слова и потому удерживаетъ склоненіе. Ниже постоянно встрѣчаются примѣры: на добра коня, заповѣдь велику, калену стрѣлу, съ сыра дуба, на бѣлы руки, добры молодцы, ясны соколы и т. п. Въ книжномъ языкѣ усѣченныя прилагательныя употребляются только на мѣстѣ сказуемаго.

10. *Залегъ* — средній залогъ обращенъ въ дѣйствительный съ помощью приставки предлога *за*. *Ее дорогу.* Ср. ниже: его Илью, онъ Илья, его Соловьева и т. п. Въ народномъ языкѣ для большей ясности при мѣстоименіи личномъ приводится названіе лица. И — и — многосоюзіе.

11. *Кладетъ заповѣдь* — описательное выраженіе вм. обѣщается, клянется.

12. *Что* — союзъ, вставленный между членами одного предложенія. По книжному словосочиненію слѣдовало бы: «И даетъ обѣтъ проѣхать дорогу.»

14. *Налушно*, налучно, налучіе зн. чехолъ на лукъ. Употребляется и въ женскомъ родѣ: налушна, налучина, и въ муж.: налучникъ. *Тугой* — обычный эпитетъ лука (ср, ниже *разрывчатый.*)

15. Колчанъ — влагалище для стрѣлъ, туло. *Калена* — постоянный эпитетъ стрѣлы соб. зн. закаленая, отъ гл. калить, закалять.

16. А и — союзы въ началѣ рѣчи безъ опредѣленнаго значенія, въ качествѣ эпическаго пріема (см. выше *какъ*).

Какъ стегнетъ онъ коня по тучнымъ бедрамъ—
А и конь подъ Ильею разсержается,
Онъ перву скокъ ступилъ за пять верстъ,
А другаго ускока не могли найти,
Поѣхалъ онъ черезъ тѣ лѣса Брынскіе,
Черезъ тѣ грязи Смоленскія.—
Какъ бы будетъ Илья во темныхъ лѣсахъ,
Во темныхъ лѣсахъ, во Брынскіихъ;
Наѣзжалъ Илья на девяти дубахъ
И наѣхалъ онъ Илья Соловья разбойника.
И заслышалъ Соловей разбойникъ
Того ли топу конинаго,
И тоя ли онъ поѣздки богатырскія;
Засвисталъ Соловей по соловьиному,
А въ другой зашипѣлъ разбойникъ по змѣиному,
А втретьи зрявкаетъ по звѣриному—

---

22. *Какъ стегнетъ* — союзъ какъ употребленъ для одного усиленія рѣчи. *Тучный* — эпитетъ бедра (ср. по крутымъ ребрамъ).

23. Разсержаться, осержаться — несовершенный видъ, утраченный въ книжномъ языкѣ. Вмѣсто него употребляется совершенный видъ: разсердиться, осердиться.

24. *Скокъ ступилъ* — описательное выраженіе вм. скакнулъ.

28. *Какъ будетъ* — *наѣзжалъ*. Сопоставленіе будущаго времени съ прошедшимъ, основаное на свойствѣ видовъ (Гр. Бусл. II. § 185.). По книжному словосочиненію слѣдовало бы: когда былъ.

29. *По темныхъ лѣсахъ* — фигура повторенія, состоящая въ переносѣ послѣднихъ словъ стиха въ слѣдующій стихъ, гдѣ они дополнены новымъ прилагательнымъ. *Брынскіихъ* — полная прилагательная форма, вызванная размѣромъ стиха.

30. *На девяти дубахъ* — подразумѣвается Соловья.

31. *Наѣзжалъ* — средній залогъ въ значеніи дѣйствительнаго.

33. *Топъ* — имя сущ. образованное безъ помощи суффикса. Въ книжномъ яз. топа-н-ье, а вм. шипъ-шипѣ-нье.

34. *Тоя* вм. той — старинная форма. *Богатырскія*. Ср. ниже сѣдельныя (55). Въ былинахъ окончаніе — ыя, или — ія употребляется не только для родительнаго, но и для дател. и предл. е. ч. женскаго рода; напр. ко матушкѣ родимыя своей, сидючи въ бесѣдѣ смиренныя (Гр. Бусл. § 102).

35 — 37. *По соловьиному*, — *по змѣиному*, — *по звѣриному* — обычный способъ сравненія въ народной поэзіи, по которому существительныя замѣняются прилагательнымъ того же корня и ставятся въ дат. падежѣ съ предлогомъ *по*. Книжные обороты: какъ соловей, какъ змѣй, какъ звѣрь. —

Подъ Ильею конь окорачился,
И падалъ вѣдь на кукорачь.
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
«А ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
Не бывалъ ты въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
Не бывалъ ты конь во темныхъ лѣсахъ,
Не слыхалъ ты свисту соловьинаго,
Не слыхалъ ты шипу змѣинаго,
А того ли ты крику звѣринаго.
А звѣринаго крику туринаго.»
Разрушаетъ Илья заповѣдь великую,
Вымаетъ калену стрѣлу
И стрѣляетъ въ Соловья разбойника;
И попалъ Соловья, да въ правой глазъ,
Полетѣлъ Соловей съ сыра дуба
Комомъ ко сырой земли.
Подхватилъ Илья Муромецъ Соловья на бѣлы руки;
Привязалъ Соловья ко той ко лукѣ ко седѣльныя;
Проѣхалъ онъ воровску заставу крѣпкую,

---

38. *Конь окорачился* т. е. осѣлъ назадъ, подогнувъ ноги. Окорачивать зн. осадить, понятить.

39 *На кукорачь* т. е. на четвереньки.

41. *Волчья сыть* — чѣмъ волкъ сытъ, волчій кормъ. Ср. вполсыть, до сыта. Въ другихъ былинахъ — *волчья выть*, соб. доля пищи, волчья ѣда.

47. *Туриный* отъ туръ, зубръ.

50. *Стрѣлять* первоначально значило спустить стрѣлу, впослѣдствіи это слово перенесено и къ огнестрѣльному оружію.

51. *Да* — союзъ, вставленный между членами одного предложенія, для усиленнаго указанія на предметъ.

53. *Комомъ* — своеобразный способъ сравненія въ народной рѣчи чрезъ существительное въ твор. падежѣ; въ мѣсто книжнаго: какъ комъ.: *Сыра* — эпитетъ земли. Ср. выраженіе: мать сыра земля.

54. Бѣлы — эпитетъ рукъ.

55. *Лука* — собственно изгибъ, кривизна, заворотъ рѣки. (ср. лукъ, лукавый) Въ сѣдлѣ двѣ луки — передняя и задняя.

56. *Воровска.* Слово *воръ* въ старинномъ языкѣ означало не только похитителя, татя, но и вообще обманщика, измѣнника. Воровскіе люди — сволочь, негодяи, мятежники.

Подъѣзжаетъ ко подворью дворянскому.
И завидѣла-де его молода жена;
Она хитрая была и мудрая,
И взбѣгала она на чердаки на вышніе—
Какъ бы дворъ у Соловья былъ на семи верстахъ,
Какъ было около двора желѣзной тынъ,
А на всякой тынинкѣ по маковкѣ,
И по той по головѣ богатырскія—
Наводила трубками Нѣмецкими
Его Соловьева молодая жена,
И увидѣла добраго молодца Илью Муромца,
И бросалась съ чердака во свои высокіе терема
И будила она девять сыновей своихъ:
«А встаньте, обудитесь добры молодцы,
А девять сыновъ ясны соколы!
Вы подите въ подвалы глубокіе,
Берите мои золотые ключи:
Отмыкайте мои вы окованны ларцы,
А берите вы мою золоту казну,
Выносите ее за широкій дворъ,
И встрѣчайте удала добра молодца;

---

57. *Подворье* употреблено въ значеніи усадьбы, собственно же значитъ — заѣзжій постоялый дворъ.

59. *Хитрая была и мудрая* — подразумѣвается женщина, по общему правилу: прилагательныя полныя стоятъ на мѣстѣ сказуемыхъ, когда при нихъ подразумѣвается какое либо существительное.

60. *Вышній* — въ книжномъ языкѣ употребляется только о небесныхъ предметахъ.

62. *Тынъ* — заборъ изъ кольевъ, употребляется и гл. тынить, обносить тыномъ.

63. *Маковка* — темя головы.

70. *А* — союзъ въ началѣ рѣчи безъ опредѣленнаго значенія (см. выше какъ, а и) *Обудитесь* — т. е. проснитесь. Обудить въ народномъ языкѣ зн. разбудить, поднять со сна.

77. *Удала добраго* — обычные эпитеты молодца, какъ, *красная* эпитетъ дѣвицы.

79. *Отца-то.* То въ значеніи члена прибавляется къ концу словъ, если же окончательное — *а* измѣняется въ *о*, или — *ь* въ *е*, то прибавляется *тъ*; напр. сын-о-тъ (см. выше употребленіе тотъ) *Горока* — ремни на задней сѣдельной лукѣ.,

А наѣдетъ, молодцы, чужой мужикъ,
Отца-то вашего въ торокахъ везетъ.»
А и тутъ ея девять сыновей закорилися,
И не берутъ у нея золотые ключи,
Не походятъ въ подвалы глубокіе,
Не берутъ ея золотой казны,
А худымъ вѣдь свои думушки думаютъ,
Хочутъ обернуться черными воронами,
Со тѣми носы желѣными—
Они хочутъ разклевать добра молодца.
Того ли Илью Муромца Ивановича.
Подъѣзжаетъ онъ ко двору ко дворянскому
И бросалась молода жена Соловьева,
А и молится, убивается:
—Гой еси ты, удалой доброй молодецъ!
—Бери ты у насъ золотой казны сколько надобно.

---

82. *Не похоятъ* см. ниже стихъ 108-й.

83. *Худымъ* — творительный образа дѣйствія. Ср. добромъ мы у тебя сватался. (Гр. Бусл. II. § 246)

85. *Хочутъ* вм. книжнаго хотятъ. *Черными воронами* — творительный уподобленія. Въ старинномъ языкѣ этотъ падежъ обыкновенно употреблялся для означенія суевѣрныхъ понятій о оборотняхъ или о превращеніи людей въ животныхъ (Гр. Бусл. II § 246).

86. *Носы* — старинная цс. и древнерусская форма твор. падежа м. ч. на ы, вм. современной — *носами*. (Ср. выраженіе съ товарищи). Равнымъ образомъ въ былинахъ встрѣчаются и старинныя окончанія вин. падежа мн. ч. именъ одушевленныхъ; напр. было столованье, почестной столъ на многи князи, бояры и на Русскіе могучіе богатыри и гости богатые (вин. падежъ сходенъ съ именительнымъ.)

90—91, бросалась—молится, убивается—т. е. бросившись молится. Сопоставленіе прошедшаго вр. съ настоящимъ. — «Прошедшее время, какъ причастіе прошедшее можетъ сочетаться съ глаголомъ настоящаго и будущаго времени; напр. идетъ закручинилася т. е. закручинившись» (Гр. Бусл. II § 189).

92. *Гой еси* — восклицательное междометіе, замѣчательно какъ образецъ употребленія въ народномъ языкѣ 2-го л. глагола есть. *Еси* употребляется въ былинахъ и для 2 л. мн. ч., хотя встрѣчается и *естя*, есте.

93. *Надобно* въ значеніи надо. Собственно же *надобно* и *надо* двѣ различныя формы. Надобно сред. родъ отъ прил. надобный, а надо — безличный глаголъ, образовавшійся изъ надобно. Потому *надобно*, какъ прилагательное измѣняется по родамъ и числамъ. См. заключительный стихъ былины: а и эта штука намъ не надобна. (Гр. Бусл. II § 301).

—Отпусти Соловья разбойника,
—Не вози Соловья во Кіевъ градъ.
А его-то дѣти Соловьевы
Неучливо они поговариваютъ.—
Они только Илью и видѣли,
Что стоялъ у двора дворянскаго —
И стегаетъ Илья онъ добра коня,
А добра коня по тучнымъ бедрамъ—
Какъ бы конь подъ нимъ осержается—
Побѣжалъ Илья, какъ соколъ летитъ;
Пріѣзжаетъ Илья онъ во Кіевъ градъ,
Середи двора княженецкаго
И скочилъ онъ Илья со добра коня,
Привязалъ коня къ дубову столбу.
Походилъ онъ во гридню во свѣтлую,
И молился онъ спасу со Пречистою,
Поклонился Князю со Княгинею—
На всѣ на четыре стороны.
У Великаго Князя Владиміра
У него Князя почестной пиръ;
А и много на пиру было Князей и бояръ,
Много сильныхъ могучихъ богатырей;
И поднесли ему Ильѣ чару зелена вина въ полтора ведра;
Принимаетъ Илья единой рукой,

---

99. *Что* вм. какъ, обычное выраженіе при сравненіи въ народной поэзіи.

105. *Княженецкій* — старинная форма вм. княжій, княжескій.

108. *Походить* — собст. значитъ ходить иногда, по временамъ, но въ былинахъ *походилъ* зн. вошелъ. *Гридня*, гридница — покой для гридней при дворѣ княжескомъ, пріемная, сборная. Въ ней собиралась дружина для пировъ и для совѣта

113. *Почестной* — въ почетъ кому либо. Почестить, почествовать зн. воздать честь, почтить. Въ современномъ народномъ языкѣ почестной столъ зн. обѣдъ на другой день свадьбы.

116. *Полтора* — образованно изъ пол-втора. *Зелено* постоянный эпитетъ хлѣбнаго вина.

117. *Единой* — стар. форма вм. одной.

Выпиваетъ чару единымъ духомъ.
Говорилъ ему ласковой Владиміръ Князь:
«Ты скажись молодецъ, какъ именемъ зовутъ,
А по имени тебѣ можно мѣсто дать,
По изотчеству пожаловати.»
И отвѣчаетъ Илья Муромецъ Ивановичь:
—«А ты ласковой, стольной Владиміръ Князь!
А меня зовутъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь;
—И проѣхалъ я дорогу прямоѣзжую
—Изъ стольнаго города изъ Мурома,
—Изъ того села Корочаева.»
Говорятъ тутъ могучіе богатыри:
—«А ласково солнце, Владиміръ Князь!
—Въ очахъ дѣтина завирается,
—А гдѣ ему проѣхать дорогою прямоѣзжею,
—Залегла та дорога тридцать лѣтъ
—Отъ того Соловья разбойника».
Говоритъ Илья Муромецъ:
«Гой еси ты, сударь, Владиміръ Князь!
—Посмотри мою удачу богатырскую,
—Вонъ я привезъ Соловья разбойника на дворъ къ тебѣ».
И втапоры Илья Муромецъ
Пошолъ съ Великимъ Княземъ на широкой дворъ,

---

118. *Единымъ духомъ* т. е. за одинъ пріемъ, разъ.

120. *Именемъ* — старинная народная форма вмѣсто соврем. *по имени*.

122. *Изотчество* — тоже что отчество, названіе по отцѣ. *Пожаловати* — неопредѣленное наклоненіе на — *и*, согласно съ цс. и древне-русскимъ языкомъ. Въ современномъ книжномъ языкѣ допускается неопредѣленное на — *и*, когда на этомъ звукѣ стоитъ удареніе: идти, брести (Гр. Бусл. 1 § 56).

131. *Въ очахъ* — ср. соотвѣтствующую народную форму въ двойственномъ числѣ *воочью, вочью*.

132. *А гдѣ* — въ значеніи не мѣста, а сомнѣнія, недовѣрія, опроверженія. Ср. выраженіе: *куда тебѣ*.

139. *тапоры*, — втѣпоры зн. тогда, въ то время.

140. *Широкой* — обычный эпитетъ двора.

Смотрѣть его удачи богатырскія.
Выходили туто Князи, бояра,
Всѣ Русскіе могучіе богатыри:
Самсонъ богатырь Колывановичь,
Суханъ богатырь, сынъ Домантьевичь,
Свѣтогоръ богатырь и Полканъ другой,
И семь-то братовъ Збродовичи,
Еще мужики были Залешана,
А еще два брата Хапиловы—
Только было у Князя ихъ тридцать молодцовъ.
Выходилъ Илья на широкой дворъ
Ко тому Соловью разбойнику,
Онъ сталъ Соловья уговаривать:
—«Ты послушай меня, Соловей разбойникъ младъ!
—Посвисти Соловей по соловьиному,
—Пошипи змѣй по змѣиному,
—Зрявкай звѣрь по туриному,
—И потѣшь Князя Владиміра.»
Засвисталъ Соловей по соловьиному,
Оглушилъ онъ въ Кіевѣ Князей и бояръ;—
Зашипѣлъ по змѣиному,
Онъ втретье зрявкаетъ по туриному;—
А Князи и бояра испужалися,
На корачкахъ по двору наползалися,
И всѣ сильны богатыри могучіе.—

---

144. *Самсонъ* — позднѣйшая вставка.

145. *Суханъ* этому богатырю посвящены особыя былины.

145. *Свѣтогоръ*, Святогоръ — по народнымъ былинамъ относится къ числу старшихъ богатырей, предшествующихъ Ильѣ Муромцу. *Полканъ*—подлинное имя *Pulicane* — позднѣйшая вставка изъ книжной сказки о Еруслановѣ и Бовѣ.

147—148. Збродовичи, Залешана — упоминаются и въ былинахъ Новогородскаго цикла.

161. *На-корачкахъ* т. е. на четвереньках. *Наползалися* — прош. совер. вида, зн, поползали вдоволь, вволю.

И накурилъ онъ бѣды несносныя:
Гостинны кони съ двора разбѣжалися—
И Владиміръ Князь едва живъ стоитъ,
Съ душой Княгинею Апраксѣевной.
Говорилъ тутъ ласковой Владиміръ Князь:
«А и ты гой еси, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь!
Уйми ты Соловья разбойника;
А и эта шутка намъ не надобна.

(Древнія Россійскія Стихотворенія)

Освобожденіе Кіева Ильею Муромцемъ.

Да изъ Орды, Золотой земли,
Изъ тоя Могозеи богатыя,
Когда подымался злой Калинъ Царь,
Злой Калинъ, Царь Калиновичь,
Ко стольному городу ко Кіеву,
Со своею силою съ поганою;

---

166. *Накурилъ бѣды* — описательное выраженіе, можетъ быть замѣнено сложнымъ словомъ: набѣдокурить.

167. *Гостинны* т. е. принадлежащіе гостямъ.

169. *Душою*—эпитетъ, выраженный въ формѣ имени существительнаго. (Ср. свѣтъ—обычный эпитетъ при выраженіи привѣта, ласки.) *Апраксѣевною* — жена Владиміра называется и Епраксіею. По однимъ былинамъ она — дочь грознаго царя золотой орды, по другимъ — дочь Ляховинскаго короля.

1. *Да* — союзъ въ началѣ рѣчи безъ опредѣленнаго значенія (Ср. какъ, а и). *Орды золотой земли* — по книжному словосочиненію слѣдовало бы: изъ земли Золотой орды.

2. *Тоя* — стар. форма вм. той. *Богатыя* — старинное окончаніе род. пад. ед. ч. Ср ниже великія (49), стрѣльныя (85).

3. *Калинъ* — имя вымышленное.

4. Народная фигура повторенія.

5. Повтореніе предлога по требованію размѣра стиха.

Не дошедъ онъ до Кіева за семь верстъ,
Становился Калинъ у быстра Днѣпра,
Сбиралося съ нимъ силы на сто верстъ,
Во всѣ тѣ четыре стороны.
За чѣмъ мать сыра земля не погнется?
За чѣмъ не разступится?
А отъ пару было отъ конинаго
А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не видитъ луча свѣта бѣлаго,
А отъ духу Татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть.
Садился Калинъ на ременчатъ стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты
Ко стольному городу ко Кіеву,
Ко ласкову Князю Владиміру,—
Что выбралъ Татарина выше всѣхъ:
А мѣрою тотъ Татаринъ трехъ сажень,
Голова на Татаринѣ съ пивной котелъ,
Которой котелъ сорока ведеръ,
Промежъ плечами косая сажень;
Отъ мудрости слово написано:
Что возметъ Калинъ Царь стольной Кіевъ градъ,

---

7. *Не дошедъ онъ* т. е. не дошедши (Гр. Бусл. 11 § 198).

8. *Быстра* — прилагательное усѣченное въ опредѣленіи (см. 1-ю былину.)

10. *Тѣ* — см. 1-ую былину.

11. Мать сыра — эпитеты земли.

13. — 14. Эллипсисъ т. е. опущеніе внѣшней связи между предложеніями; слѣдовало бы: отъ пару было *такъ что*, или *то что*.

15. *Не видитъ* — слѣдуетъ читать: не видать. *Бѣлый* — обычный эпитетъ свѣта.

19. *Ярлыкъ* — въ старинномъ языкѣ грамота, указъ Монгольскихъ Хановъ; въ современномъ языкѣ ярлыкъ — записочка на склянкѣ, тюкѣ.

25. *Которой котелъ* —повтореніе для опредѣленности при мѣстоименіи названія самого предмета.

26. *Промежъ* (ср. цс. между, древнерус. межу) съ твор. падежемъ. Употребляется и съ род. п.: Промежъ плечей косая сажень, промежу глазъ калена стрѣла.

А Владиміра Князя въ полонъ полонитъ,
Божьи церкви на дымъ пуститъ.
Даетъ тому Татарину ярлыки скорописчаты,
И послалъ его въ Кіевъ наскоро.
Садился Татаринъ на добра коня,
Поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову Князю Владиміру;
А и будетъ онъ Татаринъ въ Кіевѣ.
Середи двора Княженецкаго
Скакалъ Татаринъ съ добра коня,
Не вяжетъ коня, не приказываетъ,
Бѣжитъ онъ во гридню во свѣтлую,
А Спасову образу не молится,
Владиміру Князю не кланяется,
И въ Кіевѣ людей ничѣмъ зоветъ;
Бросалъ ярлыки на круглой столъ
Передъ Великаго Князя Владиміра.
Отшедъ Татаринъ, слово выговорилъ:
«Владиміръ Князь стольной Кіевской!
—А наскорѣ сдай ты намъ Кіевъ градъ,
—Безъ бою, безъ драки великія,
—И безъ того кровопролитія напраснаго.»
Владиміръ Князь запечалился,

---

29. *Въ полонъ полонитъ* — тавтологическое выраженіе, состоящее въ повтореніи одного корня въ глаголѣ и въ имени существительномъ.

30. *На дымъ пуститъ* — описательное выраженіе вм. сожжетъ.

32. *На скоро* т. е. ѣхать весьма спѣшно, торопливо (ср. скоро на скоро)

36. *Будетъ* — будущее вр. вм. прошедшаго (когда былъ). *Онъ Татаринъ* — повтореніе при мѣстоименіи названія лица.

43. *Ничѣмъ зоветъ* — иначе считаетъ за ничто.

45. *Передъ*— съ винит. падежомъ, при глаголѣ означающемъ движеніе.

46. *Отшедъ*—стар. форма усѣченнаго причастія прош. вр.

49. *Безъ бою безъ драки*—тавтологическое выраженіе, состоящее въ соединеніи двухъ синонимовъ (ср. при пути дороженьки; съ кѣмъ побиться подраться, поратиться).

50. *Напрасный* т. е. безполезный, ни къ чему не ведущій.

А наскорѣ ярлыки распечатывалъ и просматривалъ,
Глядючи въ ярлыки—заплакалъ свѣтъ.—
По грѣхамъ надъ Княземъ учинилося,
Богатырей въ Кіевѣ не случилося,
А Калинъ Царь подъ стѣною стоитъ;
А съ Калипомъ силы написано
Ни много, ни мало— на сто верстъ
Во всѣ четыре стороны.
Еще со Калиномъ сорокъ Царей со Царевичемъ,
Сорокъ Королей со Королевичемъ,
Подъ всякимъ Царемъ силы по три тьмы по три тысячи,
По праву руку его зять сидитъ,
А зятя зовутъ у него Сартакомъ;
А по лѣву руку сынъ сидитъ,
Сына зовутъ Лоншекомъ.—
И то у нихъ дѣло неокончано,
Татаринъ изъ Кіева не выѣхалъ.
Втапоры Василій пьяница
Взбѣжалъ на башню на стрѣльную,
Беретъ онъ свой тугой лукъ разрывчатой,
Калену стрѣлу переную,
Наводилъ онъ трубками Нѣмецкими,

---

53. *Глядючи*—народная форма дѣепричастія наст.—*Свѣтъ*—эпитетъ, выражающій ласку, привѣтъ (ср. душа)

54—55. опущена внѣшняя связь между предложеніями.

58. *Ни много ни мало*—неопредѣленно, безъ точнаго обозначенія количества. Въ этомъ выраженіи особый ироническій оттѣнокъ.

60. *Сорокъ царей съ царевичемъ*—любимое народное выраженіе для означенія количества (ср. выбѣгали тридцать кораблей—единъ корабль» т. е. 31., или наоборотъ: собирался, сходился тридцать молодцовъ безъ единаго т. е. 29.)

60. *Василій пьяница*—богатырь Кіевскій, называется Игнатьевичемъ, Казимировичемъ, дьякомъ долгополымъ.

71. *Тугой, разрывчатый*, натяжный—эпитеты лука.

72. *Переная* отъ гл. перить, оперять, снабжать перьями. Ср. пословицу: добрая стрѣла орлинымъ перомъ перена.

73. трубками т. е. подзорными трубками—позднѣйшая вставка.

А гдѣ-то сидитъ злодѣй Калинъ Царь—
И тотъ-то Василій пьяница
Стрѣляетъ онъ тутъ во Калина Царя;
Не попалъ во собаку Калина Царя,
Что попалъ онъ въ зятя его Сартака—
Угодила стрѣла ему въ правой глазъ,
Ушибъ его до смерти.
И тутъ Калину Царю за бѣду стало,
Что перву бѣду не утушили,
А другую бѣду они загрѣзили,
Убили зятя любимаго
Съ тоя башни со стрѣльныя.
Посылалъ другаго Татарина
Ко тому Князю Владиміру,
Чтобы выдалъ того виноватаго.
А мало время замѣшкавши
Съ тоя стороны полуденныя,
Что ясной соколъ въ перелетъ летитъ,
Какъ бѣлой кречетъ перепорхиваетъ,
Бѣжитъ паленица удалая,
Старой козакъ Илья Муромецъ.
Пріѣхалъ онъ во стольной Кіевъ градъ,
Середи двора Княженецкаго
Скочилъ Илья со добра коня,
Не вяжетъ коня, не привязываетъ,
Идетъ во гридню во свѣтлую;

73—74. Эллипсисъ.

78. Что — союзъ, употребленъ въ смыслѣ *а*. Вообще *что* въ народномъ языкѣ можетъ замѣнять собою: какъ, ибо, такъ что, только, а. См. ниже 82 ст.

93. *Загрѣзить*—собственно начать грѣзить, бредить. Здѣсь же въ смыслѣ: безъ толку затѣяли.

91. Что—союзъ вм. какъ.

93. *Паленица*—сущ. жен. р.—отъ поля, означаетъ вообще богатыря и даже богатыршъ. Употребляется и гл. полевать, поляковать—рыскать по полю, отыскивая приключеній.

Онъ молится Спасу со Пречистою,
Бьетъ челомъ Князю со Княгинею,
И на всѣ четыре стороны—
И самъ Илья усмѣхается:
«Гой еси, сударь, Владиміръ Князь!
—Что у тебя за болванъ пришелъ?
—Что за дуракъ неотесаной?
—Владиміръ Князь стольной Кіевской
—Подаетъ ярлыки скорописчаты;
Принялъ Илья, самъ прочитывалъ,—
Говоритъ тутъ ему Владиміръ Князь:
«Гой еси, Илья Муромецъ!
—Пособи мнѣ думушку думати,
Здать ли мнѣ, не здать ли Кіевъ градъ,
—Безъ бою мнѣ, безъ драки великія,
—Безъ того кроволитія напраснаго?»
Говоритъ Илья таково слово:
—«Владиміръ Князь стольной Кіевской!
—Ни о чемъ ты, Осударь, не печалуйся:—
—Боже-Спасъ оборонитъ насъ,
—А не что, Пречистой и всѣхъ сохранитъ:
—Насыпай ты мису чиста серебра,
—Другую красна золота,
—Третью мису скатнаго жемчуга;

---

105. *Что за болванъ*—предлогъ за послѣ вопросительнаго мѣстоименія не управляетъ падежомъ. Ср. что за шумъ? Что за притча? Что за толпа?—

109. *Самъ*—въ народной рѣчи замѣняетъ личное мѣстоименіе, или же различныя связи между предложеніями: и, притомъ, въ то время. (Ср. ниже ст. 135-й).

192. *думушку подумати*—тавтологическое выраженіе, состоящее въ повтореніи одного корня въ двухъ словахъ. Гл. *подумати* стоитъ съ винит. падежемъ, потому что дополняется словомъ того же корня. (Ср. судъ судить, ночь ночевать, работу работать).

118. *Осударь*—изъ Государь безъ придыханія *Г*. Ср. сударь (Гр. Бусл. 1, § 32). *Печалуйся*—несовершенный видъ, отъ печаловаться, рѣдко употребляется въ книжномъ языкѣ.

—Поѣдемъ со мной ко Калину Царю,
—Со своими честными подарками,
—Тотъ Татаринъ дуракъ насъ прямо доведетъ.»
Наряжался Князь тутъ поваромъ,
Замарался сажею котельною;
Поѣхали они ко Калину Царю
А прямо ихъ Татаринъ въ лагери ведетъ.
Пріѣхалъ Илья ко Калину Царю,
Въ его лагери Татарскіе:
Сскочилъ Илья со добра коня,
Калину Царю поклоняется,
Самъ говоритъ таково слово:
—«А и Калинъ Царь, злодѣй Калиновичь!
—Прими наши дороги подарочки
—Отъ Великаго Князя Владиміра:
—Перву мису чиста серебра,
—Другую красна золота,
—Третью мису скатнаго жемчугу;
—А дай ты намъ сроку на три дни,
—Въ Кіевѣ намъ пріуправиться,
—Отслужить обѣдни съ панихидами
—Какъ де служатъ по усопшимъ душамъ,
—Другъ съ дружкой проститися.»
Говоритъ тутъ Калинъ таково слово:
—«Гой еси ты, Илья Муромецъ!
—Выдайте вы намъ виноватаго,
—Которой стрѣлялъ съ башни со стрѣльныя,
—Убилъ моего зятя любимаго.»

---

132. Лагери—позднѣйшая вставка.

133.—134. *Сскочилъ—поклоняется* т. е. сскочивъ поклоняется. Будучи по своему происхожденію причастіемъ прошедшимъ, *прошедшее на-лъ* въ народной рѣчи служитъ замѣною причастія. 146. Дружка—имя сущ., стоитъ вм. формы другъ, усѣченной изъ другой (Гр. Бусл. II § 211) *Проститися*—старинное окончаніе неопредѣленнаго наклоненія, какъ выше *подумати*.

150—151 опущеніе видимой связи между предложеніями.

Говоритъ ему Илья таково слово:
—«А ты слушай Калинъ Царь повѣленное:
—Прими наши дороги подарочки
—Отъ великаго Князя Владиміра;—
—Гдѣ намъ искать такого человѣка и вамъ отдать.»
И тутъ Калинъ принялъ золоту казну
Не честно у него, самъ прибраниваетъ.—
И тутъ Ильѣ за бѣду стало,
Что не далъ сроку на три дня и на три часа,
Говорилъ таково слово:
—«Собака, проклятой ты Калинъ Царь!
—Отойди съ Татарами отъ Кіева;
—Охота ли вамъ, собака, живымъ быть?
И тутъ Калину Царю за бѣду стало,
Велѣлъ Татарамъ сохватать Илью;
Связали ему руки бѣлыя
Во крѣпки чембуры шелковые.
Втапоры Ильѣ за бѣду стало,
Говорилъ таково слово:
—«Собака, проклятый ты Калинъ Царь!
—Отойди прочь съ Татарами отъ Кіева:
—Охота ли вамъ, собака, живымъ быть?»
И тутъ Калину за бѣду стало—
И плюетъ Ильѣ во ясны очи:
«А Руской людъ всегды хвастливъ,

---

143. *Повеленное*—изъ всѣхъ причастныхъ формъ народный языкъ употребляетъ одно причастіе прош. страд. залога. Рѣдко встрѣчающіяся формы на-щій употребляются въ смыслѣ прилагательныхъ, напр. загребущій, завидущій.

158. *Самъ* вм. союза *и*. 159. *За бѣду стало*—т. е. обидно показалось, горько стало.

164. *Охота-ли вамъ*—въ условномъ смыслѣ, *ли* замѣняетъ союзъ если: «если хочется вамъ въ живыхъ остаться.»

168. *Во чембуры*—винительный орудія. Ср. выраженіе: приняли въ рычаги, копья и сабли.» Чембуръ—третій одиночный поводъ узды, за который водятъ и вяжутъ верховаго коня.

175. *Ясный*—обычный эпитетъ очей.

176. *Всегды*—народ. форма вм. всегда, ср. ниже: куды.

Опутанъ весь—будто лысой бѣсъ,
Еще ли стоитъ передо мною, самъ хвастаетъ.»
И тутъ Ильѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалося,
Что плюетъ Калинъ въ ясны очи;
Вскочилъ въ пол-древа стоячаго,
Изорвалъ чембуры на могучихъ плечахъ,—
Не допустятъ Илью до добра коня,
И до его-то до палицы тяжкія,
До мѣдны литы въ три тысячи.
Схватилъ Илья Татарина за ноги,
Которой ѣздилъ во Кіевъ градъ,
И зачалъ Татариномъ помахивати:
Куда ли махнетъ—тутъ и улицы лежатъ,
Куды отвернетъ—съ переулками,
А самъ Татарину приговариваетъ:
—«А и крѣпокъ Татаринъ, не ломится,
—А жиловатъ, собака, не изорвется.»
И только Илья слово выговорилъ,
Оторвется глава его Татарская,
Угодила та глава по силѣ вдоль,
И бьетъ ихъ, ломитъ, въ конецъ губитъ;
Достальные Татара на побѣгъ пошли,
Въ болотахъ, въ рѣкахъ притонули всѣ,
Оставили свои возы и лагери.

---

178. *Еще-ли*—не означаетъ присовокупленія, употреблено безъ опредѣленнаго значенія.

186. *Въ три тысячи*—винительный падежъ цѣны.

190—191 примѣръ народнаго параллелизма: рѣчь раздѣлена на двѣ части, соотвѣтствующія одна другой по формѣ и мысли. Въ словахъ «куда отвернетъ съ переулками»—эллипсисъ, слѣдовало бы: улицы лежатъ съ переулками.

195—198—Примѣръ живаго сочетанія видовъ глагола: выговорилъ—оторвется—угодила—бьетъ—ломитъ—губитъ. –

199. *Достальной*—въ книжномъ языкѣ остальной, остаточный, послѣдній.

200. *Притонули*—въ книжномъ языкѣ перетонули.

Воротился Илья онъ ко Калину Царю,
Схватилъ онъ Калина во бѣлы руки,
Самъ Калину приговариваетъ:
—«Васъ-то..... не бьютъ, не казнятъ,
—Не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ.»
Согнетъ его корчагою,
Воздымалъ выше буйны головы своей,
Ударилъ его о горючь камень
Разшибъ его въ крохи (пирожныя)
Достальные Татара на побѣгъ бѣгутъ,
Сами они заклинаются:
«Не дай Богъ намъ бывать ко Кіеву,
Не дай Богъ намъ видать Рускихъ людей!
Не ужто въ Кіевѣ всѣ таковы,
Одинъ человѣкъ всѣхъ Татаръ прибилъ?»
Пошелъ Илья Муромецъ
Искать своего товарища,
Того ли Василья пьяницу Игнатьева:
И скоро нашелъ его на кружалѣ Петровскіимъ,
Привелъ ко Князю Владиміру—
А пьетъ Илья довольно зелена вина
Съ тѣмъ Васильемъ со пьяницей,
И называетъ Илья того пьяницу
Василья братомъ названыимъ.—
То старина, то и дѣянье.

(Древнія Россійскія Стихотворенія)

---

206. тавтололическое выраженіе изъ трехъ членовъ (см. выше 49.)

207. *Корчага*—большой глиняной горшокъ или чугунъ.

208. *Воздымать, Вздымать*—приподнимать.

209. *Горючь*—объясненіе этого эпитета въ народныхъ заговорахъ, гдѣ упоминается бѣлъ *горючь камень Алатырь* т. е. янтарь, греч. электронъ, дѣйствительно имѣющій свойство горѣнія.

111. *На побыгъ бѣгутъ*—тавтологическое выраженіе.

220. *Кружало*—казенно питейное заведеніе. *Петровскіимъ*. Ср. названыимъ (225)—старинныя формы по требованію стихотворнаго размѣра.

*

Садко купецъ, богатый гость.

Во славноемъ во Новѣ-градѣ
Какъ былъ Садкѣ купецъ, богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гуселки яровчаты;
По пирамъ ходилъ—игралъ Садкѣ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ.
По томъ Садкѣ соскучился:
Какъ пошелъ Садкѣ къ Ильмень озеру,
Садился на бѣлъ-горючь камень
И началъ играть въ гуселки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Тутъ-то Садкѣ перепался,
Пошелъ прочь отъ озера во свой во Новгородъ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ.
По томъ Садкѣ соскучился.
Какъ пошелъ Садке къ Ильмень озеру,

---

1. *Славноемъ*—по требованью размѣра вм. славномъ.

2. Какъ—союзъ безъ опредѣленнаго значенія. *Садке*—болѣе употребительно Садко. Въ древнѣйшей Новгород. лѣтописи о Садкѣ—слѣдующее извѣстіе: «Въ лѣто 6675 (1167) сѣде Мстиславъ Изяславиць Кыевѣ на столѣ. На ту же весну заложи Съдко Сытиниць церковь камяну святую мученику Бориса и Глѣба.» *Богатый*—богатымъ называютъ Садко и Новгородскія лѣтописи. *Гость*—въ старинномъ значеніи слова: иноземный, иногородный купецъ. (Ср. *гостиное*—пошлина съ привозныхъ товаровъ, *гостиный дворъ* и т. п.)

4. Гусли—отъ корня гуд. (Ср. гудьба) *Яровчаты* вм. яворчаты, изъ явора.

5. *Ходилъ—игралъ*—употреблены какъ синонимы.

9. *По томъ* т. е. по пирамъ.

11. *бѣлъ—горючь*—объясненіе этого эпитета см. выше.

14. *Перепасться*—зн. испугаться, переполошиться.

Садился на бѣлъ горючь камень
И началъ играть въ гуселки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Тутъ-то Садке перепался,
Пошелъ прочь отъ озера во свой во Новгородъ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ.
По томъ Садке соскучился.
Какъ пошелъ Садке къ Ильмень озеру,
Садился на бѣлъ горючь камень
И началъ играть въ гуселки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Показался Царь морской,
Вышелъ со Ильменя со озера,
Самъ говорилъ таковы слова:
—Ай же ты, Садке Новгородскиій!
—Не знаю, чѣмъ буде тебя пожаловать
—За твои за утѣхи за великія,
—За твою-то игру нѣжную:
—Аль безсчетной золотой казной?
—А не то ступай во Новгородъ
—И ударь о великъ закладъ,
—Заложи свою буйну голову,
—И выряжай съ прочихъ купцовъ
—Лавки товара краснаго,
—И спорь, что въ Ильмень озерѣ

---

36. *Самъ*—вмѣсто соединительнаго союза.
37. *Новогородскиій*—по требованію размѣра стиха.
38. *буде*—остатокъ формы будущаго времени *будетъ* (Гр. Бусл. 1 § 77).
41. *Аль*, али—вм. или, а при вопросѣ вм. развѣ.—
43. *Закладъ*—1) споръ на выйгрышъ, пари, 2) залогъ, вещественное обезпеченіе въ вѣрности уплаты займа.
45. *Выряжать*—зн. выговаривать что въ рядѣ, включать въ уговоръ.

—Есть рыба—золоты перья.
—Какъ ударишь о великъ закладъ,
—И поди—свяжи шелковой неводъ,
—И пріѣзжай ловить въ Ильмень озеро:
—Дамъ три рыбины—золоты перья.
—Тогда ты, Садке, счастливъ будешь.—
Пошелъ Садке отъ Ильменя отъ озера,
Какъ приходилъ Садке во свой во Новгородъ,
Позвали Садке на почестенъ пиръ.
Какъ тутъ Садке Новгородскій
Сталъ играть въ гуселки яровчаты;
Какъ тутъ стали Садке попаивать,
Стали Садку поднашивать,
Какъ тутъ-то Садке сталъ похвастывать:
«Ай же вы, купцы Новогородскіе!
«Какъ знаю чудо чудное въ Ильмень озерѣ:
«А есть рыба—золоты перья въ Ильмень озерѣ.»
Какъ тутъ-то купцы Новогородскіе
Говорятъ ему таковы слова:
«Не знаешь ты чуда чуднаго,
Не можетъ быть въ Ильмень озерѣ рыба—золоты перья.»
Ай же вы купцы Новогородскіе!
О чемъ же бьете со мнюй о великъ закладъ?
Ударимъ-ка о великъ закладъ:
Я заложу свою буйну голову,
А вы залагайте лавки товара краснаго.»
Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товара краснаго.
Какъ тутъ-то связали неводъ шелковый

---

48. *Золоты перья*—эпитетъ выраженный чрезъ существительное съ прилагательнымъ.
63. *Чудо чудное*—тавтологическое выраженіе.
74. *Повыкинулись* т. е. вызвались.

И поѣхали ловить въ Ильмень озеро,
Закинули тоньку въ Ильмень озеро,
Добыли рыбку—золоты перья;
Закинули другую тоньку въ Ильмень озеро,
Добыли другую рыбку—золоты перья;
Третью закинули тоньку въ Ильмень озеро,
Добыли третью рыбку—золоты перья.
Тутъ купцы Новогородскіе
Отдали по три лавки товара краснаго.
Сталъ Садке поторговывать,
Сталъ получать барыши великіе.
Во своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ
Устроилъ Садке все по небесному:
На небѣ солнце, и въ палатахъ солнце:
На небѣ мѣсяцъ, и въ палатахъ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды, и въ палатахъ звѣзды.

—

Потомъ Садке купецъ, богатый гость
Зазвалъ къ себѣ на почестенъ пиръ
Тыихъ мужиковъ Новогородскіихъ
И тыихъ настоятелей Новогородскіихъ:
Ѳому Назарьева и Луку Зиновьева.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Похвальбамы всѣ похвалялися.
Иный хвастаетъ безсчетной золотой казной,
Другой хвастаетъ силой—удачей молодецкою,

90—93.—параллелизмъ, сопоставленіе предложеній одинаковыхъ по формѣ и мысли.

96. *Настоятели*—начальные люди, вѣроятно: посадники и тысяцкій.—

101. *Иный* вм. единый, одинъ.

103. *Который*—употреблено въ первоначальномъ своемъ значеніи—кто, или какой изъ двухъ или многихъ.—Какъ повторительное *кто—кто*, такъ и *который—который* употребляется въ смыслѣ: *одинъ—другой*. (Гр. Бусл. II § 269.).

Который хвастаетъ добрымъ конемъ,
Который хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
Славнымъ отечествомъ, молодымъ молодечествомъ,
Умный хвастаетъ старымъ батюшкомъ,
Безумный хвастаетъ молодой женой.
Говорятъ настоятели Новогородскіе:
«Всѣ мы на пиру наѣдалися,
Всѣ на почестномъ напивалися,
Похвальбамы всѣ похвалялися.
Что же у насъ Садке ничѣмъ не похвастаетъ,
Что у насъ Садке ничѣмъ не похваляется?»
Говоритъ Садке купецъ, богатый гость:
«А чѣмъ мнѣ, Садку, хвастаться,
Чѣмъ мнѣ, Садку, похвалятися?
У меня ль золота казна не тощится,
Цвѣтно платьице не носится,
Дружина хоробра не измѣняется.
А похвастать не похвастать безсчетной золотой казной:
На свою безсчетну золоту казну
Повыкуплю товары Новогородскіе,
Худые товары и добрые!»
Не успѣлъ онъ слова вымолвить,
Какъ настоятели Новогородскіе
Ударили о великъ закладъ,
О безсчетной золотой казны.
О денежкахъ тридцати тысячахъ:
Какъ повыкупить Садку товары Новогородскіе,
Худые товары и добрые,

109—110—по книжному словосочиненію слѣдовало бы: всѣ мы на почестномъ пиру наѣдалися и напивалися. Народная рѣчь, отдѣливши опредѣлительное слово *почестный*, образовала два самостоятельныя предложенія.

119. *Хоробра*—русская форма вм. книжной *храбра*.

Чтобъ въ Новѣградѣ товаровъ въ продажѣ болѣ не было.
Ставалъ Садке на другой день ранымъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
И распущалъ дружину по улицамъ торговыимъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ,
Какъ выкупилъ товары Новогородскіе,
Худые товары и добрые
На свою безсчетну золоту казну.
На другой день ставалъ Садке ранымъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
И распущалъ дружину по улицамъ торговыимъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостинный рядъ:
Вдвойнѣ товаровъ принавезено,
Вдвойнѣ товаровъ принаполнено
На тую на славу на великую Новогородскую.
Опять выкупалъ товары Новогородскіе,
Худые товары и добрые
На свою безсчетну золоту казну.
На третій день ставалъ Садке ранымъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,

---

132. *Ранымъ рано*—народный оборотъ для выраженія превосходной степени отъ нарѣчія.—Вообще превосходная степень нарѣчій въ нар. языкѣ выражается описательными оборотами: 1) повтореніемъ слова въ твор. падежѣ: ранымъ рано, давнымъ давно. 2) повтореніемъ слова со вставкою на: крѣпко—на-крѣпко, туго—на-туго. 3) простымъ повтореніемъ слова: много много. 4) Съ помощью словъ: ужасъ, страхъ, смерть.

143. *распущалъ*—въ книжномъ языкѣ распускалъ. *Торговыимъ*—старинная форма по требованію размѣра.

145—146 *принавезено— принаполнено*— причастія прошед.вр.стр. зал. въ среднемъ родѣ особенно употребительны въ народномъ языкѣ. Ср. съ молоду бито много и граблено; много было на службѣ послужено, на печи было въ волю полежано.

И распущалъ дружину по улицамъ торговыимъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ:
Втройнѣ товаровъ принавезено
Втройнѣ товаровъ принаполнено,
Подоспѣли товары Московскіе
На ту на великую на славу Новогородскую.
Какъ тутъ Садке пораздумался:
«Не выкупить товара со всего бѣла свѣта:
Още повыкуплю товары Московскіе,
Подоспѣютъ товары заморскіе.
Не я, видно, купецъ богатъ Новогородскиій,—
Побогаче меня славный Новгородъ.»
Отдавалъ онъ настоятелямъ Новогородскіимъ
Денежекъ онъ тридцать тысячей.

—

На свою безсчетну золоту казну
Построилъ Садке тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, тридцать черленыихъ;
На ты- на корабли на черленые
Свалилъ товары Новогородскіе,
Поѣхалъ Садке по Волхову,
Со Волхово на Ладожско,
А со Ладожска во Неву рѣку,
А со Невы рѣки во Сине море.
Какъ поѣхалъ онъ по синю морю,
Воротилъ онъ въ Золоту орду,
Продавалъ товары Новогородскіе,
Получалъ барыши великіе,

---

162. *Още* вм. аще, если.
170. *Черленыихъ* вм. червленыхъ (см. Слово о Полку Игоря.)
173—176. Путь изъ Новгорода въ море обозначенъ вѣрно.

Насыпалъ бочки сороковки красна золота, чиста серебра,
Поѣзжалъ назадъ во Новгородъ,
Поѣзжалъ онъ по синю морю.
На синемъ морѣ сходилась погода сильная,
Застоялись черлены корабли на синемъ морѣ:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые;
А кораблики нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Говоритъ Садке купецъ, богатый гость
Ко своей дружины ко хоробрыя:
«Ай же ты, дружинушка хоробрая!
Какъ мы вѣкъ по морю ѣздили,
А морскому царю дани не плачивали:
Видно, царь морской отъ насъ дани требуетъ,
Требуетъ дани во сине море
А и же, братцы, дружина хоробрая!
Взимайте бочку сороковку чиста серебра,
Спущайте бочку во сине море.»
Дружина его хоробрая
Взимала бочку чиста серебра,
Спускали бочку во сине море:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые;
А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Тутъ его дружина хоробрая
Брали бочку сороковку красна золота,
Спускали бочку во сине море:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые;
А корабли все нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Говоритъ Садке купецъ, богатый гость:

205—206. Дружина брали (ср. Лѣтопись Нестора и Слово о Полку Игоря.)

«Видно, царь морскій требуетъ
Живой головы во сине море.
Дѣлайте, братцы, жеребья вольжаны,
Я самъ сдѣлаю на красноемъ на золотѣ,
Всякъ свои имена подписывайте,
Спущайте жеребья на сине море:
Чей жеребей ко дну пойдетъ,
Таковому итти въ сине море.»
Дѣлали жеребья вольжаны,
А самъ Садке дѣлалъ на красноемъ на золотѣ,
Всякъ свое имя подписывалъ,
Спущали жеребья на сине море:
Какъ у всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголемъ по воды пловутъ,
А у Садка купца ключемъ на дно.
Говоритъ Садке купецъ, богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Этыя жеребья не правильны:
Дѣлайте жеребья на красноемъ золотѣ,
А я сдѣлаю жеребей вольжаный.»
Дѣлали жеребья на красноемъ на золотѣ,
А самъ Садке дѣлалъ жеребей вольжаный,
Всякъ свое имя подписывалъ,
Спущали жеребья на сине море:
Какъ у всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголемъ по воды пловутъ,
А у Садка купца ключемъ на дно. *)

. . . . . .

---

214. *Вольжаный*, таволжаный, сдѣланный изъ прута таволги.

225. *Гоголь*—изъ породы утокъ. Въ переносномъ смыслѣ щеголь, хватъ.

226. *Ключемъ*—народный способъ сравненія, вм. какъ ключь.

*) Этимъ не оканчивается испытаніе: Садко предлагаетъ дружинѣ сдѣлать жеребья дубовыя, а самъ дѣлаетъ липовый, потомъ дружина дѣлаетъ жеребья липовые, а онъ дубовый.—

Говоритъ Садке купецъ, богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Видно, царь морской требуетъ
Самого Садка богатаго въ сине море.
Несите мою чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, листъ бумаги (гербовый).»
Несли ему чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, листъ бумаги (гербовый).
Онъ сталъ имѣньице отписывать:
Кое имѣнье отписывалъ Божьимъ церквамъ,
Иное имѣнье нищей братіи,
Иное имѣнье молодой жены,
Остатнее имѣнье дружины хоробрыя.
Говоритъ Садке купецъ, богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Давайте мнѣ гуселки яровчаты,
Поиграть-то мнѣ въ остатнее:
Больше мнѣ въ гуселки не игрывати.
Али взять мнѣ гусли съ собой во сине море?»
Взимаетъ онъ гуселки яровчаты,
Самъ говоритъ таковы слова:
«Свалите дощечку дубовую на воду:
Хоть я свалюсь на доску дубовую,
Не толь мнѣ страшно принять смерть на синемъ морѣ.»
Свалили дощечку дубовую на воду,
Потомъ поѣзжали корабли по синю морю,
Полетѣли какъ черные вороны.
Остался Садке на синемъ морѣ.
Со тоя со страсти со великія
Заснулъ на дощечкѣ на дубовой.

---

213. *Вальяжный*, вальящетый — имѣетъ два значенія: 1) массивный, прочный, полновѣсный (болѣе о вещахъ металлическихъ) 2) рѣзной, точеный, красиво и прочно отдѣланный.

Проснулся Садке во синемъ морѣ,
Во синемъ морѣ на самомъ днѣ.
Сквозь воду увидѣлъ пекучись красное солнышко,
Вечернюю зорю, зорю утреннюю.
Увидѣлъ Садке—во синемъ морѣ
Стоитъ палата бѣлокаменная,
Заходилъ Садке въ палату бѣлокаменну:
Сидитъ въ палатѣ Царь Морской,
Голова у царя какъ куча сѣнная.
Говоритъ царь таковы слова:
«Ай же ты, Садке купецъ, богатый гость!
Вѣкъ ты, Садке, по морю ѣзживалъ,
Мнѣ Царю дани не плачивалъ,
А нонь весь пришелъ ко мнѣ во подарочкахъ.
Скажутъ, мастеръ играть въ гуселки яровчаты:
Поиграй же мнѣ въ гуселки яровчаты.»—
Какъ началъ играть Садке въ гуселки яровчаты,
Какъ началъ плясать Царь Морской во синемъ морѣ,
Какъ расплясался Царь Морской.
Игралъ Садке сутки, игралъ и другіе,
Да игралъ еще Садке и третьіи,
А все пляшетъ Царь Морской во синемъ морѣ.
Во синемъ морѣ вода всколыбалася,
Со желтымъ пескомъ вода смутилася,
Стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ,
Стало много гинуть имѣньицевъ,
Стало много тонуть людей праведныихъ:
Какъ сталъ народъ молиться Миколы Можайскому,
Какъ тронуло Садко въ плечо во правое:
«Ай же ты, Садко Новогородскиій!

---

282. *Нонь* т. е. нынѣ.
283. *Скажутъ* вм. говорятъ ты.

Полно играть въ гуселышки яровчаты!»—
Обернулся—глядитъ Садко Новгородскій:
Ажно стоитъ старикъ сѣдатыій.
Говорилъ Садко Новогородскій:
«У меня воля не своя во синемъ морѣ,
Приказано играть въ гуселки яровчаты.»
Говорилъ старикъ таковы слова:
«А ты струночки повырывай,
А ты шпенечки повыломай.
Скажи: у меня струночекъ не случилося,
А шпенечковъ не пригодилося,
Не во что больше играть:
Приломилися гуселки яровчаты.»
Скажетъ тебѣ царь морской:
Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ
На душечкѣ на красныя дѣвушкѣ?»
Говори ему таковы слова:
У меня воля не своя во синемъ морѣ.
Опять скажетъ царь морской:
«Ну, Садке, вставай поутру ранешенько,
Выбирай себѣ дѣвицу красавицу.»
Какъ станешь выбирать дѣвицу красавицу,
Такъ перво триста дѣвицъ пропусти,
И друго триста дѣвицъ пропусти,
И третье триста дѣвицъ пропусти:
Позади идетъ дѣвица красавица,
Красавица дѣвица Чернавушка,—
Бери тую чернаву за себя за мужъ.—
Какъ ляжешь спать во перву ночь,
Не твори съ женой блуда во синемъ морѣ:

---

309. *Пригодиться*—въ двухъ значеніяхъ: 1) быть къ чему годнымъ 2) случаться, встрѣчаться.

321. *Перво*—нарѣчіе зн. сперва, прежде (ср. перво-на-перво)

Останешься во вѣки во синемъ морѣ;
А ежели не сотворишь блуда во синемъ морѣ,
Ляжешь спать о дѣвицу красавицу,
Будешь, Садке, во Новѣ-градѣ.
А на свою безсчетну золоту казну
Построй церковь соборную Миколы Можайскому.
Садке струночки въ гуселкахъ повыдернулъ,
Шпенечки во яровчатыхъ повыломалъ.
Говоритъ ему царь морской:
Ай же ты Садке Новогородскій!
Что же не играешь въ гуселки яровчаты?—
«У меня струночки во гуселкахъ выдернулись,
А шпенечки во яровчатыхъ повыломались:
А струночекъ запасныхъ не случилося,
А шпенечковъ не пригодилося.»
Говоритъ царь таковы слова:
Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ
На душечкѣ на красныя дѣвушкѣ?—
Говоритъ ему Садке Новогородскій:
У меня воля не своя во синемъ морѣ.»
Опять говоритъ царь морской:
Ну, Садке, вставай по утру ранешенько,
Выбирай себѣ дѣвицу красавицу.—
Вставалъ Садке по утру ранешенько,
Поглядитъ, идетъ триста дѣвушекъ красныихъ:
Онъ перво триста дѣвицъ пропустилъ,
И друго триста дѣвицъ пропустилъ,
И третье триста дѣвицъ пропустилъ;
Позади шла дѣвица красавица,
Красавица дѣвица Чернавушка:
Бралъ тую Чернаву за себя замужъ.
Какъ прошелъ у нихъ столованье почестенъ пиръ,
Какъ ложится спать Садке во перву ночь,

Не творилъ съ женой блуда во синемъ морѣ.
Какъ проснулся Садке во Новѣ-градѣ,
О рѣку Чернаву на крутомъ кряжу;
Какъ поглядитъ, ажно бѣжатъ
Свои черленые корабли по Волхову.
Поминаетъ жена Садка со дружиной во синемъ морѣ:
Не бывать Садку со синя моря!—
А дружина поминаетъ одного Садка:
«Остался Садке во синемъ морѣ.»
А Садке стоитъ на крутомъ кряжу,
Встрѣчаетъ свою дружинушку со Волхова,
Тутъ его ли дружина сдивовалася:
«Остался Садке во синемъ морѣ,
Очутился впереди насъ во Новѣ-градѣ,
Встрѣчаетъ дружину со Волхова!»
Встрѣтилъ Садке дружину храбрую
И повелъ въ палаты бѣлокаменны.
Тутъ его жена зрадовалася,
Брала Садка за бѣлы руки,
Цѣловала во уста во сахарнія.
Началъ Садке выгружать со черленыхъ со кораблей
Имѣньице—безсчетну золоту казну.
Какъ повыгрузилъ со черленыихъ кораблей,
Состроилъ церкву соборнюю Миколы Можайскому.
Не сталъ больше ѣздить Садке на сине море,
Сталъ поживать Садке во Новѣ-градѣ.

(Пѣсни собранныя П. Н. Рыбниковымъ).

Былина есть поэтическая форма народнаго творчества. Предметъ ея: народныя событія, историческая и бытовая жизнь.

Кромѣ своего содержанія, былины важны, какъ образецъ безъискуственнаго народнаго языка. Сравнительно съ письменною, литературною рѣчью, въ языкѣ былинъ замѣчаемъ особенности:

1) Употребленіе старинныхъ окончаній въ падежахъ винительномъ и творительномъ мн. ч. именъ существительныхъ (см. стр. 6).

2) Употребленіе стариннаго окончанія въ род. над. прилагательныхъ ж. р. ед. ч. (см. стр. 3, 10).

3) Употребленіе полныхъ старинныхъ прилагательныхъ, по требованію стихотворнаго размѣра, для протяженія голоса.

4) Усѣченныя прилагательныя имена употребляются согласно съ церковно-словянскимъ и древнерусскимъ на мѣстѣ опредѣлительнаго слова (см. стр. 2).

5) Употребленіе причастій прошед. вр. страд. залога (см. стр. 17 и 25).

6) Употребленіе дѣепричастій на—чи. Окончаніе это въ народномъ языкѣ употребительнѣе, чѣмъ на—я; въ книжномъ языкѣ-наоборотъ.

7) Образованіе превосходной степени нарѣчій съ помощію описательныхъ выраженій (см. стр. 25).

8) Употребленіе *что* вм. *какъ*; *самъ* вм. *и* (см. стр. 15, 17, 21).

9) Повтореніе предлоговъ (см. стр. 1)

10) Сказуемое при собирательномъ имени существительномъ ставится во мн. ч. (стр. 27).

11) Употребленіе постоянныхъ эпитетовъ: а) въ формѣ *прилагательныхъ* (см. стр. 3, 13, 17); б) въ формѣ *существительныхъ* (см. стр. 10); с) въ формѣ *существительнаго съ прилагательнымъ* (см. стр. 22).

12) Употребленіе *описательныхъ выраженій*, напр. *кла-*

детъ заповѣдь, скокъ ступилъ, на дымъ пустить. Здѣсь понятіе выражается не однимъ словомъ, *обѣщается, скакнулъ, сжечь*, а двумя словами.

13) Употребленіе *тавтологическихъ выраженій*, состоящихъ: а) въ повтореніи одного и того корня въ глаголѣ и въ имени существительномъ (см. стр. 12, 15, 22); б) въ соединеніи нѣсколькихъ синонимовъ (см. стр. 12).

14) Параллелизмъ (см. стр. 18 и 23).

15) Своеобразныя выраженія для обозначенія количества (см. стр. 13).

16) Фигуры повторенія (см. стр. 3).

17) Элипсисъ и опущеніе связи между предложеніями (см. стр. 14 и 16).

18) Повтореніе при мѣстоименіи личномъ имени существительнаго (см. стр. 2).

19) Многосоюзіе (см. стр. 2)

20) Употребленіе въ началѣ безъ особаго значенія союзовъ: *какъ, а, а и, да* (см. стр. 1, 2, 10, 20).

Приведенныя выше былины относятся къ двумъ разнымъ цикламъ: первыя двѣ объ Ильѣ Муромцѣ къ циклу Кіевскому, а послѣдняя о Садкѣ — къ Новгородскому циклу. При разборѣ этихъ памятниковъ народнаго творчества нужно знать, что онѣ записаны изъ устъ народа, первыя двѣ въ 18 вѣкѣ, а послѣдняя появилась въ сборникѣ пѣсенъ, изданномъ въ 1861 г. Слѣдовательно много столѣтій просуществовали эти пѣсни въ народной памяти прежде чѣмъ были собраны и изданы. Опредѣлить точно время перваго возникновенія былинъ нельзя. По всему вѣроятію, если бы онѣ были записаны въ древнѣйшее время, мы имѣли бы въ нихъ богатый источникъ для знакомства съ народною миѳологіею. Но въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ, онѣ относятся по своему содержанію къ опредѣленнымъ историческимъ эпохамъ. Былины объ Ильѣ Муромцѣ пріурочиваются къ X вѣку, ко

временамъ Владиміра стольнаго князя Кіевскаго, былина о Садкѣ — воспѣваетъ историческую личность богатаго гостя Сотки, упоминаемаго въ лѣтописи подъ 1167 г.

Поѣздка Ильи Муромца. Былина начинается сборами Ильи Муромца изъ роднаго села Корочарова въ Кіевъ къ стольному князю Владиміру.—Здѣсь опущены многія подробности, дополняемыя другими пересказами. «Илья съ малыхъ лѣтъ не владѣлъ ногами и сидѣлъ сиднемъ тридцать лѣтъ. Однажды государь его батюшка и государыня матушка были на работушкѣ крестьянской. Илья оставался одинъ дома. Приходятъ въ домъ два старца (калѣки перехожія), подходятъ къ нему и говорятъ, чтобъ онъ принесъ имъ напиться. Я безъ ногъ отвѣчаетъ Илья, и сижу сиднемъ тридцать лѣтъ. Поди и принеси намъ напиться, говорятъ ему старцы. Желая исполнить требованіе и напоить прохожихъ старцевъ, Илья Муромецъ подымается на ноги и встаетъ; онъ идетъ и приноситъ старцамъ цѣлое ведро. Выпей самъ, говорятъ ему они.—Илья выпиваетъ. Что ты въ себѣ слышишь? спрашиваютъ старцы. — Слышу въ себѣ силу, говоритъ Илья, дерево съ корнемъ вырву изъ земли. — Принеси еще ведро. — Илья идетъ за другимъ ведромъ и приноситъ. Выпей и это ведро, говорятъ ему старцы. Илья выпиваетъ —Что ты въ себѣ слышишь теперь? Если бы кольце ввернуть въ землю отвѣчаетъ Илья, я бы повернулъ землю.—Это много, говорятъ ему старцы: принеси третье ведро.—Илья приноситъ третье ведро и выпиваетъ. Силы въ немъ поубавилось. Будетъ съ тебя и этого, а то мать сыра земля не будетъ носить, говорятъ старцы и уходятъ». — Первый подвигъ Ильи на пути въ Кіевъ состоялъ въ томъ, чтобы очистить дорогу прямоѣзжую, которую залегъ Соловей разбойникъ. Соловей разбойникъ — чудовище. Онъ живетъ на семи дубахъ, отъ его свиста, рева и шипа падаетъ на четвереньки конь Ильи.— При всемъ этомъ — онъ женатъ, имѣетъ сыновей, у него

своя усадьба. Изъ этого смѣшенія различныхъ чертъ видно, что народная память смѣшала древнѣйшій образъ сверхъестественнаго чудовища, представителя злаго начала въ природѣ, съ простымъ разбойникомъ, залегшимъ въ лѣсу дорогу прямоѣзжую. Лѣтопись Нестора сохранила извѣстіе о разбойникахъ временъ Владиміра. Разбои такъ увеличились, что духовенство стало уговаривать Владиміра отмѣнить виры за убійство и установить смертную казнь (см. ниже лѣтопись Нестора). По пріѣздѣ Ильи Муромца въ Кіевъ народная былина съ замѣчательною историческою точностью изображаетъ Владиміра стольнаго князя Кіевскаго, пирующаго въ гридницѣ съ своими богатырями, дружинниками. Вообще въ изображеніи дружиннаго быта въ былинѣ нѣтъ ни одной черты, которую нужно было бы счесть за анахронизмъ, всѣ подробности могутъ быть оправданы историческимъ свидѣтельствомъ лѣтописи. Дружина княжеская съ перваго ея появленія на Руси постоянно пополнялась новыми членами, доступъ въ нее былъ открытъ каждому какого бы онъ роду и званія ни былъ. Народный эпосъ вѣрно передаетъ эту черту. Изъ разныхъ краевъ прибываютъ на службу княжескую богатыри: Добрыня Никитичъ изъ Рязани, Алеша Поповичъ и Екимъ Ивановичъ изъ Ростова, Суровецъ—изъ Суздаля, Дюкъ Степановичъ и Михайла Казариновичъ изъ Галича, и наконецъ Илья Муромецъ—изъ села Корочарова.

По лѣтописи дружина находилась въ свободныхъ отношеніяхъ къ князю, смѣло заявляла свои нужды и требованія и князья всѣмъ жертвовали для дружины. Члены дружины были главными думцами князя, съ нимъ онъ совѣтовался о строѣ земскомъ, о ратяхъ, объ уставѣ земскомъ. Точно также и въ былинѣ—ни однимъ намекомъ не выражается униженное отношеніе богатырей къ князю.

Входитъ Илья въ гридницу «*у великаго князя Владиміра былъ въ то время пиръ, за столомъ сидятъ князья*, бо-

яре, и сильные могучіе богатыри.» Пиры Владиміра и его любовь къ дружинѣ засвидѣтельствованы лѣтописью. Каждую недѣлю, говоритъ Несторъ, Владиміръ уставилъ творить пиръ въ гридницѣ, и приходили въ гридницу пировать бояре и гриди, сотскіе и десятскіе и нарочитые люди. Много подробностей передаетъ лѣтописецъ объ этихъ пирахъ, слѣдовательно, они обращали на себя большое вниманіе и могли сохраниться въ народной памяти.

Владиміръ князь въ былинѣ не отличается личною храбростью: засвисталъ Соловей и «Владиміръ князь едва живъ стоитъ со душею княгинею Апраксѣевною». И по лѣтописи Владиміръ не былъ воинственнымъ княземъ: онъ совершалъ многіе походы, но нигдѣ не проявилась его личная воинская доблесть. Былина вѣрно изображаетъ преобладающую черту характера Владиміра: его доброту, привѣтъ, ласку. Постоянный эпитетъ его: солнышко, ласковый Владиміръ князь.

Освобожденіе Кіева Ильею Муромцемъ. Былина эта очень важна для уясненія судьбы русскаго эпоса. Сложенныя въ глубокой древности народныя былины обречены были жить въ продолженіи длиннаго ряда вѣковъ въ одной народной памяти. Много древнихъ чертъ исчезло благодаря тому, что былины не были записаны въ свое время, но съ другой стороны былины пріобрѣли новый характеръ, важный въ историческомъ отношеніи. Создавши разъ образъ своего богатыря крестьянскаго сына Ильи Муромца, народъ не пріурочилъ его къ одному времени, но переноситъ, вмѣстѣ съ ходомъ исторіи, отъ одной эпохи къ другой. Въ первой былинѣ Илья-членъ княжеской дружины, во второй изъ X вѣка онъ перенесенъ въ XII и дѣлается оберегателемъ земли Русской, въ самую трудную минуту. Народный эпосъ заставляетъ Илью вмѣсто Печенѣговъ и Хозаровъ биться съ Татарами. Не смотря на этотъ видимый анахронизмъ, смыслъ его важенъ для

исторіи народныхъ воззрѣній. Начало разсматриваемой былины по своему одушевленному тону свидѣтельствуетъ несомнѣнно, что былина сложена была подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ татарскаго погрома. «За чѣмъ мать-сыра земля не погнется? За чѣмъ не разступится?... Отъ духа татарскаго не можно намъ живымъ быть!» Такія слова могли вырваться только у современника, живо чувствовавшаго всю тягость обрушившейся бѣды. Не смотря на успѣхъ одержанный Татарами, Русскій народъ не переставалъ сознавать въ себѣ мощную силу, которая можетъ на время притихнуть, но рано или поздно возстанетъ въ полномъ своемъ величіи. Подъ вліяніемъ сознанія своей силы народъ выставляетъ противъ Татаръ любимый образъ своей творческой фантазіи—Илью Муромца. Калинъ царь осадилъ Кіевъ съ страшною силою. Въ Кіевѣ не случилось богатырей. Владиміръ князь, вѣрный своему мирному характеру, опечалился и не знаетъ, на что ему рѣшиться. Какъ вдругъ съ полуденной стороны, какъ ясный соколъ, мчится на конѣ старый богатырь, Илья Муромецъ. Онъ успокоиваетъ Владиміра, самъ идетъ посломъ къ Калину царю, пытается сначала уговорить его, проситъ срока на три дня, и только выведенный изъ терпѣнія схватываетъ Татарина за ноги и начинаетъ побивать имъ Татарскую силу, приговаривая: «а и крѣпокъ Татаринъ не ломится, а и жиловатъ, собака, не изорвется.» «Не тому дивится Илья, что вокругъ него валятся Татары, а тому, что Татаринъ, который ему служитъ вмѣсто палицы, не ломается и не рвется; это шутка силы, все вокругъ себя превосходящей. Какое нужно спокойствіе силы, чтобы замѣтить крѣпость Татарина въ такую минуту и чтобы поступить такъ... Какъ спокоенъ Илья, какъ медлитъ онъ идти на бой, какъ онъ долготерпѣливъ, и только въ крайнемъ случаѣ, когда лопнуло его терпѣніе и вооружается онъ всею грозною своею силою,—какъ онъ не-

1) Слова К. С. Аксакова.

обозримо могучъ и великъ.—Въ этомъ образѣ любимаго Русскаго богатыря какъ не узнать образа самого Русскаго народа»[1]).

Дружинникъ изъ среды крестьянства, оберегатель Русской земли — на этихъ двухъ чертахъ не остановилося народное творчество. Когда возникли сословія и обособились между собою, народъ дѣлаетъ Илью представителемъ крестьянства, простонародья. Съ особенною ясностью это высказалось въ слѣдующей былинѣ: «Подъ Кіевомъ стоитъ богатырская застава, на заставѣ атаманъ—Илья Муромецъ; податаманье—Добрыня Никитичъ, есаулъ — Алеша Поповичъ. Кромѣ того, были у нихъ Гришка боярскій сынъ и Васька долгополый. Всѣ богатыри были въ разъѣздѣ: Гришка жилъ кравчимъ, Алеша Поповичь ѣздилъ въ Кіевъ, Илья Муромецъ былъ въ въ чистомъ полѣ, — Добрыня ѣздилъ за охотою къ синему морю. Возвращаясь съ охоты, увидалъ Добрыня ископыть великую (т. е. комъ земли изъ-подъ копытъ коня). Увидавъ эту ископыть, а ископыть была величиною съ пол-печи, догадался Добрыня, что тутъ проѣхалъ сильный богатырь.

Пріѣхавъ на богатырскую заставу, онъ собралъ братію *приборную* и говоритъ: что устояли мы на заставѣ, братцы, что углядѣли? Мимо заставы нашей проѣхалъ богатырь.—Стали думать, кого послать за дерзкимъ богатыремъ. Хотѣли послать Ваську долгополаго (т. е. дьяка). Это не ладно, говоритъ Илья Муромецъ, запутается Васька въ длинныхъ полахъ и пропадетъ по напрасну. Рѣшили послать Гришку, боярскаго сына. Не ладно, говоритъ опять Илья Муромецъ: «Гришка рода боярскаго, боярскіе роды хвастливые, на бою, на дракѣ призахвастается, погибнетъ Гришка по напрасному». Рѣшились послать Алешу Поповича. Не ладно, говоритъ опять Илья: «Алешинька рода поповскаго: поповскіе глаза завидущіе, поповскія руки загребущія; увидитъ Алеша на нахвальщикѣ много злата-серебра: злату Алеша позавидуетъ—погиб-

нетъ Алеша по напрасному.» Рѣшили послать Добрыню, и Добрыня поѣхалъ и нагналъ богатыря; но когда помчался на него огромный богатырь, когда задрожала земля и вода въ озерахъ изъ береговъ выступила,—Добрыня радъ былъ только, что могъ ускакать отъ страшнаго противника. Пріѣхалъ Добрыня на заставу и разсказалъ все, какъ было. Больше замѣниться не кѣмъ, говоритъ Илья, видно ѣхать самому атаману.—Поѣхалъ Илья и нагналъ богатыря. Онъ также помчался на Илью, также задрожала земля и выступила вода изъ озера, но не испугался Илья и начался страшный бой. Палицы, сабли, копья изломались и были брошены; идетъ рукопашный бой; они бьются до вечера, до полуночи, до бѣла свѣта. Поскользнулась нога у Ильи и упалъ онъ на землю. Заѣзжій богатырь сѣлъ ему на грудь, вынулъ чингалище и смѣется надъ Ильею. Лежитъ Илья подъ богатыремъ и думаетъ: «написано было у святыхъ отцовъ, удумано было у Апостоловъ, не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ побитому». На землѣ, втрое силы прибыло у Ильи, онъ ударилъ въ грудь богатыря и вскинулъ его на воздухъ. Вскочилъ Илья отрубилъ ему голову и ѣдетъ на богатырскую заставу. Встрѣчаютъ его товарищи-богатыри. Илья сбрасываетъ голову съ копья и говоритъ только:

Ѣздилъ во полѣ тридцать лѣтъ,
Экова чуда не наѣзживалъ.—

Былина о Садкѣ богатомъ гостѣ принадлежитъ къ Новгородскому циклу, не имѣющему никакого отношенія къ Кіеву и князю Владиміру. Въ этой былинѣ различаются двѣ стороны: миѳическая и историческая, бытовая. Бѣдныя гусляръ Садко разбогатѣлъ потому, что его игра понравилася морскому царю. Въ живомъ образѣ представленъ богъ моря. Въ морской глубинѣ у него палаты бѣлокаменныя, онъ требуетъ жертвы отъ корабельщиковъ, отъ его пляски подымается морская буря, у него дѣвицы дочери—рѣки. Только

въ Новгородѣ, ведшемъ обширную морскую торговлю, могло въ такой свѣжести сохраниться представленіе о морскомъ царѣ, съ помощью котораго и богатѣютъ торговцы и разоряются. Въ областяхъ, удаленныхъ отъ моря, изгладилось воспоминаніе о богѣ моря, но олицетвореніе рѣкъ сохранилось въ народномъ эпосѣ. Всѣ значительныя рѣки: Дунай, Донъ, Днѣпръ— по народнымъ былина потекли отъ крови богатырей Дуная, Дона, Днѣпра.

Мѣстные Новгородскіе интересы, преобладающій торговый характеръ этого города, нашли свое вѣрное изображеніе въ билинѣ о Садкѣ. Садко, разбогатѣвши при помощи бога моря, вздумалъ тягаться своимъ богатствомъ съ цѣлымъ Новгородомъ. На свою безсчетную золотую казну Садко скупилъ весь товаръ въ Новгородѣ, но на другой день — «*вдвойнѣ товаровъ принавезено, вдвойнѣ товаровъ принаполнено на тую на славу Новгородскую*». Садко опять скупилъ весь товаръ, но на слѣдующій день — «втройнѣ товаровъ принавезено». Тутъ садко раздумался и рѣшилъ: «не я видно богатъ, побогаче меня славный Новгородъ». «Народный эпосъ восходитъ здѣсь до торжественной пѣсни во славу великаго и богатаго Новагорода. Непомѣрный богачъ вздумалъ было тягаться со всѣмъ Новгородомъ, но тотчасъ же изнемогъ въ своей борьбѣ, и смирилъ личную гордость предъ колосальнымъ величіемъ своей славной родины, но въ своемъ пораженіи утѣшалъ себя патріотическою гордостью: всѣ они, гости богатые новгородскіе, только малыя частицы того великаго цѣлаго, которое всѣхъ ихъ объемлетъ и сообщаетъ имъ значеніе и силу. Такова глубокая мысль объ искренней, чистой любви къ своей родинѣ въ этомъ простомъ, сказочномъ разсказѣ о любви, которая уравниваетъ всѣ личные интересы предъ священной идеей объ общемъ благѣ и славѣ цѣлой родины» [1]). О морской торговлѣ, о водномъ пути въ

1) Слова Ѳ. И. Буслаева.

Балтійское море въ былинѣ передается съ замѣчательною точностію. На тридцать кораблей свалилъ Садко Новгородскіе товары и поѣхалъ Садко по Волхову, изъ Волхова въ Ладожское озеро, изъ Ладожскаго въ Неву рѣку, а изъ Невы во Сине море. Въ заморскихъ краяхъ продалъ Садко Новгородскіе товары, получилъ за нихъ великіе барыши, насыпалъ бочки сороковки красна золота, чиста серебра. Во всѣхъ эпизодахъ о Садкѣ былина представляетъ силу богатства Новгородскихъ торговыхъ людей. Ради своего безсчетнаго богатства Садко и сдѣлался героемъ эпоса, въ противоположность богатырямъ Кіевскимъ, воспѣтымъ за личную силу и доблесть, за подвиги на пользу родной странѣ.

Начало Русской письменности. Лѣтопись Нестора.

Принятіе христіанства (988 г.) и перенесеніе перевода священнаго писанія на Древнеболгарскомъ языкѣ положили начало Русской письменности. Первые Русскіе писатели относятся къ XI в., всѣ они изъ среды духовенства, какъ перваго сословія, которое выучилось грамотѣ. Къ числу ихъ принадлежатъ: 1) *Лука Жидята*, Епископъ Новогородскій, оставившій *Поученіе* къ братіи, 2) *Иларіонъ*—первый митрополитъ Кіевскій изъ Русскихъ—написавшій Слово о законѣ, данномъ чрезъ Моисея и о благодати и истинѣ, происшедшей чрезъ Іисуса Христа, 3) *Θеодосій*, игуменъ Кіевопечерскій, написавшій разныя поученія и Посланіе къ В. К. Изяславу о Латинской вѣрѣ, 4) *Іаковъ Черноризецъ*, написавшій житіе Бориса и Глѣба, 5) *Несторъ инокъ Кіевопечерскій*. Ему принадлежатъ: а) Чтеніе о житіи и погубленіи блаженную страстотерпцю Бориса и Глѣба b) Житіе преподобнаго отца нашего Θеодосія, игумена Печерскаго c) *Повѣсти вре-*

мяныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити, и откуду Русская земля стала есть.

Грамотѣ русскіе писатели учились по Древнеболгарскимъ книгамъ, а потому и писать свои сочиненія старались на языкѣ церковномъ. Какъ ни близокъ былъ языкъ Священнаго писанія къ языку русскому, но все же онъ былъ языкомъ другаго племени и представлялъ рѣзкія отличія отъ русскаго. Даже простые русскіе переписчики съ древнеболгарскихъ оригиналовъ и тѣ часто дѣлали при списываніи ошибки въ пользу роднаго языка, а самостоятельные писатели неизбѣжно должны были писать языкомъ смѣшаннымъ, состоящимъ изъ словъ и формъ книжныхъ и чисто русскихъ. Этотъ смѣшанный, церковнорусскій языкъ преобладалъ въ продолженіи всего древняго періода нашей письменности отъ XI в. до XVII включительно. Вліяніе книжной рѣчи не могли избѣжать и такія произведенія, какъ Слово о Полку Игоревѣ, не имѣющее никакого отношенія въ Церковной литературѣ.

Лучшій образецъ языка, употребляемаго древними русскими писателями—въ сочиненіяхъ Нестора: житіяхъ и лѣтописи.

О жизни Нестора не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній. Извѣстно только, что въ 1073 онъ поступилъ въ Кіевопечерскій монастырь, въ 1091 участвовалъ при открытіи мощей св. Ѳеодосія. Годъ кончины его относятъ къ 1114 г. Изъ житія Ѳеодосія извѣстно, что Несторъ первоначально описалъ житія Бориса и Глѣба, а за тѣмъ приступилъ къ описанію жизни св. Ѳеодосія. Когда онъ велъ свою лѣтопись прежде или послѣ сочиненія житій—неизвѣстно.

Лѣтопись Нестора не дошла до насъ въ своемъ подлинномъ видѣ. Въ томъ видѣ, какъ она сохранилась въ спискѣ 1377 г., начинается исчисленіемъ земель, раздѣленныхъ между потомками Ноя и историческимъ очеркомъ первоначальныхъ судебъ Славянъ, кончается же 1110 годомъ. Въ составъ ея

внесены многіе отдѣльные памятники: Договоры Олега и Игоря съ Греками, житіе св. Владиміра, убіеніе Бориса и Глѣба. Много заимствованій изъ переводной Болгарской литературы: 1) Изъ Палеи т. е. Ветхозавѣтной исторіи съ апокрифическими вставками 2) Изъ Исповѣданія Вѣры Михаила Синкела 3) Изъ Хронографа Георгія Амартола 4) Изъ сочиненія Меѳодія Патарскаго.

Оригинальная часть лѣтописи основана на народныхъ преданіяхъ, сказаніи очевидцевъ и на личномъ знакомствѣ съ современными событіями. Погодное записываніе начинается съ 852 г., съ царствованія Михаила, императора Греческаго. Языкъ Лѣтописи Нестора можетъ быть названъ Славяно-Русскомъ, въ которомъ смѣшены формы книжныя (Церковнославянскія) и народныя (Русскія).

Къ числу особенностей этого языка принадлежатъ:

1) Носовые звуки замѣняются гласными: *у*, *ю*, *я*, *а*.

2) *ъ* и *ь* употребляются въ срединѣ словъ и въ предлогахъ, слитыхъ съ другими частями рѣчи, не съ такою правильностію и выдержанностію, какъ въ языкѣ Церковнославянскомъ. Очень часто эти звуки замѣняются гласными *о* и *е*, или же совершенно выпадаютъ.

Примѣры [1]) правильнаго употребленія *ъ* и *ь*: дъщерь, тяжькъ, множьство, истиньный, любьзнивыи, легъко, въ любъви, лъжица, въспять, въвадиться, съсути, съсудъ, съзвати, несъши, бывъши, рекъши, всѣдъши, възрастъшу, и т. п.

Примѣры замѣненія *ъ* и *ь* гласными *о* и *е*: *Порты* вм. пърты; *тоже* вм. тъжде; *но* вм. нъ; *лобъ* вм. лъбъ; *то* вм. тъ; *токмо* вм. тъкмо; *тогда* вм. тъгда; *тонко* вм. тънъко; *кознь* вм. кънзь; *кождо* вм. къждо; *создахъ* вм. създахъ; *сокровище* вм. съкровище; *созвати* вм. съзвати.

---

1) Всѣ примѣры взяты изъ приводимыхъ ниже отрывковъ Лѣтописи Нестора.

Дѣтескъ вм. дѣтьскъ; *честь* вм. чьсть; *день* вм. дьнь; *въ не* вм. въ нь; *страшенъ* вм. страшьнъ; се вм. сь; вышелъ вм. вышьлъ, *отець* вм. отьць и т. п.

Примѣры опущенія *ъ* и *ь*: *вси* вм. вьси, *смерть* вм. съмрьть, *схранена* вм. съхранена, *свѣтъ* вм. съвѣтъ, *взрастъ* вм. възрастъ; *кто* вм. къто; *что* вм. чьто, *мнѣ* вм. мънѣ, *внѣ* вм. *вънѣ*; *кде*, где—вм. къде; *сде* вм. сьде; *сотворити*, вм. сътворити, *пославши* вм. пославъши, *измывшеся* вм. измывъшеся, *поимши* вм. поимъши.

3) Третья особенность языка Лѣтописи—такъ называемое полногласіе т. е. употребленіе двухъ гласныхъ звуковъ, двухъ *о* или двухъ *е*, вм. одного *а*, или одного *ѣ*, когда предъ *а* или *ѣ* находятся плавные звуки *л* или р.

Примѣры: *изъмерети* вм. измрѣти *воробии* вм. врабии, *перевѣсище* вм. прѣвѣсище, *переклюкать* вм. прѣклюкать; *норовъ* вм. нравъ, *городу*, *городовъ*—вм. граду, градовъ; *порогъ* вм. прагъ; *невгологоси* вм. невѣгласи, *берегъ* вм. брѣгъ, *полонъ* вм. плѣнъ, *Володимеръ* вм. Владимеръ.

Рядомъ съ полногласными формами встрѣчаются и книжныя: градъ, врабии, обранити, срамъ, глава, врагъ, умрети. отъ невѣгласъ, сребро, злато, гладъ.

4) Четвертая особенность—употребленіе *о* въ началѣ словъ вм. *е*; напр. Олена, одва, оже. Рядомъ съ этими примѣрами—единъ.

5) Смѣшеніе звуковъ *ѣ* и *е*, вслѣствіе чего нарушено коренное правило церковнославянской орѳографіи—писать *ѣ* послѣ плавныхъ *л* и *р*. Примѣры: *предъ*, жребии, предасть, пребываше, преиду, время и друг. Слѣдуетъ замѣтить ошибки: *едемъ*, *ныне*, вробьѣве, *не* вм. нѣ (т. е. нѣсть).

6) Употребленіе *ь* тамъ, гдѣ въ церковнославянскомъ языкѣ слѣдуетъ *и*; напр. людье, оружье, имѣнье, братье, путье, гостье, *почнешь* вм. почнеши.

7) Согласная буква *ж* замѣняетъ ц. сл. *жд*; напр. *чу-*

жая вм. чуждая; *послъже* вм. послѣжде; *гражане* вм. граждане; *побьженъ* вм. побѣжденъ; *вижь* вм. виждь, *дажь* вм. даждь, *межю* вм. между.

8) Согласная *ч* замѣняетъ цс. *шт* (щ); напр. хочете, имучеся, осѣчи, помочь, аче, повѣдуче, льстяче, зажечи.

Въ склоненіяхъ и спряженіяхъ отличій менѣе, нежели въ звукахъ.

1) Родительный падежъ ед. ч. на—*ѣ*,—*е*, вм. *я* или *а*; напр. *ключницѣ*, землѣ Рускіѣ, до шие, *на конѣ*.

2) Постоянное смѣшеніе имен. пад. мн. ч съ винит. того же числа напр. собраша лучьшие мужи, призва мужа нарочиты, созва лѣпшие мужи, созва старци градьскиѣ, созва старца.

3) Винит. пад. мн. числа на—*ѣ*, вм. *я* или а; напр. *лъжицѣ* вм. лъжица; *мужѣ* вм. мужа, дѣлать *земль* вм. земля, *воѣ* вм. воя; болярцѣ вм. болярьца.

Прилагательныя имена, подобно языку церковнославянскому, различаются полныя и краткія, послѣднія, какъ и въ современномъ народномъ языкѣ, употребляются и на мѣстѣ опредѣлительныхъ словъ.

Изъ мѣстоимѣній слѣдуетъ замѣтить формы: собе, собѣ, тобѣ, *сѣ*, *ее* вм. ея; *е* вм. *я*, т. е. ихъ,, *своее* вм. своея; *ны* вм. намъ; *вы* вм. вамъ.

Времена глаголовъ тѣже, что и въ цс. языкѣ.

Настоящее: хожю, вижу, хощу,

Прошедшее: послушахъ, идохъ, быхъ.

Преходящее: бяхъ, бѣхъ, стояхъ, сѣдяхъ.

Въ 3-мъ л. ед. и мн. ч. встрѣчается наращеніе—ть: *учашеть*, начьняхуть.

Прошедшее сложное: иже распасли суть.

Въ этой формѣ прошедшаго встрѣчаются: а) опущеніе вспомогательнаго глагола: *ялися по дань*; *отець ти умерлъ*.

b) несогласованіе вспомогательнаго глагола съ причастіемъ спрягаемымъ: *се уже есть покорилися мнѣ.*

Преходящее сложное: бяху пріяли, бѣша слышали.

Прошедшее условное: были быхомъ, быхъ видѣлъ, умерлъ быхъ, быхъ приялъ.—Встрѣчается примѣръ несогласованія: *не бы прияли.*

Будущее описательное: *имамъ стояти*, *хоче быти*, благословити хотять.

Причастія въ Лѣтописи Нестора различаются по временамъ, родамъ и числамъ Въ приведенныхъ отрывкахъ—только одинъ примѣръ неправильнаго употребленія причастія.

Въ синтаксическомъ отношеніи слѣдуетъ замѣтить: 1) употребленіе причастія вм. глагола; напр. И не бѣ двора идѣже не горяще. (Ср. въ Остр. Ев. Не вѣдять бо чьто творяще; не вѣсти чего просяща.) 2) Употребленіе вспомогательнаго глагола—есть, бѣ, бяше—съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ для выраженія безличности; напр. *бяше видѣти.*

3) Употребленіе достигательнаго наклоненія; напр. ступиша ся битъ, посла прикончатъ.

4) *Дательный самостоятельный*; напр. Князю Святославу възрастъшю и възмужавшю, нача вои совокупляти.

5) *Дательный падежъ мѣста*; напр. Кіеву, Царюгороду.

6) Мѣстный падежъ безъ предлога; напр. Переяславци.

7) Употребленіе союза *и* предъ глаголомъ послѣ причастій; напр. приникъши Ольга и рече; Деревляне же ради бывше и собраша; Отвѣщавши Ольга и рече; Они же видѣвше съ оноя страны и приѣхаша.

ИЗЪ ЛѢТОПИСИ НЕСТОРА ПО ЛАВРЕНТЬЕВСКОМУ СПИСКУ, 1377 г.

1 Княженіе Ольги и Святослава.

Въ лѣто 6453. Въ се же лѣто рекоша [1]) дружина Игореви: отроци [2]) Свѣньлъжи изодѣлися [3]) суть оружьемъ и порты, а мы нази; пойди, княже, съ нами въ дань, [4]) да и ты добудеши и мы. Послуша ихъ Игорь, иде въ Дерева въ дань, и примышляше [5]) къ первой дани, насиляше [6]) имъ, и мужи [7]) его; возьемавъ [8]) дань, пойде въ градъ свой. Идущу [9]) же ему въспять, размысливъ рече дружинѣ своеи: идѣте съ данью домови [10]), а я возъвращюся, похожю [11]) и еще. Пусти дружину свою домови, съ маломъ [12]) же дружины возъвратися, желая [13]) больша [14]) имѣнья. Слышавше [15]) же Деревляне, яко опять идеть, сдумавше со княземъ своимъ

---

1) *Рекоша* прош. вр. 3 л. мн. ч. при собирательномъ имени *дружина*.

2) Отроци, отроки составляли домашнюю прислугу князя и воеводы.

3) *Изодьлися суть* порты и оружьемъ у Карамзина передано: «богаты оружьемъ и платьемъ.» Въ Остр. Ев. *пъртъ* зн. ленъ; порты—въ древнерус. яз.—одѣяніе, платье, одежда. Въ современномъ на одномъ языкѣ *полотъ*—льняная грубая пряжа, холстъ.

4) *Въ дань* т. е. за данью.

5) *Примышляше*—преход. вр. 3 л. ед. ч. Примышлять—тоже что промышлять, добывать, изыскивать средства.

6) *Насиляше имъ*, т. е. дѣлалъ насилія.

7) *Мужи его* т. е. члены дружины.

8) *Возьемавъ*—усѣч. прич. прош. вр.

9) *Идущу ему*—(въ подлинникѣ идуще) дател. самостоятельный.

10) *Домови* зн. домой, дат. мѣста безъ предлога.

11) *Похожю*—рус. форма, по цс. было бы: похожду.

12) *Съ маломъ дружины* особенность управленія родит. падежомъ (Гр. Бусл. II § 258).

13) *Желая*—прич. усѣч. наст. вр. дѣйст. зал.

14) *Больша*—прилаг. усѣченное въ род. п. ед. ч., на мѣстѣ опредѣлительнаго слова.

15) *Слышавше, сдумавше*—прич. прош. им. пад. мн. ч.

Маломъ: аще ся въвадить [16]) волкъ въ овцѣ [17]), то выносить все стадо, аще не убьють его; тако и се, аще не убьемъ его, то вся ны погубить. Послаша къ нему глаголюще: почто идеши опять? поималъ [18]) еси всю дань. И не послуша ихъ Игорь, и вышедше [19]) изъ града Изъкоръстѣня Деревлене, убиша Игоря и дружину его; бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь; есть могила его у Искоръстѣня града въ Деревѣхъ и до сего дне.

Вольга [20]) же бяше въ Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтьскомъ [21]) Святославомъ, и кормилецъ его Асмудъ, воевода бѣ Свѣнелдъ, тоже [22]) отець Мистишинъ. Рѣша же Деревляне: се князя убихомъ Рускаго; поимемъ [23]) жену его Вольгу за князь [24]) свой Малъ, и Святослава, и створимъ ему, якоже хощемъ. И послаша Деревляне лучьшие мужи [25]) числомъ 20 въ лодьи къ Ользѣ, и присташа подъ Боричевымъ въ лодьи. Бѣ бо тогда вода текущи [26]) въздолѣ [27]) горы Киевьския, и на Подольи не сѣдяху людье [28]), но на горѣ: градъ же бѣ Киевъ, идеже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Нифовъ [29]), а дворъ княжь бяше въ городѣ [идѣже есть нынѣ дворъ Воротиславль

---

16) *Ся вѣвадить* т. е, въвадиться, въ зн. повадиться.

17) *Въ овцѣ*—вин. п. мн. ч., по цс. было бы: въ овьця, съ носовымъ звукомъ на концѣ.

18) *Поималъ еси*—прош. сложн. зн. взялъ.

19) *Вышедше*—рус. форма прич. прош.; въ цс. было бы: *ишьдъше*.

20) Вольга вм. Ольга, съ придыханіемъ *в*.

21) *Дѣтьскъ*, дѣтьскій—малолѣтній.

22) *Тоже* зн *и*.

23) *Поимемъ*—буд. вр. мн. ч. отъ пояти.

24) *За князь Малъ*—винител. пад. одушевленнаго предмета съ именит. (Гр. Буся. 1 § 85).

25) *Лучьшие мужи*—вин. пад. мн. ч., см. *лучьшая мужа* (лучии, лучьши, лучье—сравн. степень отъ добрый).

26) *Текущи*—прич. наст. жен. р. им. п.

27) *Въздолѣ*—въ прочихъ спискахъ—*возлѣ*.

28) *Людье*—рус. форма вм. цс. людие.

29) *Нифовъ*—въ прочихъ спискахъ: Никифоровъ.

и Чюдинъ, а перевѣсище [30]) бѣ внѣ града, и бѣ внѣ града дворъ другый] идеже есть дворъ Демьстиковъ [31]); за святою Богородицею надъ горою дворъ теремныи, бѣ бо ту теремъ каменъ. И повѣдаша Ользѣ, яко Деревляне придоша, и возва е[32]) Ольга къ собѣ [33]): добри гостье придоша. и рѣша Деревляне: придохомъ, княгине. И рече имъ Ольга: да глаголете, что ради придосте сѣмо? Рѣша же Древляне: посла ны Дерьвьска земля, рькуще [34]) сице: мужа твоего убихомъ, бяше бо мужь твой аки волкъ восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли [35]) суть Деревьску землю; да пойди за [36]) князь нашь за Малъ. бѣ бо имя ему Малъ, князю Деревьску. Рече же имъ Ольга: люба ми есть рѣчь ваша, уже мнѣ мужа своего не крѣсити [37]); но хочю [38]) вы почтити наутрия предъ людьми своими, а ныне идѣте въ лодью свою, и лязите [39]) въ лодьи величающеся; азъ утро послю по вы [40]), вы же рьцѣте: не едемъ на конѣхъ [41]), ни пѣши идемъ, но понесѣте ны въ лодьѣ; и възнесуть вы въ лодьи. и отпусти я въ лодью. Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубоку на творѣ теремьстѣмь внѣ града. И заутра Волга, сѣдящи въ теремѣ, посла по гости, и придоша къ нимъ глаголюще: зоветь вы Ольга на честь велику. Ониже рѣша: не едемъ

---

30) *Перевьсище*—мѣсто перевѣса, или сѣтей развѣшанныхъ для ловли птицъ.

31) *Демьстиковъ*—въ 1051 г. по вызову Ярослава прибыли въ Кіевъ греческіе пѣвцы обучать Русскихъ Демественному пѣнью.

32) *Е* вм. я, т. е. ихъ.

33) *Собѣ*—рус. форма вм. себѣ.

34) *Рькуще*—прич. наст. им. п. мн. ч.

35) *Распасли суть*—т. е. управили. Выраженіе это, заимствованное изъ пастушескаго быта, Карамзинъ передаетъ: «земля цвѣтетъ и благоденствуетъ.

36) *За князь нашь за Малъ.*—повтореніе предлога за. (Ср. народныя былины).

37) *Крьсити*—первоначальное значеніе *выскакать огонь*, потомъ воскресить (Гр. Бусл. II, § 147.)

38) *Хочю*—рус. ф. вм. хощю.

39) *Лязите*—повел. накл. 2 л. мн. ч., по цс. слѣдовало бы: лязѣте, какъ идѣте, рьцѣте, понесѣте и т. п.

40) *По вы*—вин. пад. мн. ч. (ср. ниже: по гости) 41) *На конѣхъ*—мѣстн. пад. мн. ч.; по цс. *на коних*ъ.

*

на конихъ, ни на возѣхъ, понесѣте ны въ лодьи. Рѣша же Кияне: намъ неволя; князь нашь убьенъ, а княгини наша хоче [42]) за вашь князь. и понесоша я въ лодьи. Они же сѣдяху въ перегъбѣхъ въ великихъ сустугахъ гордящеся [43]); и принесоша я на дворъ къ Ользѣ, несъше [44]) вринуша е въ яму и съ лодьею. Приникъши [45]) Ольга и рече имъ: добра ли вы [46]) честь? Они же рѣша: пущи ны Игоревы смерти. и повелѣ засыпати я живы [47]), и посыпаша я. Пославши Ольга къ Деревляномъ, рече имъ: да аще мя просите право, то пришлите мужа нарочиты, да въ велицѣ чти приду за вашь князь, еда [48]) не пустять мене людье Киевьстии. Се слышавше Деревляне, собраша лучьшие мужи, иже дерьжаху Деревьску землю, и послаша по ню. Деревляномъ же пришедъшимъ, повелѣ Ольга мовь [49]) створити рькущи [50]) сице: измывшеся придите ко мнѣ. Они же пережьгоша истопку [51]), и взлѣзоша Деревляне, начаша ся мыти; и запроша о нихъ истобъку и повелѣ зажечи [52]) я отъ дверии, ту изгорѣша вси. И посла къ Деревляномъ, рькущи сице: се уже иду къ вамъ, да пристроите меды многи въ градѣ. идеже убисте мужа моего, да поплачюся надъ гробомъ его, и створю трызну [53]) мужю своему. Они же то слышавше, съвезоша меды многи зѣло, възвариша. Ольга же, поимши мало дружины легъко идущи, приде къ гробу его,

---

42) *Хоче*—наст. вр. 3 л. е. ч., вм. хочетъ; по цс. хощетъ.

43) *Гордящеся*—прич. наст. вр. им. п. мн. ч.

44) *Несъше*, отъ несъ, прич. прош. им. п. мн. ч.

45) *Приникъши*, отъ приникъ, прич. пр. жен. р. ед. ч. им. п.

46) *Вы, ны*—вм. вамъ, *намъ*.

47) *Живы*—вин. над. мн. ч.

48) *Еда не пустятъ*—а то пожалуй не пустятъ.

49) *Мовь*—имѣетъ варіантомъ: *мовницу, мовню*.

50) *Рькущи*—прич. наст. жен. р. им. п. въ подлинникѣ описка: *рькуще*.

51) *Истопка, истобъка*—баня. (Ср. истьба, изба) 52. *Зажечи*—неопр. накл. вм. цс. *зажещи*.

53) *Тризна*—игра въ честь умершаго, поминки.

плакася по мужи своемъ, и повелѣ людемъ своимъ съсути [54]) могилу велику; яко соспоша, и повелѣ трызну творити. Посемь сѣдоша Деревляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити предъ ними; рѣша Деревляне къ Ользѣ: кдѣ суть дружина наша, ихъ же послахомъ по тя? Она же рече: идуть по мнѣ съ дружиною мужа моего. Яко упишася Деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити [55]) на ня, а сама отъиде кромѣ [56]), и повелѣ дружинѣ сѣчи [57]) Деревляне. И исѣкоша ихъ 5000; а Ольга возъвратися Киеву, [58]) и пристрои вои на прокъ ихъ [59]).

Начало княженья Святославля. Въ лѣто 6454. Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ собра вои многи и храбры, и иде на Дерьвьску землю. Изидоша Деревляне противу, сънемъшемъся [60]) обѣма полкома наскупь [61]), суну копьемъ Святославъ на Деревляны, и копье летѣ сквозѣ уши коневи, удари въ ноги коневи, бѣ бо дѣтескъ. И рече Свѣнелдъ и Асмолдъ: князь уже почалъ; потягнѣте, дружина, по князѣ. И побѣдиша Деревляны, Деревляне же побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своихъ. Ольга же устремися съ сыномъ своимъ [на Искоростѣнь градъ, яко тѣ бяху убили мужа ея, и ста около града съ сыномъ своимъ], а Деревляне затворишася въ градѣ и боряхуся крѣпко изъ града: вѣдѣху бо, яко сами убили князя, и на что ся предати. И стоя Ольга лѣто, не можаше взяти града и умысли сице: посла ко граду, глаголющи: что хочете досѣдѣти? а вси гради ваши предашася мнѣ, и яли-

---

54) *Сѣсути*—отъ гл. сути, сѣпу, сыпать.
55) *Пити на ня*— зн. пить за здоровье ихъ.
56) *Кромѣ*—прочь, въ сторону.
57) *Сѣчи*—рус. форма вм. цс. сѣщи.
58) *Киеву*—дател. мѣста.
59) *На прокъ ихъ* т. е. на остальныхъ Древлянъ.
60) *Сънемъшемъся* вм. сънемъшемася.
61) *Наскупь*—т. е. на съкупъ.
62) *По князѣ*—мѣст. пад., съ рус. окончаніемъ, въ цс. по кънязи.

ся [63]) по дань, и дѣлають нивы своя и землѣ [64]) своя; а вы хочете изъмерети [65]) гладомъ, не имучеся [66]) по дань. Деревляне же рекоша: ради ся быхомъ [67]) яли по дань, но хощеши мьщати мужа своего. Рече же имъ Ольга: яко азъ мьстила уже обиду мужа своего, когда придоша Киеву, второе, и третьее, когда творихъ трызну мужеви своему; а уже не хощю мьщати, но хощю дань имати помалу, смирившися съ вами пойду опять [68]). Рекоша же Деревляне: што хощеши у насъ? ради даемь медомь и скорою [69]). Она же рече имъ: нынѣ у васъ нѣсть меду, ни скоры, но мало у васъ прошю; даите [70]) ми отъ двора по три голуби, да по три воробьи, азъ бо не хощю тяжьки дани възложити, якоже и мужь мой; сего прошю у васъ мало, вы бо есте изънемогли во осадѣ; да сего у васъ прошю мала. Деревляне же ради бывше, и собраша отъ двора по три голуби и по три воробьи, и послаша къ Ользѣ съ поклономъ. Вольга же рече имъ: се уже есть покорилися [71]) мнѣ и моему дѣтяти, а идѣте въ градъ, и пойду въ град-ось. И Деревляне же ради бывше внидоша въ градъ, и повѣдаша людемъ, и обрадовашася людье въ градѣ. Волга же раздая воемъ по голуби комуждо, а другимъ по воробьеви, и повелѣ комуждо голуби и къ воробьеви привязывати цѣрь [72]), обертывающе въ платки малы, нитъкою поверзывающе къ коемуждо ихъ; и повелѣ Ольга, яко смер-

---

63) *Ялися по дань*—прош. вр. безъ вспом. глагола, зн. взялись платить дань.

64) Землѣ—винит. над. мн. ч., вм. земля.

65) *Изъмерети*—рус. форма вм. цс. измрѣти.

66) *Не имучеся*—вм. цс. не имущеся.

67) *Ся быхомъ яли*—прошед. сложное условное, изъ вспом. гл. быхъ и прич. прош. спрягаемаго, зн.: мы ради были бъ платить дань.

68) *Опять*—т. е. вспять, назадъ.

69) *Скора*—шкура, мѣхъ.

70) *Даите*—рус. ф. повел. наклон. 2 л. мн. ч., въ цс. было бы: дадите.

71) *Есть покорилися*—вспомогательный гл. не согласованъ въ числѣ; по цс. есте покорилися.

72) *Цѣрь*—сѣра.

чеся, пустити голуби и воробьи воемъ своимъ. Голуби же и воробьеве полетѣша въ гнѣзда своя, ови въ голубники [73]), врабьевѣ же подъ стрѣхи, и тако възгарахуся голубьници, ово клѣти [74]) ово вежѣ [75]), ово ли одрины [76]). И не бѣ двора, идеже не горяще, и не бѣ лзѣ гасити, вси бо двори възгорѣшася; и побѣгоша людье изъ града, и повелѣ Ольга воемъ своимъ имати е. Яко взя градъ и пожьже и, старѣйшины же града изънима [77]) и прочая люди овыхъ изби, а другия работѣ [78]) предасть мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави платити дань. И възложиша на ня дань тяжьку: двѣ части идета Киеву, а третьяя Вышегороду къ Ользѣ. Бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ. И иде Вольга по Деревьстѣи земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляющи уставы и уроки [79]); суть становища [80]) еѣ и ловища [81]). И приде въ градъ свой Киевъ съ сыномъ своимъ Святославомъ, и пребывши лѣто едино, въ лѣто 6455 (947) иде Вольга Новугороду [82]) и устави по Мѣстѣ погосты [83]) и дани, и по лузѣ оброки и дани; ловища ея суть по всеи земли, знамянья [84]) и мѣста и погосты; и сани [85]) ее стоять въ Плесковѣ и до сего дне; и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ; и есть село ее Ольжичи

73) *Голубникъ*—голубятня.

74) *Клѣть*—холодный лѣтній покой. 75) *Вѣжа*—чердакъ, вышка, кладовая.

76) *Одрина*—спальня, отъ одръ—ложе.

77) *Изнима*—прош. 3 л. е. ч. отъ гл. изнимати; по цс. было бы: *изима*. т. е. изъяла, взяла себѣ.

78) *Работѣ предасть* т. е. предала въ рабство.

79) *Урокъ*—обязательная работа къ извѣстному сроку.

80) *Становища*—мѣста, гдѣ останавливалася Ольга, гдѣ были ея станы.

81) *Ловища*—мѣста для ловли.

82) Новугороду—дательный п. мѣста.

83) *Погостъ*—въ одномъ Лавр. спискѣ стоитъ повостъ. Въ современномъ языкѣ погостъ зн.: 1) волость, состоящая изъ нѣсколькихъ деревень одного приходу 2) кладбище.—Въ др. рус. яз. погосты—мѣста княжеской стоянки, гдѣ князья собирали дань, творили судъ и расправу. Впослѣдствіи эти стоянки получили значеніе небольшихъ правительственныхъ центровъ, передали свое имя округамъ. (Исторія Россіи Соловьева т. 1, стр. 132).

84) *Знамянья* т. е. слѣды пребыванія, памятники.

85) *Сани*—означало одинаково и лѣтнюю и зимнюю повозку.

и доселѣ. И изрядивши, възратися къ сыну своему Киеву и пребываше съ нимъ въ любъви.

Въ лѣто 6456, въ лѣто 6457, въ лѣто 6458, въ лѣто 6459, въ лѣто 6460, въ лѣто 6461, въ лѣто 6462, въ лѣто 6463. (948—955). Иде Ольга въ Греки и приде Царюгороду. Бѣ тогда царь [86]) имянемь Цѣмьскии [87]) и приде къ нему Ольга, и видѣвъ ю добру сущю зѣло лицемъ и смыслену, удивився царь разуму ея, бесѣдова къ ней и рекъ ей: подобна [87]) еси царствовати въ градѣ съ нами. Она же разумѣвши рече ко царю: азъ погана есмь, да аще мя хощеши крестити, то крести мя самъ; аще ли, то не крещюся. И крести ю царь съ патреархомъ. Просвѣщена же бывъши, радовашеся душею и тѣломъ, и поучи ю патреархъ о вѣрѣ, рече ей: благословена ты въ рускихъ, яко возлюби свѣтъ, а тьму остави; благословити тя хотять [89]) сынове рустии въ послѣднии родъ внукъ твоихъ. И заповѣда еи о церковномъ уставѣ, о молитвѣ, и о постѣ, о милостыни, и о воздержаньи тѣла чиста. Она же поклонивши главу стояше аки губа напаяіема, внимающи ученья; поклонившися патреарху, глаголюще: молитвами твоими, владыко, да схранена буду отъ сѣти неприязньны. Бѣ же речено имя еи во крещеньи Олена [90]) якоже и древняя цариця, мати великаго Констянтина. Благослови ю патреархъ, и отпусти ю. И по крещеньи возва ю царь и рече еи: хощю тя пояти [91]) собѣ женѣ. Она же рече: како хощеши мя пояти, крестивъ мя самъ, и нарекъ мя дъщерью? а въ хрестьянехъ того нѣсть закона, а ты самъ вѣси. И рече царь: переклюкала [92]) мя еси, Ольга.

86) *Царь*—по цс. было бы цѣсарь.

87) *Цимисхіи*—Византійскій Императаръ, съ 969—976. Въ Кенигсб. спискѣ вм. Цимисхія—«Константинъ, сынъ Леоновъ».

88) *Подобна*—въ смыслѣ достойна.

89) *Благословити хотять*—будущее описательное, вм. благословятъ.

90) *Олена* рус. ф. вм. Елена, какъ олень вм. елень и т. п.

91) *Пояти женѣ*—мѣстный падежъ вм. въ жену, въ жены.

92) *Переклюкать*—зн. перекривить, перехитрить (отъ клюка—кривая палка).

и дасть еи дары многи, злато и сребро, паволоки [93]) и съсуды различныи, и отпусти ю, нарекъ ю дъщерью собѣ....

Си [94]) же Ольга приде Киеву, и присла къ ней царь Греческии, глаголя: яко много дарихъ тя, ты бо глаголаше ко мнѣ: яко аще возъвращюся въ Русь, многи дары прислю ти, челядь, [95]) воскъ, и скъру, и вои въ помощь. Отвѣщавши Ольга и рече къ сломъ [96]): аще ты, рьци, такоже постоиши у мене въ Почайнѣ, якоже азъ въ Суду [97]), то тогда ти дамь и отпусти слы сь рекъши. Живяше же Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ, и учашеть [98]) и мати креститися, и небрежаше [99]) того ни во уши приимати; но аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся тому. Невѣрнымъ бо вѣра хрестьяньска уродьство есть; не смыслиша бо, ни разумѣша во тьмѣ ходящии, и не вѣдять славы Господня; одобелѣша бо сердца ихъ, ушима тяжько слышати, очима видѣти. Рече бо Соломонъ: дѣлатели нечестивыхъ далече отъ разума; понеже звахъ вы и не послушасте мене, простроxъ словеса и не внимасте, но отмѣтасте моя свѣты, моихъ же обличении не внимасте; възненавидѣша бо премудрость, а страха Господня не изволиша [100]); ни хотяху моихъ внимати свѣтъ [101]), подражаху [102]) же мои обличенья. Яко же бо Ольга часто глаголашеть: азъ, сыну мои, Бога познахъ и радуюся; аще ты познаеши, и радоватися почнешь. Онъ же не внимаше того, глаголя: како азъ хочю

---

93) *Паволока*—ткань, особенно бумажная и шелковая.
94) *Си*—мѣстоим. указ. жен. р.
95) *Челядь*—рабы.
96) *Сълъ*—посолъ.
97) *Въ Суду*—въ гавани Цареградской.
98) *Учашеть*—преход. вр. 3 л. ед. ч. съ приставкою ть. (гр. Бусл. 1 § 84).
99) *Небрежаше*—прех. вр. 3 л. ед. ч. отъ гл. брѣщи—пещись, заботиться.
100) *Изволити*—избрать.
101) *Свѣтъ* т. е. съвѣтъ, род. п. мн. ч.
102) *Подражати*—имѣетъ два значенія: 1) подражать 2) осмѣивать.

инъ законъ прияти [103]) единъ? а дружина сему смѣятися начнуть. Она же рече ему: аще ты крестишися, вси имуть [104]) тоже створити. Онъ же не послуша матере, творяше норовы [105]) поганьския, невѣдыи [106]), аще кто матере не послушаеть, въ бѣду впадаеть; якоже рече: аще кто отца ли матерь не послушаеть, но смерть прииметь. Се же къ тому гнѣвашеся на матерь.... Но обаче [107]) любяше Ольга сына своего Святослава, рькущи: воля Божья да будеть; аще Богъ хощеть помиловати рода моего и землѣ рускиѣ [108]), да възложить имъ на сердце обратитися къ Богу, яко же и мнѣ Богъ дарова. И се рекши, моляшеся за сына и за люди по вся нощи и дни, кормящи сына своего до мужьства его и до взраста его.

Въ лѣто 6464, въ лѣто 6465, въ лѣто 6466, въ лѣто 6467, въ лѣто 6468, въ лѣто 6469, въ лѣто 6470, въ лѣто 6471, въ лѣто 6472. Князю Святославу възрастъшю и възмужавшю, нача вои совкупляти многи и храбры и легко ходя аки пардусъ [109]), воины многи творяше. Ходя возъ по собѣ не возяше, ни котьла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углехъ испекъ ядяше, ни шатра имяше, но подъкладъ послявъ и сѣдло въ головахъ: такоже и прочии вои его вси бяху. Посылаше къ странамъ глаголя: хочю на вы ити. И иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе [110]) Вятичи и рече Вятичемъ: кому дань даете? они же рѣша: Козаромъ по щьлягу [111]) отъ рала [112]) даемъ.

---

103) *Хочю прияти*—буд. онис. вм. прииму.
104) *Имуть сотворити*—буд. опис. вм. сотворятъ.
105) *Норовъ*—рус. полногласная форма вм. нравъ.
106) *Вѣдыи*—полное прич. наст. отъ гл. вѣдѣти.
107) *Обаче*—однако.
108) *Земль рускиѣ*—род. п. ед. ч. вм. земля руския.
109) *Пардусъ*—барсъ.
110) *Налѣзе*—прош. вр. 3 л. ед. ч., отъ гл. *налѣсти*, находить.
111) *Щьлягъ*—монета.
112) *Рало*—соха (ср. орати—пахать).

Въ лѣто 6473. Иде Святославъ на Козары. Слышавше же Козари, изидоша противу съ княземъ своимъ Каганомъ и съступиша [113]) ся битъ; и бывши брани, одолѣ Святославъ Козаромъ, и градъ ихъ Бѣлувежю взя, Ясы побѣди и Касогы.

Въ лѣто 6474. Вятичи побѣди Святославъ, и дань на нихъ възложи.

Въ лѣто 6475. Иде Святославъ на Дунаи и на Болгары. Бившемъся обоимъ одолѣ Святославъ Болгаромъ, и вся городъ 80 по Дунаеви; сѣде княжа ту въ Переяславци, емля [114]) дань на Грьцѣхъ.

Въ лѣто 6476. Придоша Печенѣзи на Руску землю первое, а Святославъ бяше Переяславци; и затворися Волга въ градѣ со унуки своими, Ярополкомъ и Ольгомъ и Володимеромъ, въ градѣ Киевѣ. И оступиша градъ въ силѣ велицѣ, бещислено множьство около града, и не бѣ льзѣ изъ града вылѣсти [115]), ни вѣсти послати; изнемогаху же людье гладомъ и водою. Собравшеся людье оноя страны Днѣпра въ лодьяхъ, объ ону страну [116]) стояху, и не бѣ льзѣ внити въ Киевъ ниединому ихъ, ни изъ града къ онѣмъ. Въстужиша людье въ градѣ и рѣша: не [117]) ли кого, иже бы моглъ на ону страну доити и рече имъ: аще кто не приступить съ утра, предатися имамы [118]) Печенѣгомъ. И рече единъ отрокъ: азъ преиду, и рѣша: иди. Онъ же изиде изъ града съ уздою и ристаше сквозѣ Печенѣги, глаголя: не видѣли коня никтоже? бѣ бо умѣя Печенѣжьски, и мняхуть и своего. Яко приближися къ рѣцѣ, сверга [119]) порты, сунуся въ Днѣпръ

---

113) *Ступиша ся битъ*—достигат. наклоненіе. Въ подлинникѣ: сътупиша битъ.

114) *Емля*—прич. краткое наст. вр. отъ гл. имати.

115) *Выльсти*—рус. ф. вм. цс. излѣсти.

116) *Объ ону страну*—зн. на противуположной сторонѣ.

117) *Не ли кого*—читай: Нѣ ли кого. *Нь* 3 л. наст. вр. ед. ч. вм. нѣсть.

118) *Предатися имамы*—буд. опис. вм. предадимся.

119) *Сверга*—прич. наст. (конечное *а* замѣняетъ цс. ы).

и побреде; видѣвше же Печенѣзи, устрѣмишася нань, стрѣляюще его, и не могоша ему ничтоже створити. Они же видѣвше съ оноя страны, и приѣхаша, въ лодьи противу ему и взяша и въ лодью и привезоша и къ дружинѣ, и рече имъ: аще не подъступите заутра къ городу, предатись [120]) хотять людье Печенѣгомъ. Рече же воевода ихъ, имянемъ Прѣтичь: подъступимъ заутра въ лодьяхъ, и попадше княгиню и княжичѣ, умчимъ на сю страну; аще ли сего не створимъ, погубити ны имать Святославъ. Яко бысть заутра всѣдъше въ лодью протиоу [121]) свѣту и въструбиша вельми, и людье въградѣ кликнуша; Печенѣзи же мнѣша князя пришедша, побѣгоша разно отъ града, и изиде Ольга со унуки и съ людми къ лодьѣ.—Видѣвъ же се князь Печенѣжьскии, възратися единъ къ воеводѣ Прѣтичю и рече: кто се приде? и рѣче ему: лодья оноя страны. И рече ему князь Печенѣжьскии: а ты князь ли еси? Онъ же рече: азъ есмь мужь его, и пришелъ есмь въ сторожѣхъ [122]), по мнѣ идетъ полкъ со княземъ бе-щисла множьство. се же рече, грозя имъ. Рече же князь Печенѣжьскии къ Прѣтичю: буди ми другъ. Онъ же рече: тако створю. И подаста руку межю [123]) собою, и въдасть Печенѣжьскии князь Прѣтичю конь, саблю, стрѣлы; онъ же дасть ему бронѣ, щитъ, мечь. Отступиша Печенѣзи отъ града и не бяше льзѣ коня напоити; на Лыбеди Печенѣзи [124]). И послаша Кияне къ Святославу, глаголюще: ты, княже, чюжея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ [125]); малы бо насъ не взяша Печенѣзи, матерь твою и дѣти твои: аще не поидеши, ни обраниши насъ, да пакы ны возмуть, аще ти нежаль отчины

120) *Предатись*—вм. предатися.

121) *Протиоу свѣта*—т. е. до разсвѣта.

122) *Въ сторожьхъ*—рус. форма, по цс. было бы въ стражихъ.

123) *Межю*—вм. цс. между.

124) *На Лыбеди Печенѣги*—Карамзинъ передаетъ: Кіевляне не могли поить коней своихъ на Лыбеди, ради стоявшихъ тамъ Печенѣговъ.

125) *Охабитися*—отклониться отъ чего, оставить.

своея, ни матери стары суща и дѣтии своихъ. То слышавъ Святославъ, вборзѣ всѣде на конѣ [126]) съ дружиною своею, и приде Киеву, цѣлова матерь свою и дѣти своя; и съжалися о бывшемъ отъ Печенѣгъ, и собра вои, и прогна Печенѣги въ поле, и бысть миръ.

Въ лѣто 6477. Рече Святославъ къ матери своеи и къ боляромъ своимъ: нелюбо ми есть въ Киевѣ быти, хочу жити въ Переяславци въ Дунаи, яко то есть середа [127]) въ земли моеи, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, паволоки, вина, овощеве розноличныя; и-Щехъ же, изъ Угоръ сребро и комони [128]); изъ Руси же скора и воскъ, медъ и челядь. Рече ему Волга: видиши мя болное сущю; камо хощеши отъ мене ити? бѣ бо разболѣлася уже; рече же ему: погребъ мя, иди же яможе хочеши. По трехъ днехъ умре Ольга, и плакася по ней сынъ ея, и внуци ея, и людье вси плачемъ великомь, несоша и погребоша ю на мѣстѣ. И бѣ [129]) заповѣдала Ольга не творити [130]) трызны надъ собою, бѣ бо имущи презвутеръ; сеи похорони блаженую Ольгу. Си бысть предътекущия крестьяньстѣи земли аки деньница предъ солнцемъ и аки зоря предъ свѣтомъ, си бо сьяше аки луна въ нощи, тако и си въ невѣрныхъ человѣцѣхъ свѣтящеся аки бисеръ въ калѣ. Мы же рцѣмъ къ неи: радуися, Руское познанье къ Богу; начатокъ примиренью быхомъ. Си первое вниде въ царство небесное отъ Руси, сію бо хвалятъ Рустии сынове, аки началницю; ибо по смерти моляше Бога за Русь.

Въ лѣто 6478. Святославъ посади Ярополка въ Киевѣ, а Ольга въ Деревѣхъ. Въ сеже время придоша людье Ноугородьстии просяще князя собѣ: аще не поидете къ намъ, то налѣземъ князя собѣ. и рече къ нимъ Святославъ: абы пошелъ

126) *На конѣ*—вм. на коня.
127) *Середа*—срѣда, середина.
128) *Комонь*—*конь*.
129) *И бѣ*—въ подлинникѣ *ибо*.
130) *Творити*—въ подл. *творите*.

кто къ вамъ. И отпрѣся Ярополкъ и Олегъ, и рече Добрыня: просите Володимера. Володимеръ бо бѣ отъ Малуши, ключницѣ [131]) Ользины; сестра же бѣ Добрыня, отецъ же бѣ има Малкъ Любечанинъ, бѣ добрыня уй [132]) Володимеру. И рѣша Ноугородьци Святославу: въдаи ны Володимера. Онъ же рече имъ: вото вы есть. И пояша Ноугородьци Володимера къ собѣ, и иде Володимеръ съ Добрыною уемь своимь Ноугороду, а Святославъ Переяславьцю.

Въ лѣто 6479. Приде Святославъ въ Переславець, и затворишася Болгаре въ градѣ. И излѣзоша Болгаре на сѣчю противу Святославу, и бысть сѣча велика, и одоляху Болъгаре, и рече Святославъ вое своимъ: уже намъ сде пасти; потягнемъ мужьски [133]), братья и дружино! И къ вечеру одолѣ Святославъ, и взя градъ копьемъ, и посла къ Грекомъ, глаголя: хочю на вы ити, взяти градъ вашь, яко и сеи. И рѣша Грьци: мы недужи противу вамъ стати, но возми дань на насъ, и на дружину свою, и повѣжьте ны, колько васъ, да вдамы [134]) по числу на главы. Се же рѣша Грьци, льстяче [135]) подъ Русью. И рече имъ Святославъ: есть насъ 20 тысящь. и прирече 10 тысящь, бѣ бо Руси 10 тысящь только. И пристроиша 100 тысящь на Святослава, и не даша дани; и поиде Святославъ на Греки, и изидоша противу Руси. Видѣвше же Русь убояшася зѣло множьства вои, и рече Святославъ: уже намъ нѣкамо ся дѣти! волею и неволею стати противу [136]), да не посрамимъ землѣ Рускіѣ, но ляжемъ костьми; мертвыи бо срама не имамъ, аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ, ни имамъ убѣжати; но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду, аще моя глава ляжетъ, то промыслите со-

131) *Ключницѣ*—род. п. ед. ч. вм. ключница.
132) *Уй*—дядя по матери (avunculus).
133) *Мужьски*—мужественно, смѣло.
134) *Вдамы*—вм. древней формы 1 л. мн. ч. *вдамъ*.
135) *Льстяче*—по цс. было бы: льстяще.
136) *Стати противу*—употр. безлично, вм. мы должны стать.

бою. и рѣша вои: идеже глава твоя, ту и свои главы сложимъ. И исполчишася Русь, и бысть сѣча велика, и одолѣ Святославъ, и бѣжаша Грьци; и поиде Святославъ ко граду, воюя и грады разбивая, яже стоятъ и до днешняго дне [пусты]. И созва царь боляре своя въ полату и рече имъ: што створимъ, яко не можемъ противу ему стати? и рѣша ему боляре: посли къ нему дары; искусимъ и, любьзнивъ ли есть злату, ли паволокамъ? И посла къ нему злато, и паволоки, и мужа мудра; рѣша ему: глядаи взора, и лица его, и смысла его. Онъ же вземъ дары, приде къ Святославу. Повѣдаша Святославу, яко придоша Грьци съ поклономъ, и рече: въведѣте я сѣмо. Придоша и поклонишася ему, положиша преди имъ злато и паволоки, и рече Святославъ, кромѣ зря, отрокомъ своимъ: схороните. Они же придоша ко царю, и созва царь боляры, рѣша же послании: яко придохомъ къ нему, и вдахомъ дары, и не зрѣ на ня, и повелѣ схоропити. И рече единъ: искуси и еще, посли ему оружье. Они же послушаша его, и послаша ему мечь и ино оружье, и принесоша къ нему; онъ же приимъ нача хвалити и любити, и цѣлова [137]) царя. Придоша опять ко царю и повѣдаша ему вся бывшая, и рѣша боляре: лютъ се мужь хоче [138]) быти, яко имѣнья небрежеть, а оружье емлеть; имися [139]) по дань. И посла царь, глаголя сице: не ходи къ граду, возми дань, еже хощеши. за маломъ бо бѣ не дошелъ Цариграда. И вѣдаша ему дань; имашеть же и за убьеныя, глаголя: яко родъ его возметь. Взя же и дары многы, и възратися въ Переяславець съ похвалою великою. Видѣвъ же мало дружины своея, рече въ собѣ: едва како прельстивше изъбьють дружину мою и мене. бѣша бо многи погибли на полку [140]); и

137) *Цѣловати*—въ значеніи кланяться, привѣтствовать (отъ цѣлый, какъ здороваться отъ *здоровый*).

138) *Хоче быти*—вм. хочетъ быти—будущ. описат.

139) *Имися по дань* т. е. возмись платить дань.

140) *Полкъ*—сраженіе, битва, походъ.

рече: поиду въ русь, приведу боле дружины. И посла слы ко цареви въ Деревъстръ (бѣ бо ту царь) рька сице: хочю имѣти миръ съ тобою твердъ и любовь. Се же слышавъ царь, радъ бысть и посла къ нему дары больша первыхъ. Святославъ же прия дары и поча думати съ дружиною своею, рька [141]) сице: аще не створимъ мира со царемъ, а увѣсть царь, яко мало насъ есть, пришедше оступять ны въ градѣ; а Руска земля далеча, а Печенѣзи съ нами ратьни, а кто ны поможеть? но створимъ миръ со царемъ, се бо ны ся по дань яли, и то буди доволно намъ; аще ли почнетъ не управляти дани, да изнова изъ Руси, совкупивше вои, умножавши [142]), поидемъ Царюгороду. Люба бысть рѣчь си дружинѣ, и послаша лѣпшиѣ мужи ко цареви; и придоша въ Деревъстръ, и повѣдаша цареви. Царь же на утрия призва я, и рече царь: да глаголють сли Рустии. Они же рѣша: тако глаголетъ князь да глаголютъ сли Рустии. Они же рѣша: тако глаголетъ князь нашь: хочю имѣти любовь со царемъ гречьскимъ свершеную прочая вся лѣта. Царь же радъ быть, повелѣ писцю писати вся рѣчи Святославлѣ на харатью.

Створивъ же миръ Святославъ съ Греками, поиде въ ладьяхъ къ порогомъ, и рече ему воевода отень [143]) Свѣнделъ: поиди, княже, на конихъ около, стоять бо Печенѣзи въ порозѣхъ. И не послуша его, поиде въ лодьяхъ, и послаша Переяславци къ Печенѣгомъ, глаголюще: се идеть вы Святославъ въ Русь, вземъ имѣнье много у Грекъ и полонъ бещисленъ, съ малыми дружины. Слышавше же Печенизи заступиша пороги, и приде Святославъ къ порогомъ, и не бѣ льзѣ проити порогъ; и ста зимовати въ Бѣлобережьи, и не бѣ у нихъ брашна уже, и бѣ гладъ великъ, яко по полугривнѣ глава коняча, и зимова Святославъ ту. Веснѣ же приспѣвъши,

---

141) *Река*—прич. наст. вм. цс. рекы.

142) *Умножавши*—въ Троицкомъ сп. множайша.

143) *Отень*—прил. прит. отъ отецъ.

Въ лѣто 6480. Поиде Святославъ въ пороги, и нападе нань Куря князь Печенѣжьскии, и убиша Святослава. Взяша главу его и во лбѣ его съдѣлаша чашю, оковавше лобъ его и пьяху по немь [143]); Свѣналдъ же приде Кіеву къ Ярополку. И всѣхъ лѣтъ княженья Святославля лѣтъ 20 и 8.

2. Первые христіанскіе мученики въ Россіи.

Въ лѣто 6491. Иде Володимеръ на Ятвяги, и побѣди Ятвяги, и взя землю ихъ, и иде Киеву, и творяще потребу [1]) кумиромъ съ людми своими. И рѣша старци и боляре: мчемъ [2]) жребии на отрока и дѣвицю: на него же падеть, того зарѣжемъ богомъ. Бяше Варягъ единъ, и бѣ дворъ его, идеже есть церкви святая Богородица, юже сдѣла Володимеръ: бѣ же Варягъ то [3]) пришелъ изъ Грекъ, держаше вѣру хрестеяньску, и бѣ у него сынъ красенъ лицемъ и душею, на сего паде жребии по зависти дьяволи. Не терпяшеть бо дьяволъ, власть имы надо всѣми, и се бяшеть ему аки тернъ въ сердци, тьщашеся потребити [4]) оканьныи и наусти [5]) люди. Рѣша пришедше послании къ нему: яко паде жребии на сынъ твои, изволиша бо и бози собѣ; да створимъ потребу богомъ. И рече Варягъ: не суть бо бози, но древо; днесь есть, а утро изъгнееть; не ядять бо, ни пьють, ни молвять, но суть дѣлани руками въ деревѣ; а Богъ есть единъ, ему же служать Грьци и кланяются, иже сотворилъ небо, и землю, звѣзды, и луну и солнце, и человѣка, далъ есть ему жить на земли; а си бози что сдѣлаша? сами дѣлани суть; не дамъ сына своего бѣсомъ. Они же шедше повѣдаша [6]) лю-

143) *Пьяху по немь*—въ др. сп. изъ него.
1) *Потреба*—тоже что цс. трѣба—жертва.
2) *Мчемъ*—рус. ф. вм. мещимъ.
3) *То*—вм. тъ.
4) *Потребити*—уничтожить.
5) *Наустити*—склонить.
6) *Повѣдаша*—въ подлин. описка: *повѣдаше*.

демъ; они же вземше оружье, поидоша нань, и розъяша [7]) дворъ около его, онъ же стояше на сѣнехъ съ сыномъ своимъ. Рѣша ему: вдаи сына своего, да вдамы [8]) богомъ. Онъ же рече: аще суть бози, то единого собе послють бога, да имуть сынъ мой; а вы чему претребуете? И кликнуша, и посѣкоша сѣни подъ нима, и тако побиша я, и не свѣсть никтоже, гдѣ положиша я. Бяху бо тогда человѣци невѣголоси [9]) и погани; дьяволъ радовашеся сему, невѣдыи, яко близь погибель хотяше быти ему. Тако бо тщашеся погубити родъ хрестьяньскии, но прогонимъ бяше хрестомъ честнымъ, и въ онѣхъ странахъ; сде же мняшеся оканьныи: яко сдѣ ми есть жилище, сде бо не суть Апостоли учили, ни Пророци прорекли. Аще и тѣломъ Апостоли не суть сде были, но ученья ихъ аки трубы гласять по вселенѣи въ церквахъ. Имь же ученьемъ побежаемъ противнаго врага, попирающе подъ нозѣ; яко же попраста и си отѣника, приемше вѣнецъ небесныи съ святыми мученики и праведники.

Въ лѣто 6492. Иде Володимеръ на Радимичи. Бѣ бо у него воевода Волъчии Хвостъ, и посла и Володимеръ передъ собою, Волъчья Хвоста. Сърѣте е на рѣцѣ Пищанѣ, и побѣди Радимичѣ Волъчии Хвостъ; тѣмъ и Русь корятся Радимичемъ, глаголюще: Пищаньци [10]) волъчья хвоста бѣгають. Быша же Радимичи отъ рода Ляховъ; пришедъше ту ся вселиша, и платятъ дань Руси, повозъ [11]) везутъ и до сего дне.

Въ лѣто 6493. Иде Володимеръ на Болгары съ Добрыною съ уемъ своимъ въ лодьяхъ, а Торки берегомъ приведе на конихъ, и побѣди Болгары. Рече Добрына Володимеру: съглядахъ колодникъ, оже суть вси въ сапозѣхъ; симъ дани намъ

7) *Розъяша* по цс. было бы: разъяша.

8) *Вдамы*—вм. стар. вдамъ.

9) *Невъголосъ*, невѣгласъ—зн. несвѣдущій, простой.

10) *Пищаньци*—въ подлинникѣ: Пищаньцю.

11) *Повозъ*—дань доставляемая подчиненными племенами въ назначенное отъ князя мѣсто.

не даяти, поидемъ искать лапотниковъ. И створи миръ Володимеръ съ Болгары, и ротѣ заходиша межю собѣ, и рѣша Болгаре: толи не будетъ межю нами мира, оли камень начнеть плавати а хмель почнетъ тонути. И приде Володимеръ Киеву.

---

3. Испытаніе вѣръ и принятіе христіанства Владиміромъ Святымъ.

Въ лѣто 6495. Созва Володимеръ боляры [1]) своя и старци градьскиѣ, и рече имъ: се приходиша ко мнѣ Болгаре, рькуще: приими законъ нашь; посемъ же приходиша Нѣмци, и ти хваляху законъ свои; по сихъ придоша Жидове. Се же послѣже придоша Грьци, *хуляще* [2]) вси законы, свои же *хваляще*, и много глаголаша сказающе отъ начала миру, о бытьи всего мира; суть же хитро сказающе, и чюдно слышати ихъ, любо комуждо слушати ихъ, и другии свѣтъ повѣдаютъ быти: да аще кто, дѣеть [3]), въ нашю вѣру ступить, то паки, умеръ, станеть и не умрети ему въ вѣки; аще ли въ инъ законъ ступить, то на ономъ свѣтѣ въ огнѣ горѣти: да что ума придасте? что отвѣщаете? И рѣша бояре и старци: вѣси, княже, яко своего никто же хулить, но хвалить; аще хощеши испытати гораздо, то имаши у собе мужи; пославъ испытай когождо ихъ службу, и како служить Богу. И бысть люба рѣчь князю и всѣмъ людемъ; избраша мужи добры и смыслены числомъ 10, и рѣша имъ: идѣте первое

---

1) *Бояре и старци городскіе*—изображаются лѣтописцемъ, какъ совѣтники князя. (ср. выше: бояре и старци рѣшаютъ, что должно принести человѣческую жертву). Бояре—старшіе, лучшіе члены княжеской дружины. *Старцы*—старшіе въ своемъ родѣ.

2) *Хуляще, хваляще*—въ подл. хуляше, хваляше.

3) *Дѣеть* см. рече, де (грам. Бусл. I § 77).

*

въ Болгары, и испытаите первое вѣру ихъ. Они же идоша, и пришедше видѣша скверньная дѣла и кланянье въ ропати [4]); придоша въ землю свою, и рече имъ Володимеръ: идѣте паки въ Нѣмци, съгладаите такоже, и оттудѣ идѣте въ Греки. Они же придоша въ Нѣмци, и съглядавше церковную службу ихъ, придоша Царюгороду, и внидоша къ царю. Царь же испыта, коея ради вины придоша, они же сповѣдаша ему вся бывшая. Се слышавъ царь, радъ бывъ, и честь велику створи имъ во отже [5]) день. Наутрия посла къ патреарху, глаголя сице: придоша Русь пытающе вѣры нашея, да пристрои церковь и крилосъ, и самъ причинися въ святительския ризы, да видять славу Бога нашего. Си слышавъ патреархъ, повелѣ создати крилосъ, по обычаю створиша праздникъ, и кадила вожьгоша, пѣнья и лики съставиша. И иде съ ними въ церковь, и поставиша я на пространьнѣ мѣстѣ, показающе красоту церковную, пѣнья и службы архиерѣйски, предстоянье дьяконъ, сказающе имъ служенье Бога своего; они же во изумѣньи бывше, удивившесь, похвалиша службу ихъ. И призваша *е* [6]) цари Василии и Костянтинъ, рѣста имъ: идѣте въ землю вашю, и отпустиша я съ дары велики и съ честью. Они же придоша въ землю свою, и созва князь боляры своя и старца. Рече Володимеръ: се придоша послании нами мужи, да слышимъ отъ нихъ бывшее, и рече: скажите предъ дружиною. Они же рѣша: яко ходихомъ въ Болгары, смотрихомъ како ся покланяють въ храмѣ, рекще въ ропати, стояще босъ пояса; поклонився, сядеть и глядить сѣмо и онамо [7]) яко бѣшенъ, и нѣсть веселья въ нихъ, но печаль и смрадъ великъ, нѣсть добро [8]) законъ ихъ. И придохомъ въ Нѣмци,

---

4) *Ропать*—храмъ, мечеть.
5) *Во отже*, т. о. въ тъжде.
6) *Е* вм. я, т. е. ихъ.
7) *Онамо*—въ др. сп. овамо.
8) *Добро*—въ др. сп. добръ.

и видѣхомъ въ храмѣхъ многи службы творяща, а красоты не видѣхомъ никоеяже. И придохомъ же въ Греки, и ведоша ны, идеже служать Богу своему, и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли; нѣсть бо на земли такаго вида, ли красоты такоя, и недоумѣемъ бо сказати; токмо то вѣмы, яко онъдѣ Богъ съ человѣки пребываеть, и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоя; всякъ бо человѣкъ, аще укуситъ сладка, послѣди горести не приимаеть, тако и мы не имамы сдѣ быти. Отвѣщавше же боляре рекоша: аще бы лихъ законъ гречьский, то не бы баба твоя прияла Ольга, яже бѣ мудрѣиши всѣхъ человѣкъ. Отвѣщавъ же Володимеръ, рече: кде крещенье пріимемъ? они же рекоша: гдѣ ти любо. И минувшю лѣту,

Въ лѣто 6496, иде Володимеръ съ вои на Корсунь, градъ Гречьскии, и затворишася Корсуняне въ градѣ; и ста Володимеръ объ онъ полъ города въ лимени, дали града стрѣлище едино, и боряхуся крѣпко изъ града. Володимеръ же обьстоя градъ. Изнемогаху въ градѣ людье, и рече Володимеръ къ гражаномъ: аще ся не вдасте, имамъ [9]) стояти и за три лѣта. Они же не послушаша того. Володимеръ же изряди воѣ своѣ, и повелѣ заступити къ граду. Симъ же спущеимъ [10]), Корсуняне подъкопавше стѣну градьскую, крадуще сыплемую перьсть, и ношаху къ собѣ въ градъ, сыплюще посредѣ града; воини же присыпаху боле, а Володимеръ стояше. И мужь Корсунянинъ стрѣли, имянемъ Настасъ, напсавъ [11]) сице на стрѣлѣ: кладязи, яже суть за тобою отъ въстока, исъ того вода идеть по трубѣ; копавъ переими. Володимеръ же се слышавъ, возрѣвъ на небо, рече: аще се ся сбудеть, и самъ ся крещю. И ту абье повелѣ копати преки [12]) тру-

9) *Имамъ стояти*—буд. описат.

10) *Спущеимъ*—вм. полной цс. формы: спущиимъ.

11) *Напсавъ*—по цс. было бы напьсавъ.

12) *Преки*, т. е. поперегъ.

бамъ, и преяша воду; людье изнемогоша водною жажею и предашася. Вниде Володимеръ въ градъ и дружина его, и посла Володимеръ ко цареви Василью и Констянтину, глаголя сице: се градъ ваю славный взяхъ; слышю же се, яко сестру имата дѣвою [13]), да аще еѣ [14]) не вдаста за мя, створю граду вашему, яко же и сему створихъ. И слышаста царя, быста печальна, въздаста вѣсть, сице глаголюща: не достоить хрестеяномъ за поганыя дати; аще ся крестиши, то и се получишь, и царство небесное приимеши, и съ нами единовѣрникъ будеши: аще ли сего не хощеши створити, не можемъ дати сестры своее [15]) за тя. Си [16]) слышавъ Володимеръ, рече посланымъ отъ царю: [17]) глаголите царема тако: яко азъ крещюся; яко испытахъ преже сихъ днии законъ вашь, и есть ми любо [18]) вѣра ваша и служенье, еже бо ми сповѣдаша послании нами мужи. И си слышавша царя рада быста и умолиста сестру свою, имянемъ Аньну, и посласта къ Володимеру, глаголюща: крестися, и тогда послевѣ сестру свою къ тобѣ. Рече же Володимеръ: да пришедъше съ сестрою вашею крестять мя. И послушаста царя, посласта сестру свою, сановники нѣкия, и прозвутеры; она же не хотяше ити; яко въ полонъ, рече, иду, лучи [19]) бы ми сдѣ умрети. И рѣста ей братья: еда како обратить Богъ тобою Рускую землю въ покаянье, а Гречьскую землю избавить отъ лютыя рати; видиши ли колько зла створиша Русь Грекомъ? и нынѣ, аще не идеши, тоже имуть створити намъ, и одва [20]) ю принудиша. Она же сѣдъши въ кубару [21]), цѣловавши ужи-

13) *Дѣвою*—творит. опредѣленія (Гр. Бусл. II§§ 246).
14) *Еѣ* вм. ея.
15) *Своее* вм. своея.
16) *Си*—вин. пад. мн. ч. ср. р.
17) *Парю*—род. пад. двойст. числа.
18) *Любо*—ср. выше подобное употребленіе слова *добро*.
19) *Лучи*—вм. луче (сравн. степ. отъ добрый: лучии, лучьши, луче).
20) *Одва*—рус. ф. вм. едва.
21) *Кубара*—корабль, судно водоходное.

ки [22]) своя, съ плачемъ поиде чресъ море; и приде къ Корсуню, и изидоша Корсуняне съ поклономъ, и въведоша ю въ градъ, и посадиша ю въ полатѣ. По Божью же устрою въ се время разболѣся Володимеръ очима, и не видяше ничтоже, тужаше велми; и посла къ нему царица, рькуще: аще хощеши избыти болѣзни сея, то въскорѣ крестися, аще ли [23]), то не имаши изъбыти сего. Си слышавъ Володимеръ, рече: да аще истина будеть, то по истинѣ великъ Богъ будеть хрестеянескъ. и повелѣ хреститися. Епископъ же Корсунскіи съ попы царицины огласивъ крести Володимира; яко възложи руку нань, абье прозрѣ. Видивъ же се Володимеръ напрасное [24]) ицѣленье, и прослави Бога, рекъ: то перво увидѣхъ Бога истиньнаго. Се же видѣвше [25]) дружина его, мнози крестишася. Крести же ся въ церкви Святаго Василья, и есть церкви та стоящи въ Корсунѣ градѣ, на мѣстѣ посреди града, идѣже торгъ дѣють Корсуняне; полата же Володимеря съ края церкве стоить и до сего дне, а царицина полата за олтаремъ; по крещеньи же приведе царицу на браченье. Се же несвѣдуще право глаголють, яко крестилъся есть въ Киевѣ, и иниже рѣша, Василиви; друзии же инако скажють.— Володимеръ же посемъ поемъ [26]) царицю и Настаса, и попы Корсуньски съ мощми святаго Климента и Фифа, ученика его, поима съсуды церковьныя, иконы на благословенье себѣ. Постави же церковь въ Корсунѣ на горѣ, юже съсыпаша средѣ града, крадуще приспу, яже церки стоить и до сего дне. Взя же ида [27]) мѣдѣнѣ двѣ капищи [28]) и 4 конѣ [29])

---

22) *Ужики*—вин. п. мн. ч. *Ужика*, сущ. общ. р., родственникъ, связанный узами родства.

23) *Аще ли*—опущено отрицаніе (см. выше).

24) *Напрасный*—внезапный.

25) *Видѣвше*—прич. прош. им. п. множ. ч., при собир. имени дружина.

26) *Поемъ*—прич. пр. отъ поняти. (Въ О. Е. поимъ).

27) *Ида*—прич. наст. вм. иды.

28) *Капище*—тоже что капь, идолъ, статуя, истуканъ.

29) *Конь*—вм. коня.

мѣдяны, иже и нынѣ стоять за святою Богородицею, яко же невѣдуще мнять я мрамаряны суща. Вдасть же за вѣно [30]) Грекомъ Корсунь опять царицѣ дѣля, а самъ приде Киеву. Яко приде, повелѣ кумиры испроврещи, овы осѣчи [31]), а другия огневи предати; Перуна же повелѣ привязати коневи къ хвосту, и влещи съ горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа пристави тети [32]) жезльемъ. Се же не яко древу чюющю, но на поруганье бѣсу, иже прелщаше симь образомь человѣкы, да възмездье прииметь отъ человѣкъ. [Велии еси, Господи, и чюдна дѣла твоя! вчера чтимъ отъ человѣкъ а днесь] поругаемъ. Влекому же ему по Ручаю къ Днѣпру, плакахуся его невѣрнии людье, еще бо не бяху прияли [33]) святаго крещенья; и привлекше, вринуша и въ Днѣпръ. И пристави Володимеръ, рекъ: аще кде пристанеть вы, то отрѣваите [34]) его отъ берега, дондеже порогы проидеть; то тогда охабитеся его. они же повелѣная створиша. Яко пустиша и проиде сквозѣ порогы, изверже и вѣтръ на рѣнѣ [35]) и оттолѣ прослу Перуняна рѣнь, якоже и до сего дне словеть. По семь же Володимиръ посла по всему граду, глаголя: аще не обрящеться кто рѣцѣ богатъ ли, ли убогъ, или нищь, ли работникъ, противенъ мнѣ да будеть. Се слышавше людье, съ радостью идяху, радующеся и глаголюще: аще бы се не добро было, не бы [36]) сего князь и боляре прияли. Наутрия же изиде Володимиръ съ попы царицины и съ Корсуньскыми на Дънѣпръ, и снидеся бе-щисла людии; влѣзоша въ воду и стояху овы до шие, а друзии до персии, младии же отъ берега, друзии же млади держаще, свершении же бродяху, попове же стояще

30) *Вьно*—плата за невѣсту, выкупъ.

31) *Осьчи*—рус. ф. по цс. было бы: *исъщи*.

32) *Тети* (наст. тепу)—бить.

23) *Бяху пріяли*—преход. сложное.

34) *Отрѣвати*—отталкивать.

35) *На рѣнь* въ под. рѣцѣ.

36) *Не бы приняли*—прошед. условное: вспомогательный глаголъ не согласованъ въ числѣ.

молитвы творяху. И бяше [37]) си вѣдѣти радость на небеси и на земли, толико душъ спасаемыхъ; а дьяволъ стеня глаголаше: увы мнѣ, яко отсюда прогонимъ есмь! сде бо мняхъ жилище имѣти, ако сде не суть ученья Апостольска, ни суть вѣдуще Бога, но веселяхъся о службѣ ихъ, еже служаху мнѣ; и се же уже побѣженъ есмь отъ невѣгласъ, а не отъ Апостолъ, ни отъ Мученикъ; не имамъ уже царствовати въ странахъ сихъ. Крестившимъ же ся людемъ, идоша кождо въ домы своя. Володимеръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людье его, възрѣвъ на небо, рече: Боже, створивыи небо и землю! призри на новыя люди сия, и дажь [38]) имъ, Господи, увѣдѣти тобе истиньнаго Бога, якоже увѣдѣша страны хрестьянскыя: утверди и вѣру въ нихъ праву и несовратьну, и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козни его. И се рекъ, повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идеже стояху кумири; и постави церковь святаго Василья на холмѣ, идеже стояше кумиръ Перунъ и прочии, идеже творяху потребы князь и людье; и нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ. Пославъ нача поимати у нарочитое [39]) чади [40]) дѣти, и даяти нача на ученье книжное; матере же чадъ сихъ плакаху по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвеци плакахуся. Симъ же раздаяномъ на ученье книгамъ, събысться пророчество на Русьстѣи земли, глаголющее: во оны дние услышать глусии словеса книжная, и яснъ будеть языкъ гугнивыхъ. Си бо не бѣша [41]) преди слышали словесе книжного, но по Божью строю, и по милости своей

---

37) *И бяше вѣдѣти* (въ др. сп. видѣти).—Преходящее вр. съ неопред. накл. для выраженія безличности.

38) *Дажь*—рус. ф. вм. даждь.

39) *Нарочитое*—вм. нарочатыя.

40) *Чадь* имѣетъ два зн.: 1) дѣти 2) люди, мужи.

41) *Бѣша слышали*—преход. сложное.

помилова Богъ, якоже рече Пророкъ: помилую его же аще помилую. Помилова бо ны пакы банею бытья и обновленьемь духа, по изволенью Божью, а не по нашимъ дѣломъ. Благословенъ Господь Іисусъ Христосъ, иже възлюби новыя люди, Руськую землю, просвѣти ю крещеньемъ святымъ.

Володимеръ просвѣщенъ самъ и сынове его и земля его. Бѣ бо у него сыновъ 12: Вышеславъ, Изяславъ, Ярославъ, Святополкъ, Всеволодъ, Святославъ, Мьстиславъ, Борисъ, Глѣбъ, Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ. И посади Вышеслава въ Новѣгородѣ, а Изяслава Полотьскѣ, а Святополка Туровѣ, а Ярослава Ростовѣ; умерьшю же старѣишему Вышеславу Новѣгородѣ, посадиша Ярослава Новѣгородѣ, а Бориса Ростовѣ, а Глѣба Муромѣ, Святослава Деревѣхъ, Всеволода Володимери, Мстислава Тмуторакани. И рече Володимеръ: се не добро еже малъ городъ около Киева. И нача ставити городы по Деснѣ и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и Стугнѣ. и поча нарубати [42]) мужѣ лучьшиѣ [42]) отъ Словень, и отъ Кривичь, и отъ Чюди, и отъ Вятичь, и отъ сихъ насели грады; бѣ бо рать отъ Печенѣгъ, и бѣ воюяся съ ними и одалая имъ.

Въ лѣто 6490 (читай 6497). По семь же Володимеръ живяше въ законѣ хрестьяньстѣ, помысли создати церковь Пресвятыя Богородица, пославъ приведе я [43]) мастеры отъ Грекъ. И наченшю же здати, и яко сконча зижа, украси ю иконами и поручи Настасу Корсунянину и попы Корсуньскыя пристави служити въ ней, вдавъ ту все, еже бѣ взялъ въ Корсуни, иконы и съсуды и кресты.

Въ лѣто 6499. Володимеръ заложи градъ Бѣлъгородъ, и наруби въ не [44]) отъ инѣхъ градовъ, и много людии сведе вонь, бѣ бо любя градъ сь.

---

42) *Нарубати*—нахватывать, насильно набирать людей.

43) *Мужи лучшиѣ*—по цс. было бы: мужа лучьшая.

44) *Приведе я*—въ проч. спискахъ *я* не читается.

4. Войны Владиміра съ Печенѣгами и кончина его.

Въ лѣто 6500. Иде на хорваты. Пришедьшю бо ему съ воины Хорватьскыя, и се Печенѣзи придоша по оной сторонѣ отъ Сулы; Володимеръ же поиде противу имъ, и срете и на Трубежи на бродѣ, кде нынѣ Переяславль. И ста Володимеръ на сей сторонѣ, а Печенѣзи на онои, и не смяху си на ону страну. И приѣха князь Печенѣжьскыи къ рѣкѣ, возва Володимера и рече ему: выпусти ты свои мужь, а я свои, да ся борета; да еще твои мужь ударить [1]) моимь, да не воюемъ за три лѣта, аще ли нашь мужь ударить, да воюемъ за три лѣта. И разидостася разно. Володимеръ же приде въ товары [2]), посла биричи по товарамъ, глаголя: нѣту ли такого мужа, иже бы ся ялъ съ Печенѣжиномь? и не обрѣтеся никдѣже. Заутра приѣхаша Печенѣзи и свои мужь приведоша, и въ нашихъ не бысть. И поча тужити Володимеръ сля по всѣмъ воемъ, и приде единъ старъ мужь ко князю и рече ему: княже, есть у мене единъ сынъ меншеи [3]) дома, а съ четырми есмь вышелъ, а онъ дома; отъ дѣтьства бо его нѣсть кто имъ ударилъ: единою бо ми и сварящю [4]), и оному мьнущю усние [5]), разгнѣвався на мя, преторже череви [6]) рукама. Князь же се слышавъ, радъ бысть, посла понь, и приведоша и ко князю, и князь повѣда ему вся; се же рече: княже, не вѣдѣ, могу ли ся, и да искусить мя; нѣту ли быка велика и силна? И налѣзоша быкъ великъ и силенъ, и повелѣ раздраждити быка; возложиша нань желѣза

1) *Ударить моимъ* (ср. ниже: удари имь)—ударить съ творит. пад., въ смыслѣ орудія (гр. Бусл. § 254).

2) *Въ товары*—въ ставки, въ палатки.

3) *Меншеи*—по цс. было бы: мьньшии.—Въ Никоновской лѣтописи передается имя этого отрока, убившаго Печенѣжина: Янъ Усмошвецъ.

4) *Сварити*—бранить.

5) *Усние*—шкура, обувь.

6) *Черевии*—рус. ф., по цс. *чрьвие*, черевии—кожа, обувь.

горяча, и быка пустиша, и побѣже быкъ мимо и, и похвати быка рукою за бокъ, и выня кожю съ мясы, елико ему рука зая, и рече ему Володимеръ: можеши ся съ нимъ бороти. И наутрия придоша Печенѣзи, почаша звати: нѣ ли мужа? се нашь доспѣлъ. Володимеръ же повелѣ тои нощи (облещися) въ оружье; и приступиша ту обои. Выпустиша Печенѣзи мужь свои, бѣ бо превеликъ зѣло и страшенъ; и выступи мужь Володимерь, и узрѣ и Печенѣзинъ и посмѣяся, бѣ бо середнии тѣломь. И размѣривше межи обѣма полкома, пустиша я къ собѣ, и ястася, почаста ся крѣпко держати, и удави Печенѣзина въ руку до смерти, и удари имь [7]) о землю; и кликнуша, и Печенѣзи побѣгоша; и Русь погнаша по нихъ сѣкуще, и прогнаша я. Володимеръ же радъ бывъ, заложи городъ на бродѣ томь и нарече и Переяславль, зане перея славу отроко-тъ. Володимеръ же великимь мужемъ створи того и отца его. Володимеръ же възвратися въ Кыевъ съ побѣдою и съ славою великою.

Въ лѣто 6502, въ лѣто 6503, въ лѣто 6504. Володимеръ видѣвъ церковь свершену, вшедъ въ ню и помолися Богу, глаголя: Господи Боже, призри съ небесе и вижь, и посѣти винограда своего, и сверши, яже насади десница твоя, новыя люди си, имже обратилъ еси сердце въ разумъ, познати тебе Бога истинного [8]); и призри на церковь твою си, юже создахъ недостоиныи рабъ твои въ имя рожьшая тя матере, приснодѣвыя Богородица; аже кто помолиться въ церкви сеи, то услыши молитву его молитвы ради пречистыя Богородица. И помолившюся ему, рекъ сице: даю церкви сеи святѣи Богородици отъ имѣнья моего и отъ градъ моихъ десятую часть. И положи написавъ клятву въ церкви сеи, рекъ: аще кто сего посудить, да будеть проклятъ. И вдасть десятину Настасу Корсунянину, и створи праздникъ великъ въ тъ

7) *Удари имь*—въ значеніи повалилъ на землю.

8) *Истинного*—вм. истиньнаго.

день боляромъ и старцемъ людьскымъ, и убогимъ раздая имѣнье много. По сихъ же придоша Печенѣзи къ Василеву, и съступившимъся и не могъ сътерпѣти противу, подъбѣгъ, ста подъ мостомъ, одва укрыся противныхъ; и тогда обѣщася Володимеръ поставити церковь Василевѣ святаго Преображенья, бѣ бо въ тъ день Преображенье Господне, егда си бысть сѣча. Избывъ же Володимеръ сего, постави церковь, и створи праздникъ великъ, варя 300 проваръ меду, и съзываше боляры своя, и посадникы, старѣишины по всемъ градомъ, и люди многы, и раздая убогимъ 300 гривенъ. Праздновавъ князь днии 8, и възвращашеться Кыеву на Успенье святыя Богородица, и ту папы ствараще (чит. ствараще) праздникъ великъ, сзывая бещисленое множьство народа. Видя же люди хрестьяны суща, радовашеся душею и тѣломь, и тако по вся лѣта твораше, бѣ бо любя словеса книжная. Слыша бо единою Еуангелье чтомо: блажени милостивии, яко ти помиловани будуть. и пакы: продаите имѣнья ваша и дадите нищимъ. и пакы: не скрываите собѣ сокровищь на земли, идеже тля тлить и татье подъкоповають; но скрывайте собѣ скровище на небесѣхъ, идеже ни тля тлить, ни татье крадуть. И Давыда глаголюща: блаженъ мужь милуя и дая. Соломона же слыша глаголюща: вдаяи нищему, Богу взаимъ даеть. Си слышавъ, повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжь и взимати всяку потребу, питье и яденье, и отъ скотниць [9]) кунами. Устрои же и се, рекъ: яко немощни и болнии не могуть долѣсти двора моего. Повелѣ пристроити кола; въскладше хлѣбы, мяса, рыбы, овощь розноличныи, медъ въ бчелкахъ [10]), а въ другыхъ квасъ, возити по городу въпрашающимъ: кде болнии и нищь немогы ходити? Тѣмъ раздаваху на потребу. Се же папы твораше людемъ своимъ [11]) по вся недѣля: устави на дворѣ въ гридь-

9) *Скотьница*—казнохранилище, отъ *скотъ*, имѣвшаго значенія казны, денегъ (ср. pecuniae—pecus).

10) Бчелкахъ—читай: бъчькахъ. 11) *Люди свои*, мужъ свой, мужъ его—во всѣхъ

ницѣ пиръ творити, и приходити боляромъ, и гридемъ [12]), и съцьскымъ [13]), и десяцьскымъ и нарочитымъ мужемъ, при князи и безъ князя: бываше множьство отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, бяше по изобилью отъ всего. Егда же подъпьяхуться, начьняхуть роптати на князь, глаголюще: зло есть нашимъ головамъ! да намъ ясти деревяными лъжицами, а не сребряными. Се слышавъ Володимеръ, повелѣ исковати лжицѣ серебрены ясти дружинѣ, рекъ сице: яко сребромь и златомь не имамъ налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мои и отецъ мои доискася дружиною злата и сребра. Бѣ бо Володимеръ любя дружину и съ ними думая о строи земленѣмь, и о ратехъ, и уставѣ земленѣмь; и бѣ жива [14]) съ князи околними миромь, съ Болеславомъ Лядьскымъ, и съ Стефаномъ Угрьскымь, а съ Андрихомь Чешьскымь, и бѣ миръ межю ими и любы. Живяше же Володимеръ въ страсѣ Божьи, и умножишася разбоеве [15]), и рѣша епископи Володимеру: се умножишася разбоиници, почто не казниши ихъ? Онъ же рече имъ: боюся грѣха. Они же рѣша ему: ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье; достоить ти казнити разбоиника, но со испытомъ. Володимеръ же, отвергъ виры [16]), нача казнити разбоиникы, и рѣша епископи и старци: рать многа, оже вира, то на оружьи и на конихъ буди. И рече Володимеръ: (тако буди. И живяше Володимеръ) по устроенью отьню и дѣдню.

этихъ выраженіяхъ притяжательное мѣстоимѣніе обозначаетъ непосредственное отношеніе лица къ князю, почетныхъ людей. дружинниковъ, въ противоположность всей остальной массѣ народонаселенія.

12) *Гриди, гридь*—члены дружины, младшіе относительно боляръ (ср. *гридьба*—соб. въ значеніи дружина.—*Гридница*, гридня—покой при княжескомъ дворѣ, гдѣ собиралась дружина.

13) *Соцкіе*, десяцкіе—горожане, относительно военной службы, раздѣлялись на десятки и сотни. Высшимъ начальникомъ надъ этими отдѣлами былъ тысяцкій.

14) *Жива*—прич. наст. вм. живы.

15) *Разбой*—значило и просто убійство.

16) *Вира*—денежная пеня.

Въ лѣто 6505. Володимеру же шедшю Новугороду по верховьниѣ воѣ на Печенѣгы, бѣ бо рать велика бесперестани, въ се же время увѣдѣша Печенѣзи, яко князя нѣту, придоша и сташа около Бѣлагорода. И не дадяху вылѣсти изъ города, и бысть гладъ великъ въ городѣ, и не бѣ лзѣ Володимеру помочи, не бѣ бо вои у него, Печенѣгъ же множьство много. И удолжися остоя въ городѣ, и бѣ гладъ великъ, и створиша вѣче въ городѣ, и рѣша: се уже хочемъ померети отъ глада, а отъ князя помочи нѣту; да луче ли ны померети? вдаимыся Печенѣгомъ. да кого живять, кого ли умертвять; уже помираемъ отъ глада. И тако свѣтъ створиша. Бѣ же единъ старець не былъ на вѣчи томь, и впраша, что ради вѣче было? и людье повѣдаша ему, яко утро хотять ся людье передати Печенѣгомъ. Се слышавъ, посла по старѣишины градьскыя и рече имъ: слышахъ, яко хочете ся передати Печенѣгомъ; не стерпять людье глада. И рече имъ: послушаите мене, не передаитеся за три дни, и я вы что велю, створите. Они же ради обѣщашася послушати, и рече имъ: сберѣте аче и по горсти овса, или пшеницѣ, ли отрубъ. Они же шедше ради снискаша. И повелѣ женамъ створити цѣжь [17]), въ немь же варять кисель, и повелѣ ископати колодязь, и вставати тамо кадь, и нальяти цѣжа кадь, и повелѣ другыи колодязь ископати, и вставити тамо кадь. И повелѣ искати меду, они же шедше взяша меду лукно, бѣ бо погребѣно въ княжи медуши [18]); и повелѣ росытити велми, и вълияти въ кадь въ друзѣмь колодязи. Утро же повелѣ послати по Печенѣгы; и горожане же рѣша шедше къ Печенѣгомъ: поимѣте къ собѣ таль [19]) нашь, а вы поидѣте до 10 мужь въ градъ, да видите, что ся дѣеть въ градѣ нашемь? Печенѣзи же ради бывше, мняще, яко предатися хо-

17) *Цѣжь*—кисельный растворъ.

18) *Медуша*—подвалъ, гдѣ берегли медъ.

19) *Таль*—заложникъ.

тять, пояша у нихъ тали, а сами избраша лучьшиѣ мужи въ родѣхъ, и послаша въ градъ, да розглядають въ городѣ, что ся дѣеть? И придоша въ городъ, и рекоша имъ людье: почто губите себе? коли можете престояти насъ? аще стоите за 10 лѣтъ, что можете створите намъ? имѣемъ бо кормлю отъ землѣ; аще ли не вѣруете, да узрите своима очима. И приведоша я къ кладязю, идѣже цѣжь, и почерпоша вѣдромь, и льяше въ латки [20]); и яко свариша кисель, и поимше придоша съ ними къ другому кладязю, и почерпоша сыты, и почаша ясти сами первое, потомь же Печенѣзи. И удивишася, и рекоша: не имуть вѣры наши князи, аще не ядять сами. Людье же нальяша корчагу цѣжа и сыты отъ колодязя, вдаша Печенѣгомъ; они же пришедше, повѣдаша вся бывшая. И варивше яша князи Печенѣзьстии, и подивишася, и поимше тали своя и онѣхъ пустивше, въсташа отъ града въсвояси идоша.

Въ лѣто 6520, въ лѣто 6521, въ лѣто 6522 Ярославу же сущу Новѣгородѣ, и урокомь дающю Кыеву двѣ тысячѣ гривнѣ [21]) отъ года до года, а тысячю Новѣградѣ гридемъ раздаваху: а тако даяху посадници Новъгородьстии, а Ярбславъ не даяше отцю своему. И рече Володимеръ: требите [22]) путь и мостите мость, хотяшеть бо на Ярослава ити, на сына своего, но разболѣся.

Въ лѣто 6523. Хотящю Володимеру ити на Ярослава, Ярославъ же, послявъ за море, приведе Варягы, бояся отца своего: но Богъ не вдасть дьяволу радости. Володимеру бо разболѣвшюся, въ се же время бяше унего Борисъ; Печенѣгомъ идущемъ на Русь, посла противу имъ Бориса, самъ бо боляше велми, въ неиже болѣсти и скончася мѣсяца Иуля въ 15 день. Умре же на Берестовѣмь, и потаиша и, бѣ бо Свя-

20) *Въ латки*—въ одномъ спискѣ поправлено: въ котлы.

21) *Гривнь*—въ проч. спискахъ гривенъ.

22) *Требити*—прочищать, прокладывать.

тополкъ Кыевѣ. Ночью же межю клѣтми проимавше помостъ [23]) обертѣвше въ коверъ, и ужи съвѣсиша на землю; взъложьше и на сани, везъше поставиша и въ святѣи Богородици, юже бѣ създалъ самъ. Се же увѣдѣвъше людье, бещисла снидошася и плакашася по немь, боляре и акы заступника ихъ земли, убозии акы заступника и кормителя; и вложиша и въ корсту [24]) мороморяну, схраниша тѣло его съ плачемь, блаженаго князя. Се есть новыи Констянтинъ великого Рима, иже крестивъся самъ и люди своя; тако и сь створи подобно ему. Аще бо бѣ и преже на скверньную похоть желая, но послѣже прилежа къ покаянью, якоже Апостолъ вѣщаваеть: идеже умножиться грѣхъ, ту изобильствуеть благодать. Дивно же есть се, колико добра створилъ Русьстѣи земли, крестивъ ю. Мы же, хрестьяне суще, не въздаемъ почестья противу онаго възданью. Аще бы онъ не крестилъ бы насъ, то нынѣ были быхомъ [25]) въ прельсти дьяволи, якоже и прародители наши погынуша. Да аще быхомъ имѣли потщанье, и мольбы приносили Богу зань въ день преставленья его; и видя бы Богъ тщанье наше къ нему, прославилъ бы и: намъ бо достоить зань Бога молити, понеже тѣмь Бога познахомъ. Но дажь ти Господь по сердцю твоему, и вся прошенья твоя исполни, егоже желаше, царства небеснаго: дажь ти Господь вѣнецъ съ праведными, въ пищи раистѣи веселье и ликъствованье съ Авраамомь и съ прочими патриархы; якоже Соломонъ рече: умершю мужу праведну, не погыбаетъ упованье. Сего бо въ память держать Русьстии людье, поминающе святое крещенье, и прославляють Бога въ молитвахъ и въ пѣснехъ, и въ псалмѣхъ, поюще Господеви,—новии людье, просвѣщени святымъ

---

23) *Помостъ*—переходъ. сѣни, соединяющія клѣти.

24) *Корста*—гробъ.

25) *Были быхомъ*—прошед. условное.

Духомъ, чающе надежи великаго Бога и Спаса нашего Ісуса Христа, въздати комуждо противу трудомъ, неизреченьную радость, юже буди улучити всѣмъ хрестьяномъ.—

---

5. Убіеніе Бориса и Глѣба.

Святополкъ же сѣде Кыевѣ по отци своемь и съзва Кыяны, и нача даяти имъ имѣнье; они же приимаху, и не бѣ сердце ихъ съ нимь, яко братья ихъ бѣша съ Борисомь. И Борису же възъвратившюся съ вои, не обрѣтшю Печенѣгъ, вѣсть приде къ нему: отецъ ти умерелъ. И плакася по отци велми, любимъ бо бѣ отцемь своимь паче всѣхъ, и ста на Льтѣ пришедъ. Рѣша же ему дружина отня: се дружина у тобе отьня и вои, [1]) поиди, сяди Кыевѣ на столѣ отни. Онъ же рече: не буди мнѣ възняти [2]) рукы на брата своего старѣишаго; аще и отець ми умре, то сь ми буди въ отца мѣсто. И се слышавше вои, разидошася отъ него, Борисъ же стояше съ отрокы своими. Святополкъ же исполнивъся безаконья, Каиновъ смыслъ приимъ, посылая къ Борису, глаголаше: яко съ тобою хочю любовь имѣти, и къ отню предамь [3]) ти. а льстя подъ нимь, како бы и погубити. Святополкъ же приде ночью Вышегороду отаи, призва Путшю и Вышегородьскыѣ болярьцѣ [4]), и рече имь: прияете ли ми всѣмъ сердцемь? Рече же Путьша съ Вышегородьци: можемъ главы свои сложити за тя. Онъ же рече имъ: не повѣдуче [5]) никому же, шедше убиите брата моего Бориса.

---

1) *Дружина отьня и вои.*—Изъ этого мѣста Лѣтописи видно различіе воевъ отъ дружины. Вои—войско набранное по случаю похода изъ городскаго и сельскаго народонаселенія, по окончаніи похода оно распускалось.

2) *Възняти*, вм. взяти, въ смыслѣ *поднять*.

3) *Предамь*—въ др. сп. *придамь*, прибавлю.

4) *Болярцы*—мужи княжіе, жившіе по городамъ, названы уменьшительнымъ именемъ для отличія отъ бояръ, жившихъ при князѣ въ стольномъ городѣ.

5) *Повѣдуче*—по цс. было бы *повѣдуще*.

Они же вскорѣ обѣщашася ему се створити. О сяковыхъ бо Соломонъ рече: скори суть пролити кровь безъ правды; ти бо обьщаются крови, сбирають себѣ злая; си путье суть скончавающихъ безаконье, нечестьемъ бо свою душу емлють. Послании же придоша на Льто ночью, и подъступиша ближе, и слышаша блаженаго Бориса поюща заутреню; бѣ бо ему вѣсть уже, яко хотять погубити и. И вставъ нача пѣти, глаголя: Господи, что ся умножиша стужающии [6]) мнѣ? мнози въстають на мя. и пакы: яко стрѣлы твоя уньзоша [7]) во мнѣ; яко азъ на раны готовъ, и болѣзнь моя предъ мною есть. и пакы глаголаше: Господи, услыши молитву мою, и не вниди въ судъ съ рабомъ своимъ, яко не оправдится предъ тобою всякъ живыи, яко погна врагъ душю мою. И кончавъ оксапсалла, [8]), увидѣвъ, яко послани суть губить [9]) его, нача пѣти псалтырю, глаголя: яко обидоша мя унци [10]) тучни, и сборъ злобивыхъ осѣде мя; Господи Боже мои, на тя уповахъ, и спаси мя и отъ всѣхъ гонящихъ избави мя. Посемь же нача канунь пѣти; таче кончавъ заутреню, помолися глаголя, зря на икону на образъ Владычнь, глаголя сице: Господи Ісусе Христѳ, иже симь образомь явися на земли спасенья ради нашего, изволивъ своею волею пригвоздити на крестѣ руцѣ свои, и приимъ страсть грѣхъ ради нашихъ тако и мене сподоби прияти страсть; се же не отъ противныхъ приимаю, но отъ брата своего, и не створи ему, Господи, въ семь грѣха. И помолившюся ему, възлеже на одрѣ своемь. И се нападоша акы звѣрье дивии около шатра, и насунуша и копьи, и прободоша Бориса, и слугу его, падша

---

6) Стужающии—прич. наст. им. п. мн. ч. отъ сътужати—дѣлать несчастнымъ убивать духомъ.

7) *Уньзоша*—прош. 3 л. мн. ч. отъ уньзнути, вонзиться.

8) *Оксапсалма* т. е. шесть утреннихъ псалмовъ.

9) *Губитъ*—достиг. наклоненіе.

10) *Уньць* (въ Остр. Ев. юньць)—волъ.

на немь, прободоша съ нимь; бѣ бо се любимъ Борисомь. Бяше отрокъ сь родомь сынъ Угърескъ, именемь Георгии, его же любляше повелику Борисъ, бѣ бо възложилъ нань гривну [11]) злату велику, въ неи же предъстояше предь нимь: и избиша же и ины отрокы Борисовы многы. Георгеви же сему не могуще вборзѣ сняти гривны съ шиѣ, усѣкнуша главу его, и тако сняша; и тѣмь же послѣ же не обрѣтоша тѣла сего въ трупии. Бориса же убивше оканьнии, увертѣвше въ шатеръ, взложивше на кола [12]), повезоша и, и еще дышющю ему. *Увъдъвше* [13]) же се оканьныи Святополкъ, яко еще дышеть посла два варяга прикончатъ [14]) его: онѣма же пришедшема, (и видѣша) яко и еще живъ есть; единъ ею извлекъ мечь, проньзе и къ сердцю. И тако скончася блаженыи Борисъ, вѣнець приемъ отъ Христа Бога съ праведными, пречетъся съ Пророкы и Апостолы, съ ликы Мученичьскыми водворяяся, Авраму на лонѣ почивая, видя неиздреченьную радость, въспѣвая съ Ангелы, и веселяся въ лику святыхъ. И положиша тѣло его, принесше отаи Вышегороду, у церкве святаго Василья. Оканьнии же си убиицѣ придоша къ Святополку, акы хулу имуще, безаконьници. Суть же имена симъ законопреступникомъ: Путьша, и Талець, Еловить, Ляшько; отецъ же ихъ сотона. Сици бо слугы бѣси бывають; бѣси бо на злое посылаеми бывають, Ангели на благое посылаеми. Ангелъ бо человѣку зла не створяеть, но благое мыслить ему всегда, паче же хрестьяномъ помогають, и заступають отъ супротивнаго дьявола: а бѣси на злое всегда ловять, завидяще ему; понеже видить человѣка Богомь почьщена [15]), и завидяще ему, на зло слеми скори суть. Золъ бо человѣкъ, тщася

11) *Гривна*—ожерелье, кованное изъ металла.
12) *Кола*—повозка.
13) *Увъдъвше*—прич. прош. мн. вм. ед. *увъдъвъ*:
14) *Прикончатъ*—достиг. наклоненіе.
15) *Почьщена* вм. почьтена.

на злое, не хужи есть бѣса; бѣси бо Бога боятся, а золъ человѣкъ ни Бога боится, ни человѣкъ ся стыдить; бѣси бо креста ся боять Господня, а человѣкъ золъ ни креста ся боить.

Святополкъ же окаяньныи помысли въ собѣ, рекъ: се убихъ Бориса, како бы убити Глѣба? И приемъ помыслъ Каиновъ, съ лестью посла къ Глѣбу, глаголя сице: поиди вборзѣ, отець ти зоветь, нездравить бо велми. Глѣбъ же, вборзѣ всѣдъ на конѣ, съ малою дружиною поиде, бѣ бо послушливъ отцю. И пришедшю ему на Волгу, на поли потчеся [16]) конь въ рвѣ, и наломи ему ногу мало; и приде Смоленьску, и поиде отъ Смоленьска яко зрѣемо и ста на Смядинѣ въ насадѣ [17]). Въ сеже время пришла бѣ вѣсть къ Ярославу отъ Передъславы о отни смерти, и посла Ярославъ къ Глѣбу, глаголя: не ходи, отець ти умерлъ [18]), а братъ ти убьенъ отъ Святополка. Се слышавъ Глѣбъ, възпи велми съ слезами, плачася по отци, паче же по братѣ, и нача молитися съ слезами, глаголя: увы мнѣ, Господи! луче бы ми умрети съ братомь, нежели жити на свѣтѣ семь; аще бо быхъ [19]) брате мои, видѣлъ лице твое ангельское, оумерлъ быхъ съ тобою: нынѣ же что ради остахъ азъ единъ? кдѣ суть словеса твоя, яже глагола къ мнѣ, брате мои любимыи? нынѣ уже не услышю тихаго твоего наказанья: да аще еси получилъ дерзновенье у Бога, молися о мнѣ, да и азъ быхъ туже страсть приялъ; луче бо ми было съ тобою жити, неже въ свѣтѣ семь прелестнѣмь. И сице ему молящюся съ слезами, се внезапу придоша послании отъ Святополка на погубленье Глѣбу, и ту абье послании яша корабль Глѣбовъ, и обнажиша оружье. Отроци Глѣбови уныша; окаяныи же посланыи Горясѣръ повелѣ вборзѣ зарѣзати Глѣба; поваръ

16) *Потчеся*—отъ гл. потъкнутися, споткнуться.
17) *Насадъ*—водоходное судно.
18) *Умерлъ*—прич. прош. спряг. безъ вспомог. глагола.
19) *Быхъ видѣлъ*,—умерлъ быхъ,—быхъ приялъ—прош. условн.

же Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, вынезъ ножь, зарѣза Глѣба. Акы агня непорочно принесеся на жертву Богови, въ воню благоуханья, жертва словесная, и прия вѣнець; вшедъ въ небесныя обители, и узрѣ желаемаго брата своего, и радовашеся съ нимь неиздреченьною радостью, юже улучиста братолюбьемь своимь. Се коль добро и коль красно, еже жити братома вкупѣ! Оканьнии же възвратишася въспять, якоже рече Давыдъ: да възвратятся грѣшници въ адъ. Онѣмъ же пришедшимъ, и повѣдаша Святополку: яко створихомъ повелѣная тобою. Онъ же се слышавъ, възнесеся сердце его болма, невѣдый Давыда глаголюща: что ся хвалиши о злобѣ, силныи? безаконье весь день умысли языкъ твои. Глѣбу же убьену бывшю и повержену на брезѣ межи двѣма колодама, посемь же вземше везоша и, и положиша и у брата своего Бориса у церкве святаго Василья. И съвкуплена тѣломь, паче же душама у Въладыкы Всецаря, пребывающа въ радости бесконечнѣи, во свѣтѣ неиздреченьнѣмь, подающа ицѣлебныя дары Русьстѣи земли, и инѣмъ приходящимъ страннымъ съ вѣрою даета ицѣленье: хромымъ ходити, слѣпымъ прозрѣнье, болящимъ цѣлбы, окованымъ разрѣшенье, темницамъ отверзенье, печалнымъ утѣха, напастнымъ избавленье, и еста заступника Русьстѣи земли, и свѣтилника сияюща и молящася воину [20]) къ Владыцѣ о своихъ людехъ.

Святополкъ же сь оканьныи и злыи уби Святослава,ославъ, въ горѣ Угорьстѣи, бѣжащю ему въ Угры; и нача помышляти: яко избью всю братью свою, и прииму власть Русьскую единъ. Помысливъ высокоумъемь своимь, невѣдыи, яко Богъ даеть власть, ему же хощеть; поставляеть бо царя и князя Вышнии, ему же хощеть, дасть. Аще бо кая земля управится предъ Богомь, поставляеть еи царя или князя праведна, любяща судъ и правду, и властеля устрояеть, и судью

---

20) *Воину, вьину, вьиу*—навсегда.

правящаго судъ. Аще бо князи правьдиви бывають въ земли, то многа отдаются согрѣшенья; аще ли зли и лукави бываютъ, то болше зло наводить Богъ на землю, понеже то глава есть земли; тако бо Исаия рече: согрѣшиша отъ главы и до ногу. еже есть, отъ царя и до простыхъ людии. Лютѣ бо граду тому, въ немь же князь унъ, любяи вино пити съ гусльми и съ младыми свѣтникы. Сяковыя бо Богъ даеть за грѣхы, а старыя и мудрыя отъимѣть, яко же Исаия глаголеть: отъиметь Господь отъ Иерусалима крѣпкаго исполина, и человѣка храбра, и судью и Пророка, и смѣрена старца, разумна, послушлива; поставлю уношю князя имъ, и ругателя обладающа ими.

Изъ Исторіи государства Россійскаго Карамзина отрывки для сравнительнаго изученія съ лѣтописью.

Убіеніе Игоря. Игорь, одаривъ пословъ Греческихъ мѣхами драгоцѣнными, воскомъ и плѣнниками, отпустилъ ихъ къ Императору съ дружественными увѣреніями. Онъ дѣйствительно хотѣлъ мира для своей старости; но корыстолюбіе собственной дружины его не позволило ему наслаждаться спокойствіемъ. «Мы босы и наги, говорили воины Игорю, а Свѣнельдовы отроки богаты оружіемъ и всякою одеждою. *Поди въ дань* съ нами, да и мы, вмѣстѣ съ тобою, будемъ довольны.» *Ходить въ дань* значило тогда объѣзжать Россію и собирать налоги. Древніе Государи наши, по извѣстію Константина Багрянороднаго, всякой годъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ отправлялись съ войскомъ изъ Кіева для объѣзда городовъ своихъ и возвращались въ столицу не прежде Апрѣля. Цѣлію сихъ путешествій, какъ вѣроятно, было и то, чтобы укрѣплять общую государственную связь между разными областями, или содержать народъ и чиновниковъ въ зависимости отъ Великихъ Князей. Игорь, отдыхая въ старости, вмѣсто себя посылалъ, кажется, вельможъ и бояръ, особенно

Свѣнельда, знаменитаго воеводу, который, собирая государственную дань, могъ и самъ обогащаться, вмѣстѣ съ отроками своими или отборными молодыми воинами, его окружавшими. Имъ завидовала дружина Игорева, и князь, при наступленіи осени, исполнилъ ея желаніе; отправился въ землю Древлянъ, и забывъ, что умѣренность есть добродѣтель власти, обременилъ ихъ тягостнымъ налогомъ. Дружина его — пользуясь, можетъ быть, слабостію князя престарѣлаго — также хотѣла богатства и грабила несчастныхъ данниковъ, усмиренныхъ только побѣдоноснымъ оружіемъ. Уже Игорь вышелъ изъ области ихъ; но судьба опредѣлила ему погибнуть отъ своего неблагоразумія. Еще недовольный взятою имъ данью, онъ вздумалъ отпустить войско въ Кіевъ, и съ частію своей дружины возвратиться къ Древлянамъ, чтобы требовать новой дани. Послы ихъ встрѣтили его на пути, и сказали ему: «князь! мы все заплатили тебѣ: для чего же ты опять идешь къ намъ?» Ослѣпленный корыстолюбіемъ, Игорь шелъ далѣе. Тогда отчаянные Древляне, видя — по словамъ Лѣтописца — что *надобно умертвить хищнаго волка, или все стадо будетъ его жертвою*, вооружились подъ начальствомъ князя своего, именемъ Мала; вышли изъ Коростена, убили Игоря со всею дружиною и погребли недалеко оттуда. Византійскій историкъ повѣствуетъ, что они, привязавъ сего несчастнаго князя къ двумъ деревамъ, разорвали на-двое. (т. I, гл. VI).

Примѣчаніе. Въ разсказѣ объ убіеніи Игоря Карамзинъ удерживаетъ одно лѣтописное выраженіе: *ходить въ дань.* Другія слова лѣтописи передаются въ свободномъ переложеніи. Сличеніе этихъ переложеній съ подлинникомъ.—Какими историческими соображеніями дополняетъ Карамзинъ разсказъ Лѣтописи? Выраженія: «*умѣренность есть добродѣтель власти*», «*несчастные данники*», «*побѣдоносное оружіе*», «*ослѣпленный корыстолюбіемъ.*»

Правленіе Ольги. Месть Древлянамъ Святославъ, сынъ Игоревъ, первый князь Славянскаго имени, былъ еще отрокомъ. Бѣдственный конецъ родителя, новость державы, только мечемъ основанной и хранимой; бунтъ Древлянъ; безпокойный духъ войска, пріученнаго къ дѣятельности, завоеваніямъ и грабежу; честолюбіе полководцевъ Варяжскихъ, смѣлыхъ и горцыхъ, уважавшихъ одну власть счастливой храбрости: все угрожало Святославу и Россіи опасностями. Но Провидѣніе сохранило и цѣлость державы и власть государя, одаривъ его мать свойствами души необыкновенной. Юный князь воспитывался бояриномъ Асмудомъ: Свѣнельдъ повелѣвалъ войскомъ. Ольга—вѣроятно, съ помощію сихъ двухъ знаменитыхъ мужей—овладѣла кормиломъ государства, и мудрымъ правленіемъ доказала, что слабая жена можетъ иногда равняться съ великими мужами. Прежде всего Ольга наказала убіицъ Игоревыхъ. Здѣсь Лѣтописецъ сообщаетъ намъ *многія подробности*, отчасти несогласныя ни съ вѣроятностями разсудка, ни съ важностію исторіи, и взятыя, безъ всякаго сомнѣнія, изъ народной *сказки*; но какъ истинное происшествіе должно быть ихъ *основаніемъ*, и самыя басни древнія любопытны для ума внимательнаго, изображая обычаи и духъ времени: то мы повторимъ Несторовы простыя сказанія *о мести и хитростяхъ Ольгиныхъ*. «Гордясь убійствомъ, какъ побѣдою и презирая малолѣтство Святослава, Древляне вздумали присвоить себѣ власть надъ Кіевомъ, и хотѣли, чтобъ ихъ князь Малъ женился на вдовѣ Игоря: ибо они, платя дань государямъ Кіевскимъ, имѣли еще князей собственныхъ. Двадцать знаменитыхъ пословъ Древлянскихъ приплыли въ ладіи къ Кіеву [1]) и сказали Ольгѣ: *Мы убили твоего мужа за его хищность и грабительство; но князья Древлянскіе добры и великодушны: ихъ земля цвѣтетъ и благоден-*

1) Здѣсь Несторъ описываетъ положеніе древняго Кіева: чѣмъ мы воспользуемся въ другомъ мѣстѣ. (Замѣчаніе Карамзина).

ствуетъ. Будь супругою нашего князя Мала. Ольга съ ласкою отвѣтствовала: *Мнѣ пріятна рѣчь ваша, уже не могу воскресить супруга! завтра окажу вамъ всю должную честь. Теперь возратитесь въ ладію свою, и когда люди мои придутъ за вами, велите имъ нести себя на рукахъ....* Между тѣмъ Ольга приказала на *дворѣ теремномъ* и скопать глубокую яму и на другой день звать пословъ. Исполняя волю ея, они сказали: *не хотимъ ни итти, ни ѣхать: несите насъ въ ладіи!* Кіевляне отвѣтствовали: *что дѣлать! мы невольники; Игоря нѣтъ, а Княгиня наша хочетъ быть супругою вашего князя*—и понесли ихъ. Ольга сидѣла въ своемъ теремѣ и смотрѣла, какъ Древляне гордились и величались, не предвидя своей гибели: ибо Ольгины люди бросили ихъ, вмѣстѣ съ ладіею, въ яму. Мстительная княгиня спросила у нихъ, довольны ли они сею *честію*? Несчастные изъявили воплемъ раскаяніе въ убіеніи Игоря, но поздно: Ольга велѣла ихъ засыпать живыхъ землею, и чрезъ гонца объявила Древлянамъ, что они должны прислать за нею еще болѣе знаменитыхъ мужей: ибо народъ Кіевскій не отпуститъ ее безъ ихъ торжественнаго и многочисленнаго посольства. Легковѣрные немедленно отправили въ Кіевъ лучшихъ гражданъ и начальниковъ земли своей. Тамъ, по древнему обычаю Славянскому, для гостей изготовили баню, и въ ней сожгли ихъ. Тогда Ольга велѣла сказать Древлянамъ, чтобы они варили медъ въ Коростенѣ; что она уже идетъ къ нимъ, желая прежде втораго брака совершить тризну надъ могилою перваго супруга. Ольга дѣйствительно пришла къ городу Коростену, оросила слезами прахъ Игоревъ, насыпала высокій бугоръ надъ его могилою, донынѣ видимый, какъ увѣряютъ, близъ сего мѣста — и въ честь его совершила тризну. Началось веселое пиршество. Отроки княгинины угощали знаменитѣйшихъ Древлянъ, которые вздумали наконецъ спросить о своихъ послахъ; но удовольствовались отвѣтомъ,

что они будутъ вмѣстѣ съ Игоревою дружиною.—Скоро дѣйствіе крѣпкаго меда омрачило головы неосторожныхъ: Ольга удалилась, подавъ знакъ воинамъ своимъ—5000 Древлянъ, ими убитыхъ, легло вокругъ Игоревой могилы. Ольга, возвратясь въ Кіевъ, собрала многочисленное войско и выступила съ ними противъ Древлянъ, уже наказанныхъ хитростію, но еще непокоренныхъ силою. Оно встрѣтилось съ ними, и младый Святославъ самъ началъ сраженіе. Копіе, брошенное въ непріятеля слабою рукою отрока, упало къ ногамъ его коня; но полководцы, Асмудъ и Свенѣльдъ, ободрили воиновъ примѣромъ юнаго Героя, и съ восклицаніемъ: *друзья! станемъ за князя*! устремились въ битву. Древляне бѣжали съ поля, и затворились въ городахъ своихъ. Чувствуя себя болѣе другихъ виновными, жители Коростена цѣлое лѣто оборонялись съ отчаяніемъ. Тутъ Ольга прибѣгнула къ новой выдумкѣ. *Для чего вы упорствуете*? велѣла она сказать Древлянамъ: *всѣ иные города ваши сдалися мнѣ, и жители ихъ мирно обработываютъ нивы ихъ: а вы хотите умереть голодомъ*! *Не бойтесь мщенія: оно уже совершилось въ Кіевѣ и на могилѣ супруга моего.* Древляне предложили ей въ дань медъ и кожи звѣрей; но Княгиня, будто бы изъ великодушія, отреклась отъ сей дани и желала имѣть единственно съ каждаго двора по три воробья и голубя! Они съ радостію исполнили ея требованіе и ждали съ нетерпѣніемъ, чтобы войско Кіевское удалилось. Но вдругъ, при наступленіи темнаго вечера, пламя объяло всѣ домы ихъ.... Хитрая Ольга велѣла привязать зажженный трутъ съ сѣрою ко взятымъ ею птицамъ и пустить ихъ на волю: онѣ возвратились съ огнемъ въ гнѣзда свои и произвели общій пожаръ въ городѣ. Устрашенные жители хотѣли спастися бѣгствомъ и попались въ руки Ольгинымъ воинамъ. Великая княгиня, осудивъ нѣкоторыхъ старѣйшинъ на смерть, другихъ на рабство, обложила прочихъ тяжкою данію.› Такъ

разсказываетъ Лѣтописецъ.... Не удивляемся жестокости Ольгиной: Вѣра и самые гражданскіе обычаи язычниковъ оправдывали месть неумолимую; а мы должны судить о герояхъ Исторіи по обычаямъ и нравамъ ихъ времени. Но вѣроятна ли оплошность Древлянъ? вѣроятно ли, чтобы Ольга взяла Коростенъ посредствомъ воробьевъ и голубей, хотя сія выдумка могла дѣлать честь народному остроумію Русскихъ въ X вѣкѣ? Истинное происшествіе, отдѣленное отъ баснословныхъ обстоятельствъ, состоитъ, кажется, единственно въ томъ, что Ольга умертвила въ Кіевѣ пословъ Древлянскихъ, которые думали, можетъ быть, оправдаться въ убіеніи Игоря; оружіемъ снова покорила сей народъ, наказала виновныхъ гражданъ Коростена, и тамъ воинскими играми, по обряду язычества, торжествовала память сына Рюрикова.

Примѣчаніе. При передачѣ подлинныхъ выраженій Лѣтописи Карамзинъ дѣлаетъ слѣдующія отступленія: «*А наши князи добры суть, иже распасли суть Деревьску землю*— князья Древлянскіе добры и *великодушны*: *ихъ земля цвѣтетъ и благоденствуетъ; поиди за князь*—будь супругою; *добра ли вы честь*—довольны ли они сею честью; *пущи ны Игоревы смерти* (слова Древлянъ) — несчастные изъявили воплемъ раскаяніе; *Лучшіе мужи, иже дерьжаху Деревьску землю*—лучшихъ гражданъ и начальниковъ земли своей; *да пристроите меды* — чтобы они варили медъ; *потягнѣте дружина по князь*—Друзья! станемъ за князя; *что хочете досѣдѣти*—для чего вы упорствуете.»

Способъ изложенія разсказа объ Ольгѣ у Лѣтописца и у Карамзина объясняетъ наглядно разницу между лѣтописью и исторіею. Лѣтописецъ не однимъ словомъ не обнаруживаетъ своихъ личныхъ соображеній, не дѣлаетъ обобщеній, выводовъ, предположеній, не относится критически къ своему разсказу. Сдѣлаемъ сличеніе. Въ лѣтописи, вслѣдъ за смертью

Игоря, разсказъ начинается прямо: «Ольга съ сыномъ Святославомъ, съ Асмудомъ и Свѣнельдомъ жили въ Кіевѣ, туда прибыло посольство отъ Древлянъ» и т. д. Историкъ начинаетъ иначе: кончивъ разсказъ о убіеніи Игоря, прежде чѣмъ обратиться къ дальнѣйшимъ событіямъ, онъ по *историческимъ соображеніямъ* представляетъ печальное положеніе малолѣтняго Святослава: «бѣдственная смерть отца, шаткость власти, бунтъ Древлянъ, честолюбіе полководцевъ, все угрожало Святославу». За тѣмъ *предварительный выводъ историка*: «Но Провидѣніе сохранило и цѣлость державы и власть государя, одаривъ его мать свойствами души необыкновенной». «Юный князь воспитывался бояриномъ Асмудомъ: Свѣнельдъ повелѣвалъ войскомъ. Ольга, вѣроятно, съ помощію сихъ двухъ знаменитыхъ мужей—овладѣла кормиломъ государства». Въ этихъ словахъ *предположеніе историка, весьма вѣроятное*, но не подтверждаемое лѣтописью. Далѣе, въ лѣтописи разсказъ о мести и хитрости Ольги передается какъ былъ, безъ всякой оговорки. Историкъ же въ этомъ разсказѣ видитъ народную сказку, и приводитъ ее потому лишь, что въ основѣ ея *должно* лежать истинное происшествіе и въ ней самой отражаются обычаи и духъ времени. Приведя баснословный разсказъ лѣтописца, историкъ съ помощію критики старается отдѣлить въ немъ истину отъ вымысловъ, *возстановить событіе*, разукрашенное народною фантазіею. Изъ всего обширнаго разсказа, такимъ образомъ, за истину принимается только то, что Ольга умертвила въ Кіевѣ пословъ Древлянскихъ, оружіемъ покорила непокорныхъ и въ землѣ ихъ справляла поминки по мужѣ.

Крещеніе Ольги. Утвердивъ внутренній порядокъ государства, Ольга возвратилась къ юному Святославу, въ Кіевъ, и жила тамъ нѣсколько лѣтъ въ мирномъ спокойствіи, наслаждаясь любовію своего признательнаго сына и не менѣе

признательнаго народа. — Здѣсь, по сказанію Нестора, оканчиваются дѣла ея государственнаго правленія; но здѣсь начинается эпоха славы ея въ нашей церковной исторіи. Ольга достигла уже тѣхъ лѣтъ, когда смертный, удовлетворивъ главнымъ побужденіямъ земной дѣятельности, видитъ близкій конецъ ея предъ собою и чувствуетъ суетность земнаго величія. Тогда истинная вѣра, болѣе нежели когда нибудь, служитъ ему опорою или утѣшеніемъ въ печальныхъ размышленіяхъ о тлѣнности человѣка. Ольга была язычница, но имя Бога Вседержителя уже славилось въ Кіевѣ. Она могла видѣть торжественность обрядовъ христіанства; могла изъ любопытства бесѣдовать съ церковными пастырями, и будучи одарена умомъ необыкновеннымъ, увѣриться въ святости ихъ ученія. Плѣненная лучемъ сего новаго свѣта, Ольга захотѣла быть христіанкою, и сама отправилась въ столицу Имперіи и Вѣры Греческой, чтобы почерпнуть его въ самомъ источникѣ. Тамъ Патріархъ былъ ея наставникомъ и крестителемъ, а Константинъ Багрянородный воспріемникомъ отъ купели. Императоръ старался достойнымъ образомъ угостить княгиню народа знаменитаго, и самъ описалъ для насъ всѣ любопытныя обстоятельства ея представленія. Когда Ольга прибыла во дворецъ, за нею шли *особы княжескія*, ея свойственницы, многія знатныя госпожи, послы россійскіе и купцы, обыкновенно жившіе въ Царѣградѣ. Константинъ и супруга его, окруженные придворными и вельможами, встрѣтили Ольгу: послѣ чего императоръ на свободѣ бесѣдовалъ съ нею въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ жила царица. Въ сей первый день, 9 сентября, былъ великолѣпный обѣдъ въ огромной, такъ называемой *храминѣ Юстиніановой*, гдѣ императрица сидѣла на тронѣ, и гдѣ княгиня россійская, въ знакъ почтенія къ супругѣ великаго царя, стояла до самаго того времени, какъ ей указали мѣсто за однимъ столомъ съ придворными госпожами. Въ часъ обѣда играла музыка, пѣвцы сла-

вили величіе Царскаго Дому и плясуны оказывали свое искусство въ пріятныхъ тѣлодвиженіяхъ. Послы россійскіе, знатные люди Ольгины и купцы обѣдали въ другой комнатѣ; потомъ дарили гостей деньгами.—На особенномъ золотомъ столикѣ были поставлены закуски: Ольга сѣла за него вмѣстѣ съ Императорскимъ семействомъ. Тогда на золотой, осыпанной драгоцѣнными камнями тарелкѣ, поднесли ей въ даръ 500 миліаризій, шести ея родственницамъ каждой 20 и осьмнадцати служительницамъ каждой 8. 18 Октября княгиня вторично обѣдала во дворцѣ и сидѣла за однимъ столомъ съ императрицею, ея невѣсткою, Романовою супругою, и съ дѣтьми его; самъ императоръ обѣдалъ въ другой залѣ со всѣми Россіянами. Угощеніе заключилось также дарами, еще умѣреннѣйшими первыхъ: Ольга получила 200 миліаризій, а другіе менѣе по соразмѣрности. Хотя тогдашніе государи Россійскіе не могли еще быть весьма богаты металлами драгоцѣнными; но *одна учтивость*, безъ сомнѣнія, заставила Великую Княгиню принять въ даръ шестнадцать червонцевъ. Къ симъ достовѣрнымъ извѣстіямъ о бытіи Ольгиномъ въ Константинополѣ народное баснословіе прибавило, въ нашей древней лѣтописи, невѣроятную сказку, что Императоръ, плѣненный ея разумомъ и красотою, предлагалъ ей руку свою и корону; но что Ольга—нареченная въ святомъ крещеніи Еленою—отвергнула его предложеніе, напомнивъ воспріемнику своему о духовномъ союзѣ съ нею, который, по закону христіанскому, служилъ препятствіемъ для союза брачнаго между ними. Во-первыхъ Константинъ имѣлъ супругу; во-вторыхъ Ольгѣ было тогда уже не менѣе шестидесяти лѣтъ. Она могла плѣнить его умомъ своимъ, а не красотою. Наставленная въ святыхъ правилахъ христіанства самимъ патріархомъ, Ольга возвратилась въ Кіевъ. Императоръ, по словамъ лѣтописца, отпустилъ ее съ богатыми дарами и съ именемъ дочери; но кажется, что она вообще была не-

довольна его пріемомъ: слѣдующее служитъ тому доказательствомъ. Скоро пріѣхали въ Кіевъ Греческіе послы требовать, чтобы великая княгиня исполнила свое обѣщаніе, и прислала въ Грецію войско вспомогательное; хотѣли также даровъ: невольниковъ, мѣховъ драгоцѣнныхъ и воску. Ольга сказала имъ: «когда царь вашъ постоитъ у меня въ Почайнѣ столько же времени, сколько я стояла у него въ Судѣ (гавани Константинопольской): тогда пришлю ему дары и войско»—съ чѣмъ послы и возвратились къ Императору. Изъ сего отвѣта должно заключить, что подозрительные Греки не скоро впустили Ольгу въ городъ и что обыкновенная надменность Двора Византійскаго оставила въ ея сердцѣ непріятныя впечатлѣнія.—Ольга, воспаленная усердіемъ къ новой вѣрѣ своей, спѣшила открыть сыну заблужденіе язычества; но юный, гордый Святославъ не хотѣлъ внимать ея наставленіямъ. Напрасно сія добродѣтельная мать говорила о счастіи быть христіаниномъ, о мирѣ, коимъ наслаждалась душа ея съ того времени, какъ она познала Бога истиннаго. Святославъ отвѣтствовалъ ей: «могу ли одинъ принять новый законъ, чтобы дружина моя посмѣялась надо мною?» Напрасно Ольга представляла ему, что его примѣръ склонилъ бы весь народъ къ христіанству. Юноша былъ непоколебимъ въ своемъ мнѣніи и слѣдовалъ обрядамъ язычества; не запрещалъ никому креститься, но изъявлялъ презрѣніе къ христіянамъ и съ досадою отвергалъ всѣ убѣжденія матери, которая, не преставая любить его нѣжно, должна была наконецъ умолкнуть и поручить Богу судьбу народа Россійскаго и сына.

Примѣчаніе. Разсказу о крещеніи Ольги Карамзинъ предпосылаетъ свое собственное размышленіе о причинахъ, побудившихъ Ольгу сдѣлаться христіянкой. Самое крещеніе и пребываніе Ольги въ Константинополѣ разсказано не по лѣтописи Нестора, а по сочиненію Византійскаго историка, им-

ператора Константина Багрянороднаго. Свидѣтельство же нашей лѣтописи упоминается только для опроверженія, какъ *невѣроятная сказка.* Вслѣдствіе такого взгляда, Карамзинъ и не воспроизводитъ лѣтописную діалогическую форму разсказа. Въ лѣтописи императоръ Греческій и Ольга выводятся какъ дѣйствующія лица и бесѣдуютъ между собою. Въ особенности второй ихъ разговоръ, послѣ крещенія, ведется въ чисто народномъ русскомъ духѣ: «И по крещеніи возвавъ ю царь и рече ей: хощю тя пояти собѣ женѣ. Она же рече: како хощеши мя поняти, крестивъ мя самъ, и нарекъ мя дъщерью? а въ хрестьянехъ того нѣсть закона, а самъ ты вѣси. И рече царь: переклюкала мя еси, Ольга».

Характеръ и подвиги Святослава. Сей князь, возмужавъ, думалъ единственно о подвигахъ великодушной храбрости, пылалъ ревностью отличить себя дѣлами и возобновить славу оружія Россійскаго, столь счастливаго при Олегѣ; собралъ войско многочисленное, и съ нетерпѣніемъ юнаго героя летѣлъ въ поле. Тамъ суровою жизнію онъ укрѣпилъ себя для трудовъ воинскихъ, не имѣлъ ни становъ, ни обоза; питался кониною, мясомъ дикихъ звѣрей, и самъ жарилъ его на углѣхъ; презиралъ хладъ и ненастье сѣвернаго климата; не зналъ шатра и спалъ подъ сводомъ неба: войлокъ подсѣдельный служилъ ему вмѣсто мягкаго ложа, сѣдло изголовьемъ. Каковъ былъ военачальникъ, таковы и воины. Древняя лѣтопись сохранила для потомства еще прекрасную черту характера его: онъ не хотѣлъ пользоваться выгодами нечаяннаго нападенія, но всегда заранѣе объявлялъ народамъ, повелѣвая сказать имъ: иду на васъ! Въ сіи времена общаго варварства гордый Святославъ соблюдалъ правила истинно рыцарской чести. Берега Оки, Дона и Волги были первымъ ѳеатромъ его воинскихъ, счастливыхъ дѣйствій. Онъ покорилъ Вятичей, которые все еще признавали себя

данниками Хана Козарскаго, и грозное свое оружіе обратилъ противъ сего, нѣкогда столь могущественнаго, владѣтеля. Жестокая битва рѣшила судьбу двухъ народовъ. Самъ Каганъ предводительствовалъ войскомъ: Святославъ побѣдилъ и взялъ Козарскую Бѣлую Вежу, или Саркелъ, какъ именуютъ ее Византійскіе историки, городъ на берегу Дона, укрѣпленный греческимъ искусствомъ. Лѣтописецъ не сообщаетъ намъ о сей войнѣ никакихъ дальнѣйшихъ извѣстій, сказывая только, что Святославъ побѣдилъ еще Ясовъ и Касоговъ.—Тогда же, какъ надобно думать, завоевали Россіяне городъ Таматарху или Фанагорію, и всѣ владѣнія Козарскія на восточныхъ берегахъ Азовскаго моря: ибо сія часть древняго Царства Воспорскаго, названная потомъ княжествомъ Тмутораканскимъ, была уже при Владимірѣ, какъ мы увидимъ, собственностію Россіи. Завоеваніе столь отдаленное кажется удивительнымъ; но бурный духъ Святослава веселился опасностями и трудами. Отъ рѣки Дона проложивъ себѣ путь къ Воспору Киммерійскому, сей герой могъ утвердить сообщеніе между областію Тмуторакапскою и Кіевомъ посредствомъ Чернаго моря и Днѣпра. Въ Тавридѣ оставалась уже одна тѣнь древняго могущества Когановъ.— Неудовольствіе императора Никифора Фоки на Болгарскаго царя Петра служило для Святослава поводомъ къ новому и еще важнѣйшему завоеванію. Императоръ, желая отмстить Болгарамъ за то, что они не хотѣли препятствовать Венграмъ въ ихъ частыхъ впаденіяхъ въ Грецію, велѣлъ Калокиру, сыну начальника Херсонскаго, ѣхать посломъ въ Кіевъ, съ обѣщаніемъ великихъ даровъ мужественному князю россійскому, ежели онъ пойдетъ воевать Болгарію. Святославъ исполнилъ желаніе Никифора, взявъ съ Грековъ на вооруженіе нѣсколько пудъ золота, и съ 60,000 воиновъ явился въ ладіяхъ на Дунаѣ. Тщетно Болгары хотѣли отразить ихъ: Россіяне, обнаживъ мечи и закрываясь щитами, устремились

на берегъ и смяли непріятелей. Города сдалися побѣдителю. Царь Болгарскій умеръ отъ горести. Удовлетворивъ мести Грековъ, богатый добычею, гордый славою, князь Россійскій началъ властвовать въ древней Мизіи: хотѣлъ еще, въ знакъ благодарности, даровъ отъ императора и жилъ весело въ Болгарскомъ Переяславцѣ, не думая о томъ, что въ самое сіе время столица его была въ опасности.

Примѣчаніе. Изъ лѣтописи Нестора Карамзинымъ заимствовано описаніе обычаевъ Святослава и о побѣдѣ надъ Вятичами и Козарами. Все остальное—изъ другихъ источниковъ. Характеръ Святослава и его обычаи описаны въ Лѣтописи естественнѣе и проще, чѣмъ у Карамзина, который разукрасилъ безхитростныя слова лѣтописца. Несторъ говоритъ: «Когда князь Святославъ выросъ и возмужалъ, то началъ набирать воиновъ многихъ и храбрыхъ», у Карамзина же: «Сей князь, возмужавъ, думалъ единственно о подвигахъ великодушной храбрости, пылалъ ревностью отличить себя дѣлами и возобновить славу оружія Россійскаго» и проч. Здѣсь слишкомъ много лишнихъ словъ, которыя даже могутъ придать Святославу несвойственный ему характеръ. Поэтическое сравненіе Лѣтописи: «*легко ходя аки пардусъ*»—у Карамзина передается въ риторической формѣ: «съ нетерпѣніемъ юнаго героя летѣлъ въ поле». Прибавленныя Карамзинымъ слова: «презиралъ хладъ и ненастье сѣвернаго климата» излишне распространяютъ краткое лѣтописное выраженіе: «*ни шатра имяше*». Вообще описаніе Святослава у Карамзина страдаетъ напыщенностью. Даже такое выраженіе лѣтописи: «*и иде на Оку рѣку и на Волгу*», у Карамзина: «Берега Оки, Дона и Волги были первымъ театромъ его воинскихъ дѣйствій».

Нашествіе Печенѣговъ и кончина Ольги. Печенѣги напали на Россію, зная отсутствіе храбраго князя, и присту-

пили къ самому Кіеву, гдѣ затворилась Ольга съ дѣтьми Святослава. На другой сторонѣ Днѣпра стоялъ воевода Россійскій, именемъ Претичъ, съ малочисленною дружиною, и не могъ имѣть съ осажденными никакого сообщенія. Изнемогая отъ голода и жажды, Кіевляне были въ отчаяніи. Одинъ смѣлый отрокъ вызвался увѣдомить Претича о бѣдственномъ состояніи; вышелъ съ *уздою* изъ города, прямо въ толпу непріятелей, и говоря языкомъ печенѣжскимъ, спрашивалъ, кто видѣлъ его коня? Печенѣги, воображая, что онъ ихъ воинъ, дали ему дорогу. Отрокъ спѣшилъ къ Днѣпру, сбросилъ съ себя одежду и поплылъ. Тутъ непріятели, узнавъ свою ошибку, начали стрѣлять въ него; а Россіяне, съ другаго берега, выѣхали на встрѣчу и взяли отрока въ лодку. Слыша отъ сего посланнаго, что Кіевляне хотятъ на другой день сдаться, и боясь гнѣва Святославова, воевода рѣшился спасти хотя семейство княжеское—и Печенѣги, на разсвѣтѣ, увидѣли лодки россійскія, плывущія къ ихъ берегу съ трубнымъ звукомъ, на который обрадованные жители кіевскіе отвѣтствовали громкими восклицаніями, думая, что самъ грозный Святославъ идетъ на помощь къ осажденнымъ; непріятели разсѣялись въ ужасѣ, великая княгиня Ольга могла вмѣстѣ со внуками безопасно встрѣтить своихъ избавителей за стѣнами города. Князь Печенѣжскій увидѣлъ ихъ малое число, но все еще не смѣлъ сразиться: требовалъ дружелюбнаго свиданія съ предводителемъ россійскимъ и спросилъ у него, князь ли онъ? Хитрый воевода объявилъ себя начальникомъ передовой дружины Святославовой, увѣряя, что сей герой съ многочисленнымъ войскомъ идетъ вслѣдъ за нимъ. Обманутый Печенѣгъ предложилъ миръ: они подали руку одинъ другому и въ знакъ союза обмѣнялись оружіемъ. Князь далъ воеводѣ саблю, стрѣлы и коня: Воевода князю щитъ, броню и мечъ. Тогда Печенѣги немедленно удалились отъ города. Освобожденные кіевляне отпра-

вили гонца къ Святославу, сказать ему, что онъ для завоеванія чуждыхъ земель жертвуетъ собственною, что свирѣпые враги едва не взяли столицы и семейства его; что отсутствіе государя и защитника можетъ снова подвергнуть ихъ той же опасности и чтобы онъ сжалился надъ бѣдствіемъ отечества, престарѣлой матери и юныхъ дѣтей своихъ. Тронутый князь съ великою поспѣшностью возвратился въ Кіевъ. Шумъ воинскій, любезный его сердцу, не заглушалъ въ немъ нѣжной чувствительности сына и родителя: лѣтопись говоритъ: что онъ съ горячностію лобызалъ мать и дѣтей, радуясь ихъ спасенію.—Дерзость Печенѣговъ требовала мести: Святославъ отразилъ ихъ отъ предѣловъ Россіи, и сею побѣдою возстановилъ безопасность и тишину въ отечествѣ. Но мирное пребываніе въ Кіевѣ скоро наскучило дѣятельному князю. Страна завоеванная всегда кажется пріятною завоевателю, и сердце героя стремилось къ берегамъ Дунайскимъ. Собравъ бояръ, онъ въ присутствіи Ольги, сказалъ имъ, что ему веселѣе жить въ Переяславцѣ, нежели въ Кіевѣ: «ибо въ столицѣ Болгарской, какъ въ средоточіи, стекаются всѣ драгоцѣнности искусства и природы: Греки шлютъ туда золото, ткани, вино и плоды; Богемцы и Венгры серебро и коней; Россіяне мѣха, воскъ, медъ и невольниковъ». Огорченная мать отвѣтствовала ему, что старость и болѣзнь не замедлятъ прекратить ея жизни. «Погреби меня, сказала она, и тогда иди куда хочешь». Сіи слова оказались пророчествомъ. Ольга на четвертый день скончалась.—Она запретила отправлять по себѣ языческую тризну, и была погребена христіанскимъ священникомъ на мѣстѣ, ею самою для того избранномъ. Сынъ, внуки и благодарный народъ оплакали ея кончину.

Преданіе нарекло Ольгу *хитрою*, церковь *святою*, исторія *мудрою*. Отмстивъ Древлянамъ, она умѣла соблюсти тишину въ странѣ своей и миръ съ чуждыми до совершеннаго

возраста Святославова; съ дѣятельностью великаго мужа учреждала порядокъ въ государствѣ обширномъ и новомъ; не писала, можетъ быть, законовъ, но давала уставы самые простые и самые нужнѣйшіе для людей въ юности гражданскихъ обществъ. Великіе князья до временъ Ольгиныхъ *воевали*: она правила государствомъ. Увѣренный въ ея мудрости, Святославъ и въ мужескихъ лѣтахъ своихъ оставлялъ ей, кажется, внутреннее правленіе, безпрестанно занимаясь войнами, которыя удаляли его отъ столицы. При Ольгѣ Россія стала извѣстною и въ самыхъ отдаленныхъ странахъ Европы. Лѣтописцы нѣмецкіе говорятъ о посольствѣ ея въ Германію къ императору Оттону I. Можетъ быть, княгиня россійская, узнавъ о славѣ и побѣдахъ Оттоновыхъ, хотѣла, чтобъ онъ также свѣдалъ о знаменитости ея народа, и предлагала ему дружественный союзъ чрезъ пословъ своихъ. Наконецъ, сдѣлавшись ревностною христіанкою, Ольга—по выраженію Нестора, *денница и луна спасенія*—служила убѣдительнымъ примѣромъ для Владиміра и предуготовила торжество истинной вѣры въ нашемъ отечествѣ.

Примѣчаніе. Осада Кіева Печенѣгами у Карамзина разсказана по лѣтописи, съ опущеніемъ разговорныхъ оборотовъ, (напр. «и рече единъ отрокъ: азъ преиду, и рѣша: иди».), да въ концѣ прибавлено, какъ распространеніе словъ лѣтописи: «*и цѣлова матерь свою и дѣти*»—«шумъ воинскій, любезный его сердцу, не заглушилъ въ немъ нѣжной чувствительности сына и родителя.» Рѣчь Святослава къ матери: «Не любо ми есть» и проч., у Карамзина передѣлана Въ лѣтописи слова эти такъ безъискуственно просты, что подобное дѣйствительно могъ сказать Святославъ. Въ передѣлкѣ же Карамзина — не рѣчь Святослава, а собственное разсужденіе историка, потому что Святославъ не могъ бы сказать: *ибо въ столицѣ Болгарской стекаются всѣ драго-*

цьности искусства и природы» (—вся благая). О кончинѣ Ольги—по лѣтописи съ неточною передѣлкою заключительныхъ словъ. Въ лѣтописи: «Си бысть предътекущия крестьянстѣй земли аки деньница предъ солнцемъ, и аки заря предъ свѣтомъ, си бо сьяше аки луна въ нощи.» Здѣсь *денница предъ солнцемъ* и *заря предъ свѣтомъ* значитъ, что Ольга была предшественницею св. Владиміру, окончательно просвѣтившему Русь крещеніемъ, а *луна въ нощи*—что Ольга, среди языческаго мрака, ее окружавшаго, сіяла, какъ луна среди ночи. У Карамзина же Ольга *денница* и *луна спасенія* выраженіе неимѣющее значенія.

Вторичное завоеваніе Болгаріи и война съ Цимисхіемъ. Святославъ, отпустивъ Владиміра съ Добрынею въ Новгородъ, немедленно отправился въ Болгарію, которую онъ считалъ уже своею областію, но гдѣ народъ встрѣтилъ его какъ непріятеля. Многочисленное войско собралось въ Переяславцѣ и напало на Россіянъ. Долговременное кровопролитное сраженіе клонилось уже въ пользу Болгаровъ; но воины Святославовы, ободренные его рѣчью: [1]) *братья и дружина! умремъ, но умремъ съ твердостью и мужествомъ!* напрягли силы свои, и ввечеру побѣда [1]) увѣнчала ихъ храбрость. Святославъ взялъ приступомъ [2]) городъ Переяславецъ, снова овладѣлъ царствомъ Болгарскимъ и хотѣлъ тамъ остаться навсегда.—Греки, призвавшіе Россіянъ на берега Дунайскіе, увидѣли свою ошибку. Святославъ, отважный и воинственный, казался имъ въ ближнемъ сосѣдствѣ гораздо опаснѣе Болгаровъ. Іоаннъ Цимисхій, [3]) тогдашній Императоръ, предлагая сему князю исполнить договоръ, заключенный съ

---

1) Рѣчь Святослава въ Лѣтописи: *Уже намъ сде пасти, потянемъ мужьски, братья и дружино!*

1) Побѣда увѣнчала ихъ храбрость=и къ вечеру одолѣ Святославъ.

2) Взя копьемъ.

3) О переговорахъ Іоанна Цимисхія съ Святославомъ—изъ Византійскаго источника.

нимъ въ царствованіе Никифора, требовалъ, чтобъ Россіяне вышли изъ Болгаріи; но Святославъ не хотѣлъ слушать пословъ и съ гордостью отвѣтствовалъ, что скоро будетъ самъ въ Константинополѣ и выгонитъ Грековъ въ Азію. Цимисхій, напомнивъ ему о бѣдственной участи ненасытнаго Игоря, сталъ вооружаться, а Святославъ спѣшилъ предупредить его. Въ описаніи сей кровопролитной войны Несторъ и Византійскіе Историки несогласны: первый отдаетъ честь и славу побѣды Князю Россійскому, вторые—Императору—и, кажется, справедливѣе: ибо война кончилась тѣмъ, что Болгарія осталась въ рукахъ у Грековъ, а Святославъ принужденъ былъ, съ горстію воиновъ, идти назадъ въ Россію: слѣдствія весьма несообразныя съ счастливымъ успѣхомъ его оружія! Къ тому же Греческіе Историки яснѣе, — и мы, предпочитая истину народному самохвальству, не должны отвергнуть ихъ любопытнаго сказанія. Великій Князь (говорятъ они), къ Русской дружинѣ присоединивъ Болгаровъ, новыхъ своихъ подданныхъ,—Венгровъ и Печенѣговъ, тогдашнихъ его союзниковъ, вступилъ во Ѳракію и до самаго Адріанополя опустошилъ ея селенія. Варда Склиръ, полководецъ Имперіи, видя многочисленность непріятелей, заключился въ семъ городѣ, и долго не могъ отважиться на битву. Наконецъ удалось ему хитростію разбить Печенѣговъ: тогда Греки, ободренные успѣхомъ, сразились съ княземъ съ Святославомъ. Россіяне изъявляли пылкое мужество; но Варда Склиръ и братъ его, Константинъ Патрикій, принудили ихъ отступить, умертвивъ въ единоборствѣ какихъ-то двухъ знаменитыхъ богатырей Скиѳскихъ. Несторъ описываетъ сію битву такимъ образомъ: «Императоръ встрѣтилъ Святослава мирными предложеніями и хотѣлъ знать *число* его витязей, обѣщая на каждаго изъ нихъ заплатить дань. Великій князь объявилъ у себя 20,000 человѣкъ, едва имѣя и половину. Греки, искусные въ коварствѣ, воспользовались временемъ и собрали 100,000 воиновъ, ко-

торые со всѣхъ сторонъ окружили Россіянъ. Великодушный Святославъ, покойно осмотрѣвъ грозные ряды непріятелей, сказалъ дружинѣ: [1]) *Бѣство не спасетъ насъ; волею и не волею должны мы сразиться. Не посрамимъ отечества, но ляжемъ здѣсь костями; мертвымъ не стыдно! Станемъ крѣпко. Иду предъ вами, и когда положу свою голову, тогда дѣлайте, что хотите*! Воины его, пріученные не бояться смерти и любить вождя смѣлаго, единодушно отвѣтствовали: *наши головы лягутъ вмѣстѣ съ твоею*! вступили въ кровопролитный бой, и доказали, что не множество, а храбрость побѣждаетъ. Греки неустояли: обратили тылъ, разсѣялись—и Святославъ шелъ къ Константинополю, означая свой путь всѣми ужасами опустошенія.» Доселѣ можемъ не сомнѣваться въ истинѣ Несторова сказанія; но дальнѣйшее его повѣствованіе гораздо менѣе вѣроятно. «Цимисхій, пишетъ онъ, въ страхѣ, въ недоумѣніи призвалъ вельможъ на совѣтъ и рѣшился *искусить* непріятеля дарами, золотомъ и паволоками драгоцѣнными; отправилъ ихъ съ человѣкомъ хитрымъ, и велѣлъ ему наблюдать всѣ движенія Святославовы. Но сей князь не хотѣлъ взглянуть на золото, положенное къ его ногамъ, и равнодушно сказалъ отрокамъ своимъ: *возмите*. Тогда Императоръ послалъ ему въ даръ оружіе. Герой схватилъ оное съ живѣйшимъ удовольствіемъ, изъявляя благодарность, и Цимисхій, не смѣя ратоборствовать съ такимъ непріятелемъ, заплатилъ ему дань; каждый воинъ взялъ часть свою; доля убіенныхъ была назначена для ихъ родственниковъ. Гордый Святославъ съ торжествомъ возвратился въ

---

1) Рѣчь Святослава въ подлинникѣ: «Уже намъ нѣкамо ся дѣти! волею не волею стати противу, *да* не посрамимъ землѣ Рускіѣ; но ляжемъ костьми; мертвыи *бо* срама не имамъ, *аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ, ни имамъ убѣжати*; но станемъ крѣпко, *азъ же* предъ вами пойду, аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою.» У Карамзина во второмъ предложеніи (волею и не волею стали противу)—дополненъ эллипсисъ. Связанная союзами рѣчь подлинник а обращена у него въ отрывистую.

Болгарію». Греки не имѣли нужды искушать великаго князя, когда онъ съ малыми силами уже разбилъ ихъ многочисленное войско; но сія сказка достойна замѣчанія, свидѣтельствуя мнѣніе потомства о характерѣ Святослава. (Т. I. гл. VII).

Испытаніе вѣръ и крещеніе Кіевлянъ. Владиміръ... собралъ бояръ и *градскихъ старцевъ*; объявилъ имъ предложенія Магометанъ, Іудеевъ, Католиковъ, Грековъ, и требовалъ ихъ совѣта. «Государь! сказали бояре и старцы: «всякой человѣкъ хвалитъ вѣру свою [1]): если хочешь избрать лучшую, то пошли умныхъ людей въ разныя земли испытать, *который народъ достойнѣе покланяется Божеству* [2])»—и великій князь отправилъ *десять благоразумныхъ* [3]) мужей для сего испытанія. Послы видѣли въ странѣ Болгаровъ храмы скудные, моленіе, лица печальныя; въ землѣ нѣмецкихъ католиковъ богослуженіе съ обрядами, но, по словамъ лѣтописи, *безъ всякаго величія и красоты* [4]); наконецъ прибыли въ Константинополь. *Да созерцаютъ* [5]) *они славу Бога нашего*! сказалъ императоръ, и зная, что грубый умъ плѣняется болѣе наружнымъ блескомъ, нежели истинами отвлеченными, приказалъ вести пословъ въ Софійскую церковь, гдѣ самъ патріархъ, облаченный въ святительскія ризы совершалъ литургію. Великолѣпіе храма, присутствіе всего знаменитаго духовенства Греческаго, богатыя одежды служебныя, убранство олтарей, красота живописи, сладостное

---

1) Въ подлинникѣ не сказано: *что всякой хвалитъ свою вѣру*, а «*что своего никто не хулитъ*».

2) Испытать, который народъ достойнѣе покланяется Божеству=пославъ испытай когождо ихъ службу, и како служить Богу. Вообще рѣчь старцевъ въ передѣлкѣ Карамзина утратила свой безъискусственный характеръ.

3) *Благоразумныхъ*=добры и смыслены.

4) Въ лѣтописи только: «*А красоты не видѣхомъ никоеяже*», слѣд. говорится объ одной внѣшности.

5) Въ лѣтописи: *да видятъ*.

пѣніе клира, безмолвіе народа, священная важность и таинственность обрядовъ изумили Россіянъ; имъ казалось, что самъ Всевышній обитаетъ въ семъ храмѣ и непосредственно съ людьми соединяется..... Возвратясь въ Кіевъ послы говорили князю съ презрѣніемъ о богослуженіи магометанъ, съ неуваженіемъ о католическомъ и съ восторгомъ о византійскомъ: «всякой человѣкъ, вкусивъ сладкое, имѣетъ уже отвращеніе отъ горькаго; такъ и мы, узнавъ вѣру Греческую, не хотимъ иной». Владиміръ желалъ еще слышать мнѣніе бояръ и старцевъ. «Когда бы законъ Греческій, сказали они—не былъ лучше другихъ, то бабка твоя, Ольга, мудрѣйшая всѣхъ людей, не вздумала бы принять его». Великій князь рѣшился быть христіаниномъ. Такъ повѣствуетъ намъ лѣтописецъ, который могъ еще знать современниковъ [1]), и потому достовѣрный въ описаніи *важныхъ* [2]) случаевъ его княженія. —

Наставленный Херсонскимъ митрополитомъ въ тайнахъ и нравственномъ ученіи христіанства, Владиміръ спѣшилъ въ столицу свою озарить народъ свѣтомъ крещенія. Истребленіе кумировъ служило пріуготовленіемъ къ сему торжеству: одни были изрублены, другіе сожжены. Перуна, главнаго изъ нихъ, привязали къ хвосту конскому, били тростями и свергнули съ горы въ Днѣпръ. Чтобы усердные язычники не извлекли идола изъ рѣки, воины княжескіе отталкивали его отъ береговъ и проводили до самыхъ пороговъ, за коими онъ былъ изверженъ волнами на берегъ (и сіе мѣсто долго называлось Перуновымъ). Изумленный народъ не смѣлъ защитить своихъ мнимыхъ боговъ, но проливалъ слезы, быв-

1) Въ лѣтописи указывается одинъ современникъ Владиміра св.: Въ лѣто 1106 преставился Янъ старецъ добрый, живъ лѣтъ 90, въ старости маститѣ; живъ по закону Божію, не хужій бѣ первыхъ праведникъ, отъ него и азъ многа словеса слышахъ, еже и вписахъ въ лѣтописаньи семъ.

2) Слово «*важныхъ*» употреблено съ цѣлью, потому что въ *неважныхъ случаяхъ* въ описаніи княженія Владиміра есть и баснословіе. (См. ниже осаду Бѣлгорода).

шія для нихъ послѣднею данію суевѣрія: ибо Владиміръ на другой день велѣлъ объявить въ городѣ, чтобы всѣ люди Русскіе, вельможи и рабы, бѣдные и богатые шли креститься—и народъ, уже лишенный предметовъ древняго обожанія, устремился толпами на берегъ Днѣпра, разсуждая, что новая вѣра должна быть мудрою и святою, когда великій князь и бояре предпочли ее старой вѣрѣ отцевъ своихъ. Тамъ явился Владиміръ, провождаемый соборомъ Греческихъ священниковъ и по данному знаку безчисленное множество людей вступило въ рѣку: большіе стояли въ водѣ по грудь и шею; отцы и матери держали младенцевъ на рукахъ; іереи читали молитвы крещенія и пѣли славу Вседержителя. Когда же обрядъ торжественный совершился; когда священный Соборъ нарекъ всѣхъ гражданъ Кіевскихъ христіянами: тогда Владиміръ, въ радости и восторгѣ сердца, устремивъ взоръ на небо, громко произнесъ молитву: Творецъ земли и неба! благослови сихъ новыхъ чадъ Твоихъ [3]); дай имъ познать Тебя, Бога истиннаго; утверди въ нихъ вѣру правую [4]). Будь мнѣ помощію [5]) въ искушеніяхъ зла [6]), да восхвалю достойно святое имя Твое!... *Въ сей великій день*, говоритъ лѣтописецъ, *земля и небо ликовали* [7]).

Война Владиміра съ Печенѣгами. Едва окончивъ ее (войну съ Хорватами) миромъ или побѣдою, онъ (Владиміръ) свѣдалъ о набѣгѣ Печенѣговъ, которые пришли изъ-за Сулы и разоряли область Кіевскую. Великій князь встрѣтился съ

---

3) Благослови сихъ новыхъ чадъ Твоихъ=призри на новыя люди Своя (т. е. на людей обновленныхъ перерожденныхъ).

4) Въ лѣтописи: праву и *несовратьку*.

5) Будь мнѣ помощію=и мнѣ помози.

6) Въ искушеніяхъ зла=на супротивнаго врага. Лѣтописное выраженіе проще, соотвѣтственнѣе тому вѣку.

7) *Земля и небо ликовали*—передѣлка словъ лѣтописи: «И бяше си видѣти радость на небеси и на земли, толико душъ спасаемыхъ».

ними на берегахъ Трубежа: причемъ лѣтописецъ разсказываетъ слѣдующую повѣсть: Войска Печенѣговъ стояли за рѣкою. Князь ихъ вызвалъ Владиміра на берегъ и предложилъ ему рѣшить дѣло поединкомъ между двумя, съ обѣихъ сторонъ избранными, богатырями. Ежели *Рускій убьетъ Печенѣга*, сказалъ онъ, *то обязываемся три года не воевать съ вами; а ежели нашъ побѣдитъ, то мы вольны три года опустошать твою землю.* Владиміръ согласился и велѣлъ *Бирючамъ* или герольдамъ въ станѣ своемъ кликнуть охотниковъ для поединка: не сыскалось ни одного, и князь Россійскій былъ въ горести. Тогда приходитъ къ нему старецъ и говоритъ: *Я вышелъ въ поле съ четырмя сынами, а меньшій остался дома. Съ самаго дѣтства никто не могъ одолѣть его. Однажды въ сердцѣ на меня онъ разорвалъ на двое толстую воловью кожу. Государь, вели ему бороться съ Печенѣгомъ.* Владиміръ немедленно послалъ за юношею, который для опыта въ силѣ своей требовалъ дикаго быка; и когда звѣрь, раздраженный прикосновеніемъ горячаго желѣза, бѣжалъ мимо юноши, сей богатырь одною рукою вырвалъ у него изъ боку кусокъ мяса. На другой день явился Печенѣгъ, великанъ страшный, и видя своего малорослаго противника, засмѣялся. Выбрали мѣсто: единоборцы схватились. Россіянинъ крѣпкими мышцами своими давнулъ Печенѣга, и мертваго ударилъ объ землю. Тогда дружина княжеская, воскликнувъ побѣду, бросилась на устрашенное войско Печенѣговъ, которое едва могло спастися бѣгствомъ. Радостный Владиміръ въ память сему случаю заложилъ на берегу Трубежа городъ и назвалъ его Переяславлемъ: ибо юноша Русской *переялъ* у враговъ *славу*. Великій князь, наградивъ витязя и старца, отца его, саномъ боярскимъ, возвратился съ торжествомъ въ Кіевъ. Поединокъ можетъ быть истиною; но обстоятельство, что Владиміръ основалъ Переяславль, кажется сомнительнымъ: ибо о семъ

городѣ упоминается еще въ Олеговомъ договорѣ съ Греками въ 906 году.

Осада Бѣлагорода. Владиміръ, желая собрать воинство многочисленное для отраженія Печенѣговъ, самъ отправился въ Новгородъ; но сіи неутомимые враги, узнавъ его отсутствіе, приближились къ столицѣ, окружили Бѣлгородъ и пресѣкли сообщеніе жителей съ мѣстами окрестными. Чрезъ нѣсколько времени сдѣлался тамъ голодъ, и народъ, собравшись на Вѣче или на совѣтъ, изъявилъ желаніе сдаться непріятелю. «Князь далеко» говорилъ онъ: «Печенѣги могутъ умертвить только нѣкоторыхъ изъ насъ; а отъ голода мы всѣ погибнемъ». Но хитрость умнаго старца, впрочемъ не совсѣмъ *вѣроятная*, спасла гражданъ. Онъ велѣлъ ископать два колодезя, поставить въ нихъ одну кадь съ сытою, другую съ тѣстомъ, и звать старшинъ непріятельскихъ, будто бы для переговоровъ. Видя сіи колодези, они повѣрили, что земля сама собой производитъ тамъ вкусную для людей пищу и возвратились къ своимъ князьямъ съ вѣстію, что городъ не можетъ имѣть недостатка въ съѣстныхъ припасахъ! Печенѣги сняли осаду».

Святополкъ похититель престола. Добродѣтель Бориса. Братоубійство. Владиміръ усыновилъ Святополка, однакожъ не любилъ его и, кажется, предвидѣлъ въ немъ будущаго злодѣя. Современный лѣтописецъ нѣмецкій, Дитмаръ, говоритъ, что Святополкъ, правитель Туровской области, женатый на дочери польскаго короля Болеслава, хотѣлъ, по наущенію своего тестя, отложиться отъ Россіи, и что великій князь, узнавъ о томъ, заключилъ въ темницу сего неблагодарнаго племянника, жену его и нѣмецкаго епископа Реинберна, который пріѣхалъ съ дочерью Болеслава. Владиміръ—можетъ быть, при концѣ жизни своей—простилъ Святополка: обрадованный смертью дяди и благодѣтеля, сей недостойный князь спѣшилъ воспользоваться ею; созвалъ граж-

данъ, объявилъ себя государемъ Кіевскимъ и роздалъ имъ множество сокровищъ изъ казны Владиміровой. Граждане брали дары, но съ печальнымъ сердцемъ [1]): ибо друзья ихъ и братья находились въ походѣ съ княземъ Борисомъ, любезнымъ отцу и народу. Уже Борисъ, нигдѣ не встрѣтивъ Печенѣговъ, возвращался съ войскомъ и стоялъ на берегу рѣки Альты: тамъ принесли ему вѣсть о кончинѣ родителя, и добродѣтельный сынъ занимался единственно своею искреннею горестью. Товарищи побѣдъ Владиміровыхъ говорили ему: «Князь! съ тобою дружина и воины отца твоего; поди въ Кіевъ и будь государемъ въ Россіи!» Борисъ отвѣтствовалъ, «могу ли поднять руку на брата старѣйшаго? Онъ долженъ быть мнѣ вторымъ отцемъ». Сія нѣжная чувствительность казалась воинамъ малодушіемъ: оставивъ князя мягкосердечнаго, они пошли къ тому, кто властолюбіемъ своимъ заслуживалъ въ ихъ глазахъ право властвовать. Но Святополкъ имѣлъ [2]) только дерзость злодѣя. Онъ послалъ увѣрить Бориса въ любви, обѣщая дать ему новыя владѣнія, и въ тоже время, пріѣхавъ ночью въ Вышегородъ, собралъ тамошнихъ бояръ на совѣтъ. Хотите ли доказать мнѣ вѣрность свою [3])? спросилъ новый государь. Бояре отвѣтствовали, что они рады положить за него свои головы. Святополкъ требовалъ отъ нихъ головы Бориса и сіи недостойные взялись услужить князю злодѣяніемъ. Юный Борисъ, окруженный единственно малочисленными слугами, былъ еще въ станѣ на рѣкѣ Альтѣ. Убійцы ночью приблизились къ шатру его, и слыша, что сей набожный юноша молится, остановились. Борисъ, увѣдомленный о зломъ намѣреніи брата, изливалъ предъ Всевышнимъ сердце свое въ святыхъ пѣснѣхъ

1) *Съ печальнымъ сердцемъ*—и небѣ сердце ихъ съ нимъ.

2) Имѣлъ только дерзость злодѣя=Святополкъ же исполнився безаконья, Каиновъ смыслъ пріимъ.

3) Въ лѣтописи—«*приляте ли ми всѣмъ сердцемъ?* т. е. привержены ли вы мнѣ всемъ сердцемъ?

Давидовыхъ. Онъ уже зналъ, что убійцы стоятъ за шатромъ, и съ новымъ жаромъ молился... за Святополка [1]); наконецъ, успокоивъ душу небесною вѣрою, легъ на одръ и съ твердостію ожидалъ смерти. Его молчаніе возвратило смѣлость злодѣямъ: они вломились въ шатеръ и копьями пронзили Бориса, также вѣрнаго отрока его, который хотѣлъ собственнымъ тѣломъ защитить государя и друга. Сей юный воинъ, именемъ Георгій, родомъ изъ Венгріи, былъ сердечно любимъ княземъ своимъ, и въ знакъ его милости носилъ на шеѣ золотую гривну: корыстолюбивые убійцы не могли ее снять, и для того отрубили ему голову. Они умертвили и другихъ княжескихъ отроковъ, которые не хотѣли спасаться бѣгствомъ, но всѣ легли на мѣстѣ. Тѣло Борисово завернули въ наметъ и повезли къ Святополку. Узнавъ, что братъ его еще дышетъ, онъ велѣлъ двумъ Варягамъ довершить злодѣяніе: одинъ изъ нихъ вонзилъ мечъ въ сердце умирающему... Сей несчастный юноша, стройный, величественный, плѣнялъ всѣхъ красотою и любезностію; имѣлъ взоръ пріятный и веселый; отличался храбростію въ битвахъ и мудростію въ совѣтахъ.—Лѣтописецъ хотѣлъ предать будущимъ вѣкамъ имена главныхъ убійцъ и называетъ ихъ: Путша, Талецъ, Еловичъ, Лешко. Въ Несторово время они были еще въ свѣжей памяти и предметомъ общаго омерзѣнія. Святополкъ безъ сомнѣнія наградилъ сихъ людей, ибо имѣлъ еще нужду въ злодѣяхъ.

Онъ немедленно отправилъ гонца къ Муромскому князю Глѣбу, сказать ему, что Владиміръ болѣнъ и желаетъ видѣть его. Глѣбъ, обманутый сею ложною вѣстію, съ малочисленною дружиною спѣшилъ въ Кіевъ. Дорóгою онъ упалъ съ лошади и повредилъ себѣ ногу; однакожъ не хотѣлъ оста-

---

1) Въ лѣтописи приводится молитва Бориса, оканчивающаяся словами: и не створи ему (Святополку) Господи въ семь грѣха.

новиться и продолжалъ свой путь отъ Смоленска водою. Близъ сего города настигъ его посланный отъ Ярослава, князя Новгородскаго, съ увѣдомленіемъ о смерти Владиміровой и гнусномъ коварствѣ Святополка; но въ то самое время, когда Глѣбъ, чувствительный, набожный подобно Борису, оплакивалъ отца и любимаго брата, въ усердныхъ молитвахъ повѣряя небу горесть свою, явились вооруженные убійцы и схватили его ладію. Дружина муромская оробѣла: Горясѣръ, начальникъ злодѣевъ, велѣлъ умертвить князя, и собственный поваръ Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, желая угодить Святополку, зарѣзалъ своего несчастнаго государя. Трупъ его лежалъ нѣсколько времени на берегу, между двумя колодами, и былъ наконецъ погребенъ въ Вышегородской церкви св. Василія, вмѣстѣ съ тѣломъ Бориса.—Еще Святополкъ не насытился кровію братьевъ. Древлянскій князь Святославъ, предвидя его намѣреніе овладѣть всею Россіею, и будучи не въ силахъ ему сопротивляться, хотѣлъ уйдти въ Венгрію, но слуги Святополковы догнали его близъ горъ Карпатскихъ и лишили жизни.

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО ѲЕОДОСІЯ, ИГУМЕНА КІЕВОПЕЧЕРСКАГО.

1. Обзоръ содержанія житія.

Предисловіе. Благодарю тебя, Господи, Владыко мой, Іисусе Христе, что удостоилъ меня повѣдать святыя Твои тайны объ угодникахъ. Ибо вотъ сперва написалъ я о житіи, убіеніи и чудесахъ святыхъ и блаженныхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба; теперь понудилъ я себя приступить и къ другому письменному повѣствованію. Оно превышаетъ мои силы, я недостоинъ того, будучи грубъ и неразуменъ, къ тому же

и необученный наукамъ; но я вспомнилъ слово твое: *аще имате вѣру, яко и зерно синапно, и рчете горѣ сей, преиди и вверзися въ море и абіе послушаетъ васъ* (Матѳ. 17. 20). Размысливъ объ этомъ, я, грѣшный Несторъ, оградивъ себя вѣрою и упованіемъ, что все возможно для Тебя, положилъ начало письменному повѣствованію о житіи Преподобнаго отца нашего Ѳеодосія, бывшаго игумена сего Печерскаго монастыря.... Братіе, когда я вспомнилъ, что жизнь Преподобнаго никѣмъ не описана, то всякій день погружался въ печаль и молилъ Бога, да сподобитъ меня все по порядку описать, что относится до жизни богоносца нашего Ѳеодосія, чтобы и будущіе послѣ насъ черноризцы, прочитавъ описаніе жизни и увидѣвъ доблесть мужа, восхвалили Бога прославляя и угодника его, и укрѣпились на подвигъ, особенно потому, что въ сей странѣ явился такой мужъ и угодникъ Божій... О немъ теперь начну повѣствовать съ самаго перваго возраста Ѳеодосія. Послушайте, братіе, со всѣмъ прилежаніемъ, поелику это повѣствованіе весьма полезно для всѣхъ слушающихъ. Прошу же васъ возлюбленные, не осудите моего невѣжества; потому что я, проникнутый любовью къ Преподобному, рѣшился написать все то, что относится до Святаго...

Рожденіе и дѣтскій возрастъ. Есть городъ, отстоящій отъ столичнаго города Кіева въ 30 поприщахъ, по имени Василевъ. Въ немъ жили родители святаго, просвѣщенные христіанскою вѣрою и украшенные благочестіемъ. Здѣсь родили они блаженное дитя. Отрокъ росъ, воспитываемый родителями. Благодать Божія была съ нимъ и Духъ Святый измлада вселился въ немъ. Кто повѣдаетъ милосердіе Божіе! Ибо вотъ Богъ не избралъ пастыря и учителя иноковъ ни изъ премудрыхъ философовъ, ни изъ городскихъ властелиновъ; но да прославится имя Господне въ томъ, что, будучи грубымъ и необразованнымъ, явился мудрѣе философовъ.—Родители

блаженнаго, по повелѣнію князя, или, лучше, по волѣ Божіей, переселились въ другой городъ, именемъ Курскъ. Возрастая тѣломъ и душею, блаженный отрокъ каждый день ходилъ въ церковь, чуждался дѣтскихъ игръ, носилъ худую и закрытую заплатами одежду. Къ этому онъ просилъ родителей отдать его къ какому либо учителю для обученія его чтенію божественныхъ книгъ, что и было исполнено; и весьма скоро выучилъ преподаваемую ему науку, такъ что всѣ дивились разуму дитяти и скорому его обученію.

Кончина отца. Намѣреніе посѣтить Іерусалимъ. Печеніе просфоръ. Удаленіе въ другой городъ къ пресвитеру. Служеніе при храмѣ властелина. По четырнадцатому году лишился Ѳеодосій отца. Съ того времени онъ еще болѣе сталъ трудиться и ходилъ на село съ рабами и работалъ со всякимъ смиреніемъ. Мать противилась этому, требовала, чтобъ сынъ оставался дома и носилъ приличную одежду, говоря, что, своими поступками, онъ подвергаетъ безчестію и себя и своихъ родственниковъ. Когда онъ не повиновался ей, она часто била его, ибо была здорова, сильна, какъ мужчина, такъ что еслибъ кто, не видѣвъ ее, услышалъ бы разговоръ ея, то счелъ бы ее за мужчину. Благоговѣйный же юноша размышлялъ, какъ и какимъ образомъ спастись ему? Узнавъ, что въ ихъ городѣ находятся странники отъ святыхъ мѣстъ, святой тайно отъ матери ушелъ съ ними, упрося ихъ быть имъ спутникомъ. Но благій Богъ не допустилъ удалиться изъ страны сей тому, котораго отъ материнаго чрева назначилъ быть пастыремъ словесныхъ овецъ. — Мать догнала его, въ сильномъ гнѣвѣ била его и воротила домой и привязаннаго заперла въ отдѣльной горницѣ. Чрезъ два дня развязала его, но заковала ноги въ желѣза, боясь, чтобы онъ не ушелъ. Потомъ, смиловавшись надъ сыномъ, стала ласково уговаривать его, чтобы онъ не уходилъ отъ нея, поелику она любила

его болѣе всѣхъ и потому не могла быть безъ него. Давъ обѣщаніе не уходить, блаженный Ѳеодосій снова обратился къ прежнему подвигу, сталъ посѣщать ежедневно церковь Божію и рѣшился посвятить себя печенію просфоръ, въ коихъ онъ видѣлъ часто недостатокъ. Сверстники его смѣялись надъ такимъ занятіемъ, но блаженный все это переносилъ съ радостью и молчаніемъ. И мать, не терпя видѣть сына въ такомъ положеніи, начала уговаривать сына оставить такое занятіе, ибо оно наноситъ безчестіе всему роду ихъ. Божественный Ѳеодосій примѣромъ Спасителя убѣдилъ мать оставить свои внушенія. Но, спустя годъ, мать снова стала возбранять ему, иногда ласкою, иногда и побоями, чтобъ онъ оставилъ такое занятіе. Тогда блаженный юноша тайно ушелъ изъ дому и въ ближайшемъ городѣ поселился у пресвитера занимался, по обыкновенію, дѣломъ своимъ. Чрезъ нѣсколько дней мать узнала, гдѣ скрывается онъ и воротила домой съ побоями. Приведя въ домъ, сказала: смотри, не уходи отъ меня; иначе куда бы ты ни ушелъ, я найду тебя, свяжу и съ побоями притащу въ свой городъ. Тогда блаженный Ѳеодосій сталъ молиться Богу и всякій день ходилъ въ церковь. Видя его смиреніе, властелинъ того города сильно полюбилъ его и повелѣлъ ему быть въ своей церови; давалъ ему чистыя одежды, но блаженный отдавалъ ихъ нищихъ. Послѣ сего блаженный Ѳеодосій препоясался желѣзными цѣпями и желѣзо, будучи узко, въѣдалось въ тѣло его. Въ одинъ праздникъ, когда всѣ знатные города обѣдали у властелина и Ѳеодосію повелѣно было предстоять и служить, мать заставила его надѣть чистую одежду и тутъ то замѣтила на рубашкѣ его кровь отъ въѣвшагося желѣза, съ запальчивостью разорвала рубашку, била его и сорвала желѣзы. Блаженный Ѳеодосій, какъ будто ничего худаго съ нимъ не было, одѣлся и пошелъ скромно и служилъ гостямъ спокойно.

Удаленіе въ Кіевъ, поселеніе въ пещерѣ и постриженіе матери. Спустя нѣсколько времени блаженный, воспользовавшись уходомъ матери, тайно вышелъ изъ дому и устремился къ городу Кіеву, поелику слышалъ о находящихся тамъ монастыряхъ. Съ обозами купцевъ прибылъ онъ въ Кіевъ и обходилъ всѣ монастыри, прося иноковъ принять его. Они же, видѣвъ простаго отрока, одѣтаго въ худыя одежды, не хотѣли принять его. Услышавъ о блаженномъ Антоніѣ, живущемъ въ пещерѣ, Ѳеодосій поспѣшилъ къ нему и просилъ у него остаться съ нимъ. Великій Антоній, прозрѣвъ въ Ѳеодосіѣ будущаго подвижника, принимаетъ его и повелѣлъ Никону пресвитеру постричь его. Мать долго искала сына и плакала по немъ, какъ по мертвомъ. По всей странѣ было заповѣдано, что если кто гдѣ увидитъ отрока, пришелъ бы и сказалъ матери, а за извѣстіе получитъ награду. Узнавъ, наконецъ, что сына видѣли въ Кіевѣ, отправляется туда. Обошла всѣ монастыри и наконецъ узнала, что сынъ ея въ пещерѣ у преподобнаго Антонія. Она приходитъ туда, вызываетъ старца Антонія и проситъ, чтобы онъ показалъ ей ея сына. Преподобный Антоній не могъ уговорить Ѳеодосія выдти повидаться съ матерью. Тогда она не съ смиреніемъ стала говорить старцу, но кричала съ гнѣвомъ: Обидѣлъ меня, старецъ, взялъ сына моего, скрылъ въ пещерѣ и не хочетъ мнѣ показать его; выведи мнѣ, старецъ, сына, я не могу быть жива, если не увижу сына; покажи мнѣ сына моего, иначе умру отъ скорби; сама себя погублю предъ дверьми сей пещеры. Тогда Антоній въ сильной скорби вошелъ въ пещеру и просилъ блаженнаго выдти къ ней. Онъ, не желая ослушаться его, вышелъ къ ней. Увидѣвъ изнеможденнаго трудами сына, мать обняла его и горько плакала, и уговаривала воротиться домой и пробыть съ нею до ея смерти только. Блаженный же говорилъ ей, если хочешь видѣть меня каждый день, иди и постригися въ какомъ либо жен-

скомъ монастырѣ. Если сего не сдѣлаешь: не увидишь лица моего. Спустя нѣкоторое время мать преподобнаго принимаетъ постриженіе въ женскомъ монастырѣ св. Николая. Вотъ житіе блаженнаго отца нашего Ѳеодосія отъ младенческаго возраста до прибытія въ пещеры, мать его повѣдала о всемъ этомъ одному изъ братій, именемъ Ѳеодору, который былъ келаремъ при отцѣ нашемъ Ѳеодосіи, а я слышалъ все это отъ него и, когда разсказывалъ онъ, я записалъ на память всѣмъ почитающимъ его.

Обстоятельства до избранія Ѳеодосія въ игумены. Святой отецъ нашъ Ѳеодосій явился въ пещерѣ побѣдоносцемъ надъ злыми духами. Послѣ постриженія матери, онъ началъ еще болѣе подвизаться въ трудахъ. Тогда можно было видѣть три великія свѣтила въ пещерѣ: Преподобнаго Антонія, блаженнаго Ѳеодосія и Великаго Никона. Въ то время былъ у князя Изяслава первымъ изъ бояръ, именемъ Іоаннъ. Сынъ его часто приходилъ къ преподобнымъ наслаждаться ихъ бесѣдою и восхотѣлъ остаться жить съ ними. Антоній предостерегалъ его; но, видя непреклонное желаніе отрока повелѣлъ Никону постричь его. Сей постригъ его и именовалъ Варлаамомъ. Въ то же время евнухъ изъ княжескаго дома, любимецъ князя, принялъ постриженіе и нареченъ Ефремомъ. Не прилично скрывать, какія непріятности навлекъ врагъ на преподобныхъ чрезъ этихъ двухъ людей. Князь Изяславъ, узнавъ случившееся съ бояриномъ и евнухомъ, сильно раздосадовался и повелѣлъ привести того, кто осмѣлился сдѣлать это. Присланные привели Никона. Князь съ гнѣвомъ объявилъ Никону: или иди уговори ихъ возвратиться въ домъ, или я тебя пошлю въ заточеніе и велю раскопать вашу пещеру. На это Никонъ отвѣтствовалъ: что угодно будетъ тебѣ, государь, то и твори, а отклонять воиновъ отъ Царя небеснаго, не мое дѣло. Узнавъ объ этомъ,

Антоній и другіе съ нимъ собрались уйдти въ другую обитель. Жена князя уговорила его отложить свой гнѣвъ: въ нашей сторонѣ, говорила она, когда ушли чернецы отъ нѣкоторой бѣды, много отъ этого послѣдовало несчастій. Князь убоялся гнѣва Божьяго и оставилъ иноковъ въ покоѣ. Но бояринъ Іоаннъ, увидѣвъ, что князь Изяславъ не причинилъ никакого вреда инокамъ, самъ съ своими отроками силою вошелъ въ пещеру; вывелъ изъ нея сына своего Варлаама. Три дня продержалъ отецъ сына дома, тотъ сидѣлъ молча и не вкушалъ пищи,—и рѣшился отпустить его назадъ, опасаясь, чтобы онъ не умеръ отъ голода. Въ то время великій Никонъ и другой инокъ монастыря св. Мины, бояринъ, удалились изъ Кіева: бояринъ на пути къ Константинополю нашелъ островъ среди моря и поселился на немъ, а великій Никонъ отошелъ на островъ Тмуторакань и основалъ здѣсь монастырь. *По множествомъ повѣствованій мы отдалились отъ своего предмета; теперь возвратимся къ нему, не уклоняясь болѣе къ постороннему.* По удаленіи отцевъ этихъ, блаж. Ѳеодосій поставленъ былъ пресвитеромъ. Преп. Антоній, поелику привыкъ жить одинъ, затворился въ одной кельѣ въ пещерѣ и на свое мѣсто поставилъ начальникомъ братіи Варлаама, сына боярина Іоанна. Оттуда пр. Антоній удалился на другой холмъ, выкопалъ себѣ пещеру и жилъ въ ней безвыходно, гдѣ и нынѣ почиваетъ его честное тѣло. Въ то время блаж. Варлаамъ устроилъ надъ пещерою небольшую церковь во имя св. Богородицы. Съ того времени сіе мѣсто стало на виду для всѣхъ, а прежде оно многимъ было неизвѣстно.

Ѳеодосій — игуменъ. Построеніе деревяннаго храма и монастыря. Студійскій уставъ. Возвращеніе Никона. По прошествіи нѣкотораго времени, блаж. Варлаамъ, по повелѣнію князя, былъ переведенъ въ монастырь св. Димитрія.

Тогда братія возвѣстила Антонію, что они избираютъ себѣ игуменомъ Ѳеодосія. Отецъ нашъ Ѳеодосій хотя и принялъ начальство, но не перемѣнилъ своего смиренія, имѣя всегда въ памяти сказанное Господомъ: *иже кто хощетъ въ васъ быти старѣе, буди всѣхъ мнѣй, и всѣмъ слуга* (Мат. 29, 26). Когда увеличилось число братіи, тогда блаж. Ѳеодосій нашелъ близъ пещеры чистое мѣсто и здѣсь соорудилъ монастырь, и переселился въ него съ братіею въ 1062 году. Съ сего времени то мѣсто возросло и сталъ знаминитый монастырь, до сего времени называемый Печерскимъ. Послѣ сего онъ послалъ одного изъ братій въ Константинополь къ Ефрему скопцу, чтобы сей, списавъ весь Студійскій уставъ, прислалъ его къ нему. Ефремъ исполнилъ повелѣніе преподобнаго. Преподобный отецъ нашъ Ѳеодосій каждый годъ въ мясопустную недѣлю отходилъ въ пещеру и затворялся въ ней до вербной недѣли. Въ этой пещерѣ злые духи причиняли ему много печали, но благодатію Христовою онъ побѣдилъ ихъ и пріобрѣлъ надъ ними власть. Каждую ночь великій Ѳеодосій имѣлъ обыкновеніе посѣщать всѣ кельи монаховъ и предлагалъ имъ поученія. Между прочимъ преп. Ѳеодосій запретилъ привратнику, чтобы послѣ обѣдни и до вечерни ни для кого не отворять воротъ. Въ одинъ день въ полдень пріѣхалъ съ немногими отроками князь Изяславъ. Привратникъ, не узнавъ князя, не пустилъ его; когда князь объявилъ кто онъ, и тутъ привратникъ предварительно побѣжалъ сказать о семъ блаженному. Князь, стоя за воротами, ожидалъ. Блаженный Ѳеодосій вышелъ и поклонился князю. Князь сказалъ ему: отче, что это у тебя за запрещеніе, о которомъ говоритъ сей черноризецъ: если и князь придетъ, то не впускать его? Блаженный отвѣтствовалъ: для того такое повелѣніе, добрый государь, чтобы братія не выходила изъ монастыря въ полуденное время, ради ночнаго славословія. Съ того дня князь еще болѣе началъ любить Ѳеодосія

и почиталъ его за одного изъ первыхъ святыхъ отцевъ и исполнялъ съ точностью все, что ни повелѣвалъ ему великій отецъ нашъ Ѳеодосій. Въ это время скончался блаженный Варлаамъ и заповѣдалъ проводить тѣло его въ монастырь св. Ѳеодосія. Въ то время, по смерти Ростислава, князя острова Тмуторакани, жители тѣ упросили Никона сходить къ князю Святославу просить его отпустить къ нимъ сына на княженіе. Преп. Никонъ, придя въ Кіевъ, видѣлся съ Ѳеодосіемъ и далъ обѣтъ не разлучаться съ нимъ болѣе: дойду, говорилъ онъ, до монастыря своего, все устрою въ немъ и тотчасъ возвращусь назадъ. Исполнивъ свое обѣщаніе, Никонъ отдалъ все свое блаженному, а самъ со ксею радостью повиновался ему. Блаженный Ѳеодосій любилъ его и почиталъ, какъ отца. Иногда самъ онъ поучалъ братію, а иногда приказывалъ великому Никону, а иногда Стефану, бывшему, по смерти Ѳеодосія, игуменомъ сего монастыря. Сказавъ это о нихъ, я буду говорить объ одномъ блаженномъ Ѳеодосіѣ, какъ отецъ нашъ Ѳеодосій явилъ въ себѣ достойнаго начальника, по благодати Божіей.

Примѣры смиренія. Борьба съ темными духами. Въ одинъ день, предъ наступленіемъ праздника Св. Богородицы, когда не было воды, прежде помянутый Ѳеодоръ, бывшій тогда келаремъ, *который многое сообщилъ мнѣ* о преславномъ семъ мужѣ, пошелъ и сказалъ блаженному Ѳеодосію, что некому принесть воды. Блаженный тотчасъ всталъ и началъ носить воду изъ колодца. Братія, увидѣвъ это, поспѣшно прибѣжали и съ избыткомъ наносили воды. Въ другой разъ преп. Ѳеодосій, вмѣсто того, чтобы приказать кому либо изъ братій, самъ отправился рубить дрова. Таково было усердіе къ Богу блаженнаго духовнаго отца нашего Ѳеодосія. Онъ творилъ себя послѣднимъ изъ всѣхъ, и всѣмъ трудящимся подавалъ примѣръ. Много разъ, когда великій Никонъ си-

дѣлъ и *переплеталъ книги*, блаженный сидѣлъ при немъ и прялъ нитки, необходимыя для сего дѣла. Въ одинъ день великій Ѳеодосій по нѣкоторому дѣлу былъ у князя Изяслава, который далеко жилъ отъ города. Тамъ пробылъ онъ до вечера. Князь повелѣлъ отвезть его въ возкѣ до монастыря. Во время пути везшій его, видя его въ плохой одеждѣ, счелъ его за одного изъ бѣдняковъ и сказалъ ему: черноризецъ! ты всякій день свободенъ, а я живу въ трудахъ, и вотъ не могу ѣхать на конѣ; путь я лягу въ возкѣ, а ты можешь ѣхать на конѣ. Блаженный смиренно сѣлъ на коня, а тотъ легъ въ возкѣ. Когда начиналъ онъ дремать, то слѣзалъ съ коня и шелъ пѣшкомъ; когда же утомлялся, опять садился на коня. Когда взошла заря и вельможи ѣхали къ князю, то, издали узнавая блаженнаго, сходили съ коня и кланялись ему. Преподобный сказалъ тогда отроку: уже разсвѣло, сядь на коня своего. Тотъ, видъ, что всѣ кланяются иноку, смутился и сѣлъ на коня. Когда же пріѣхали они въ монастырь и вся братія вышедъ поклонились Ѳеодосію до земли, то отрокъ еще болѣе ужаснулся. Кто это такой, думалъ онъ, что ему всѣ кланяются? Преподобный же взялъ его за руку, повелъ въ трапезу и послѣ того наградилъ его кунами. Преподобный не сказалъ о случившемся въ дорогѣ братіи, но возница самъ разсказалъ объ этомъ братіи. Повседневно отецъ Ѳеодосій поучалъ братію не превозноситься ничѣмъ и укрѣплялъ тѣхъ, кого смущали бѣсовскія мечтанія. Вотъ что *сообщилъ мнѣ* Инокъ Иларіонъ. Онъ хорошо умѣлъ писать книги и ночь и день писалъ ихъ въ кельѣ блаженнаго Ѳеодосія, а сей тихо читалъ псалтырь, а руками прялъ волну. Такъ, въ одинъ вечеръ, когда каждый изъ нихъ занимался своимъ дѣломъ, входитъ экономъ и говоритъ: завтра не имѣю на что купить пищи. По молитвѣ блаженнаго, свѣтлый отрокъ, въ одеждѣ воина, вошелъ въ келью, положилъ, молча на столъ золотую гривну и вышелъ. *Много и дру-*

гихъ чудесъ совершено было по молитвѣ преподобнаго Ѳеодосія.

Отношеніе къ князю Святославу. Основаніе каменной церкви. Забота о несчастныхъ, кончина. Въ то время произошло по навѣтамъ вселукаваго врага смятеніе между тремя князьями, братьями по плоти; возстали они на одного старшаго христолюбиваго Изяслава, который и выгнанъ былъ изъ столичнаго города [1]). Когда они взошли въ городъ, то послали за блаженнымъ Ѳеодосіемъ, прося его придти на обѣдъ и быть участникомъ въ неправедномъ совѣтѣ. Преподобный отказался и писаніями обличалъ Святослава. Святославъ сильно разгнѣвался на Ѳеодосія и всѣ ждали, что блаженный будетъ осужденъ на заточеніе. Слышавъ объ этомъ, блаженный радовался духомъ. Но князь ничего не дерзнулъ сдѣлать противъ Ѳеодосія, и по прошествіи нѣкотораго времени самъ поѣхалъ въ монастырь и кротко бесѣдовалъ съ Ѳеодосіемъ. Съ того времени пр. Ѳеодосій и самъ посѣщалъ Святослава и князь отказывался для него отъ своихъ обычныхъ потѣхъ. Святославъ всегда съ радостью принималъ блаженнаго. При всемъ томъ преподобный Ѳеодосій напоминалъ ему о Изяславѣ и въ своемъ монастырѣ повелѣлъ поминать Изяслава какъ старшаго князя, а сего Святослава не велѣлъ вспоминать; только послѣ, едва бывъ упрошенъ братіею, повелѣлъ и его вспоминать съ нимъ; однакоже прежде Изяслава, а потомъ и сего князя. Великій Никонъ, видя такое смятеніе между князьями, съ двумя иноками отошелъ на вышесказанный островъ, гдѣ основалъ монастырь. Въ то время отецъ нашъ Ѳеодосій, исполнившись Духа Святаго, началъ при благодати Божіей подвизаться, чтобы переселиться ему въ другое мѣсто и основать большую каменную церковь во имя

1) Это было въ 1073 году.

Пресвятой Богородицы. Для сооруженія церкви одни показывали одно мѣсто, а другіе другое; но изъ всѣхъ мѣстъ ни одно не было подобно княжескому полю, вблизи находящемуся. По устроенію Божію, князь Святославъ отдалъ это поле монастырю и самъ положилъ начало основанію церкви. Блаженный Ѳеодосій самъ каждый день подвизался и трудился вмѣстѣ съ братіею при сооруженіи сего храма, хотя и не окончилъ его при своей жизни; послѣ его смерти, по принятіи игуменства Стефаномъ, при помощи Божіей и молитвами преподобнаго отца нашего Ѳеодосія, окончена работа и сооруженъ храмъ. Многіе изъ простыхъ укоряли пр. Ѳеодосія и все это переносилъ онъ съ радостью, многократно терпѣлъ и отъ учениковъ своихъ укоризны и досады, не смотря на это, онъ молилъ Бога за всѣхъ. Многіе издѣвались надъ нимъ и укоряли за худую одежду. Многіе, видя его въ такой одеждѣ, не узнавали его. Однажды, когда онъ шелъ къ работающимъ въ церковь, встрѣтила его убогая вдова, обиженная судьею, и сказала самому блаженному: черноризче! скажи мнѣ, дома ли вашъ игуменъ? Блаженный сказалъ ей: чего ты просишь отъ него? онъ человѣкъ грѣшный. Жена же сказала ему: грѣшенъ ли онъ я не знаю; но только знаю то, что онъ многихъ избавляетъ онъ печали и напасти; для этого я и пришла, чтобъ онъ помогъ ей. Блаженный, узнавъ ея дѣло, сжалился надъ нею и сказалъ: жена, иди въ домъ свой, и когда придетъ игуменъ нашъ, я скажу ему о тебѣ, и онъ избавитъ тебя отъ напасти. Слышавъ сіе, жена возвратилась въ домъ свой, а блаженный пошелъ къ судьѣ, говорилъ въ защиту ея и избавилъ ея отъ насилія. Судья тогда же послалъ удовлетворить ее, въ чемъ ей была обида. Такимъ заступникомъ блаженный отецъ нашъ Ѳеодосій былъ для многихъ предъ судьями и князьями, и избавлялъ ихъ, поелику ни въ чемъ не хотѣли ослушаться его, зная, что онъ праведенъ и святъ. — Когда достигъ онъ конца жизни, то

напередъ узналъ о своемъ отшествіи къ Богу и днѣ покоя своего, ибо для праведныхъ смерть есть покой. Тогда повелѣлъ собрать всю братію, находящуюся въ селахъ, или ушедшихъ за другимъ какимъ дѣломъ. Созвавъ всѣхъ, поучалъ тіуновъ, приставниковъ и слугъ, чтобы каждый изъ нихъ выполнялъ свою службу и училъ всѣхъ со слезами тому, что относится до спасенія. Еще при жизни Ѳеодосія братія избрала ему пріемника Стефана. Блаженный благословилъ этотъ выборъ, поучалъ Стефана и всю братію, и затѣмъ скончался мая 7 дня 1074 года. По смерти блаженнаго Ѳеодосія принялъ игуменство Стефанъ. По навѣтамъ ненавистника добра произошло въ монастырѣ смятеніе, братія удалили отъ себя Стефана и изгнали изъ монастыря ни съ чѣмъ. Многіе изъ бояръ, дѣти его по таинству покаянія, весьма сожалѣли, что духовный отецъ ихъ, поставленный блаженнымъ Ѳеодосіемъ, такъ посрамленъ и изгнанъ изъ монастыря, подавали ему отъ имѣній своихъ и Стефанъ основалъ для себя монастырь на Кловѣ, построилъ церковь во имя Св. Богородицы и наименовалъ то мѣсто Влахерною, по подобію находящагося въ Константинополѣ. А въ монастырь блаженнаго Ѳеодосія, съ совѣта всѣхъ, поставили себѣ игуменомъ великаго Никона, ибо онъ, по успеніи блаженнаго, изъ Тмутораканскаго пришелъ въ свой монастырь; и это, какъ думали, случилось по Божію изволенію, поелику онъ былъ старше всѣхъ, и блаженный отецъ нашъ Ѳеодосій отъ его руки сподобился принять ангельскій образъ. Много разъ покушался врагъ воздвигнуть смятеніе и вражду и противъ него, но не успѣлъ.

Заключеніе. Здѣсь оканчиваемъ мы повѣствованіе свое. О томъ, что относилось до блаженнаго Ѳеодосія, я, испытывая, слышалъ отъ старшихъ меня отцевъ бывшихъ въ то время, и такимъ образомъ, я грѣшный Несторъ написалъ,

будучи меньшимъ всѣхъ въ монастырѣ блаженнаго отца Ѳеодосія. Я принятъ былъ въ оной преподобнымъ игуменомъ Стефаномъ, имъ былъ постриженъ, удостоенъ монашеской одежды, и имъ возведенъ въ дьяконской санъ, котораго я не былъ достоинъ, будучи грубъ и необразованъ, особенно же исполненъ множества грѣховъ отъ юности. Составилъ я это жизнеописаніе по волѣ Божіей и изъ любви; ибо когда я много разъ слышалъ отъ братій о добромъ и чистомъ житіи преп. и богоноснаго отца нашего Ѳеодосія, то радовался, что такъ потрудился онъ и пожилъ въ послѣднемъ вѣкѣ. Опять же когда слышалъ, что никѣмъ не описано о томъ, то печаль и скорбь поражали душу мою; а потому я, будучи объятъ любовью къ святому и великому отцу нашему Ѳеодосію, рѣшился отъ грубости сердца своего слышанное о немъ изъ многаго написать немногое во славу и честь великому Господу Богу и Спасу нашему Іисусу Христу.

Изъ житія св. Ѳеодосія.

ОТНОШЕНІЕ ѲЕОДОСІЯ КЪ КНЯЗЮ СВЯТОСЛАВУ.

Сице бо преподобьному [1]) и прѣблаженому отцю нашему Ѳеодосию, пасущю стадо свое съ всякыимь благочьстиемь и чистотою и еще же и житие свое съ въздьрьжаніемь и подвигьмь исправляющю, бысть въ то время съмятение нѣкако отъ вьселукавааго [2]) врага въ трьхъ кънязьхъ [3]), братии сущемъ [4]) по плъти, якоже дъвѣма брань сътворити на единого старѣйшаго

1) *Преподобьному*—новая краткая форма вм. древней: преподобьнууму.
2) *Вьселукавааго*—древняя полногласная форма.
3) Говорится о дѣтяхъ Ярослава. Изяславѣ, Святославѣ и Всеволодѣ.
4) Дател. самост.

си [5]) брата, Христолюбьца, иже по истинѣ Боголюбьця, Изяслава, тоже [6]) тако тъ прогънанъ бысть отъ града стольнааго, и онѣма пришьдъшема въ градъ тъ, посылаета же по блаженааго отца нашего Ѳеодосия бѣдяща [7]) того прити къ тѣма на обѣдъ и причитатися [8]) неправьдьнѣмь [9]) томь совѣтѣ. Тоже, иже бѣ исплъненъ Духа Святаго, преподобьный Ѳеодосий, разумѣвъ, еже неправьдьно суще изгънание, еже о Христолюбьци, глаголеть посъланому, яко не имамъ ити на тряпезу Вельзавелину и причаститися брашьна того, испълнь [10]) суща кръви и убииства, и ина же многа у коризньна глаголавъ, отпусти того, рекый [11]), яко да възвѣстиши вься си [12]) посълавшимъ тя. Нъ обаче [13]) она [14]), аще и слышаста си [15]), нъ не възмогоста прогнѣватися нань [16]), видяста бо правьдьна суща человѣка Божия, ни пакы же послушаста того, нъ устрьмистася на прогънание брата своего, иже отъ вьсея тоя области отъгнаста того, и тако възвратистася въспять, и единому [17]) сѣдъшю на столѣ томь брата и отця своего, другому [18]) же възвративъшюся въ область свою. Тъгда же отець нашь Ѳеодосии напълнивъся Святаго Духа, начатъ [19]) того обличати, яко неправьдьно сътворивъша [20]) и не

5) *Си*—или себѣ, дат. пад. мѣстоим. возврат.

6) *Тоже*—зн. *и*.

7) *Бьдяща*—двойст. ч. прич. наст. отъ гл. *бьдити*, убѣждать, просить, понуждать.

8) *Причитатися*—принять участіе, пристать.

9) *Неправьдьнѣмь*—мѣст. пад. ед. ч. прил. полнаго.

10) *Испълнь*—прил. несклоняемее, зн. полный, наполненный. (Ср. въ Остр. Ев. седмь кошницъ испълнь. род. пад. жен. р.). Другія несклоняемыя прилагательныя: близъ, двогубь, различь, свободь, годѣ, требѣ, явѣ.

11) *Рекый*—прич. прош. полное.

12) *Си*—мѣстоим. указат. вин. пад. ср. рода.

13) *Обаче*—однако.

14) *Она*—имен. пад. дв. ч. мѣстоим. указат. *онъ*.

15) *Си*—мѣстоим. указат. вин. пад. ср. рода.

16) *Нь*—винит. пад. ед. ч. мѣстоим. личн. 3-го лица послѣ предлоговъ.

17. т. е. Святославу.

18) т. е. Всеволоду

19) *Начатъ*—прошед. (аористъ) 3 л. ед. ч., съ приставкою—*тъ*.

20) *Сътворивъша*—прич. прош., краткое, вин. пад. ед. ч.

по закону сѣдъша на столѣ томь, и яко отца си [21]) и брата старѣишаго [22]) прогънавъша. Тоже тако обличаше [23]) того, овъгда епистолия пиша, посылааше тому, овогда же вельможамъ его, приходящемъ [24]) къ нему, обличаше того о неправьдьнѣмь прогънании брата, веля тѣмъ повѣдати. Се же и послѣ же въписа къ нему епистолию велику зѣло, обличая того и глаголя: гласъ кръве брата твоего въпиеть на тя къ Богу, яко Авелева на Каина, и инѣхъ многыихъ дрѣвьниихъ гонитель, и убоиникъ, и братоненавидьникъ, приводя, и притъчами тому вься, еже о немъ указавъ, и тако въписавъ, посъла. И яко тъ прочьте епистолию ту, разгнѣвася зѣло, и яко львъ рикнувъ на правьдьнааго, и удари тою [25]) о землю, и яко же отътолѣ промъчеся вѣсть, еже на поточеніе осужену [26]) быти блаженому [27]). Тоже [28]) братия въ велицѣ печали быша, и моляаху блаженааго остатися и не обличати его, тоже такоже и отъ боляръ мънози приходяще, повѣдахуть [29]) ему гнѣвъ княжь на того сущь [30]) и моляхуть и [31]) не супротивитися ему, се бо, глаголаху, на заточение хочеть [32]) тя посълати. Си [33]) же слышавъ блаженый, яко о заточении его рѣша, въздрадовася духъмь и рече къ тѣмъ: се бо о семь вельми ся радую, братие, яко ничьсо же ми блаже въ житии семь, еда благодатьство, имѣнию лишение

---

21) *Си*—себѣ.

22) *Старѣйшаго*—новая форма вм. древней *старѣйшааго*.

23) *Обличаше*—новая форма вм. древней обличааше.

24) *Приходящемъ*—прич. наст. краткое, дат. над. мн. ч., въ полной формѣ было бы приходящимъ.

25) Т. е. эпистоліею.

26) *Осужену*—русская форма вм. осуждену.

27) *Блаженому*—новая форма вм. блаженууму.

28) *Тоже*—зн. *и*.

29) Преход. вр. съ н. рощеніемъ.

30) *Сущь*—вин. над. ед. ч. муж. род. отъ *сы*.

31) *И*—мѣстоим. лич. 3-го л., вин. п. ед. ч.

32) *Хочеть*—русская форма вм. хощеть.

33) *Си*—мѣстоим. указ. вин. над. ср. рода.

нудить мя, или дѣтии отлучение и селъ опечалуеть мя: ничьсо же отъ таковыихъ принесохомъ въ миръ сь, нъ нази родихомъся, такоже подобаеть намъ нагомъ [34]) проити отъ свѣта сего: тѣмь же [35]) готовъ есмь или на поточение, или на съмьрть. И оттолѣ начатъ того укаряти о братоненавидѣнии, жадааше бо зѣло, еже поточену быти. Нъ обаче онъ, аще и вельми разгнѣвалъся ся бѣ [36]) на блаженааго, нъ не дьрьзну ни единого же зъла и скьрьбьна сътворити тому, видяаше бо мужа преподобьна и правьдьна суща его, якоже прѣже многашьды его ради завидяаше брату своему, еже такого свѣтильника имать въ области своей, якоже съповѣдаше, слышавъ отъ того, чьрноризьць Павьлъ, игуменъ сый отъ единого манастыря, сущиихъ въ области его. Блаженый же отець нашь Ѳеодосии, много молимъ бывъ отъ братьѣ [37]) и отъ вельможь, наипаче же разумѣвъ, яко ничьсо же успѣшьно сими словесы тому, остася [38]) его, и оттолѣ не укаряше его о томь, помысливъ же въ себѣ, яко уне [39]) есть мольбою того молити, дабы възвратилъ брата си [40]) въ область свою. Не по мнозѣхъ же дньхъ, разумѣвъ благый князь тъ прѣложение блаженааго Ѳеодосия отъ гнѣва и утишение, еже отъ обличения того, въздрадовася зѣло, издавьна бо жадааше бесѣдовати съ нимь и духовьныихъ словесъ его насытитися, таче посылаеть къ блаженому, аще повелить тому прити въ манастырь свой, или ни; оному же повѣлѣвъшу тому приити, тоже сии, съ радостию въставъ, приде съ боляры въ манастырь его, и великому Ѳеодосию съ братиею ишьдъшу ис

---

34) Дат. пад. мн. ч. отъ *наѣ*.

35) *Тѣмь же* зн. а потому.

36) *Разгнѣвалъся бь*—преход. сложное.

37) *Отъ братьь*—русская форма род. пад. отъ собир. *братия*, въ цел. род. пад. братия, напр. въ Остр. ев.: *имамъ бо пять братия*.

38) *Остатися*—зн. оставить.

39) *Уне*—зн. лучше.

40) *Си*—себѣ.

цьркве и по обычаю сърѣтъшю того, и поклоньшемася, яко же е лѣпо кънязю, и тому же цѣловавъшю блаженаго, таче глаголаше: се, отче, не дьрьзняхъ приити къ тебѣ, помышляя, еда како, гнѣваяся на мя, и не въпустиши насъ въ манастырь. Тоже блаженый отвѣща: чьто бо, благый владыко, успѣеть гнѣвъ нашь, еже на дьржаву твою; нъ се намъ подобаеть обличити и глаголати вамъ, еже на спасеніе души, и вамъ лѣпо есть послушати того. И тако же въшьдъшема въ цьрквь, и бывъши молитвы, сѣдоста, и блаженому Ѳеодосию начьнъшю глаголати тому отъ святыихъ кънигъ, и много указавъшю ему о любъви брата, и оному пакы много вину износящю на брата своего, и того ради не хотящю тому съ тѣмь мира сътворити, и такоже пакы по мнозѣи тои беседѣ, отъиде князь въ домъ свой, славя Бога, яко съподобися съ таковыимь мужьмь бесѣдовати, и оттолѣ часто приходяше [41]) къ нему, и духовьнаго того брашьна насыщаяся паче меду и съта, сеже суть словеса блаженаго, яже исходяахуть отъ медоточьныихъ устъ тѣхъ. Многышьды же великыи Ѳеодосии къ тому хожаше [42]), и тако въспоминааше тому страхъ Божии и любовь, еже къ брату. И въ единъ отъ днии шьдъшю къ тому благому и богоносьному отцю нашему Ѳеодосию, и яко въниде въ храмъ, идеже бѣ князь сѣдя, и се видя многыя [43]) играющи [44]) прѣдъ нимь, овы гусльныя гласы испущающе, другыя же оръганьныя гласы поюще, и инѣмъ замарьныя [45]) пискы гласящемъ, и тако вьсѣмъ играющемъ [46]) и веселящемъся, якоже обычай есть прѣдъ князьмь. Блаженый же бѣ въскраи его сѣдя и долу

---

41) *Приходяше*—кратк. форма вм. древней *приходяще*.

42) *Хожаше*—русская форма вм. хождааше.

43) *Многыя*—вин. пад. множ. ч. муж. рода.

44) *Играющи*—если согласовать съ *многыя*, то слѣдовало бы *играющя*, если въ имен. пад., то *играюще*.

45) *Замарьнъ*—изтупленный?

46) *Играющемъ*—дат. пад. мн. ч. муж. рода кратк. причастія.

нича, и яко малы въсклонивъся, рече къ тому: то будеть ли сице на ономь свѣтѣ; то же ту абие онъ съ словъмь блаженааго умилися и малы прослъзи си, повелѣ тѣмъ прѣстати. И оттолѣ аще коли приставяше тыя играти, ти [47]) слышааше блаженаго пришьдъша, то повелѣваше тѣмъ прѣстати отъ таковыя игры. Многашьды же пакы, егда възвѣстяхуть приходъ тому блаженаго, тоже тако тъ ишьдъ [48]), того сърѣташе, радуяся, прѣдъ двьрьми храму, и тако вънидоста оба въ храмъ. Се же, якоже веселяся, глаголаше преподобьному: се, отче, истину ти глаголю, аще быша ми възвѣстили [49]) отця въставъша отъ мьртвыихъ, не быхъ ся тако радовалъ, яко о приходѣ твоемь, и не быхъ ся того тако боялъ, или сумьнѣлъ, якоже преподобныя твоея душа. Блаженый же: то аще тако боишися мене, то да сътвори волю мою и възврати брата своего на столъ, иже ему благовѣрьный отець свой прѣдасть. Онъ же о семъ умълъче, не могый чьто отвѣщати къ симъ, тольми бо бѣ и врагъ раждьглъ гнѣвъмь на брата своего, яко ни слухъмь хотяше того слышати. Отець же нашь Ѳеодосий бѣ по вься дни и нощи моля Бога о Христолюбьци Изиславѣ, и еще же и въ ектении веля того поминати, яко стольному тому князю и старѣшю вьсѣхъ, сего же, якоже рече, чрѣсъ законъ сѣдъшю на столѣ томь, не веляше поминати въ своемь манастыри, о семъ же едъва умоленъ бывъ отъ братиѣ, повелѣ и того съ нимь поминати, обаче же пьрьвое Христолюбьца, ти тогда сего благаго. Великый же Никонъ, видѣвъ таковое съмятение, въ князихъ суще, отъиде съ инѣма дъвѣма чьрьноризьцема въ прѣже реченый островъ, идеже бѣ манастырь съставилъ, и блаженому Ѳеодосию мъного того моливъшю, яко да не разлучитися има, донъдеже еста въ плъти, и не отходити

47) *Ти*—зн. и

48) *Ишьдъ*—прич. прош. муж. р. ед. ч.

49) *Быша извѣстили*—прош. сложное условное.

*

ему отъ него, обаче онъ не послушавъ его о томь, нъ, якоже речеся, отъиде въ свое мѣсто.

Тъгда же отець нашь Ѳеодосии, напълнився Духа Святаго, начатъ благодатию Божиею подвизатися, якоже въселитися тому въ другое мѣсто, помогающу тому Святому Духу, и цьрковь же велику камениемь възградити въ имя Святыя Богородиця и Присно Дѣвыя Мария, пьрьвѣй бо цьркви древянѣ сущи и малѣ на приятие братии. Въ начатъкъ таковааго дѣла събърася множьство людий, и мѣсто на възражение овѣмъ ово кажущемъ, инѣмъ же ино, и вьсѣхъ не бѣ подобьно мѣсто княжю полю, близь прилежащю. И се по строю Божию, бѣ благый князь Святославъ, туда минуя, и видѣвъ многъ народъ, въпроси, чьто творять ту, и яко же увѣдѣвъ, и съвративъ коня, приѣха къ нимъ, и яко отъ Бога подвиженъ, показа тѣмъ мѣсто на своемь поли, веля ту възградити таковую цьрковь. Се же, яко же и по молитвѣ тому самому начатъкъ копанию положити. Бѣаше же и самъ блаженый Ѳеодосии по вься дни съ братиею подвизаяся и тружая о възражении таковаго дому, обаче аще и не съвьрьши его живъ сы, нъ се и по съмьрьти того. Стефану приимъшю игуменьство, и Богу помагающю тому молитвами преподобьнааго отца нашего Ѳеодосия, съвьрьшено дѣло и домъ съграженъ. Ту же братии преселивъшемъся и онъдеже [50]) малу ихъ оставъшю, и съ тѣми прозвутеру и диякону, якоже по вься дни и ту святая литурьгия съвьрьшается.

Кириллъ епископъ Туровскій.

Кириллъ, епископъ Туровскій, жилъ во второй половинѣ XII вѣка. Всѣ произведенія его духовнаго содержанія: I) *Десять воскресныхъ словъ*, начиная отъ Вербнаго воскресенья до Пя-

50) *Онъдеже*—тамъ же т. е. на старомъ мѣстѣ.

тидесятницы. Слова эти слѣдуютъ одно за другимъ и образуютъ цѣльный кругъ церковныхъ поученій. II) *Сказаніе о черноризцѣмъ* чину, двѣ притчи, посланія, молитвы и канонъ. Приводимое ниже одно изъ Воскресныхъ словъ, «*Въ недѣлю Новую или Ѳомину*», замѣчательно какъ образецъ духовнаго краснорѣчія. Главная мысль этого слова —показать слушателямъ значеніе недѣли, слѣдующей за недѣлею св. Пасхи. Недѣля эта носитъ двоякое названіе: *Новая* и *Ѳомина*. Отсюда само собою представилась необходимость объяснить, почему она называется *Новою*, какой внутренній смыслъ имѣетъ это наименованіе, и почему *Ѳоминою*. Сообразно съ этимъ, проповѣдникъ и раздѣлилъ свое слово на двѣ части, присоединивъ къ нимъ краткое вступленіе и заключеніе. Въ приступѣ проповѣдникъ говоритъ: «Для украшенія праздника церковь требуетъ великаго учителя и мудраго проповѣдника, а мы нищи словомъ и мутны умомъ, и не имѣемъ огня Св. Духа на сложеніе душеполезныхъ словесъ. Впрочемъ, любви ради сущихъ со мною братій, мало нѣчто скажемъ *о поновленіи Воскресенія Христова*.»

Въ 1-й части объясняется значеніе Новой недѣли и артоса. Съ этою цѣлью проповѣдникъ показываетъ отношеніе этой недѣли къ минувшей недѣли, св. Пасхи: «Въ минувшую недѣлю мы праздновали обновленіе всей твари и избавленіе міру. День Воскресенія Христова сталъ для насъ *царицею дней*. Въ настоящую же недѣлю намъ предстоитъ *вѣнчать царицу* дней. Подобно тому, какъ Іудеямъ заповѣдалъ Богъ *поновлять* день избавленія ихъ отъ рабства египетскаго, такъ и мы поновляемъ день избавленія нашего отъ власти темныя; какъ Іудейскіе левиты несли изъ Египта по пустынѣ на главахъ опрѣсноки, пока не перешли Чермнаго моря, и тогда, посвятивъ хлѣбъ Богу, раздѣлили его всѣмъ и всѣ вкушавшіе были здравы и страшны врагамъ: такъ и мы, спасенные воскресшимъ Владыкою отъ работы мысленнаго Фараона-діавола, износимъ со дня Воскресенія Христова священный хлѣбъ-артосъ впро-

долженіе цѣлой недѣли, и наконецъ, посвятивъ сей хлѣбъ Богу, вкушаемъ отъ него и хранимъ его на здравіе тѣламъ и душамъ нашимъ.» Выяснивъ отношеніе Новой недѣли, какъ праздника пововленія, къ предшествовавшему празднику св. Пасхи, проповѣдникъ тотъ же вопросъ о *Пововленіи* развиваетъ съ другой стороны,—что обязываетъ, убѣждаетъ насъ самихъ праздновать пововленіе дня Воскресенія Христова? Въ отвѣтъ на это указываются тѣ великіе плоды, какимъ обязанъ міръ Воскресенію Христову, сопоставляется что было прежде до Воскресенія съ тѣмъ что видимъ въ настоящее время. Развить этотъ вопросъ можно бы было съ исторической точки зрѣнія, но проповѣдникъ предпочелъ воспользоваться однимъ изъ ораторскихъ пріемовъ Христіанскихъ Византійскихъ писателей, именно *символизмомъ*. Символизмъ есть уподобленіе, иносказаніе. У Кирилла Туровскаго за каждымъ символическимъ образомъ слѣдуетъ его объясненіе: «Нынѣ небеса просвѣтились, какъ вретища совлекши съ себя темныя облака—не видимыя небеса разумѣю, но разумныя, т. е. апостоловъ. Нынѣ солнце въ полной красотѣ восходитъ и согрѣваетъ землю: солнце праведное Христосъ. Нынѣ луна воздаетъ честь большему свѣтилу: ветхій завѣтъ преставъ и пророки отдаютъ честь закону Христову. Нынѣ зима престала и ледъ растаялъ: зима—языческое кумирослуженіе, ледъ Ѳомино невѣріе. Нынѣ красуется весна, оживляя земное естество, бурные вѣтры, тихо повѣвая, благопріятствуютъ плодамъ и земля, питая семяна, рождаетъ зеленую траву: весна красная—это вѣра Христова, которая крещеніемъ возрождаетъ человѣческое естество; бурные вѣтры-грѣхопаденій помыслы, которые чрезъ покаяніе, претворившись въ добрые, приносятъ душеполезные плоды... За тѣмъ слѣдуютъ символимскія образы стадъ, пастыря, растеній, землѣдельцевъ, рыбарей, пчелъ, птицъ.

Во 2-й части слова объясняется, почему *Новая недѣля* носитъ названіе Ѳоминой. Проповѣдникъ упоминаетъ о явленіи

Спасителя апостолу Оому и приводитъ ихъ бесѣду. Въ *заключеніе* проповѣдникъ обращается къ слушателямъ:

«Итакъ, братіе, будемъ вѣровать во Христа Бога нашего; поклонимся ему распѣншемуся, прославимъ Воскресшаго, повѣримъ явившемуся апостоламъ, воспоемъ показавшаго ребра своя Оому, похвалимъ пришедшаго оживить насъ, исповѣдаемъ просвѣтившаго насъ, возвеличимъ подавшаго намъ обиліе всѣхъ благъ, познаемъ единаго отъ Троицы Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа.»

Слово Кирилла, епископа Туровскаго, въ недѣлю новую или Оомину.

Приступъ. Велика учителя и мудра сказателя требуетъ церкви на украшеніе праздника. Мы же нищи есмы словомъ и умомъ мутни, не имуще огня Святаго Духа—на сложеніе [1]) душеполезныхъ словесъ; обаче, любве ради сущихъ со мною братій, мало нѣчто скажемъ о пооновленіи Въскресенія Христова.

1-я часть. Въ минувшую бо недѣлю Святыа Пасхы удивленіе бѣ небеси и устращеніе преисподнимъ, обновленіе твари и избавленіе міру, разрушеніе адово и попраніе смерти, въскресеніе мертвымъ и погубленіе прелестныа власти діяволя, спасеніе же человѣческому роду Христовымъ въскресеніемъ; обнищаніе ветхому закону и порабощеніе суботѣ, обогащеніе Христовѣ церкви и въцареніе недѣли. *Въ минувшую недѣлю* [2]) всему премѣненіе бысть: сътвори бо ся небомъ земля очищена Богомъ отъ бѣсовскыхъ скверенъ, и Ангели съ жепами

1) Въ подл. наслажденіе.

2) Повтореніе словъ *Въ минувшую недѣлю*, въ началѣ новаго періода—ораторскій пріемъ проповѣдника.

раболѣпно въскресенію служааху. Обновися тварь, уже бо ненарекуются [3]) Богомь стихіа, ни солнце, ни огнь, ни источници, ни древеса: отселѣ бо не пріемлеть требы [4]) адъ закалаемыхъ отци [5]) младенець, ни смерть [6]) почести, преста бо идолослуженіе и погубися бѣсовское насиліе крестнымь таиньствомь, и не токмо спасеся человѣчь родъ, но и освятися Христовою вѣрою. Ветхій же законъ отнудь [7]) обнища отвръженіемь телчаа крови [8]) и козлихъ жъртвъ, [9]) единъ бо Христосъ собою самъ къ Отцу за всѣхъ жъртву принесе; тѣмь [10]) и праздникъ суботѣ преста, а недѣли благодать дана бысть въскресенія ради и царствуеть уже въ днехъ недѣля, яко въ ту въскресе Христосъ изъ мертвыхъ. [11]) Вѣнчаимъ Царицю днемъ, братіе, и дары честны съ вѣрою той принесемъ, дадимъ по силѣ якоже можемь: овъ милостыню, безлобіе и любовь, другіи—дѣвьство чисто и вѣру праву и смиреніе нелицемѣрно, инъ псаломское пѣніе, Апостольское ученіе и молитву съ въздыханіемь предъ Богомъ; самъ бо Господь Моисіомь глаголеть: не являйся предъ мною тъщь въ день праздника. Принесемь ему прежереченныя добродѣтели, да въспріиемь Божію милость, ибо не лишитъ добра приходящихъ съ вѣрою: славящаа бо мя, рече, прославлю. Похвалимъ красно [12]) новую недѣлю, въ нюже поновленіе Въскресенія празднуемь; не бо есть та же Пасха днесь, но Антипасха наричется: Пасха бо избавленіе міру есть отъ насиліа діаволя и свобожденіе мертвымь отъ ада преисподняго,

---

3) Въ значеніи—*не считаются за.*
4) *Треба*—жертва, жертвоприношеніе.
5) Твор. пад. мн. ч.
6) По цсл. съмрьть.
7) Отнудь, отинудь—вовсе, совершенно.
8) По цсл. кръве.
9) По цсл. жрьтвъ.
10) *Тьмь*—а потому.
11) По цсл. мрътвыхъ.
12) Въ др. сп. красную.

Антипасха же есть поновленіе Въскресеніа, образъ имуще ветхаго закона, иже завѣща Богъ Моисіови въ Египтѣ, глаголя: се избавляю люди моя отъ работы Фараоня и свобождаю отъ мученіа приставникъ его, да поновляеши день спасеніа твоего, воньже побѣдихъ врагы твоя, Израилю. Се нынѣ и мы поновляемъ, празднующе побѣдный день Христовъ, вонь же спасеніе міру съдѣа, побѣдивъ начала и власти темныа; того ради и артусный хлѣбъ отъ Пасхы и донынѣ въ церкви священенъ бысть, на іерейскыхъ врьсѣхъ ломитса за опрѣснокы, несеныа на главахъ Левитъ отъ Египта по пустыни, дондеже и Чрьмное море проидоша: и ту того хлѣба освятиша Богови, его же вкушающе здрави бываху и врагомъ страшни. Они убо, избывше тѣлесныа работы, поновляху празднующе день опрѣсночный; мы же, Владыкою спасени отъ работы мысленаго Фараона діавола, поновляемъ побѣдный на врагы день, и сего священнаго нынѣ: пріимаще хлѣба тако вкушаемъ, якоже и они хлѣба небеснаго и Ангельскаго брашна, и хранимь его на всяку потребу благу, на здравіе тѣлесемъ и душамь на спасеніе и на прогнаніе всякого недуга. Днесь ветхаа конець пріяшя, и се быша вся нова, видимаа же и невидимаа. Нынѣ небеса просвѣтишася, *отъ темныхъ облакъ яко вретища съвлекъшися* [13]), и свѣтлымъ въздухомъ славу Господню исповѣдають, не *сію* [14]) (си) глаголю видимаа небеса, нъ разумнаа. Апостолы, иже днесь на Сіонѣ [15]) вшедша къ нимъ познавше Господа, и всю

---

13) Въ друг. сп. болѣе правильное чтеніе: *«темныхъ облакъ яко вретищь съвлекошася* т. е. нынѣ небеса прояснились, какъ власяницу совлекши съ себя темныя облака.» Съ этого мѣста и до конца 1-й части слѣдуетъ символическое описаніе природы, небесъ, солнца, луны, зимы, весны, далѣе символическое изображеніе стадъ, земледѣльческихъ работъ, рыболовства, трудовъ пчелъ. Всѣ эти символическія описанія заимствованы авторомъ изъ сочиненія Греческаго писателя св. Григорія Богослова (391), съ небольшимъ измѣненіемъ и пропусками.

14) *Сію*—употреблено не вѣрно, въ др. спискѣ правильно: *си* т. е. вин. пад. мн. ч. ср. род.

15) Читай на Сіонъ.

печаль забывше и скрѣбь Іудейска страха отврьгше, Святымъ Духомъ осѣнившеся, Въскресеніе Христово ясно проповѣдають: [16]) Ныня [17]) солнце красуяся къ высотѣ въсходить и радуяся землю огрѣваеть, възиде бо намъ отъ гроба праведное солнце Христосъ и вся вѣрующая ему спасаеть.

Ныня [18]) луна съ вышьняго съступивъши степени [19]) болшему свѣтилу честь подаваеть; уже ветхый законъ, по писанію, съ суботами преста и Пророкы Христову закону съ недѣлею честь подаеть. *Ныня* зима грѣховная покаяніемь престала есть и ледъ невѣрія богоразуміемь растаяся; зима убо язычьскаго кумирослуженія Апостольскымъ ученіемь и Христовою вѣрою престала есть; ледъ же Ѳомина невѣрія показаніемъ Христовъ [19]) ребръ растаяся. Днесь весна красуеться, оживляющи земное стьство; бурніи вѣтри, тихо повѣвающе, плоды гобьзують [20]) и земля сѣмена питающе [21]) зеленую траву ражаеть. Весна убо красная вѣра есть Христова, яже крещеніемь поражаеть человѣчьское пакы естьство; бурніи же вѣтри грѣхотвореній помысли, иже покаяніемь претворшеся на добродѣтель душеполезныя плоды гобьзують: земля же естьства нашего, акы сѣмя Слово Божіе пріимши, и страхомъ его присно болящи, духъ спасенія ражаеть. Ныня новорожаеміи агньци и унци, быстро путь перуще [22]), скалють, и скоро къ матеремъ възвращающеся веселяться, да и пастыри свиряюще веселіемь Христа хвалять. Агнеца, глаголю, кроткыя отъ языкъ люди, а унца кумирослужителя [23]) не-

16) Отселѣ начинается по пергаменному списку XIII. в.

17) Отселѣ до конца I-й части повтореніе въ началѣ періодовъ слова *ныня*, или равносильнаго ему *днесь*.

18) *Степень*—по древнему употребленію муж. рода.

19) Читай: Христовыхъ.

20) *Гобьзити*—дѣлать богатымъ, обогащать, отъ *гобино*, изобиліе плодовъ земныхъ.

21) Слѣдуетъ читать: *питающи*, прич. наст. ж. р. ед. ч.

22) Пьрати (наст. перу) имѣетъ два зн: а) прать, топтать, Ь) летѣть.

23) Вин. пад. мн. ч.

вѣрныхъ странъ, иже Христовомъ вѣчеловѣченіемъ и Апостольскымъ ученіемъ и чюдесы, скоро по законъ емъшеся [24]), къ святѣй церкви възвратившеся, млеко ученія ссуть; да и учители Христова стада о всѣхъ молящеся, Христа Бога славять, вся волкы и агньца въ едино стадо собравшаго. Ныня древа лѣторасли испущають и цвѣти благоуханія процвитають, и се уже огради [25]) сладъкую подавають воню, и дѣлатели съ надежею тружающеся плододавеца Христа призывають. Бѣхомъ бо преже акы древа дубравная, не имуще плода, ныня же присадися Христова вѣра въ нашемь невѣрьи, и уже держащеся корене Іосѣева, яко цвѣты добродѣтели пущающе, райскаго пакыбытья о Христѣ ожидають; да и святители о церкви тружающеся отъ Христа мьзды ожидають. Ныня ратаи [26]) слова, словесныя уньца къ духовному ярму приводяще, и крестьное рало [27]) въ мысленыхъ браздахъ погружающе, и бразду покаянія почертающе, сѣмя духовное въсыпающе, надежами будущихъ благъ веселяться. Днесь ветхая конецъ пріяша, и се быша вся нова, въскресенья ради. Нынѣ рѣкы Апостольскыя наводняються, и язычныя рыбы плодъ пущають и рыбари, глубину Божія вѣчеловѣченія испытавъше, полну церковьную мрежю ловитвы обрѣтають: рѣками бо, рече пророкъ, расядеться земля, узрять и разболяться нечестивіи людіе. Ныня мнишьскаго образа трудолюбивая бчела, свою мудрость показающи, вся удивляеть; яко же бо они въ пустыняхъ самокърміемь живуще, Ангелы и человѣкы удивляють, и си на цвѣты излетающи медвеныя сты [28]) ствараеть, да человѣкомъ сладость и церкви потребная подасть. Ныня вся доброгласныя птица

---

24) *Емъшеся*—прич. прош. муж. р. мн. ч. отъ *ятися*.

25) *Оградъ*—садъ.

26) *Ратай*—земледѣлецъ.

27) *Рало*—соха.

28) Читай: съты т. е. соты.

церковьныхъ ликовъ гнѣздящеся веселяться: и птица бо, рече пророкъ, обрѣте гнѣздо себе, олтаря твоя и свою кояждо поющи пѣснь, славить Бога гласы немолчьными. Днесь поновившася всѣхъ святыхъ чинове, нову жизнь о Христѣ пріемъше: пророци, патріарси трудившеися, въ раистѣй почивають жизни, и апостоли съ святители пострадавъшеи, прославляються на небеси и на земли, мученици и исповѣдници, за Христа претерпѣвъшеи страсть, съ Ангелы вѣньчаються; Цари и князи благовѣрніи послушаніемь спасаються; дѣвственіи лици и иночьстіи състави, свой крестъ терпѣніемь понесъше, первеньцю Христу отъ земля на небеса послѣдують; постьници и пустыньници, отъ рукы Господня труда мьзду пріемъше, въ горнимь градѣ съ святыми веселяться. Днесь новымъ людемъ Въскресенія Христова поновленія праздьникъ, и вся новая Богови приносяться: отъ языкъ вѣра, отъ крестьянъ требы, отъ іерей святыя жертвы, отъ міродержитель боголюбныя милостыня, отъ велможь церковьное попеченіе, отъ праведникъ съмѣреномудріе, отъ грѣшьникъ истиньное покаяніе, отъ нечьстивыхъ обращеніе къ Богу, отъ ненавидящіихъся духовьная любы.

II-я часть. Възидемъ ныня и мы, братіе, мысльно въ Сіоньскую горницю, яко тамо Апостоли събрашася, и самъ Господь Іисусъ Христосъ, затвореномъ двьремъ, посредѣ ихъ обрѣтеся и рекъ: миръ вамъ, исплъни я радости; въздрадовашабося, рече, ученицы, видѣвъше Господа, и всю печаль тѣлесную и страхъ сердечный отринуша. Дасть бо ся душамъ ихъ духовьная дьрзость, познаніемь своего Владыкы, яко обнажи предъ всѣми своя ребра и гвоздійныя язвы па руку и ногу показать Ѳомѣ; не бо бѣ Ѳома съ ученикы въ пьрвый приходъ видѣлъ [29]) Господа, и слышавъ его въскрьсъша, не яко лжю мня, не вѣроваше, нъ и самовидѣць хотя быти Христу,

29) *Бѣ видѣлъ*—преход. сложное.

тако глаголааше [30]): аще не въложю рукы моея въ ребра его и въ язву гвоздійную своего пьрста, не иму вѣры. Тѣмь и Господь, не понося ему, сице глаголаше: принеси руку твою и вижь прободеніе ребръ моихъ и вѣруй, яко самъ азъ есмь; мнѣ бо и преже тебе патріарси и пророци разумѣвъше вѣроваша моему въчеловѣченію. Испытай пьрвое Исаино о мнѣ писаніе: копіемь бо, рече, въ ребра прободень бысть, и изиде кръвь и вода; въ ребра прободенъ быхъ, да ребръмь падъша Адама въскресихъ. А тебе ли, невѣрующю ми, презрю? Осязай мя, яко самъ азъ есмь, его же преже осязавъ Сумеонъ и вѣрою прошаше отпущенія съ миромь; и не буди невѣрьнъ, якоже Ирод, иже слышавъ мое рожество, глаголаше волхвомъ: кдѣ Христосъ ражается? да шьдъ поклонюся ему, а въ сердци о убійствѣ моемь мысляше. Нъ аще и младьньцѣ [31]) изби, нъ искомааго не обрѣте: възищють бо мене зліи, нъ не обрящють. Вѣруй ми, Ѳомо, и познай мя, якоже Аврамъ, къ нему же подъ сѣнь съ двѣма Ангелома придохъ, и тъ познавъ мя, Господа мя нарече, и о Содомѣ моляше ми ся, да его не погублю, аще и до десяти было въ немь праведникъ. А не буди невѣрьнъ акы Валамъ, иже Духомь Святымь пророкъ мое за міръ умьртвіе и въскрьсеніе; и пакы мьзды ради прьльстивъся, погыбе. Вѣруй ми, Ѳомо, яко самъ азъ есмь, его же видѣ Іаковь въ нощи на лѣствици утвьржающася; тъ же и пакы позна мя духомь, егда боряхъся съ нимь въ Месопотаміи, тъгда бо обѣщахъся ему въчеловѣчитися въ племени его. И не буди невѣрьнъ, яко Навъходоносоръ, иже видѣвъ мя, въ пещи отрокы отъ огня спасъша, истиною Сына Божія нарече мя, и пакы къ своимъ прельстьмъ уклонивъся, погыбе. Вѣруй ми, Ѳомо, яко азъ есмь, его же образъ видѣ Исаія на престолѣ высоцѣ, обьстоима множьствомь Ангелъ; азъ есмь,

30) Древняя полногласная форма.

31) *Младьньцъ*—рус. форма вин. пад. мн. ч. вм. младеньця.

явивыися Езекилю посредѣ животьныхъ образомь человѣчьскомь, ему же и васъ прообразихъ колесы животьныхъ придержащимъся (?), въздвизающихъся со мною: тъ бо животьный духъ бѣ тогда въ колесѣхъ, его же и ныня въ васъ дунухъ, Духъ Святый. Азъ есмь, его же видѣ Данилъ на облацѣхъ небесныхъ, подобіемь сына человѣча, съшьдъша до ветъхаго днемъ; и тъ написа даную ми отъ Бога Отца власть и царство на небеси и на земли, нынѣшняаго и бущаго бесконьчьнааго [32]) вѣка. Принеси, о близньче! твой пьрстъ и вижь руцѣ мои [33]) има же очи слѣпымъ отверзохъ и глухымъ слуха даровахъ и нѣмыя доброглаголивы створихъ; вижь и нозѣ мои, има же и предъ вами по морю ходихъ, и по въздуху явьствьно ступахъ и въ преисподьняя въшедъ [34]), тѣма ада попрахъ, и съ Клеопою и Лукою до Елмауса шьствовахъ; и не буди невѣрьнъ, нъ вѣрьнь. Отъвѣща Ѳома глаголя: вѣрую, Господи, яко самъ ты еси Христосъ Богъ мой, о немъ же писаша пророци, дозряще духомь, его же прообрази въ законѣ Моиси, его же отвьргошася съ жьрци Фарисеи, ему же поругашася завистію съ книжьникы жидове, его же осуди съ Каіяфою на распятіе Пилатъ, его же Богъ отець изъ мьртвыхъ въскреси. Вижю ребра, отъ нихъже источи воду и кровь; воду, да очистиши осквьрнивъшююся землю и кръвьже, да освятиши человѣчьское естьство. Вижю руцѣ твои, ими же преже створи всю тварь и рай насади и человѣка созда, има же благослови патріархы, има же помаза Царѣ [35]), има же освяти Апостолы. Вижю нозѣ твои, еюже [36]) прикоснувъшися блудница, грѣховъ отпустъ пріятъ [37]);

---

32) Древняя полногласная форма.

33) Въ двойст. числѣ слѣдовало бы: *моя*.

34) Прич. прош.

35) *Царь*—рус. форма вм. *царя*, вин. п. мн. ч.

36) Род. п. дв. ч.

37) *Пріятъ*—прош. ед. 3 л., съ приставкою *тъ*.

на нею же припадъши пьрвое вдовица, отъ мьртвыхъ своего сына съ душею жива пріятъ; надъ сима ногама кръвоточивая подълзѣ ризы прикоснувъшися исцѣлѣ отъ недуга; и азъ, Господи! вѣрую, яко ты еси Богъ. И рече къ нему Ісусъ: яко видѣвъ мя, вѣрова; блажени не видѣвъшеи, въ мя вѣровавшеи.

Заключеніе. Тѣмь же [38]), братіе, вѣруимъ Христу Богу нашему, распьнъшемуся поклонимъся, въскрьсъшааго прославимъ, явивъшемуся Апостоломъ вѣруимъ, и своя Ѳомѣ показавъшааго ребра въспоимъ, пришьдъшааго оживитъ [39]) насъ похвалимъ, и просвѣтивъшааго ны исповѣдаимъ, и всѣхъ благъ подавъшааго намъ обиліе възвеличимъ, отъ Троица познаимъ единого Господа Бога Спаса нашего Ісусъ Христа, ему же слава съ Отцемь и съ Святымь Духомь, и и нынѣ и присно.

Слово о полку и горевѣ, игоря сына Святъславля, внука Ольгова.

(По изд. 1800 г.)

Не лѣпо ли ны [1]) бяшетъ [2]), братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святославлича! начати же ся тъй [3]) пѣсни по былинамь [4]) сего времени, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ об-

38) *Тъмь же*—зн. а потому.

39) Достигательное наклоненіе при глаголѣ означающемъ движеніе.

1) *Ны* вм. намъ (ср. у Нест.—пущи ны Игоревы смерти).

2) *бяшетъ* ср. ниже: помняшеть, пущашеть—3 л. ед. ч. прех. вр. съ нарощеніемъ *тъ*, или *ть*.

3) Тъй т. е. той.

4) *Былинамь*—въ спискѣ Слова, изд. Пекарскимъ: былинамъ.

лакы. Помняшеть бо речь [5]) пръвыхъ временъ усобицѣ [6]); тогда пущашеть 10 соколовь [7]) на стадо лебедѣй, который [8]) дотечаше, та преди [9]) пѣснь пояше, старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братіе, не 10 соколовь на стадо лебедѣй пущаше, нъ своя вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря, иже истягну умь [10]) крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую. Тогда Игорь възрѣ на слѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своеи: братіе и дружино! луце [11]) жъ бы потяту [12]) быти, неже полонену быти: а всядемъ, братіе, на свои бръзыя комони, да позримъ синего Дону! Спала князю умь [13]) похоти [14]) и жалость [15]) ему знаменіе заступи, искусити Дону великаго. Хощу бо, рече, копіе приломити конець [16]) поля Половецкаго съ вами Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь [17]) Дону. О Бояне, соловію стараго времени! абы [18]) ты сіа плъкы ущекоталъ, скача

5) *Рьчь*—вѣроятно вм. рече; какъ ниже: хощу бо рече.

6) *Усобицѣ*—вин. над. ми. ч. вм. усобиця (ср. у Нест. *въ овцѣ*).

7) *Соколовь*—въ сп. Пек. соколовъ (Въ Остр. Ев. только однажды род. п. на—овъ, отъ именъ муж. р. на—ъ).

8) *Который* т. е. соколъ.

9) *Преди* вм. прежде, какъ у Нест. *межи* вм. между.

10) *Умь*—въ сп. Пек. умъ.

11) *Луце* вм. лучше, отъ лучии, сравн. степ. отъ добрый.

12) Потяти—убить, заколоть.

13) *Умь*—въ сп. Пек. умъ.

14) *Похоти*—по хоти, по женѣ.

15) *Жалость*—ревность, желаніе.

16) *Конець*—въ концѣ поля.

17) *Шеломъ*—шлемъ.

18) *Абы ущекоталъ*—прош. усл. (Ср. а того есмы искали, абы ты пустилъ брата нашего. Ипат. Лѣт.)

славію [19]) по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы [20]) сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы? Пѣти было [21]) пѣснь Игореви, того (Олга) внуку: не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; галици стады [22]) бѣжать къ Дону великому, чили [23]) въспѣти было вѣщей Бояне, Велесовь внуче: комони ржутъ за Сулой; звѣнить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ; стоять стязи [24]) въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему Буи Туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты Игорю, оба есвѣ Святъславличя; сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди; а мои ти Куряни свѣдоми къмети [25]), подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяни, конець копія въскръмлени, пути имь вѣдоми, яругы [26]) имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачють акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи [27]) себе чти, а князю славѣ [28]). Тогда въступи Игорь Князь въ златъ стремень, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тъмою путь заступаше; нощь стонущи ему грозою птичь [29]) убуди; свистъ звѣринъ въ стазби; дивъ кличеть връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тьмутораканьскый блъванъ. А

---

19) *Славію*—дат. п. ед. ч. для выраженія сравненія (см. народ. обороты въ былинахъ: по соловьиному по змѣиному и т. п.

20) *Обаполы*—utrinque, съ обѣихъ сторонъ, съ той и другой стороны. (Ср. въ Лавр. Лѣт.: явившася столповѣ обаполы солнца.)

21) *Пѣти было*—употр. безлично. (У Нест. бяше видѣти; въ народ. пословицахъ: быть было бѣдѣ, да деньги при бедрѣ.)

22) *Стады*—твор. п. мн. ч.

23) *Чили*—или, развѣ.

24) *Стязь*—знамя.

25) *Кмети*—воины, молодцы.

26) *Яругъ*—оврагъ.

27) *Ищучи*—въ формѣ дѣеприч., вм. цс. прич.: ищуще.

28) *Славѣ* род. п. ед. ч.

29) *Птичь*—род. п. мн. ч.

Половци не готовами дорогами побѣгоша къ Дону великому; крычатъ тѣлѣгы полунощы [30]), рци [31]) лебеди роспущени. Игорь къ Дону вои ведетъ: уже бо бѣды его пасетъ [32]) птиць; подобію влъци грозу въсрожатъ по яругамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ, лисици брешутъ на чръленыя щиты. О руская земле! уже за шеломянемъ [33]) еси. Длъго ночь мркнетъ, заря свѣтъ запала; мъгла поля покрыла, щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы.

Съзаранія въ пятькъ потопташа поганыя плъкы Половецкыя; и рассушясь [34]) стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы Половецкыя, а съ ними злато и паволокы и драгыя оксамиты [35]); орьтъмами [36]) и япончицами и кожухы начашя мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи [37]) Половѣцкыми. Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, среблено стружіе [38]) храброму Святъславличю. Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо далече залетѣло; небыло нъ [39]) обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ чрьный воронъ, поганый Половчине! Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ, Кончакъ ему слѣдъ править [40]) къ Дону великому. Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чрьныя тучя съ моря идуть, хотять прикрыти 4 солнца: а въ нихъ препещуть синіи млъніи, быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго: ту ся ко-

---

30) *Полунощы*—мѣст. над. въ знач. времени (см. Грам. Бусл. II § 247.)
31) *рци*—словно.
32) *Насетъ*—въ зн. стережетъ.
33) *Шеломя*—холмъ.
34) *Рассутися*—разсѣяться.
35) *Оксамитъ*—бархатная парча.
36) *Орьтма*—слово неизвѣстное.
37) *Узорочьи*—драгоцѣнности.
38) *Стружіе*—копье.
39) *Не былонъ обидѣ*—вѣроятно: *не было къ обидѣ*.
40) *Слѣдъ правитъ*—т. е. указываетъ путь.

піемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти [41]) о шеломы Половцкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго. О Руская землѣ! уже за [42]) шеломянемъ еси. Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы! земля тутнетъ [43]) рѣкы мутно текуть; пороси поля прикрываютъ; стязи глаголютъ, Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ. Рускыя плъкы отступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша; а храбріи Русици преградиша чрълеными щиты. Яръ туре Всеволодѣ! стоиши на борони [44]), прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными [45]). Камо Туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы Половецкыя; поскепаны [46]) саблями каленымі шеломы Оварьскыя отъ тебе Яръ Туре Всеволоде. Кая раны дорога, братіе, забывъ чти и живота, и града Чрънигова, отня злата стола и своя милыя хоти красныя Глѣбовны свычая и обычая? Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были плъци Олговы, Ольга Святъславличя. Тъи бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ. Тоже звонъ слыша давный великый Ярославь сынъ Всеволожь [47]): а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ.—Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждь—Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишась. Тогда по руской земли рѣтко ратаевѣ [48]) кикахуть [49]); нъ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь

41) *Потручатися*—притупиться.
42) Въ I-мъ изд.: *не*
43) *Тутнати*—отзываться на шумъ, звукъ.
44) *На бороні*—въ передовомъ отрядѣ.
45) *Харалужн* й—стальной.
46) *Поскепати*—разщепать.
47) *Всеволожь*—должно читать *Всеволодъ*.
48) *Ратай* (изъ аратай)—земледѣлецъ.
49) *Кыкати*—гикать, крикомъ погонять.

говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе [50]). То было въ ты рати, и въ ты плъкы; а сицеи рати не слышано: съзараніа до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя; гримлютъ сабли о шеломы; трещатъ копіа харалужныя, въ полѣ незнаемѣ среди земли Половѣцкыи. Чрьна земля подъ копыты, костьми была посѣяна, а кровью польяна; тугою [51]) взыдоша по Руской земли. Что ми шумить, что ми звенить давечя [52]) рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый: третьяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить [53]) трава жалощами [54]), а древо съ тугою къ земли преклонилось. Уже бо, братіе, не веселая година въстала, уже пустыни [55]) силу прикрыла. Въстала обида въ силахъ Дажь—Божа внука. Вступилъ (?) дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ морѣ [56]) у Дону плещучи, убуди жирня [57]) времена. Усобица [58]) княземъ на поганыя погыбе, рекоста бо братъ брату: се мое, а то мое же; и начяша князи про [59]) малое, се великое млъвити, а сами на себе [60]) крамолу ковати: а поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую. О! далече заиде соколъ, птиць бья къ мо-

---

50) *Уедіе*—кормъ.

51) *Туга*—печаль, истома.

52) *Давечя*—не такъ давно, не задолго,

53) *Ничать*—приклоняться.

54) *Жалоща*—вм. жалость.

55) *Пустыни*—имен. пад. ед. ч. Ср. другія подобныя слова: гръдыни, милостыни. (Гр. Бусл. 1, § 60.

56) *Морь*—такъ чит. въ сп. Пек., въ 1-мъ изд. *море*.

57) *Жирня*—усѣч. прил. вин. п. мн. ч., отъ *жирь*, въ зн. богатство, изобилія.

58) *Усобица*—въ зн. *вражды*.

59) *Про*—предлогъ въ цс. яз. употреблялся слитно съ глаголомъ и именами, въ др. рус. ставился и отдѣльно, управл. винит. пад. (Грам. Вост. р. 133).

60) *Себе*—въ сп. Пек., въ 1-мъ изд. себѣ.

рю: а Игорева храброго плъку не крѣсити.—Жены Рускія въсплакашась аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати. А въстона, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми; тоска разліяся по Руской земли; печаль жирна тече средь земли Рускыи; а князи сами на себе крамолу коваху; а поганіи сами побѣдами нарищуще [61]) на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора.—А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ: въ Кіевѣ на горахъ синочь [62]) одѣвахъте [63]) мя, рече, чрълою паполомою [64]), на кроваты тисовѣ. Чрълахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено; сыпахуть ми тъщими [65]) тулы поганыхъ тлъковинъ [66]) великый женчюгь на лоно, и нѣгуютъ [67]) мя; уже дъскы безъ кнѣса [68]) въ моемъ теремѣ златовръсѣмъ.—И ркоша бояре князю: уже княже туга умь полонила; се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата, поискати града Тьмутораканя, а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крильца припѣшали [69]) погаными саблями, а самаю опуташа [70]) въ путины [71]) желѣзны. Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ тъмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Русскои земли

---

61) *Нарискати*—дѣлать набѣгъ.

62) *Синочь*—въ эту ночь, т. е. прошлую. (Ср. въ Ипат. лѣт.: Богъ сы ночь князя поялъ. 72).

63) *Одъвахъте* вм. одѣваste.

64) *Папалома*—покрывало.

65) *Тъщь*—постой.

66) *Тъковины*—въ лѣтоп. Нестора употреблено какъ прозвище народа: *Хорваты* и Дулебы, и Тиверцы, яже суть *Толковины*.

67) *Нъювати*—нѣжить.

68) *Кнѣсь*—перекладина, на которой держится потолокъ.

69) *Припѣшать*—собст. зн. стать пѣшимъ, утративъ коня; по отношенію къ крыльямъ сокола—подрѣзать.

70) *Опуташа*—въ сп. Пек., въ 1-мъ изд. *опустоша*.

71) *Путины*—оковы, вереги.

простроша Половци, аки пардуже [72]) гнѣздо.—Тогда великій Святославъ изрони злато слово слезами смѣшено, и рече: о моя сыновча [73]) Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити [74]), а себѣ славы искати. Нъ нечестно одолѣсте: нечестно бо кровь поганую проліясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ! А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и много вои брата моего Ярослава съ Черниговьскими былями [75]), съ Могуты и съ Татраны и съ Шельбиры, и съ Топчакы, и съ Ревугы, и съ Ольберы. Тіи бо бесъ щитовъ [76]) съ засапожникы кликомъ плъкы побѣждаютъ, звонячи въ прадѣднюю славу. Нъ рекосте мужаимѣ ся сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ. А чи диво ся братіе стару помолодити? Коли соколъ въ мытѣхъ [77]) бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ; не дастъ гнѣзда своего въ обиду.—Великій княже Всеволоде! не мыслію ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага [78]) по ногатѣ, а кощей [79]) по резанѣ. Ты бо можеши посуху живыми шереширы стрѣляти удалыми сыны Глѣбовы. Ты буй Рюриче и Давыде, не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ акы тури, ранены саблями каленымы, на полѣ незнаемѣ? Вступита господина въ злата стремень за обиду сего времени, за землю

---

72) *Пардужь*—прил. прит. отъ *пардусъ*, барсъ.

73) *Сыновчя*—зват. п. дв. ч. отъ *сыновьць*—племянникъ, сынъ брата.

74) *Цвѣлити*—приводить въ слезы, разстроивать. (Въ совр. яз. *квилить*—дразнить, доводить до слезъ.

75) *Быль*—бояринъ.

76) *Бесъ щитовъ*—въ сп. Пек., въ 1-мъ изд. бес. щитовь.

77) *Мытъ*—время, когда птица мытится, линяетъ.

78) *Чага*—рабыня, плѣнница.

79) *Кощей*—рабъ.

Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича! Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ. Подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча времены(?) чрезъ облакы, [80]) суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; оттворяеши Кіеву врата; стрѣляеши съ отня злата стола Салтани за землями. Стрѣляй Господине Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы буего Святславлича! А ты буй Романе и Мстиславе! храбрая мысль носитъ васъ умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи папорзи [81]) подъ шеломы латинскими. Тѣми тресну [82]) земля, и многи страны Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела, и Половци сулици [83]) своя повръгоша [84]), а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи. Нъ уже княже Игорю утрпѣ [85]) солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ [86]) листвіе срони: по Рсіи, по Сули гради подѣлиша; а Игорева храбраго плъку не крѣсити. Донъ ти княже кличетъ и зоветь князи на побѣду. Олговичи храбрыи князи доспѣли на брань. Инъгварь и Всеволодъ, и вся три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилци, непобѣдными жребіи собѣ власти расхытисте. Кое [87]) ваши златыи шеломы и сулицы Ляцкіи и щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича! Уже бо Сула не течетъ сребреными струями

---

80) *Облакы*—въ сп. Пек., въ 1-мъ изд. облаки.

81) *Папорзи*—вм. паперси—часть брони, которую надѣвали на грудь. Въ совр. народ. яз. ун. паперсь, паперсень—нагрудникъ.

82) *Треснути*—трещать.

83) *Сулица*—остріе у копья.

84) *Повръгоша*—такъ въ сп. Пек., въ 1-мъ изд. повръгоща.

85) *Утрѣпѣти*—собст. приходить въ оцѣпененіе, слабѣть.

86) *Болого*—вм. благо.

87) *Кое*—вм. союза что.

къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскія; притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскыми мечи.... Не бысь [88]) ту брата Брячислава, ни другаго Всеволода: единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чресъ злато ожерелье. Унылы голоси, пониче веселіе, трубы трубятъ Городеньскіи. Ярославе и вси внуце Всеславли! уже понизить [89]) стязи свои, вонзить свои мечи вережени; уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю...—На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи [90]) харалужными, на тоцѣ [91]) животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми Рускихъ сыновъ. Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше, изъ Кіева дорискаше до куръ [92]) Тмутороканя; великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю рано у святыя Софеи въ колоколы: а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Боянъ и пръвое припѣвку смысленный рече: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа не минути. О! стонати Руской земли, помянувше пръвую годину [93]) и пръвыхъ князей. Того стараго Владиміра не льзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ; сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы, нъ розно [94])

88) *Бысь*—читай: бысть.

89) *Понизить*,—вонзить—вм. *понизите*,—вонзите.

90) *Чепи*—тв. п. мн. ч.

91) *Токъ*—мѣсто гдѣ молотятъ хлѣбъ.

92) *Куръ*—пѣтухъ.

93) *Година*—время. пора.

94) Въ 1-мъ изд. *къ рози нося имъ*.

ся имъ хоботы [95]) пашутъ [96]). Копіа поютъ на Дунаи. Ярославнынъ гласъ слышитъ, зегзицею [97]) незнаемь, рано кычеть: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ [97]) его тѣлѣ. Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ [98]), аркучи: о вѣтрѣ, вѣтрило! чему господине насильно вѣеши? Чему мычеши Хиновьскыя стрѣлкы на своею не трудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшеть горъ подъ облакы вѣати, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему господине мое веселіе по ковылію развѣя? Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: о Днепре словутицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до плъку Кобякова: възлелѣй господине мою ладу къ мнѣ, а быхъ [99]) не слала къ нему слезъ на морѣ рано. Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: свѣтлое и тресвѣтлое сълнце! всѣмъ тепло и красно еси: чему господине прострѣ горячюю свою лучю [100]) на ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже [101]), тугою имъ тули затче. [102])

Прысну море полунощи; идуть сморци мьглами; Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари: Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслію поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца. Комонь въ полуночи, Овлуръ свисну за рѣкою; велить князю разумѣти. Князю Игорю не быть: кликну стукну земля, въсшумѣ трава. Вежи ся Половецкіи подвизо-

---

95) *Хоботъ*, ошибъ, опашь—всѣ три слова зн. хвостъ.

96) *Пахати*—колебать, махать, развѣваться.

97) *Зегзица*—кукушка.

98) *Забрало*—г о р о дска тѣна, башня.

99) Быхъ неслала—прош. условное.

100) *Лоча*—им. сущ. жен. род. (ср. ужика, лисъ, посоха и т. п.)

101) *Съпрягнути*—соб. соединить, но здѣсь въ зн. согнуть, покоробить.

102) *Затче*—прош. вр. отъ затъкнути.

шася; а Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростію [103]), и бѣлымъ гоголемъ на воду; въвръжеся на бръзъ комонь, и скочи съ него босымъ влъкомъ. и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди завтроку, и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ потече. труся собою студеную росу; претръгоста [104]) бо своя бръзая комоня. Донецъ рече: княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руской землѣ веселія. Игорь рече: о Донче! не мало ти величія, лелѣявшу князя на влънахъ, стлавшу ему зелену траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мъглами подъ сѣнію зелену древу; стрежаше е [105]) гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрьнядьми [106]) на ветрѣхъ. — На слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, полозію ползоша толко, дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ. Млъвитъ Гзакъ Кончакови: аже [107]) соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами. Рече Кончакъ ко Гзѣ: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дѣвицею. И рече Гзакъ къ Кончакови: аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнуть наю птици бити въ полѣ Половецкомъ.

Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣстворца стараго времени Ярославля Ольга Коганя хоти: тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы, Руской земли безъ Игорь. Солнце свѣтится на небесѣ, Игорь князь въ Руской земли. Дѣвици поютъ на Дунаи, вьются голоси чрезъ море до Кіева, Игорь ѣдетъ по Боричеву къ Святѣй Богородици

---

103) *Тростіе*—тростникъ.

104) *Претрьгати*—надорвать.

105) *Е.* вм. и, его.

106) *Чернядь*, чернѣдь—изъ породы утокъ.

107) *Аже*—если.

Пирогощей. Страны ради, гради весели. Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ, пѣти слава Игорю Святъславлича, Буй-Туру Всеволодѣ, Владиміру Игоревичу. Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъки! Княземъ слава, а дружинѣ аминь.

Изъ Лѣтописи, по Ипатьевскому списку, о походѣ Сѣверскихъ князей на Половцевъ.

Въ тоже время (т. е. 1185 году) Святославичь Игорь, внукъ Олговъ, поѣха изъ Новагорода, мѣсяца априля въ 23 день, во вторникъ, поймя со собою брата Всеволода изъ Трубецка [1]) и Святослава Олговича сыновця [2]) своего изъ Рыльска, и Володимера сына своего изъ Путивля, и у Ярослава испроси помочь Ольстина Олексича, Прохорова внука, съ Коуи [3]) Черниговьскими; и тако идяхуть [4]) тихо, сбираюче [5]) дружину свою: бяхуть бо у нихъ кони тучни велми.— Идущимъ же имъ къ Донцю рѣкы, въ годъ [6]) вечерній, Игорь же возрѣвъ на небо и видѣ солнце стояще яко мѣсяць, и рече бояромъ своимъ и дружинѣ своей: «видите ли что есть знаменіе се?» Они же узрѣвше, и видиша вси и поникоша главами, и рекоша мужи: «княже! се есть не на добро знаменіе се.» Игорь же рече: «братья и дружино! тайны Божія

---

108) *Слава*—вм. славу.

1) Изъ Трубчевска.

2) *Сыновець*—племянникъ.

3) *Ковуи*, Торки, Берендѣи, черные клобуки—инородческія племена, жившія по границамъ южнорусскихъ княжествъ.

4) *Идяхуть*—прех. вр. 3. л. мн. ч. съ приставкою—*ть*, ср. въ словѣ: кикахуть, граяхуть и друг.

5) *Сбираюче*—рус. форма прич. наст. им. над. мн. ч. вм. сбирающе.

6) *Годъ*—время вообще.

никтоже не вѣсть, а знаменію творець Богъ и всему міру своему; а намъ что створить Богъ, или на добро, или на наше зло, а тоже намъ видити.» И то рекъ, перебреде Донець, и тако пріиде ко Осколу и жда два дни брата своего Всеволода, тотъ бяше шелъ инѣмъ путемъ изъ Курьска; и оттуда поидоша къ Сальницѣ, ту же къ нимъ и сторожеве пріѣхаша, ихъ же бяхуть послалѣ языка ловитъ, [7]) и рекоша пріѣхавше: «видихомся съ ратнымы, ратници [8]) ваши съ доспѣхомъ ѣздять со доспѣхомъ [9]) ѣздять; да или поѣдѣте борзо, или возворотися домовь; яко не наше есть веремя.» [10]) «Игорь же рече съ братьею своею: «оже ны будеть не бившися [11]) возворотитися, то соромъ [12]) ны [13]) будеть пущей [14]) смерти; но како ны Богъ дасть.» И тако угадавше, и ѣхаша черезъ ночь, заутра же пятъку наставшу, во обѣднее время усрѣтоша полкы Половецкіѣ; бяхуть бо до нихъ доспѣлѣ, вѣжѣ своѣ [15]) пустили за ся, а сами собравшеся отъ мала и до велика, стояхуть на оной сторонѣ рѣкы Сюурлія. И ти изрядиша полковъ 6: Игоревъ полкъ середѣ, а поправу брата его Всеволожь, а полѣву Святославль сыновця его, напередѣ ему сынъ Володимеръ и другій полкъ Ярославль, иже бяху съ Ольстиномъ Коуеве, а третій полкъ напереди же стрѣлци, иже бяхуть отъ всихъ князей выведени; и тако изрядиша полкы своя. И рече Игорь ко братьи своей: «братья! сего есмы искалѣ, а потягнемъ;» и тако пойдоша къ нимъ положаче на Бозѣ упованіе свое. И яко быша къ рѣцѣ ко Сюурлію, и

---

7) *Ловитъ*—достигат. накл.

8) Ратници—непріятели.

9) т. е. на готовѣ.

10) Веремя—ц. сл. врѣмя.

11) *Бившися*—рус. форма дѣепричастія.

12) Соромъ—ц. сл. срамъ.

13) *Ны*—дат. п. мн. ч. ср. въ словѣ: *«не лѣпо ли ны»*.

14) *Пущей*—т. е. хуже. Пущій—хуждшій (ср. у Нест. пущи ны Игоревы смерти).

15) Вм. *вѣжл своя*.

выѣхаша изъ Половецькихъ полковъ стрѣлци, и пустивше по стрѣлѣ на Русь и тако поскочиша, [16]) Русь же бяхуть не переѣхалѣ еще рѣкѣ Сюрлія; поскочиша же и ти Половци силы Половецькіи, которіѣ же далече рѣкы стояхуть. Святославъ же Олговичь, и Володимеръ Игоревичь, и Ольстинъ съ Коуи, и стрѣлци поткоша [17]) по нихъ, а Игорь и Всеволодъ помалу идяста, не роспустяста полку своего, передніи же ти [18]) Русь биша ѣ, [19]) имаша; Половцѣ же пробѣгоша вѣжѣ, и Русь же дошедше вѣжь и ополонишася, [20]) друзіи же ночь пріѣхаша къ полкомъ съ полономъ. И яко собрашася Половци вси, и рече Игорь ко братома и къ мужемъ своимъ: «се Богъ силою своею возложилъ на врагы наша побѣду, а на насъ честь и слава; сеже видихомъ полки Половецкіи, оже мнози суть, ту же ци [21]) вся [22]) си совокупили? нынѣ же поѣдемъ черезъ ночь, а кто [23]) поѣдеть заутра по насъ, ти ци вси поѣдуть, но лучьшіи коньницы переберуться, а самѣми какъ ны Богъ дасть.» И рече Святославъ Ольговичь строема своима: «далече есмь гонилъ по Половцехъ, а кони мои не могуть; аже ми будеть нынѣ поѣхати, то [24]) толико ми будеть на дорозѣ остати» — и поможе ему Всеволодъ, ако же облечи [25]) ту. И рече Игорь: «да недивно есть разумѣющи, братья, умрѣти» — и облегоша ту. Свѣтающи же суботѣ, начаша выступати полци Половецкіи, акъ борове; изумѣшася князи

16) т. е. бросились бѣжать.

17) Поткоша по нихъ—погнались за ними.

18) *Ти*—имен. пад. мн. ч. отъ тъ, или тотъ.

19) Ѣ—вм. я, т. е. ихъ.

20) *Ополониться*—забрать себѣ, полонить.

21) Ци, или *чи*—вопросительный союзъ=ли. Ср. въ Словѣ: «А *чи* диво ся братіе стару помолодити?»

22) *Вся* т. е. полки, вин. пад. мн. ч.

23) А кто—переберутся—народное сочетаніе равносильныхъ предложеній съ помощію союзовъ, кои въ переводѣ должны быть опущены или измѣнены: «А остальные пусть ѣдутъ за нами завтра, когда лучшіе конники переберутся».

24) То—остати—то останусь на дорогѣ.

25) Облечи—облещи.

Рускіи, кому ихъ которому поѣхати, бысть бо ихъ безчисленое множество. И рече Игорь: «се вѣдаюче собрахомъ [26]) на ся землю всю: Концака, и Козубурновича и Токсобича, Колобича, и Етебича, и Терьтробича.» И тако угадавше вси съсѣдоша съ коній, хотяхуть бо бьющеся дойти рѣкы Донця; молвяхуть бо: «оже побѣгнемъ, утечемъ сами, а черныя люди оставимъ, то отъ Бога ны будеть грѣхъ [27]) сихъ выдавше пойдемъ; но или умремъ, или живи будемъ на единомъ мѣстѣ.» И та рекше вси сосѣдаша съ коней, и пойдоша бьючеся; и тако Божіимъ попущеніемъ, уязвиша Игоря въ руку и умрътвиша шюйцю его, и бысть печаль велика въ полку его, и воеводу имяхуть, тотъ напереди язвенъ бысть. И тако бишася крѣпко ту днину до вечера, и мнози ранени и мертви быша въ полкахъ Рускихъ; наставши же ночи суботніи, и поидоша бьючися; бысть же свѣтающе недѣлѣ, возмятошася Ковуеве въ полку, побѣгоша. Игорь же бяшеть въ то время на конѣ, зане раненъ бяше, пойде къ полку ихъ, хотя возворотити къ полкомъ; уразумѣвъ же яко далече шелъ есть отъ людей, и соймя шоломъ погна опять къ полкомъ, того дѣля, что быша познали князя и возворотилися быша; и тако не возворотися никтоже, но токмо Михалко Гюргевичь познавъ князя возворотися; не бяхуть бо добрѣ смялися съ Ковуи, но мало отъ простыхъ или кто отъ отрокъ боярьскихъ, добри бо вси бьяхуться идуще пѣши—и посреди ихъ Всеволодъ не мало мужьство показа. И яко приближися Игорь къ полкомъ своимъ, и переѣхаша поперекъ и ту яша, единъ перестрѣлъ одалѣ отъ полку своего. Держимъ же Игорь видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющася, и проси души своей смерти, яко да бы не видилъ паденія брата своего, Всеволодъ же толма бившеся, яко и оружья въ руку его не доста, и бьяху

---

26) т. е. мы сами завѣдомо собрали.

27) Опущена связь между предложеніями.

бо ся идуще вкругъ при езерѣ. И тако, въ день святаго Воскресенія, наведе на ня Господь гнѣвъ свой, въ радости мѣсто наведе на ны плачь и во веселье мѣсто желю, на рѣцѣ Каялы. Рече бо дѣи Игорь: «помянухъ азъ грѣхы своя предъ Господемъ Богомъ моимъ, яко много убійство, кровопролитье створихъ въ землѣ крестьяньстѣй, яко же бо азъ не пощадѣхъ хрестьянъ, но взяхъ на щитъ городъ Глѣбовъ у Переяславля; тогда бо не мало зло подъяша безвиньніи хрестьяни, отлучаеми отець отъ роженій своихъ, братъ отъ брата, другъ отъ друга своего, и жены отъ подружій своихъ, и дщери отъ матерій своихъ, и подруга отъ подругы своея, и все смятено плѣномъ и скорбью тогда бывшею, живіи мертвымъ завидять, а мертвіи радовахуся, аки мученици святѣи огнемъ отъ жизни сея искушеніе пріемши, старцѣ порѣвахуться [28]), уноты же лютыя и немилостивыя раны подъяша, мужи же пресѣкаеми и разсѣкаеми бываютъ, жены же оскверняеми; и та вся створивъ азъ «рече Игорь», не достойно ми бяшеть жизни; и се нынѣ вижю отмѣстье отъ Господа Бога моего; гдѣ нынѣ возлюбленный мой братъ? гдѣ нынѣ брата моего сынъ? гдѣ чадо роженія моего? гдѣ бояре думающѣи, гдѣ мужи храборьствующѣи, гдѣ рядъ полчный? гдѣ кони и оружья многоцѣньная? не ото всего ли того обнажихся, и связня преда мя въ рукы безаконьнымъ тѣмъ? се возда ми Господь по безаконію моему и по злобѣ моей на мя, и снидоша днесь грѣхи мои на главу мою, истиненъ Господь и прави суди его зѣло, азъ же убо не имамъ со живыми части; се нынѣ вижю другая мученія вѣньца пріемлюще, почто азъ единъ повиньный не пріяхъ страсти за вся си [29])? но Владыко Господи Боже мой! не отрини мене до конца, но яко воля Твоя, Господи, тако и милость

---

28) *Порьвати*—толкать, влечь, низпровергать.

29) Си—вин. пад. мн. ч. ср. р.

намъ рабомъ Твоимъ»; и тогда кончавшюся полку [30]) розведени быша, и поиде кождо во своя вѣжа. Игоря же бяхуть яли Тарголове, мужь именемъ Чилбукъ, а Всеволода, брата его, ялъ Романъ Кзичь, а Святослава Олговича Елдечюкъ въ Вобурчевичехъ, а Володимера Копти въ Улашевичихъ. Тогда же на полчищи Концакъ поручися по свата Игоря, зане бяшеть раненъ. Отъ толикихъ людій мало ихъ избысть, нѣкакомъ полученіемъ, не бяшеть бо лзѣ не бѣгаючимъ утечи, за не яко стѣнами силными огорожени бяху полкы Половецькими; ношахуть [31]) Русь съ 15 мужь утекши, а ковуемъ мнѣе, а прочіи въ морѣ истопоша. Въ то же время великый князь Всеволодичь Святославъ шелъ бяшеть въ Корачевъ, и сбирашеть отъ верхънихъ земль вои, хотя ити на Половци къ Донови на все лѣто. Яко возворотися Святославъ и бысть у Новагорода Сѣверьского, и слыша о братьи своей, оже шли суть на Половци, утаившеся его: и не любо бысть ему. Святославъ же идяше въ лодьяхъ и яко приде къ Чернигову, и во тъ годъ прибѣже Бѣловодъ Просовичь, и повѣда Святославу бывшее о Половцѣхъ; Святославъ же то слышавъ и вельми воздохнувъ, утеръ слезъ своихъ и рече: «О люба моя братья и сынове и мужѣ землѣ Рускоѣ, далъ ми бы Богъ притомити поганыя, но не воздержавше уности отвориша ворота на Русьскую землю, воля Господня да будеть о всемъ; да како жаль ми бяшеть [32]) на Игоря, тако нынѣ жалую болши на Игорѣ братѣ моемъ.» Посемъ же Святославъ посла сына своего Олга и Володимера въ Посемье [33]): то бо [34]) слышавше возмятошася городи Посемьскіе и бысть скорьбь и туга люта, яко же николи не быва-

30) Полкъ—сраженіе, битва.

31) *Ношахуть Русь*—унесла Русь, спаслось русскихъ.

32) *Како жаль ми бяшеть*—какъ прежде сѣтовалъ я на Игоря.

33) Посемье—страна по рѣкѣ Сейму.

34) т. е. о разбитіи Сѣверскихъ князей.

ла во всемъ Посемьи, и въ Новѣгородѣ Сѣверьскомъ, и по всей волости Черниговьской, князи изымани и дружина изымана, избита; и мятяхуться якы въ мотви [35]), городи вставахуть и не мило бяшеть тогда комуждо свое ближнее, но мнозѣ тогда отрекахуся душь своихъ, жалующе по князихъ своихъ. По семъ же посла Святославъ ко Давидови Смоленьску, река: «рекли [36]) бяхомъ поити на Половци и лѣтовати на Донѣ; нынѣ же Половци се побѣдилѣ Игоря, и брата его сыномъ; а поѣди, брате, постереги землѣ Рускоѣ.» Давыдъ же приде по Днѣпру, придоша же ины помочи и сташа у Треполя, а Ярославъ въ Черниговѣ совокупивъ вои свои стояшеть. Поганыи же Половци побѣдивше Игоря съ братьею, и взяша гордость велику и совокупиша всь языкъ свой на Рускую землю; и бысть у нихъ котора: молвяшеть бо Кончакъ: «пойдемъ на Кіевьскую сторону, гдѣ суть избита братья наша и великый князь нашь Бонякъ»; а Кза молвяшеть: «пойдемъ на Семь, гдѣ ся осталѣ жены и дѣти, готовъ намъ полонъ собранъ, емлемъ же городы безъ опаса»; и тако раздѣлишася надвое, Кончакъ пойде къ Переяславлю и оступи городъ, и бишася ту всь день. Володимеръ же Глѣбовичь бяше князь въ Переяславлѣ, бяше же дерзъ и крѣпокъ къ рати, выѣха исъ города и потче [38]) къ нимъ, и по немъ мало дерьзнувъ дружинѣ, и бися съ ними крѣпко; и объступиша мнозіи Половцѣ, тогда прочіи видѣвше князя своего крѣпко бьющеся, выринушася изъ города, и тако отъяша князя своего, язвена сущи [39]) треми копьи. Сій же добрый Володимеръ язвенъ труденъ въѣха въ городъ свой и утре мужественаго пота своего за отчину свою. Во-

35) Въ современномъ нар. языкѣ *мо̀тья*—силки, для ловли птицъ.
36) Прех. сложное.
37) *Котора*—несогласіе.
38) *Потче*—отъ поткнути—прош. совер. 3 л. ед. ч., пустился на нихъ.
39) Сущи—суща.

лодимеръ же слашеть ко Святославу, и ко Рюрикови, и ко Давыдови, и рече имъ: «се Половци у мене, а помозите ми.» Святославъ же слашеть ко Давыдови, а Давыдъ стояшеть у Треполя со Смолняны. Смолняне же почаша вѣче дѣяти, рекуще: «мы пошли до Кіева, даже бы была рать, билися быхомъ; намъ ли иноѣ рати искати, то не можемъ, уже ся есмы изнемоглѣ»; Святославъ же съ Рюрикомъ и со инѣми помочьми влегоша во Днѣпръ, противу Половцемъ, а Давыдъ возвратися опять со Смолняны. То слышавше Половци, и возвратишася отъ Переяславля, идущи же мимо приступиша къ Римови [40]); Римовичи же затворишася въ городѣ, и возлѣзше на заборолѣ, и тако, Божіимъ судомъ, летѣста двѣ городници [41]) съ людми, тако къ ратнымъ, и на прочая гражаны найде страхъ, да которѣи же гражане выйдоша изъ града и бьяхуться ходяще по Римьскому болоту, то тѣ и избыша плѣна, а кто ся осталъ въ городѣ, и тѣ вси взяти быша. Володимеръ же слашеться [42]) ко Святославу Всеволодичю и ко Рюрикови Ростиславичю, понуживая ихъ къ собѣ, да быша ему помоглѣ; они же опоздишася сжидающе Давыда Смолняны, и тако князѣ Рускіѣ опоздишася и не заѣхаша ихъ. Половци же вземше городъ Римовъ, и ополонишася полона и пойдоша во свояси; князи же возвратишася въ домы своя, бяхуть до печални, и со сыномъ своимъ Володимеромъ Глѣбовичемъ, зане бяшеть раненъ всѣми язвами смертьными, и хрестьянъ плѣненыхъ отъ поганыхъ. И се Богъ казня ны, грѣхъ ради нашихъ наведе на ны поганыя, не аки милуя ихъ, но насъ казня и обращая ны къ покаянью, да быхомся востягнули [43]) отъ злыхъ своихъ

40) Селеніе Римъ—на границѣ уѣздовъ Роменскаго, Лохвицкаго и Прилуцкаго.

41) т. е. два стѣнныхъ укрѣпленія рухнули вмѣстѣ съ людми прямо къ непріятелямъ.

42) т. е. ссылался.

43) Прош. сложное условное.

44) *Некли*—можетъ быть, авось либо.

дѣлъ; и симъ казнить ны нахоженіемъ поганыхъ, да некли [44]) смиривъшеся воспомянемся отъ злаго пути. А друзіи Половцѣ идоша по оной сторонѣ къ Путивлю, Кза у силахъ тяжькихъ, и повоевавши волости ихъ и села ихъ пожгоша, пожгожа же и острогъ у Путивля и возвратишася весвояси. Игорь же Святославичь тотъ годъ бяшеть въ Половцехъ, и глаголаше: «азъ по достоянью моему воспріяхъ побѣду отъ повелѣнія твоего, Владыко Господи, а не поганьская дерзость обломи силу рабъ твоихъ; не жаль ми есть за свою злобу [45]) пріяти нужная вся, ихъ же есмь пріалъ азъ.» Половцы же аки стыдящеся воеводъства его и не творяхуть ему (пакости), но приставиша къ нему сторожовъ 15 отъ сыновъ своихъ, а господичевъ пять, то тѣхъ всихъ 20: но волю ему даяхуть, гдѣ хочеть ту ѣздяшеть и ястребомъ ловяшеть, а своихъ слугъ съ 5 и съ 6 съ нимъ ѣздяшеть; сторожеве же тѣ слушахуть его, и чьстяхуть его, и гдѣ послашеть кого, безъ пря творяхуть повелѣное имъ. Попа же бяшеть привелъ изъ Руси къ собѣ, со святою службою: не вѣдяшеть бо Божія промысла, но творяшеться тамо и долго быти. Но избави и Господь за молитву хрестьяньску, имъ же мнозѣ печаловахуться и проливахуть же слезы своя за него. Будущю же ему въ Половцехъ, тамо ся налѣзѣ [46]) мужь, родомъ Половчинъ, именемъ Лаворъ; и тотъ пріимъ мысль благу, и рече: «пойду съ тобою въ Русь». Игорь же исперва не имяшеть ему вѣры, но держаше мысль высоку своея уности, мышлеть бо емше мужь [47]) и бѣжати въ Русь, молвяшеть бо: «азъ славы дѣля не бѣжахъ тогда отъ дружины, и нынѣ не славнымъ путемъ не имамъ пойти.» Съ нимъ бо бяшеть тысячкого сынъ и конюшій его, и та нудяста и глаголюща:

---

45) Злоба—malitia, дурное свойство.

46) *Ся налѣзѣ*—находился, обрѣтался.

47) Намекъ на прежде приведенное мнѣніе князей, что нечестно бѣжать и покинуть черныхъ людей.

«пойди, княже, въ землю Рускую, аще восхощеть Богъ избавить тя;» и не угодися ему время таково, какого же искашеть. Но якоже преже рекохомъ, возвратишася отъ Переяславля Половци: и рекоша Игореви думци его: «мысль высоку и неугодну Господеви имѣешь въ собѣ, ты ищеши няти мужа и бѣжати съ нимъ; а о семъ чему [48]) не разгадаешь, оже пріѣдуть Половци съ воины, а се слышахомъ, оже избити имъ князей васъ и всю Русь? да не будеть славы тобѣ, ни живота.» Князь же Игорь пріимъ въ сердце съвѣтъ ихъ, уполошася пріѣзда ихъ и возъиска бѣжати: не бяшеть бо ему лзѣ бѣжати въ день и въ нощь, иже сторожеве стрежахуть его, но токмо и веремя таково обрѣте въ заходъ солнца. И посла Игорь къ Лаврови конюшого своего, река ему: «переѣди на ону сторону Тора, съ конемъ поводнымъ;» бяшеть бо съвѣчалъ съ Лавромъ бѣжати въ Русь. Въ то же время Половци напилися бяхуть кумыза, а и бы при вечерѣ: пришедъ конюшій повѣда князю своему Игореви, яко ждеть его Лаворъ. Се же вставъ ужасенъ и трепетенъ, и поклонися образу Божію и кресту честному, глаголя: «Господи, сердцевидче! аще спасеши мя, Владыко, ты недостойняго»—и возмя на ся крестъ, икону, и подойма стѣну и лѣзе вонъ. Сторожемъ же его играющимъ и веселящимся, а князя творяхуть [49]) спяща. Сіи же пришедъ ко рѣцѣ и перебредъ, и всѣде на конь: и тако поидоста сквозѣ вѣжа. Се же избавленіе створи Господь въ пятокъ, въ вечерѣ. И иде пѣшь 11 денъ до города Донця, и оттолѣ иде во свой Новъ-городъ—и обрадовашася ему; изъ Новагорода иде ко брату Ярославу къ Чернигову, помочи прося на Посемье, Ярославъ же обрадовася ему и помощь ему дати обѣща; Игорь же оттолѣ ѣха ко Кіеву къ великому князю Святославу, и радъ бысть ему—Святославъ, также и Рюрикъ сватъ его.

48) *Чему*—почему.

49) *Творяхуть* въ зн. считали.

Предметъ Слова о полку Игоря, поэтическаго памятника XII вѣка,—походъ двухъ братьевъ Сѣверскихъ князей Всеволода и Игоря на Половцевъ, совершенный въ 1185 году. Тоже самое историческое событіе подробно разсказано въ южнорусской лѣтописи того времени. Не смотря на одинаковость предмета и на современность авторовъ, въ способѣ изложенія, въ пріемахъ и во взглядахъ между Словомъ и Лѣтописью большая разница. Сдѣлаемъ сличеніе. Лѣтописецъ имѣлъ въ виду передать извѣстныя ему подробности похода 1185 года и внесъ свой разсказъ въ Лѣтопись, безъ всякаго вступленія: «Въ то время (т. е. въ 1185 году), начинаетъ онъ, 23 апрѣля Игорь выѣхалъ изъ Новгорода Сѣверскаго, взявъ съ собою брата Всеволода изъ Трубчевска, племянника Святослава Ольговича изъ Рыльска, сына Владиміра изъ Путивля, а у Ярослава Черниговскаго выпросилъ боярина Олстиня Олексича съ съ Коуями Черниговскими. Князья шли тихо, собирая дружину, потому что кони у нихъ были тучны». Слово же начинается не прямо выступленіемъ въ походъ, а воспоминаніемъ о старыхъ пѣсняхъ или повѣстяхъ и опредѣленіемъ своей собственной задачи и объема: «Не лѣпо ли ны бяшеть, братіе начяти старыми словесы трудныхъ повѣстей о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславича? Начати же ся тъй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню... Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря». За тѣмъ въ Словѣ непосредственно слѣдуетъ описаніе солнечнаго затмѣнія: «Тогда Игорь възрѣ... и проч.» Если въ этомъ мѣстѣ нѣтъ пропуска, то слѣдуетъ замѣтить, что въ словѣ нѣтъ такой послѣдовательности, какою отличается разсказъ лѣтописи.

Солнечное затмѣніе въ Лѣтописи и въ Словѣ передается такъ:

Въ Лѣтописи.

Когда они шли къ Донцу рѣкѣ, Игорь взглянулъ на небо, и увидалъ, что солнце стоитъ точно мѣсяцъ. Посмотрите, что̀ значитъ это знаменіе, сказалъ онъ боярамъ и дружинѣ. Тѣ посмотрѣли и опустили головы. «Князь, сказали они, не на добро это знаменіе. Игорь отвѣчалъ имъ на это: «Братья и дружина! тайны Божіей никто не знаетъ; а знамя всякому и всему міру своему Богъ Творецъ; увидимъ, что сотворитъ намъ Богъ на добро или на зло наше.

Въ Словѣ.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своей: «Братіе и дружино! лучежъ бы потяту быти, неже полонену быти; а всядемъ, братіе, на свои бръзыя комони, да позримъ синего Дону». Спалъ князю умъ по хоти и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону великаго: хощу бо, рече, копіе приломити конець поля Половецкаго, съ вами, Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону.

Въ лѣтописи слова Игоря о солнечномъ затмѣніи отличаются книжнымъ характеромъ, это скорѣе разсужденіе самаго благочестиваго автора, чѣмъ воззваніе къ дружинѣ князя. Затмѣніе солнца считалось дурною примѣтою и такое впечатлѣніе произвело оно, по лѣтописи, на мужей Игоревыхъ: они поникли головами и сказали: «Княже! се есть не на добро знаменіе се». Игорь же поставленъ Лѣтописцемъ выше суевѣрной дружины, онъ объясняетъ, что знаменія бываютъ отъ Бога, и никто не можетъ разгадать Его таинъ. Въ Словѣ рѣчь Игоря не имѣетъ такого поучительнаго характера, напротивъ замѣчено даже, что только непреоборимое желаніе (жалость) дойти до Дону превозмогло въ немъ самомъ страхъ предзнаменованія.

Въ слѣдъ за затмѣніемъ и до первой удачной битвы съ

Половцами въ Лѣтописи разсказывается кратко: «Игорь перешелъ Донецъ, два дня прождалъ у Оскола Всеволода, шедшаго изъ Курска, и соединившись съ нимъ, пришелъ къ Салницѣ, гдѣ русскихъ князей встрѣтили сторожевые люди и подали первую вѣсть о Половцахъ». Вотъ все, что говоритъ Лѣтописецъ и болѣе ему сказать было нечего: собрались князья, пошли, дошли до извѣстнаго рубежа и здѣсь встрѣтили ихъ сторожевые люди. Въ Словѣ противъ Лѣтописи новыхъ фактовъ нѣтъ, не упомянута даже и встрѣча съ сторожевыми людми, но въ замѣнъ фактовъ, авторъ Слова предлагаетъ образы и картины, созданные его собственною фантазіею. Для оцѣнки этихъ вымысловъ нужно выяснить на сколько они естественны, на сколько дополняютъ историческіе факты. Образцемъ въ поэтическихъ вымыслахъ для автора Слова былъ пѣвецъ *стараго времени Боянъ*, къ нему онъ и обращается, говоря: «О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіи плъкы ущекоталъ» и за тѣмъ подбираетъ въ духѣ его начала пѣсни: «Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, галици стады бѣжать къ Дону великому», или: «Комони ржутъ за Сулою; звѣнить слава въ Кыевѣ, трубы трубять въ Новѣградѣ». За тѣмъ слѣдуетъ новый вымыслъ— описаніе дружины Всеволода: «А мои Куряне, говоритъ Всеволодъ брату, свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлѣлѣяни, конець копія въскрѣмлени, пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачють акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славы». Всеволодъ въ дѣйствительности могъ не произносить этой похвалы дружинѣ, но вымыслъ пѣвца здѣсь драгоцѣненъ и въ историческомъ отношеніи, потому что онъ характеризуетъ бытъ удалыхъ дружинниковъ, свидѣтельствуетъ какое понятіе сложилось въ то время относительно княжеской дружины, какою рисовалась она въ народномъ воображеніи. — Далѣе въ Сло-

вѣ—*картина ночи, наканунѣ перваго столкновенія Русскихъ полковъ съ Половцами.* Здѣсь авторъ подмѣчаетъ дурныя предзнаменованія въ окружающей природѣ, живо изображаетъ, какъ среди ночи подвигались впередъ Русскіе полки, а на встрѣчу имъ шли Половцы и скрипъ телѣгъ ихъ далеко раздавался по степи.

Описаніе первой, удачной битвы съ Половцами въ Лѣтописи передается: «Въ пятницу въ обѣднее время Русскіе князья встрѣтили Половцевъ: поганые собрались отъ мала до велика и стояли по той сторонѣ рѣки Сююрлія. Русскіе князья раздѣлили свое войско на 6 полковъ: Игоревъ полкъ стоялъ по серединѣ, по правую сторону полкъ брата его Всеволода, по лѣвую племянника Святослава, а напередъ полкъ сына Владиміра, съ отрядомъ Коуевъ Черниговскихъ, а напереди этого полка стояли стрѣльцы, выведенные изъ всѣхъ полковъ. И сказалъ Игорь къ братьи своей: *Братья! сего есмы искалъ, а потянемъ*» и пошли. Изъ Половецкихъ полковъ поѣхали стрѣльцы, пустили по стрѣлѣ на Русь и бросились бѣжать, Русь не успѣла еще переѣхать рѣку, какъ побѣжали и остальные Половцы, передовой Русскій полкъ погнался за ними и началъ бить ихъ и хватать въ плѣнъ, а старшіе князья Игорь и Всеволодъ шли потихоньку, не распуская своего полка. Половцы пробѣжали мимо своихъ вежъ, Русскіе заняли ихъ и захватили много плѣнныхъ.» Такихъ историческихъ подробностей въ Словѣ нѣтъ, въ немъ сказано только, что въ Пятницу произошла битва и Русскіе полки разбили Половцевъ (—потопташа поганыя плъкы Половецкыя—) а какъ началась и какъ происходила сама битва объ этомъ не говорится ни слова. За то результатъ побѣды въ Словѣ разукрашенъ: Лѣтописныя выраженья — *ополонишася,—пріѣхаша съ полономъ*—въ Словѣ замѣняются: «помчаша красныя дѣвкы Половецкыя, а съ ними злато и паволоки и драгыя оксямиты, орьтъмами и япончицами и кожухы

начаша мосты мостити по болотомъ и грязивомъ мѣстомъ и всякыми узорочьи Половѣцкыми».

Разбитіе Русскихъ полковъ на рѣкѣ Каялѣ въ Лѣтописи передается съ полною историческою точностью и послѣдовательностію: вычисляются поименно Половецкіе ханы, говорится о смятеніи и бѣгствѣ Ковуевъ, о ранѣ Игоря, храбрости Всеволода и наконецъ о плѣнѣ князей, и кто кому достался, все это заключается пространною краснорѣчивою рѣчью, вложенною въ уста Игорю.—Игорь видитъ въ своей неудачѣ наказаніе Божіе за то, что онъ взялъ на щитъ городъ, при чемъ не мало погибло душъ христіянскихъ. Въ Словѣ Каяльская битва описана иначе. Въ этомъ послѣднемъ описаніи различаются слѣдующія части: вступленіе, отдѣльные эпизоды битвы, характеристика и общая картина битвы, и наконецъ заключеніе. Въ вступленіи авторъ дѣлаетъ поэтическое сравненіе и высказываетъ свою собственную думу о предстоящей страшной битвѣ: «На другой день весьма рано кровая зоря свѣтъ предвѣщаетъ; черныя тучи съ моря идутъ, сбираются обложить 4 солнца (т. е. 4-хъ князей, участниковъ битвы), а въ нихъ сверкаютъ синіи молніи: быть грому великому, идти дождю стрѣлами съ Дону великаго. Тамъ-то копьямъ поломаться, тамъ-то саблямъ притупиться обо шлемы Половецкіе—на рѣкѣ на Каялѣ, у Дону великаго»!... Описаніе самой битвы начинается эпизодомъ о Всеволодѣ, который занимаетъ здѣсь болѣе видное мѣсто, чѣмъ Игорь. Въ Лѣтописи о Всеволодѣ упомянуто только: «Всеволодъ же не мало мужество показа» или «Всеволодъ же толма бившеся, яко и оружья въ руку его не доста». Въ Словѣ же онъ описанъ такъ: Ярый Туръ Всеволодъ! ты стоишь въ передовомъ полку, прыщешь на воиновъ стрѣлами, стучишь по шлемамъ ихъ мечами харалужными; гдѣ Туръ проскакалъ, своимъ золотымъ шлемомъ сверкая, тамъ лежатъ поганыя головы Половецкія; раздроблены

шлемы Аварскіе твоими закаленными саблями, ярый Туръ Всеволодъ! Какой раны побоится тотъ, кто отказался отъ почести, отъ жизни, отъ города Чернигова, отцовскаго золотаго престола, отъ свычая и обычая своей милой, прекрасной Глѣбовны?» Чтобы характеризовать Каяльскую битву и показать, сколь жестока была она, авторъ проводитъ параллель между нею и старыми усобицами, останавливаясь особенно на Олегѣ Святославичѣ, родоначальникѣ Героевъ Слова: «Тогда при Ольгѣ Гориславичѣ сѣялись и выростали усобицы, погибала жизнь внука Даждьбога, въ княжескихъ крамолахъ сократились вѣка человѣковъ. Тогда по Русской землѣ рѣдко раздавался голосъ пахаря и часто кричали вороны, собираясь летѣть за поживой.—Такъ было *въ то время, а о таковой битвѣ* (какъ Каяльская) и тогда не было слышно.» За тѣмъ слѣдуетъ общая картина битвы: «съ утра до вечера съ вечера до утра летятъ стрѣлы каленыя, стучатъ сабли о шлемы, трещатъ копья харалужныя, въ полѣ невѣдомомъ, среди земли Половецкой. Черная земля подъ копытами была трупами засѣяна, а кровью полита: тяжелы были всходы отъ нихъ по Русской землѣ.» Объ Игорѣ Слово вспоминаетъ при самомъ концѣ битвы, предъ заключеніемъ: «Что за шумъ, что за звонъ слышу я утромъ рано передъ зарею. Игорь вновь полки строитъ, ибо жаль ему милаго брата Всеволода. Билися день, билися другой, на третій, около полудня, пали знамена Игоревы. Тамъ на берегу быстрой Каялы разлучили обоихъ братьевъ! Тамъ кроваваго вина не достало! Тамъ пиръ покончили храбрые Русичи! Гостей упоили, а сами полегли за Русскую землю! Никнетъ трава отъ жалости и дерево отъ печали приклонилось къ землѣ». Замѣчательно, что въ Словѣ ни слова болѣе не говорится о дальнѣйшей судьбѣ князя Всеволода.

Послѣ Каяльской битвы въ исторической своей части Слово касается тѣхъ же событій, о которыхъ подробно говорится въ

Лѣтописи. Общее впечатлѣніе, произведенное на Руси вѣстью о судьбѣ Сѣверскихъ князей въ Лѣтописи и въ Словѣ передается довольно близко, только въ лѣтописи разсказъ точнѣе.

Въ Лѣтописи.

Возмятошася городи Посемьскіе, и бысть скорбь и туга люта, яко николи же не бывала во всемъ Посемьи и въ Новѣгородѣ Сѣверьскомъ, и во всей волости Черниговьской, князи изымани, и дружина изымана, избита; и мятяхуться акы въ мотви, города вставахуть и не мило бяшеть тогда комуждо свое ближнее, но мнозѣ тогда отрекахуся душь своихъ, жалующе по князихъ своихъ.

Въ Словѣ.

Жены рускыя восплакашася, аркучи: Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра нимало того потрепати. А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми; тоска разліяся по Руской земли; печаль жирна тече средѣ земли Рускыи, князи сами на себе крамолу коваху.

О Святославѣ Кіевскомъ въ Лѣтописи разсказывается: «Въ то время Святославъ былъ въ Корачевѣ, и собиралъ въ верхнихъ земляхъ войско, хотѣлъ идти на Половцевъ къ Дону на все лѣто. На возвратномъ пути изъ Корачева, будучи у Новгорода Сѣверскаго, онъ узналъ, что Игорь съ братомъ пошли на Половцевъ таикомъ отъ него — и *не любо* было ему это. Изъ Новгорода Сѣверскаго Святославъ приплылъ по Деснѣ въ Черниговъ, и тутъ Бѣловодъ Просовичь извѣстилъ его о бѣдѣ Сѣверскихъ князей. Святославъ заплакалъ и сказалъ: О любезные мои братья и сыновья и бояре Русской земли! далъ бы мнѣ Богъ притомить поганыхъ; но вы не сдержали молодости своей и отворили имъ ворота въ Русскую землю: воля Господня да будетъ; какъ прежде сердитъ я былъ на Игоря, такъ теперь жаль мнѣ его стало.»

Въ Словѣ историческія подробности о Святославѣ, гдѣ онъ

былъ и съ какою цѣлью, кто принесъ ему вѣсть, опущены, ихъ мѣсто занимаетъ *зловѣщій сонъ Святослава*. Бояре, которымъ Святославъ разсказалъ свое видѣніе, и объяснили ему, что сонъ сбылся на Сѣверскихъ князьяхъ: «соколамъ уже обрубили крылья саблями поганыхъ, а самихъ ихъ опутали въ желѣзныя оковы.» Отвѣтъ Святослава близокъ къ Лѣтописи, заключая въ себѣ тоже самое обвиненіе князей въ излишней самонадѣянности, объясняемой ихъ молодостію: «О мои племянники Игорь и Всеволодъ! рано вы зачали Половецкую землю сокрушать мечами, а себѣ славы искать, но не въ честь себѣ одолѣли вы, не въ честь кровь поганую пролили. Ваши мужественныя сердца въ крѣпкій булатъ закованы и въ мужествѣ закалены,—что вы сдѣлали сребристой моей сѣдинѣ... Вы сказали: станемъ мужественно одни: будущую (преднюю) славу одни восхитимъ, а прошлую (заднюю) между собою раздѣлимъ.»

О вторженіи Половцевъ, послѣ побѣды надъ Сѣверскими князьями, въ Лѣтописи разсказывается подробно: «Половцы, побѣдивши Игоря съ братьею, загордились, собрали весь свой народъ на Русскую землю; но когда стали думать, въ какую сторону идти имъ, то начался между ними споръ: Кончакъ говорилъ: «Пойдемъ на Кіевскую сторону, гдѣ перебита наша братья и великій князь нашъ Бонякъ; а другой ханъ, Кза говорилъ: «Пойдемъ на Сеймъ, гдѣ остались одни жены да дѣти, готовъ намъ тамъ полонъ собранъ, возьмемъ города безъ всякой трудности»;—и раздѣлились на двое: Кончакъ пошелъ къ Переяславлю, осадилъ городъ и бился цѣлый день. Въ Переяславлѣ былъ князь *Владиміръ Глѣбовичь*, смѣлый и крѣпкій на рати. Онъ выѣхалъ изъ города и ударилъ на Половцевъ съ очень небольшей дружиной. Владиміръ былъ окруженъ множествомъ Половцевъ и раненъ тремя копьями: тогда остальная дружина, видя князя въ опасности, ринулась изъ города и освободила Владиміра,

который тяжело раненый въѣхалъ въ свой городъ и *утеръ мужественный потъ за отчизну свою.* Услыхавъ о движеніи Русскихъ князей, Половци отошли отъ Переяславля, и по дорогѣ осадили городъ Римовъ. Римовичи затворились и взошли на стѣны биться, и Божіимъ судомъ два стѣнныя укрѣпленія рухнули вмѣстѣ съ людми прямо къ Половцамъ, страхъ напалъ на остальныхъ жителей, и городъ былъ взятъ; спаслись отъ плѣна только тѣ Римовичи, которые вышли изъ города и бились съ непріятелемъ на Римскомъ болотѣ. Другіе Половцы съ ханомъ Кзою пошли къ Путивлю, пожгли села вокругъ, острогъ у самаго Путивля и возвратились съ добычею.

Въ словѣ же о вторженіи Половцевъ говорится мимоходомъ, въ самыхъ общихъ чертахъ: «Тьма свѣтъ покрыла: *по Русской земли простроишася Половци, акы пардуже гньздо*»; О Владимірѣ Глѣбовичѣ: «*а Володимеръ подъ ранами, туга и тоска сыну Глѣбову*»; о городѣ Римовѣ: се у Римъ кричатъ подъ саблями Половецкыми.»

Сходясь съ Лѣтописцемъ въ передачѣ историческихъ фактовъ, авторъ Слова расходится съ нимъ во взглядахъ. Лѣтописецъ свое мнѣніе о причинахъ неудачи, постигшей Русь, обнаруживаетъ въ двухъ мѣстахъ: 1) въ рѣчи, приписанной Игорю и 2) въ размышленіи, высказанномъ отъ своего лица по поводу вторженія Половцевъ. Причину своего несчастія Игорь, по лѣтописи, видитъ въ безпощадномъ разореніи имъ одного города, при чемъ погибло много душъ христіянскихъ.—Размышленіе же Лѣтописца слѣдующее: «И се Богъ казня ны, *грѣхъ ради нашихъ* наведе на ны поганыя, не аки милуя ихъ, но насъ казня и обращая ны къ покаянью, да быхомся востягнули *отъ злыхъ своихъ дѣлъ*; и симь казнить ны нахоженіемъ поганыхъ, да некли смирившеся воспомянемся отъ злаго пути.» Выраженія: *грѣхъ ради нашихъ*; — *востягнули отъ злыхъ своихъ дѣлъ* —

слишкомъ общи. Авторъ Слова причину бѣдствій объясняетъ опредѣленнѣе, называетъ по имени эти *злыя дѣла* своего времени.

Неудачу Русскихъ въ борьбѣ съ Половцами Слово ставитъ въ зависимость не отъ какого либо частнаго случая (какъ Игорь въ Лѣтописи), а отъ общаго положенія дѣлъ удѣльной Руси, когда князья, преслѣдуя свои личные интересы, *несли розно* Русскую землю, когда князь говорилъ князю: «то мое и то мое же». Усобицы губили Русскую землю, уничтожали силы князей, ковавшихъ крамолы другъ на друга, а Половцы, пользуясь этимъ, получили возможность одерживать верхъ надъ Русскими полками и опустошать Русскую землю. Вотъ коренная причина бѣдствій, по мнѣнію автора Слова, она дѣйствовала губительно и въ старину, особенно при Всеславѣ и Олегѣ Гориславичѣ, и нынѣ повлекла за собою пораженіе Сѣверскихъ князей. Это выясненіе причины бѣдствій древней удѣльной Руси ставитъ неизвѣстнаго автора Слова въ ряду передовыхъ людей своего времени, показываетъ, что силою своей мысли и глубиною своего чувства онъ сталъ выше своихъ современниковъ. Но авторъ Слова не ограничивается однимъ указаніемъ на бѣдствія, но съ энергическимъ воззваніемъ обращается къ современнымъ ему Русскимъ князьямъ и убѣждаетъ ихъ вступиться за обиду Русской земли, за пораженіе Игоря.—Вотъ это обращеніе: «Великій князь Всеволодъ [1]) и ты не помыслишь прелетѣть издалека на защиту отцовскаго золотаго престола? вѣдь ты бы могъ Волгу раскропить веслами, а Донъ шеломами вычерпать .. Ты буйный Рюрикъ и Давидъ [2]) не ваши ли храбрыя дружины рыка-

1) Всеволодъ Юрьевичь, внукъ Владиміра Мономаха, княжилъ во Владимірѣ на Клязмѣ.

2) Рюрикъ и Давидъ Ростиславичи, внуки Мстислава Великаго, правнуки Владиміра Мономаха. См. разсказъ Лѣтописи о Давидѣ: съ Смолнянами онъ отдѣлался отъ Святослава и брата Рюрика и не пошелъ съ ними на Половцевъ.

ютъ какъ туры, раненые саблями каленными? Вступите въ золотыя стремена за обиду нашего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, буйнаго Святославича! Галицкій Осмомыслъ Ярославъ, [3]) высоко ты сѣдишь на престолѣ своемъ златокованномъ, ты подперъ Карпаты своими полками... Молва о грозахъ твоихъ обтекаетъ земли... Стрѣляй. господинъ, Кончака за русскую землю, за раны Игоря, буйнаго Святославича! И ты буйный Романъ и Мстиславъ [4]), храбрая мысль влечетъ вашъ умъ на подвигъ, вы стремитесь въ ярости на дѣло, какъ соколъ, по вѣтру распустившій крылья..... За этимъ воззваніемъ къ князьямъ мысль автора Слова снова обращается къ старинѣ, и свои скорбныя воспоминанія онъ кончаетъ словами: «о стенать тебѣ земля Русская, вспоминая начальныя времена и начальныхъ князей! Того стараго Владиміра (т. е. Мономаха) нельзя было пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ, его знамена теперь раздѣлились между Рюрикомъ и Давидомъ.» Свѣтлое воспоминаніе изъ старины и вызываетъ одинъ Мономахъ, ознаменовавшій себя подвигами умиротворенія удѣльныхъ князей.

Вслѣдъ за этими отступленіями, выражающими взглядъ автора на княжескія усобицы, Слово снова обращается къ судьбѣ Игоря, но предварительно выводитъ его жену Ярославну въ тотъ моментъ, когда, стоя на городской стѣнѣ въ Путивлѣ, она причитаетъ по мужѣ. Этотъ плачъ Ярославны созданъ фантазіею автора и замѣчателенъ поэтическимъ воззрѣніемъ на природу. Плачущая Ярославна обращается къ вѣтру, Днѣпру, къ солнцу, то укоряетъ ихъ, то умоляетъ помочь ея мужу: «О вѣтеръ, вѣтрило, зачѣмъ Господинъ такъ сильно вѣешь? за чѣмъ мчишь на своихъ легкихъ

---

3) Ярославъ князь Галицкій († 1187). Слово обращается къ нему какъ къ современному князю, слѣдовательно оно создано ранѣе 1187 года.

4) *Романъ* Мстиславичъ князь Волынскій, *Мстиславъ*—князь Луцкій, двоюродный братъ Романа.

крыльяхъ Половецкія стрѣлы на воиновъ моего милаго? Развѣ тебѣ тѣсно вѣять вверху подъ облаками? лѣлѣя корабли на синемъ морѣ, зачѣмъ, господинъ, мое веленіе по ковылю развѣялъ? о Днѣпръ Словутичь! ты пробилъ каменныя горы сквозь землю Половецкую; ты невредимо домчалъ на своихъ волнахъ ладьи Святославовы до полку Кобякова: взлѣлѣй, господинъ, моего милаго ко мнѣ, чтобы я рано не слала къ нему слезъ моихъ на море. Свѣтлое и тресвѣтлое солнце! для всѣхъ ты тепло и ясно: зачѣмъ же, господинъ, опалило ты знойнымъ лучемъ своимъ воиновъ моего милаго? въ полѣ безводномъ засухою у нихъ луки согнуло и колчаны замкнуло?»—За плачемъ Ярославны слѣдуетъ описаніе возвращенія Игоря изъ плѣна, въ общихъ чертахъ согласное съ разсказомъ Лѣтописи, но украшенное поэтическимъ вымысломъ, олицетвореніемъ рѣки Донца, переговаривающагося съ княземъ Игоремъ.

Несмотря на то, что Слово о Полку Игоря создано во второй половинѣ XII-го вѣка, въ немъ сохранились слѣды языческихъ народныхъ вѣрованій, и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельство о существованіи у насъ въ XI вѣкѣ народныхъ пѣвцовъ, воспѣвавшихъ подвиги князей.

Изъ языческихъ божествъ упоминаются въ Словѣ:

1) *Даждь Богъ*—«Тогда при Олзѣ Гориславичѣ сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась.» Подъ внукомъ Дажь-Бога разумѣютъ Русь или Русскихъ вообще, а въ частности *княжескій родъ*. Слѣдовательно Даждь-богъ дѣдъ князьямъ, родоначальникъ ихъ, и вообще людей.

2) *Стрибогъ*—«Се вѣтри, стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы»—слѣдовательно стрибогъ—богъ вѣтровъ.

3) *Хорсъ*—«Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше, изъ Кыева дорискаше

до Куръ Тмутораканя; *великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше»*. Изъ этого мѣста видно, что *Хорсъ*—богъ солнца, свѣта.

4) *Велесъ—чили въспѣти было вѣщей Бояне, Велесовъ внуче.»* Велесъ называется дѣдомъ пѣвца Бояна. Въ лѣтописи Нестора *Волосъ* называется скотіимъ богомъ т. е. покровителемъ стадъ, вообще богомъ обилія и богатства.

Имена языческихъ божествъ употребляются въ Словѣ сознательно, а не по одному лишь темному преданію о миѳахъ, смыслъ которыхъ уже позабытъ. Въ Словѣ съ именемъ каждаго божества соединено еще живое представленіе. Даждь-богъ, Стрибогъ, Хорсъ, Велесъ для автора Слова не одни имена, а осмысленные образы, и это видно изъ того, что упоминаніе о нихъ не стоитъ особнякомъ, какъ преданіе старины, а напротивъ въ неразрывной связи съ проникающимъ все Слово чисто народнымъ, языческимъ воззрѣніемъ на природу, ея силы и отношенія къ людямъ.—Прослѣдимъ эти воззрѣнія на природу. Предъ отправленіемъ Русскихъ князей въ несчастный для нихъ походъ *природа* дѣлала предостереженія, являлись *знаменія*: днемъ затмѣніе солнца, ночью—гроза, ревъ звѣрей, крикъ зловѣщей птицы, дива и т. п. Когда Русскіе полки были разбиты и пали знамена Игоря, тогда—трава никнетъ отъ жалости, и дерево отъ горести преклоняется къ землѣ. Жена Игоря въ своемъ плачѣ по мужѣ не къ другому кому обращается, а къ *природѣ*, какъ къ существу живому, способному понять и раздѣлить горе людей. За этимъ плачемъ слѣдуетъ освобожденіе Игоря, словно природа умилосердилась, вняла заклинаніямъ и мольбамъ. На пути Игоря изъ Полоцкой земли, его встрѣчаетъ дружелюбнымъ привѣтомъ рѣка Донецъ, дятлы стукомъ показываютъ дорогу, а соловьи поютъ *ему* веселыя пѣсни. При такомъ воззрѣніи на природу становится понятнымъ, почему и языческія божества эти олицетворенныя силы видимой при-

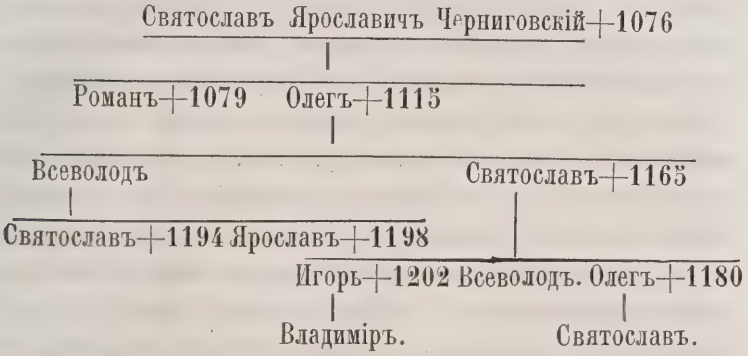
роды, не забыты авторомъ Слова, хотя онъ былъ и христіаниномъ.

Для исторіи древней Русской народной поэзіи Слово о Полку Игоря представляетъ драгоцѣнное свидѣтельство о существованіи на Руси пѣвцевъ, слагавшихъ пѣсни князьямъ. Однимъ изъ такихъ пѣвцовъ былъ Боянъ. Въ самомъ началѣ авторъ Слова противополагаетъ свое произведеніе, сложенное по современнымъ ему былинамъ, стариннымъ пѣснямъ Бояна, и предлагаетъ слѣдующее извѣстіе о самомъ Боянѣ: «Когда воспѣвалъ кого Боянъ, то леталъ мыслію по дереву, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками; когда вспоминалъ онъ времена прежнихъ усобицъ, тогда пускалъ 10 соколовъ на стадо лебедей, который (соколъ) прежде долеталъ, та (лебедь) прежде пѣснь пѣла про стараго Ярослава, про храбраго Мстислава, зарѣвшаго Редедю предъ полками касожьскими, про краснаго Романа Святославича. Не 10 соколовъ пускалъ Болнъ, а свои вѣщіе персты возлагалъ на живыя струны, и онѣ сами славу князьямъ возглашали». Ниже Боянъ упоминается какъ современникъ чародея Всеслава Полоцкаго: «тому (т. е. Всеславу) вѣщій Боянъ и припѣвку сказалъ: «*Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божія не минути*». Наконецъ въ самомъ концѣ Слова Боянъ называется пѣснотворцемъ Святославовымъ и Олега Святославича, при чемъ приводится и его поговорка: «*тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы*». Хронологіею князей [1]), воспѣваемыхъ Бояномъ, опредѣляется и время жизни пѣвца. Старѣйшій князь, изъ воспѣтыхъ имъ, Мстиславъ, умеръ въ 1033, а позднѣйшій—Олегъ умеръ въ 1115 году; слѣдовательно Боянъ жилъ въ концѣ XI вѣка.

---

1) Мстиславъ † 1033, Ярославъ † 1054, Святославъ † 1076, Романъ † 1079, Всеславъ † 1101, Олегъ † 1115.

Родословная Сѣверскихъ князей, героевъ Слова о Полку Игоря:



Домострой.

(Памятникъ XVI вѣка).

Домостроемъ называется руководство для жизни, состоящее изъ разныхъ практическихъ наставленій. Составленіе этого сборника приписывается священнику Сильвестру [1]), знаменитому руководителю Іоанна Грознаго. Домострой состоитъ изъ 64 главъ. Послѣдняя глава несомнѣнно принадлежитъ самому Сильвестру, потому что имѣетъ надписаніе: «Отъ благовѣщенскаго попа Сильвестра возлюбленному моему единородному сыну Анфиму».

Правила Домостроя имѣютъ цѣлью обнять всю жизнь человѣка: обязанности къ Богу, къ церкви, къ властямъ, къ обществу, семейныя отношенія и домашнее житье-бытье.

1) Сильвестръ былъ священникомъ въ Новѣгородѣ, въ 1547 вызванъ въ Москву Митрополитомъ Макаріемъ. Въ качествѣ совѣтника Іоанна Сильвестръ былъ въ продолженіе 6 лѣтъ. Въ 1553, потерявъ расположеніе Іоанна, онъ удалился въ Кирилловскій монастырь и принялъ здѣсь постриженіе. Въ 1560 году Іоаннъ заточилъ его въ Соловецкій монастырь, гдѣ онъ и скончался.

*

Наставленія относительно вѣры и религіозныхъ обрядовъ. Домострой начинается наставленіями о точномъ соблюденіи христіянскихъ догматовъ и обрядовъ. Изъ частныхъ наставленій Домострой предлагаетъ: «Въ дому своемъ всякому христіянину во всякой храминѣ святыя и честныя образы, написаны на иконахъ, по существу, ставити на стѣнахъ, устроивъ благолѣпно, со всякимъ украшеніемъ и со свѣтилники, въ нихъ же свѣщи предъ святыми образы возжигаются, на всякомъ славословіи Божіи; и по пѣніи погашаютъ; завѣсою закрываются.... благочинія ради и бреженія; а всегда чистымъ крылошкомъ омѣтати и мягкою губою вытирати ихъ, и храмъ тотъ чистъ держати всегда (гл. 8)». А къ церквамъ Божіимъ всегда съ вѣрою приходити: съ приношеніемъ, съ свѣчею и съ просфирою, съ фиміамомъ и съ ладономъ, съ канономъ и съ кутьею, и съ милостынею (гл. 9)». По вся дни, въ вечерѣ, мужъ съ женою, и съ дѣтьми и съ домочадцы, кто умѣетъ грамотѣ, отпѣти вечерня, павечерница, съ молчаніемъ и съ вниманіемъ, и съ кроткостояніемъ, и съ молитвою и съ поклоны. Пѣти внятно и единогласно. Послѣ правила отнюдъ ни пити ни ѣсти.—А ложася спати всякому христіянину, по три поклона въ землю положити. А въ полунощи, всегда, только вставъ, со слезами прилежно къ Богу молитися о своемъ согрѣшеніи.... А утро вставъ Богу молитися и отпѣти заутреню и часы, а въ недѣлю и праздникъ молебенъ. А гдѣ некому пѣти, ино молитися довольно вечере и утре (гл. 12). А въ церкви стояти на всякомъ пѣніи со страхомъ и съ молчаніемъ молитися, ни съ кѣмъ не бесѣдовати, и послуша стояти, никуды не обзираяся, ни на стѣну не преклонятися, ни къ столпу, ни съ посохомъ не стояти, ни съ ноги на ногу не переступати, руцѣ согбѣни къ персемъ, крестообразно, твердо и непоколебимо молитися со страхомъ и трепетомъ, и до отпѣнія изъ церкви не исходити, а пріити къ началу (гл. 13).

Объ отношеніяхъ къ властямъ. «Царя бойся и служи ему вѣрою, и всегда о немъ Бога моли, и ложно отнюдъ не глаголи предъ нимъ, но съ покореніемъ истину отвѣщай ему, яко самому Богу, и во всемъ повинуйся ему. Аще земному Царю правдою служиши и боишися его: тако научишься и Небеснаго Царя боятися: сей временень, а Небесный вѣченъ и Судія нелицемѣренъ: воздастъ комуждо по дѣломъ его. Такоже и княземъ покоряйтеся, и должную ему честь воздавай, яко отъ него посланномъ, въ отмщеніе злодѣемъ, въ похвалу же добродѣемъ. Князю своему пріяйте всѣмъ сердцемъ и властелемъ своимъ: ни помыслите на нязла» (гл. 7).

О почитаніи священниковъ, любви къ ближнимъ и гостепріимствѣ. «Къ святительскому чину всегда прибѣгай и должную честь имъ воздавай и благословенія и духовнаго поученія требуй отъ нихъ; и припадай къ ногамъ ихъ, и во всемъ повинуйся имъ по Бозѣ. Священническому чину и монашескому велію вѣру и любовь и повиновеніе и всякое покореніе предъ ними имѣй. Тѣ бо суть слуги и молебники Небеснаго Царя» (гл. 6). Въ монастыри и въ больницы и въ пустыни и въ темницы заключенныхъ посѣщай и милостыню по силѣ подавай; и види бѣду ихъ и скорбь и всяку нужу, елико возможно помогай имъ; и всякаго скорбна, и бѣдна и нища не презри: напой, накорми, согрѣй, одежи, всею любовью и чистою совѣстію: тѣми милостива Бога сотвориши» (гл. 6). А коли лучится накормити пріѣзжихъ гостей или торговыхъ, или иноземцевъ, и всякихъ гостей званыхъ, или Богомъ избранныхъ, богата и убога, и священническій чинъ и мнишескій,—ино Государю и Государыни разсуднымъ достоитъ быть и должную честь воздавати по чину и по достоинству всякому человѣку; съ любовью и съ благодареніемъ и съ ласковымъ привѣтомъ, всякого почтити и всякого примолвити и добрымъ словомъ привѣчати; и ѣсти и пи-

ти, поставити, или подати изъ своихъ рукъ, съ добрымъ привѣтомъ, а инымъ послати; и всякаго найти и всякаго обрадовати, а которые въ сѣняхъ или на дворѣ сѣдятъ, тѣхъ всѣхъ покормити и напоити; и въ столѣ памятовати: ясти и пити всѣмъ тѣмъ высылати; или у кого сынъ, или вѣрный слуга, и онъ бы вездѣ дозиралъ, и всякаго бы почтилъ, и добрымъ словомъ привѣчалъ, а никого бы не избранилъ, ни обезчестилъ, ни осоромотилъ, ни осмѣялъ, ни осудилъ... А гости или гостьи промежъ себя побранятся, ино ихъ унимати добродѣтелію: а кто неустроенъ, ино брежно его спровадить ко двору своему, а отнюдь отъ брани беречи всякаго. Съ любовію и съ благодареніемъ, накормивъ и напоивъ, честно отпустити. — Аще кто накормитъ и напоитъ и одаритъ, а послѣ обезчеститъ, и излаетъ, или осудитъ, или пересмѣетъ, или за очи переговоритъ, или *мѣстомъ обезчестить*, или не накормивъ да излаевъ и ударивъ, да сошлетъ съ двора, или слуги кого обезчестятъ: и тотъ столъ или пиръ бѣсомъ на утѣху, а Богу на гнѣвъ, а людямъ на позоръ и на гнѣвъ и на вражду, а обезчестнымъ срамъ и на оскорбленіе. Аще кого не накормити, ино тихонько отмолвити, и не излаявъ, и не уларя и не обезчестити, отпустити вѣжливо, и отказати; а пойдетъ кто съ двора ропщучи и Государевымъ недозоромъ и Государынинымъ, ино вѣжливо слугамъ, вѣжливо гостю разговорити: не подиви, господине, на многихъ людехъ, государемъ нашимъ: не поспѣли тебя употчивати; и они тебѣ впредь челомъ бьютъ, а ты на нихъ нынѣ не помолви. И послѣ пиру слугѣ тому своему Государю сказати про того гостя, какъ сшелъ съ двора; а будетъ *надобный* гость, ино и въ тѣ поры Государю сказати, и они какъ похотятъ (гл. 11). А въ пиръ бреженъ человѣкъ надобе: всего бы смотрилъ и берегъ и *гостя пьянаго беречи*, чтобы не истерялъ чего и не избился, и брань бы не была ни съ кѣмъ (гл. 50). Заѣзжаго купца, у кото-

раго что нибудь покупается, совѣтуется угостить «хлѣбомъ, да солью, да питіемъ, въ томъ убытка нѣтъ: дружба, да и впередь познать, всегда мимо тебя добраго товара не продастъ» (гл. 40).

Семейныя отношенія [1]). Главою въ семействѣ долженъ быть мужъ, все въ домѣ должно дѣлаться по его волѣ. Жена, дѣти, домочадцы должны быть у него въ строгомъ подчиненіи. Жена каждый день, по утренней молитвѣ, должна совѣтоваться съ мужемъ и брать отъ него наказъ. Только съ разрѣшенія мужа она можетъ идти въ церковь, въ гости, принимать къ себѣ гостей. Тайно отъ мужа она не должна ни ѣсть, ни пить, ни принимать подарковъ. Если увидитъ мужъ, что у жены идетъ непорядливо, онъ долженъ учить жену и наказывать всякимъ разсужденіемъ. Если жена послушаетъ внушеній, то мужу ее любить и жаловать. Если же не послушаетъ и не внимаетъ и не боится, то мужъ долженъ наединѣ постегать ее плетью и побить. Подобныя же наставленія даетъ авторъ Домостроя относительно дѣтей, выражая свои мысли въ формѣ притчей: Кязни сына отъ юности его и покоитъ тя на старости... Не дажь ему власти, но сокруши ему ребра.

Относительно дочерей Домострой между прочимъ совѣтуетъ: «У кого дочь родится, то разсудительные люди откладываютъ на нее отъ всякаго приплода; также отъ полотенъ, платковъ, рубашекъ откладываютъ въ особый сундукъ, всего прибавляютъ постоянно понемножку, а не вдругъ; дочери ростутъ, страху Божію и вѣжеству учатся, а приданое съ ними прибываетъ, и какъ замужъ сговорятъ, то все готово.— Занятія жены, по Домострою, должны состоять въ домашнихъ распоряженіяхъ по хозяйству: «Встать она должна прежде всѣхъ въ домѣ. Проснувшись рано, она всѣмъ людямъ въ домѣ должна дать работу и указать порядокъ на

1) Главныя относящіяся сюда статьи приводятся ниже въ подлинникѣ.

весь день; а чтобы работа шла успѣшнѣе, должна не только смотрѣть за другими, но и сама знать, какъ всякое дѣло дѣлать, чтобы могла указать другимъ. Побуждать къ дѣлу и къ труду другихъ она должна своимъ собственнымъ примѣромъ: «сама бы, государыня, ни которами дѣлы, опричь немощи, безъ дѣла не была, ино и слушкамъ, смотря на нее, повадно дѣлать. Мужъ ли придетъ, гостья ли обычная пріидетъ, всегда бы надъ рукодѣльемъ сидѣла.» Ту же хозяйственную цѣль Домострой велитъ женѣ имѣть въ виду и внѣ дома: «а коли гостья случится, или самой гдѣ быть въ гостяхъ, и съ гостьми бесѣдовать женѣ о рукодѣліи и домашнемъ строеніи, какъ порядокъ вести и какое рукодѣлейце сдѣлать, и кто что укажетъ, на томъ низко челомъ бить... Или у себя дома отъ которой гостьи услышитъ добрую пословицу: какъ добрыя жены живутъ и какъ порядокъ ведутъ и какъ мужей своихъ слушаютъ, и то все слушать ей со вниманіемъ. За виноватыхъ слугъ жена должна печаловать предъ мужемъ, но съ слугами хозяйка не должна говорить пустыхъ рѣчей и пересмѣшныхъ. Съ гостьми также не говорить пустыхъ рѣчей, не пересмѣхать другихъ. Спросятъ о чемъ про кого другіе — отвѣчать не знаю, ничего не слыхала и сама о ненадобномъ не спрашиваю, о княгиняхъ, боярыняхъ и сосѣдяхъ не пересужаю.» Относительно слугъ Домострой говоритъ: «Господа должны людей своихъ жаловать, кормить, поить, одѣвать, въ теплѣ держать, во всякомъ покоѣ и благоденствіи; а если держать у себя людей не по силѣ, не по доходу, не довольствовать ихъ ѣдою, питьемъ и одеждою, или держать не рукодѣльныхъ, которые сами ничего не умѣютъ промыслить: такимъ слугамъ по неволѣ, со слезами, и лгать, и красть и развратничать, мужчинамъ разбивать и красть и въ корчмѣ пить. Такимъ безумнымъ господамъ отъ Бога грѣхъ и отъ людей посмѣхъ, а съ сосѣдями дурное житье. Слугамъ приказывай:

о людяхъ не переговаривать, гдѣ въ людяхъ были и что видѣли недобро—того дома не сказывали бы, а что дома дѣлается, того въ людяхъ не пересказывали бы; помнили бы о томъ за чѣмъ посланы, а о другомъ о чемъ станутъ спрашивать—не отвѣчать, поскорѣе отдѣлавшись, домой идти; такъ между господами никакой ссоры не будетъ. Куда пошлютъ слугу въ добрые люди, то онъ долженъ у воротъ легонько поколотить; когда будетъ идти по двору и кто спроситъ: за какимъ дѣломъ идешь? отвѣчать: не къ тебѣ я посланъ; къ кому посланъ съ тѣмъ и буду говорить; должно сказать только, отъ кого идешь, пусть скажутъ господину. У сѣней, избы или кельи должно ноги грязныя вытереть, носъ высморкать, выкашляться, искусно молитву сотворить; если аминя не отдадутъ, то и въ другой, и въ третій разъ молитву сотворить. Если и тутъ отвѣта не отдадутъ, то легонько потолкаться; когда впустятъ, святымъ иконамъ поклониться и отъ господина челобитье и посылку править, и и въ это время носа не копать пальцемъ, ни кашлять, ни сморкать, ни харкать, ни плевать, если же нужно, то, отшедъ въ сторону, устроиться, вежливенько стоять и на сторону не смотрѣть, исправить что наказано, ни о чемъ другомъ не бесѣдовать и скорѣе къ себѣ идти. Гдѣ случится быть, при господинѣ или безъ господина, никакой вещи не ворошить, ни смотрѣть, ни съ мѣста не переложить, ѣды и питья не отвѣдывать; что̀ куда послано, того также не подсматривать и не отвѣдовать.

Кромѣ всѣхъ указанныхъ правилъ, значительная часть Домостроя посвящена подробнымъ наставленіямъ, какъ дѣлать запасы въ домѣ, какъ водить садъ и огородъ, какъ пиво варить, медъ сытить, вино курить; какъ дворъ строить, какъ счетъ вести съ торговыми и лавочными людми, какъ приготовлять обѣды, при чемъ перечисляются даже кушанья, которыя слѣдуетъ подавать на столъ въ извѣстное время года.

ИЗЪ ДОМОСТРОЯ.

1. КАКО ДѢТИ УЧИТИ И СТРАХОМЪ СПАСАТИ [1]) (гл. 17).

Казни сына своего отъ юности его, и покоитъ тя на старость твою, и дастъ красоту души твоей. И не ослабляй бія младенца: аще бо жезломъ [2]) біеши его, не умретъ, но здравѣе [3]) будетъ; ты бо, бія его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти.—Любя же сына своего, учащай ему раны, да послѣди о немъ возвеселишися. Казни сына своего изъмлада, и порадуешися о немъ въ мужествѣ: и посреди злыхъ похвалишися, и зависть пріимуть враги твоя. Воспитай дѣтище съ прещеніемъ [4]), и обрящеши о немъ покой и благословеніе. Не смѣйся къ нему, игры творя: въ мало бо ся осклабиши [5]), въ велицѣ поболиши, скорбя, и послѣ же яко оскомины [6]) сотвориши души твоей. И не дажь ему власти въ юности, но сокруши ему ребра, донележе растетъ, а ожесточавъ не повинетъ [7]) ти ся, и будетъ ти досаженіе и болѣзнь души, и тщета домови, погибель имѣнію и укоризна отъ сусѣдъ, и посмѣхъ предъ враги и передъ властели платежь и досада зла.

---

1) Статья, заимствованная Домостроемъ отъ древняго сборника словъ и поученій, извѣстнаго подъ заглавіемъ *Златоустъ*.

2) Въ др. сп. лозою.

3) Въ подл. здравіе.

4) Прещеніе—угроза, страхъ.

5) Такъ въ сп. Погод. и въ Златоустѣ.

6) Въ Златоустѣ: и послѣди яко оскомину зубомъ, тако печаль сотворити души своей.

7) Въ др. сп. повинитъ.

II. Како поучати мужу своя жена [1], какъ Богу угодити и мужу своему уноровити, и какъ домъ свой добре строити и вся [2] домашняя порядня, и рукодѣлье всякое знать, и самой дѣлать.

Подобаеть (убо) поучити [3] мужемъ женъ своихъ съ любовію и благоразсуднымъ наказаніемъ. Жены мужей своихъ вопрошаютъ о всякомъ благочиніи, како душа спасти, Богу и мужу угодити, и домъ свой добре строити и во всемъ ему [4] покарятися, и что мужъ накажетъ, то съ любовію пріимати и творити *по его наказанію* [5]. Перьвіе имѣти страхъ Божій, и тѣлесная чистота, якоже *впреди* [6] указано бысть. Вставъ отъ ложа своего, предочистивъ *себе* [7] и молебная совершивъ, женамъ и дѣвкамъ дѣло указати дневное (и) всякому рукодѣлію (и) что работа дневная: ѣства варити и которои хлѣбы печи: ситные и решетные; и сама бы знала какъ мука сѣяти, какъ квашня [поставити и] притворити и замѣсити, и хлѣбы валяти и печи, *и квасны и бухоны* [8] и выпеклися; а колачи и пироги такоже, и колко муки возмутъ, и колько испекутъ. И колко чево родится изъ четверти или изъ осмины или изъ решота и колко высевокъ и колко испекутъ мѣра знативо всемъ. А ѣству мясную и рыбную и всякіе пироги и

---

1) *Поучати своя жена*, и ниже: *душа спасти*, имѣти чистота, мука сѣяти и друг. Употребленіе имен. п/д. жен. рода при неопредѣленномъ наклоненіи составляетъ особенность Древнерусскаго словосочиненія, напр. въ грамотѣ 1229: взяти ему та правда (вм. ту правду), въ договорѣ 1448 г.: а вотчина та наша подо мною держати (вм. вотчину).

2) Въ др. сп. *всякая*.

3) Поучаги.

4) Вмѣсто *ему* въ др. сп. мужу.

5) По сему писанію.

6) Прежде.

7) Себя.

8) Квасны и убухны.—*Бухонный хлѣбъ* зн. пышный, хорошо уквашеный и испеченій (Даль).

всякіе блины и всякіе каши и кисели, и всякіе приспѣхи печи и варити, все бы сама государыня [9]) умѣла: ино умѣетъ и слугъ научити и все сама знаетъ. А коли хлѣбы пекутъ, тогды и платя [10]) моютъ: ино съ одного стрепня и дровамъ неубыточно; и дозирати какъ красные рубашки [11]) моютъ и лучшее платье; и колко мыла идетъ и золы, и на колко рубашекъ; и хорошо бы вымыти и выпарити и начисто выполоскати, и иссушити и искатати, и скатерти и убрусы [12]) и ширинки [13]) и утиральники также; и всему счетъ самой знать, и отдати и взяти все сполна, и бѣло и чисто. А ветчано [14]) вѣжливо бы поплачено: ино сироткамъ пригодитца. А коли хлѣбы пекутъ ино того же тѣста велѣти отняти, и пироговъ начинити, а коли пшеничьное пекутъ и семьѣ [15]) изъ межьситки [16]) велѣти пироговъ зьдѣлати: въ скоромныя дни со скоромною начинкою, какая лучится [17]), а въ посные дни съ кашею, или съ горохомъ, или съ сокомъ; или рѣпа, или грибы, или рыжики, или капуста: что Богъ лучитъ: ино семьѣ потешеніе. И всякую бы ѣству, и мясную и рыбную, и всякой приспѣхъ скоромной и посной, жена сама бы знала и умѣла здѣлать и слугъ научить. То [18]) государыня домовная и домоводицы добрые. И то бы знала же пивной, медовой и винной и бражьной, квасной и уксусной и кислаштяной [19]), и всякой обиходъ какъ дѣлаютъ, и поваренной и

---

9) Государь и государыня—мужъ и жена, хозяинъ и хозяйка.

10) Платье.

11) Рубахи.

12) *Убрусъ*—платокъ.

13) *Ширинка*, собств. полотнище, отрѣзокъ во всю ширину, ручникъ, полотенце. Фата.

14) Ветчано—ветшано.

15) Въ подлин. семъе.

16) *Межеситка*—простая мука, остающаяся послѣ высѣвки крупичатой.

17) Лучится—случится.

18) Тѣ государыни добры и домовицы.

19) И кислымъ щамъ.

хлѣбной; и въ чемъ что родится, и колко изъ чево будетъ. Коли все знаетъ доброго мужа наказаніемъ и грозою, и своимъ добрымъ разумомъ, ино все будетъ споро и всего будетъ много. А которая женьщина или дѣвка рукодѣлна, и той дѣла указати: рубашка дѣлати, или убрусъ брати [20]) или ткати, или золотное или шелковое пяличное дѣло; и которая чему учена, того всего досмотрити и дозрети и всякой мастерицы самой (государыни) прядено [21]) и тафта [22]) и камка [23]) и золото и серебро отвѣсити и отмѣрити, и смѣтити, и указати сколко чего надобно и сколко чего дастъ; и прикроити и примѣрити; самой все свое рукодѣліе знати. А малыхъ дѣвокъ учити которая чему [24]) пригожа; а мужнимъ женкамъ, которое черное дѣло дѣлаютъ, избу топятъ, и хлѣбы пекутъ и платья моютъ, тѣмъ ленъ даютъ на собя и на мужа и на дѣти прясти, а одинокая женка [25]) или дѣвка на государя ленъ прядетъ а изъгребіи [26]) и пачеси [27]) на собя, или какъ пригоже. А все бы вѣдала сама государыня, которой дѣло какое дастъ; колко чево дастъ и колко чево возьметъ и сколко чево сдѣлаетъ кто днемъ: много ли мало, и сколко изъ чево выидетъ: то бы сама все знала, и въ счетѣ бы было все. А сама бы государыня, отнюдь, никакоже, никоторыми дѣлы, опрично немощи безъ дѣла не была, ино и слушкамъ, на нее смотря повадно дѣлати. Мужъ ли придетъ, гостья ли обычная пріидетъ, всегды бы надъ рукодѣліемъ сидѣла сама:

---

20) *Брати*—работать узорную ткань.

21) *Прядено*—пряжа; прядево—мочка, приготовленный для пряжи ленъ (Даль).

22) Тафта—гладкая, тонкая шелковая ткань.

23) *Камка*—шелковая ткань съ разными фигурами и узорами.

24) Въ друг. сп. *чево пригоже.*

25) Женочка.

26) Въ совр. народ. языкѣ: *изгребье*—очески льна, гребенина; гребенный холстъ—сдѣланный изъ оческовъ.

27) *Пачесь*—вычески льна. Отъ первой чески остается грубая изгребь, отъ второй, щеткою. *пачесь*, (Даль).

то ей честь и слава, и мужу похвала; а николи же бы слуги государыни не будили: государыня бы слугъ будила. А ложася [28]) бы спать всегда отъ рукодѣлія молебная совершивъ.

III. Какъ избная порядня устроити хорошо и чисто [1]) (гл. 38).

Столъ и блюда, и ставцы и лошки и всякіе суды [2]) и ковши и братены [3]), воды нагрѣвъ изъ утра, перемыти и вытерьти и высушить; а послѣ обѣда также и вечере. А ведра и ночвы [4]) и квашни, и корыта, и сита, и решета, и горшки, и кувшины и корчаги, такожъ всегды вымыти, и выскресть, и вытерть и высушить, и положить въ чистомъ мѣстѣ, гдѣ будетъ пригоже быти. Всегда бъ всякіе суды и всякая порядня, вымыто и чисто бы было; а по лавкѣ и по двору, и по хоромамъ суды не волочилися бы, а ставцы, и блюда, и братены, и ковши и лошки по лавкѣ не валялись бы: гдѣ устроено быти въ чистомъ мѣстѣ лежало бы опрокинуто ницъ; а въ какомъ суднѣ [5]) што: ества или питіе,— и то бы покрыто было, чистоты ради; и всякіе суды, съ ествою или съ питіемъ, или съ водою, или квашня [растворить] всегды бы покрыто было, а въ избѣ и повязано отъ тороканов и отъ всякія нечистоты. — Изба и стѣны, и лавки, и скамьи, и полъ, и окна, и двери и въ сенехъ, и на крылцы,—вымыть и вытерть и выместь и выскресть—

---

28) А ложилася бы.

1) Въ другихъ спискахъ озаглавливается: «Какъ сосуды всякіе во гсяномъ устроѣ держати, и какъ избная порядня устроити въ хоромы хорошо и чисто, и государыни слугъ учити и мужу надъ женою надзирати и страхомъ спасти».

2) Сосуды.

3) *Братина*—сосудъ, въ которомъ разносили питье.

4) *Ночвы*—ночовки, лотокъ.

5) Сосудѣ.

всегда бы было чисто; и лѣсницы, и нижнее крылце—все бы то было измыто, и выскребено, и вытерто и сметено; да передъ нижнимъ крыльцомъ сѣна [6]) положить: грязные ноги отирать; ино лѣсница не угрязнится, и у сеней передъ дверьми рогошка или войлокъ ветшаной положить, или потирало: ноги грязные отирать, чтобы мосту [7]) не грязнить. Въ грязное погодье у нижнего крылца, сѣно или солома перемѣнити, а у дверей рогозинка или войлокъ перемѣнить, или потирало чистое положить, а грязное прополоскать, и высушить; и опять, туто же, подъ ноги пригодится. Ино то, у добрыхъ людей, у порядливой жены, всегды домъ чистъ и устроенъ; все по чину: и упрятано, гдѣ что пригоже, и причищено и приметено всегда, въ доброй домъ во устроиной какъ въ рай воити! Всего бъ того и всякой порядни жена смотрѣла и учила слугъ [и дѣтей] добромъ и лихомъ; не имѣтъ слово, — ино ударить. И увидитъ мужъ что не порядливо у жены и у слугъ, или не потому о всемъ, что въ сей памяти писано, — ино бы умѣлъ свою жену наказывать всякимъ разсуженіемъ и учити. Аще внимаетъ и все по тому творитъ, ино любити и жаловати. Аще жена по тому наученію и наказанію не живетъ, и такъ того всего не творитъ (что въ сей книгѣ писано) и сама того не знаетъ и слугъ не учитъ—ино достоитъ мужу жена своя наказывати и ползовати страхомъ наединѣ; и понаказавъ, и пожаловати и примолвити; и любовію наказывати и разсужати; а мужу на жену не гнѣватися, а женѣ на мужа, всегда жити въ любви и въ чистосердіи. И слуги и дѣти тако же, посмотря по винѣ и по дѣлу, наказывати, и раны возлогати; да наказавъ пожаловати; а государыни за слугъ печаловатися, по разсуженію: ино служкамъ надежно.

---

6) Въ др. сп. соломы.

7) Въ соврем. языкѣ *мостъ*, кромѣ своего общеупотребительнаго значенія, зн. *избной полъ, крыльцо, и большія сѣни*, (Даль).

А толко жены или сына или дщери, слово или наказаніе не иметъ, не слушаетъ, и не внимаетъ и не боитца, и не творитъ того какъ мужъ или отецъ или мати учитъ,—ино плетью постегать, по винѣ смотря; а побить не передъ людми, наединѣ, поучити да примолвити и пожаловати; а никакоже не гнѣватися ни женѣ на мужа, ни мужу на жену. А про всяку вину: по уху ни по виденью [8]) не бити; ни подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ; ни посохомъ не колоть; ни какимъ железнымъ или деревянымъ не бить: хто съ серца или съ кручины такъ бьеть,—много притчи отъ того бываютъ: слѣпота и глухота, и руку и ногу вывихнутъ, и перстъ, и главоболіе и зубная болѣзнь, а у беременныхъ женъ и дѣтемъ поврежеміе бываетъ во утробѣ. А плетью, съ наказаніемъ, бережно бити: и разумно и болно, и страшно и здорово. А толко великая вина и кручиновато дѣло, и за великое и за страшное ослушаніе и небреженіе,—ино соймя рубашка плеткою вежливенко побить, за руки держа: по винѣ смотря; да поучивъ примовити, а гнѣвъ бы не былъ; а люди бы того не вѣдали и не слыхали; жалоба бы о томъ не была. А по людцкой ссорѣ, или по оговору, безъ обыску безъ прямого брань и побои и гнѣвъ никакоже бы не было: каково было наношеніе или рѣчи недобрые, или своя примѣта,—того наединѣ пытати, добромъ: истиннѣ покается безо всякаго лукавства,—милостивно наказать, да и пожаловати, по винѣ смотря; а толко невиновато дѣло, ино оговорщикомъ не попущати: ино бы въпередъ вражда не была; а толко по винѣ и по обыску по прямому; а не каетца [и не плачется] о грѣхѣ своемъ и о винѣ: то уже наказаніе жестоко надобеть, чтобы [былъ] виноватой—въ винѣ, а правой—въ правдѣ; поклонны главы мечь не сечетъ: [9]) а непокорно слово кость ломитъ.»

---

8) По лицу.

9) Народная пословица

А. Д. Кантемиръ.

Свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ. Князь Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ, сынъ молдавскаго господаря Димитрія, родился въ 1708 году въ Константинополѣ. Въ 1711 году отецъ Кантемира принялъ русское подданство и со всею семьею переѣхалъ въ Россію. Воспитаніе кн. Антіохъ Кантемиръ получилъ лучшее по тому времени. Домашними его наставниками были греческій монахъ Анастасій Кондоиди и Иванъ Ильинскій, бывшій впослѣдствіи переводчикомъ при академіи наукъ; за тѣмъ онъ былъ отданъ въ Заиконоспасскую духовную академію и здѣсь на десятомъ году сочинилъ на греческомъ языкѣ *Похвальное слово великомученику Димитрію Селунскому.* Въ 1722 году ѣздилъ съ отцемъ въ Персію и по возвращеніи оттуда, по смерти отца, въ 1725 году поступилъ въ студенты въ только что открытую тогда С.-Петербургскую академію наукъ. Рано записанный, по обычаю того времени, въ военную службу, Кантемиръ началъ свою служебную карьеру съ царствованія императрицы Анны Ивановны. Въ 1731 году назначенъ онъ былъ резидентомъ при лондонскомъ дворѣ, въ 1732 опредѣленъ тамъ же чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ, а въ 1738 году переведенъ въ семъ званіи ко двору французскому. Скончался въ 1744 году въ Парижѣ.

Главныя сочиненія Кантемира слѣдующія: 1) *Девять сатиръ*, 2) *Петрида*, героическая неоконченная поэма въ честь Петра Великаго, 3) *Пѣсни*, 4) *Письма въ стихахъ*, 5) *Басни*, 6) *Эпиграммы.*

Изъ переводовъ Кантемира замѣчательны: 1) *Десять писемъ Горацієвыхъ*, съ приложеніемъ *письма о русскомъ стихосложеніи* подъ вымышленнымъ именемъ Харитона Макентина, 2) Разговоры о множествѣ міровъ Фонтенеля.

Лучшимъ изъ сочиненій Кантемира считаются его сатиры.

Первыя пять сатиръ дошли до насъ въ двухъ видахъ: въ первоначальномъ, какъ онѣ были написаны, и въ исправленномъ для печати самимъ авторомъ.

Первая сатира написана въ 1729 году и носитъ двоякое заглавіе: *На хулящихъ ученіе* и *къ уму своему*. Главная мысль этой сатиры—охарактеризовать тогдашнее положеніе наукъ въ Россіи, показать какъ общество относится къ вопросамъ о просвѣщеніи, образованіи, необходимость коихъ для Россіи такъ сильно была сознана Петромъ Великимъ и его немногими сотрудниками. Сатира эта состоитъ изъ четырехъ частей, легко различаемыхъ между собою: 1) Въ приступѣ (стих. 1—22) сатирикъ дѣлаетъ обращеніе къ уму своему: «не нужно и безполезно въ наше время заниматься наукою и искусствомъ, когда есть другіе болѣе легкіе и прибыльные пути къ славѣ. Общество чуждается и смѣется надъ писателемъ. Личной пользы наука не дастъ ему: «кто надъ столомъ гнется, пяля на книгу глаза, большихъ не добьется палатъ, овцу не прибавитъ къ отцовскому стаду». Правда, въ нашемъ молодомъ монархѣ (т.-е. Петрѣ II-мъ) восходитъ надежда для наукъ, но то бѣда, что многіе изъ страха хвалятъ въ царѣ то, что въ подданномъ дерзко осуждаютъ.

2) Чтобы показать какъ смотритъ общество на науку, сатирикъ выводитъ подъ вымышленными именами подмѣченныя имъ типическія личности: Критона, Сильвана, Луку и Медора, и заставляетъ каждаго изъ нихъ излагать свой образъ мыслей о вредѣ или безплодности наукъ. Ханжа Критонъ съ четками въ рукахъ вздыхаетъ и ворчитъ, что науки вредны для благочестія, что отъ нихъ родятся расколы и ереси. Молодое поколѣніе, прежде столь тихое и покорное, начинаетъ забывать старые обычаи, начинаетъ сомнѣваться въ томъ, чему вѣрили отцы, всему хочетъ знать причину и становится непочтительно къ духовному чину. Дворянинъ

Сильванъ другую вину за науками видитъ: науки голодъ приводятъ, прежде, не зная латыни, живали обильнѣе, а перенявъ счужа образованіе, свой хлѣбъ потеряли!—Изъ занятій науками не выходитъ никакой матеріяльной выгоды. Людямъ нужно только одно знаніе умножить свой доходъ. Гуляка Лука находитъ, что цѣль жизни въ удовольствіяхъ, а науки разрушаютъ содружество людей, мѣшаютъ весело жить. Щеголь Медоръ не промѣняетъ фунтъ пудры на Сенеку и тужитъ, что черезчуръ много выходитъ бумаги на письмо и печатанье книгъ, что скоро ужь будетъ не во что завертѣть свои кудри.

3) Знаю, продолжаетъ сатирикъ, обращаясь къ уму, что ты умъ смѣло можешь возразить, что такимъ личностямъ какъ ханжѣ, щеголю, скупцу и имъ подобнымъ нельзя не хулить науку, но ихъ рѣчи не уставъ для умныхъ людей. Такъ бы оно быть должно, отвѣчаетъ сатирикъ, но въ нашъ вѣкъ *злобныхъ слова* владѣютъ и умными, къ тому же, науки не однихъ только выведенныхъ мною недруговъ имѣютъ, къ числу ихъ принадлежатъ и духовенство, и чиновничество, и за тѣмъ изображаетъ образъ мыслей тѣхъ и другихъ.

4) Въ заключеніе сатирикъ, доказавъ, что было нужно, даетъ наставленіе уму: «Слыша все это, умъ, молчи, не скучай и объясняя пользу наукъ вмѣсто похвалъ, ожидай злую хулу.

Вторая сатира—Филаретъ и Евгеній, или *на зависть и гордость дворянъ злонравныхъ*—въ ней осмѣивается спѣсь дворянъ и ихъ притязанія безъ труда, безъ службы пользоваться заслугами предковъ.

Третья сатира—въ формѣ посланія къ архіепископу новогородскому, Ѳеофану Прокоповичу, о различіи страстей человѣческихъ.

Четвертая сатира—къ музѣ своей, объ опасности сатирическихъ сочиненій.

Пятая сатира—въ первоначальномъ видѣ подъ заглавіемъ: На человѣка, а въ передѣланномъ: Сатиръ и Періергъ.

Шестая сатира—о истинномъ блаженствѣ, цѣль которой, по словамъ самого автора, показать, «что тотъ только блаженъ въ сей жизни, кто малымъ довольствуясь, живетъ въ тишинѣ и добродѣтели слѣдуетъ». Эта основная мысль выражена въ начальныхъ стихахъ сатиры:

Тотъ въ сей жизни лишь блажѐнъ, кто малымъ доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ воленъ
Мыслей, что мучатъ другихъ, и топчетъ надежну
Стезю добродѣтели къ концу неизбѣжну.

Седьмая сатира—въ формѣ посланія кн. Н. Н. Трубецкому, въ ней излагаются мысли о воспитаніи.

Осьмая сатира—на безстыдную нахалчивость.

Девятая сатира—на состояніе свѣта сего, или къ *солнцу*—направлена противъ раскола и народныхъ суевѣрій.

Стихотворный размѣръ сатиръ Кантемира. За долго до Кантемира, въ концѣ 16 и началѣ 17 вѣка, появились первые опыты русскаго стихотворства. Лаврентій Зизаній и Мелетій Смотрицкій полагали, что метрическій размѣръ, основанный на долготѣ и краткости звуковъ, свойствененъ языку рускому, первые стали писать вирши этимъ размѣромъ. Они приняли за правило, ни на чемъ неосновательное, по одному лишь образу классическихъ языковъ, считать буквы *е*, *о* за краткія, *а*, *і*, *ѵ* за обоюдныя, *и*, *ъ*, *ю* за долгія. Къ долгимъ же отнесены были всѣ двоегласныя и всѣ гласныя, когда предъ ними стояли согласныя. Уже въ 17 вѣкѣ въ югозападныхъ школахъ и особенно въ Кіевской академіи вошелъ во всеобщее употребленіе между писателяли новый размѣръ, силлабическій, заимствованный изъ языка польскаго. Ученые юго-западной Руси принесли силлабическій размѣръ въ Москву. Изъ писателей московскихъ, употреблявшихъ этотъ размѣръ, замѣчательны: Симеонъ Полоцкій, пере-

ложившій, между прочимъ, въ стихи псалтырь, Сильвестръ Медвѣдевъ, Поликарповъ и друг. Кантемиръ остался вѣренъ обычаямъ старой школы писателей и всѣ свои сатиры написалъ силлабическимъ размѣромъ. Силлабическій размѣръ основывается на количествѣ слоговъ въ стихахъ и свойственъ лишь тѣмъ языкамъ, въ которыхъ удареніе въ словахъ всегда стоитъ на извѣстномъ мѣстѣ, а не такъ какъ въ русскомъ языкѣ; напр. кла́няться, бога́тый, рука́ и т. п. У Кантемира въ каждой строкѣ его сатиръ одинаковое количество слоговъ, именно 13, и въ риѳмѣ удареніе *всегда* на предпослѣднемъ слогѣ; напр. *науки*, *руки*, проводити, слыти. Вотъ собственныя слова Кантемира о 13 сложномъ силлабическомъ стихѣ: «Тринадцатисложный стихъ долженъ состоять изъ *двухъ* полустишій. Первое полустишіе имѣетъ *семь* слоговъ, второе *шесть*. Слоги перваго полустишія по четвертый могутъ быть долгіе и короткіе, какъ ни случатся; но неотмѣнно нужно, чтобы или *седьмой* былъ долгій или *пятый*. И въ семъ послѣднемъ случаѣ, чтобы шестой и седьмой были короткіе. Втораго полустишія *предпослѣдній* слогъ *всегда* долженъ быть долгій, такъ что ежели риѳмами пишется, то была бы она неотмѣнно двусложная».

По этимъ правиламъ для примѣра разберемъ двѣ строки изъ 1-й сатиры.

У-ме не-до-зрѣ-лый плóдъ не-дол-гой на-у-ки (13 слоговъ). Въ этой строкѣ первое полустишіе: *Уме недозрѣлый плодъ* —изъ 7 слоговъ. 7-й слогъ долгій. Второе полуστишіе: *недолгой науки*—изъ 6 слоговъ, и предпослѣдній слогъ долгій.

Ве-дутъ къ ней не-труд-ные въ нашъ вѣкъ пу-ти мно́-ги (13 слоговъ).

Первое полустишіе: *Ведутъ къ ней нетрудные* — изъ 7 слоговъ, пятый слогъ долгій, а шестой и седьмой краткіе. Второе полустишіе: *въ нашъ вѣкъ пути мно́ги*—изъ 6 слоговъ, предпослѣдній слогъ долгій.

САТИРА I.

КЪ УМУ СВОЕМУ.

(*На хулящихъ ученія*).

Уме недозрѣлый плòдъ недолгой науки!
Покойся, не понуждàй къ перу мои руки:
Не писавъ летящи дни вѣка проводити
Можно, и славу достàть, хоть творцемъ не слыти.
Ведутъ къ ней нетрудные въ нашъ вѣкъ пути многи,
На которыхъ смѣлыя не запнутся ноги:
Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы проклали
Девять сестръ. Многи на немъ силу потеряли
Не дошедъ; нужно на немъ потѣть и томиться,
И въ тѣхъ трудахъ всякъ тебя, какъ мору, чужится, [1])
Смѣется, гнушается. Кто надъ столомъ гнется,
Пяля на книгу глаза, большихъ не добьется
Палатъ, ни разцвѣченна мрморами саду;
Овцы не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду.
Правда въ нашемъ молодомъ Монархѣ надежда
Всходитъ Музамъ немала; со стыдомъ невѣжда
Бѣжитъ его. Аполлинъ славы въ немъ защиту
Своей неслабу почулъ, чтяща свою свиту
Видѣлъ его самого, [2]) и во всемъ обильно
Тщися множить жителей Парнасскихъ онъ сильно:
Но та бѣда, многіе въ Царѣ похваляютъ
За страхъ то, что въ подданномъ дерзко осуждаютъ.
Расколы и ереси науки суть дѣти,
Больше вретъ, кому далось больше разумѣти,

---

1) Чуждается.
2) Т. е. монарха, почитающаго свиту Аполлона (Музъ).

Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ,
Критонъ съ чотками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ,
И проситъ свята душа съ горкими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами:
Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ, къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь къ церкви соблазну Библію честь стали;
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину;
Потеряли добрый нравъ, забыли пить квасу,
Не прибьешь ихъ палкою къ соленому мясу;
Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ,
Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишну чаютъ,
Шепча, что тѣмъ, что мірской жизни ужь отстали,
Помѣстья и вотчины весьма не пристали.
Силванъ другую вину наукамъ находитъ:
Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ:
Живали мы прежъ сего не зная Латынѣ
Гораздо обильнѣе, чѣмъ мы живемъ нынѣ,
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
Буде рѣчь моя слаба, буде нѣтъ въ ней чину, [3])
Ни связи, должно ль о томъ тужить дворянину:
Доводъ, порядокъ въ словахъ, подлыхъ [4]) то есть дѣло,
Знатнымъ полно [5]) подтверждать, иль отрицать смѣло.
Съ ума сошолъ, кто души силу и предѣлы
Испытаетъ, кто въ поту томится дни цѣлы,
Чтобъ строй міра и вещей вывѣдать премѣну
Иль причину; глупо онъ лепитъ горохъ въ стѣну.

3. Слово *чинъ* употреблено въ первозначальномъ значеніи *порядокъ*.
4. *Подлый* въ см. низшій.
5. *Полно*—довольно.

Приростетъ ли мнѣ съ того день къ жизни, иль въ ящикъ
Хотя грошъ? могу ль чрезъ то узнать, что прикащикъ,
Что дворецкій крадетъ въ годъ? какъ прибавить воду
Въ мой прудъ? какъ бочекъ число съ виннаго заводу?
Не умнѣе, кто глаза, полонъ безпокойства,
Коптитъ, печась при огнѣ, чтобъ вызнать рудъ свойства;
Вѣдь не теперь мы твердимъ, что буки, что вѣди;
Можно знать различіе злата, сребра, мѣди.
Травъ, болѣзней знаніе, голы все то враки;
Глава ль болитъ? тому врачъ ищетъ въ рукѣ знаки;
Всему въ насъ виновна кровь, буде ему вѣру
Дать хощешь. Слабѣемъ ли, кровь тихо чрезмѣру
Течетъ; если спѣшно—жаръ въ тѣлѣ, отвѣтъ смѣло
Даетъ, хотя внутрь никто видѣлъ живо тѣло.
А пока въ басняхъ такихъ время онъ проводитъ,
Лучшій сокъ изъ нашего мѣшка въ его входитъ.
Къ чему звѣздъ теченіе числить, и ни къ дѣлу,
Ни къ стати за однимъ ночь пятномъ не спать цѣлу?
За любопытствомъ однимъ лишиться покою,
Ища, солнце ль движется, или мы съ землею?
Въ часовникѣ можно честь на всякій день года
Число мѣсяца, и часъ солнечнаго всхода.
Землю въ четверти дѣлить безъ Евклида смыслимъ;
Сколько копѣекъ въ рублѣ безъ Алгебры счислимъ.
Силванъ одно знаніе слично [6]) людямъ хвалитъ,
Что учитъ множить доходъ, и расходы малитъ;
Трудиться въ томъ, съ чего вдругъ карманъ не толстѣетъ,
Гражданству вреднымъ весьма безумствомъ звать смѣетъ.
Румяный трожды [7]) рыгнувъ, Лука подпѣваетъ:

6. *Слично* — превосходно, отлично, весьма.
7. Трижды.

Наука содружество людей разрушаетъ;
Люди мы къ сообществу Божія тварь стали,
Не въ нашу пользу одну смысла даръ пріяли.
Что же пользы иному, когда я запруся
Въ чуланъ; для мертвыхъ друзей живущихъ лишуся?
Когда все содружество, вся моя ватага
Будетъ чернило, перо, песокъ да бумага?
Въ весельи, въ пирахъ мы жизнь должны провождати;
И такъ она недолга, на что коротати,
Крушиться надъ книгою, и повреждать очи?
Не лучше ли съ кубкомъ дни прогулять и ночи?
Вино даръ божественный, много въ немъ провору;
Дружитъ людей, подаетъ поводъ къ разговору,
Веселитъ, всѣ тяжкія мысли отымаетъ,
Скудость знаетъ облегчать, слабыхъ ободряетъ,
Жестокихъ мягчитъ сердца, угрюмость отводитъ,
Любовникъ легче виномъ въ цѣль свою доходитъ.
Когда по небу сохой брозды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ,
Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ быстры рѣки,
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки;
Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ вязигу,
Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу.
Медоръ тужитъ, что чрезчуръ бумаги исходитъ
На письмо, на печать книгъ, а ему приходитъ,
Что не въ чемъ ужъ завертѣть завитыя кудри;
Не смѣнитъ на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры.
Предъ Егоромъ двухъ денегъ Виргилій не стоитъ,
Рексу, не Цицерону, похвала достоитъ.
Вотъ часть рѣчей, что на всякъ день звѣнятъ мнѣ въ уши;
Вотъ для чего я, уме, нѣмѣе быть клуши [8])

8. Клуша — попольски kluska, галушка, клецка.

Совѣтую. Когда нѣтъ пользы, ободряетъ
Къ трудамъ хвала; безъ того сердце унываетъ.
Сколько жъ больше вмѣсто хвалъ да хулы терпѣти!
Труднѣй то, нежь пьяницѣ вина не имѣти,
Нежли не славить попу святую недѣлю,
Нежли купцу пиво пить не въ три пуда хмѣлю.
Знаю, что можешь, уме, смѣло мнѣ представить,
Что трудно злонравному добродѣтель славить,
Что щоголь, скупецъ, ханжа, и такимъ подобны
Науку должны хулить,—да рѣчи ихъ злобны
Умнымъ людямъ не уставъ, плюнуть на нихъ можно.
Изряденъ, хваленъ твой судъ; такъ бы то быть должно,
Да въ нашъ вѣкъ злобныхъ слова умными владѣютъ.
А къ тому жъ не только тѣхъ науки имѣютъ
Недрузей, которыхъ я, краткости радѣя,
Исчелъ, иль правду сказать, могъ исчесть смѣлѣя.
Полно ль того? Райскихъ вратъ ключари святые,
И имъ же Ѳемисъ вѣски ввѣрила златые,
Мало любятъ, чуть не всѣ, истинну украсу.
Епископомъ хощешь быть? уберися въ рясу,
Сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата
Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата,
Клобукомъ покрой главу, брюхо бородою,
Клюку пышно повели везти предъ тобою,
Въ каретѣ раздувшися, когда сердце съ гнѣву
Трещитъ, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву;
Долженъ архипастыремъ всякъ тя въ сихъ познати
Знакахъ, благоговѣйно отцемъ называти.
Что въ наукѣ? что съ нее пользы Церкви будетъ?
Иной, пиша проповѣдь, выпись позабудетъ,
Отъ чего доходамъ вредъ; а въ нихъ Церкви права
Лучшія основаны, и вся церкви слава.
Хощешь ли судьею стать? вздѣнь парикъ съ узлами,

Брани того, кто проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ,
Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.
Если жъ кто вспомнитъ тебѣ граждански уставы,
Иль естественный законъ, иль народны правы,
Плюнь ему въ рожу; скажи, что вретъ околесну,
Налагая на судей ту тягость несносну,
Что подьячимъ должно лѣзть на бумажны горы,
А судьѣ довольно знать крѣпить приговоры.
Къ намъ не дошло время то, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ мудрость, и вѣнцы одна раздѣляла,
Будучи способъ одна къ вышшему восходу.
Златой вѣкъ до нашего не дотягнулъ роду;
Гордость, лѣность, богатство, мудрость одолѣло;
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло [9]).
Подъ митрой гордится то [10]), въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ.
Наука ободрана въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ страдавши на морѣ корабельной службы.
Всѣ кричатъ: ни какой плодъ не видѣнъ съ науки;
Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки.
Коли кто карты мѣшать, разныхъ винъ вкусъ знаетъ
Танцуетъ, на дудочкѣ пѣсни три играетъ;
Смыслитъ искусно прибрать въ своемъ платьѣ цвѣты:
Тому ужъ и въ самые молодыя лѣты
Всякая высша степень, мзда ужъ не велика; [11])
Седми мудрецовъ себя достойнымъ мнитъ лика.

---

9. Т. е. сѣло выше мѣстомъ.
10. *То* т. е. невѣжество.
11. Каждый высокій чинъ ужъ не великая награда.

Нѣтъ правды въ людяхъ, кричитъ безмозглый церковникъ;
Еще не Епископъ я, а знаю часовникъ,
Псалтырь и посланія бѣгло честь умѣю,
Въ Златоустѣ не запнусь, хоть не разумѣю.
Воинъ ропщетъ, что своимъ полкомъ не владѣетъ,
Когда ужъ имя свое подписать умѣетъ.
Писецъ тужитъ, за сукномъ что не сидитъ краснымъ,
Смысля дѣло набѣло списать письмомъ яснымъ,
Обидно себѣ быть, мнитъ, въ незнати старѣти,
Кому въ родѣ семь бояръ случилось имѣти,
И двѣ тысячи дворовъ за собой считаетъ,
Хотя впрочемъ ни читать, ни писать не знаетъ.
Таковы слыша слова, и примѣры видя,
Молчи, уме, не скучай въ незнатности сидя.
Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится.
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, въ себѣ разсуждая
Пользу наукъ; не ищи, изъясняя тую,
Вмѣсто похвалъ, что ты ждешь, достать хулу злую.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ САТИРѢ ПЕРВОЙ.

Сатира сія есть первый опытъ стихотворца въ семъ родѣ стиховъ; писана въ концѣ 1729 года, въ двадесятое лѣто его возраста. Презираетъ онъ въ ней невѣжъ и нелюбящихъ наукъ, чего для и надписана была: *на хулящихъ ученіе*. Писалъ онъ ее для одного только препровожденія своего времени, не намѣренъ будучи обнародить; но по случаю одинъ изъ его пріятелей,

выпросивъ ее прочесть, сообщилъ Θеофану, Архіепископу Новогородскому, который ее вездѣ съ похвалами стихотворцу разсѣялъ, и, возвращая сочинителю, приложилъ похвальные стихи, и въ даръ къ нему прислалъ книгу. называемую *Гиралдія о богахъ и стихотворцахъ*. Тому Архипастырю слѣдуя, Архимандритъ Кроликъ многіе въ похвалу стихотворцу стихи написалъ (которые вмѣстѣ съ Θеофановыми въ началѣ книжки приложены), чѣмъ онъ, ободренъ будучи, далѣе прилежать началъ къ сочиненію Сатиръ.

Стихъ 1. *Уме недозрѣлый плодъ и проч.* Тутъ наука значитъ *наставленіе*, дѣйство того, кто другаго учитъ; такъ въ пословицѣ говоримъ: *Плеть не мука, да впредь наука*.

Ст. 4. *Творцемъ не слыти.* Творецъ тожъ, что сочинитель или издатель книги, съ латинскаго *Авторъ*.

Ст. 5. *Не трудные въ нашъ вѣкъ*. Слова *въ нашъ вѣкъ* посмѣшкою вставлены. Путь къ истинной славѣ всегда бывалъ весьма труденъ; но въ нашъ вѣкъ легко многими дорогами къ ней дойдти можно, понеже не нужны намъ уже добродѣтели къ ея пріобрѣтенію.

Ст. 7. и 8. *Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы проклали девять сестръ*. Всего труднѣе славы добиться чрезъ науки. *Девять сестръ*, Музы, богини и изобрѣтательницы наукъ, Юпитера и Памяти дочери. Имена ихъ Кліо, Уранія, Евтерпе, Ератонъ, Θалія, Мелпомене, Терпсихоре, Калліопе и Полимнія. Обычайно имя Музъ стихотворцы за самыя науки употребляютъ. *Босы*, сирѣчь убогіе, для того, что рѣдко ученые люди богаты.

Ст. 13. *Разцвѣчена мрамором саду*. Украшеннаго статуями или столбами и другими зданіями мраморными.

Ст. 14. *Овцы не прибавитъ*. Человѣкъ чрезъ науки не разбогатѣетъ: каковъ отъ отца ему оставленъ доходъ, таковъ останется; ничего къ нему не прибавитъ.

Ст. 15. *Въ нашемъ молодомъ Монархѣ*. О Петрѣ Второмъ говоритъ, который вступалъ тогда въ пятое на десять лѣто своего возраста, рожденъ бывъ 12 октября 1715 года.

Ст. 17. *Аполлинъ.* Сынъ Юпитера и Латоны, братъ Діаны. У древнихъ за бога наукъ и начальника Музъ почитанъ.

Ст. 18. и 19. *Чтяща свою свиту, видѣлъ его самого.* Въ Аполлоновой свитѣ находятся Музы. Петръ II, собою показалъ образъ почитанія наукъ. Прежде самъ, пока не былъ обремененъ правленіемъ государства, обучался приличнымъ такой Высочайшей Особѣ наукамъ. До возшествія на престолъ Его Величество имѣлъ учителя Зейкана, родомъ Венгерца; а потомъ въ 1727 году взятъ для наставленія Его Величества Христіанъ Гольдбахъ, Санктпетербургской Академіи Наукъ секретарь. По прибытіи своемъ въ Москву, Его Величество изволилъ подтвердить привиллегіи Академіи Наукъ, учредивъ порядочные и постоянные доходы профессорамъ и прочимъ служителямъ того училища.

Ст. 20. *Жителей Парнасскихъ.* Парнассъ есть гора въ Фоцидѣ, провинціи Греческой, посвященная Музамъ, на которой онѣ свое жилище имѣютъ. Ученые люди фигурально парнасскими жителями называются. Симъ стихомъ стихотворецъ припоминаетъ великодушіе Монарха къ учителямъ, которые на Его Величества иждивеніи тщатся пріумножить науки и ученыхъ людей.

Ст. 23. *Расколы и ереси.* Хотя то правда, что почти всѣ ересей начальники были ученые люди; однакожъ изъ того не слѣдуетъ, что тому причина была ихъ наука, понеже много ученыхъ, которые не были еретики. Таковъ есть святой Павелъ Апостолъ, Златоустый, Василій Великій и прочіе. Огонь служитъ и нагрѣвать и раззорять людей въ конецъ. Пользуетъ огонь, ежели употребленіе его добро; вредитъ, ежели употребленіе зло. Подобно и наука; однако для того ни огонь, ни наука не злы, но золъ тотъ, кто ихъ употребляетъ во зло. Между тѣмъ и то примѣтно, что въ Россіи расколы больше отъ глупости, чѣмъ отъ ученія раждаются; суевѣріе же есть истое невѣжества порожденіе.

Ст. 25. *Приходитъ въ безбожіе.* Обыкновенно невѣжъ мнѣніе есть, что всѣ, которые много книгъ читаютъ, напослѣдокъ не признаютъ Бога. Весьма то ложно, потому что сколько кто

величество и изрядный порядокъ твари познаетъ, что́ удобнѣе отъ чтенія книгъ бываетъ, столько больше чтить Творца природнымъ смысломъ убѣждается; а невѣжество приводитъ въ злыя весьма о божествѣ мнѣнія, какъ напримѣръ Богу члены и страсти человѣческія приписывать.

Ст. 26. *Критонъ съ чотками въ рукахъ ворчитъ.* Вымышленнымъ именемъ Критона (каковы будутъ всѣ въ слѣдующихъ Сатирахъ) означается притворнаго богочтенія человѣкъ, невѣжа и суевѣрный, который наружности закона существу его предпочитаетъ для своей корысти.

Ст. 41. *Силванъ другую вину.* Подъ именемъ Силвана означенъ старинный скупой дворянинъ, который объ одномъ своемъ помѣстьѣ радѣетъ, охуждая то, что къ умноженію его доходовъ не служитъ.

Ст. 45. *Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали.* Не гораздо ли смѣшно приписывать наукамъ въ вину то, что́ отъ одной лѣности земледѣльцевъ, или отъ непорядочнаго воздуха происходить можетъ.

Ст. 49. *Доводъ, порядокъ въ словахъ.* Тому учатъ витійство, а наипаче Логика, которыя дѣло есть право о всякомъ дѣлѣ разсуждать, и то другому ясными доказать доводами.

Ст. 51. *Кто души силу и предѣлы.* Въ семъ стихѣ о метафизикѣ говорится, которая разсуждаетъ о сущемъ вообще, и о свойствахъ души и духовъ.

Ст. 53. *Строй міра и вещей вывѣдать премѣну иль причину.* Физика испытываетъ составъ міра и причину, или различіе всѣхъ вещей въ мірѣ.

Ст. 60. *Чтобъ вызнать рудъ свойство.* Химія тому учитъ. Слово *руда* значитъ металлъ, каково есть золото, серебро, мѣдь, желѣзо и прочая.

Ст. 63. *Травъ, болѣзней знаніе.* То-есть, Медицина или врачебная наука.

Ст. 64. *Ищетъ въ рукѣ знаки.* Доктора, желая узнать силу болѣзни, щупаютъ въ рукѣ больнаго удареніе жилы, отъ чего познаваютъ, каково теченіе крови, и слѣдовательно слабость или жестокость болѣзни.

Ст. 68. *Внутрь никто видѣлъ живо тѣло.* То-есть, хотя анатомисты и знаютъ тѣла составъ и состояніе, однако нельзя отъ того разсудить о тѣхъ непорядкахъ, которые въ живомъ человѣкѣ случаются, понеже еще никто не видалъ, каково есть движеніе внутреннихъ человѣка.

Ст. 71. *Къ чему звѣздъ теченіе числить.* Объ Астрономіи тутъ слово идетъ.

Ст. 72. *За однимъ пятномъ.* Въ солнцѣ и въ планетахъ астрономы пятна съ любопытствомъ примѣчаютъ, признавая по онымъ время, въ которое они около своего центра вертятся. При соединеніи двухъ планетъ случается то, что нижняя пятномъ кажется въ высшей планетѣ. Въ лунѣ усматриваются подвижныя пятна, которыя чаятельно суть тѣни ея высокихъ горъ. Смотри Фонтенелла о *множествѣ міровъ.*

Ст. 74. *Солнце ль движется или мы съ землею.* Фонтенеллъ о множествѣ міровъ вечеръ I. Два, говоритъ, мнѣнія имѣютъ астрономы о системѣ свѣта: первое и старое, въ которомъ земля за среднюю точку всея системы полагается и неподвижна стоитъ, а около ея планеты: Солнце, Сатурнъ, Юпитеръ, Меркурій, Луна и Венера, вертятся, всякая въ извѣстное время. Сія система, по Птоломею, своему изобрѣтателю, называется *Птоломеевою*; другая, по которой солнце неподвижно (но около самого себя обращающееся) поставляется, а прочія планеты, между которыми есть и земля, всякая въ учрежденное время около его вертятся. Луна уже не планета, но спутникъ земли, около которой кругъ свой совершаетъ въ 29 дней. Систему сію выдумалъ Коперникъ ~~Нѣмчинъ~~, и для того *Коперническою* называется. Есть и третія система, Тихобрагова, Датчанина родомъ, которая однакожь изъ прежнихъ двухъ составлена; ибо онъ съ Птоломеемъ согласуется въ томъ, что земля стоитъ, и что солнце около ея вертится, но съ Копернико̀мъ всѣхъ прочихъ планетъ движеніе около солнца поставляетъ.

Ст. 77. *Въ четверти дѣлить безъ Евклида смыслимъ.* Четверть есть часть земли, или пашни въ 20 саженъ ширины и 80 длины. Евклидъ былъ славный математикъ Александрійскій,

гдѣ во время Птоломея Лага Математикѣ обучалъ за 300 лѣтъ до Рождества Христова. Трудовъ его у насъ между прочимъ остались Елементы, содержащіе въ 15-ти книгахъ основаніе всей Геометріи.

Ст. 78. *Безъ Алгебры.* Алгебра есть часть Математики весьма трудная, но и преполезная, служащая къ рѣшенію труднѣйшихъ задачъ въ Математикѣ. Можно назвать ее генеральною Ариѳметикою, поколику части ея по большей мѣрѣ между собою сходны, кромѣ того, что Ариѳметика употребляетъ для всякаго числа особливые знаки, а Алгебра генеральные, которые всякому числу приличествуютъ. Сія наука въ Европу пришла отъ Араповъ, которыхъ мнятъ быть ея изобрѣтателями; имя самое Алгебры есть Арапское, которые ее называютъ *Алжабръ Валмукабала*, то-есть, наверстать или соравнять.

Ст. 83. *Румяный трожды рыгнувъ Лука.* Лука пьяница, съ вина румяный, и съ вина часто рыгая, говоритъ и проч.

Ст. 85. *Къ сообществу Божія тварь стали.* Богъ насъ создалъ для сообщества.

Ст. 88. *Для мертвыхъ друзей*, то-есть, для книгъ.

Ст. 95. *Вино даръ Божественный.* Горацій нѣчто подобное говоритъ въ слѣдующихъ стихахъ своего V письма, книги I.

Quid non ebrietas designat operta recludit:
Spes iubet esse ratas: in prælia trudit inermem;
Sollicitis animis onus eximit: addocet artes
Fecundi calices quem non fecere disertum!
Contracta quem non in paupertate solutum!

Ст. 101. *Когда по небу.* Подражаніе изъ слѣдующихъ Овидіевыхъ стиховъ, 7-й его Элегіи:

In caput alta suum labentur ab aequore retro
Flumina, conversis solque recurret equis:
Terra fere stellas, coelum findetur aratro:
Unda dabit flammas, et dabit ignis aquas.

Ст. 107. *Медоръ.* Щоголь тѣмъ именемъ означенъ.

Ст. 109. *Завертыть завитыя кудри.* Когда хотимъ волосы завивать, то по малому пучку завиваемъ, и обвертѣвъ тѣ

пучки бумагою, горячими желѣзными щипцами ихъ нагрѣваемъ, и такъ прямые волосы въ кудри претворяются.

Ст. 110. *Не смѣнитъ на Сенеку*, то-есть, не смѣнитъ на книгу Сенекину фунтъ пудры. Сенека былъ философъ секты Стоической, учитель Нерона, императора римскаго, отъ котораго убитъ лѣта Христова 65: сего Сенеки есть многія, и почти лучшія изъ древнихъ, нравоучительныя книги.

Ст. 111. *Предъ Егоромъ Виргилій*. Егоръ былъ славный сапожникъ въ Москвѣ, умеръ 1729. Виргилій, стихотворецъ латинскій, былъ сынъ нѣкоего горшечника изъ мѣстечка Аиды, въ провинціи Мантуанской, гдѣ родился 15 октября въ 684 лѣто по созданіи Рима, то-есть въ 27-е предъ Рождествомъ Христовымъ. За его превосходный умъ многіе изъ знатнѣйшихъ Римлянъ его любили, между которыми были первые императоръ Августъ, Меценатъ и Полліонъ. Весь ученый свѣтъ дивится стихамъ его, которыми у всѣхъ прославился первымъ стихотворцемъ латинскимъ. Умеръ въ провинціи Калабріи, городѣ Брундѣ, возвращаясь съ Августомъ изъ Греціи, въ лѣто по созданіи Рима 735, въ 51 своего возраста, и погребенъ близъ Неаполя.

Ст. 112. *Рексу, не Цицерону*. Рексъ былъ славный портной въ Москвѣ, родомъ Нѣмчинъ; а Маркъ Туллій Цицеронъ былъ сынъ римскаго дворянина, изъ поколѣнія Тита Тація, короля Сабинскаго. Цицеронъ еще въ молодыхъ своихъ лѣтахъ рѣчи говорилъ въ сенатѣ столь дерзновенно противъ сообщниковъ Катилининыхъ, что убоявся за то на себя нападенія, уѣхалъ въ Грецію, гдѣ у знатнѣйшихъ учителей обучившись, въ такое совершенство привелъ латинское краснорѣчіе, что отцемъ онаго названъ. Въ 691 лѣто по созданіи Рима выбранъ онъ съ Антоніемъ Непотомъ въ консулы, коего повелѣніемъ убитъ въ лѣто по созданіи Рима 711, въ 43 прежде Рождества Христова, и 64 своего возраста: родился 30 января, въ лѣто по созданіи Рима 648.

Ст. 115 и 116. *Когда нѣтъ пользы, ободряетъ къ трудамъ похвала*. Всѣхъ нашихъ дѣйствій есть двѣ побуждающія причины, польза и похвала. Не обыкли люди, или рѣдко слѣдуютъ добродѣтели, для того, что она сама собою красна.

Ст. 120. *Нежели купцу.* Извѣстно, что купцы наши по большей части великіе охотники до крѣпкаго пива, котораго часто и въ 5 пудъ хмѣлю варю варятъ.

Ст. 126. *Твой судъ.* Твое разсужденіе.

Ст. 131. *Ключари святые.* Церковные пастыри, Епископы.

Ст. 132. *Имъ же Ѳемисъ вѣски ввѣрила златые.* То есть, судьи. Ѳемисъ, богиня правосудія, дочь Земли и Неба, изображается съ вѣсками въ рукахъ.

Ст. 133. *Мало любятъ чуть не всѣ истинну украсу.* Истинною украсою называетъ стихотворецъ науку: и подлинно невѣжество голо и срамно.

Ст. 135. *Риза полосата.* Епанча изъ шелковой парчи безрукавная, сшита на подолѣ, и разныхъ цвѣтовъ полосами поперегъ испещренна, которую сверхъ всего платья Архіереи надѣваютъ. Обыкновенно *мантіею* называется.

Ст. 136. *Цѣпь отъ злата.* Архіереи, сверхъ рясы, а въ священнослуженіи сверхъ сакоса повѣшенну имѣютъ на шеѣ цѣпочку золотую или серебряную, на которой виситъ образъ на финифти написанный Спасителя, или Богоматери. Обыкновенно цѣпочку сію съ образомъ *панаґіею* называютъ отъ греческаго слова παναγῖα *пресвятая*, которое прилагательное обыкновенно Богородицѣ придается.

Ст. 137. *Брюхо бородою.* Широкую бороду и по брюху распростертую невѣжи священническому чину за особливое украшеніе приписываютъ. Димитрій, Митрополитъ Ростовскій, (писатель Житія Святыхъ) цѣлую книгу сочинилъ противъ суевѣрія простыхъ людей о бородѣ, которая напечатана въ Москвѣ въ 1714 году.

138. *Клюку предъ тобою*, то-есть, *патерицу.* Когда Архіерей выѣзжаетъ со двора, то одинъ изъ его вершниковъ везетъ патерицу епископскую, въ знакъ его церковной власти.

Ст. 140. *Праву и лѣву.* Разумѣется руку.

Ст. 144. *Выпись позабудетъ.* Выпись есть письмо приказное, которымъ судья удостовѣряетъ, что товаръ чистъ, и что съ него въ государственную казну пошлина взята; или подтверждаетъ владѣніе земли, деревни, двора, и проч.

*

Ст. 148. *Кто проситъ съ пустыми руками.* То-есть челобитчикъ, который подарковъ не даетъ, и, прося, судьѣ ничего не подноситъ.

Ст. 151 и 152. *Граждански уставы, иль естественный законъ иль народны правы. Гражданскіе уставы* суть законы, учрежденные отъ государей, для расправы въ судахъ, каково у насъ Уложенье. *Законъ естественный* есть правило, отъ самой натуры намъ предписанное, которое всегда непремѣнно, и безъ котораго никакое сообщество устоять не можетъ. *Народны нравы* суть законы, которые содержать должны народы разныхъ областей, для удобнаго взаимнаго сообщенія и пользы.

Ст. 155. *Льзть на бумажны горы*, то-есть перебирать или читать множество книгъ.

Ст. 157 до 160. *Къ намъ не дошло то и проч.* Не дошло къ намъ то время, когда отъ одной мудрости ожидать должно было человѣку своего награжденія и повышенія въ знатные чины.

Ст. 160. *Златой вѣкъ.* Стихотворцы раздѣляютъ времена на четыре вѣка, а именно: на златой, серебряный, мѣдный и желѣзный, и говорятъ, что въ златомъ вѣкѣ всѣ люди къ одной только добродѣтели прилежали, удаляяся отъ всякихъ пороковъ.

Ст. 163. *Подъ митрой. Митра* есть шапка архіерейская, въ священнослуженіи употребляемая.

Ст. 164. *Судитъ за краснымъ сукномъ.* Во всѣхъ приказахъ столъ, за которымъ судьи засѣдаютъ, покрытъ обычайно краснымъ сукномъ.

Ст. 172. *На дудочкѣ пѣсни три играетъ.* Дудочка тутъ значитъ косую флейту, которая была въ великомъ употребленіи въ то время, когда Сатира сія писана, и почти всѣ молодые люди на ней играть обучались.

Ст. 176. *Седми мудрецовъ.* Славные семь мудрецовъ были: Ѳалесъ, Питтакъ, Віасъ, Солонъ, Клеовулъ, Миносъ и Хилонъ. Нѣкоторые вмѣсто трехъ послѣднихъ включаетъ Періандра, Анахарса и Эпаминонда; а другіе Пизистрата, Трасивула, Милетскаго тиранна, и Ѳеницида Сирскаго. Смотри *Ларея въ житіи седми мудрецовъ* стр. 1.

Ст. 180. *Въ Златоустѣ не запнусь.* Въ Златоустовомъ толкованіи на Евангеліе, которое переведено съ греческаго весьма не ясно.

Ст. 183. *Писецъ*, то-есть *подъячій*.

Ст. 184. *Письмомъ яснымъ*. Наши подъячіе, когда пишутъ, объ одномъ только тщатся, чтобъ письмо ихъ было чотко и красиво; что же до правописанія касается, такъ мало о томъ стараются, что и за излишнее оное почитаютъ, и для того если желаешь какой книги не разумѣть, отдай ее подъячему переписать.

Ст. 186. *Седмь бояръ*. Извѣстно, что боярскій чинъ бывалъ въ великомъ почтеніи; почему знать должно, что благороднымъ звать себя можетъ тотъ, изъ чьего роду семеро честь боярскую имѣли.

Ст. 193. *Мудрость всеблагая*, то-есть, Богъ, Который не только премудръ, но самая Премудрость, къ тому жъ и Всеблагій.

М. В. Ломоносовъ.

Свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ Ломоносова. — М. В. Ломоносовъ родился въ въ 1711 году въ Архангельской губерніи, въ деревнѣ Денисовкѣ. Отецъ его, крестьянинъ Василій Дороѳеевичъ, занимался рыбнымъ промысломъ. Выучившись читать и писать Ломоносовъ съ дѣтства пристрастился къ книгамъ. Перечитывалъ какія только могъ достать книги, особенно Псалтырь Симеона Полоцкаго, Грамматику Смотрицкаго, Ариѳметику Магницкаго, — и рѣшился тайно бѣжать изъ родительскаго дома въ Москву, учиться. Съ рыбнымъ обозомъ прибылъ Ломоносовъ въ Москву и 15 Генваря 1731 года записался въ Заиконоспаское училище. Отсюда съ дозволенія училищнаго начальства Ломоносовъ ѣздилъ въ Кіевъ, въ тамошнюю Духовную Академію, надѣясь найти въ ней средства познакомиться съ Физикою, Математекою и Фило-

софію, науками особенно привлекавшими его вниманіе. Обманувшись въ своихъ надеждахъ Ломоносовъ ранѣе срока вернулся въ Москву. Вскорѣ по его возвращеніи С. Петербургская Академія Наукъ прислала требованіе о высылкѣ въ Академическую Гимназію лучшихъ учениковъ. Въ числѣ отправленныхъ въ С. Петербургъ былъ Ломоносовъ. — Ему было уже 24 года. Благодаря своимъ способностямъ и прилежанію Ломоносовъ былъ замѣченъ и для усовершенствованія въ наукахъ отправленъ за границу, чрезъ 8 мѣсяцовъ по прибытіи въ Петербургъ.

Болѣе половины времени, проведеннаго въ Германіи (всего около 5 лѣтъ, съ Сент. 1736 по Іюнь 1741) Ломоносовъ посвятилъ лекціямъ Марбургскихъ профессоровъ, излагавшихъ ему философію, математику, физику, химію и минералогію. «Философія, по тогдашнему состоянію этой науки, казалась Ломоносову менѣе привлекательною, чѣмъ изученіе точныхъ наукъ, и потому большую часть времени онъ проводилъ въ химической лабораторіи и въ физическомъ кабинетѣ, работая тамъ вмѣстѣ съ своими наставниками, и удивляя ихъ своею необыкновенною смѣтливостью. По прошествіи трехъ лѣтъ Петербургская Академія, получивъ весьма лестные отзывы объ успѣхахъ Ломоносова во всѣхъ наукахъ, распорядилась послать его во Фрейбергъ къ Генкелю съ тѣмъ, чтобы онъ занялся практическую металлургіею и горнымъ дѣломъ. Генкель почитался однимъ отъ знаменитѣйшихъ металлурговъ своего времени. Замѣтивъ въ молодомъ человѣкѣ особенную страсть къ наукѣ, онъ раскрылъ предъ нимъ все богатство своей опытности, и занималъ его по цѣлымъ днямъ въ своей лабораторіи. Въ остальное время, подъ руководствомъ того же профессора, Ломоносовъ посѣщалъ Фрейбергскіе рудники и горные заводы, всегда славившіеся своимъ цвѣтущимъ состояніемъ. Кромѣ того онъ самъ, собственными руками, работалъ въ рудникахъ, и чрезъ то имѣлъ возможность весьма

близко изучить какъ самыя жилы, заключающія руду, такъ и все то, что необходимо для ихъ разработки. Въ довершеніе Фрейбергскаго курса, Ломоносовъ, по совѣту Генкеля, употребилъ еще нѣсколько времени на обозрѣніе сосѣднихъ Богемскихъ горъ и тамошнихъ горныхъ заводовъ. Возвратившись оттуда, онъ отправилъ въ Петербургскую Академію подробное донесеніе о своихъ занятіяхъ во Фрейбергѣ, и въ заключеніе просилъ позволить ему побывать еще на Гарцѣ, для окончательнаго усовершенствованія себя въ горномъ дѣлѣ и въ Металлургіи. Разрѣшеніе ѣхать на Гарцъ пришло Ломаносову въ то время, когда онъ уже возвратился въ Марбургъ. Не получивъ изъ Академіи слѣдующаго ему жалованія, онъ принужденъ былъ отправиться на Гарцъ пѣшкомъ..... На Гарцѣ Ломоносовъ исключительно занимался практикою.

Среди своихъ спеціальныхъ занятій въ Германіи Ломоносовъ находилъ время знакомиться и съ нѣмецкою литературою. Въ нѣмецкой литературѣ того времени преобладало подражательное направленіе. Образцами для нея служили классическіе авторы, но болѣе всего произведенія ложноклассической Французской литературы. Подъ вліяніемъ піитики Буало, возведшаго въ теорію подражаніе классическимъ образцамъ, писали въ Германіи: Каницъ (1654—99), Бессеръ (1654—1729), Кенигъ (1688—1744), Гюнтеръ (1695—1723), Готшедъ (1700—1767). *Гюнтеръ* былъ любимымъ поэтомъ университетской молодежи. Между разными разгульными пѣснями онъ написалъ Оду на Австрійско-Турецкій миръ 1718 г. Знакомство съ послѣднею Ломоносовъ высказалъ въ *Одѣ на взятіе Хотина*, 1739 г., написанной имъ за границею. *Готшедъ*, стоявшій во главѣ нѣмецкихъ писателей ложноклассическаго направленія, повліялъ на Ломоносова своими теоретическими сочиненіями, особенно *Подробною Риторикою*.

По возвращеніи въ Петербургъ Ломоносовъ получилъ мѣ-

сто адъюнкта въ Академіи Наукъ по каѳедрѣ Химіи. Въ 1745 г. произведенъ въ профессоры химіи и экспериментальной физики. Въ этой должности Ломоносовъ оставался до смерти свой, послѣдовавшей въ 1765 г. Какъ академикъ и профессоръ, Ломоносовъ ознаменовалъ себя благородною дѣятельностію на пользу просвѣщенія. Стремясь направить дѣятельность Академіи Наукъ на пользу русскаго общества, Ломоносовъ принужденъ былъ *бороться*, по его собственному выраженію, *съ непріятелями наукъ Россійскихъ, которые не давали возрастать свободно насажденію Петра Великаго*. Въ письмахъ Ломоносова къ покровительствовавшему ему вельможѣ И. И. Шувалову передаются любопытныя автобіографическія свѣдѣнія.

Отъ 10 мая 1753 г. Ломоносовъ пишетъ къ Шувалову о своей прошлой жизни и о любви къ наукамъ: «Высочайшая щедрота несравненныя Монархини нашея, которую я Вашимъ отеческимъ предстательствомъ имѣю, можетъ ли меня отвести отъ люблепія и отъ усердія къ наукамъ, когда меня крайняя бѣдность, которую я терпѣлъ добровольно, отвратить не умѣла. Не примите, Ваше Превосходительство, мнѣ въ самохвальство, что я въ свое защищеніе представить смѣлость принимаю. Обучаясь въ Спаскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли. Съ одной стороны отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужія расхитятъ. Съ другой стороны несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше какъ на денежку хлѣба, и на денежку квасу, протчее на бумагу, на обувь и другія нужды.

Такимъ образомъ жилъ я пять лѣть [1]) и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришолъ латинѣ учиться! послѣ того вскорѣ взятъ я въ Санктпетербургъ и посланъ за море и жалованіе получалъ противъ прежняго въ сорокъ разъ [2]). Оно меня отъ наукъ не отвратило, но по пропорціи своей умножило охоту, хотя силы мои предѣлъ имѣютъ. Я всепокорнѣйше прошу Ваше Превосходительство въ томъ быть обнадежену, что я всѣ свои силы употреблю, чтобы тѣ, которые мнѣ отъ усердія велятъ быть предосторожну, были обо мнѣ безпечальны; а тѣ, которые изъ недоброхотной зависти толкуютъ, посрамлены бы въ своемъ неправомъ мнѣніи были, и знать бы научились, что они своимъ аршиномъ чужихъ силъ мѣрить не должны. Ежели кто еще въ такомъ мнѣніи, что ученой человѣкъ долженъ быть бѣденъ, тому я предлагаю въ примѣръ съ его стороны Діогена, которой жилъ съ собаками въ бочкѣ, и своимъ землякамъ оставилъ пѣсколько остроумныхъ шутокъ для умноженія ихъ гордости, а съ другой стороны Невтона, богатаго Лорда Боила, которой всю свою славу въ наукахъ получилъ употребленіемъ великой суммы; Волфа, которой лекціями и

---

1. *Пять лѣтъ* т. е. съ 1731 г. Генваря 15 по Генварь 1736 г., когда Ломоносовъ былъ взятъ въ Петербургскую Академическую гимназію. Въ собственноручной запискѣ о своей жизни Ломоносовъ говоритъ: «Въ Московскихъ Спаскихъ школахъ записался 1731 г., Генваря 15 числа. Жалованья въ шести нижнихъ школахъ по 3 копейки на день. А въ седмой 4 копейки на день.» (Записки Ак. Н. Т. VII, кн. 2.)

2) «1736 года съ перваго числа по указу Правительствующаго Сената взятъ въ Сант...А Н. По Сентябрь былъ студентомъ при Академіи наукъ жалованья денежнаго не происходило, но содержимъ былъ на Академическомъ коштѣ. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ того же года посланъ въ Германію по кабинетскому указу и тамъ обучался физикѣ, химіи и горныхъ дѣлъ и пріѣхалъ обратно 1741 года въ іюнѣ мѣсяцѣ, жалованья получалъ по 400 рублевъ въ годъ.» (ibid).

подарками нажилъ больше пяти сотъ тысячъ и сверхъ того Баронство; Слоана, въ Англіи, которой послѣ себя такую библіотеку оставилъ, что никто приватно не былъ въ состояніи купить, и для того Парламентъ далъ за нее двадцать тысячъ фунтовъ штерлинговъ.»—

Въ другомъ письмѣ, отъ 31 мая 1753, къ тому же Шувалову, Ломоносовъ передаетъ подробности о ходѣ и разнообразіи своихъ занятій: «Полученное вчерашняго числа отъ 24 маія письмо Вашего Превосходительства, въ которомъ я чувствую непремѣнной знакъ особливой Вашей ко мнѣ милости, премного меня обрадовало, особливо тѣмъ, что вы объявить изволили свое удостовѣреніе о томъ, что я наукъ никогда не оставлю. Въ разсужденіи другихъ не имѣю я никакого особливаго удивленія, за тѣмъ, что они имѣютъ примѣры въ нѣкоторыхъ людяхъ, которые только лишь себѣ путь къ счастію ученіемъ отворили, въ тотъ часъ къ дальнѣйшему происхожденію другія дороги приняли [1]) и способы изыскали, а науки почти совсѣмъ оставили, имѣя у себя патроновъ, которые у нихъ наукъ мало или и ничего не спрашиваютъ, и не какъ Ваше Превосходительство въ разсужденіи меня дѣлъ требуете, довольствуются только однѣмъ ихъ именемъ. Въ помянутыхъ оставившихъ въ своемъ счастіи ученіе людяхъ весьма ясно видѣть можно, что они только одно почти знаютъ, что въ малолѣтствѣ изъ подъ лозы выучились, а будучи въ своей власти, почти никакова знанія больше не присовокупили. Я напротивъ того (позвольте, милостивый государь, не ради тщеславія, но ради моего оправданія объявить истину) имѣючи отца хотя по натурѣ добраго человѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго, и злую и завистливую мачиху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда

1) Намекъ на членовъ Академической канцеляріи Тауберта и Теплова.

сижу по пустому за книгами. Для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, и терпѣть стужу и голодъ, пока я ушелъ въ Спаскія школы. Нынѣ имѣя къ тому по Высочайшей Ея Императорскаго Величества милости совершенное довольство [1]), Вашимъ отеческомъ предстательствомъ, и трудовъ моихъ одобреніе Ваше и другихъ знателей и любителей наукъ, и почти общее въ нихъ удовольствіе и наконецъ уже не дѣтское несовершеннаго возраста разсужденіе, могу ли я нынѣ въ моемъ мужествѣ дать себя посрамить передъ моимъ дѣтствомъ. Однако перестаю сими представленіями утруждать Вашу терпѣливость, вѣдая Ваши справедливыя мнѣнія. И ради того доношу Вашему Превосходительству о томъ, что похвальная Ваша къ наукамъ охота требуетъ. Во первыхъ, что до электрической силы надлежитъ, то изысканы здѣсь два особливые опыты весьма недавно, одинъ господиномъ Рихманомъ [2]) чрезъ машину, а другой мною въ тучѣ; первой, что Мушенброковъ опытъ съ сильнымъ ударомъ можно переносить съ мѣста на мѣсто, отдѣляя отъ машины въ знатное разстояніе около цѣлой версты; чему описаніе и рисунокъ при семъ сообщаю. Второе примѣтилъ у своей громовой машины, 25 числа сего Апрѣля, что безъ грома и молніи, чтобы слышать или видѣть можно было, нитка отъ желѣзнаго прута отходила и за рукою гонялась; а въ 28 число того же мѣсяца, при прохожденіи дождеваго облака безъ всякаго чувствительнаго грому и молніи происходили отъ громовой машины сильные удары съ ясными искрами и съ трескомъ ис-

---

1) Съ 1741 Ломоносовъ получилъ жалованья 1200 р., для производства мозаическихъ работъ получилъ ссуду изъ казны въ 4000 р. и нѣсколько мызъ.

2) *Рихманъ*—профессоръ Академіи, спустя два мѣсяца послѣ письма Ломоносова убитъ при производствѣ опыта надъ электическую силою. О смерти его писалъ Ломоносовъ къ Шувалову: «умеръ господинъ Рихманъ прекрасною смертью, исполня по своей профессіи должность... Между тѣмъ, чтобы сей случай не былъ протолкованъ противу приращенія наукъ, всепокорнѣйше прошу миловать науки.»

далека слышнымъ; что еще нигдѣ не примѣчено, и съ моею давнею теоріею о теплотѣ и съ нынѣшнею о электрической силѣ весьма согласно, и мнѣ къ будущему публичному акту весьма прилично. Оной актъ буду я отправлять съ господиномъ профессоромъ Рихманомъ; онъ будетъ предлагать опыты свои, а я теорію и пользу отъ оной происходящую, къ чему уже я пріуготовляюсь. Что же надлежитъ *до второй части руководства къ краснорѣчію* [1]), то оная уже нарочито далече и въ концѣ Октября мѣсяца уповаю изъ печати выйдетъ, о ускорѣніи которой всячески просить и стараться буду, а письменнаго не присылаю, за тѣмъ что Ваше Превосходительство требовать изволите по листу печатныхъ. *О первомъ томѣ Россійской исторіи* [2]) по обѣщанію моему стараніе прилагаю, чтобы онъ къ новому году письменной изготовился. Ежели кто по своей профессіи и должности читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертаціи, и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости [3]), составляетъ пра-

---

1) Первый томъ руководства къ краснорѣчію изд. въ 1745 г. Слѣдующіе томы изданы не были и считаются потерянными.

2) Россійскою исторіею Л-въ сталъ заниматься съ 1750—1751 г. по волѣ Императрицы и по желанію Шувалова. Занятіе это, отвлекавшее Л-ва отъ химіи физики, шло медленно, не смотря на постоянныя настоянія Шувалова. Въ 1755 Шуваловъ предлагалъ Л-ву для исторіи оставить занятія естественными науками. Ломоносовъ отвѣчалъ на это письмомъ: «что же до другихъ моихъ въ физикѣ и въ химіи упраженій касается, чтобы ихъ вовсе покинуть, то нѣтъ въ томъ *ни нужды, ниже возможности*. Всякъ человѣкъ требуетъ себѣ отъ трудовъ успокоенія: для того оставивъ настоящее дѣло, ищетъ съ себѣ съ гостями или съ домашними препровожденія времени, картами, шашками и другими забавами, а иные и табачнымъ дымомъ; отъ чего я уже давно отказался, за тѣмъ, что не нашелъ въ нихъ ничего кромѣ скуки. И такъ уповаю, что и мнѣ на успокоеніе отъ трудовъ, которые я на собраніе и на сочиненіе Россійской исторіи полагаю, позволено будетъ въ день нѣсколько часовъ времени, чтобы ихъ вмѣсто бильарду употребить на физическіе и химическіе опыты, которые мнѣ не токмо отмѣною матеріи вмѣсто забавы, но и движеніемъ вмѣсто лекарства служить имѣютъ: *и сверьхъ сего пользу и честь отечеству конечно принести могутъ, едва меньше ли первой.*»

3) Академики, по существовавшимъ тогда обычаямъ, на всякое торжество обязаны были писать эмблемы, надписи, составлять программы празднествъ и т. п.

вила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ и исторіи своего отечества, и долженъ еще на срокъ поставить, отъ того я больше требовать не имѣю, и готовъ бы съ охотою имѣть терпѣніе, когда бы только что путное родилось».—

Сочиненія Ломоносова разнообразнаго содержанія, но главнымъ образомъ распадаются на два отдѣла: 1) физико-математическій, 2) литературно-историческій.

Къ первому отдѣлу принадлежатъ: 1) Слово первое, о пользѣ химіи. 2) Слово второе, о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ. 3) Слово третіе, о происхожденіи свѣта, новую теорію о цвѣтахъ представляющее. 4) Слово четвертое, о рожденіи металловъ отъ трясенія земли. 5) Разсужденіе о большей точности морскаго пути. 6) Явленіе Венеры на солнцѣ. 7) первыя основанія металлургіи, въ 2-хъ частяхъ, съ двумя прибавленіями.

Естествознаніе составляло любимую область занятій для Ломоносова, было его призваніемъ, которому онъ не отдался всецѣло потому только, что тогдашнее состояніе образованія Россіи вызывало его на разные вопросы, заставляло дробить свою дѣятельность. Въ письмѣ къ знаменитому математику Эйлеру самъ Ломоносовъ такъ опредѣляетъ характеръ своей литературной дѣятельности: «Я принужденъ играть здѣсь (т. е. въ Россіи) роль не только поэта, оратора, химика и физика, но теперь почти совершенно превращаюсь въ историка.» При всемъ томъ въ естественныхъ наукахъ Ломоносовъ стоялъ наравнѣ съ передовыми учеными запада, а въ нѣкоторыхъ частныхъ вопросахъ опередилъ свое время.

Къ отдѣлу историко-литературныхъ трудовъ относятся: 1) Письмо о правилахъ Россійскаго Стихотворства, приложенное къ Одѣ на взятіе Хотина (1739), 2) Краткое руководство къ краснорѣчію (1748), 3) Россійская Грамматика (1755), 4) О пользѣ книгъ церковныхъ въ Россійскомъ языкѣ, 5) Краткій Россійскій

Лѣтописецъ съ родословіемъ (1760), 6) Древняя Россійская исторія, до 1054 (изд. по смерти Л-ва въ 1766), 7) Записка объ обязанности духовенства, 8) Разсужденіе о размноженіи и сохраненіи Россійскаго народа въ письмѣ къ И. И. Шувалову (1761). Послѣднее произведеніе составляетъ только часть изъ предположенныхъ Ломоносовымъ записокъ о современномъ положеніи Россіи, о ея экономическихъ и нравственныхъ нуждахъ.—Въ этой части Ломоносовъ касается важныхъ сторонъ Русской жизни: указываетъ на браки въ слишкомъ молодые годы, на постриженіе молодыхъ вдовыхъ священниковъ въ монахи, на народныя суевѣрія, вредные утвердившіеся обычаи, на недостатокъ медиковъ и аптекъ, на разбои и народную грубость.—Разоблачая вредныя явленія жизни, Ломоносовъ указываетъ и средства, служащія къ ихъ искорененію.—Многія изъ мѣръ, предлагаемыхъ имъ, осуществлены позднѣе правительственными распоряженіями.

Къ произведеніямъ литературнымъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, относятся: 1) Слово Похвальное Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, 2) Слово Похвальное Петру Великому, 3) Слово Благодарственное Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ на торжественной инавгураціи С.-Петербургскаго Университета, 4) 11 духовныхъ одъ, 5) 19 похвальныхъ одъ, 6) 49 похвальныхъ надписей и нѣсколько мелкихъ стихотвореній на разные случаи, 7) Петръ Великій, героическая поэма, 8) Тамира и Селимъ, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, 9) Демофонтъ, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ.

Происхожденіе похвальныхъ надписей, эмблемъ указано выше: сочиненіе ихъ входило въ число обязанностей академика. Трагедіи сочинялись также по заказу. Въ 1750 г. начались при дворѣ русскіе спектакли. Репертуаръ сцены былъ очень скуденъ, и указомъ предписано было профессорамъ академіи Тредьяковскому и Ломоносову сочинить по трагедіи. Ломоносовъ написалъ Тамиру и Селимъ, которая и была въ 1751 г.

поставлена на сцену. Чрезъ годъ издана была и другая трагедія Демофонтъ.

Въ одахъ, трагедіяхъ, похвальныхъ словахъ Ломоносовъ переносилъ ложноклассическое направленіе въ Русскую литературу. Но помимо своей искусственной формы сочиненія эти замѣчательны по своему содержанію, по тѣмъ мыслямъ, которыя влагалъ въ нихъ Ломоносовъ, а главное по своему языку. *Грамматика Русскаго языка и Разсужденіе о пользѣ церковныхъ книгъ*, подкрѣпленныя собственными произведеніями Ломоносова, произвели эпоху въ исторіи Русскаго языка и литературы. Трудами древнихъ русскихъ писателей, отъ начала письменности и до конца 17 в., выработался особый книжный языкъ, сложившійся изъ обоюднаго вліянія языковъ древнеболгарскаго и Русскаго, языкъ, представляющій пеструю смѣсь словъ и формъ церковнославянскихъ и русскихъ. Въ 17 вѣкѣ и въ началѣ 18 в. къ этой смѣси примѣшалось множество словъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ, Польскаго и Западноевропейскихъ. Ломоносовъ очистилъ книжную рѣчь отъ наплыва чужихъ словъ и положилъ рѣзкую грань между языкомъ церковнославянскимъ и Русскимъ, отстранивши навсегда церковнославянскія формы склоненій и спряженій. Оставлены Ломоносовымъ церковнославянскія слова, необходимыя по его мнѣнію для высокаго штиля сочиненій.

О ПОЛЬЗѢ

книгъ церковныхъ въ Россійскомъ языкѣ.

Въ древнія времена, когда Славенскій народъ не зналъ употребленія письменно изображать свои мысли, которыя тогда были тѣсно ограничены, для невѣденія многихъ вещей и дѣйствій, ученымъ народамъ извѣстныхъ; тогда и языкъ его не

могъ изобиловать такимъ множествомъ реченій и выраженій разума, какъ нынѣ читаемъ. Сіе богатство больше всего пріобрѣтено купно съ Греческимъ Христіанскимъ закономъ, когда церковныя книги переведены съ Греческаго языка на Славенскій для славословія Божія. Отмѣнная красота, изобиліе, важность и сила Еллинскаго слова, коль высоко почитается; о томъ довольно свидѣтельствуютъ словесныхъ наукъ любители. На немъ, кромѣ древнихъ Гомеровъ, Пиндаровъ, Демосѳеновъ и другихъ въ Еллинскомъ языкѣ Героевъ, витійствовали великіе Христіанскія церкви Учители и Творцы, возвышая древнее краснорѣчіе высокими Богословскими догматами и пареніемъ усерднаго пѣнія къ Богу. Ясно сіе видѣть можно, вникнувшимъ въ книги церковныя на Славенскомъ языкѣ, коль много мы отъ переводу ветхаго и новаго завѣта, поученій отеческихъ, духовныхъ пѣсней Дамаскиновыхъ и другихъ творцовъ каноновъ видимъ въ Славенскомъ языкѣ Греческаго изобилія, и оттуду умножаемъ довольство Россійскаго слова, которое и собственнымъ своимъ достаткомъ велико и къ пріятію Греческихъ красотъ посредствомъ Славенскаго сродно. Правда, что многія мѣста оныхъ переводовъ не довольно вразумительны; однако польза наша весьма велика. При семъ хотя нельзя прикословить, что съ начала переводившіе съ Греческаго языка книги на Славенскій не могли миновать и довольно остеречься, что бы не принять въ переводъ свойствъ Греческихъ Славенскому языку странныхъ; однако оныя черезъ долготу времени слуху Славенскому перестали быть противны, но вошли въ обычай. И такъ что предкамъ нашимъ казалось невразумительно, то намъ нынѣ стало пріятно и полезно.

Справедливость сего доказывается сравненіемъ Россійскаго языка съ другими ему сродными. Поляки, преклонясь издавна въ Католицкую вѣру, отправляютъ службу, по своему обряду, на Латинскомъ языкѣ, на которомъ ихъ стихи и молитвы сочинены во времена варварскія, по большей части отъ ху-

дыхъ авторовъ, и потому ни изъ Греціи, ни отъ Рима не могли снискать подобныхъ преимуществъ, каковы въ нашемъ языкѣ отъ Греческаго пріобрѣтены. Нѣмецкій языкъ по то время былъ убогъ, простъ и безсиленъ, пока въ служеніи употреблялся языкъ Латинскій. Но какъ нѣмецкій народъ сталъ священныя книги читать и службу слушать на своемъ языкѣ, тогда богатство его умножилось, и произошли искусные писатели. Напротивъ того въ Католицкихъ областяхъ, гдѣ только одну Латынь, и то варварскую, въ служеніи употребляютъ, подобнаго успѣха въ чистотѣ Нѣмецкаго языка не находимъ.

Какъ матеріи, которыя словомъ человѣческимъ изображаются, различествуютъ по мѣрѣ разной своей важности; такъ и Россійскій языкъ чрезъ употребленіе книгъ церковныхъ по приличности имѣетъ разныя степени, высокой, посредственной и низкой. Сіе происходитъ отъ трехъ родовъ реченій Россійскаго языка. Къ первому причитаются, которыя у древнихъ Славянъ и нынѣ у Россіянъ общеупотребительны, напримѣръ: Богъ, слава, рука, нынѣ, почитаю. Ко второму принадлежатъ, кои хотя обще употребляются мало, а особливо въ разговорахъ; однако всѣмъ грамотнымъ людямъ вразумительны, напримѣръ: отверзаю, Господень, насажденный, взываю. Не употребительныя и весьма обветшалыя отсюда выключаются, какъ: обаваю, рясны, овогда, свѣнѣ и симъ подобныя. Къ третьему ряду относятся, которыхъ нѣтъ въ остаткахъ Славенскаго языка, то-есть въ церковныхъ книгахъ, напримѣръ: говорю, ручей, которой, пока, лишь. Выключаются отсюда презрѣнныя слова, которыхъ ни въ какомъ штилѣ употребить не пристойно, какъ только въ подлыхъ комедіяхъ.

Отъ разсудительнаго употребленія и разбору сихъ трехъ родовъ реченій, раждаются три штиля: высокой, посредственной и низкой. Первой составляется изъ реченій Славенороссійскихъ, то есть, употребительныхъ въ обоихъ нарѣчіяхъ,

и изъ Славенскихъ Россіянамъ вразумительныхъ и не весьма обветшалыхъ. Симъ штилемъ составляться должны Героическія Поэмы, Оды, прозаичныя рѣчи о важныхъ матеріяхъ, которымъ они отъ обыкновенной простоты къ важному великолѣпію возвышаются. Симъ штилемъ преимуществуетъ Россійскій языкъ предъ многими нынѣшними Европейскими, пользуясь языкомъ Славенскимъ изъ книгъ церковныхъ.

Средней штиль состоять долженъ изъ реченій больше въ Россійскомъ языкѣ употребительныхъ, куда можно принять нѣкоторыя рѣченія Славенскія въ высокомъ штилѣ употребительныя, однако съ великою осторожностію, чтобы слогъ не казался надутымъ. Равнымъ образомъ употребить въ немъ можно низкія слова; однако остерегаться, что бы не опуститься въ подлость. И словомъ, въ семъ штилѣ должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тѣмъ теряется, когда реченіе Славенское положено будетъ подлѣ Россійскаго простонароднаго. Симъ штилемъ писать всѣ театральныя сочиненія, въ которыхъ требуется обыкновенное человѣческое слово къ живому представленію дѣйствія. Однако можетъ и перваго рода штиль имѣть въ нихъ мѣсто, гдѣ потребно изобразить геройство и высокія мысли; въ нѣжностяхъ должно отъ того удаляться. Стихотворныя дружескія письма, сатиры, еклоги и елегіи сего штиля больше должны держаться. Въ прозѣ предлагать имъ пристойно описанія дѣлъ достопамятныхъ и ученій благородныхъ.

Низкой штиль принимаетъ реченія третьяго рода, то есть, которыхъ нѣтъ въ Славенскомъ діалектѣ, смѣшивая со средними, а отъ Славенскихъ обще неупотребительныхъ вовсе удаляться, по пристойности матерій, каковы суть комедіи, увеселительныя епиграммы, пѣсни; въ прозѣ дружескія письма, описанія обыкновенныхъ дѣлъ. Простонародныя низкія слова могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію. Но всего

сего подробное показаніе надлежитъ до нарочнаго наставленія о чистотѣ Россійскаго штиля.

Сколько въ высокой Поэзіи служатъ однѣмъ реченіемъ Славенскимъ сокращенныя мысли, какъ причастіями и дѣепричастіями, въ обыкновенномъ Россійскомъ языкѣ употребительными; то всякъ чувствовать можетъ, кто въ сочиненіи стиховъ испыталъ свои силы.

Сія польза наша, что мы пріобрѣли отъ книгъ церковныхъ богатство въ сильному изображенію идей важныхъ и высокихъ, хотя велика; однако еще находимъ другія выгоды, каковыхъ лишены многіе языки, и сіе во первыхъ по мѣсту.

Народъ Россійскій по великому пространству обитающій, не взирая на дальное разстояніе, говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ другу языкомъ въ городахъ и въ селахъ. Напротивъ того, въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, напримѣръ, въ Германіи, Баварской крестьянинъ мало разумѣетъ Мекленбургскаго, или Бранденбургской Швабскаго, хотя всѣ того жъ Нѣмецкаго народа.

Подтверждается вышепомянутое наше преимущество живущими за Дунаемъ народами Славенскаго поколѣнія, которые Греческаго исповѣданія держатся. Ибо хотя раздѣлены отъ насъ иноплеменными языками; однако для употребленія Славенскихъ книгъ церковныхъ говорятъ языкомъ, Россіянамъ довольно вразумительнымъ, который весьма много съ нашимъ парѣчіемъ сходнѣе, нежели Польской, не взирая на безразрывную нашу съ Польшею пограничность.

По временижъ, разсуждая, видимъ, что Россійскій языкъ отъ владѣнія Владимирова до нынѣшняго вѣку, больше семи сотъ лѣтъ, не столько отмѣнился, чтобы стараго разумѣть не можно было: не такъ какъ многіе народы не учась не разумѣютъ языка, которымъ предки ихъ за четыреста лѣтъ писали, ради великой его перемѣны случившейся черезъ то время.

Разсудивъ таковую пользу отъ книгъ церковныхъ Славен-

скихъ въ Россійскомъ языкѣ, всѣмъ любителямъ отечественнаго слова безпристрастно объявляю, и дружелюбно совѣтую, увѣрясь собственнымъ своимъ искусствомъ, дабы съ прилежаніемъ читали всѣ церковныя книги, отъ чего къ общей и къ собственной пользѣ воспослѣдуетъ: 1) По важности освященнаго мѣста церкви Божіей, и для древности чувствуемъ въ себѣ къ Славенскому языку нѣкоторое особливое почитаніе, чѣмъ великолѣпныя сочинитель мысли сугубо возвыситъ. 2) Будетъ всякъ умѣть разбирать высокія слова отъ подлыхъ, и и употреблять ихъ въ приличныхъ мѣстахъ по достоинству предлагаемой матеріи, наблюдая равность слога. 3) Такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго Славенскаго языка купно съ Россійскимъ, отвратятся дикія и странныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту изъ Греческаго, и то еще чрезъ Латинской. Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ, и къ упадку преклоняютъ. Сіе все показаннымъ способомъ пресѣчется, и Россійскій языкъ въ полной силѣ, красотѣ и богатствѣ перемѣнамъ и упадку не подверженъ утвердится, коль долго церковь Россійская славословіемъ Божіимъ на Славенскомъ языкѣ украшаться будетъ.

Сіе краткое напоминаніе довольно къ движенію ревности въ тѣхъ, которые къ прославленію Отечества природнымъ языкомъ усердствуютъ, вѣдая, что съ паденіемъ онаго безъ искусныхъ въ немъ писателей, не мало затмится слава всего народа. Гдѣ древній языкъ Ишпанской, Галской, Британской и другіе съ дѣлами оныхъ народовъ? Не упоминаю о тѣхъ, которые въ прочихъ частяхъ свѣта у безграмотныхъ жителей во многіе вѣки чрезъ преселенія и войны разрушились. Бывали и тамъ Герои, бывали отмѣнныя дѣла въ

обществахъ, бывали чудныя въ натурѣ явленія; но всѣ въ глубокомъ невѣденіи погрузились. Горацій говоритъ:

Герои были до Атрида;
Но древность скрыла ихъ отъ насъ:
Что дѣлъ ихъ не оставилъ вида
Безсмертный стихотворцевъ гласъ.

Счастливы Греки и Римляне передъ всѣми древними Европейскими народами. Ибо хотя ихъ владѣнія разрушились, и языки изъ общенароднаго употребленія вышли; однако изъ самыхъ развалинъ сквозь дымъ, сквозь звуки въ отдаленныхъ вѣкахъ, слышенъ громкой голосъ писателей, проповѣдающихъ дѣла своихъ Героевъ, которыхъ любленіемъ и покровительствомъ ободрены были превозносить ихъ купно съ отечествомъ. Послѣдовавшіе поздные потомки, великою древностію и разстояніемъ лѣтъ отдѣленные, внимаютъ имъ съ такимъ-же движеніемъ сердца, какъ бы ихъ современные одноземцы. Кто о Гекторѣ и Ахиллесѣ читаетъ у Гомера безъ рвенія? Возможно ли безъ гнѣва слышать Цицероновъ громъ на Катилину? Возможно ли внимать Гораціевой Лирѣ, не склонясь духомъ къ Меценату, равно какъ бы онъ нынѣшнимъ наукамъ былъ покровитель? Подобное счастіе оказалось нашему Отечеству отъ просвѣщенія Петрова, и дѣйствительно настало и оставалось щедротою Великія Его Дщери. Ею ободренныя въ Россіи словесныя науки не дадутъ никогда придти въ упадокъ Россійскому слову. Станутъ читать самые отдаленные вѣки великія дѣла Петрова и Елисаветина вѣку, и равно, какъ мы чувствовать сердечныя движенія. Какъ не быть нынѣ Виргиліямъ и Гораціямъ? Царствуетъ Августа Елисавета; имѣетъ знатныхъ и Меценату подобныхъ представителей, чрезъ которыхъ ходатайство Ея Отеческій градъ снабдѣнъ новыми приращеніями наукъ и художествъ. Великая Москва, ободренная пѣніемъ новаго Парнасса, веселится сво-

имъ симъ украшеніемъ, и показываетъ оное всѣмъ городамъ Россійскимъ какъ вѣчной залогъ усердія къ отечеству своего Основателя, на котораго бодрое попеченіе и усердное предстательство твердую надежду полагаютъ Россійскія музы о высочайшемъ покровительствѣ.

Слово похвальное Петру Великому (1755 г.)

Приступъ. Священнѣйшее помазаніе и вѣнчаніе на Всероссійское государство всемилостивѣйшія Самодержицы *нашея* празднуя, Слушатели, подобное видимъ къ ней и къ общему отечеству Божіе снисхожденіе, каковому въ Ея рожденіи и въ полученіи отеческаго достоянія чудимся. Дивно ея рожденіе предзнаменованіемъ царства; преславно на престолъ восшествіе покровеннымъ свыше мужествомъ; *благоговѣйныя* радости исполнено пріятіе отеческаго вѣнца съ чудными побѣдами отъ руки Господни. Хотя бы еще кому сомнительно было, отъ Бога ли на земли обладатели поставляются, или по случаю державы достигаютъ; однако единымъ рожденіемъ Великія Государыни нашея увѣриться о томъ должно, видя, что Она уже тогда избрана была владычествовать надъ нами. Не астрологическія сомнительныя гаданія, отъ положенія планетъ произведенныя, ниже другія по теченію *натуры* бывающія перемѣны и явленія, но ясные признаки Божія провидѣнія послужатъ сему въ доказательство. Преславная надъ непріятелями Петрова подъ Полтавою побѣда съ рожденіемъ сея Великія *Дщери* Его въ *единъ* годъ приключилась, и въѣзжающаго въ Москву съ торжествомъ Побѣдителя *приходящая* въ міръ встрѣтила Елисавета. Не перстомъ ли [1]) здѣсь указующій является Промыслъ? не слышимъ ли мыс-

1) Фигура вопрошенія.

леннымъ ухомъ вѣщающаго гласа? видите, видите исполненіе обѣтованнаго вамъ предзнаменованіями благоденства. Петръ торжествовалъ, побѣдивъ внѣшнихъ непріятелей, и своихъ искоренивъ измѣнниковъ; Елисавета для подобныхъ родилась тріумфовъ. Петръ, возвративъ законному Государю корону, въ отеческій градъ шествовалъ; Елизавета въ общество человѣческое вступила, для возвращенія себѣ потомъ Отеческой короны. Петръ, сохранивъ Россію отъ расхищенія, вмѣсто мрачнаго страха принесъ безопасную и пресвѣтлую радость; Елизавета увидѣла свѣтъ, дабы пролить на насъ сіяніе отрады, избавивъ отъ мрака печалей Петръ велъ за собою многочисленныхъ плѣнниковъ, не меньше великодушіемъ, нежели мужествомъ побѣжденныхъ; Елизавета отъ утробы разрѣшилась, дабы послѣ плѣнить сердца подданныхъ человѣколюбіемъ, кротостью, щедротою. Коль [2]) чудныя Божія судьбы видимъ, слушатели! съ рожденіемъ побѣду; съ облегченіемъ Родительницы избавленіе отечества; съ обыкновенными при рожденіи обрядами торжественное вшествіе; съ пеленами побѣдительныя лавры, и съ первымъ младенческимъ *гласомъ* [3]) всерадостные *плески* [4]) и восклицанія! Не всѣми ли сими рожденной тогда Елизаветѣ предвозвѣщены Отеческія добродѣтели, предвозвѣщено Отеческое царство? Въ доступленіи опаго сколь много Всемогущій промыслъ споспѣшествовалъ Ея геройству, о томъ радостныя воспоминанія во вѣки не умолкнутъ. Ибо Его силою и духомъ подвигшись Героиня наша, Всероссійскому государству, достодолжной Его славѣ, великимъ дѣламъ и намѣреніямъ Петровымъ, внутреннему сердецъ нашихъ удовольствію, и общему блаженству знатной части свѣта, принесла спасеніе и обновленіе. Велико дѣло

2) Фигура восклицанія съ вопрошеніемъ, украшеннымъ повтореніемъ слова.

3) Ломоносовъ различаетъ гласъ и голосъ, единъ и одинъ, смотря по предмету о которомъ говорится.

4) Въ цс. яз. *плескати* зн. рукоплескать.

есть избавленіе *единаго* человѣка, то коль несравненно больше спасеніе цѣлаго народа! Въ тебѣ, дражайшее отечество, въ тебѣ видимъ сего *довольные* [5]) примѣры. Междоусобными предковъ нашихъ враждами, неправдами, *грабленіями* и братоубійствами раздраженный Богъ, поработилъ тебя нѣкогда чужому *языку*; и на пораженное глубокими язвами твое тѣло наложилъ тяжкія *вериги*! Потомъ стенаніемъ твоимъ и воплемъ преклоненный, послалъ тебѣ храбрыхъ Государей, *свободителей* отъ порабощенія и томленія, которые соединивъ твои раздробленные члены, возвратили тебѣ и умножили прежнюю силу, величество и славу. *Не меньшаго паденія* избавила Россійскій народъ предводимая Богомъ на Отеческій престолъ Великая Елисавета, но большаго удивленія достойнымъ образомъ. Внутреннія болѣзни бываютъ бѣдственнѣе наружныхъ; такъ и въ нѣдрахъ государства воспитанная опасность *вредительнѣе* внѣшнихъ нападеній. Удобнѣе наружныя язвы исцѣляются, нежели внутреннія поврежденія. Но сличивъ исцѣленіе Россіи отъ пораженія варварскимъ оружіемъ извнѣ нанесеннаго, съ удивительнымъ *крывающагося* внутрь вреда врачеваніемъ, Елисаветиною рукою произведеннымъ, противное находимъ. Тогда для исцѣленія ранъ наружныхъ обагрены были поля и рѣки не меньше Россійскою, нежели *Агарянскою* кровію. Въ благословенные дни наши великодушная Елисавета вкоренившійся вредъ внутрь Россіи безъ *всѣхъ* нашихъ томленій истребила въ *краткое* время; и *болѣзнующее* отечество яко бы *единымъ* божественною силою исполненнымъ словомъ исцѣлила сказавъ: возстани [6]) и ходи; возстани и ходи, Россія. Отряси свои сомнѣнія и страхи; и радости и надежды исполнена, красуйся, ликуй, возвышайся.

---

5) *Довольнъ*—въ цс. яз. зн. достаточный, sufficiens.

6) Слова Елисаветы—фигура заимословія, украшенная усугубленіемъ, многосоюзіемъ и безсоюзіемъ.

Таковыя изображенія въ мысляхъ представляетъ намъ, Слушатели, воспоминаніе тогдашней радости! Но оныя усугубляются, когда помыслимъ, что мы не *токмо* отъ утѣсненія, но и отъ презрѣнія тогда *свободились*. Что прежде избавленія нашего народы о насъ разсуждали? Не отзываются ли еще ихъ рѣчи въ памяти нашей [7])? Россіяне, Россіяне, Петра Великаго забыли. За его труды и заслуги не воздаютъ должнаго благодаренія; не возводятъ Дщерь Его на престолъ Отеческій; Она оставлена, не помогаютъ; Она отринута, не возвращаютъ; Она пренебрегаема, не отмщаютъ. О коль великъ стыдъ и посмѣяніе! Но несравненная Героиня восшествіемъ Своимъ отняла поношеніе отъ сыновъ Россійскихъ и передъ всѣмъ свѣтомъ оправдала, что не нашего усердія не доставало, но сносило Ея великодушіе; не наша ревность оскудѣвала, но Она не хотѣла пролитія крови; не нашему малодушію оное приписывать должно, по Божескому промыслу, *которой* [8]) благоволилъ показать тѣмъ свою власть, Ея мужество, и нашу радость усугубить. Таковыя благодѣянія устроилъ намъ Вышній вступленіемъ на Отеческій престолъ Великія Елисаветы! Что жъ [9]) нынѣшній праздникъ? Верьхъ и вѣнецъ преждереченныхъ. Вѣнчалъ Господь Ея чудное рожденіе, вѣнчалъ преславное восшествіе, вѣнчалъ безприкладныя добродѣтели. Вѣнчалъ благодатію, ободрилъ благонадежною радостію, и благословилъ громкими побѣдами, восшествію Ея подобными. Ибо какъ внутренніе враги побѣждены безъ пролитія крови; такъ и внѣшніе съ малымъ урономъ преодолѣны были. Облачается Монархиня наша въ порфиру; помазуется на царство, вѣнчается, *пріемлетъ* Ски-

7) За фигурою вопрошенія слѣдуетъ заимословіе, украшенное усугубленіемъ и повтореніемъ.

8) Ломоносовъ допускаетъ совмѣстное употребленіе которой и который, истинный и истинной и т. п.

9) Фигура вопрошенія съ отвѣтомъ.

петръ и Державу. Радуются Россіяне и плесками и восклицаніями воздухъ наполняютъ; ужасаются *сопостаты* и блѣднѣютъ; уклоняются [10]), даютъ хребетъ Россійскому войску, укрываются за рѣки, за горы, за болота, но вездѣ утѣсняетъ ихъ сильная рука *вѣнчанныя* Елисаветы; отъ единаго Ея великодушія ослабу получаютъ. Коль ясныя предзнаменованія благословеннаго Ея владѣнія во всемъ вышереченномъ видимъ и *вожделѣнному сбытію* ихъ съ радостію чудимся! По примѣру Великаго Своего Родителя даетъ Государямъ коропы, утверждаетъ Россійское наслѣдство; истекаетъ *злато* и *сребро* изъ нѣдръ земныхъ къ Ея и къ общему удовольствію; избавляются подданные отъ тягости; земля не обагряется Россійскою кровію ни внутрь ни внѣ государства, умножается народъ, и доходы прирастаютъ; возвышаются великолѣпныя зданія, исправляются суды, насаждаются науки среди государства, повсюду возлюбленная тишина и Монархинѣ нашей подобное время господствуетъ.

И такъ когда несравненная Государыня наша предзнаменованное [11]) въ рожденіи, полученное мужествомъ, утвержденное побѣдоноснымъ вѣнчаніемъ и украшенное преславными дѣлами Отеческое царство возвысила, то по справедливости всѣхъ дѣлъ и похвалъ Его истинная Наслѣдница. Слѣдовательно похваляя Петра, похвалимъ Елисавету.

---

10) Фигура присовокупленія (къ одному подлежащему—нѣсколько сказуемыхъ).

11) Относительно употребленія причастій Ломоносовымъ должно замѣтить общее правило, коимъ онъ руководствовался въ своихъ произведеніяхъ: *причастія д. зал. наст. вр. на—щій* производятся отъ глаголовъ Словенскаго происхожденія: вѣнчающій, питающій; а весьма непристойно отъ простыхъ Россійскихъ, которые у Славянъ неизвѣстны: говорящій, чавкающій. *Прич. стр. зал.* на—*мый* происходятъ также только отъ глаголовъ Россійскихъ у Славянъ въ употребленіи бывшихъ; напр. вѣнчаемый, видимый. Приличнѣе полагаются въ реторическихъ и стихотворческихъ сочиненіяхъ, нежели въ простомъ штилѣ. Отъ Россійскихъ глаголовъ, у Славянъ въ употребленіи не бывшихъ, произведенныя, напр. трогаемый, качаемый, весьма дики и слуху несносны.—*Прич. прош. стр. зал.* на—*ный*—весьма употребительны какъ отъ новыхъ Россійскихъ, такъ и отъ Словенскихъ. Отъ Словенскихъ происшедшія лучше оканчивать на—*ый*, а отъ Русскихъ на *ой*.

Предложеніе. Давно долженствовали науки представить славу Его ясными изображеніями, давно желали въ нарочномъ торжественномъ собраніи превознести несравненныя дѣла своего основателя; но вѣдая, коль великое искусство требуется къ сложенію слову, ихъ достойнаго, понынѣ умолчали. Ибо о семъ героѣ должно предлагать, чего о другихъ еще не слыхано. Нѣтъ въ дѣлахъ Ему равнаго: нѣтъ равныхъ примѣровъ въ краснорѣчіи, которымъ бы мысль послѣдуя, могла безопасно пуститься въ толикую глубину ихъ множества и величества. Однако наконецъ разсудилось, лучше въ краснорѣчіи, нежели въ благодарности показать недостатокъ; лучше съ произносимыми отъ усердной простоты разговорами, соединить искренностію украшенное слово, нежели молчать между толикими празднственными восклицаніями: наипаче когда Всевышній Господь всѣхъ торжествъ нашихъ красоту *усугубилъ*, пославъ *во младомъ* Государь Великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ всевожделѣнный залогъ своея къ намъ Божественныя милости, которую въ продолженіи Петрова племени почитаемъ. И такъ оставивъ боязливое сомнѣніе, и уступивъ ревностной смѣлости мѣсто, сколько есть духа и голоса, должно употребить, или паче истощить на похвалу нашего Героя.

Сіе предпринимая, откуда начну мое слово [12])? Отъ тѣлесныхъ ли его дарованій, отъ крѣпости ли силъ? Но оныя явствуютъ въ преодолѣніи трудовъ тяжкихъ, трудовъ неисчетныхъ, и въ разрушеніи ужасныхъ препятствій. Отъ геройскаго ли виду и возраста, съ величественною красотою соединеннаго? Но кромѣ многихъ, которые начертанное въ памяти его изображеніе живо представляютъ, удостовѣряютъ разныя государства и городы, которые, славою его движимы, *во срѣтеніе* стекались, и дѣламъ Его соотвѣтствующему и великимъ Монархамъ приличному взору чудились. Отъ бодрости ли духа приму начало? Но доказываетъ его неусыпное бдѣніе,

12) Фигура сомнѣнія.

безъ котораго невозможно было произвести дѣлъ толь многихъ и великихъ. Того ради непосредственно приступаю къ ихъ предложенію, вѣдая, что удобнѣе принять начало, нежели конца достигнуть; и что великій сей Мужъ ни отъ кого лучше похваленъ не быть можетъ, кромѣ того, кто подробно и вѣрно труды его исчислитъ; есть ли бы только исчислить возможно было.

Раздѣленіе. И такъ сколько сила, сколько краткость опредѣленнаго времени позволитъ, важнѣйшія токмо дѣла Его упомянемъ; потомъ преодолѣнныя въ нихъ сильныя препятствія; наконецъ его добродѣтели, въ таковыхъ предпріятіяхъ споспѣшествовавшія.

Повѣствовательная часть. Къ великимъ своимъ намѣреніямъ премудрый Монархъ предусмотрѣлъ за необходимо нужное дѣло, чтобы всякаго рода знаніе распространить въ отечествѣ, и людей искусныхъ въ высокихъ наукахъ также художниковъ и ремесленниковъ размножить; о чемъ Его отеческое попеченіе хотя прежде сего мною предложено, однако ежели оное описать обстоятельно, то цѣлое мое слово еще къ тому не достанетъ. Ибо неоднократно облетая, на подобіе орла быстропарящаго, Европейскія государства, отчасти повелѣніемъ, отчасти важнымъ своимъ примѣромъ побудилъ великое множество своихъ подданныхъ, оставить на время отечество, и искусствомъ [13]) увѣриться, коль великая происходитъ польза человѣку и цѣлому государству отъ любопытнаго путешествія по чужимъ краямъ. Тогда отворились широкія врата великія Россіи; тогда чрезъ границы и пристани, на подобіе прилива и отлива въ пространномъ Океанѣ бывающаго, то *выѣзжающіе* для пріобрѣтенія знаній въ разныхъ наукахъ и художествахъ сыны Россійскіе, то *приходящіе* съ разными искусствами, съ книгами, съ инстру-

13) *Искусство*—въ значеніи опыта.

ментами иностранные, безпрестаннымъ текли движеніемъ. Тогда математическому и физическому ученію, прежде въ чародѣйство и волхованію вмѣненному, уже одѣянному порфирою, увѣнчанному лаврами и на монаршескомъ престолѣ посажденному, благоговѣйное почитаніе, въ освященной Петровой Особѣ приносились. Таковымъ сіяніемъ величества окруженныя науки и художества всякаго рода какую принесли пользу, доказываетъ *избыточествующее* изобиліе многоразличныхъ нашихъ удовольствій, которыхъ прежде великаго Россіи Просвѣтителя предки наши не токмо лишались, но о многихъ и понятія не имѣли. Коль многія нужныя вещи, которыя прежде изъ дальныхъ земель съ трудомъ и за великую цѣну въ Россію приходили, нынѣ внутрь Государства производятся и не токмо насъ довольствуютъ, но избыткомъ своимъ и другія земли снабдѣваютъ. Похвалялись нѣкогда окрестные сосѣди наши, что Россія, государство великое, государство сильное, ни военнаго дѣла, ни купечества безъ ихъ *споможествованія* надлежащимъ образомъ производить не можетъ, не имѣя въ нѣдрахъ своихъ не токмо *драгихъ* металловъ для монетнаго тиспенія, но и нужнѣйшаго желѣза, къ пріуготовленію оружія, съ чѣмъ бы стать противъ непріятеля. Исчезло сіе нареканіе отъ просвѣщенія Петрова, отверсты внутренности горъ сильною и трудолюбивою Его рукою. Проливаются изъ нихъ металлы, и не токмо внутрь отечества обильно распростираются, но и обратнымъ образомъ, яко бы заемные внѣшнимъ *народамъ* отдаются. Обращаетъ мужественное Россійское воинство противъ непріятеля оружіе, пріуготованное изъ горъ Россійскихъ, россійскими руками. О семъ для защищенія отечества, для безопасности подданныхъ и для безпрепятственнаго произведенія внутрь государства важныхъ предпріятій, о семъ нужномъ учрежденіи порядочнаго войска, коль великое имѣлъ Великій Монархъ попеченіе, коль стремительное рвеніе, коль рачительное всѣхъ способовъ, всѣхъ путей изысканіе, тому всему

когда надивиться довольно не можемъ, возможемъ ли изобразить оное словомъ?—кто могъ помыслить, чтобы двѣнадцати лѣтъ Отрокъ, отлученный отъ правленія государства, и только подъ премудрымъ покровительствомъ чадолюбивыя Своея родительницы отъ злобы защищаемой, между безпрестанными страхами, между копьями, между мечами на Его родственниковъ и доброжелателей и на Него самого обнаженными, началъ учреждать новое регулярное войско, котораго могущество въ скоромъ послѣ времени почувствовали непріятели, почувствовали и вострепетали; и которому нынѣ вся вселенная по справедливости удивляется?—*Паче* общенароднаго чаянія, противу невѣроятія оставившихъ надежду, и свыше *препинательныхъ* происковъ и язвительнаго роптанія самой зависти, загремѣли внезапно новые полки Петровы, и въ вѣрныхъ Россіянахъ радостную надежду, въ противныхъ страхъ, въ обоихъ удивленіе возбудили. Невозможное учинилось возможно чрезвычайнымъ раченіемъ, а паче всего неслыханнымъ примѣромъ. Взирая нѣкогда Сенатъ Римскій на Траяна Кесаря, стоящаго предъ Консуломъ для принятія отъ него Консульскаго достоинства, возгласилъ: *Тѣмъ ты болше, тѣмъ ты величественнѣе*! Какія восклицанія, какіе плески Петру Великому быть долженствовали, для Его безприкладнаго снисхожденія? Видѣли, видѣли отцы наши вѣнчаннаго своего Государя не въ числѣ кандидатовъ Римскаго Консульства, но межъ рядовыми солдатами; не власти надъ Римомъ требующаго, но подданныхъ своихъ мановенія наблюдающаго. О вы мѣста прекрасны [14]), мѣста благополучны, которыя толь чуднымъ зрѣніемъ насладились! О какъ вы удивлялись дружественному непріятельству полковъ единаго Государя, начальствующаго и подчиненнаго, повелѣвающаго и повинующагося! О какъ вы удивлялись осадѣ, защищенію и взятію

14) *Прекрасны*—прилаг. усѣченное на мѣстѣ опредѣлительнаго слова.

домашнихъ новыхъ крѣпостей, не для настоящія корысти, но ради будущія славы; не для усмиренія сопротивныхъ, но ради одобренія единоплеменныхъ учиненному. Мы нынѣ озираясь на оныя минувшія лѣта, представляемъ, коль великою любовію, коль горячею ревностью къ Государю воспалялось *начинающееся* войско, видя его въ своемъ сообществѣ, за однѣмъ столомъ, *тую* же пріемлющаго пищу; видя лице Его пылью и по́томъ покрытое, видя, что отъ нихъ ни чѣмъ не разнится, кромѣ того, что въ обученіи и въ трудахъ всѣхъ прилежнѣе, всѣхъ превосходнѣе.

Таковымъ чрезвычайнымъ примѣромъ премудрый государь, происходя по чинамъ съ подданными, узналъ, что Монархи ни чѣмъ такъ величества, славы и высоты своего достоинства прирастить не могутъ, какъ подобнымъ сему снисхожденіемъ. Таковымъ поощреніемъ укрѣпилось Россійское воинство, и въ двадцатилѣтнюю войну съ короною Шведскою и потомъ въ другіе походы, наполнило громомъ оружія, и съ побѣдоносными звуками концы вселенныя.... Я къ вамъ обращаю мое слово, нынѣ мирные сосѣди; когда вы превозносимыя мою побѣды Россійскаго воинства надъ вами услышите; не въ поношеніе, но больше въ честь вашу припишите. Ибо стоять долгое время противъ сильнаго Россійскаго народа, стоять противъ Петра Великаго, противъ Мужа, посланнаго отъ Вога на удивленіе вселенныя, и наконецъ быть отъ Него побѣжденнымъ, есть славнѣе, нежели побѣдить слабые полки подъ худымъ предводительствомъ.

Обозрѣвъ скорымъ окомъ на сухомъ пути силы Петровы, въ младенчествѣ возмужавшія, и обученіе свое съ побѣдами соединившія, простремъ чрезъ воды взоръ нашъ Слушатели; посмотримъ тамъ дѣла Господни, и Чудеса его въ глубинѣ, Петромъ показанныя, и свѣтъ удивившія. Пространная Россійская держава на подобіе цѣлаго свѣта едва не отовсюду великими морями окружается, и оныя себѣ въ предѣлы по-

ставляетъ. На всѣхъ видимъ распущенные Россійскіе флаги. Тамъ великихъ рѣкъ устья и новыя пристани едва вмѣщаютъ судовъ множество; индѣ стонутъ волны подъ тягостью Россійскаго флота, и въ глубокой пучинѣ огнедышущіе звуки раздаются. Тамъ позлащенные и на подобіе весны процвѣтающіе корабли въ тихой поверхности водъ изображаясь, красоту свою усугубляютъ; индѣ достигнувъ спокойнаго пристанища плаватель, удаленныхъ странъ избытки выгружаетъ, къ удовольствію нашему. Тамъ новые Колумбы къ невѣдомымъ берегамъ поспѣшаютъ, для приращенія могущества и славы Россійской, индѣ другой Тифисъ между сражающимися горами плыть дерзаетъ; со снѣгомъ, съ *мразомъ*, съ вѣчными льдами борется и хочетъ соединить востокъ съ западомъ. Откуду толикая слава и сила Россійскихъ флотовъ, по толь многимъ морямъ, въ краткое время распространилась? откуду матеріи? откуду искусство? откуду махины и орудія нужныя въ толь трудномъ и многообразномъ дѣлѣ? Не древніе ли исполины, вырывая изъ густыхъ лѣсовъ и горъ превысокихъ великіе дубы, по берегамъ повергли къ строенію? не Амфіонъ ли сладкимъ лирнымъ играніемъ подвигнулъ разновидныя части къ сложенію чудныхъ крѣпостей, летающихъ чрезъ волны? Таковымъ бы истинно вымысламъ чудная поспѣшность Петрова въ сооруженіи флота приписалась, есть ли бы такое невѣроятное, и выше силъ человѣческихъ быть являющееся дѣло, въ отдаленной древности приключилось, и не былобъ въ твердой памяти у многихъ очевидныхъ свидѣтелей, и въ письменныхъ безъ всякаго изъятія достовѣрныхъ извѣстіяхъ. Въ сихъ мы съ удивленіемъ читаемъ, отъ оныхъ не безъ сердечнаго движенія въ дружелюбныхъ разговорахъ слышимъ, что нельзя опредѣлить, сухопутное ли, или морское войско учреждая, больше труда положилъ Петръ Великій. Однако о томъ нѣтъ сомнѣнія, что въ обоихъ былъ не утомимъ, въ обоихъ превосходенъ.... Вездѣ Великій Государь не токмо по-

велѣніемъ и награжденіемъ, но и собственнымъ примѣромъ побуждалъ къ трудамъ подданныхъ! Я вами [16]) свидѣтельствуюсь великія Россійскія рѣки, я къ вамъ обращаюсь щастливые береги, посѣщенные Петровыми стопами и потомъ Его орошенные. Коль часто раздавались на васъ бодрые и ревностные клики, когда тяжкіе къ составленію корабля *пріуготованные* члены не рѣдко тихо отъ работающихъ *движимые*, наложеніемъ руки Его къ скорому теченію устремлялись, и оживленное примѣромъ Его множество съ невѣроятною поспѣшностію совершали великія громады! Коль чуднымъ, и ревностному сердцу чувствительнымъ зрѣніемъ наслаждались стекшіеся народы, когда оныя великія зданія къ сошествію на воду приближались! Когда неусыпный ихъ Основатель и Строитель многократно то на верьху оныхъ, то подъ ними обращаясь, то кругомъ обходя, примѣчалъ твердость каждой части, силу махинъ, всѣхъ предосторожностей точность, и усмотренные недостатки исправлялъ повелѣніемъ, ободреніемъ, догадкою и неутомимыхъ рукъ Своихъ поспѣшнымъ искусствомъ. Симъ неусыпнымъ раченіемъ, симъ непобѣдимымъ въ трудѣ постоянствомъ, баснословная древнихъ поспѣшность, не вымыслами, но правдою, во дни Петровы показалась. Коль радостны были великому Государю толикіе въ морскомъ дѣлѣ успѣхи, къ несказанной пользѣ и славѣ государства, раченіемъ Его произведенные, легко изъ того усмотрѣть можно, что не токмо воздаяніемъ удовольствовалъ спотрудившихся съ Собою; но и безчувственному дереву показалъ *преславной* знакъ благодарности. Покрываются Невскія струи судами и флагами; не вмѣщаютъ береги великаго множества стекшихся зрителей; колеблется воздухъ и стонетъ отъ народнаго восклицанія, отъ шума веселъ, отъ трубныхъ гласовъ, отъ звука огнедышущихъ махинъ. Какое *счастіе*,

16) Фигура обращенія, украшенная наклоненіемъ, въ соединеніи съ фигурою восклицанія.

какую радость намъ небо посылаетъ? Кому на срѣтеніе Монархъ нашъ съ таковымъ великолѣпіемъ выходитъ? Ветхому ботику! но въ новомъ и сильномъ первенствующему флотѣ. Представивъ сего величество, красоту, могущество и славныя дѣйствія, и купно онаго малость и худость, видимъ, что сего никому въ свѣтѣ произвести не было возможно, кромѣ исполинской смѣлости въ предпріятіи, и неутомимой въ совершеніи бодрости Петровой. Превосходенъ на земли, несравненъ на водахъ силою и славою военною былъ Великій нашъ Защитникъ! Отъ краткаго сего и часть нѣкоторую трудовъ Его содержащаго исчисленія, уже чувствую утомленіе, Слушатели; но великое и пространное похвалы его вижу поле предъ собою! И такъ дабы къ совершенію теченія слова моего силы и опредѣленнаго времени достало, употреблю возможную поспѣшность. Къ основанію и произведенію въ дѣйство толь великой морской и сухопутной силы, сверхъ сего къ строенію новыхъ городовъ, крѣпостей, пристаней, къ сообщенію рѣкъ великими каналами, къ укрѣпленію пограничныхъ линей валами, къ долговременной войнѣ, къ толь частымъ и дальнымъ походамъ, къ строенію публичныхъ и приватныхъ зданій новою архитектурою, къ сысканію искусныхъ людей и всѣхъ другихъ способовъ для распространенія наукъ и художествъ, на содержаніе новыхъ чиновъ придворныхъ и штатскихъ, коль великая казна трѣбовалась, всякому ясно представить можно, и разсудить, что къ тому не могли достать доходы Петровыхъ Предковъ. Того ради премудрый Государь крайнее приложилъ стараніе, какъ бы внутренніе и внѣшніе государственные сборы умножить безъ народнаго разоренія. И по врожденному Своему просвѣщенію усмотрѣлъ, что не токмо казнѣ великая прибыль воспослѣдуетъ; но и общее подданныхъ спокойство и безопасность единымъ учрежденіемъ утвердится. Ибо когда еще не было число всего Россійскаго народа, и каждаго человѣка жилище извѣстно, свое-

вольство не пресѣчено, каждому, куда хочетъ, переселиться и странствовать по своему произволенію не запрещалось; наполнены были улицы безстыдною и шатающеюся нищетою; дороги и великія рѣки запирались злодѣйствомъ воровъ и цѣлыми полками душегубныхъ разбойниковъ, отъ которыхъ не токмо села, но и городы разорялись. Превратилъ премудрый Герой вредъ въ пользу, лѣность въ прилежаніе, раззорителей въ защитниковъ; когда исчислилъ подданныхъ множество, утвердилъ каждаго на своемъ жилищѣ, наложилъ легкую, но извѣстную подать; чрезъ что умножилось, и учинилось извѣстное количество казенныхъ внутреннихъ доходовъ, и число людей въ наборахъ; умножилось прилежаніе и строгое военное ученіе. Многихъ, которые бы въ прежнихъ обстоятельствахъ остались вредными грабителями, принудилъ готовыми быть къ смерти за отечество. Сколь другія къ сему служащія премудрыя учрежденія спомоществовали, о томъ умолчеваю: упомяну о приращеніи внѣшнихъ доходовъ. Всевышняго промыслъ споспѣшествовалъ добрымъ намѣреніямъ и раченіямъ Петровымъ: отворилъ рукою Его новыя пристани на Варяжскомъ морѣ при городахъ храбростію Его покоренныхъ и собственнымъ трудомъ воздвигнутыхъ. Совокуплены великія рѣки для удобнѣйшаго проходу Россійскаго купечества, сочинены пошлинные уставы, утверждены купеческіе договоры съ разными народами. И такъ приростая внутрь и внѣ довольство, сколько спомоществовало, явствуетъ изъ самаго начала сихъ учрежденій. Ибо, продолжая двадцать лѣтъ трудную войну, Россія отъ долговъ была свободна. Чтожъ? уже ли всѣ великія дѣла Петровы изображены слабымъ моимъ начертаніемъ? О коль много еще размышленію, *голосу* и языку моему труда остается! Я вамъ [17]), Слушатели, я вашему знанію препоручаю, коль много требовало неусыпности осно-

17) Фигура прохожденія.

ваніе и установленіе правосудія, учрежденіе Правительствующаго Сената, Святѣйшаго Синода, государственныхъ коллегій, канцелярій и другихъ мѣстъ присутственныхъ съ узаконеніями, регламентами, уставами; расположеніе чиновъ, заведеніе внѣшнихъ признаковъ, для оказанія заслугъ и милости; наконецъ политика, посольства и союзы съ чужими державами. Вы все сіе сами въ просвѣщенныхъ Петромъ умахъ вашихъ представите. — Изъ сего моего почти тѣнь едину Петровыхъ славныхъ дѣлъ показующаго слова, видѣть можно, коль они велики! Но что сказать о страшныхъ и опасныхъ препятствіяхъ бывшихъ на пути исполинскаго Его теченія? Больше похвалу его возвысили! Подвержено таковымъ перемѣнамъ состояніе человѣческое, что изъ благополучныхъ противныя, изъ противныхъ благополучныя слѣдствія раждаются. Что приращенію нашего благополучія могло быть сего противнѣе, когда Россію обновляющему Петру и купно отечеству извнѣ нападенія, извнутрь огорченія, отовсюду опасности грозили, и пагубныя слѣдства пріуготовлялись? Война дѣла домашнія, домашнія дѣла войну отягощали, которая еще прежде начала своего начала быть вредительна. Подвигнулся великій Государь изъ отечества съ великимъ посольствомъ видѣть Европейскія государства, познать ихъ преимущества: дабы возвратяся, употребить ихъ въ пользу Своихъ подданныхъ. Только лишь *прешелъ* владѣнія Своего предѣлы, вездѣ ощутилъ великія и тайно поставленныя препоны. Однако оныхъ, какъ по всему свѣту извѣщенныхъ, нынѣ не упоминаю. Мнѣ кажется, и бездушныя вещи чувствовали опасность приближающуюся къ Россійской надеждѣ. Чувствовали струи Двинскія и будущему своему Повелителю, между густымъ льдомъ, къ спасенію отъ устроенныхъ коварствъ, стезю открыли, и преодолѣнныя Имъ опасности Балтійскимъ берегамъ, разливаясь, возвѣстили. Избывъ отъ опасности, поспѣшалъ въ радостномъ пути своемъ, довольствуя очи и сердце и обогащая разумъ.

Но ахъ! Не волею *преспкаетъ* свое преславное теченіе. Какую имѣлъ самъ съ собою распрю! Съ одной стороны влечетъ любопытство и знаніе отечеству нужное: съ другой стороны само бѣдствующее отечество, которое къ нему, къ Единому своему упованію, простерши руки восклицало: Возвратися [18]), поспѣшно возвратися: меня терзаютъ внутрь измѣнники! Ты странствуешь для моего блаженства: со благодареніемъ признаваю: но прежде укроти свирѣпыхъ: Ты растался со Своимъ домомъ, со Своими кровными, для приращенія моей славы: съ усердіемъ почитаю; но успокой опасное нестроеніе: оставилъ данный Тебѣ отъ Бога вѣнецъ и скипетръ, и простымъ видомъ скрываешь лучи Своего Величества для моего просвѣщенія: съ радостною надеждою того желаю; но отврати мрачную грозу неспокойства съ домашняго горизонта. Такими движеніями сердца проницаясь возвратился для утоленія *страшныя* бури! Таковыя противности *воспящали* [19]) Герою нашему въ славныхъ подвигахъ! Коль многими отвсюду окруженъ былъ непріятелями! извнѣ воевала Швеція, Польша, Крымъ, Персія, многіе восточные народы, Оттоманская Порта; извнутрь стрѣльцы, раскольники, козаки, разбойники. Въ домѣ отъ самыхъ ближнихъ, отъ своей крови злодѣйства, ненависть, предательства на *дражайшую* [20]) жизнь Его пріуготовлялись. Что все подробно описать трудно и слушать не безболѣзненно! Къ радости въ радостное время обратимся. Помогъ Всевышній Петру преодолѣть всѣ тяжкія препятствія, и Россію возвысить. Споспѣшествовалъ Его

---

18) Фигура заимословія.

19) Воспящать, воспяштити—препятствовать.

20) О сравнительной степени на-шій Л-въ замѣчаетъ, что она мало употребляется, кромѣ важнаго и высокаго стиля, особливо въ стихахъ. Должно имѣть осторожность, чтобы ее не употребить въ прилагательныхъ низкаго знаменованія, или въ неупотребительныхъ въ Словянскомъ языкѣ, и не сказать: блеклѣйшій, прытчайшій и т. под. (Грам. § 215).

благочестію, премудрости, великодушію, мужеству, правдѣ, снисходительству, трудолюбію. Усердіе и вѣра во всѣхъ Его предпріятіяхъ извѣстна; Его веселіе былъ домъ Господень; не слушатель токмо предстоялъ божественной службѣ, но самъ *чиноначальникъ*. Умножалъ вниманіе и благоговеніе предстоящимъ Своимъ Монаршескимъ гласомъ; и внѣ государскаго мѣста съ простыми пѣвцами на ряду стоялъ предъ Богомъ. Много имѣемъ примѣровъ его благочестія; но одинъ нынѣ *довлѣетъ*. Выѣжжая въ срѣтеніе тѣлу святаго и храбраго Князя Александра, благоговѣнія исполненнымъ дѣйствіемъ подвигнулъ весь градъ, подвигнулъ струи Невскія. Чудное видѣніе! Гребутъ Кавалеры, самъ Монархъ на кормѣ управляетъ, и къ простыхъ людей труду предъ всѣмъ народомъ помазанныя руки простираетъ, вѣры ради Ею укрѣпляясь, избылъ многократнаго стремленія кровожаждущихъ измѣнниковъ. Осѣнилъ Господь надъ главою Его силою свыше въ день Полтавскія брани, и не допустилъ къ ней прикоснуться смертоносному металлу! Разсыпалъ передъ Нимъ, какъ нѣкогда Ерихонскую, Нарвскую стѣну, не во время ударовъ изъ огнедышущихъ махинъ, но во время божественной службы.

Освященнаго и огражденнаго благочестіемъ одарилъ Богъ несравненною премудростію. Какая важность въ разсужденіяхъ, безпритворная въ словахъ краткость, въ изображеніяхъ точность, въ произношеніи сановитость, жадность къ познанію, прилѣжное вниманіе благоразумныхъ и полезныхъ разговоровъ, въ очахъ и на всемъ лицѣ разума постоянство. Чрезъ сіи Петровы дарованія приняла *новой* видъ Россія, основаны науки и художества, учреждены посольства и союзы, отвращены хитрые умыслы нѣкоторыхъ державъ противъ нашего Отечества, и Государямъ, иному сохранено королевство и самодержавство, иному возвращена отнятая непріятельми корона. Изо всего предреченнаго довольно явствующей, свыше вліянной Ему премудрости, споспѣшествовало Его Геройское

мужество: оною удивилъ вселенную, симъ устрашилъ противныхъ. Въ самомъ своемъ нѣжномъ младенчествѣ, показалъ при военныхъ обученіяхъ безстрашіе. Когда всѣ смотрители новаго дѣла, метанія бомбъ на означенное мѣсто, весьма опасались повреждения; младый Государь въ близости смотрѣть всѣми силами порывался, и слезами Своея Родительницы, прошеніемъ Братнимъ и знатныхъ персонъ моленіемъ едва былъ одержанъ. Странствуя въ чужихъ государствахъ для ученія, коль многія презиралъ опасности, для обновленія Россіи. Плаваніе по непостоянной морской пучинѣ служило ему вмѣсто увеселенія. Коль много кратъ морскія волны, возвышая гордыя верьхи свои, непревратной смѣлости были свидѣтели. быстро текущимъ флотомъ разсѣкаемы въ корабли ударяли. съ ярымъ пламенемъ и ревущимъ по воздуху металломъ въ едину опасность совокуплялись, Его не устрашили! Кто безъ ужаса представить можетъ летящаго по полямъ Полтавскимъ въ устроенномъ къ бою Своемъ войскѣ Петра, между градомъ пуль непріятельскихъ, около главы Его шумящихъ, возвышающаго сквозь звуки гласъ Свой, и полки къ смѣлому сраженію ободряющаго. И ты знойная Персія ни быстрыми рѣками, ни *топучими* болотами, ни стремнинами горъ превысокихъ, ни ядовитыми источниками, ни раскаленными песками, ни внезапными набѣгами непостоянныхъ народовъ не могла удержать торжественнаго въѣзда въ наполненные потаеннымъ оружіемъ и лукавствомъ городы. Больше примѣровъ о геройскомъ его духѣ, для краткости не предлагаются, Слушатели: не упоминаю многихъ сраженій и побѣдъ въ Его присутствіе и Его предводительствомъ бывшихъ: но представляю Его великодушіе великимъ героямъ сродное, которое украшаетъ побѣды, и больше движетъ сердца человѣческія, нежели храбрые поступки. Въ побѣдахъ имѣетъ участіе храбрость воиновъ; споможеніе союзниковъ; мѣста и времени удобность и больше всего присвояетъ себѣ счастіе, какъ бы пѣкоторое

собственное свое достояніе. Великодушію побѣдителеву все принадлежитъ единому. Славнѣйшую получаетъ побѣду, кто себя побѣждаетъ. Не имѣютъ въ ней ни воины, ни союзники, ни время, ни мѣсто, ни само господствующее дѣлами человѣческими счастіе ни малѣйшаго жребія. Правда, побѣдителямъ разумъ удивляется; но великодушныхъ любитъ сердце наше. Таковъ былъ Великій нашъ Защитникъ. Отлагалъ гнѣвъ Свой купно со оружіемъ и не токмо изъ непріятелей никто живота лишенъ не былъ, какъ только противъ Его ополченный; но и безприкладная честь имъ показана. Скажите Шведскіе военачальники, подъ Полтавою плѣненные, что вы тогда помышляли, когда ожидая связанія, препоясаны были поднятыми противъ насъ мечами своими; ожидая посажденія въ темницы, посаждены были за столомъ побѣдительскимъ; ожидая посмѣянія, поздравлены были нашими учителями? Коль великодушнаго Побѣдителя вы имѣли! Великодушію сродно и часто сопряженно есть правосудіе. Первое знаніе поставленныхъ отъ Бога на земли обладателей есть управляти міръ въ преподобіи и правдѣ; награждать заслуги, наказывать преступленія. Хотя военныя дѣла и великія другія упражненія, а особливо прекращеніе вѣку много препятствовали Великому Государю установить во всемъ непремѣнные и ясные законы; однако сколько на то трудовъ Его положено, несомнѣнно удостовѣряютъ многіе Его указы, уставы и регламенты, которыхъ составленіе многочисленные дни отдохновенія, многочисленныя ночи сна Его лишили. Докончать и привести къ совершенству судилъ Богъ подобной таковому Родители Дщери, въ безмятежное и благословенное Ея владѣніе. Но хотя ясными и порядочными законами не утверждено было до совершенства; однако въ сердцѣ Его написано было правосудіе. Хотя не все въ книгахъ содержалось, но дѣломъ совершалось.

При всемъ томъ милость на судѣ хвалилась въ самыхъ ѣхъ случаяхъ, когда многимъ Его дѣламъ препятствующія

злодѣянія къ строгости принуждали. Изъ многихъ примѣровъ одинъ докажетъ. Простивъ многихъ знатныхъ особъ за тяжкія преступленія, объявилъ свою сердечную радость пріятіемъ ихъ къ столу Своему и пушечною пальбою. Не отягощаетъ Его казнь стрѣлецкая. Представте себѣ и помыслите, что Ему ревность къ правдѣ, что сожалѣніе о подданныхъ, что Своя опасность въ сердце говорила. Пролита [21]) неповинная кровь по домамъ и по улицамъ Московскимъ, плачутъ вдовы, рыдаютъ сироты, воютъ насилованныя жены и дѣвицы, сродники мои въ домѣ моемъ предъ очами моими живота лишились, и острое оружіе было къ сердцу моему приставлено. Я Богомъ сохраненъ, сносилъ, уклонялся, я внѣ града странствовалъ. Нынѣ полезное мое путешествіе пресѣкли, вооружась явно противъ отечества. За все сіе ежели не отмщу, и конечной пагубы не пресѣку казнію; уже вижу напередъ площади наполнены труповъ, расхищаемые домы, разрушаемы храмы, Москву со всѣхъ сторонъ объемлему пламенемъ, и любезное отечество повержено въ дыму и въ пепелѣ. Всѣ сіи пагубы, слезы, кровь на мнѣ Богъ взыщетъ. Такого конечнаго правосудія наблюденіе принудило Его къ строгости.

Ни чѣмъ не могу я больше доказать Его милостиваго и кроткаго сердца, какъ безприкладнымъ снисходительствомъ къ Его подданнымъ. *Превосходенъ дарованіями*, возвышенъ величествомъ, возвеличенъ преславными дѣлами; но все сіе больше безприкладнымъ снисхожденіемъ умножилъ, украсилъ. Часто межъ подданными своими просто обращался не имѣя великаго и монаршеское присутствіе показующаго великолѣпія и раболѣпства. Часто пѣшему свободно было просто встрѣтиться, слѣдовать, итти вмѣстѣ, зачать рѣчь, кому потребуется. Многихъ прежде Государей *рабы* на плечахъ, на головахъ своихъ носили: Его снисхожденіе превознесло выше

21) Фигура заимословія.

самихъ Государей. Во время самаго веселія и отдохновенія предлагались дѣла важныя; важность не умаляла веселія, и простота не унижала важности. Какъ ожидалъ, принималъ, и встрѣчалъ своихъ вѣрныхъ! какое увеселеніе за столомъ Его было! Спрашиваетъ, слушаетъ, отвѣчаетъ, разсуждаетъ какъ съ друзьями; и сколько время стола малымъ числомъ пищей сокращалось, столько продолжалось снисходительными *разговорами*. Межъ толь многими государственными попеченіями жилъ какъ съ пріятельми *въ прохлажденіи*. Въ коль малыя хижины художниковъ вмѣщалъ Свое величество; а самыхъ низкихъ, но искусныхъ и вѣрныхъ рабовъ ободрялъ Своимъ посѣщеніемъ. Коль часто съ ними упражнялся въ художествахъ и въ трудахъ разныхъ. Ибо онъ привлекалъ къ тому больше примѣромъ, нежели принуждалъ силою. И ежели что тогда казалось принужденіемъ, нынѣ явилось благодѣяніемъ. За отдохновеніе почиталъ Себѣ трудовъ своихъ перемѣну. Не токмо день или утро, но и солнце на востокѣ освѣщало его на многихъ мѣстахъ за разными трудами. Государственныя правительствующія и судебныя мѣста, имъ учрежденныя, въ Его присутствіи дѣла вершили. Различныя художества, не токмо Его присмотромъ, но и рукъ Его вспоможеніемъ къ приращенію поспѣшали; публичныя строенія, корабли, пристани, крѣпости всегда видѣли и имѣли Его въ основаніи показателя, въ трудѣ ободрителя, въ совершеніи наградителя. Чтожъ его путешествія, или лучше быстропарящія летанія? Едва услышало гласъ повелѣнія Его Бѣлое, уже чувствуетъ Балтійское море; едва путь Его скрылся на водахъ Азовскихъ, уже шумятъ уступающія ему Каспійскія волны. И вы великія рѣки, южная Двина и полночная, Днѣпръ, Донъ, Волга, Бугъ, Висла, Одра, Алба, Дунай, Секвана, Тамиза, Ренъ и прочія, скажите, сколь много кратъ вы удостоились изображать видъ Великаго Петра въ струяхъ вашихъ? Скажите? Я не могу исчислить! Мы нынѣ только съ

радостнымъ удивленіемъ смотримъ, по какимъ путямъ онъ шествовалъ, подъ которымъ *древомъ* имѣлъ отдохновеніе, изъ котораго источника утолялъ жажду, гдѣ съ простыми людьми какъ простой работникъ трудился, гдѣ писалъ законы, гдѣ начерталъ корабли, пристани, крѣпости, и гдѣ между тѣмъ какъ пріятель обращался съ подданными своими. Какъ небесныя свѣтила теченіемъ, какъ море приливомъ и отливомъ; такъ Онъ попеченіемъ и трудами для насъ былъ въ непрестанномъ движеніи. Я [22]) въ полѣ межь огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межь трудными рассужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ между безчисленнымъ парода множествомъ; я межь стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго Океана духомъ обращаюсь; вездѣ Петра Великаго вижу, въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, но многіе; и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча.

Патетическая часть и заключеніе. Съ кѣмъ сравню великаго Государя. Я вижу въ древности и въ новыхъ временахъ обладателей великими названныхъ. И правда предъ другими велики; однако предъ Петромъ малы. Иной завоевалъ многія государства; но свое отечество безъ призрѣнія оставилъ. Иной побѣдилъ непріятеля, уже великимъ именованнаго; но съ обѣихъ сторонъ пролилъ кровь своихъ гражданъ, ради одного своего честолюбія, и вмѣсто тріумфа слышалъ плачъ и рыданіе своего отечества. Иной многими добродѣтельми украшенъ; но вмѣсто, чтобъ воздвигнуть, не могъ удержать тягости падающаго государства. Иной былъ на земли воинъ; однако боялся моря. Иной на морѣ господствовалъ; но къ земли пристать страшился. Иной любилъ науки; но боялся обнаженной шпаги. Иной ни желѣза, ни воды, ни огня

22) Фигура напряженія съ повтореніемъ.

не боялся; однако человѣческаго достоянія и наслѣдства не имѣлъ разума. Другихъ не употреблю примѣровъ кромѣ Рима, но и тотъ недостаточенъ. Что въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ отъ первой Пунической войны до Августа, Непоты, Сципіоны, Маркеллы, Регуллы, Метеллы, Катоны, Суллы произвели: то Петръ сдѣлалъ въ краткое время своея жизни. Комужъ я Героя нашего уподоблю? Часто размышлялъ я: каковъ Тотъ, которой всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю, и море; дхнетъ духъ Его, и потекутъ воды; прикоснется горамъ и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ! Божества постигнуть не можетъ! Обыкновенно представляютъ Его въ человѣческомъ видѣ. И такъ ежели человѣка Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно; кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю. За великія къ отечеству заслуги, названъ Онъ Отцемъ Отечества. Однако малъ ему титулъ. Скажите, какъ его назовемъ за то, что онъ родилъ Дщерь всемилостивѣйшую Государыню нашу, которая на Отеческой престолъ мужествомъ вступила, гордыхъ враговъ побѣдила, Европу усмирила, благодѣяніями Своихъ подданныхъ снабдила! Услыши [23]) насъ Боже, награди Господи! За великіе труды Петровы, за попеченіе Екатеринино, за слезы, за воздыханіе, которыя двѣ Сестры, двѣ дщери Петровы, разлучаясь проливали, за несравненныя всѣхъ къ Россіи благодѣянія, награди долгоденствіемъ и Потомствомъ. А ты великая душа, сіяющая въ вѣчности и Героевъ блистаніемъ помрачающая, красуйся: Дщерь твоя царствуетъ; Внукъ Наслѣдникъ; Правнукъ по желанію нашему родился; мы тобою возвышены, укрѣплены, просвѣщены, украшены; Ею избавлены, ободрены, защищены, обогащены, прославлены. Прими въ знакъ благодарности недостойное сіе приношеніе. Твои заслуги больше, нежели всѣ силы наши!

---

23) Фигура моленія.

Похвальное Слово Петру Великому Ломоносова есть произведеніе риторическое и потому должно быть разбираемо на основаніи правилъ риторики. Похвальное слово, какъ и вообще всякая ораторская рѣчь въ ея полномъ составѣ, заключаетъ въ себѣ слѣдующія составныя части: 1) приступъ, 2) предложеніе, 3) раздѣленіе, 4) повѣствованіе съ доводами, 5) патетическую часть и 6) заключеніе. *Приступъ* всегда считался необходимою принадлежностью ораторскаго слова. Онъ имѣлъ цѣлью возбудить вниманіе слушателей и указать на поводъ, вызвавшій появленіе Слова. По свойству рѣчи приступы были: естественный, искуственный, историческій, внезапный.

Въ *предложеніи* кратко указывались предметъ и содержаніе Слова. *Въ раздѣленіи* устанавливался порядокъ, въ какомъ будетъ слѣдовать изложеніе рѣчи. Часть эта считалась необходимою для облегченія вниманія слушателей. Дѣленіе не должно быть слишкомъ дробно, члены его должны рѣзко разграничиваться другъ отъ друга и соотвѣтствовать предмету. *Патетическая часть* имѣла цѣлью подѣйствовать на воображеніе и сердце слушателей. *Заключеніе* должно было замыкать собою рѣчь, или заключать въ себѣ воззваніе, сливаясь въ послѣднемъ случаѣ съ патетическою частью.

Каждая изъ указанныхъ частей Похвальнаго Слова имѣетъ свой собственный порядокъ, а всѣ вмѣстѣ состоятъ въ ближайшей связи между собою. Такъ какъ Похвальное Слово произносилось въ день празднованія коронаціи Императрицы Елизаветы, то приступъ посвященъ событію дня, Императрицѣ Елизаветѣ. Главная мысль, развиваемая въ приступѣ—доказать, что Елизавета истинная пріемница славы и дѣяній Петра. Доводы свои Ломоносовъ располагаетъ въ трехъ группахъ: 1) *Рожденіе Елизаветы* случилось въ годъ Полтавской битвы: Провидѣніе предвѣщало этимъ новорожденной тронъ и отческую славу. 2) *Возшествіе на престолъ Елизаветы*—а) принесло

съ собою спасеніе и обновленіе великимъ дѣламъ Петра и вообще Россіи, b)—избавило Россію отъ презрѣнія, съ какимъ имѣли право относиться къ Россіи иностранцы, видя, что Россіяне забыли Петра, и не возводятъ дочь его на престолъ. 3) *Дѣянія Елизаветы на престолѣ* соотвѣтствуютъ дѣяніямъ Петра. По примѣру его она раздаетъ государямъ короны, успокоиваетъ Европу, утверждаетъ Россійское наслѣдство. Отсюда общій выводъ: Елизавета истинная пріемница Петра. *Слѣдовательно похваляя Петра, похвалимъ Елизавету.*

Вторая и третья часть Слова—предложеніе и раздѣленіе—сообразно съ своимъ назначеніемъ кратки. Предложивъ свою главную мысль—*представить ясными изображеніями славу и дѣла Петра*—и раздѣливъ ее на частныя мысли, Ломоносовъ устанавливаетъ такой порядокъ въ Повѣствовательной части: 1) изображеніе дѣлъ Петра, 2) о преодолѣнныхъ имъ препятствіяхъ, 3) о добродѣтеляхъ Петра. Въ этомъ дѣленіи соблюдено правило риторики: располагать части предмета по степени занимательности и важности, переходя отъ простѣйшаго къ труднѣйшему.

Первая часть повѣствованія, *дѣла Петра*: 1) распространеніе знаній и наукъ въ Россіи, 2) устройство войска и побѣды на сушѣ, 3) устройство флота, 4) внутреннія учрежденія: приращеніе доходовъ, улучшеніе путей сообщенія, учрежденіе Правительствующаго Сената, Святѣйшаго Синода и проч. Чтобы связать отдѣльныя части повѣствованія о дѣлахъ Петра, Ломоносовъ пользуется разными пріемами. Говоря о распространеніи наукъ и полезныхъ знаній Ломоносовъ замѣчаетъ, какъ бы безъ особой цѣли, что до Петра В. у насъ не было даже своего желѣза, съ чѣмъ бы стать противъ непріятеля. Благодаря наукѣ найдены руды и Русское войско могло выступить съ оружіемъ, добытымъ изъ горъ Россійскихъ Россійскими руками. Этимъ и дѣлается переходъ отъ просвѣщенія и науки къ повѣствованію объ устройствѣ войска и о походахъ Петра.

Отъ сухопутнаго войска не трудно было оратору перейти къ флоту; но отъ флота къ гражданскимъ учрежденіямъ переходъ былъ не такъ легокъ. Чтобы сдѣлать его простымъ и естественнымъ, Ломоносовъ дѣлаетъ восклицаніе: «Превосходенъ на земли, несравненъ на водахъ силою и славою военною былъ великій нашъ защитникъ!» Восклицаніе это имѣло цѣлію живѣе представить слушателямъ всю трудность и важность подвиговъ Петра. Но чтобы совершить все сдѣланное Петромъ, ввести просвѣщеніе, устроить сухопутное войско, флотъ, — для всего этого нужны средства, *требуется великая казна.* Этимъ замѣчаніемъ Ломоносовъ дѣлаетъ переходъ ко внутреннимъ преобразованіямъ Петра, приращенію доходовъ и т. п.

Вторая часть повѣствованія, препятствія преодолѣнныя Петромъ, связывается съ первою восклицаніемъ и вопросомъ. Изъ препятствій упоминаются: опасности путешествій, внѣшніе враги (Шведы, Поляки, Крымскіе Татары, Персіяне, Турки) внутренніе непріятели (стрѣльцы, раскольники, козаки, разбойники), и измѣна ближнихъ. Вообще эта часть, сравнительно съ первой, отличается краткостью. Въ оправданіе этого Ломоносовъ замѣчаетъ въ концѣ: «все подробно описать трудно и слушать небезболѣзненно! къ радости въ радостное время обратимся!»

Третія часть повѣствованія, о добродѣтеляхъ Петра— порядокъ въ ней установленъ въ самомъ началѣ: «споспѣшествовалъ (т. е. Всевышній) его *благочестію, премудрости, великодушію, мужеству, правдѣ, снисходительности, трудолюбію.*» Каждую упомянутую черту характера Петра Ломоносовъ разсматриваетъ отдѣльно, приводя или указывая доводы и примѣры. Благочестіе доказывается усердіемъ къ храмамъ Божіимъ и торжественнымъ срѣтеніемъ мощей Св. Александра Невскаго; премудрость указывается въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ; геройство—въ презрѣніи опасностей, въ

морскихъ плаваніяхъ, Полтавской битвѣ; великодушіе—въ обращеніи съ побѣжденными; правосудіе—въ поступкахъ, въ казни стрѣльцевъ; снисходительность—въ обращеніи съ подданными; трудолюбіе, послѣдняя черта, представляется какъ вѣнецъ всего и на изображеніе ея употреблено особенно много риторическихъ украшеній.

Патетическая часть начинается восклицаніемъ: «съ кѣмъ сравню великаго Государя!» Остановившись на мысли о Богоподобіи Петра, Ломоносовъ дѣлаетъ заключеніе Слова обращеніемъ къ Богу и возваніемъ къ духу Петра.

Похвальное Слово Ломоносова написано за небольшими исключеніями періодическою рѣчью. Основываясь на различіи стилей, установленномъ самимъ Ломоносовымъ, въ Похвальномъ словѣ, какъ «въ прозаической рѣчи о важной матеріи» должно видѣть образецъ высокаго слога. Высокій стиль долженъ состоять изъ словъ *Словянороссійскихъ* (т. е. употребительныхъ одинаково и въ Славянскомъ языкѣ и въ Русскомъ) и изъ Славянскихъ, понятныхъ Русскимъ и не весьма обветшалыхъ.

Изъ Славянскихъ словъ встрѣчаются въ Словѣ: благодѣнство, бдѣніе, вождѣленный, воспящать, градъ, гласъ, довлѣть, достодолжный, дщерь, единый, паче, пріобыкшій, препятити, препинательный, препона, позорище, сопостатъ, сбытіе, стезя, свободиться, яко бы и проч.

Реторическія украшенія Похвальнаго Слова. Украшеніе, по опредѣленію риторики Ломоносова, есть изобрѣтенныхъ идей пристойными и избранными реченіями изображеніе. Украшеніе происходитъ отъ употребленія тропъ (переносныхъ словъ) и фигуръ. Фигурою въ риторикѣ называется употребленіе словъ и предложеній, отступающее отъ обыкновеннаго строя и порядка мыслей. Ломоносовъ различаетъ фигуры словъ и фигуры предложеній.

Изъ фигуръ словъ въ разбираемомъ Словѣ встрѣчаются:

1) *Повтореніе* т. е. многократное употребленіе слова въ предложеніяхъ; напр. Вѣнчалъ Господь ея чудное рожденіе, вѣнчалъ преславное восшествіе, вѣнчалъ безприкладныя добродѣтели. 2) *Усугубленіе* т. е. когда одно слово дважды повторяется въ одномъ предложеніи; напр. Россіяне, Россіяне Петра Великаго забыли. 3) *Наклоненіе*, когда одно слово повторяется въ разныхъ падежахъ; напр. я вами свидѣтельствуюсь великія россійскія рѣки, я къ вамъ обращаюсь. 4) *Безсоюзіе*, напр. спрашиваетъ, слушаетъ, отвѣчаетъ, разсуждаетъ. 5) *Многосоюзіе*, напр. Отряси свои сомнѣнія и страхи; и радости и надежды исполнена.

Фигуръ предложеній Ломоносовъ насчитываетъ 26: 1) опредѣленіе, 2) изреченіе, 3) вопрошеніе, 4) отвѣтствованіе, 5) обращеніе, 6) указаніе, 7) заимословіе, 8) умедленіе, 9) сообщеніе, 10) поправленіе, 11) расположеніе, 12) уступленіе, 13) вольность, 14) прохожденіе, 15) умолчаніе, 16) сомнѣніе, 17) заятіе, 18) напряженіе, 19) премѣненіе, 20) присовокупленіе 21) желаніе, 22) моленіе, 23) восклицаніе, 24) изображеніе, 25) возвышеніе, 26) восклицаніе.

Сверхъ того существуютъ фигуры смѣшенныя, составленныя изъ разныхъ фигуръ; напр. вопрошеніе съ отвѣтомъ; вопрошеніе съ заимословіемъ; напряженіе съ вопрошеніемъ и друг.

Приведемъ Ломоносовское опредѣленіе фигуръ предложеній [1]), встрѣчающихся въ Похвальномъ Словѣ. Значеніе фигуръ *вопрошенія* и *моленія* понятно изъ самаго ихъ названія. Ими пользуется ораторъ для сильнѣйшаго изображенія вещей. Фигура *отвѣтствованія*—когда сочинитель отвѣчаетъ самъ на предложенный вопросъ. *Обращеніе* — когда обращается слово къ другому лицу или вещи. *Указаніе*—когда лице или вещь представляются какъ бы дѣйствующими и для большаго

1) Примѣры фигуръ предложеній указаны въ выноскахъ къ тексту Похвальнаго Слова.

оживленія употребляются слова указательныя: се, вотъ, возри, здѣсь, тамъ. *Заимословіе*—когда то, что самому автору говорить должно, влагается въ уста другому лицу или вещи. *Поправленіе*—когда рѣчь повторяется для того, чтобы присоединить къ ней другую болѣе сильную. *Присовокупленіе*—когда къ одному подлежащему многія сказуемыя, или къ одному сказуемому многія подлежащія. *Прохожденіе*—когда мы притворяемся, будто мы говорить о чемъ не хотѣли, однако тѣмъ самымъ оное живо представляемъ. *Сомнѣніе*—когда себя, или кого другаго представляемъ въ затрудненіи, какъ выбрать одну изъ разныхъ вещей. *Напряженіе*—или стеченіе—есть соединеніе въ одномъ періодѣ или членѣ періода многихъ важныхъ мыслей. *Восклицаніе* есть возвышеніе слова, при чемъ употребляются междометія восклицательныя: О Боже мой! Ахъ! О коль!

Ода на день восшествія на престолъ императрицы Елизаветы (1747 г.)

1. Царей и царствъ земныхъ отрада
Возлюбленная тишина, [1])
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна [2])!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И классы на поляхъ желтѣютъ:
Сокровищъ полны [3]) корабли

---

1) Слово тишина не выражаетъ всего того, что хотѣлъ сказать поэтъ. Спокойствіе, покой, тишина, безмолвіе, благодѣнствіе суть идеи частныя, заключающіяся въ общей идеѣ *мира*, которая дѣйствительно и вполнѣ изображаетъ мысль Ломоносова. Соединеніе тишины съ Елизаветою основано на значеніи имени Елизаветы, которое на Еврейскомъ толкуется миръ или тишина. (зам. Мерзлякова).

2) *Красный*—въ значеніи свѣтлый, хорошій.

3) *Полны*—усѣченное прилагательное на мѣстѣ опредѣлительнаго слова. (Ниже постоянно: чрезъ яры волны, наглы вихри, прекрасны времена, божественны науки, новы плоды, полезны труды, въ небесну дверь, горы превысоки и т. п.).

Дерзаютъ въ море за тобою,
Ты сыплешь щедрою рукою,
Свое богатство по земли.

2. Великое свѣтило міру, [4])
Блистая съ вѣчной высоты
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ;
Но краше въ свѣтѣ не находитъ
Елисаветы и тебя.
Ты кромѣ той всего превыше,
Душа Ея зефира тише,
И зракъ прекраснѣе рая.

3. Когда на тронъ Она вступила,
Какъ Вышній подалъ Ей вѣнецъ:
Тебя въ Россію возвратила,
Войнѣ поставила конецъ;
Тебя пріявъ облобызала:
Мнѣ полно [5]) тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льется токъ.
Я Россовъ щастьемъ услаждаюсь,
Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый западъ и востокъ.

4. Божественнымъ устамъ приличенъ,
Монархиня, сей кроткій гласъ:
О коль достойно возвеличенъ
Сей день и тотъ блаженный часъ,
Когда отъ радостной премѣны
Петровы возвышали стѣны
До звѣздъ плесканіе и кликъ!

---

4) *Миру*—дател. падежъ вм. род. принадлежности.

5) *Полно*—въ зн. безличнаго глагола довольно, будетъ. (Ср. народное выраженіе: полно жить пора умирать.

Когда ты крестъ несла рукою
И на престолъ взвела съ собою
Добротъ Твоихъ прекрасный ликъ [6])!

5. Чтобъ слову съ оными сравняться,
Достатокъ силы нашей малъ;
Но мы не можемъ удержаться
Отъ пѣнія Твоихъ похвалъ.
Твои щедроты ободряютъ
Нашъ духъ и къ бѣгу устремляютъ,
Какъ въ понтъ [7]) пловца способный вѣтръ
Чрезъ яры волны порываетъ;
Онъ брегъ съ весельемъ оставляетъ:
Летитъ корма межъ [8]) водныхъ нѣдръ.

6. Молчите пламенные звуки
И колебать престаньте свѣтъ:
Здѣсь въ мирѣ разширять науки
Изволила Елисаветъ.
Вы наглы [9]) вихри не дерзайте
Ревѣть, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
Въ безмолвіи внимай вселенна:
Се хощетъ лира восхищенна
Гласить велики имена.

7. Ужасный [10]) чудными дѣлами
Зиждитель міра искони
Своими положилъ судьбами,
Себя прославить въ наши дни;
Послалъ въ Россію человѣка,

---

6) *Ликъ* въ цс. имѣетъ два значенія: 1) образъ, начертаніе лица, 2) хоръ, клиръ.
7) *Понтъ* вм. море.
8) *Межъ* съ род. (Ср. Стада ходящи межъ цвѣтами).
9) *Наглый* въ цс. зн. стремительный, бурный.
10) *Ужасный*—въ зн. ужасающій величіемъ, непостижимый.

Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка,
Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу побѣдами вѣнчанну,
Россію варварствомъ попранну
Съ собой возвысилъ до небесъ.

8. Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечь въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на Россійскій флагъ.
Въ стѣнахъ внезапно укрѣпленна
И зданіями окруженна
Сомнѣнная [11]) Нева рекла:
Или я нынѣ позабылась [12])
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?

9. Тогда божественны науки
Чрезъ горы, рѣки и моря,
Въ Россію простирали руки,
Къ сему монарху говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ Россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ,
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.

10. Но ахъ жестокая судьбина!
Безсмертія достойный мужъ,
Блаженства нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторженъ рокомъ,

---

11) *Сомнѣнная* въ зн. недоумѣвающая (цс. съмьнѣти—неудомѣвать.)
12) *Позабылась*—рус. об., въ зн. не помнить себя.

Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ?
Внушивъ [13]) рыданій нашихъ слухъ,
Верьхи Парнасски возстенали,
И музы воплемъ провождали
Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ.
11. Въ толикой праведной печали
Сомнѣнный ихъ смущался путь;
И токмо шествуя желали
На гробъ и на дѣла взглянуть.
Но кроткая Екатерина
Отрада ю Петрѣ едина
Пріемлетъ щедрой ихъ рукой.
Ахъ естьлибъ жизнь Ея продлилась;
Давнобъ Секвана постыдилась
Съ своимъ искусствомъ предъ Невой!
12. Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой горести Парнассъ?
О коль согласно тамъ бряцаетъ
Пріятныхъ струнъ сладчайшій [14]) гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики;
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Петрова Дщерь,
Щедроты отчи превышаетъ,
Довольство музъ усугубляетъ,
И къ щастью отверзаетъ дверь.
14. Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьямъ [15]) можетъ воинъ,
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ:

---

13) *Внушивъ* въ зн. внявъ, отъ цс. *вѣкушати*—слушать, внимать.
14) Объ употребленіи сравн. степ. см. примѣчаніе къ Похв. Слову.
15) *Сравнить сраженьямъ* т. е. исчислить побѣды сраженіями.

Но ратники ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ,
Звучащу [16]) славу заглушаетъ,
И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.

14. Сія Тебѣ единой слава,
Монархиня, принадлежитъ,
Пространная Твоя держава
О какъ Тебѣ благодаритъ! [17])
Воззри на горы превысоки,
Воззри въ поля свои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ;
Богатство въ оныхъ потаенно
Наукой будетъ откровенно,
Что [18]) щедростью Твоей цвѣтетъ.

15. Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ щастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія:
Но требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ.
Сіе [19]) злату очиститъ жилу,
Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ.

16. Хотя всегдашними снѣгами

---

16) Объ употр. причастій см. прим. къ Похв. Слову.

17) *Благодаритъ тебѣ*—дат. над. вм. вин. Это управленіе согласно съ самимъ образованіемъ глагола благодарить (дарить кому благо), оно доселѣ сохранились въ дѣепричастіи: благодаря кому. (Грам. Бусл. § 253).

18) *Что* вм. которая.

19) *Сіе* т. е. искусство.

Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми борей крылами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистой быстриной,
Какъ Нилъ народы напаяетъ
И бреги наконецъ теряетъ,
Сравнившись морю шириною.

17. Коль многи смертнымъ неизвѣстны
Творитъ натура чудеса,
Гдѣ густостью животнымъ тѣсны
Стоятъ глубокіе лѣса,
Гдѣ въ роскоши прохладныхъ тѣней
На паствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не разгонялъ;
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ;
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не устрашалъ.

18. Широкое открыло поле,
Гдѣ музамъ путь свой простирать
Твоей великодушной волѣ
Что можемъ за сіе воздать?
Мы даръ Твой до небесъ прославимъ,
И знакъ щедротъ Твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца восходъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
Въ Твою державу отъ Манжуръ.

19. Се мрачной вѣчности запону [20])
Надежда отверзаетъ намъ!

---

20) *Запона*—за занавѣсь.

Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ;
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ.
Тамъ влажный флота путь бѣлѣетъ
И море тщится уступить:
Колумбъ Россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Твои щедроты возвѣстить.
20. Тамъ тьмою острововъ посѣянъ,
Рѣкѣ подобенъ Океанъ;
Небесной синевой одѣянъ
Павлина посрамляетъ вранъ.
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны;
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ,
И плавая въ струяхъ пріятныхъ
Не знаютъ строгія зимы.
21. И се Минерва ударяетъ
Въ верьхи Рифейски [21]) копіемъ,
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи Твоемъ.
Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется,
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Которой тамъ натура скрыла;
Отъ блеску дневнаго свѣтила
Онъ мрачный отвращаетъ взоръ.
22. О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,

21) *Рифейскія горы*—баснословныя горы на полуночныхъ границахъ мі́ра.

Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

23. Науки юношей питаютъ, [22])
Отраду старымъ подаютъ,
Въ щастливой жизни украшаютъ,
Въ нещастной случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и на единѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

24. Тебѣ, о милости источникъ,
О Ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ!
Всевышній на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,
Завидя нашему покою
Противъ Тебя возстать войною.
Тебя зиждитель сохранитъ
Во всѣхъ путяхъ безпретковенну,
И жизнь Твою благословенну
Съ числомъ щедротъ Твоихъ сравнитъ.

Главная мысль Оды. Разсматриваемая Ода написана на возшествіе на престолъ Императрицы Елизаветы, въ 7 годъ

22) Строфа 23 о наукахъ есть переложеніе словъ Цицерона: Haec studia adolescentiam alunt, senectutem oblectant, secundas res ornant, adversis perfugium ac solatium praebent, delectant domi, non impediunt foris, pernoctant nobiscum, peregrinantur, rusticantur. (Pro Arch. Poeta, cap. VII).

ея царствованія. Чтобы опредѣлить главную мысль Оды нужно предварительно опредѣлить ея матеріалъ, указать на какихъ сторонахъ и вопросахъ останавливается поэтъ. Первая половина царствованія Императрицы Елизаветы отличается мирнымъ характеромъ. Шведская воина была вызвана не Елизаветою и кончилась миромъ въ 1743 г., а за тѣмъ до Прусскихъ походовъ (1757) воинъ не было, не смотря на усиленныя попытки Западныхъ державъ втянуть Россію въ войну за Австрійское наслѣдство. Но одного миролюбія Елизаветы—слишкомъ мало для похвальной Оды, какъ стихотворенія лирическаго, предполагающаго вдохновеніе, увлеченіе своимъ предметомъ. Ода, по опредѣленію піитики, есть изображеніе сильнаго чувствованія, возбужденнаго предметомъ высокимъ.

Одно устраненіе отъ воины—ничего высокаго въ себѣ не заключаетъ; къ тому же и въ предшествовавшія Елизаветѣ царствованія воины были не часты и не столь значительны, чтобы *въ тишинѣ* Елизаветина правленія можно было видѣть что-то новое, необыкновенное. Тишинѣ Ломоносовъ придаетъ иное значеніе, а не полагаетъ ее въ одномъ устраненіи отъ войны. Имя Елизаветы было для современниковъ Ломоносова дорого по одному тому, что она была дочь Петра Великаго, что съ ея возшествіемъ въ судьбахъ Россіи произошелъ рѣзкій оборотъ къ лучшему. Не отличаясь внѣшними войнами, время отъ Екатерины 1-й до Елизаветы было временемъ внутренней неурядицы губительной для Россіи. Одинъ за другимъ, въ самое короткое время возвышались и падали временщики. Россія пережила время Бироновщины, разорительной хуже всякой внѣшней войны. Будущее Россіи было мрачно, ей предстоялъ длинный рядъ постыдныхъ униженій. Возшествіе Елизаветы, законной наслѣдницы и дочери Петра, разомъ положило конецъ внутреннимъ безпорядкамъ. Современники, а тѣмъ болѣе Ломоносовъ, должны были живо чувст-

вовать всю важность совершившагося событія. Каково бы ни было правленіе самой Елизаветы, одно уже ея возшествіе на престолъ обезпечивало Россіи внутренній миръ, тишину. Но правленіе Елизаветы было во многомъ возвращеніемъ ко временамъ Великаго Петра. Ея мѣры клонились къ утвержденію порядка и просвѣщенія. Дочь Петра Великаго заботящаяся о возрожденіи просвѣщенія, забытаго со смерти Петра — вотъ источникъ вдохновенія Ломоносова. Просвѣщеніе Россіи было слишкомъ слабо, самая важная мѣра Елизаветы—основаніе Московскаго Университета—произошла послѣ написанія разсматриваемой Оды. Ломоносовъ, всю жизнь свою посвятившій наукѣ, хорошо зналъ ея состояніе въ Россіи и форма похвальной Оды не заставляетъ его вдаваться въ общія мѣста. Воображая себѣ могущество Россіи, ея колоссальное пространство, ея нетронутыя богатства, Ломоносовъ видитъ съ другой стороны, что нравственныя силы Россіи не соотвѣтствуютъ физическимъ. Все въ избыткѣ въ Россіи,—нѣтъ лишь науки, нѣтъ искусныхъ рукъ, нѣтъ людей, которые силою науки открыли бы Россіи ея богатства, вызвали къ жизни ея дремлющія силы. Мысль о наукѣ, о ея пользѣ, о предстоящемъ ей развитіи въ Россіи овладѣваетъ воображеніемъ Ломоносова и составляетъ одну изъ главныхъ частей всей Оды. Такимъ образомъ, тишина царствованія Елизаветы и предстоящее развитіе наукъ—составляютъ содержаніе Оды Ломоносова. Главная мысль Оды—въ прославленіи мира, среди котораго Россіи предстоитъ развить внутреннія силы до соотвѣтствія съ своимъ внѣшнимъ величіемъ и богатствомъ.

Размѣръ Оды. Ода написана тоническимъ размѣромъ, именно четырехстопнымъ ямбомъ. Риѳмы въ ней мужскія и женскія, т. е. съ удареніемъ на послѣднемъ и предпослѣднемъ слогѣ. Сочетаніе риѳмъ различно: женскія и мужскія чере-

дуются между собою, или за двумя женскими слѣдуетъ одна мужская.

Тоническій рязмѣръ стиховъ, т. е. размѣръ основанный на удареніи словъ, въ приложеніи къ нашему языку, впервые употребленъ былъ Тредьяковскимъ, который въ 1735 г. составилъ «Новый и краткій способъ къ сложенію Россійскихъ стиховъ». До того времени употреблялись у насъ размѣры, несвойственные нашему языку: метрическій, основанный на долготѣ и краткости звуковъ, и силлабическій, основанный на количествѣ слоговъ и свойственный языкамъ, въ которыхъ удареніе приковано къ одному мѣсту.

Основное положеніе теоріи Тредьяковскаго вѣрно: «долгота и краткость слоговъ въ Русскомъ языкѣ *тоническая* т. е. въ единомъ удареніи состоящая». Первую мысль основать русское стихосложеніе на удареніи подала Тредьяковскому «поэзія простаго народа» т. е. народныя пѣсни. Развивая свою основную мысль въ частныхъ правилахъ, Тредьяковскій не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ русской теоріи силлабическаго размѣра. Такъ, разбирая вопросы о риѳмѣ и сочетаніи стиховъ, Тредьяковскій разсуждаетъ такъ: «Во Французской поэзіи различаются стихи мужскаго и женскаго рода. Сочетаніе стиховъ Французы называютъ Mariage des vers. Въ стихѣ мужескаго рода удареніе на послѣднемъ слогѣ; въ стихѣ женскаго рода—удареніе на предпослѣднемъ. Вся сила ихъ сочетанія состоитъ въ различномъ расположеніи. Но такое сочетаніе не можетъ быть введено въ наше стихосложеніе: *свойство нашихъ стиховъ всегда требуетъ удареніе риѳмы на предпослѣднемъ слогѣ, въ чемъ почти главная сладость нашихъ состоитъ стиховъ*. Удареніе въ риѳмѣ на послѣднемъ слогѣ можетъ быть допущено въ маловажныхъ, или шуточныхъ стихахъ, но и то по нуждѣ и весьма долженствуетъ быть рѣдко. Сочетаніе мужскихъ и женскихъ стиховъ также бы гнусно и мерзко было, когда бы

кто наипокланяемую, наинѣжную и самымъ цвѣтомъ младости сіяющую Европскую красавицу выдалъ за дряхлаго, чорнаго и 90 лѣтъ имѣющаго Арапа.» Такимъ образомъ, Тредьяковскій относительно рифмы остался вѣренъ теоріи силлабическаго размѣра. Въ приложенныхъ къ способу Тредьяковскаго образцахъ дѣйствительно встрѣчаемъ однѣ женскія риѳмы: отдавати, начинати, дружися, льстися, мало, казало и т. п. Спустя три года послѣ выхода въ свѣтъ «*Новаго способа*» Ломоносовъ въ бытность свою за границею написалъ тоническимъ размѣромъ Оду на взятіе Хотина (1739) и приложивъ къ ней «Письмо о правилахъ Россійскаго Стихотворства». Ломоносовъ зналъ Новый Способъ Тредьяковскаго, но приложилъ его къ русскому стиху болѣе счастливо, такъ что превосходство тоническаго размѣра стало выше всякаго сомнѣнія. Основанія тоническаго размѣра Ломоносовъ объясняетъ такъ: «Русскіе стихи надлежитъ сочинять по природному свойству нашего языка, а того что ему весьма несвойственно, изъ другихъ языковъ не вносить.» Этимъ положеніемъ навсегда отстранились для русскаго языка метрическій и силлабическій размѣры. «Въ Русскомъ языкѣ только тѣ слоги долгіе, надъ которыми стоитъ удареніе, а прочіе всѣ коротки. Долгіе и краткіе слоги т. е. съ удареніемъ и безъ ударенія должно располагать въ свойственныя нашему языку стопы, а не ограничивать стихъ извѣстнымъ количествомъ слоговъ, какъ это встрѣчаемъ во Французскомъ языкѣ и въ нашемъ Силлабическомъ размѣрѣ, взятымъ съ Польскаго.»

Главныя стопы по теоріи Ломоносова: 1) Ямбъ, 2) Хорей, 3) Дактиль, 4) Анапестъ, 5) Смѣшанныя стопы изъ Ямбовъ и Анапестовъ, 6) изъ Хореевъ и дактилей. *Ямбу* Ломоносовъ отдавалъ рѣшительное предпочтеніе предъ прочими: «часто ямбическіе стихи хотя и трудновато сочинять; однако поднимаясь въ верьхъ, матеріи благородство, великолѣпіе и высоту

умножаютъ. Оныхъ нигдѣ не можно лучше употреблять, какъ въ торжественныхъ одахъ.» Относительно риѳмъ и сочетаній ихъ Ломоносовъ превосходно опровергъ приведенное выше мнѣніе Тредьяковскаго: «хотя до сего времени однѣ женскія риѳмы въ Россійскихъ стихахъ употребляемы были, а мужскія и отъ 3-го слога начинающіяся, заказаны, однако сей заказъ толь праведенъ и нашей Версификаціи такъ свойственъ и природенъ, какъ ежели бы кто обѣими ногами здоровому человѣку всегда на одной скакать велѣлъ.... и чѣмъ бы святѣе сіи женскія рифмы: красовуляхъ, ходуляхъ, слѣдующихъ мужскихъ: востокъ, высокъ, были? По моему мнѣнію подлость риѳмовъ не въ томъ, что они больше или меньше слоговъ имѣютъ; но что оныхъ слова подлое или простое что значатъ.» Оканчивая свое разсужденіе о риѳмахъ, Ломоносовъ возражаетъ Тредьяковскому: «подлинно, что всякому, кто однѣ женскія риѳмы употребляетъ, сочетаніе и перемѣшка стиховъ странны кажутся; однако ежели бы онъ къ сему только примѣнился, то скоро-бъ увидѣлъ, что оное столь же пріятно и красно, коль въ другихъ Европейскихъ языкахъ. Никогда бы мужская риѳма предъ женскою не показалась какъ дряхлой, черной, и девяносто лѣтъ старой арапъ, передъ наиполюбляемой, наинѣжною, и самымъ цвѣтомъ младости сіяющею Европейскою красавицею.»

Отношеніе Оды къ правиламъ Піитики и риторики. Ода, по опредѣленію старинной піитики, есть изображеніе сильнаго чувства, возбужденнаго предметомъ высокимъ. Содержаніемъ оды должны быть предметы, выходящіе изъ круга обыкновенныхъ: «торжества, радости, похвалы мужей и другихъ вещей, временъ, праздниковъ, публичныхъ мѣстъ» и т. п. Сообразно съ предметомъ языкъ Оды долженъ быть высокопаренъ. Существенными частями Оды считались: приступъ, отступленія и заключеніе. Приступъ дѣлится на стремительный и тихій. Стремительный состоялъ въ выраженіи восторга

и начинался фигурою восклицанія. Въ разсматриваемой Одѣ приступъ тихій, потому что самый предметъ Оды—тишина Елизаветина царствованія. Въ отступленіи заключалась повѣствовательная часть Оды: напр. у Ломоносова—о Петрѣ Великомъ и о значеніи наукъ. Въ заключеніи должны быть мысли разительныя; напр. у Ломоносова въ послѣдней строфѣ призывается кара Божія на того, кто дерзнетъ нарушить покой Россіи. Кромѣ этихъ частей Ода должна имѣть слѣдующія свойства или достоинства: 1) вдохновеніе или восторгъ, 2) лирическій безпорядокъ, 3) разнообразіе, 4) единство. Безъ вдохновенія невозможна самая Ода. Сообразно съ своимъ предметомъ поэтъ долженъ располагать свой восторгъ: начинать имъ и тогда происходитъ стремительный приступъ, или начавъ спокойно, постепенно вдохновляться своимъ предметомъ. Лирическій безпорядокъ считался слѣдствіемъ сильно напряженнаго чувства, наплывомъ мыслей, не укладывающихся въ строгомъ, логическомъ порядкѣ. Разнообразіе полагалось въ умѣньи совмѣстить въ одной или двухъ строфахъ самыя разнообразные образы и картины [1]). Единство должно состоять въ томъ, чтобы во всей одѣ преобладало одно чувство. У Ломоносова единство чувства—чувство благоговѣнія къ Императрицѣ Елизаветѣ. Для того, чтобы соблюсти всѣ указанныя свойства, поэтъ долженъ пользоваться внѣшними средствами, риторическими фигурами. Изъ простыхъ фигуръ предложенія въ Одѣ Ломоносова встрѣчаются: 1) фигура восклицанія (строфа 10). 2) Три фигуры указанія въ стр. 19 и 21. 3) Фигуры заимословія въ стр. 3, 8, 9. Смѣшанныя фигуры: 1) фигура вопрошенія съ восклицаніемъ въ стр. 12. 2) Фигура восклицанія съ вопрошеніемъ въ стр. 18. 3) Фигура обращенія съ восклицаніемъ,—стр. 22. 4) Фигура обращенія съ фигурами указанія и восклицанія,—стр. 14.

---

1) См. въ Одѣ Ломоносова строфы 20 и 21.

Къ числу украшеній Оды слѣдуетъ отнести и *олицетвореніе*, составляющее, по мнѣнію Ломоносова, душу оды. «Олицетвореніе оживляетъ отвлеченныя понятія и предметы не имѣющіе чувствъ, гласа и движеній.» Происхожденіе олицетвореній въ Одѣ объясняется вліяніемъ ложноклассической теоріи. Древнеклассическіе поэты имѣли богатый источникъ для оживленія поэтической рѣчи: народную миѳологію. Пользуясь готовыми образами родныхъ преданій, поэты постоянно обращались къ нимъ въ своихъ произведеніяхъ. Ложноклассическая литература, стремясь по духу и формѣ приблизиться къ классической, заимствовала изъ нея имена языческихъ Божествъ и пользовалась ими какъ условнымъ украшеніемъ.

Такъ въ Одѣ Ломоносова Марсъ и Нептунъ дивятся Петру, вмѣсто того чтобы сказать, что Петръ былъ непобѣдимъ на сушѣ и на морѣ; Минерва ударяетъ копьемъ въ Рифейскія горы и Плутонъ мятется въ ужасѣ, вм. того—горныя науки раскроютъ богатства Россіи;—Науки и искусства представляются въ образѣ Музъ.

Г. Р. Державинъ.

Свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ Державина. Гавріилъ Романовичъ Державинъ родился въ 1743 г. въ Казани. Дѣтство, проведенное среди недостатковъ, воспитаніе и первыя десять лѣтъ служебной карьеры мало благопріятствовали развитію врожденныхъ способностей поэта. Вотъ какъ онъ самъ въ своихъ запискахъ передаетъ воспоминанія дѣтства и юности. «За неимѣніемъ въ томъ краю учителей наученъ [1]) отъ церковниковъ читать и писать. Мать, однако, имѣя бо-

1) Державинъ говоритъ о себѣ въ запискахъ въ 3-мъ лицѣ.

лѣе времени быть дома, когда отецъ отлучался по должностямъ своимъ на службу, старалась пристрастить къ чтенію книгъ духовныхъ, поощряя къ тому награжденіемъ игрушекъ и конфектовъ... При вступленіи въ отроческіе годы, т. е. по седьмому году, по тогдашнимъ законамъ, явленъ былъ на первый смотръ губернатору и отданъ для наученія Нѣмецкаго языка за неимѣніемъ тамъ другихъ учителей, сосланному за какую-то вину въ каторжную работу нѣкоторому Іосифу Розѣ, у котораго дѣти лучшихъ благородныхъ людей, при должностяхъ находящихся, мужеска и женска пола, учились. Сей наставникъ, кромѣ того, что нравовъ развращенныхъ, жестокъ, наказывалъ своихъ учениковъ самыми мучительными, но даже и неблагопристойными штрафами;... былъ самъ невѣжда, не зналъ даже грамматическихъ правилъ, а для того и упражнялъ только дѣтей тверженію наизустъ вокабулъ и разговоровъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, посредствомъ таковаго ученія разумѣлъ уже здѣсь упомянутый питомецъ по-нѣмецки читать, писать и говорить». По смерти отца положеніе семейства Державиныхъ было крайне затруднительно: маленькія помѣстья ихъ, разбросанныя по клочкамъ въ разныхъ губерніяхъ, не приносили никакого доходу и «при таковыхъ однако напастяхъ мать никогда не забывала о воспитаніи дѣтей, но прилагала всевозможное попеченіе, какое только возможно было имъ доставить; а для того отдала ихъ въ наученіе, за неимѣніемъ лучшихъ учителей ариѳметики и геометріи сперва гарнизонному школьнику Лебедеву, а потомъ Артиллеріи Штыкъ-юнкеру Полетаеву; но какъ они и сами въ сихъ наукахъ были мало свѣдущи, ибо какъ Роза нѣмецкому языку училъ безъ грамматики, такъ и они Ариѳметикѣ и геометріи безъ доказательствъ и правилъ.»

Въ 1755 году въ Казани была открыта гимназія и Державинъ поступилъ въ нее. Обративъ на себя вниманіе умѣньемъ снимать планы, Державинъ былъ зачисленъ въ рядо-

вые Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и отправился въ Петербургъ. Біографы Державина замѣтили фактъ, что будущій пѣвецъ Фелицы стоялъ на часахъ во Дворцѣ, въ самый день восшествія на престолъ Екатерины II-й, въ мартѣ 1762 г. Десять лѣтъ прослужилъ Державинъ въ низшихъ чинахъ, но и тутъ его не покидала мысль о занятіяхъ: «читалъ книги, какія достать случалось, нѣмецкія и русскія, и маралъ стихи безъ всякихъ правилъ, которые никому не показывалъ.» Первая книга, изъ которой Державинъ научился стихосложенію, былъ «Новый Способъ» Тредьяковскаго, первые образцы, которые привлекли его вниманіе—стихотворенія Ломоносова. Въ 1772 г. Державинъ произведенъ въ офицерскій чинъ и вскорѣ прикомандированъ къ А. И. Бибикову, назначенному для усмиренія Пугачовскаго бунта. Среди безпокойныхъ занятій службы, Державинъ находилъ время заниматься стихами: перевелъ въ прозѣ 4 оды Фридриха Великаго и написалъ нѣсколько оригинальныхъ одъ: Оду на рожденіе Ея Величества, оду на великость, оду на знатность (это первая редакція знаменитой оды Вельможа). Въ 1777 г. 33 лѣтъ отъ роду Державинъ оставилъ военную службу, и былъ назначенъ экзекуторомъ въ 1-й департаментъ Сената. Перемѣна службы имѣла рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Державина и его литературныхъ занятій.

Въ томъ же 1777 г. Державинъ рѣшился издать упомянутыя выше оды, подъ заглавіемъ: «Оды переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагаѣ 1774 г.» Ни въ этихъ одахъ, ни въ послѣдующихъ до 1779 года нѣтъ ничего самобытнаго, чтобы могло отличать Державина отъ другихъ стихотворцевъ Ломоносовской школы. Связи съ литераторами Львовымъ, Капнистымъ, Хемницеромъ были полезны Державину, по его собственному признанію: «всѣхъ прежнихъ своихъ произведеній я не одобрялъ, потому что хотѣлъ въ нихъ подражать Ломоносову, но чувствовалъ, что талантъ мой не былъ вну-

шаемъ одинаковымъ геніемъ. Я хотѣлъ парить и не могъ постоянно выдерживать красивымъ наборомъ словъ, свойственно единственно Россійскому Пиндару велелѣпія и пышности. Для того въ 1779 году избралъ я совершенно особый путь, будучи предводимъ наставленіями Батте, и совѣтами Львова, Капниста и Хемницера.» Новый путь этотъ выразился въ созданіи Фелицы, лучшаго произведенія написаннаго Державинымъ (1772 г.) Ода эта не была назначена къ печати самимъ авторомъ и безъ вѣдома его была напечатана княгинею Дашковой, президентомъ вновь учрежденной Россійской Академіи. Императрица была довольна нарисованнымъ въ одѣ ея портретомъ и изображеніемъ окружающихъ ея вельможъ. Державинъ былъ представленъ ко Двору, получилъ богатый подарокъ и съ того времени направленіе его поэзіи опредѣлилось, онъ становится знаменитостью, авторитетомъ. Къ годамъ отъ 1782 по 1796, годъ смерти Екатерины, пренадлежатъ всѣ лучшія произведенія Державина, доставившія ему славу «пѣвца Фелицы, пѣвца Екатерининскаго времени.» Подъ этими словами не слѣдуетъ понимать, что Державинъ выразилъ въ своей поэзіи всѣ главные вопросы Екатерининскаго вѣка. Ни образованіе, ни самый талантъ не дали возможности Державину анализировать событія, стать въ уровень съ передовыми людьми своего времени Фонъ Визинымъ, Новиковымъ и друг. Державинъ отзывался въ своихъ одахъ на одни внѣшнія событія Екатерининскаго времени. Побѣды Румянцева, Суворова, Потемкина, Орлова, добродѣтели Екатерины, роскошь и причуды знати— вотъ предметъ торжественныхъ одъ Державина. Поверхностное философствованіе, разсужденія о тлѣнности всего существующаго—вотъ предметъ его духовныхъ одъ.

За Фелицею, слѣдуетъ рядъ Одъ, прославившихъ Державина. Укажемъ на болѣе замѣчательныя. Въ 1783 г. написаны: Благодарность Фелицѣ, Видѣніе Мурзы, Рѣшемыслъ (въ

честь Потемкина). Въ 1784 г.: Ода на пріобрѣтеніе Крыма и знаменитая Ода Богъ.

Съ 1784 по 1789 г. Державинъ былъ губернаторомъ сначала въ Олонецкой, потомъ въ Тамбовской губерніи. Административныя распоряженія отвлекали Державина отъ поэзіи и навлекли ему много непріятностей. Получивъ отставку, Державинъ пріѣхалъ въ Петербургъ оправдываться въ своихъ дѣйствіяхъ. Достигнуть своей цѣли было очень трудно. Государыня была предубѣждена на счетъ неуживчивости своего пѣвца. «Въ такомъ случаѣ, пишетъ Державинъ въ своихъ запискахъ, не оставалось ничего другаго, какъ искать себѣ покровительства.» Въ то время въ силѣ при Дворѣ былъ П. А. Зубовъ. Познакомиться съ нимъ было трудно. «Сколько ни заходилъ къ нему въ комнаты, всегда придворные лакеи, бывшіе у него на дежурствѣ, отказывали, сказывая что онъ или почиваетъ, или ушелъ прогуливаться, или у Императрицы. Такимъ образомъ ходя нѣсколько, не могъ удостоиться и одного разу застать его у себя. Не осталось другаго средства, какъ прибѣгнуть къ своему таланту. Въ слѣдствіе чего написаль Оду на изображеніе Фелицы. (1789) Государыня прочетши оную, приказала любимцу своему на другой день пригласить автора къ нему ужинать и всегда принимать въ свою бесѣду.»

Въ слѣдующемъ 1790 г. написаны Оды: На коварство и На взятіе Измаила. «Послѣдняя ода не только Императрицѣ, ея любимцу, но и всѣмъ понравилась, слѣдствіемъ сего было то, что онъ (т. е. Державинъ) получилъ въ подарокъ отъ Государыни богатую, осыпанную брилліантами, табакерку, и былъ принимаемъ при Дворѣ еще милостивѣе. Государыня, увидѣвъ его при Дворѣ въ первый разъ по напечатаніи сего сочиненія, подошла къ нему и съ усмѣшкою сказала: «я не знала по сіе время, что труба ваша столько же громка, какъ и лира пріятна.» Въ 1791 г. Державинъ былъ назна

ченъ статсъ-секретаремъ по дѣламъ Императрицы. Въ этомъ году написаны: 1) Описаніе Потемкинскаго праздника въ Таврическомъ дворцѣ, съ куплетами, которые разнеслись по всей читающей Россіи (напр. Громъ побѣды раздавайся). 2) Водопадъ, написанный по случаю смерти князя Потемкина.

Въ 1793 Державинъ пожалованъ Тайнымъ Совѣтникомъ, съ опредѣленіемъ присутствовать въ Сенатѣ. Послѣдніе годы царствованія Екатерины Державинъ ознаменовалъ замѣчательными одами: 1) Вельможа (1794), 2) На взятіе Варшавы (того же года), 3) Приношеніе Монархинѣ (1795), Памятникъ (1796). По смерти Екатерины литературная дѣятельность Державина ослабѣваетъ. Отзывался онъ и на событія Отечественной войны 1812 г., но его уже затмѣвалъ другой «Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ.» Державинъ скончался въ 1816 г.

Ода была преобладающимъ родомъ поэзіи Державина. Ода считалась высшею формою лирической поэзіи. Понимаемая, какъ изображеніе сильнаго чувства, возбужденнаго высокимъ предметомъ, ода должна была касаться однихъ высокихъ предметовъ: Бога, торжественныхъ событій, величественныхъ видовъ природы, побѣдъ, коронацій, праздниковъ, знаменитыхъ героевъ и т. п. Такъ понималъ и писалъ оды Ломоносовъ. Въ большинствѣ случаевъ такъ понималъ оду и Державинъ, о чемъ свидѣтельствуетъ собственное его разсужденіе о лирической поэзіи. Но во множествѣ Державинскихъ одъ есть нѣсколько произведеній отличающихся особымъ характеромъ, забавнымъ сатирическимъ элементомъ. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ Фелица и Видѣніе Мурзы. Фелица была напечатана въ 1782 году, подъ заглавіемъ: «Ода премудрой Киргизъ-Кайсацкой царевнѣ Фелицѣ, писанная нѣкоторымъ Татарскимъ Мурзою, издавна въ Москвѣ поселившимся, а живущимъ по дѣламъ въ С.-Петербургѣ; переводъ съ Арабскаго языка.» Видѣніе Мурзы относится къ 1783

г. и заключаетъ отвѣтъ поэта на толки возбужденные Фелицею. Кромѣ своихъ поэтическихъ достоинствъ, эти двѣ оды замѣчательны по воспроизведенію многихъ бытовыхъ чертъ тогдашней эпохи. Желая изобразить добродѣтели Фелицы, поэтъ противополагаетъ имъ недостатки придворныхъ вельможъ. Екатерина изображается поэтомъ какъ человѣкъ и Государыня. Черты ея характера по одѣ слѣдующія: негорда, любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ, пріятна въ дружбѣ и тверда, великодушна, направленіе ея мыслей отличается трезвостью: нелюбитъ стиховъ, незанимается умствованіями, не увлекается несбыточными планами. Какъ Государыня,—Екатерина не хотѣла быть деспотомъ, правленіе ея ознаменовалось полезными учрежденіями: позволила ѣздить за границу, свободно заниматься мануфактурою и торговлею, но главное, позволила знать и мыслить, въ своихъ подданныхъ признавала прежде всего людей. Развивая послѣднюю мысль, Державинъ противополагаетъ Екатерининскому времени царствованіе Анны Іоанновны, когда въ угоду Государыни князья дѣлались шутами, сидѣли въ лукошкахъ, пачкали лица сажей; когда строгое наказаніе грозило тому, кто сдѣлаетъ подчистку въ титулѣ Государыни, или уронитъ ея портретъ.

Въ образѣ Мурзы и въ намекахъ на извѣстныя личности, князя Потемкина, графа А. Г. Орлова, графа Н. И. Панина, С. К. Нарышкина, князя Вяземскаго — Державинъ изображаетъ образъ жизни тогдашнихъ вельможъ. Это изображеніе составляетъ сатирическую часть оды, которая еще сильнѣе оттѣняетъ воспѣтыя добродѣтели Фелицы. Вельможество отличается роскошью, не умѣетъ цѣнить время. У каждаго изъ нихъ своя слабость, своя особенность. Въ Потемкинѣ Державинъ подмѣтилъ его сибаритство и прихотливый нравъ. Съ одинаковымъ увлеченіемъ онъ занимается планомъ завоеванія Константинополя и моднымъ кафтаномъ. Въ Орловѣ подмѣчена страсть къ конскимъ скачкамъ,

къ кулачному бою и русскимъ пѣснямъ. Нарышкинъ тѣшится роговою музыкою, Панинъ псовою охотою. Слѣдуетъ замѣтить, что сатирическая часть оды по содержанію своему не можетъ быть названа сатирою, даже въ томъ смыслѣ, какъ понимали этотъ родъ произведеній современники Державина. Въ конскихъ скачкахъ, роговой музыкѣ трудно видѣть что нибудь достойное негодованія, сатирическаго изобличенія. Самъ Державинъ свои намеки на жизнь вельможъ называетъ только «шуткою».

Видѣніе Мурзы—объясненіе со стороны Державина. Одни сочли оду Фелицы за лесть со стороны поэта, другимъ показалось, что поэтъ слишкомъ свободно позволяетъ себѣ говорить съ Государынею, а иные сочли за безчестіе, что не дерутъ имъ усовъ, что они не сѣдятъ болѣе насѣдками, словомъ «тотъ хотѣлъ арбуза, иной соленыхъ огурцовъ». Державинъ отвѣчаетъ, что его «Муза докажетъ, что онъ не изъ числа льстецовъ, не продаетъ за деньги товаровъ сердца, что онъ пѣлъ не мечты, а то чему весь свѣтъ свидѣтель».

Правила, которымъ слѣдовалъ Ломоносовъ въ своихъ одахъ, не соблюдены Державинымъ. Предметъ его одъ—высокъ, добродѣтели Фелицы, но обставленъ легкими сатирическими шутками, и выраженъ простымъ слогомъ, въ которомъ встрѣчаются даже простонародные обороты. Для Ломоносова показалось бы неизвинительною странностью говорить въ одѣ о такихъ низкихъ, обыденныхъ предметахъ: курить табакъ свайка, то ею къ головѣ ищуся, сажей не марають рожъ, арбузъ, соленые огурцы... Сверхъ всего этого у Державина нѣтъ олицетвореній, самый Парнассъ упомянутъ въ насмѣшку. Все это такія нововведенія, которыя существенно измѣняли характеръ оды, освобождали ее отъ прежней торжественной напряженности и высокопарности. Оборотъ къ естественности и простотѣ былъ слишкомъ рѣзокъ, чтобы совре-

менники не оцѣнили его по заслугамъ. Ода Фелица возбудила множество толковъ, была принята съ восторгомъ, какъ новый, доселѣ неизвѣстный родъ произведеній. Какъ стали смотрѣть на отношеніе одъ Державина къ одамъ Ломоносова лучше всего видно изъ одной статьи тогдашняго журнала Собесѣдника Любителей Россійскаго слова, издаваемаго княгинею Дашковою. Ломоносовъ, по словамъ этой статьи, получилъ при размѣжеваніи Россійскаго Парнаса самую большую часть онаго, въ вѣчное владѣніе. Послѣдователи его довели до крайности установленное имъ направленіе и «Оды, наполненные именами баснословыхъ Боговъ, начали на читателей наводить скуку, и наконецъ служили онѣ, и нынѣ служатъ, пищею мышамъ и крысамъ. Жившій въ Спб. по дѣламъ своимъ нѣкоторый Татарскій Мурза, знающій хорошо Россійскій языкъ, сочинилъ въ исходѣ 1782 Оду къ премудрой царевнѣ Фелицѣ. Сіе сочиненіе, какъ всѣмъ извѣстно, писано совсѣмъ инымъ слогомъ, какъ прежде таковаго рода стихотворенія писывались.» Самъ Державинъ въ стихотвореніи своемъ Памятникъ (1796) говоритъ: «первый я дерзнулъ въ забавномъ Русскомъ слогѣ о добродѣтеляхъ Фелицы возгласить.»

Фелица. (1782 г.)

1. Богоподобная Царевна
   Киргизъ-Кайсацкія орды, } [1]

1) Подъ именемъ Киргизской царевны Фелицы представляется Императрица Екатерина. Извѣстно, что она сочинила сказку о царевичѣ Хлорѣ, котораго Фелица, т. е. богиня счастія, сопровождала на гору, гдѣ растетъ роза безъ шиповъ, и была путеводительницею Хлора въ храмъ добродѣтели. Авторъ имѣлъ свои деревни въ Оренбургской губерніи, въ сосѣдствѣ Киргизской Орды, которая числится въ подданствѣ Россіи.

Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ ростетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ!
Она мой духъ и умъ плѣняетъ;
Подай найти ее, совѣтъ.

2. Подай Фелица наставленье,
Какъ пышно и правдиво жить,
Какъ укрощать страстей волненье,
И счастливымъ на свѣтѣ быть.
Меня твой голосъ возбуждаетъ,
Меня твой Сынъ препровождаетъ;
Но имъ послѣдовать я слабъ:
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.

3. Мурзамъ Твоимъ не подражая,
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за Твоимъ столомъ;
Не дорожа Твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ, [2])
И всѣмъ изъ Твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь;
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я отъ утра до утра.

4. Не слишкомъ любишь маскарады,
А въ клубъ не ступишь и ногой;

---

2) Въ то время Императрица занималась сочиненіемъ законовъ: Грамматою Дворянству, Уставомъ Благочинія и прочими учрежденіями.

Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня Парнасска не сѣдлаешь, [3])
Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь, [4])
Не ходишь съ трона на Востокъ;
Но кротости ходя стезею,
Благотворящею душею
Полезныхъ дней проводишь токъ.

5. А я, проспавши до полудни,
Курю табакъ и кофе пью;
Преобращая въ праздникъ будни,
Кружу въ химерахъ мысль мою:
То плѣнъ отъ Персовъ похищаю,
То стрѣлы къ Туркамъ обращаю;
То возмечтавъ, что я Султанъ,
Вселенну устрашаю взглядомъ;
То вдругъ, прельщаяся нарядомъ,
Скачу къ портному по кафтанъ. [5])

6. Или въ пиру я пребогатомъ,
Гдѣ праздникъ для меня даютъ,
Гдѣ блещетъ столъ сребромъ и златомъ,
Гдѣ тысячи различныхъ блюдъ,—
Тамъ славный окорокъ вестфальской,
Тамъ звенья рыбы астраханской,
Тамъ пловъ и пироги стоятъ,—
Шампанскимъ вафли запиваю
И все на свѣтѣ забываю

---

3) Императрица хотя и занималась иногда сочиненіемъ оперъ и сказокъ, но стиховъ писать не умѣла и не писала; а когда надобны были стихи, то, давъ мысль, поручала написать ихъ Статсъ-Секретарямъ Елагину, Храповицкому и друг.

4) Императрица не любила масоновъ, и не ѣзжала къ нимъ въ ложу, какъ дѣлали многіе знатные.

5) Относится, какъ и двѣ слѣдующія строфы, къ прихотливому нраву князя Потемкина.

Средь винъ, сластей и ароматъ.
7. Или средь рощицы прекрасной,
Въ бесѣдкѣ, гдѣ фонтанъ шумитъ,
При звонѣ арфы сладкогласной,
Гдѣ вѣтерокъ едва дышитъ,
Гдѣ все мнѣ роскошь представляетъ,
Къ утѣхамъ мысли уловляетъ,
Томитъ и оживляетъ кровь,—
На бархатномъ диванѣ лежа,
Младой дѣвицы чувства нѣжа,
Вливаю въ сердцѣ ей любовь.
8. Или великолѣпнымъ цугомъ
Въ каретѣ англійской, златой,
Съ собакой, шутомъ, или другомъ,
Или съ красавицей какой
Я подъ качелями гуляю,
Въ шинки пить меду заѣзжаю;
Или, какъ то наскучитъ мнѣ,
По склонности моей къ премѣнѣ,
Имѣя шапку на бекренѣ,
Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ. [6])
9. Или музыкой и пѣвцами,
Органомъ и волынкой вдругъ,
Или кулачными бойцами [7])
И пляской веселю мой духъ;
Или, о всѣхъ дѣлахъ заботу
Оставя, ѣзжу охоту
И забавляюсь лаемъ псовъ; [8])

6) Относится къ графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, который любилъ ристалища сего рода.

7) Относится къ нему же, какъ до охотника до всякаго молодечества русскаго и до русскихъ пѣсенъ.

8) Графъ П. И. Панинъ любилъ псовую охоту.

Или надъ невскими брегами
Я тѣшусь по ночамъ рогами
И греблей удалыхъ гребцовъ. [9]

10. Иль сидя дома, я прокажу,
Играя въ дураки съ женой;
То съ ней на голубятню лажу,
То въ жмурки рѣзвимся порой,
То въ свайку съ нею веселюся,
То ею въ головѣ ищуся; [10]
То въ книгахъ рыться я люблю,
Мой умъ и сердце просвѣщаю:
Полкана и Бову читаю,
За Библіей, зѣвая, сплю. [11]

11. Таковъ, Фелица, я развратенъ!
Но на меня весь свѣтъ похожъ.
Кто сколько мудростью ни знатенъ,
Но всякій человѣкъ есть ложь.
Не ходимъ свѣта мы путями,
Бѣжимъ разврата за мечтами.
Между лѣнтяемъ и брюгзой, [12]
Между тщеславья и порокомъ
Нашелъ кто развѣ ненарокомъ
Путь добродѣтели прямой.

12. Нашелъ; но льзя ль не заблуждаться
Намъ, слабымъ смертнымъ, въ семъ пути,

---

9) Относится къ Семену Кирилловичу Нарышкину, бывшему тогда Егермейстеромъ. Онъ первый завелъ роговую музыку.

10) Въ этихъ стихахъ упоминаются вообще старинные обычаи и забавы Русскихъ

11) Авторъ, служа при князѣ Вяземскомъ, читывалъ предъ нимъ разные романы, до которыхъ князь былъ большой охотникъ. Случалось часто, что во время чтенія и тотъ и другой дремали.

12) Въ сказкѣ Императрицы о царевичѣ Хлорѣ вельможи царевны Фелицы названы лѣнтяемъ и брюзгой. Сколько извѣстно, Она подъ сими именами разумѣла князя Потемкина и князя Вяземскаго.

Гдѣ самъ разсудокъ спотыкаться
И долженъ въ слѣдъ страстямъ идти;
Гдѣ намъ ученые невѣжды,
Какъ мгла у путниковъ, тмятъ вѣжды?
Вездѣ соблазнъ и лесть живетъ;
Пашей всѣхъ роскошь угнетаетъ.
Гдѣ жъ добродѣтель обитаетъ?
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ?

13. Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна, свѣтъ изъ тьмы творить;
Дѣля хаосъ на сферы стройно,
Союзомъ цѣлость ихъ крѣпить;
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ счастье
Ты можешь только созидать.
Такъ кормщикъ, черезъ понтъ плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять.

14. Едина Ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьемъ правишь;
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь,—
Ты знаешь прямо цѣну ихъ:
Царей они подвластны волѣ,
Но Богу правосудну болѣ,
Живущему въ законахъ ихъ.

15. Ты здраво о заслугахъ мыслишь,
Достойнымъ воздаешь Ты честь;
Пророкомъ Ты того не числишь,
Кто только риѳмы можетъ плесть.
А что сія ума забава—

Калифовъ добрыхъ честь и слава,
Снисходишь Ты на лирный ладъ:
Поэзія Тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

16. Слухъ идетъ о Твоихъ поступкахъ,
Что Ты ни мало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и Мудрой слыть. [13])
Еще же говорятъ не ложно,
Что будто завсегда возможно,
Тебѣ и правду говорить.

17. Неслыханное также дѣло,
Достойное Тебя одной,
Что будто Ты народу смѣло
О всемъ, и въявь и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить; [14])
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ,
Всегда склоняешься простить.

18. Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.
О, коль счастливы человѣки

---

13) Намекъ на то, что Екатерина отказалась отъ наименованій Великой, Премудрой, матери Отечества, которыя въ 1767 г. были поднесены ей Сенатомъ и депутатами, созванными для составленіе проэкта новаго уложенія.

14) Императрица, подобно Императору Трояну, была очень снисходительна къ людямъ злорѣчиво отзывавшимся о ея слабостяхъ.

Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ Ангелъ кроткій, Ангелъ мирный,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ,
И, казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе Царей не пить. [15])
19. Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить, [16])
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить [17])
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ, [18])
Не щелкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ, [19])
Любимцы въявь имъ не хохочутъ
И сажей не маракотъ рожъ.

---

15) При Имп ератрицѣ Аннѣ случалось, что когда двое между собою пошепчутся то они подозрѣвались въ зломъ умыслѣ и по чьему либо доносу попадали въ Тайную канцелярію. Тоже бывало иногда и съ тѣми, которые на публичныхъ пиршествахъ не выпивали большаго бокала крѣпкаго вина, подносимаго за здравіе государыни, и потому принимались за недоброжелателей ея.

16) Тогда же считалось за великое преступленіе, если въ Императорскомъ титулѣ что нибудь было подскоблено или поправлено. Только со временъ Екатерины II стали позволять себѣ переносить этотъ тигулъ изъ одной строки въ другую; а до тѣхъ поръ писцы, замѣченные въ этомъ, не рѣдко наказывались плетьми.

17) Горе было также тому, кто хотя ненарочно ронялъ изъ рукъ монету съ портретомъ Императрицы; клеветнику стоило только донесть, что такой то бросилъ изображеніе лица ея. По одному крику: я знаю за собой слово и дѣло государево тотъ, на кого это было сказано, былъ забираемъ подъ крѣпкую стражу и отвозимъ къ тайному розыску; домъ же его весь кругомъ запечатывался.

18) Относится къ бывшей при Аннѣ Іоанновнѣ шутовской свадьбѣ князя Голицына, для которой на Невѣ построенъ особый ледяной домъ съ ледяною, баней.

19) Императрица Анна любила окружать себя шутами, которыхъ въ ея царствованіе было много когда она въ придворной церкви слушала обѣдню, эти шуты садились въ лукошки въ той комнатѣ, чрезъ которую ей надобно было проходить изъ церкви во внутренніе свои покои, и кудахтали какъ насѣдки, что разумѣется производило общій хохотъ. Изъ шутовъ Анны Ивановны извѣстны: князь Голицынъ, Локоста, кн. Волконскій, Апраксинъ и Балакиревъ.

20. Ты вѣдаешь, Фелица, правы
И человѣковъ и Царей:
Когда ты просвѣщаешь нравы,
Ты не дурачишь такъ людей;
Въ Твои отъ дѣлъ отдохновенья
Ты пишешь въ сказкахъ поученья,
И Хлору въ азбукѣ твердишь:
Не дѣлай ничего худаго,—
И самаго сатира злаго
Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь.» [20])

21. Стыдишься слыть Ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, нелюбимой быть;
Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства
Тому ланцетовъ нужны ль средства,
Безъ нихъ кто обойтися могъ?
И славно ль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ, какъ Богъ.
Фелицы слава—слава Бога,
Который брани усмирилъ, } [21])
Который сира и убога }
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ неблагодарнымъ
И праведнымъ свой свѣтъ даритъ,
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,

---

20) Подобное поученіе есть дѣйствительно въ азбукѣ, составленной Екатериною для внуковъ ея, великихъ князей Александра и Константина.

21) Относится къ мирному времени по окончаніи первой Турецкой войны въ 1774. Въ теченіи сего времени возникли многія человѣколюбивыя учрежденія, какъ-то: Воспитательный домъ, больницы и проч.

Больныхъ покоитъ, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творитъ;
23. Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать, [22])
Позволилъ своему народу
Сребра и золота искать; [23])
Который воду разрѣшаетъ [24])
И лѣсъ рубить не запрещаетъ; [25])
Велитъ и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки, [26])
И счастье дома находить;
24. Котораго законъ, десница
Даютъ и милости и судъ.
Вѣщай премудрая Фелица:
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по миру не бродитъ?
Заслуга хлѣбъ себѣ находитъ?
Гдѣ месть не гонитъ никого?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ?
У трона развѣ Твоего!
25. Но гдѣ Твой тронъ сіяетъ въ мірѣ?
Гдѣ, вѣтвь небесная, цвѣтешь?
Въ Багдадѣ, Смирнѣ, Кашемирѣ?
Послушай: гдѣ Ты ни живешь,—

---

22) Екатерина подтвердила данную дворянству Петромъ III свободу путешествовать по чужимъ краямъ.

23) Екатерина издала указъ о правѣ земледѣльцевъ разработывать въ собственную пользу золото и серебро въ своихъ участкахъ.

24) Екатерина дозволила свободное плаваніе по морямъ и рѣкамъ для торговли

25) Сняла запрещенную порубку лѣсовъ, бывшую прежде въ распоряженіи вальдмейстеровъ.

26) Разрѣшила свободное производство мануфактуръ и торговли, чего прежде безъ свѣдѣнія мануфактуръ-коллегіи нельзя было дѣлать.

Хвалы мои Тебѣ примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки иль бешметя
За нихъ я отъ Тебя желалъ.
Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.
Прошу великаго Пророка,
Да праха ногъ Твоихъ коснусь,
Да словъ Твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья наслаждусь!
Небесныя прошу я силы,
Да, ихъ простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранятъ
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки;
Да дѣлъ Твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ!

Видѣніе Мурзы [1]).

(1783 года.)

На темноголубомъ эѳирѣ
Златая плавала луна:
Въ серебряной своей порфирѣ
Блистаючи съ высотъ, она
Сквозь окна домъ мой освѣщала,
И палевымъ своимъ лучомъ
Златыя [2]) стекла рисовала

---

1) Эту оду Державинъ написалъ для отраженія тѣхъ разнородныхъ обвиненій, которыя взводились на него за *Фелицу*, оскорбившую самолюбіе многихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возбудившую противъ него зависть, (Зам. Грота).

2) Въ языкѣ оды встрѣчаются слѣдующіе примѣры церков. славянизмовъ: *златый, здравъ, драйй, градская, десный, бедра*—сущ. женс. рода (какъ въ Пс. XLIV: *по бедрѣ твоей*), *рекла* и однажды употреблено полное ц. сл. причастіе: *творяй*.

На лаковомъ полу моемъ.
Сонъ томною своей рукою
Мечты различны [3]) разсыпалъ;
Кропя забвенія росою,
Моихъ домашнихъ усыплялъ.
Вокругъ вся область почивала,
Петрополь съ башнями дремалъ,
Нева изъ урны чуть мелькала,
Чуть Бельтъ въ брегахъ своихъ сверкалъ
Природа, въ тишину глубоку
И въ крѣпкомъ погруженна снѣ,
Мертва казалась слуху, оку,
На высотѣ и въ глубинѣ;
Лишь вѣяли одни зефиры,
Прохладу чувствамъ принося;
Я не спалъ и, со звономъ лиры
Мой тихій голосъ соглася,
«Блаженъ,» воспѣлъ я: «кто доволенъ
Въ семъ свѣтѣ жребіемъ своимъ,
Обиленъ, здравъ, покоенъ, воленъ
И счастливъ лишь собой самимъ;
Кто сердце чисто, совѣсть праву
И твердый нравъ хранитъ въ свой вѣкъ,
И всю свою въ томъ ставитъ славу,
Что онъ лишь добрый человѣкъ,
Что карлой онъ и великаномъ,
И дивомъ свѣта не рожденъ,
И что не созданъ истуканомъ,
И оныхъ чтить не принужденъ;
Что всѣ сего блаженства міра

---

3) Прилагательныя усѣченныя на мѣстѣ опредѣленія встрѣчаются въ одѣ постоянно. Рядомъ съ ними слѣдуетъ замѣтить усѣченное *которы*, и народныя формы: *блистаючи, ярчье.*

Находитъ онъ въ семьѣ своей;
Что нѣжная его Плѣнира [4])
И вѣрныхъ нѣсколько друзей
Съ нимъ могутъ въ часъ уединенный
Дѣлить и скуку, и труды!
Блаженъ и тотъ, кому Царевны
Какой бы ни было орды,
Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ, } [5])
И сребророзовыхъ свѣтлицъ, }
Какъ будто изъ улусовъ дальныхъ,
Украдкой отъ придворныхъ лицъ [6])
За росказни, за растабары,
За вирши, иль за что-нибудь,
Изподтишка драгіе дары
И въ досканцахъ [7]) червонцы шлютъ!
Блаженъ»!... Но съ рѣчью сей незапно
Мое все зданье потряслось:
Раздвиглись стѣны, и стократно
Ярчѣе молній пролилось
Сіянье вкругъ меня небесно;
Сокрылась, поблѣднѣвъ, луна.
Видѣнье я узрѣлъ чудесно:
Сошла со облаковъ жена,

---

4) *Плѣнирою* Державинъ обыкновенно называлъ свою первую жену. Въ первый разъ именемъ Плѣниры онъ назвалъ ее въ стихотвореніи 1781 года: *На новый годъ.*

5) Въ Царскомъ Селѣ находится до нынѣ одна комната Императрицы Екатерины, убранная вся янтарями, а другая была изъ розовой фольги съ серебряною рѣзьбою; въ третьей были арабески изъ перламутра. (Об. Д.)

6) Императрица показывала видъ, будто не къ ней относилась Ода къ Фелицѣ и подарокъ автору посланъ былъ безъ огласки. (Об. Д.)

7) Намекъ на золотую табакерку съ 500 червонцевъ, пожалованную Державину вскорѣ послѣ появленія оды къ Фелицѣ. Въ старину, когда въ Россіи табаку еще не нюхали и табакерокъ не знали, употреблялись ящички другаго рода или *досканцы*, въ которыхъ сохраняли мушки, булавки и тому подобныя мелкія принадлежности женскаго туалета. (Об. Д.)

Сошла—и жрицей очутилась
Или богиней предо мной.
Одежда бѣлая струилась
На ней серебряной волной, [8]
Градская [9]) на главѣ корона,
Сіялъ при персяхъ поясъ златъ;
Изъ черноогненна виссона,
Подобный радугѣ, нарядъ
Съ плеча десною полосою
Висѣлъ на лѣвую бедру; [10])
Простертой на алтарь рукою
На жертвенномъ она жару,
Сжигая маки благовонны,
Служила вышню Божеству.
Орелъ полунощный, огромный,
Сопутникъ молній торжеству,
Геройской провозвѣстникъ славы,
Сидя предъ ней на грудѣ книгъ,
Священны блюлъ ея уставы;

---

8) Отъ стиха: *Одежда бѣлая струилась...* и до ст. *Держалъ, какъ будто бы уснувъ*—описаніе портрета, сдѣланнаго по мысли Н. А. Львова извѣстнымъ живописцемъ Левицкимъ для Графа Безбородко; нынѣ этотъ портретъ находится въ Имп. Публ. Библіотекѣ. Самъ Левицкій такимъ образомъ описалъ этотъ портретъ: «Средина картины представляетъ внутренность храма богини правосудія, передъ которою, въ видѣ законодательницы, Е. И. В., сжигая на олтарѣ маковые цвѣты, жертвуетъ своимъ покоемъ для общаго покоя. Вмѣсто обыкновенной Императорской короны увѣнчана она лавровымъ вѣнкомъ, украшающимъ гражданскую корону, возложенную на главѣ ея. Знаки ордена Св. Владиміра означаютъ отличность знаменитою за понесенные для пользы отечества труды, коихъ лежащія у ногъ законодательницы книги свидѣтельствуютъ истину. Побѣдоносный орелъ покоится на законахъ и, вооруженный перуномъ стражъ, рачитъ о цѣлости оныхъ. Вдали видно открытое море и на развѣвающемся россійскомъ флагѣ изображенный на военномъ щитѣ Меркуріевъ жезлъ означаетъ защищенную торговлю.» (Прим. Грота.)

9) Слово *градская* употреблено здѣсь вм. гражданская. (Прим. Грота.)

10) Лента Владимірскаго ордена, который Императрица, по написанію ею учрежденія о губерніяхъ возложила на себя какъ награду за труды свои, объявивъ себя гросмейстеромъ этого ордена. (Об. Д.)

Потухшій громъ въ когтяхъ своихъ
И лавръ съ оливными вѣтьями
Держалъ, какъ будто бы уснувъ.
Сафиросвѣтлыми очами,
Какъ въ гнѣвѣ, иль въ жару, блеснувъ,
Богиня на меня воззрѣла [11]).
Пребудетъ образъ ввѣкъ во мнѣ,
Она который впечатлѣла!—
«Мурза»! она вѣщала мнѣ:
«Ты быть себя счастливымъ чаешь,
Когда по днямъ и по ночамъ
На лирѣ ты своей играешь
И пѣсни лишь поешь Царямъ.
Вострепещи, Мурза несчастный,
И страшны истины внемли,
Которымъ стихотворцы страстны
Едва ли вѣрятъ на земли;
Одно къ тебѣ лишь доброходство
Мнѣ ихъ открыть велитъ. Когда
Поэзія не сумасбродство,
Но вышній даръ боговъ, тогда
Сей даръ боговъ лишь къ чести [12])
И къ поученью ихъ путей
Быть долженъ обращенъ, не къ лести
И тлѣнной похвалѣ людей.
Владыки свѣта—люди тѣже;
Въ нихъ страсти, хоть на нихъ вѣнцы;
Ядъ лести ихъ вредитъ не рѣже,
А гдѣ поэты не льстецы?..

11) Державинъ вспоминаетъ, какъ онъ былъ представленъ государынѣ за оду къ Фелицѣ. Государыня, остановясь поодаль отъ него, нѣсколько разъ окинула его быстрымъ взоромъ съ ногъ до головы и наконецъ подала ему руку. Ея величественнаго вида при этомъ онъ никогда не могъ забыть. (Об. Д.)

12) Въ этомъ стихѣ не достаетъ одной стопы.

И ты Сиренъ поющихъ грому,
Въ вредъ добродѣтели нестрой, } [13])
Благотворителю прямому
Въ хвалѣ нѣтъ нужды никакой.
Хранящій мужъ честные правы,
Творяй свой долгъ, свои дѣла,
Царю приноситъ больше славы,
Чѣмъ всѣхъ піитовъ похвала.
Оставь нектаромъ наполненну
Опасну чашу, гдѣ скрытъ ядъ.»—
«Кого я зрю, столь дерзновенну,
И чьи уста меня разятъ?
«Кто ты? Богиня или жрица»?
Мечту стоящу я спросилъ.
Она рекла мнѣ: «Я Фелица!»
Рекла—и свѣтлый облакъ скрылъ
Отъ глазъ моихъ ненасыщенныхъ
Божественны Ея черты;
Куреніе мастикъ безцѣнныхъ
Мой домъ, и мѣсто то цвѣты
Покрыли, гдѣ Она явилась,
Мой Богъ! мой Ангелъ во плоти!..
Душа моя за ней стремилась,
Но я за Ней не могъ идти.
Подобно громомъ оглушенный,
Безчувственъ я, безгласенъ былъ;
Но, токомъ слезнымъ орошенный,
Пришелъ въ себя и возгласилъ:
«Возможно ль, кроткая царевна!
И ты къ мурзѣ что бъ своему
Была сурова столь и гнѣвна,
И стрѣлы къ сердцу моему

13) Т.-е. не пой, какъ Сирены, во вредъ добродѣтели.

И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
Къ себѣ и ты не одобряла?
Довольно безъ тебя людей,
Довольно безъ тебя поэту, } [14])
За кажду мысль, за каждый стихъ,
Отвѣтствовать лихому свѣту,
И отъ сатиръ щититься злыхъ!
Довольно золотыхъ кумировъ,
Безъ чувствъ мои что пѣсни чли;
Довольно Кадіевъ, Факировъ,
Которы въ зависти сочли
Тебѣ ихъ неприличной лестью;
Довольно нажилъ я враговъ!
Иной отнесъ себѣ къ безчестью,
Что не дерутъ его усовъ;
Иному показалось больно,
Что онъ насѣдкой не сидитъ; [15])
Иному—очень своевольно
Съ тобой мурза твой говоромъ;
Иной вмѣнялъ мнѣ въ преступленье,
Что я посланницей съ небесъ
Тебя быть мыслилъ въ восхищеньѣ
И лилъ въ восторгѣ токи слезъ;
И словомъ, тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ соленыхъ огурцовъ; } [16])

14) Авторъ давалъ чувствовать Государынѣ, что и безъ ея строгаго взора довольно ему гнѣва отъ тѣхъ, которымъ она дарила экземпляры *Фелицы* подчеркнувъ тѣ строки, что до кого относится. Ода къ Фелицѣ произвела разные толки: иные говорили, что она слишкомъ смѣло писана, а другіе, что льстиво; почему Державинъ и повторилъ въ *Видѣніи Мурзы* нѣкоторые стихи изъ *Фелицы*, обративъ ихъ въ шутку надъ своими критиками. (Об. Д.)

15) Это въ связи съ 8 стихомъ 19-й строфы *Фелицы*.

16) Намекъ на Потемкина, который только тогда и былъ доволенъ, когда чего дожидался; а какъ скоро получалъ, то опять предавался скукѣ. Онъ посылалъ по Имперіи нарочныхъ за арбузами, за огурцами и т. п. (Об. Д.)

Но пусть имъ здѣсь докажетъ Муза,
Что я не изъ числа льстецовъ;
Что сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю,
И что не изъ чужихъ анбаровъ
Тебѣ наряды я крою.
Но, вѣнценосна добродѣтель!
Не лесть я пѣлъ и не мечты,
А то, чему весь міръ свидѣтель:
Твои дѣла суть красоты.
Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду,
И въ шуткахъ правду возвѣщу;
Татарски пѣсни изъ-подъ спуду,
Какъ лучъ, потомству сообщу;
Какъ солнце, какъ луну, поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу тебя, прославлю,
Тобой безсмертенъ буду самъ.

Фонъ Визинъ (род. въ 1744, ум. въ 1792 г.).

Свѣдѣнія о жизни Фонъ Визина передаются въ составленной имъ самимъ автобіографіи, подъ заглавіемъ: «*Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ.*» Изъ признанія узнаемъ, что склонность къ писанію началась въ Фонъ Визинѣ еще съ дѣтства и поддержалась воспитаніемъ въ Гимназіи и въ Московскомъ Университетѣ. Не смотря на безпорядочность тогдашняго ученія, Фонъ Визинъ съ благодарностью воспоминаетъ время, проведенное въ Университетѣ: «ибо въ немъ обучаясь по латини, положилъ основаніе нѣкоторымъ моимъ знаніямъ. Въ немъ научился я довольно Нѣмецкому языку, а паче всего въ немъ получилъ я вкусъ къ словеснымъ наукамъ.» Еще будучи студентомъ Фонъ Визинъ

перевелъ Басни Гольберга, романъ Террасона Жизнь Сиѳа царя Египетскаго, Альзиру, тр. Вольтера и друг. По окончаніи курса въ 1762 г. Фонъ Визинъ опредѣлился переводчикомъ въ Иностранную коллегію, и съ этого времени до послѣднихъ годовъ своей жизни постоянно занимался по дипломатической части. Къ первой порѣ служебныхъ занятій относится слѣдующее мѣсто признанія: «и въ тоже самое время вступилъ я въ тѣсную дружбу съ однимъ княземъ, молодымъ писателемъ, и вошелъ въ общество, о коемъ я донынѣ безъ ужаса вспомнить не могу. Ибо лучшее препровожденіе времени состояло въ богохуліи и кощунствѣ. Въ первомъ не принималъ я никакого участія и содрагался, слыша ругательство безбожниковъ; а въ кощунствѣ игралъ я и самъ не послѣднюю роль: ибо всего легче шутить надъ святыней и обращать въ смѣхъ то, что̀ должно быть почтено. Въ сіе время сочинилъ я *посланіе къ Шумилову* (1763 г.), въ коемъ нѣкоторые стихи являютъ тогдашнее мое заблужденіе, такъ что отъ сего сочиненія у многихъ прослылъ я безбожникомъ. Но Господи! Тебѣ извѣстно сердце мое; ты знаешь, что оно всегда благоговѣйно Тебя почитало и что сіе сочиненіе было дѣйствіе не безвѣрія, но безразсудной остроты моей.» Отъ этого «свободомыслія» въ дѣлѣ религіи Фонъ Визинъ отдѣлался, благодаря совершившемуся перелому въ мысляхъ и вліянію Теплова, который раскрылъ предъ нимъ всю пустоту и ничтожность людей, изъ одной моды держащихся несвойственнаго имъ направленія.

Литературную знаменитость Фонъ Визинъ пріобрѣлъ двумя своими комедіями: Бригадиромъ и Недорослемъ. «*Бригадиръ*» оконченъ около 1765 г. Мастерское чтеніе комедіи обратило на автора вниманіе Бибикова и графа Орлова, который не приминулъ донести о томъ Государынѣ. «Въ самый Петровъ день, разсказываетъ Фонъ Визинъ, Графъ прислалъ ко мнѣ спросить: ѣду ли я въ Петергофъ, и если ѣду, то взялъ бы съ собою мою комедію Бригадира. Я отвѣчалъ, что исполню

его повелѣніе. Въ Петергофѣ на балѣ графъ, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: Ея Величество приказала послѣ балу вамъ быть къ Себѣ, и вы съ комедіею извольте идти въ Эрмитажъ. И дѣйствительно, я нашелъ Ея Величество готовую слушать мое чтеніе. Никогда не бывъ столь близко Государя, признаюсь, что я началъ было нѣсколько робѣть, но взоръ Россійской Благотворительницы и гласъ Ея, идущій къ сердцу, ободрилъ меня; нѣсколько словъ, произнесенныхъ Монаршими устами, привели меня въ состояніи читать мою комедію предъ нею съ обыкновеннымъ моимъ искусствомъ. Во время же чтенія, похвалы Ея давали мнѣ новую смѣлость, такъ что послѣ чтенія былъ я завлеченъ къ нѣкоторымъ шуткамъ и потомъ, облобызавъ Ея десницу, вышелъ, имѣя отъ Нея Всемилостивѣйшее привѣтствіе за мое чтеніе.» Обративъ на себя такое вниманіе Императрицы, Фонъ Визинъ сдѣлался модным достояніемъ Петербургскихъ салоновъ, вельможи наперерывъ приглашали къ себѣ и выслушивали его комедію. Сохранился отзывъ одного изъ слушателей Бригадира Графа Н. И. Панина [1]): «Паче всего вниманіе Гр. Н. И. Панина возбудила Бригадирша. Я вижу, сказалъ онъ, что вы очень хорошо нравы наши знаете: ибо Бригадирша ваша всѣмъ родня: никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимохеевну не имѣетъ или бабушку, или тетушку, или какую нибудь свойственницу.—По окончаніи чтенія Никита Ивановичъ дѣлалъ свое разсужденіе на мою комедію. Это въ нашихъ нравахъ первая комедія, говорилъ онъ, и я удивляюсь вашему искусству, какъ вы, заставя говорить такую дурищу во всѣ пять актовъ, сдѣлали однако роль ея столько интересною, что все хочется ее слушать; я не удивляюсь, если сія комедія столь много имѣетъ успѣха; совѣтую вамъ не оставлять вашего дарованія.»

---

1) При Гр. Н. И. Панинѣ, министрѣ Иностранныхъ дѣлъ, Фонъ Визинъ служилъ съ 1769 по 1783 г.

Въ Бригадирѣ Фонъ Визинъ сопоставилъ двѣ стороны современной ему общественной жизни: съ одной стороны домороще́нное невѣжество и взяточничество, а съ другой—людей, испорченныхъ воспитаніемъ, все образованіе которыхъ ограничивается умѣньемъ болтать по французски и карикатурнымъ усвоеніемъ внѣшнихъ формъ Европейской жизни. Спустя 16 лѣтъ послѣ изданія Бригадира, въ 1782 г. Фонъ Визинъ издалъ другую свою комедію *Недоросль*. [1]).

По серьозному отношенію автора къ своей задачи, Недоросль имѣетъ важное значеніе, состоя въ непосредственной связи съ общественными и правительственными вопросами Екатерининскаго времени. Выведенныя лица въ Недорослѣ распадаются на двѣ группы: одни взяты изъ жизни, характеры другихъ сочинены авторомъ съ особой цѣлью. Къ первой группѣ относятся: вся семья Простаковыхъ, Скотининъ, братъ Простаковой, и второстепенныя лица: Еремѣевна, Тришка, Кутейкинъ, Цифиркинъ, Вральманъ. Оставаясь вѣренъ дѣйствительности, Фонъ Визинъ придалъ выведеннымъ имъ лицамъ общее, типическое значеніе, т. е. показалъ въ нихъ черты, которыя сложились подъ вліяніемъ историческихъ условій русскаго быта. *Простакова*—главное дѣйствующее лице комедіи—типъ русской помѣщицы 18 вѣка. Слѣдующія мѣста въ комедіи объясняютъ ея личность. Объ отцѣ и своемъ воспитаніи Простакова говоритъ: «Безъ наукъ люди живутъ и жили. Покойникъ батюшка воеводою былъ пятнадцать лѣтъ; а съ тѣмъ и скончаться изволилъ, что не умѣлъ грамотѣ, а умѣлъ достаточекъ нажить и сохранить. Челобитчиковъ принималъ всегда, бывало, сидя на желѣзномъ сундукѣ. Послѣ всякаго сундукъ отворитъ, и что нибудь положитъ. То-то экономъ былъ! Жизни не жалѣлъ, чтобъ изъ сундука ничего не вынуть. Передъ другимъ не похвалюсь, а отъ васъ не

1) Недоросль изд. для учащихся Стоюнинымъ. С.-П.-Б. 1865 (цѣна 10 копѣекъ).

утаю: покойникъ свѣтъ, лежа на сундукѣ съ деньгами, умеръ, такъ сказать съ голоду, (Дѣйств. IV, явл. 8). Я по отцѣ Скотининыхъ. Покойникъ батюшка женился на покойницѣ матушкѣ. Насъ, дѣтей, было у нихъ восьмнадцать человѣкъ: да кромѣ меня съ братцемъ, всѣ, по власти Господней, примерли: иныхъ изъ бани мертвыхъ вытащили; трое, похлебавъ молочка изъ меднаго котлика, скончались; двое о Святой недѣли съ колокольни свалились; а достальные сами не стояли, батюшка!» На замѣчаніе Стародума: «Вижу, каковы были и родители ваши.»—Простакова отвѣчаетъ: «Старинные люди, мой отецъ! Не нынѣшній былъ вѣкъ. *Насъ ничему не учили.* Бывало, добрые люди приступятъ къ батюшкѣ, ублажаютъ, ублажаютъ, чтобъ хоть братца отдать въ школу,—кстати-ли? Покойникъ, свѣтъ, и руками и ногами, царство ему небесное! Бывало, изволитъ закричать: *прокляну ребенка, который что нибудь перейметъ у басурмановъ*, и не будь тотъ Скотининъ, кто чему нибудь учиться захочетъ.» (Дѣйст. III, явл. 5).

И Простакова гордится своимъ незнаніемъ грамотѣ, отвѣчая Софьѣ на ея предложеніе прочесть письмо: «Нѣтъ, сударыня, я благодаря Бога не такъ воспитана! Я могу письма получать, а читать всегда велю другому.» (Дѣйст. I, явл. 6).

Отцемъ воеводою, наполнившимъ взятками свои сундуки, и своимъ круглымъ невѣжествомъ—вотъ чѣмъ могла похвастаться Простакова, вспомнивъ старое, былое время. Въ положеніи Простаковой было большинство женщинъ прошлаго вѣка. Фонъ-Визинъ беретъ одну изъ нихъ и показываетъ, что вышло изъ нея при данныхъ условіяхъ.—Простакова обладала энергическимъ характеромъ; мужъ при ней играетъ самую жалкую роль, всѣмъ заправляетъ она, все въ домѣ на ея рукахъ.

«Все сама управляюсь, разсказываетъ Простакова, съ утра до вечера какъ за языкъ повѣшена; рукъ не покладываю:

то бранюся, то дерусь, тѣмъ и домъ держится (Дѣйст. II, явл. 5),

Полный просторъ подобной дѣятельности представляло крѣпостное право. Какъ помѣщица Простакова, по общему отзыву дѣйствующихъ въ комедіи лицъ,—«презлая фурія, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастіе всего дома.» У нея всякая вина виновата,—и въ этомъ у нея одинъ обычай съ братомъ Тарасомъ Скотининымъ.

Вотъ обращикъ взгляда Простаковой на прислугу; на замѣчаніе Еремѣевны, что служанка Палашка захворала и бредитъ, Простакова восклицаетъ: Лежитъ? Ахъ, она бестія! Лежитъ! Какъ будто она благородная!... Бредитъ, бестія, какъ будто благородная!» (Дѣйст. III, явл. 4). Въ послѣднемъ дѣйствіи комедіи, когда Стародумъ прощаетъ Простакову, послѣдняя быстро переходитъ, отъ униженія къ сознанію своей помѣщичьей власти: «Простилъ! Ахъ, батюшка!... Ну, теперь-то дамъ зорю канальямъ своимъ людямъ! Теперь-то я всѣхъ переберу по одиночкѣ! Теперь-то допытаюся, кто изъ рукъ ее выпустилъ! Нѣтъ, мошенники, нѣтъ воры! Вѣкъ не прощу этой насмѣшки.» На замѣчаніе Правдина, что тиранствовать никто не воленъ, Простакова отвѣчаетъ: «Не воленъ! Дворянинъ, когда захочетъ и слуги высѣчь не воленъ! Да на что жъ данъ указъ-отъ о вольности дворянства.» Оброкъ съ крестьянъ собирался у Простаковой слѣдующимъ образомъ: «Хоть бы ты насъ поучилъ братецъ батюшка, а мы никакъ не умѣемъ. Съ тѣхъ поръ какъ все, что́ у крестьянъ ни было, мы отобрали, ничего уже содрать не можемъ. Такая бѣда!» (Дѣйст. I, явл. 4).

По отношенію къ Митрофанушкѣ личность Простаковой дорисовывается какъ матери, воспитательницы. Простакова любитъ сына, съ нимъ однимъ она нѣжна, но изъ ея любви и нѣжности выходитъ зло для сына, зло въ концѣ концовъ обрушившееся на самую мать. Заботы Простаковой ограничи-

вались тѣмъ, чтобы дитя покушало вдоволь, чтобы узкій кафтанъ не испортилъ деликатнаго сложенія чтобы ученіе не растроило здоровья. Митрофанушку учатъ грамотѣ и разнымъ наукамъ,—это уступка новому времени, вызванная правительственными распоряженіями. По указамъ Петра Великаго, подтвержденнымъ его пріемниками, дворянскіе дѣти обязаны были служить и учиться. Невыучившихся грамотѣ оставляли навсегда рядовыми или матросами. Что за учителя были у Митрофанушки и чему они учили его разсказываетъ сама Простакова: «Нечего, грѣхъ сказать, чтобъ мы не старались воспитывать Митрофанушку: троимъ учителямъ денежки платимъ. Для грамоты ходитъ къ нему дьячекъ отъ Покрова, Кутейкинъ. Арихметикѣ учитъ его, батюшка, одинъ отставной сержантъ, Цыфиркинъ.—По французски и всѣмъ наукамъ обучаетъ его Нѣмецъ, Адамъ Адамычъ Вральманъ. Этому по триста рубликовъ на годъ—правду сказать и мы имъ довольны! Онъ ребенка не неволитъ.» (Д. I, явл. 6). Одного ученія, если бы шло оно и болѣе удачно, подъ руководствомъ другихъ учителей, было недостаточно. Простаковы не могли сообщить своему сыну главнаго,—нравственныхъ, облагороживающихъ понятій, напротивъ того, своимъ живымъ примѣромъ они испортили его. Онъ росъ избалованнымъ барченкомъ, неразвитымъ ни въ умственномъ, ни нравственномъ отношеніи. Подобно матери, Митрофанушка уже начинаетъ покрикивать: «за людей приниматься надо.» (Д. V, явл. 3). Простакова помыкаетъ мужемъ, названія для него—рохля и теленокъ. Митрофанушка беретъ примѣръ съ матери. Отецъ робко рѣшается заговаривать съ нимъ, приходитъ въ восторгъ отъ его остроумія—какъ онъ жалѣетъ, что матушка устала, колотя батюшку. Слѣдствіемъ такого извращенія семейныхъ отношеній вышло то, что Митрофанъ, избалованный въ конецъ, не любитъ и матери. Въ послѣдней сценѣ, Митрофанъ грубо отталкиваетъ мать, бросившуюся обнимать его: «Да, отвяжись, матушка! Какъ навязалась!»

Въ художественномъ отношеніи изображеніе Простаковой самое совершенное во всей комедіи. Всѣ ея слова и поступки сообразны съ ея понятіями и положеніемъ. О другихъ лицахъ этого сказать нельзя. Фонъ-Визинъ очень часто ради невѣрно понятаго комизма грѣшитъ противъ естественности. Скотининъ уже слишкомъ часто говоритъ о своихъ свиньяхъ. Ему и деревни не надо, были бы свиньи, а въ концѣ концовъ замѣчаетъ, какъ не лежать его сердцу къ свиньямъ: «люди предо мною умничаютъ, а между свиньями я самъ всѣхъ умнѣе.» (Д. V, явл. 4). Въ слѣдствіе этого личность Скотинина считается карикатурною. *Простаковъ* отпускаетъ несвойственную ему остроту, замѣчая сходство между Скотининымъ и свиньями (Д. I, явл. 5), *Кутейкинъ* неестественно самъ признается въ своемъ невѣжествѣ, говоря, что у него въ атестатѣ написано: «не мечите бисера передъ свиньями, да не попрутъ его ногами.» Откровенный отзывъ Цифиркина о Митрофанушкѣ въ присутствіи матери, благородный отказъ отъ заработанной платы—слишкомъ натянуты. Вральманъ не правдоподобно острится на счетъ Митрофанушки: «по уму такихъ какъ онъ милліоны, милліоны». (Д. III, явл. 8).

Вторая группа лицъ, Стародумъ, Правдинъ, Милонъ и Софья рѣзко отдѣляются отъ комическихъ лицъ. Они—резонеры, ихъ дѣйствіе въ комедіи ограничивается, по большей части, одними разсужденіями. Въ главѣ этихъ лицъ стоитъ Стародумъ. Роль его можно раздѣлить на двѣ части: въ первой онъ рѣшитель дѣйствія и завязки, въ другой онъ лице вставное, выведенное для того, чтобы дать возможность автору высказать свои мнѣнія. Въ первомъ значеніи «Стародумъ разбогатѣвшій въ Сибири и нечаянно возвращающійся, чтобы обогатить свою племянницу, сбивается нѣсколько на непремѣнныхъ дядей французской комедіи, которые для развязки комической интриги падали изъ Америки золотымъ дождемъ на голову какого-нибудь бѣднаго родственника.» Разсужде-

нія Стародума интересны по отношенію къ убѣжденіямъ автора.

Отецъ Стародума служилъ при Петрѣ Великомъ и воспиталъ сына по старому, внушивъ ему одно коренное правило: «имѣй сердце, имѣй душу и будешь человѣкъ во всякое время.» Не смотря на свою фамилію, Стародумъ въ самыхъ основныхъ вопросахъ думаетъ не по старому. Онъ проповѣдываетъ нравственныя и педогогическія идеи, обязанныя своимъ возникновеніемъ Екатерининскому времени, мѣстами въ его разсужденіяхъ слышится Наказъ Екатерины и доклады Бецкаго. Обращаясь за идеаломъ къ старому времени, Фонъ Визинъ хотѣлъ показать, что его Стародумъ чуждъ крайнихъ увлеченій современнаго ему общества, что въ немъ счастливо соединилась старинная доблесть съ новыми просвѣтительными понятіями. Въ своихъ разсужденіяхъ Стародумъ даетъ отвѣты на многіе важные вопросы своего времени: о достоинствѣ человѣка, о семейной жизни, о воспитаніи, объ обязанностяхъ дворянина, о значеніи Государя.

Первое достоинство человѣка, по мнѣнію Стародума: *честность* [1]), принимаемая какъ высшій родъ добродѣтели. «Умъ, коль онъ только что умъ, самая бездѣлица. Съ пребѣглыми умами видимъ мы худыхъ мужей, худыхъ гражданъ. Прямую цѣну уму даетъ благонравіе: безъ него умный человѣкъ—чудовище. Оно неизмѣримо выше всей бѣглости ума. Это легко понять всякому, кто хорошенько подумаетъ. Умовъ много и

1) Въ Опытѣ Россійскаго Сословника, составленнаго Фонъ Визинымъ по французскому словарю Синонимовъ Жирара, дѣлается такое различіе между безпорочностью, добродѣтелью и честью: «*Безпорочный* бываетъ таковымъ по воспитанію для собственныхъ выгодъ и повинуясь законамъ; *добродѣтельный* слѣдуетъ часто въ дѣлахъ своихъ разсужденію; но *честный* человѣкъ не закону повинуется, не разсужденію слѣдуетъ, не примѣрамъ подражаетъ: въ душѣ его есть нѣчто величавое, влекущее его мыслить и дѣйствовать благородно. Онъ кажется самъ себѣ законодателемъ. Въ немъ нѣтъ робости, подавляющей въ слабыхъ душахъ самую добродѣтель. Онъ никогда не бываетъ орудіемъ порока. Онъ въ своей добродѣтели самъ на себя твердо полагается.»

много разныхъ. Умнаго человѣка легко извинить можно, если онъ какого нибудь качества ума и не имѣетъ; честному человѣку никакъ простить нельзя, ежели не достаетъ въ немъ какого нибудь качества сердца: ему необходимо всѣ имѣть надобно. Достоинство сердца нераздѣлимо. Честный человѣкъ долженъ быть совершенно честный человѣкъ.» (Д. IV, явл. I). Это разсужденіе Стародума напоминаетъ слова доклада Бецкаго (1764): «Опытъ доказалъ, что одинъ только украшенный или просвѣщенный разумъ не производитъ еще добраго, прямаго гражданина; напротивъ онъ становится вреднымъ для того, у кого съ юныхъ лѣтъ не вкоренена въ сердцѣ добродѣтель.»

Въ основаніи семейнаго счастія, по мнѣнію Стародума, должно быть положено благонравіе. «При нынѣшнихъ супружествахъ рѣдко съ сердцемъ совѣтуются. Дѣло о томъ, знатенъ ли, богатъ ли женихъ, хороша ли, богата ли, невѣста. О благонравіи вопросу нѣтъ. Вслѣдствіе этого вмѣсто искренняго и снисходительнаго друга, жена видитъ въ мужѣ своемъ грубаго и развращеннаго тирана. Съ другой стороны мужъ видитъ въ душѣ своей жены одну своенравную наглость; оба ни во что уже не ставятъ доброе имя, потому что у обоихъ оно потеряно. Дѣти, несчастныя ихъ дѣти, при жизни отца и матери уже осиротѣли. Какого воспитанія ожидать дѣтямъ отъ матери, потерявшей добродѣтель? Какъ ей учить ихъ благонравію, котораго въ ней нѣтъ?»

Относительно воспитанія Стародумъ говоритъ: «Я желалъ бы, чтобъ при всѣхъ наукахъ не забывалась главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ *благонравіе*. Вѣрь мнѣ, что наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое орудіе дѣлать зло. Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу. Я хотѣлъ бы, напримѣръ, чтобы при воспитаніи сына знатнаго господина наставникъ его всякій день разогнулъ ему исторію и указалъ въ ней два мѣста: въ одномъ, какъ великіе люди

способствовали благу своему отечества; въ другомъ, какъ вельможа недостойный, употребившій во зло всю довѣренность и силу, съ высоты пышной своей знатности низвергся въ бездну презрѣнія и поношенія. Воспитаніе должно быть залогомъ благостоянія государства. Мы видимъ всѣ несчастныя слѣдствія дурнаго воспитанія. Ну, что для отечества можетъ выдти изъ Митрофанушки, за котораго невѣжды родители платятъ еще и деньги невѣждамъ учителямъ! Сколько дворянъ отцевъ, которые нравственное воспитаніе сынка своего поручаютъ своему рабу крѣпостному! Лѣтъ черезъ пятнадцать и выходитъ вмѣсто одного раба двое: старый дядька, да молодой баринъ.»(Д. V, явл. I.)

Слова Стародума о необходимости *нравственнаго воспитанія* совпадаютъ со взглядомъ Наказа Екатерины: «Должно вселять въ юношество страхъ Божій, утверждать сердце ихъ въ похвальныхъ склонностяхъ и пріучить ихъ къ основательнымъ и приличествующимъ состоянію ихъ правиламъ, возбуждати въ нихъ охоту къ трудолюбію и чтобы они страшились праздности, какъ источника всякаго зла и заблужденія (Нак. гл. XVI.)

Въ упомянутомъ выше докладѣ Бецкаго говорится: «При недостаткѣ нравственнаго воспитанія напрасно ласкать себя ожиданіемъ истинныхъ успѣховъ въ наукахъ и въ искусствахъ.»

Прямая обязанность дворянина, по мнѣнію Стародума,— служитъ. Только въ одномъ случаѣ онъ можетъ взять отставку, когда внутренно удостовѣренъ, что служба его отечеству прямой пользы не приноситъ. (Д. III, явл. I.) «Настоящій дворянинъ долженъ считать за первое безчестье не дѣлать ничего [1]), когда ему столько дѣла: есть люди, которымъ помогать, есть отечество, которому служить.»

1) Въ 1783 были напечатаны Вопросы Фонъ Визина и отвѣты сочинителя Былей и Небылицъ (т. е. Екатерины II). Среди этихъ вопросовъ читаются: «Отъ чего у

Согласно съ этимъ понятіемъ о дворянствѣ въ Наказѣ читается: «Добродѣтель съ заслугами возводитъ людей на степень дворянства. Добродѣтель и честь должны быть оному правилами, предписывающими любовь къ отечеству, ревность къ службѣ, послушаніе и ревность къ государю и безпрестанно внушающими не дѣлать никогда безчестнаго дѣла.» (Нак. гл. XV).

Идеалъ Государя Стародумъ изображаетъ такъ: «Великій Государь есть Государь премудрый. Его дѣло показать людямъ прямое ихъ благо. Слава премудрости его та, чтобъ править людьми, потому что управляться съ истуканами нѣтъ премудрости.» Много препятствій предстоитъ мудрому государю: съ одной стороны толпа скаредныхъ льстецовъ всеминутно силится увѣрить его, что люди сотворены для него, а не онъ для людей; съ другой ему предстоитъ искоренить такіе предразсудки, въ которыхъ низкія души находятъ свои выгоды. Но не смотря на все это, въ рукахъ государя всѣ способы сдѣлать людей добрыми. «Какъ скоро всѣ увидятъ, что безъ благонравія никто не можетъ выйти въ люди; что ни подлой выслугой и ни за какія деньги нельзя купить того, чѣмъ награждается заслуга; что люди выбираются для мѣстъ, а не мѣста похищаются людьми, то всякій найдетъ свою выгоду быть благонравнымъ, и всякій хорошъ будетъ.» (Дѣйст. V, явл. 1).

Правдинъ—другое разсуждающее лице въ комедіи—выведенъ также съ двоякою цѣлью. Какъ представитель правительственной власти, онъ кладетъ конецъ помѣщичьимъ злоупотребленіямъ Простаковой, принимая, по предписанію Намѣстника, имѣніе ея въ опеку; съ другой стороны онъ собесѣдникъ Стародума.—Возможность распоряженій Правдина

насъ не стыдно ничего не дѣлать? чѣмъ можно возвысить упадшія души дворянства? Какъ сдѣлать, чтобъ почтенное титло дворянина было несомнѣннымъ доказательствомъ душевнаго благородства.»

оправдовается Наказомъ Екатерины и Учрежденіемъ для управленія губерній (1775). Въ Наказѣ прямо говорится: «Необходимо, чтобъ законы гражданскіе злоупотребленія рабства отвращали. Петръ Первый узаконилъ въ 1722 г., чтобы безумные и подданныхъ своихъ мучащіе были подъ смотрѣніемъ опекуновъ. По первой статьѣ сего указа чинится исполненіе; а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася, неизвѣстно.» (Нак. гл. XI). Въ *Учрежденіи* для управленія губерній говорится о намѣстникѣ: «онъ имѣетъ пресѣкать всякаго рода злупотребленія, а наипаче роскошь безмѣрную и разорительную, обуздывать излишество, безпутство, мотовство, *тиранство* и *жестокость*.»

Разсужденіе Стародума въ связи съ распоряженіями Правдина служатъ истолкованіемъ комедіи. Въ лицѣ Простаковой, и лицъ, сгруппированныхъ вокругъ нея, Фонъ Визинъ имѣлъ цѣлью изобразить *злонравіе*, понимаемое какъ отсутствіе нравственныхъ началъ въ воспитаніи, забвеніе главныхъ достоинствъ человѣка и дворянина. Стародумъ объясняетъ въ чемъ состоитъ противоположное качество *благонравіе*, выясняетъ достоинство человѣка и средства заставить людей быть добрыми.—Въ лицѣ той же Простаковой Фонъ Визинъ караетъ помѣщичью тираннію. Вопросъ о крѣпостномъ правѣ занималъ въ Екатерининское время и правительство, и литературу. Въ лучшихъ Сатирическихъ журналахъ того времени, издаваемыхъ Новиковымъ, Трутнѣ (1769—1770), Живописцѣ (1772—1773) изображается жалкое положеніе крестьянъ, подъ властью дурныхъ помѣщиковъ. Правдинъ въ комедіи Фонъ Визина одинаково свидѣтельствуетъ и объ убѣжденіяхъ автора, и о заботахъ правительства относительно крестьянъ.

Софья и *Милонъ*—личности безъ опредѣленнаго характера, хотя Фонъ Визинъ и хотѣлъ изобразить въ нихъ людей благонравныхъ, воспитанныхъ согласно съ идеаломъ Стародума. Въ чемъ на дѣлѣ выражалось ихъ благонравіе, опредѣлить

нельзя, потому что они почти не дѣйствуютъ въ комедіи. Софья съ чувствительностію выслушиваетъ наставленія дяди, а Милонъ въ разговорѣ съ Стародумомъ проводитъ различіе, между храбростью сердца и неустрашимостью души, различіе заимствованное авторомъ изъ французскаго словаря Синонимовъ Жирара. Сообразно съ характеромъ выведенныхъ лицъ различается и слогъ въ комедіи. Комическія лица говорятъ простымъ разговорнымъ языкомъ, мѣстами даже простонароднымъ, между тѣмъ какъ языкъ резонеровъ отличается книжнымъ характеромъ. Въ самой комедіи есть нѣсколько заимствованій изъ произведеній французской литературы, а въ языкѣ—примѣры галлицизмовъ. Къ числу заимствованій принадлежитъ: 1) Разсказъ Стародума о придворныхъ (Д. III, явл. 6) изъ сочиненій Дюфрени (+1724) и Ляблюйера. 2) Отзывъ Стародума о современныхъ переводныхъ сочиненіяхъ: «Я боюсь для васъ нынѣшнихъ мудрецовъ. Мнѣ случилось читать изъ нихъ все то, что переведено по русски. Они, правда, искореняютъ сильно предразсудки, а воротятъ съ корня добродѣтель» — изъ сочиненія Дюкло, Considérations sur les moeurs de ce siècle (Ch. III) 3). Опредѣленіе Стародумомъ честности и о различіи между храбростью сердца и неустрашимостью души—изъ французскаго Словаря Синонимовъ Жирара. 4) Отзывъ Простаковой о Географіи: «Да извощики-то на что жъ? Это ихъ дѣло. Это таки и наука-то не дворянская»— изъ повѣсти Вольтера, Ieannot et Colin.»—Галлицизмы: 1) *Радуюсь сдѣлавъ ваше знакомство*—je suis bien aise de faire vorte connaïsance. 2) *Состояніе свое сдѣлать можно*— faire sa fortune 3) *Происшествіе—никому равнодушны быть не могутъ*—être indifferent. 4) *Дѣлать должность* — faire son devoir.

Карамзинъ.

Николай Михайловичъ Карамзинъ родился въ 1766 г. въ Симбирской губерніи, по воспитанію принадлежитъ Москвѣ: онъ учился въ учебномъ заведеніи Профессора Шадена, посѣщалъ лекціи Московскаго Университета, принадлежалъ одно время къ Дружескому Обществу, основанному въ Москвѣ съ литературно-издательскою цѣлью. Литературныя занятія Карамзина распадаются на три періода. Въ первый періодъ, до поѣздки за границу, до 1789 г., Карамзинъ занимался переводами. Первымъ печатнымъ трудомъ Карамзина былъ переводъ Идилліи Геснера: Деревянная Нога (1783). За нимъ слѣдовали: О происхожденіи зла, поэма Галлера (1786), Юлій Цезарь, Шекспира (1787), Эмиллія Галотти, др. Лессинга (1788) и рядъ переводныхъ статей въ Дѣтскомъ Чтеніи, журналѣ, издаваемомъ Новиковымъ. По возвращеніи изъ путешествія по Германіи, Швейцаріи, Франціи и Англіи, начинается новый періодъ въ литературной дѣятельности Карамзина: онъ выступаетъ самостоятельнымъ писателемъ. Въ 1791—1792 г. Карамзинъ издавалъ *Московскій Журналъ*, гдѣ помѣстилъ изъ своихъ сочиненій: часть Писемъ Русскаго Путешественника, Бѣдную Лизу, Наталью боярскую дочь, Прекрасную Царевну и Щастливаго Карлу, Софью, драм. отрывокъ и друг.—За Московскимъ Журналомъ слѣдовали Литературные сборники: Аглая (1794), Аониды (1796) и отдѣльное изданіе сочиненій, помѣщенныхъ въ Московскомъ Журналѣ, подъ заглавіемъ: Мои Бездѣлки (1797).

Въ 1802—1803 годахъ Карамзинъ издавалъ новый журналъ Вѣстникъ Европы. Здѣсь между разными статьями издатель помѣщалъ и свои оригинальныя статьи о политическихъ и внутреннихъ событіяхъ текущей жизни.

1803 годомъ кончилась собственно литературная дѣятельность Карамзина. Какъ литераторъ и издатель журналовъ,

Карамзинъ имѣлъ громадное вліяніе на Русскую Литературу. «Онъ преобразовалъ Русскій языкъ [1]), совлекши его съ ходуль Латинской конструкціи и тяжелой Славянщины и приблизилъ къ живой, естественной, разговорной русской рѣчи. Своимъ журналомъ, своими статьями о разныхъ предметахъ и повѣстями онъ распространялъ въ русскомъ обществѣ познанія, образованность, вкусъ, и охоту къ чтенію. При немъ и вслѣдствіе его вліянія, тяжелый педантизмъ и школярство смѣнились сантиментальностью и свѣтскою легкостью, въ которыхъ много было страннаго, но которыя были важнымъ шагомъ впередъ для литературы и общества. Повѣсти его ложны въ поэтическомъ отношеніи, но важны по тому обстоятельству, что наклонили вкусъ публики къ роману, какъ изображенію чувствъ, страстей и событій частной и внутренней жизни людей. Карамзинъ писалъ и стихи. Въ нихъ нѣтъ поэзіи, и они были просто мыслями и чувствованіями умнаго человѣка, выраженными въ стихотворной формѣ; но они простотою своего содержанія, естественностью и правильностью языка, легкостью (по тому времени) версификаціи, новыми и болѣе свободными формами расположенія, были тоже шагомъ впередъ для русской поэзіи» (Соч. Бѣлинскаго т. 8.)

Въ журнальныхъ статьхъ Карамзинъ проводилъ взгляды на событія современной жизни. Два вопроса особенно привлекали его вниманіе: просвѣщеніе Россіи и возвышеніе народной гордости, пробужденіе самобытности. Статьи объ об-

1) Разговорная литературная рѣчь Карамзина и особенность въ употребленіи словъ вызвали сильное порицаніе Шишкова, издавшаго въ 1803 г. книгу *О старомъ и новомъ словѣ*. Шишковъ, оставаясь вѣренъ Ломоносовской теоріи, требуетъ совмѣстнаго употребленія словъ Церковнославянскихъ и русскихъ, возстаетъ противъ иностранныхъ словъ, въ родѣ: моральный, эстетическій, эпоха, сцена, гармонія, акція, энтузіасмъ, катастрофа;—и противъ словъ, образованныхъ по духу Французскаго языка: вліяніе (influance), переворотъ (revolution), развитіе (developement), утонченный (raffiné), сосредоточить (concentrer), трогательно (touchant), занимательно (interessant), подпирать свое мнѣніе (soutenir son opinion), черта злословія un trait de satires) и т. п

разованіи написаны Карамзинымъ по поводу вновь изданнаго тогда указа Императора Александра 1-го о заведеніи новыхъ училищъ. Карамзинъ явился горячимъ защитникомъ просвѣщенія, которое, по его убѣжденіямъ, не составляетъ принадлежности одной касты, не должно быть распространяемо и въ простомъ народѣ.

«24 Января [1]) державная рука Александра подписала безсмертный указъ о заведеніи новыхъ училищъ и о распространеніи наукъ въ Россіи. Сей щастливый Императоръ—ибо дѣлать добро милліонамъ есть главное на землѣ блаженство—торжественно именуетъ народное просвѣщеніе важною частію государственной системы, любезною его сердцу. Многіе Государи имѣли славу быть покровителями наукъ и дарованій; но едва ли кто нибудь издавалъ такой основательный, всеобъемлющій планъ народнаго ученія, какимъ нынѣ можетъ гордиться Россія. Петръ Великій учредилъ первую Академію въ нашемъ отечествѣ, Елизавета первый Университетъ, Великая Екатерина городскія школы; но Александръ, размножая Университеты и Гимназіи, говоритъ еще: *да будетъ свѣтъ въ хижинахъ!* Новая, великая эпоха начинается отнынѣ въ Исторіи нравственнаго образованія Россіи, которое есть корень Государственнаго величія, и безъ котораго самыя блестящія царствованія бываютъ только личною славою Монарховъ, не отечества, не народа. Россія, сильная и щастливая во многихъ отношеніяхъ, унижалась еще справедливою завистію, видя торжество просвѣщенія въ другихъ земляхъ и слабый, невѣрный блескъ его въ обширныхъ странахъ ея. Римляне, уже побѣдители вселенной, были еще презираемы Греками за ихъ невѣжество, и не силою, не побѣдами, но только ученіемъ могли наконецъ избавиться отъ имени варваровъ. Не одно народное славолюбіе—хотя оно, вопреки ко-

1) Изъ статьи Карамзина О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи (Вѣст. Евр. 1803).

варнымъ лицемѣрамъ смиренія, есть душа Патріотизма—не одно народное славолюбіе терпитъ отъ недостатка въ просвѣщеніи: нѣтъ, онъ мѣшаетъ всякому дѣйствію благотворныхъ намѣреній Правителя, на всякомъ шагу останавливаетъ его, отнимаетъ силу у великихъ, мудрыхъ законовъ, рождаетъ злоупотребленія, несправедливости и—однимъ словомъ—не позволяетъ Государству наслаждаться внутреннимъ общимъ благоденствіемъ, которое одно достойно быть цѣлію истинно великаго, то есть добродѣтельнаго Монарха. Александръ, пылая святою ревностью къ щастію ввѣренныхъ ему милліоновъ, избираетъ вѣрнѣйшее, *единственное* средство для совершеннаго успѣха въ Своихъ великодушныхъ намѣреніяхъ. Онъ желаетъ просвѣтить Россіянъ, чтобы они могли пользоваться Его человѣколюбивыми уставами, безъ всякихъ злоупотребленій и въ полнотѣ ихъ спасительнаго дѣйствія. Ревностная признательность наша къ дѣламъ сего Монарха не должна казаться неблагодарностію въ разсужденіи Его славныхъ и великихъ Предшественниковъ. Имя Петра и Екатерины будетъ вѣчно сіять въ заглавіи Исторіи ума и просвѣщенія въ Россіи; но чего Они не могли сдѣлать, то дѣлаетъ Александръ, который имѣетъ счастіе царствовать послѣ Нихъ, и въ девятомъ-надесять вѣкѣ. Небо оставило ему славу и возможность увѣнчать Ихъ безсмертныя творенія. Патріоты съ гордостію указывали иностранцамъ на великолѣпныя палаты столицъ, на знаки богатства и *промышленности* [1]) многочисленнаго купечества; съ гордостію вводили ихъ въ блестящія собранія нашего дворянства, въ Университеты, въ Академіи, въ Гимназіи; но искренніе, разумные иностранцы говорили намъ: «въ Россіи уже *много* просвѣщенія, но еще *не довольно*; въ неизмѣримыхъ странахъ ея мы находили милліоны жителей, осужденныхъ на вѣчное невѣжество; они еще не умнѣе своихъ предковъ и не имѣютъ никакихъ спо-

1) *Промышленность*—слово введенное въ языкъ Карамзинымъ.

собовъ умножать свои идеи, научаться опытами, успѣвать въ искусствѣ жизни и благородныхъ наслажденій.» Русскіе отвѣтствовали имъ, что сей родъ людей по самымъ связямъ гражданскаго общества кажется осужденнымъ на печальное варварство и невѣжество; но иностранцы звали насъ въ свои земли—и мы съ изумленіемъ видѣли въ разныхъ государствахъ Европы земледѣльцевъ трудолюбивыхъ, но просвѣщенныхъ, живущихъ съ пріятностью, вкусомъ, мирно и щастливо—тѣмъ щастливѣе, чѣмъ они просвѣщеннѣе; мы видѣли заведенныя въ деревняхъ школы и дѣтей поселянина, награждаемыхъ за прилежность къ ученію; видѣли въ хижинахъ (не отвратительныхъ, но опрятныхъ и чистыхъ) книги и добрые нравы; говорили съ земледѣльцами и слышали, что они благословляютъ скромную долю свою въ гражданскомъ обществѣ, считаютъ себя не жертвами его, а благополучными, подобно другимъ состояніямъ, которыя всѣ должны трудиться, хотя разнымъ образомъ, для пользы отечества и собственной. Русскіе Патріоты, убѣжденные очевидною истиною, что человѣкъ и въ хижинѣ, и за плугомъ можетъ не обманывать видомъ своимъ, а быть въ самомъ дѣлѣ человѣкомъ, вѣрили тогда, что отечество наше имѣетъ право ожидать новыхъ, еще великихъ благодѣяній отъ Трона въ разсужденіи государственнаго просвѣщенія; они желали ихъ—и добродѣтельный Александръ, слѣдуя влеченію прекрасной души Своей, исполнилъ ихъ желаніе.

Учрежденіе сельскихъ школъ несравненно полезнѣе всѣхъ лицеевъ, будучи истиннымъ *народнымъ* учрежденіемъ, истиннымъ основаніемъ Государственнаго просвѣщенія. Предметъ ихъ ученія есть *важнѣйшій* въ глазахъ Философа. Между людьми, которые умѣютъ только читать и писать, и совершенно безграмотными гораздо болѣе разстоянія, нежели между неучеными и первыми Метафизиками въ свѣтѣ. *Исторія ума* представляетъ *двѣ* главныя эпохи: изобрѣтеніе буквъ и ти-

пографіи; всѣ другіе были ихъ слѣдствіемъ. Чтеніе и письмо открываютъ человѣку новый міръ, особливо въ наше время, при нынѣшнихъ успѣхахъ разума. Сверхъ того мудрое Правительство еще умножаетъ пользу сельскаго ученія, соединяя съ нимъ начальное основаніе *Морали*, и простой, ясной, истинно человѣческой и гражданской. Дерзну сказать, что сочиненіе *нравственнаго Катихизиса* для приходскихъ училищъ достойно перваго Генія въ Европѣ: такъ оно важно и благодѣтельно! Можно предвидѣть затрудненія въ началѣ такого новаго для Россіи учрежденія, особливо въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ Губерніяхъ; но время, опыты и великія выгоды грамотнаго человѣка во всѣхъ отношеніяхъ сельской жизни наконецъ убѣдятъ земледѣльцевъ въ необходимости ученія— и мѣры кроткаго понужденія уступятъ дѣйствію искренней охоты. Всего же болѣе отвѣтствуетъ за успѣхъ то, что мудрое наше Правительство соединяетъ уважаемый народомъ санъ духовныхъ Пастырей съ должностью сельскихъ учителей.

При такомъ взглядѣ на народное просвѣщеніе Карамзинъ естественно старался въ статьяхъ своихъ поднять значеніе народнаго учителя. «Народный учитель, по мнѣнію его, глава въ кругу своемъ, не имѣетъ нужды въ другихъ, а другіе имѣютъ въ немъ нужду,—и можетъ скорѣе возгордиться, нежели унизиться въ своихъ чувствахъ. Сіе знаменіе такъ справедливо, что во многихъ Европейскихъ земляхъ гордость школьнаго мастера вошла въ пословицу.»

Обращаясь къ вопросу о воспитаніи русскихъ дворянъ, Карамзинъ ставитъ на видъ, что *они учась не доучиваются*, спѣшатъ на службу искать чиновъ. Одна изъ дурныхъ сторонъ дворянскаго воспитанія состоитъ въ томъ, что большая часть наставниковъ въ Россіи—иностранцы: «У насъ не будетъ совершеннаго моральнаго воспитанія, пока не будетъ русскихъ хорошихъ учителей..... Никогда иностранецъ не

пойметъ нашего народнаго характера и слѣдственно не можетъ сообразоваться съ нимъ въ воспитаніи. Иностранцы весьма рѣдко отдаютъ намъ справедливость: мы ихъ ласкаемъ, награждаемъ, а они, выѣхавъ за Курляндскій штагбаумъ, смѣются надъ нами или бранятъ насъ... и печатаютъ нелѣпости о Русскихъ.» Стараясь устранить иностранныхъ учителей, Карамзинъ возстаетъ и на укоренившійся обычай отправлять дѣтей для воспитанія въ чужія земли: «всякій долженъ расти въ своемъ отечествѣ и заранѣе привыкать къ его климату, обычаямъ, характеру жителей, образу жизни и правленія; мы знаемъ, что въ одной Россіи можно сдѣлаться хорошимъ Русскимъ.»

Въ статьѣ *О любви къ Отечеству и народной гордости* В. Евр. 1802) Карамзинъ выясняетъ мысль о народной самостоятельности въ жизни и въ литературѣ: «Я не смѣю думать, чтобы у насъ въ Россіи было не много Патріотовъ; но мнѣ кажется, что мы излишно *смиренны* въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ—а смиреніе въ Политикѣ вредно. Кто самого себя не уважаетъ, того безъ сомнѣнія и другіе уважать не будутъ. Не говорю, чтобы любовь къ отечеству долженствовала ослѣплять насъ, что мы всѣхъ и во всемъ лучше; но Русской долженъ по крайней мѣрѣ знать цѣну свою. Согласимся, что нѣкоторые народы вообще насъ просвѣщеннѣе: ибо обстоятельства были для нихъ щастливѣе; но почувствуемъ же и всѣ благодѣянія Судьбы въ разсужденіи народа Россійскаго; станемъ смѣло на ряду съ другими, скажемъ ясно имя свое, и повторимъ его съ благородною гордостью.—Въ наукахъ мы стоимъ еще позади другихъ для того—и для того единственно, что менѣе другихъ занимаемся ими, и что ученое состояніе не имѣетъ у насъ такой обширной сферы, какъ, напримѣръ, въ Германіи, Англіи, и проч. Естьли бы наши молодые дворяне *учась могли доучиваться* и посвящать себя наукамъ, то мы имѣли бы уже своихъ

Линнеевъ, Галлеровъ. Боннетовъ. Успѣхи Литературы нашей (которая требуетъ менѣе учености, но смѣю сказать, еще болѣе разума, нежели собственно такъ называемыя науки) доказываютъ великую способность Русскихъ. Давно ли мы знаемъ, что такое слогъ въ стихахъ и прозѣ? и можемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ уже равняться съ иностранцами. У Французовъ еще въ шестомъ-надесять вѣкѣ Философствовалъ и писалъ Монтань: чудно ли, что они вообще пишутъ лучше насъ? Не чудно ли, напротивъ того, что нѣкоторыя наши произведенія могутъ стоять на ряду съ ихъ лучшими, какъ въ живописи мыслей, такъ и въ оттѣнкахъ слога? Будемъ только справедливы, любезные сограждане, и почувствуемъ цѣну собственнаго. *Мы никогда не будемъ умны чужимъ умомъ и славны* чужою славою. Французскіе, Англійскіе Авторы могутъ обойтись безъ нашей похвалы; но Русскимъ нужно по крайней мѣрѣ вниманіе Русскихъ.—Есть всему предѣлъ и мѣра: какъ человѣкъ, такъ и народъ начинаетъ всегда подражаніемъ; но долженъ со временемъ быть *самъ собою*, чтобы сказать: *я существую нравственно*! Теперь мы уже имѣемъ столько знаній и вкуса въ жизни, что могли бы жить, не спрашивая: какъ живутъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ? Что тамъ носятъ, въ чемъ ѣздятъ, и какъ убираютъ домы? Патріотъ спѣшитъ присвоить отечеству благодѣтельное и нужное, но отвергаетъ рабскія подражанія въ бездѣлкахъ, оскорбительныя для народной гордости. Хорошо и должно учиться; *но горе и человѣку и народу, который будетъ всегда-нимъ ученикомъ*!»

Въ 1803 году въ дѣятельности Карамзина наступаетъ третій, послѣдній періодъ: отъ литературныхъ занятій онъ переходитъ къ научнымъ, вполнѣ отдается одной задачѣ—сочиненію *Исторіи Россійской*. Мысль заняться Русскою Исторіею проявилась у Карамзина очень рано и сопровождала его среди литературныхъ занятій. О послѣднемъ свидѣтельствуетъ

рядъ написанныхъ имъ историческихъ статей: 1) Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицѣ, 2) О случаяхъ и характерахъ въ Россійской исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ. 3) О тайной канцеляріи. 4) О Марфѣ посадницѣ и друг. Поддержанный вниманіемъ Императора Александра 1, Карамзинъ приступилъ къ своему знаменитому труду. Въ 1818 году были изданы первые 8 томовъ *Исторіи Государства Россійскаго*; въ 1821—девятый томъ, въ 1824—X и XI томы, а въ 1829 уже по смерти автора, скончавшагося въ 1826 году, изданъ послѣдній XII томъ, доведенный до 1611 года.

Изъ писемъ Русскаго путешественника.

Тверь, 18 мая 1789.

Разстался я съ вами, милые, разстался! Сердце мое привязано къ вамъ всѣми нѣжнѣйшими своими чувствами, а я безпрестанно отъ васъ удаляюсь и буду удаляться!

О сердце, сердце! Кто знаетъ, чего ты хочешь?—Сколько лѣтъ путешествіе было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія? Не въ восторгѣ ли сказалъ я самому себѣ: наконецъ ты поѣдешь? Не въ радости ли просыпался всякое утро? Не съ удовольствіемъ ли засыпалъ, думая ты поѣдешь? Сколько времени не могъ ни о чемъ думать, ничѣмъ заниматься, кромѣ путешествія? Не считалъ ли дней и часовъ? Но—когда пришелъ желаемый день, я сталъ грустить, вообразивъ въ первый разъ живо, что мнѣ надлежало разстаться съ любезнѣйшими для меня людьми въ свѣтѣ, и со всѣмъ, что, такъ сказать, входило въ составъ нравственнаго бытія моего. На что ни смотрѣлъ—на столъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ изливались на бумагу незрѣлыя мысли и чувства мои—на окно,

подъ которымъ сиживалъ я подгорюнившись въ припадкахъ своей меланхоліи, и гдѣ такъ часто заставало меня восходящее солнце—на готическій домъ, любезный предметъ глазъ моихъ въ часы ночные—однимъ словомъ, все, что попадалось мнѣ въ глаза, было для меня драгоцѣннымъ памятникомъ прошедшихъ лѣтъ моей жизни, не обильной дѣлами, но за то мыслями и чувствами обильной. Съ вещами бездушными прощался я какъ съ друзьями; и въ самое то время какъ былъ размягченъ, растроганъ, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чтобы я не забылъ и взялъ опять къ себѣ, когда возвращуся. Слезы заразительны, мои милые, а особливо въ такомъ случаѣ. Но вы мнѣ всего любезнѣе, и съ вами надлежало разстаться. Сердце мое такъ много чувствовало, что я говорить забывалъ. Но что вамъ сказывать! Минута, въ которую мы прощались, была такова, что тысячи пріятныхъ минутъ въ будущемъ едва ли мнѣ за нее заплатятъ. Милый Петровъ [1]) провожалъ меня до заставы. Тамъ обнялись мы съ нимъ, и еще въ первый разъ видѣлъ я слезы его; тамъ сѣлъ я въ кибитку, взглянулъ на Москву, гдѣ оставалось для меня столько любезнаго, и сказалъ: *прости*! Колокольчикъ зазвенѣлъ, лошади помчались... и другъ вашъ осиротѣлъ въ мірѣ, осиротѣлъ въ душѣ своей! Все прошедшее есть сонъ и тѣнь: ахъ! гдѣ часы, въ которые такъ хорошо было сердцу моему посреди васъ, милые?— Если бы человѣку, самому благополучному, вдругъ открылось будущее, то замерло бы сердце его отъ ужаса, и языкъ его онѣмѣлъ бы въ самую ту минуту, въ которую онъ думалъ назвать себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ!.. Во всю дорогу не приходило мнѣ въ голову ни одной радостной мысли; а на послѣдней станціи къ Твери грусть моя такъ усилилась,

1) А. Петровъ — одинъ изъ сотрудниковъ «Дружескаго Общества» и другъ Карамзина. Воспоминанію о немъ Карамзинъ посвятилъ статью: Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона.

что я, въ деревенскомъ трактирѣ, стоя передъ каррикатурами Королевы Французской и Римскаго Императора, хотѣлъ бы, какъ говоритъ Шекспиръ, *выплакать сердце* свое. Тамъ-то все оставленное мною явилось мнѣ въ такомъ трогательномъ видѣ.—Но полно, полно! Мнѣ опять становится чрезмѣрно грустно. Простите! Дай Богъ вамъ утѣшенiй! Помните друга, но безъ всякаго горестнаго чувства!—

Веймаръ 1789, *Iюля* 20.

Мѣстоположеніе Веймара изрядно. Окрестныя деревеньки съ полями, рощицами составляютъ пріятный видъ. Городъ очень не великъ, и кромѣ Герцогскаго дворца не найдешь здѣсь ни одного огромнаго дома. У городскихъ воротъ меня допрашивали, послѣ чего предложилъ я караульному Сержанту свои вопросы, а именно: здѣсь ли Виландъ [1]) здѣсь ли Гердеръ [2]) здѣсь ли Гете? «Здѣсь, здѣсь, здѣсь» отвѣчалъ онъ, и я велѣлъ постилліону вести себя въ трактиръ Слона. Наемный слуга немедленно былъ отправленъ мною къ Виланду, спросить дома ли онъ? *Нѣтъ онъ во дворцѣ.* Дома ли Гердеръ? *Нѣтъ онъ во дворцѣ.*—Дома ли Гете? *Нѣтъ онъ во дворцѣ.....*

Узнавъ, что Гердеръ наконецъ дома, пошелъ я къ нему. *У него одна мысль*, сказалъ объ немъ какой-то нѣмецкій Авторъ, и *сія мысль есть цѣлый міръ*. Я читалъ его Urkunde des menschlichen Geschlechts, читалъ, многаго не

1) Виландъ (1733—1813)—болѣе замѣчательныя его произведенія: Агатонъ (1766), Музаріонъ, Золотое зеркало, Гандалина, Оберонъ—романтическая эпопея (1780).

2) *Гердеръ* (1744—1803)—произведенія его: Легенды, Парамиѳіи, Критическіе лѣса, Древнѣйшіе памятники человѣческаго рода (1774), Идеи объ исторіи человѣчества (1784).—*Веймаръ*—былъ одно время пріютомъ геніальныхъ писателей—Виланда, Гердера, Гете. Это время засталъ Карамзинъ, позднѣе въ Веймарѣ поселился и Шиллеръ.

понималъ; но что понималъ, то находилъ прекраснымъ. Въ какихъ картинахъ изображаетъ онъ твореніе! Какое восточное великолѣпіе!—Я читалъ его *Бога*, одно изъ новѣйшихъ сочиненій, въ которыхъ онъ доказываетъ, что Спиноза былъ глубокомысленный философъ и ревностный учитель Божества, отъ пантеизма и атеизма равно удаленный, и по сему поводу сообщаетъ собственныя свои мысли о Божествѣ и твореніи, прекрасныя, утѣшительныя для человѣка мысли. Чтеніе сей маленькой книжки усладило нѣсколько часовъ въ моей жизни.—Я читалъ еще его Парамиѳіи [1]), нѣжныя произведенія цвѣтущей фантазіи, которыя дышатъ Греческимъ духомъ, и прекрасны какъ утренняя роза.

Онъ встрѣтилъ меня еще въ сѣняхъ, и обошелся со мною такъ ласково, что я забылъ въ немъ великаго Автора, а видѣлъ предъ собою только любезнаго, привѣтливаго человѣка. Онъ разспрашивалъ меня о политическомъ состояніи Россіи, но съ отмѣнною скромностью. Потомъ разговоръ обратился на Литературу, и слыша отъ меня, что я люблю нѣмецкихъ Поэтовъ, спросилъ онъ, кого изъ нихъ предпочитаю всѣмъ другимъ? Сей вопросъ привелъ меня въ затрудненіе. *Клопштока* [2]), отвѣчалъ я запинаясь, почитаю самымъ *выспреннимъ* изъ пѣвцовъ Германскихъ. «И справедливо, сказалъ Гердеръ: только его читаютъ менѣе нежели другихъ. и я знаю многихъ, которые въ Мессіядѣ на десятой пѣснѣ остановились съ тѣмъ, чтобы никогда уже не приниматься за эту славную поэму.»... Гердеръ, Гете и подобные имъ, присвоившіе себѣ духъ древнихъ Грековъ, умѣли и языкъ свой сблизить съ Греческимъ и сдѣлать его самымъ богатымъ и

1) Т. е. *отдохновенія*. Симъ именемъ называютъ еще и нынѣшніе Греки свои забавныя краткія повѣсти (Прим. Карамзина).

2) *Клопштокъ* (1724—1803)—главное произведеніе его Мессіада, героическая поэма въ 20 пѣсняхъ. Сверхъ того писалъ Оды, пѣсни, и драмы, основанныя на ветхозавѣтныхъ сюжетахъ (Смерть Адама, Соломонъ, Давидъ и Іоахимъ, такъ называемые «Барды» Germann's Schlacht, Germann und die Fürsten, Hermann's Tod.

для поэзіи удобнѣйшимъ языкомъ; и потому ни Французы, ни Англичане не имѣютъ такихъ хорошихъ переводовъ съ Греческаго, какими обогатили нынѣ Нѣмцы свою Литературу. Гомеръ у нихъ Гомеръ: та же искуственная, благородная простота въ языкѣ, которая была душею древнихъ временъ, когда царевны ходили по воду и цари знали счетъ своимъ баранамъ.

---

21 Іюля.

Въ 9 *часовъ вечера*. Я пришелъ къ Виланду въ назначенное время.... Начался разговоръ, который минута отъ минуты становился живѣе и для меня занимательнѣе. Говоря о любви своей къ Поэзіи, сказалъ онъ: «Есть ли бы судьба опредѣлила мнѣ жить на пустомъ островѣ, то я написалъ бы все то же, и съ такимъ же стараніемъ выработывалъ бы свои произведенія, думая, что Музы слушаютъ мои пѣсни.» Онъ желалъ знать, пишу ли я? и не переведено ли что нибудь изъ моихъ бездѣлокъ на нѣмецкой? Я сыскалъ въ записной своей книжкѣ переводъ *печальной весны*. Прочитавъ его, сказалъ онъ: «Жалѣю, есть ли вы часто бываете въ такомъ расположеніи, какое здѣсь описано. Скажите,—потому что теперь вы вселили въ меня желаніе узнать васъ короче—скажите, что у васъ въ виду?» Тихая жизнь, отвѣчалъ я. Окончивъ свое путешествіе, которое предпринялъ единственно для того, чтобы собрать нѣкоторыя пріятныя впечатлѣнія и обогатить свое воображеніе новыми идеями, буду жить въ мирѣ съ натурой и съ добрыми, любить изящное и наслаждаться имъ.—Кто любитъ Музъ и любимъ ими, сказалъ Виландъ, тотъ въ самомъ уединеніи не будетъ празденъ, и всегда найдетъ для себя *пріятное* дѣло. Онъ носитъ въ себѣ источникъ удовольствія, творческую силу свою,

которая дѣлаетъ его щастливымъ. Разговоръ нашъ касался и до философовъ. «Никто изъ Систематиковъ, сказалъ Виландъ, не умѣетъ такъ обольщать своихъ читателей, какъ *Боннетъ* [1]); а особливо такихъ читателей, которые имѣютъ живое воображеніе. Онъ пишетъ ясно, пріятно, и заставляетъ любить себя и философію свою.» О Кантѣ говоритъ Виландъ съ почтеніемъ; но кажется не ломаетъ головы подъ его метафизикою.—Никогда, никога не забуду я Виланда! Есть ли бы видѣли, друзья мои, къ какою откровенностью, съ какимъ жаромъ говоритъ сей почти шестидесятилѣтній человѣкъ, и какъ всѣ черты лица его оживляются въ разговорѣ! Душа его еще не состарѣлась и силы ея не истощились. Клелія и Синибальдъ, послѣдняя изъ его поэмъ, писана съ такою же полнотою духа, какъ Оберронъ, какъ Музаріонъ, и проч. Кажется еще, что онъ въ послѣднихъ своихъ твореніяхъ ближе и ближе къ совершенству подходитъ. Тридцать пять лѣтъ извѣстенъ Виландъ въ Германіи, какъ Авторъ. Самыя первыя его сочиненія, напр., нравоучительныя повѣсти, симпатіи и проч., обратили на него вниманіе публики. Хотя строгая критика, которая тогда уже начиналась въ Германіи, и находила въ немъ много недостатковъ; однакожъ отдавала Автору справедливость въ томъ, что онъ имѣетъ изобрѣтательную силу, богатое воображеніе и живое чувство. Но эпоха славы его началась съ *комическихъ повѣстей*, признанныхъ въ своемъ родѣ превосходными и на нѣмецкомъ языкѣ тогда единственными. Удивлялись его остротѣ, вкусу, красотѣ языка, искусству въ повѣствованіи. Потомъ издавалъ онъ поэму за поэмою, и послѣдняя всегда казалась лучшею. Давно уже Германія признала его однимъ изъ первыхъ своихъ пѣвцовъ; онъ покоится на лаврахъ своихъ, но не засыпаетъ. Естьли Французы оставили наконецъ свое старое

1 Съ *Боннетомъ* Карамзинъ видѣлся въ бытность свою въ Женевѣ и изъявилъ ему свое желаніе переводить его сочиненіе, Contemplation de la Nature, на русскій языкъ.

худое мнѣніе о нѣмецкой Литературѣ (которое нѣкогда оно въ самомъ дѣлѣ заслуживала, т. е. тогда, когда Нѣмцы прилежали только къ сухой учености)—естьли знающіе и справедливѣйшіе изъ нихъ соглашаются, что Нѣмцы не только во многомъ сравнялись съ ними, но во многомъ и превзошли ихъ: то конечно произвели это отчасти Виландовы сочиненія, хотя и нехорошо на французскій языкъ переведенныя.

Вчера ввечеру, идучи мимо того дома, гдѣ живетъ Гете, видѣлъ я его смотрящаго въ окно,—остановился и разсматривалъ его съ минуту: важное Греческое лице! Нынѣ заходилъ къ нему, но мнѣ сказали, что онъ рано уѣхалъ въ Ену.— Въ Веймарѣ есть еще и другіе извѣстные писатели: Бертухъ, Боде и проч. Бертухъ перевелъ съ Гишпанскаго Донъ-Кишота, и выдавалъ Магазинъ Гишпанской и Португальской Литературы; а Боде славится переводомъ Стернова [1]) Путешествія и Тристрама Шанди. Герцогиня Амалія любила дарованія. Она призвала къ своему двору Виланда и поручила его воспитаніе молодаго герцога, она призвала Гете, когда онъ прославился своимъ Вертеромъ; она же призвала и Гердера въ начальники своего духовенства.

Въ каретѣ дорогой, Августа 9.

Уже я наслаждаюсь Швейцаріею, милые друзья мои! Всякое дуновеніе вѣтерка проницаетъ, кажется, въ сердце мое и развѣваетъ въ немъ чувство радости. Какія мѣста! Какія мѣста! Отъѣхавъ отъ Базеля версты двѣ, я выскочилъ изъ кареты, упалъ за цвѣтущій берегъ зеленаго Рейна, и готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю. Щастливые Швейцары!

---

1) Лауренсъ Стернъ (1713—1768)—англійскій юмористическій писатель, первый употребившій слово «*сантиментальность*». Сочиненія его: Тристрамъ Шэнди (1759) и Сантиментальное путешествіе по Франціи и Италіи (1767).

всякой ли день, всякой ли часъ благодарите вы Небо за свое щастіе, живучи въ обътіяхъ прелестной натуры, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ, и служа одному Богу? Вся жизнь ваша есть конечно пріятное сповиденіе, и самая роковая стрѣла должна кротко влетать въ грудь вашу [1]), не возмущаемую тиранскими страстями. Такъ друзья мои! я думалъ, что ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ путей природы. Думаю, и на сей разъ увѣренъ, что онъ не есть врожденное чувство нашего сердца. Ахъ! естьли бы теперь, въ самую сію минуту, надлежало мнѣ умереть, то я со слезою любви упалъ бы во всеобъемлющее лоно природы, съ полнымъ увѣреніемъ, что она зоветъ меня къ новому щастію; что измѣненіе существа моего есть возвышеніе красоты, перемѣна изящнаго на лучшее. И всегда, милыя друзья мои, всегда, когда я духомъ своимъ возращаюся въ первоначальную простоту натуры человѣческой,—когда сердце мое отверзается впечатлѣніемъ красотъ природы—чувствую я то же и не нахожу въ смерти ничего страшнаго. Высочайшая Благость не была бы высочайшею Благостью, есть ли бы Она съ которой нибудь стороны не усладила для насъ всѣхъ необходимостей—и съ сей-то услажденной стороны должны мы прикасаться къ нимъ устами нашими! Прости мнѣ, мудрое Провидѣніе, есть ли я когда нибудь какъ буйный младенецъ, проливая слезы досады, ропталъ на жребій человѣка! Теперь, погружаясь въ чувство Твоей благости, лобызаю невидимую руку Твою, меня ведущую!

Мы ѣдемъ подлѣ Рейна, съ ужаснымъ шумомъ и волненіемъ стремящагося между тихихъ луговъ и садовъ виноградныхъ. Тутъ мальчики и маленькія дѣвочки играютъ, рвутъ цвѣты и бросаютъ ими въ другъ друга; тамъ покойный се-

1) Читатель, можетъ быть, вспомнитъ о стрѣлахъ Аполлона, которыя *кротко умерщвляли* смертныхъ. (Прим. Карамзина).

лянинъ, насвистывая веселую пѣсню, поправляетъ въ саду своемъ сошки, увитыя гибкимъ виноградным стеблемъ—смотритъ на проѣзжихъ, и ласковымъ мановеніемъ желаетъ имъ добраго дня. Высокія горы у насъ передъ глазами; но Альпы скрываются еще въ лазури отдаленія. Юра изгибаетъ за нами хребетъ свой, отбрасывающій синюю тѣнь по долинѣ.— Нѣтъ, я не могу писать; красоты, меня окружающія, отвлекаютъ глаза мои отъ бумаги.

Парижъ.

На такъ называемомъ Французскомъ Театрѣ играютъ трагедіи, драмы и большія комедіи. Я теперь не перемѣнилъ своего мнѣнія [1]) о Французской Мельпоменѣ. Она благородна, величественна, прекрасна; но никогда не тронетъ, не потрясетъ сердца моего такъ, какъ муза Шекспирова и нѣкоторыхъ (правда, не многихъ) Нѣмцовъ. Французскіе поэты имѣютъ тонкой, нѣжной вкусъ, и *въ искусствѣ писать* могутъ служить образцами. Только въ разсужденіи изобрѣтенія, жара и глубокаго *чувства Натуры* — простите мнѣ священныя тѣни Корнелей [2]), Расиновъ [3]) и Вольтеровъ!— должны они уступить преимущество Англичанамъ и Нѣмцамъ. Трагедіи ихъ наполнены изящными картинами, въ которыхъ весьма искусно подобраны краски къ краскамъ, тѣни къ тѣнямъ; но я удивляюсь имъ по большей части съ холоднымъ сердцемъ. Вездѣ смѣсь естественнаго съ романическимъ;

---

1) Въ письмѣ изъ Ліона Карамзинъ, говоря о видѣнной имъ піэсѣ Мари Жозефъ Шенье (1764—1811) подъ названіемъ Карлъ IX, замѣчаетъ: «Дѣйствіе ужасно, но не всякой ужасъ можетъ быть душею драмы. Великая тайна трагедіи, которую Шекспиръ похитилъ во святилищѣ человѣческаго сердца, пребываетъ тайною для французскихъ поэтовъ—и Карлъ IX холоденъ какъ ледъ.»

1) *Корнель* (1606—1694), драматическія произведенія его: Медея, Сидъ (1737), Цинна, Поліевктъ, Родогуна и друг.

2) *Расинъ* (1639—1699) драматическія произведенія его: Андромаха, Британникъ, Баязетъ, Ифигенія, Федра, Эсфирь и др.

вездѣ mes feux, ma foi; вездѣ Греки и Римляне à la Française, которые таятъ въ любовныхъ восторгахъ, иногда философствуютъ, выражаютъ одну мысль разными отборными словами, и теряясь въ лабиринтѣ краснорѣчія, забываютъ дѣйствовать. Здѣшняя публика требуетъ отъ Автора прекрасныхъ стиховъ, des vers á retenir, они прославляютъ піесу, и для того стихотворцы стараются всячески умножать ихъ число, занимаясь тѣмъ болѣе, нежели важностію приключеній, нежели новыми, чрезвычайными, но естественными *положеніями* (situations) и забывая, что характеръ всего болѣе обнаруживается въ сихъ необыкновенныхъ случаяхъ, отъ которыхъ и слова заимствуютъ силу свою.—Коротко сказать, творенія Французской Мельпомены славны—и будутъ всегда славны красотою слога и блестящими стихами; но если Трагедія должна глубоко трогать наше сердце или ужасать душу: то соотечественники Вольтеровы не имѣютъ можетъ быть и двухъ истинныхъ трагедій—и д'Аланбертъ сказалъ весьма справедливо, что всѣ ихъ піесы сочинены болѣе для чтенія, нежели для театра.

Парижъ Мая... 1790.

Нынѣшній день молодой Скиѳъ К., въ Академіи Надписи и Словесности, имѣлъ счастіе узнать Бартелеми—Платона.—Тутъ же узналъ я Левека, Автора Россійской Исторіи, которая хотя имѣетъ много недостатковъ, однакожъ лучше всѣхъ другихъ. Больно, но должно по справедливости сказать, что у насъ до сего времени нѣтъ хорошей Россійской исторіи, то есть, писанной съ философскимъ умомъ, съ критикою, съ благороднымъ краснорѣчіемъ. Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ—вотъ образцы! Говорятъ, что наша Исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна: не думаю, нуженъ только

умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и проч. могло выдти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только Русскихъ, но и чужестранцевъ. Родословная князей, ихъ ссоры, междоусобіе, набѣги Половцевъ, не очень любопытны: соглашаюсь; но за чѣмъ наполнять ими цѣлые томы? Что не важно то сократить, какъ сдѣлалъ Юмъ въ Англійской Исторіи, но всѣ черты, которыя означаютъ свойство народа Русскаго, характеръ древнихъ нашихъ Героевъ, отмѣнныхъ людей, происшествія дѣйствительно любопытныя описать живо, разительно. У насъ былъ свой Карлъ Великій: Владиміръ—свой Людовикъ XI: Царь Іоаннъ—свой Кромвель: Годуновъ—и еще такой Государь, которому нигдѣ не было подобныхъ: Петръ Великій. Время ихъ правленія составляетъ важнѣйшія эпохи въ нашей исторіи, и даже въ Исторіи человѣчества; его-то надобно представить въ живописи, прочее можно обрисовать, но такъ, какъ дѣлалъ свои рисунки Рафаель или Микель-Анджело.—Левекъ, какъ писатель, не безъ дарованія, не безъ достоинствъ; соображаетъ довольно хорошо, разсказываетъ довольно складно, судитъ довольно справедливо; но кисть его слаба, краски не живы, слогъ правильный, логическій, но не быстрый. Къ тому-же Россія не мать ему; не наша кровь течетъ въ его жилахъ: можетъ ли онъ говорить о Русскихъ съ такимъ чувствомъ, какъ Русской? Всего же болѣе не люблю его за то, что онъ унижаетъ Петра Великаго, если посредственный Французскій Писатель можетъ унизить нашего славнаго Монарха, говоря: on lui a peut être refusé avec raison le titre d'homme de Génie, puisque, en voulant former sa nation, il n'a su qu'imiter les autres peuples *). Я слышалъ такое мнѣніе да-

*) То есть: Его, можетъ быть, по справедливости не хотятъ назвать великимъ умомъ: ибо онъ, желая образовать народъ свой, только что подражалъ другимъ народамъ.

же отъ Русскихъ, и никогда не могъ слышать безъ досады. Путь образованія или просвѣщенія *одинъ* для народовъ; всѣ они идутъ имъ въ слѣдъ другъ за другомъ. Иностранцы были умнѣе Русскихъ: и такъ надлежало отъ нихъ заимствовать, учиться, пользоваться ихъ опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано? Лучше ли бъ Русскимъ не строить кораблей, не образовать регулярнаго войска, не заводить Академій, фабрикъ, для того, что все это не Русскими выдумано? Какой народъ не перенималъ у другаго? И не должно ли *сравняться*, чтобы *превзойти*?—Избирать во всемъ лучшее есть дѣйствіе ума просвѣщеннаго; а Петръ Великій хотѣлъ просвѣтить умъ во всѣхъ отношеніяхъ. Монархъ объявилъ войну нашимъ старинным обыкновеніямъ во первыхъ для того, что они были грубы, недостойны своего вѣка; во вторыхъ и для того, что они препятствовали введенію другихъ, еще важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ иностранныхъ новостей. Надлежало, такъ сказать, свернуть голову закоренѣлому русскому упрямству, чтобы сдѣлать насъ гибкими, способными учиться и перенимать.—Всѣ жалкія Іереміады объ измѣненіи Русскаго характера, о потерѣ Русской нравственной физіогноміи, или не что иное какъ шутка, или происходятъ отъ недостатка въ основательномъ размышленіи. Мы не таковы, какъ брадатые предки ваши: тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность, скука, были ихъ долею и въ самомъ высшемъ состояніи: для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ. Все *народное* ничто предъ человѣческимъ. Главное дѣло быть *людьми*, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для Русскихъ; и что Англичане или Нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды, человѣка, то *мое*, ибо я *человѣкъ*...

Лондонъ.

Литература Англичанъ, подобно ихъ характеру, имѣетъ много особенности, и въ разныхъ частяхъ превосходна. Здѣсь отечество живописной Поэзіи (Poésie descriptive): Французы и Нѣмцы переняли сей родъ у Англичанъ, которые умѣютъ замѣчать самыя мелкія черты въ Природѣ. По сіе время ничто еще не можетъ сравняться съ Томсоновыми [1]) *временами года*; ихъ можно назвать зеркаломъ Натуры. Сенъ-Ламберъ [2]) лучше правится Французамъ; но онъ въ своей Поэмѣ кажется мнѣ Парижскимъ щеголемъ, который, выѣхавъ въ загородный домъ, смотритъ изъ окна на сельскія картины и описываетъ ихъ въ хорошихъ стихахъ; а Томсона сравню съ какимъ-нибудь Швейцарскимъ или Шотландскимъ охотникомъ, который, съ ружьемъ въ рукѣ, всю жизнь бродитъ по лѣсамъ и дебрямъ, отдыхаетъ иногда на холмѣ или на скалѣ, смотритъ вокругъ себя, и что ему полюбится, что Природа вдохнетъ въ его душу, то изображаетъ карандашемъ на бумагѣ. Сенъ-Ламберъ кажется пріятнымъ гостемъ Натуры, а Томсонъ ея роднымъ и домашнимъ. Въ Англійскихъ поэтахъ есть еще какое-то *простодушіе*, не совсѣмъ древнее, но сходное съ Гомеровскимъ; есть меланхолія, которая изливается болѣе изъ сердца, нежели изъ воображенія; есть какая-то странная, но пріятная мечтательность, которая, подобно Англійскому саду, представляетъ вамъ тысячу неожиданныхъ вещей. Самымъ же лучшимъ цвѣткомъ Британской Поэзіи считается Мильтоново [1]) описаніе Адама и Евы и Драйденова [2]) Ода на музыку.

1) *Джемсъ Томсонъ* (1700—1748), авторъ описательной поэмы *Времена года* (1726), аллегоріи *Замокъ Лѣни* и нѣсколькихъ трагедій.

2) Шарль Франсуа де Сенъ-Ламберъ (1717—1803)—французскій поэтъ дидактикъ, его описательная поэма: Les saisons.

1) Джонъ Мильтонъ (1608—1674) авторъ эпическихъ поэмъ: Потерянный рай (въ 12 пѣсняхъ), Возвращенный Рай (въ 4 книгахъ).

2) *Драйденъ* (1631—1700), авторъ Героическихъ Стансовъ, сатирическихъ аллегорій, политическихъ сатиръ, и знаменитой оды *Празднество Александра или могущество музыки.*

Любопытно знать, что поэма Мильтонова, въ которой столь много прекраснаго и великаго, сто лѣтъ продавалась, но едва была извѣстна въ Англіи. Первый Аддисонъ [3]) поднялъ ее на высокой пьедесталъ и сказалъ: *удивляйтесь*!

Въ Драматической Поэзіи Англичане не имѣютъ ничего превосходнаго, кромѣ твореній одного Автора; но этотъ Авторъ есть Шекспиръ [4]), и Англичене богаты! Легко смѣяться надъ нимъ не только съ Волтеровымъ, но и съ самымъ обыкновеннымъ умомъ; кто же не чувствуетъ великихъ красотъ его, съ тѣмъ—я не хочу и спорить! Забавные Шекспировы Критики похожи на дерзкихъ мальчиковъ, которые окружаютъ на улицѣ странно одѣтаго человѣка и кричатъ: *какой смѣшной*! *какой чудакъ*! Всякой Авторъ ознаменованъ печатію своего вѣка. Шекспиръ хотѣлъ нравиться современникамъ, зналъ ихъ вкусъ и угождалъ ему; что казалось тогда остроумiемъ, то нынѣ скучно и противно: слѣдствіе успѣховъ разума и вкуса, на которые и самой великой Геній *не можетъ взять мѣръ своихъ*. Но всякой истинный талантъ, платя дань вѣку, творитъ и для вѣчности; современныя красоты исчезаютъ, а общія, основанныя на сердцѣ человѣческомъ и на природѣ вещей, сохраняютъ силу свою, какъ въ Гомерѣ, такъ и въ Шекспирѣ. Величіе, истина характеровъ, занимательность приключеній, *откровеніе* человѣческаго сердца, и великія мысли, разсѣянныя въ драмахъ Британскаго

3) Аддисонъ (1672—1719) издатель знаменитаго Англійскаго журнала *Зритель* (1711), и авторъ трагедіи Катонъ (1713).

4) Вилліамъ Шекспиръ (1564—1616), хронологическій порядокъ драматическихъ произведеній его принимаютъ слѣдующій: 1) Перикл, Титъ Андроникъ, Генрихъ VI, Комедія Ошибокъ; 2) Безуспѣшная любовь, Два Веронца, Конецъ вѣнчаетъ дѣло, Ромео и Юлія, Ричардъ III, Ричардъ II, Генрихъ IV, Укрощеніе упрямой, Венеціанскій купецъ; 3) Сонъ въ лѣтнюю ночь, Гамлетъ, Чего вы хотите? Много шуму изъ ничего, Генрихъ V, Какъ это вамъ нравится? Веселыя Виндзорскія женщины, Мѣра за мѣру, Король Лиръ; 4) Юлій Цезарь, Антоній и Клеопатра, Коріоланъ, Троилъ и Крессида, Макбетъ, Цимбелинъ, Буря, Зимняя сказка, Король Іоаннъ, Оттелло, Генрихъ VIII, Тимонъ Аѳинскій.

Генія, будутъ всегда ихъ магіею для людей съ чувствомъ. Я не знаю другаго поэта, который имѣлъ бы такое всеобъемлющее, плодотвореное, неистощимое воображеніе; и вы найдете всѣ роды Поэзіи въ Шекспировыхъ сочиненіяхъ. Онъ есть любимый сынъ богини Фантазіи, которая отдала ему волшебный жезлъ свой; а онъ, гуляя въ дикихъ садахъ воображенія, на каждомъ шагу творитъ чудеса! Еще повторяю: у Англичанъ одинъ Шекспиръ! Всѣ ихъ новѣйшіе трагики только-что *хотятъ* быть сильными, а въ самомъ дѣлѣ слабы духомъ. Въ нихъ есть Шекспировскій бомбастъ, а нѣтъ Шекспирова генія. Въ изображеніи страстей всегда почти заходятъ они за предѣлъ истины и натуры, можетъ быть отъ того, что обыкновенное, то есть истинное, мало трогаетъ сонныя и флегматическія сердца Британцевъ: имъ надобны ужасы и громы, рѣзанье и погребенья, изступленіе и бѣшенство. Нѣжная черта души не была бы здѣсь примѣчена; тихіе звуки сердца безъ всякаго дѣйствія исчезли бы въ Лондонскомъ партерѣ. Славная Аддисонова трагедія хороша тамъ, гдѣ Катонъ говоритъ и дѣйствуетъ; но любовныя сцены несносны. Нынѣшнія любимыя драмы Англичанъ трогаютъ болѣе содержаніемъ и картинами, нежели чувствомъ и силою Авторскаго таланта.—Комедіи ихъ держатся запутанными интригами и каррикатурами; въ нихъ мало истиннаго остроумія, а много *буфонства*; здѣсь Талія не смѣется, а хохочетъ.

Примѣчаніе достойно то, что одна земля произвела и лучшихъ Романистовъ, и лучшихъ Историковъ. Ричардсонъ [1]) и Фильдингъ [2]) выучили Французовъ и Нѣмцевъ писать романы какъ *исторіи жизни*, а Робертсонъ [3]), Юмъ [4]), Гиббонъ [5]),

1) *Ричардсонъ* (1689—1761)—основатель семейнаго романа въ Англіи. Извѣстныя романы его: Памела, Кларисса, Грандисонъ.

2) *Фильдингъ* (1707—1754), авторъ комическихъ романовъ: Іосифъ Андрѣосъ, Томъ Джонсъ, Джонотэкъ Вильдъ, Амелія.

3) Робертсонъ (1721—1793), авторъ Исторіи Шотландіи, Исторіи Карла V и др.

4) Юмъ (1711—1776)—авторъ Исторіи Англіи отъ вторженія Юліи Цезаря до революціи 1688.»

5) *Гиббонъ* (1737—1794)—авторъ Исторіи упадка и разрушенія Римской Имперіи.

вліяли въ Исторію привлекательность любопытнѣйшаго романа, умнымъ расположеніемъ дѣйствій, живописью приключеній и характеровъ, мыслями и слогомъ. Послѣ Ѳукидида и Тацита ничто не можетъ сравняться съ Историческимъ Тріумвиратомъ Британіи.

Новѣйшая Англійская Литература совсѣмъ не достойна вниманія: теперь пишутъ здѣсь самые посредственные романы, а Стихотворца нѣтъ ни одного хорошаго. Йонгъ [6]), гроза щастливыхъ и утѣшитель нещастныхъ, и Стернъ, оригинальный живописецъ чувствительности, заключили фалангу безсмертныхъ Британскихъ Авторовъ.

Предисловіе къ Исторіи Государства Россійскаго Карамзина.

Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ: главная, необходимая; зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго.

Правители, Законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ Исторіи, и смотрятъ на ея листы какъ мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человѣческая имѣетъ нужду въ опытахъ, а жизнь кратковременна. Должно знать, какъ искони мятежныя страсти волновали гражданское общество, и какими способами благотворная власть ума обуздывала ихъ бурное стремленіе, чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастіе.

Но и простой гражданинъ долженъ читать Исторію. Она миритъ его съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ; утѣ-

6) Эдвардъ Ювгъ (1681—1765)—авторъ «*Ночныхъ думъ.*»

шаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали еще ужаснѣйшія, и Государство не разрушалось; она питаетъ нравственное чувство, и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости, которая утверждаетъ наше благо и согласіе общества.

Вотъ польза: сколько же удовольствій для сердца и разума! Любопытство сродно человѣку, и просвѣщенному и дикому. На славныхъ играхъ Олимпійскихъ умолкалъ шумъ, и толпы безмолствовали вокругъ Геродота, читающаго преданія вѣковъ. Еще не зная употребленія буквъ, народы уже любятъ Исторію: старецъ указываетъ юношѣ на высокую могилу и повѣствуетъ о дѣлахъ лежащаго въ ней Героя. Первые опыты нашихъ предковъ въ искусствѣ грамоты были посвящены Вѣрѣ и Дѣписанію; омраченный густою сѣнію невѣжества народъ съ жадностью внималъ сказаніямъ лѣтописцевъ. И вымыслы нравятся; но для полнаго удовольствія должно обманывать себя и думать, что они истина. Исторія, отверзая гробы, поднимая мертвыхъ, влагая имъ жизнь въ сердца и слово въ уста, изъ тлѣнія вновь созидая Царства, и представляя воображенію рядъ вѣковъ съ ихъ отличными страстями, нравами, дѣяніями, расширяетъ предѣлы нашего собственнаго бытія; ея творческою силою мы живемъ съ людьми всѣхъ временъ, видимъ и слышимъ ихъ, любимъ и ненавидимъ: еще не думая о пользѣ, уже наслаждаемся созерцаніемъ многообразныхъ случаевъ и характеровъ, которые занимаютъ умъ или питаютъ чувствительность.

Если всякая Исторія, даже и неискусно писанная, бываетъ пріятна, какъ говоритъ Плиній: тѣмъ болѣе отечественная. Истинный Космополитъ есть существо метафизическое или столь необыкновенное явленіе, что нѣтъ нужды говорить объ немъ ни хвалить, ни осуждать его. Мы всѣ граждане, въ Европѣ и въ Индіи, въ Мексикѣ и въ Абиссиніи: личность каждаго тѣсно связана съ отечествомъ: любимъ его, ибо лю-

бимъ себя. Пусть Греки, Римляне плѣняютъ воображеніе: они принадлежатъ къ семейству рода человѣческаго, и намъ не чужіе по своимъ добродѣтелямъ и слабостямъ, славѣ и бѣдствіямъ: но имя Русское имѣетъ для насъ особенную прелесть: сердце мое еще сильнѣе бьется за Пожарскаго, нежели за Ѳемистокла или Сципіона. Всемірная Исторія великими воспоминаніями украшаетъ міръ для ума, а Россійская украшаетъ отечество, гдѣ мы живемъ и чувствуемъ. Сколь привлекательны берега Волхова, Днѣпра, Дона, когда знаемъ, что въ глубокой древности на нихъ происходило! Не только Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ, но и хижины Ельца, Козельска, Галича дѣлаются любопытными памятниками, и нѣмые предметы краснорѣчивыми. Тѣни минувшихъ столѣтій вездѣ рисуютъ картины передъ нами.

Кромѣ особеннаго достоинства для насъ, сыновъ Россіи, ея лѣтописи имѣютъ общее. Взглянемъ на пространство сей единственной Державы: мысль цѣпенѣетъ; никогда Римъ въ своемъ величіи не могъ равняться съ нею, господствуя отъ Тибра до Кавказа, Эльбы и песковъ Африканскихъ. Не удивительно ли, какъ земли, раздѣленныя вѣчными преградами Естества, неизмѣримыми пустынями и лѣсами непроходимыми, хладными и жаркими климатами; какъ Астрахань и Лапландія, Сибирь и Бессарабія, могли составить одну Державу съ Москвою? Менѣе ли чудесна и смѣсь ея жителей, разноплеменныхъ, разновидныхъ, и столь удаленныхъ другъ отъ друга въ степеняхъ образованія? Подобно Америкѣ Россія имѣетъ своихъ дикихъ; подобно другимъ странамъ Европы являетъ плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть Русскимъ: надобно только мыслить, чтобы съ любопытствомъ читать преданія народа, который смѣлостью и мужествомъ снискалъ господство надъ девятою частію міра, открылъ страны, никому дотолѣ неизвѣстныя, внесъ ихъ въ общую систему Географіи, Исторіи, и просвѣтилъ Божественною Вѣ-

рою, безъ насилія, безъ злодѣйствъ, употребленныхъ другими ревнителями Христіанства въ Европѣ и въ Америкѣ, но единственно примѣромъ лучшаго.

Согласимся, что дѣянія, описанныя Геродотомъ, Ѳукидитомъ, Ливіемъ, для всякаго не Русскаго вообще занимательнѣе, представляя болѣе душевной силы и живѣйшую игру страстей: ибо Греція и Римъ были народными Державами и просвѣщеннѣе Россіи; однакожъ смѣло можемъ сказать, что нѣкоторые случаи, картины, характеры нашей Исторіи любопытны не менѣе древнихъ. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, возстаніе Россіянъ при Донскомъ, паденіе Новагорода, взятіе Казани, торжество народныхъ добродѣтелей во время Междуцарствія. Великаны сумрака, Олегъ и сынъ Игоревъ; простосердечный витязь, слѣпецъ Василько; другъ отечества, благолюбивый Мономахъ; Мстиславы Храбрые ужасные въ битвахъ и примѣръ незлобія въ мирѣ; Михаилъ Тверскій, столь знаменитый великодушною смертію; злополучный, истинно мужественный Александръ Невскій; Герой юноша, побѣдитель Мамаевъ, въ самомъ легкомъ начертаніи сильно дѣйствуютъ на воображеніе и сердце. Одно государствованіе Іоанна III есть рѣдкое богатство для Исторіи: по крайней мѣрѣ не знаю Монарха достойнѣйшаго жить и сіять въ ея святилищѣ. Лучи его славы падаютъ на колыбель Петра и между сими двумя Самодержцами удивительный Іоаннъ IV. Годуновъ достойный своего счастія и несчастія, странный лже-Димитрій, и за сонмомъ доблестныхъ Патріотовъ, Бояръ и гражданъ, наставникъ трона, Первосвятитель Филаретъ съ Державнымъ сыномъ, свѣтоносцемъ во тмѣ нашихъ государственныхъ бѣдствій, и Царь Алексій, мудрый отецъ Императора, коего назвала великимъ Европа. Или вся Новая Исторія должна безмолвствовать, или Россійская имѣетъ право на вниманіе.

Знаю, что битвы нашего удѣльнаго междоусобія, гремящія

безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, маловажны для разума; что сей предметъ не богатъ ни мыслями для Прагматика, ни красотами для живописца: но Исторія не романъ, и міръ не садъ, гдѣ все должно быть пріятно: она изображаетъ дѣйствительный міръ. Видимъ на землѣ величественныя горы и водопады, цвѣтущіе луга и долины; но сколько песковъ безплодныхъ и степей унылыхъ! Однакожъ путешествіе вообще любезно человѣку съ живымъ чувствомъ и воображеніемъ; въ самыхъ пустыняхъ встрѣчаются виды прелестные.

Не будемъ суевѣрны въ нашемъ высокомъ понятіи о Дѣописаніяхъ Древности. Если исключить изъ безсмертнаго творенія Ѳукидидова вымышленныя рѣчи, что останется? голый разсказъ о междоусобіи Греческихъ городовъ: толпы злодѣйствуютъ, рѣжутся за честь Аѳинъ или Спарты, какъ у насъ за честь Мономахова или Олегова Дому. Не много разности, если забудемъ, что сіи полутигры изъяснялись языкомъ Гомера, имѣли Софокловы Трагедіи и статуи Фидіасовы. Глубокомысленный живописецъ Тацитъ всегда ли представляетъ намъ великое, разительное? Съ умиленіемъ смотримъ на Агриппину, несущую пепелъ Германика; съ жалостію на разсѣянныя въ лѣсу кости и доспѣхи Легіона Варова; съ ужасомъ на кровавый пиръ неистовыхъ Римлянъ, освѣщаемыхъ пламенемъ Капитолія; съ омерзѣніемъ на чудовище тиранства, пожирающее остатки Республиканскихъ добродѣтелей въ столицѣ міра: но скучныя тяжбы городовъ о правѣ имѣть жреца въ томъ или другомъ храмѣ и сухой Некрологъ Римскихъ чиновниковъ занимаютъ много листовъ въ Тацитѣ. Онъ завидовалъ Титу Ливію въ богатствѣ предмета; а Ливій, плавный, краснорѣчивый, иногда цѣлыя книги наполняетъ извѣстіями о сшибкахъ и разбояхъ, которые едва ли важнѣе Половецкихъ набѣговъ.—Однимъ словомъ, чтеніе всѣхъ Исторій требуетъ нѣкотораго терпѣнія, болѣе или менѣе награждаемаго удовольствіемъ.

Историкъ Россіи могъ бы конечно, сказавъ нѣсколько словъ о происхожденіи ея главнаго народа, о составѣ Государства, представить важныя, достопамятнѣйшія черты древности въ искусной картинѣ и начать обстоятельное повѣствованіе съ Іоаннова времени, или съ XV вѣка, когда совершилось одно изъ величайшихъ государственныхъ твореній въ мірѣ: онъ написалъ бы легко 200 или 300 краснорѣчивыхъ, пріятныхъ страницъ, вмѣсто многихъ книгъ, трудныхъ для Автора, утомительныхъ для Читателя. Но сіи обозрѣнія, сіи картины ни замѣняютъ лѣтописей, и кто читалъ единственно Робертсоново Введеніе въ Исторію Карла V, тотъ еще не имѣетъ основательнаго, истиннаго понятія о Европѣ среднихъ временъ. Мало, что умный человѣкъ, окинувъ глазами памятники вѣковъ, скажетъ намъ свои примѣчанія: мы должны сами видѣть дѣйствіе и дѣйствующихъ: тогда знаемъ Исторію. Хвастливость Авторскаго краснорѣчія и нѣга читателей осудятъ ли на вѣчное забвеніе дѣла и судьбу нашихъ предковъ? Они страдали и своими бѣдствіями изготовили наше величіе: а мы не захотимъ и слушать о томъ, ни знать, кого они любили, кого обвиняли въ своихъ несчастіяхъ? Иноземцы могутъ пропустить скучное для нихъ въ нашей древней Исторіи; но добрые Россіяне не обязаны ли имѣть болѣе терпѣнія, слѣдуя правилу государственной нравственности, которая ставитъ уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданину образованному?... Такъ я мыслилъ, и писалъ объ Игоряхъ и Всеволодахъ, какъ современникъ, смотря на нихъ въ тусклое зеркало древней Лѣтописи съ неутомимымъ вниманіемъ, съ искреннимъ почтеніемъ; и если, вмѣсто живыхъ, цѣлыхъ образовъ, представлялъ единственно тѣни, въ отрывкахъ: то не моя вина: я не могъ дополнять Лѣтописи!

Есть три рода Исторіи: первая современная, напримѣръ Ѳукидидова, гдѣ очевидный свидѣтель говоритъ о происшествіяхъ; вторая, какъ Тацитова основывается на свѣжихъ

словесныхъ преданіяхъ въ близкое къ описываемымъ дѣйствіямъ время; третья извлекается только изъ памятниковъ, какъ наша до самаго XVIII вѣка. Въ первой и второй блистаетъ умъ, воображеніе Дѣписателя, который избираетъ любопытнѣйшее, цвѣтитъ, украшаетъ, иногда творитъ, не боясь обличенія; скажетъ: я такъ видѣлъ, такъ слышалъ и безмолвная Критика не мѣшаетъ Читателю наслаждаться прекрасными описаніями. Третій родъ есть самый ограниченный для таланта: нельзя прибавить ни одной черты къ извѣстному; нельзя вопрошать мертвыхъ; говоримъ, что предали намъ современики, молчимъ, если умолчали—или справедливая Критика заградитъ уста легкомысленному Историку, обязанному представлять единственно то, что сохранилось отъ вѣковъ въ Лѣтописяхъ, въ Архивахъ. Древніе имѣли право вымышлять рѣчи согласно съ характеромъ людей, съ обстоятельствами: право неоцѣненное для истинныхъ дарованій, и Ливій, пользуясь имъ, обогатилъ свои книги силою ума, краснорѣчія, мудрыхъ наставленій. Но мы, вопреки мнѣнію Аббата Мабли, не можемъ нынѣ витійствовать въ Исторіи. Новые успѣхи разума дали намъ яснѣйшее понятіе о свойствѣ и цѣли ея; здравый вкусъ уставилъ неизмѣнныя правила и навсегда отлучилъ Дѣписаніе отъ Поэмы, отъ цвѣтниковъ краснорѣчія, оставивъ въ удѣлъ первому быть вѣрнымъ зерцаломъ минувшаго, вѣрнымъ отзывомъ словъ, дѣйствительно сказанныхъ Героями вѣковъ. Самая прекрасная выдуманная рѣчь безобразитъ Исторію, посвященную не славѣ Писателя, не удовольствію Читателей и даже не мудрости нравоучительной, но только истинѣ, которая уже сама собою дѣлается источникомъ удовольствія и пользы. Какъ Естественная, такъ и Гражданская Исторія не терпитъ вымысловъ, изображая, что есть или было, а не что быть могло. Но Исторія, говорятъ, наполнена ложью: скажемъ лучше, что въ ней, какъ въ дѣлѣ человѣческомъ, бываетъ примѣсь лжи; однакожъ характеръ

истины всегда болѣе или менѣе сохраняется; и сего довольно для насъ, чтобы составить себѣ общее понятіе о людяхъ и дѣяніяхъ. Тѣмъ взыскательнѣе и строже Критика; тѣмъ непозволительнѣе Историку, для выгодъ его дарованія, обманывать добросовѣстныхъ Читателей, мыслить и говорить за Героевъ, которые уже давно безмолвствуютъ въ могилахъ. Чтожъ остается ему, прикованному, такъ сказать къ сухимъ хартіямъ древности? порядокъ, ясность, сила, живопись. Онъ творитъ изъ даннаго вещества: не произведетъ золота изъ мѣди, но долженъ очистить и мѣдь; долженъ знать всего цѣну и свойство; открывать великое, гдѣ оно таится и малому не давать правъ великаго. Нѣтъ предмета столь бѣднаго, чтобы Искусство уже не могло въ немъ ознаменовать себя пріятнымъ для ума образомъ.

Доселѣ Древніе служатъ намъ образцами. Никто не превзошелъ Ливія въ красотѣ повѣствованія, Тацита въ силѣ: вотъ главное! Знаніе всѣхъ правъ на свѣтѣ, ученость Нѣмецкая, остроуміе Вольтерово, ни самое глубокомысліе Макіявелево въ Историкѣ не замѣняютъ таланта изображать дѣйствія. Англичане славятся Юмомъ, Нѣмцы Іоанномъ Мюллеромъ, и справедливо; оба суть достойные совмѣстники древнихъ,—не подражатели: ибо каждый вѣкъ, каждый народъ даетъ особенныя краски искусному Бытописателю, «Не подражай Тациту, но пиши, какъ писалъ бы онъ на твоемъ мѣстѣ»!... есть правило Генія. Хотѣлъ ли Мюллеръ, часто вставляя въ разсказы нравственныя апофѳегмы, уподобиться Тациту? не знаю, но сіе желаніе блистать умомъ, ули казаться глубокомысленнымъ, едва ли не противно истинному вкусу. Историкъ разсуждаетъ только въ объясненіе дѣлъ, тамъ, гдѣ мысли его какъ бы дополняютъ описаніе. Замѣтимъ, что сіи апофѳегмы бываютъ для основательныхъ умовъ или полу-истинами, или весьма обыкновенными истинами, которыя не имѣютъ большой цѣны въ Исторіи, гдѣ ищемъ дѣйствія и характеровъ.

Искусное повѣствованіе есть долгъ Бытописателя, и хорошая отдѣльная мысль даръ: Читатель требуетъ перваго, и благодаритъ за второе, когда уже требованіе его исполнено. Не такъ ли думалъ и благоразумный Юмъ, иногда весьма плодовитый въ изъясненіи причинъ, но до скупости умѣренный въ размышленіяхъ? Историкъ. коего мы назвали бы совершеннѣйшимъ изъ Новыхъ, если бы онъ не излишно чуждался Англіи, не излишно хвалился безпристрастіемъ, и тѣмъ не охладилъ своего изящаго творенія. Къ Ѳукидидѣ видимъ всегда Аѳинскаго Грека, въ Ливіи всегда Римлянина, и плѣняемся ими. и вѣримъ имъ. Чувство: мы, наше, оживляетъ повѣствованіе — и какъ грубое пристрастіе, слѣдствіе ума слабаго или души слабой, несностн о въ Историкѣ: такъ любовь къ отечеству даетъ его кисти жаръ, силу, прелесть. Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души.

Обращаюсь къ труду моему. Не дозволяя себѣ никакого изобрѣтенія, я искалъ выраженій въ умѣ своемъ, а мыслей единственно въ памятникахъ; искалъ духа и жизни въ тлѣющихъ хартіяхъ; желалъ преданное намъ вѣками соединить въ систему, ясную стройнымъ сближеніемъ частей; изображалъ не только бѣдствія и славу войны, но и все, что входитъ въ составъ гражданскаго бытія людей: успѣхи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся съ важностію говорить о томъ, что уважалось предками; хотѣлъ, не измѣняя своему вѣку, безъ гордости и насмѣшокъ описывать вѣки душевнаго младенчества, легковѣрія, баснословія, хотѣлъ представить и характеръ времени и характеръ Лѣтописцевъ; ибо одно казалось мнѣ нужнымъ для другаго. Чѣмъ менѣе находилъ я извѣстій, тѣмъ болѣе дорожилъ и пользовался находимыми; тѣмъ менѣе выбиралъ: ибо не бѣдные, а богатые избираютъ. Надлежало или не сказать ничего, или сказать все о такомъ-то Князѣ, дабы онъ жилъ въ нашей памяти не однимъ сухимъ именемъ, но съ нѣкоторою нравственною

физіономіею. Прилѣжно истощая матеріалы древнѣйшей Россійской Исторіи, я ободрялъ себя мыслію, что въ повѣствованіи о временахъ отдаленныхъ есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображенія: тамъ источники Поэзіи! Взоръ нашъ, въ созерцаніи пространства, не стремится ли обыкновенно — мимо всего близкаго, яснаго — къ концу горизонта, гдѣ густѣютъ, меркнутъ тѣни и начинается непроницаемость?

Читатель замѣтитъ, что описываю дѣянія не врозь, по годамъ и днямъ, но совокупляю ихъ для удобнѣйшаго впечатлѣнія въ памяти. Историкъ не лѣтописецъ: послѣдній смотритъ единственно на время, а первый на свойство и связь дѣяній: можетъ ошибиться въ распредѣленіи мѣстъ, но долженъ всему указать свое мѣсто.

Множество сдѣланныхъ мною примѣчаній и выписокъ устрашаютъ меня самаго. Счасливы Древніе: они не вѣдали сего мелочнаго труда, въ коемъ теряется половина времени, скучаетъ умъ, вянетъ воображеніе: тягостная жертва, приносимая достовѣрности, однакожь необходимая! Если бы всѣ матеріалы были у насъ собраны, изданы, очищены Критикою, то мнѣ осталось бы единственно ссылаться; но когда большая часть ихъ въ рукописяхъ, въ темнотѣ; когда едвали что обработано, изъяснено, соглашено—надобно вооружиться терпѣніемъ. Въ волѣ читателя заглядывать въ сію пеструю смѣсь, которая служитъ иногда свидѣтельствомъ, иногда объясненіемъ или дополненіемъ. Для охотниковъ все бываетъ любопытно: старое имя, слово; малѣйшая черта древности даетъ поводъ къ соображеніямъ. Съ XV вѣка уже менѣе выписываю: источники размножаются и дѣлаются яснѣе. Мужъ ученый и славный, Шлецеръ, сказалъ, что наша исторія имѣетъ пять главныхъ періодовъ; что Россія отъ 862 года до Святополка должна быть названа раждающеюся (Nascens), отъ Ярослава до Моголовъ раздѣленною (Divisa), отъ Батыя до Іоанна III угне-

тенною (Oppressa), отъ Іоанна до Петра Великаго побѣдоносною (Victrix), отъ Петра до Екатерины II процвѣтающею. Сія мысль кажется мнѣ болѣе остроумною, нежели основательною. 1) Вѣкъ Св. Владиміра былъ уже вѣкомъ могущества и славы, а не рожденія. 2) Государство дѣлилось и прежде 1015 года. 3) Если внутреннему состоянію и внѣшнитъ дѣйствіямъ Россіи надобно означать періоды, то можно ли смѣшать въ одно время Великаго Князя Димитрія Александровича и Донскаго, безмолвное рабство съ побѣдою и славою? 4) Вѣкъ Самозванцевъ ознаменованъ болѣе злосчастіемъ, нежели побѣдою. Гораздо лучше, истиннѣе, скромнѣе Исторія наша дѣлится на Древнѣйшую отъ Рюрика до Іоанна III, на среднюю отъ Іоанна до Петра, и Новую отъ Петра до Александра. Система удѣловъ была характеромъ первой эпохи, Единовластіе второй, измѣненіе гражданскихъ обычаевъ третьей. Впрочемъ нѣтъ нужды ставить грани тамъ, гдѣ мѣста служатъ живымъ урочищемъ.

Съ охотою и ревностію посвятивъ двѣнадцать лѣтъ, и лучшее время моей жизни, на сочиненіе сихъ осьми или девяти томовъ, могу по слабости желать хвалы и бояться охужденія; но смѣю сказать, что это для меня не главное. Одно славолюбіе не могло дать мнѣ твердости постоянной, долговременной, необходимой въ такомъ дѣлѣ, если бы не находилъ я истиннаго удовольствіа въ самомъ трудѣ и не имѣлъ надежды быть полезнымъ, то есть сдѣлать Россійскую Исторію извѣстнѣе для многихъ, даже и для строгихъ моихъ судей.

Благодаря всѣхъ, и живыхъ и мертвыхъ, коихъ умъ, знанія, таланты, искусство, служили мнѣ руководствомъ, поручаю себя снисходительности добрыхъ согражданъ. Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ отечестко; желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы; желаемъ, да неизмѣнится никогда твердое основаніе нашего величія; да правила

мудраго Самодержавія и Святой Вѣры болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣтетъ Россія..... по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой!

Изъ Исторіи государства Россійскаго Карамзина.

(Т. XI, глава 2).

Достигнувъ цѣли, возникнувъ изъ ничтожности рабской до высоты Самодержца, усиліями неутомимыми, хитростью неусыпною, коварствомъ, происками, злодѣйствомъ, наслаждался ли Годуновъ въ полной мѣрѣ своимъ величіемъ, коего алкала душа его—величіемъ, купленнымъ столь дорогою цѣною? Наслаждался ли и чистѣйшимъ удовольствіемъ души, благотворя подданнымъ, и тѣмъ заслуживая любовь отечества? По крайней мѣрѣ не долго.

Первые два года сего царствованія казались лучшимъ временемъ Россіи съ XV вѣка или съ ея возстановленія: она была на высшей степени своего новаго могущества, безопасная собственными силами и счастіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а внутри управляемая съ мудрою твердостію и съ кротостію необыкновенною. Борисъ исполнялъ обѣтъ Царскаго вѣнчанія, и справедливо хотѣлъ именоваться отцемъ народа, уменьшивъ его тягости; отцемъ сирыхъ и бѣдныхъ, изливая на нихъ щедроты безпримѣрныя; другомъ человѣчества, и касаясь жизни людей, не обагряя земли Русской ни каплею крови, и наказывая преступниковъ только ссылкою. Купечество менѣе стѣсняемое въ торговлѣ; войско въ мирной тишинѣ осыпаемое наградами; Дворяне, Приказные люди, знаками милости отличаемые за ревностную службу; Сиклитъ, уважаемый Царемъ дѣятельнымъ и совѣтолюбивымъ; Духовенство, честимое Царемъ набожнымъ,—однимъ словомъ, всѣ

государственныя состоянія могли быть довольны за себя и еще довольнѣе за отечество, видя, какъ Борисъ въ Европѣ и въ Азіи возвеличилъ имя Россіи безъ кровопролитія и безъ тягостнаго напряженія силъ ея; какъ радѣетъ о благѣ общемъ, правосудіи, устройствѣ. И такъ не удивительно, что Россія, по сказанію современниковъ, любила своего Вѣнценосца, желая забыть убіеніе Димитрія или сомнѣваясь въ ономъ!

Но Вѣнценосецъ зналъ свою тайну, и не имѣлъ утѣшенія вѣрить любви народной: благотворя Россіи, скоро началъ удаляться отъ Россіянъ; отмѣнилъ уставъ временъ древнихъ: не хотѣлъ, въ извѣстные дни и часы, выходить къ народу, выслушивать его жалобы и собственными руками принимать челобитныя; являлся рѣдко, и только въ пышности недоступной. Но убѣгая людей—какъ бы для того, чтобы лицемъ Монарха, не напомнить имъ лице бывшаго раба Іоаннова—онъ хотѣлъ невидимо присутствовать въ ихъ жилищахъ или въ мысляхъ, и недовольный обыкновенною молитвою во храмахъ о Государѣ и Государствѣ, велѣлъ искуснымъ книжникамъ составить особенную для чтенія во всей Россіи, во всѣхъ домахъ, на трапезахъ и вечеряхъ, за чашами, о душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи «Слуги Божія, Царя Всевышнимъ избраннаго и провознесеннаго, Самодержца всей Восточной страны и Сѣверной; о Царицѣ и дѣтяхъ ихъ; о благоденствіи и тишинѣ отечества и Церкви подъ скиптромъ единаго Христіанскаго Вѣнценосца въ мірѣ, чтобы всѣ иные властители предъ нимъ уклонялись и рабски служили ему, величая имя его отъ моря до моря и до конца вселенныя; чтобы Россіяне всегда съ умиленіемъ славили Бога за такого Монарха, коего умъ есть пучина мудрости, а сердце исполнено любви и долготерпѣнія: чтобы всѣ земли трепетали меча нашего, а земля Русская не престанно высилась и расширялась, чтобы юныя, цвѣтущія вѣтви Борисова Дому возрасли благословеніемъ Небеснымъ и непрерывно осѣнили оную до скон-

чанія вѣковъ!» То есть, святое дѣйствіе души человѣческой, ея таинственное сношеніе съ Небомъ, Борисъ дерзнулъ осквернить своимъ тщеславіемъ и лицемѣріемъ, заставивъ народъ свидѣтельствовать предъ Окомъ Всевидящимъ о добродѣтеляхъ убійцы, губителя и хищника!... Но Годуновъ, какъ бы не страшась Бога, тѣмъ болѣе страшился людей, и еще до ударовъ Судьбы, до измѣнъ счастія и подданыхъ, еще спокойный на престолѣ, искренно славимый, искренно любимый, уже не зналъ мира душевнаго; уже чувствовалъ, что если путемъ беззаконія можно достигнуть величія, то величіе и блаженство, самое земное, не одно знаменуютъ.

Сіе внутреннее безпокойство души, неизбѣжное для преступника, обнаружилось въ Царѣ несчастными дѣйствіями подозрѣнія, которое, тревожа его, скоро встревожило и Россію. Мы видѣли, что онъ, касаясь рукою вѣнца Мономахова, уже мечталъ о тайныхъ ковахъ противъ себя, ядѣ, чародѣйствѣ: ибо естественно думалъ, что и другіе, подобно ему, могли имѣть жажду къ верховной власти, лицемѣріе и дерзость. Нескромно открывъ боязнь свою, и взявъ съ Россіянъ клятву постыдную, Борисъ столь же естественно не довѣрялъ ей: хотѣлъ быть на стражѣ неусыпной, все видѣть и слышать, чтобы предупредить злые умыслы; возстановилъ для того бѣдственную Іоаннову систему доносовъ и ввѣрилъ судьбу гражданъ, Дворянства, Вельможъ сонму гнусныхъ извѣтниковъ.

Первою знаменитою жертвою подозрѣнія и доносовъ былъ тотъ, съ кѣмъ Годуновъ жилъ нѣкогда душа въ душу, кто охотно дѣлилъ съ нимъ милость Іоаннову и страдалъ за него при Ѳеодорѣ—свойственникъ Царицы Маріи—Бѣльскій. Спасенный Годуновымъ отъ злобы народной во время Московскаго мятежа, но оставленный надолго въ честной ссылкѣ, снова призванный ко Двору, но безъ всякаго отличія, и въ самое царствованіе Бориса удостоенный только второстепеннаго Думнаго сана, сей главный любимецъ Грознаго, считая

себя благодѣтелемъ Годунова, могъ быть или казаться недовольнымъ, слѣдственно виновнымъ въ глазахъ Царя, имѣя еще и другую, важнѣйшую вину за собою: онъ зналъ лучше другихъ глубину Борисова сердца. Въ 1600 году Царь послалъ его въ дикую степь строить новую крѣпость Борисовъ на берегу Донца Сѣверскаго, безъ сомнѣнія не въ знакъ милости; но Бѣльскій, стыдясь представлять лице уничиженнаго, ѣхалъ въ отдаленныя пустыни какъ на знатнѣйшее воеводство, съ необыкновенною пышностію, съ богатою казною и множествомъ слугъ; велѣлъ заложить городъ своимъ, а не Царскимъ людямъ; ежедневно угощалъ Стрѣльцовъ и Козаковъ, давалъ имъ одежду и деньги, не требуя ничего отъ Государя. Слѣдствіемъ было то, что новую крѣпость построили скорѣе и лучше всѣхъ другихъ крѣпостей: что дѣлатели не скучали работою, любя, славя начальника; а Царю донесли, что начальникъ, милостію прельстивъ воиновъ, думаетъ объявить себя независимымъ и говоритъ: «Борисъ Царь въ Москвѣ, а я Царь въ Борисовѣ!» Сію клевету, основанную, вѣроятно, на тщеславіи и какомъ нибудь неосторожномъ словѣ Бѣльскаго, приняли за истину (ибо Годуновъ желалъ избавиться отъ стариннаго безпокойнаго друга)—и рѣшили, что онъ достоинъ смерти; но Царь, хвалясь милосердіемъ, велѣлъ только взять у него имѣніе, и выщипать ему всю длинную, густую бороду, избравъ Шотландскаго Хирурга Габріеля для совершенія такой новой казни. Бѣльскій снесъ позоръ, и заточенный въ одинъ изъ Низовыхъ городовъ, дожилъ тамъ до случая отмстить неблагодарному хотя въ могилѣ. Умный, опытный въ дѣлахъ государственныхъ, сей преемникъ Малюты Скуратова былъ ненавистенъ Россіянамъ страшными воспоминаніями своихъ дней счастливыхъ, а иноземцамъ своею жестокою къ нимъ непріязнію, которою онъ могъ гнѣвить и Бориса, ихъ ревностнаго покровителя. Мало жалѣли о старомъ, безродномъ временщикѣ; но его опала предшествовала другой,

гораздо чувствительнѣйшей для знатныхъ родовъ и для всего отечества.

Память добродѣтельной Анастасіи и свойство Романовыхъ-Юрьевыхъ съ Царскимъ Домомъ Мономаховой крови были для нихъ правомъ на общее уваженіе и самую любовь народа. Боярinъ Никита Романовичь, достойный сей любви и личными благородными качествами, оставилъ 5 сыновей: Ѳеодора, Александра, Михайла, Ивана и Василія, въ послѣдній часъ жизни моливъ Годунова быть имъ вмѣсто отца. Честя ихъ наружно — давъ старшимъ, Ѳедору и Александру, Боярство, Михайлу санъ Окольничаго, и женивъ своего ближняго, Ивана Ивановича Годунова, на ихъ меньшей сестрѣ Иринѣ— Борисъ внутренно опасался Романовыхъ, какъ совмѣстниковъ для его юнаго сына: ибо началась молва, что Ѳеодоръ, за нѣсколько времени до кончины, мыслилъ объявить старшаго изъ нихъ наслѣдникомъ Государства; молва, вѣроятно, несправедливая; но они, будучи единокровными Анастасіи и двоюродными братьями Ѳеодора, казались народу ближайшими къ престолу. Сего было достаточно для злобы Борисовой, усиленной насказами родственниковъ Царскихъ; но гоненіе требовало предлога, если не для успокоенія совѣсти, то для мнимой безопасности гонителя, чтобы личиною закона прикрыть злодѣйство, какъ иногда поступалъ Грозный и Борисъ, избавляя себя отъ ненавистныхъ ему людей въ Ѳеодорово время. Надежнѣйшими извѣтниками считались тогда рабы: желая ободрить ихъ въ семъ предательствѣ, Царь не устыдился явно наградить одного изъ слугъ Боярина, Князя Ѳеодора Шестунова, за ложный доносъ на господина въ недоброхотствѣ къ Вѣнценосцу: Шестунова еще не тронули, но всенародно, на площади, сказали клеветнику милостивое слово Государево, дали вольность, чинъ и помѣстье. Между тѣмъ шептали слугамъ Романовыхъ, что ихъ, за такое же усердіе, ждетъ еще важнѣйшая милость Царская; и гл авный клеветъ

новаго тиранства, новый Малюта Скуратовъ, Вельможа Семенъ Годуновъ, изобрѣлъ способъ уличить невинныхъ въ злодѣйствѣ, надѣясь на общее легковѣріе и невѣжество: подкупилъ казначея Романовыхъ, далъ ему мѣшки наполненные кореньями, велѣлъ спрятать въ кладовой у Боярина Александра Никитича и донести на своихъ господъ, что они, тайно занимаясь составомъ яда, умышляютъ на жизнь Вѣнценосца. Вдругъ сдѣлалась въ Москвѣ тревога: Синклитъ и всѣ знатные чиновники спѣшатъ къ Патріарху; посылаютъ Окольничаго Михайла Салтыкова для обыска въ кладовой у Боярина Александра; находятъ тамъ мѣшки, несутъ къ Іову, и въ присутствіи Романовыхъ высыпаютъ коренья, будто бы волшебные, изготовленные для отравленія Царя. Всѣ въ ужасѣ—и Вельможи, усердные подобно Римскимъ Сенаторомъ Тиберіева или Неронова времени, съ воплемъ кидаются на мнимыхъ злодѣевъ, какъ дикіе звѣри на агнцевъ, — грозно требуютъ отвѣта и не слушаютъ его въ шумѣ. Отдаютъ Романовыхъ подъ крѣпкую стражу и велятъ судить, какъ судитъ беззаконіе.

Сіе дѣло есть одно изъ гнуснѣйшихъ Борисова ожесточенія и безстыдства. Не только Романовымъ, но и всѣмъ ихъ ближнимъ надлежало погибнуть, чтобы не осталось мстителей на этихъ невинныхъ страдальцевъ. Взяли Князей Черкасскихъ, Шестуновыхъ, Рѣпниныхъ, Карповыхъ, Сицкихъ: знатнѣйшаго изъ послѣднихъ, Князя Ивана Васильевича, Намѣстника Астраханскаго, привезли въ Москву скованнаго съ женою и сыномъ. Допрашивали, ужасали пыткою, особенно Романовыхъ; мучили, терзали слугъ ихъ, безжалостно и безполезно: никто не утѣшилъ тирана клеветою на самого себя или на другихъ; вѣрные рабы умирали въ мукахъ, свидѣтельствуя единственно о невинности господъ своихъ передъ Царемъ и Богомъ. Но судіи не дерзали сомнѣваться въ истинѣ преступленія, столь грубо вымышленнаго, и прославили неслыханное милосердіе Царя,

когда онъ велѣлъ имъ осудить Романовыхъ, со всѣми ихъ ближними, единственно на заточеніе, какъ уличенныхъ въ измѣнѣ и въ злодѣйскомъ намѣреніи извести Государя средствами волшебства. Въ Іюнѣ 1601 года исполнился приговоръ Боярскій: Ѳеодора Никитича Романова, (будущаго знаменитаго Іерарха), постриженнаго и названнаго Филаретомъ, сослали въ Сійскую Антоніеву Обитель; супругу его, Ксенію Ивановну, такъ-же постриженную и названною Марѳою, въ одинъ изъ Заонежскихъ погостовъ; тещу Ѳедорову, Дворянку Шестову, въ Чебоксары, въ Никольскій Дѣвичій монастырь, Александра Никитича въ Усолье-Луду, къ Бѣлому морю; третьяго Романова, Михайла, въ Великую Пермь, въ Ныробскую волость; четвертаго, Ивана, въ Пелымъ; пятаго, Василья, въ Яренскъ; зятя ихъ, Князя Бориса Черкасскаго, съ женою и съ дѣтьми ея брата, Ѳедора Никитича, съ шестилѣтнимъ Михаиломъ (будущимъ Царемъ) и съ юною дочерью, на Бѣло-озеро; сына Борисова, Князя Ивана, въ Малмыжъ на Вятку; Князя Ивана Васильевича Сицкаго въ Кожеозерскій монастырь, а жену его въ пустыню Сумскаго Острога; другихъ Сицкихъ, Ѳедора и Владиміра Шестуновыхъ, Карповыхъ и Князей Рѣпниныхъ въ темницы разныхъ городовъ: одного-же изъ послѣднихъ, Воеводу Яренскаго, будто бы за расхищеніе Царскаго достоянія, въ Уфу. Вотчины и помѣстья опальныхъ роздали другимъ; имѣніе движимое и домы взяли въ казну.

Но гоненіе не кончилось ссылкою и лишеніемъ собственности: не вѣря усердію или строгости мѣстныхъ начальниковъ, послали съ несчастными Московскихъ Приставовъ, коимъ надлежало смотрѣть за ними неусыпно, давать имъ нужное для жизни и доносить Царю о каждомъ ихъ словѣ значительномъ. Никто не смѣлъ взглянуть на оглашенныхъ измѣнниковъ, ни ходить близъ уединенныхъ домовъ, гдѣ они жили, внѣ городовъ и селеній, вдали отъ большихъ дорогъ; нѣкоторые въ землянкахъ, и даже скованные. Въ монастырь Сій-

скій не пускали богомольцевъ, чтобы кто нибудь изъ нихъ не доставилъ письма Ѳедору Никитичу, Иноку невольному, но ревностному въ благочестіи: коварный Приставъ, съ умысломъ заговаривая ему о Дворѣ, семействѣ и друзьяхъ его, доносилъ Царю, что Филаретъ не находитъ между Боярами и Вельможами ни одного весьма умнаго, способнаго къ дѣламъ государственнымъ, кромѣ опальнаго Богдана Бѣльскаго, и считаетъ себя жертвою ихъ злобныхъ навѣтовъ; что хотя занимается единственно спасеніемъ души, но тоскуетъ о женѣ и дѣтяхъ, не зная, гдѣ они безъ него сиротствуютъ, и моля Бога о скоромъ концѣ ихъ бѣдственной жизни (Богъ не услышалъ сей молитвы, къ счастію Россіи!). Донесли такъ-же Царю, что Василій Романовъ, отягченный болѣзнію и цѣпями, не хотѣлъ однажды славить милосердія Борисова, сказалъ Приставу: «истинная добродѣтель не знаетъ тщеславія.» Но Борисъ, какъ бы желая доказать узнику истину своего милосердія, велѣвъ снять съ него цѣпи, объявить за нихъ Царскій гнѣвъ Приставу, излишно ревностному въ угнетеніи опальныхъ, — перевезти недужнаго Василія въ Пелымъ къ брату Ивану Никитичу, лишенному движенія въ рукѣ и ногѣ отъ удара, и дать имъ печальное утѣшеніе страдать вмѣстѣ. Василій отъ долговременной болѣзни скончался (15 Февраля 1602) подъ молитвою брата и великодушнаго раба, который, вѣрно служивъ господину въ чести, служилъ ему и въ оковахъ съ усердіемъ нѣжнаго сына. Александръ и Михайло Никитичи такъ же не долго жили въ темницѣ, бывъ жертвою горести, или насильственной смерти, какъ пишутъ: перваго схоронили въ Лудѣ, втораго въ семи верстахъ отъ Чердыня, близъ села Ныроба, въ мѣстѣ пустынномъ, гдѣ надъ могилою выросли два кедра. Донынѣ въ церкви Ныробской хранятся Михайловы тяжкія оковы, и старцы еще разсказываютъ тамъ о великодушномъ терпѣніи, о чудной силѣ и крѣпости сего мужа, о любви къ нему всѣхъ жителей, коихъ дѣти приходили къ

его темницѣ играть на свирѣляхъ и сквозь отверстіе землянки подавать узнику все лучшее, что имѣли, для утоленія голода и жажды: любовь, за которую ихъ гнали при Годуновѣ и наградили въ царствованіе Романовыхъ милостивою, обѣльною грамотою.—Если вѣрить Лѣтописцу, то Борисъ, велѣвъ удавить въ монастырѣ Князя Ивана Сицкаго съ женою, хотѣлъ уморить голодомъ и недужнаго Ивана Романова; но бумаги приказныя свидѣтельствуютъ, что послѣдній имѣлъ весьма не бѣдное содержаніе, ежедневно два или три блюда, мясо, рыбу, бѣлый хлѣбъ, и что у Пристава его было 90 (450 нынѣшнихъ серебряныхъ) рублей въ казнѣ, для доставленія ему нужнаго. Скоро участь опальныхъ смягчилась, отъ Политики ли Царя (ибо народъ жалѣлъ объ нихъ), или отъ ходатайства зятя Романовыхъ, Крайчаго Ивана Ивановича Годунова. Въ Мартѣ 1602 г. Царь милостиво указалъ Ивану Романову (оставляя его подъ надзоромъ, но уже безъ имени злодѣя) ѣхать въ Уфу на службу, оттуда въ Нижній Новгородъ, и наконецъ въ Москву, вмѣстѣ съ племянникомъ Княземъ Иваномъ Черкасскимъ; Сицкихъ послалъ воеводствовать въ города Низовскіе (освободилъ ли Шестуновыхъ и Репниныхъ, неизвѣстно); а Княгинѣ Черкасской, Маѳѣ Никитишнѣ, овдовѣвшей на Бѣлѣозерѣ, велѣлъ жить съ невѣсткой, сестрою и дѣтьми Ѳедора Никитича, въ отчинѣ Романовыхъ Юрьевскаго Уѣзда, въ селѣ Клинѣ, гдѣ лишенный отца и матери, но блюдомый Провидѣніемъ, дожилъ семилѣтній отрокъ Михаилъ, грядущій Вѣнценосецъ Россіи, до гибели Борисова племени. Царь хотѣлъ изъявить милость и Филарету: позволилъ ему стоять въ церкви на крылосѣ, взять къ себѣ черница въ келію для услугъ и бесѣды; приказалъ всѣмъ довольствовать своего измѣнника (еще такъ называя сего мужа непорочнаго въ совѣсти) и для богомольцевъ отворить монастырь Сійскій, но не пускать ихъ къ опальному Иноку; приказалъ наконецъ (въ 1605 году) посвятить Филарета въ Ie-

ромонахи и въ Архимандриты, чтобы тѣмъ болѣе удалить его отъ міра! Не одни Романовы были страшилищемъ для Борисова воображенія. Онъ запретилъ Князьямъ Мстиславскому и Василію Шуйскому жениться, думая, что ихъ дѣти, по древней знатности своего рода могли бы такъ-же состязаться съ его сыномъ о престолѣ. Между тѣмъ, устраняя будущія мнимыя опасности для юнаго Ѳеодора, робкій губитель трепеталъ настоящихъ: волнуемый подозрѣніями, непрестанно боясь тайныхъ злодѣевъ и равно боясь заслужить народную ненависть мучительствомъ, гналъ и миловалъ: сослалъ Воеводу, Князя Владиміра Бахтѣярова—Ростовскаго, и простилъ его; удалилъ отъ дѣлъ знаменитаго Дьяка Щелкалова, но безъ явной опалы; нѣсколько разъ удалялъ и Шуйскихъ, и снова приближалъ къ себѣ: ласкалъ ихъ, и въ тоже время грозилъ немилостію всякому, кто имѣлъ обхожденіе съ ними. Не было торжественныхъ казней, но морили несчастныхъ въ темницахъ, пытали по доносамъ. Сонмы извѣтниковъ, если не всегда награждаемыхъ, то всегда свободныхъ отъ наказанія за ложь и клевету, стремились къ Царскимъ палатамъ изъ домовъ Боярскихъ и хижинъ, изъ монастырей и церквей: слуги доносили на господъ, Иноки, Попы, Дьячки, просвирницы на людей всякаго званія—самыя жены на мужей, самыя дѣти на отцевъ къ ужасу человѣчества! «И въ дикихъ Ордахъ (прибавляетъ Лѣтописецъ) не бываетъ столь великаго зла: господа не смѣли глядѣть на рабовъ своихъ, ни ближніе искренно говорить между собою; а когда говорили, то взаимно обязывались страшною клятвою не измѣнять скромности.» Однимъ словомъ, сіе печальное время Борисова царствованія, уступая Іоаннову въ кровопійствѣ, не уступало ему въ беззаконіи и развратѣ: наслѣдство гибельное для будущаго! Но великодушіе еще дѣйствовало въ Россіянахъ (оно пережило Іоанна и Годунова, чтобы спасти отечество): жалѣли о невинныхъ страдальцахъ и мерзили постыдными милостями Вѣн-

ценосца къ доносителямъ; другіе боялись за себя, за ближнихъ—и скоро неудовольствіе сдѣлалось общимъ. Еще многіе славили Бориса: приверженники, льстецы, извѣстники, утучняемые стяжаніемъ опальныхъ; еще знатное Духовенство, какъ увѣряютъ, хранило въ душѣ усердіе къ Вѣнценосцу, который осыпалъ Святителей знаками благословенія: но гласъ отечества уже не слышался въ хвалѣ частной, корыстолюбивой, и молчаніе народа, служа для царя явною укоризною, возвѣстило важную перемѣну въ сердцахъ Россіянъ: они уже не любили Бориса!

Такъ говоритъ Лѣтописецъ современный, безпристрастный, и самъ извѣстный въ нашей исторіи своею государственною доблестью: Келаръ Палицынъ. Народы всегда благодарны: оставляя Небу судить тайну Борисова сердца, Россіяне искренно славили Царя, когда онъ подъ личиной добродѣтели казался имъ отецъ народа; но признавъ въ немъ тирана, естественно возненавидили его за настоящее и за минувшее: въ чемъ, можетъ быть, хотѣли сомнѣваться, въ томъ снова удостовѣрились, и кровь Димитріева явнѣе означалась для нихъ на порфирѣ губителя невинныхъ; вспомнили судьбу Углича и другихъ жертвъ мстительнаго властолюбія Годунова; безмолствовали, но тѣмъ сильнѣе чувствовали въ присутствіи извѣтниковъ—и тѣмъ сильнѣе говорили въ святилищахъ недоступныхъ для услужниковъ тиранства, коего время бываетъ и царствомъ клеветы и царствомъ ненарушимой скромности: тамъ, въ тихихъ бесѣдахъ дружества, неумолимая истина обнажала, а ненависть чернила Бориса, упрекая его не только душегубствомъ, гоненіемъ людей знаменитыхъ, грабежемъ ихъ достоянія, алчностью къ прибытку беззаконному, корыстолюбивымъ введеніемъ откуповъ, размноженіемъ казенныхъ домовъ питейныхъ, порчею правовъ, но и пристрастіемъ къ иноземнымъ, новымъ обычаямъ (изъ коихъ брадобритіе особенно соблазняло усердныхъ старовѣровъ), даже наклонностію

къ Армянской и Латинской ереси! Какъ любовь, такъ и ненависть рѣдко бываютъ довольны истиною: первая въ хвалѣ, послѣдняя въ осужденіи. Годунову ставили въ вину и самую ревность его къ просвѣщенію!

Въ сіе время общей нелюбви къ Борису онъ имѣлъ случай доказать свою чувствительность къ народному бѣдствію, заботливость, щедрость необыкновенную; но и тѣмъ уже не могъ тронуть сердецъ, къ нему остылыхъ.—Среди естественнаго обилія и богатства земли плодоносной, населенной хлѣбопашцами трудолюбивыми; среди благословеній долговременнаго мира, и въ царствованіе дѣятельное, предусмотрительное, пала на милліоны людей казнь страшная: весною, въ 1601 году, небо омрачилось густою тьмою, и дожди лили въ теченіи десяти недѣль непрестанно, такъ, что жители сельскіе пришли въ ужасъ: не могли ни чѣмъ заниматься, ни косить, ни жать; а 15 Августа жестокій морозъ повредилъ какъ зеленому хлѣбу, такъ и всѣмъ плодамъ незрѣлымъ. Еще въ житницахъ и въ гумнахъ находилось не мало стараго хлѣба; но земледѣльцы, къ несчастію, засѣяли поля новымъ, гнилымъ, тощимъ, и не видали всходовъ ни осенью, ни весною: все истлѣло и смѣшалось съ землею. Между тѣмъ запасы изошли, и поля уже остались не засѣянными. Тогда началося бѣдствіе, и вопль голодныхъ встревожилъ Царя. Не только гумна въ селахъ, но и рынки въ столицахъ опустѣли, и четверть ржи возвысилась цѣною отъ 12 до 15 денегъ до трехъ (пятнадцати нынѣшнихъ серебряныхъ) рублей. Борисъ велѣлъ отворить Царскія житницы въ Москвѣ и въ другихъ городахъ; убѣдилъ Духовенство и Вельможъ продавать хлѣбные свои запасы такъ-же низкою цѣною; отворилъ и казну: въ четырехъ оградахъ, сдѣланныхъ близь деревянной стѣны Московской, лежали кучи серебра для бѣдныхъ; ежедневно, въ часъ утра, каждому давали двѣ Московки, деньгу или копѣйку,—но голодъ свирѣпствовалъ: ибо хитрые корыстолюбцы

обманомъ скупали дешевый хлѣбъ въ житницахъ казенныхъ, Святительскихъ, Боярскихъ, чтобы возвышать его цѣну и торговать имъ съ прибыткомъ безсовѣстнымъ; бѣдные, получая въ день копѣйку серебряную, не могли питаться. Самое благодѣяніе обратилось въ зло для столицы: изъ всѣхъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ земледѣльцы съ женами и дѣтьми стремились толпами въ Москву за Царскою милостынею, умножая тѣмъ число нищихъ. Казна раздавала въ день нѣсколько тысячъ рублей, и безполезно: голодъ усиливался и наконецъ достигъ крайности столь ужасной, что нельзя безъ трепета читать ея достовѣрнаго описанія въ преданіяхъ современниковъ. «Свидѣтельствуюсь истинною и Богомъ»—пишетъ одинъ изъ нихъ — «что я собственными глазами видѣлъ въ Москвѣ людей, которые, лежа на улицахъ, подобно скоту, щипали траву и питались ею; у мертвыхъ находили во рту сѣно.» Мясо лошадиное казалось лакомствомъ: ѣли собакъ, кошекъ, стерво, всякую нечистоту. Люди сдѣлались хуже звѣрей: оставляли семейства и женъ, чтобы не дѣлиться съ ними кускомъ послѣднимъ. Не только грабили, убивали за ломоть хлѣба, но и пожирали другъ друга. Путешественники боялись хозяевъ, и гостинницы стали вертепами душегубства: давили, рѣзали сонныхъ для ужасной пищи! Мясо человѣческое продавалась въ пирогахъ на рынкахъ! Матери глодали трупы своихъ младенцевъ!.. Злодѣевъ казнили, жгли, кидали въ воду; но преступленія не уменьшались... И въ сіе время другіе изверги копили, берегли хлѣбъ въ надеждѣ продать его еще дороже!.. Гибло множество въ неизъяснимыхъ мукахъ голода. Вездѣ шатались полумертвые, падали, издыхали на площадяхъ. Москва заразирась бы смрадомъ гніющихъ тѣлъ, еслибы Царь не велѣлъ, на свое иждивеніе, хоронить ихъ, истощая казну и для мертвыхъ. Приставы ѣздили въ Москвѣ изъ улицы въ улицу, подбирали мертвецовъ, обмывали, завертывали въ бѣлые саваны, обували въ красные башмаки или коты, и

сотнями возили за городъ въ три скудельницы, гдѣ въ два года и четыре мѣсяца было схоронено 127,000 труповъ, кромѣ погребенныхъ людьми христолюбивыми у церквей приходскихъ. Пишутъ, что въ одной Москвѣ умерло тогда 500,000 человѣкъ, а въ селахъ и другихъ областяхъ еще несравненно болѣе, отъ голода и холода: ибо зимою нищіе толпами замерзали на дорогахъ. Пища неестественная такъ-же производила болѣзнь и моръ, особенно въ Смоленскомъ Уѣздѣ, куда Царь въ одно время послалъ 20,000 рублей для бѣдныхъ, не оставивъ ни одного города въ Россіи безъ вспоможенія, и если не спасая многихъ, то вездѣ уменьшая число жертвъ, такъ что сокровищница Московская, полная отъ благополучнаго Ѳедорова царствованія, казалась неистощимою. И всѣ иныя возможныя мѣры были имъ приняты: онъ не только въ ближнихъ городахъ скупалъ, цѣною имъ опредѣленною, волею и неволею, всѣ хлѣбные запасы у богатыхъ; но послалъ и въ самыя дальнія, изобильнѣйшія мѣста освидѣтельствовать гумна, гдѣ еще нашлися огромные скирды, въ теченіе полувѣка не прикосновенные и поросшіе деревьями: велѣлъ немедленно молотить и везти хлѣбъ, какъ въ Москву, такъ и въ другія области. Въ доставленіи встрѣчались неминуемыя, едва одолимыя трудности: во многихъ мѣстахъ на пути не было ни подводъ, ни корму; ямщики и всѣ жители сельскіе разбѣгались. Обозы шли Россіею какъ бы пустынею Африканскою, подъ мечами и копьями воиновъ, опасаясь нападенія голодныхъ, которые не только внѣ селеній, но и въ Москвѣ, на улицахъ и рынкахъ, силою отнимали съѣстное. — Наконецъ дѣятельность верховной власти устранила всѣ препятствія, и въ 1603 году, мало по малу, исчезли всѣ знаменія ужаснѣйшаго изъ золъ: снова явилось обиліе, и такое, что четверть хлѣба упала цѣною отъ трехъ рублей до 10 копѣекъ, къ восхищенію народа и къ отчаянію корыстолюбцевъ, еще богатыхъ тайными запасами ржи и пшеницы! — Памятникомъ

бывшей, безпримѣрной дороговизны осталась навсегда, какъ сказано въ лѣтописяхъ, ею введенная, новая мѣра четверика: ибо до 1601 года хлѣбъ продавали въ Росси единственно оковами, бочками или кадями, четвертями и осьминами.

Бѣдствіе прекратилось, но слѣды его не могли быть скоро изглажены: замѣтно уменьшилось число людей въ Россіи и достояніе многихъ; оскудѣла безъ сомнѣнія и Казна, хотя Годуновъ, великодушно расточая оную для спасенія народнаго, не только не убавилъ своей обыкновенной пышности Царской, но еще болѣе нежели когда нибудь хотѣлъ блистать оною, чтобы закрыть тѣмъ дѣйствіе гнѣва Небеснаго, особенно для Пословъ иноземныхъ, окружая ихъ на пути, отъ границы до Москвы, призраками изобилія и роскоши: вездѣ являлись люди, богато или красиво одѣтые; вездѣ рынки полные товаровъ, мяса и хлѣба, и не единаго нищаго, тамъ, гдѣ за версту въ сторону могилы наполнялись жертвами голода. Въ сіе-то время Борисъ столь пышно угощалъ своего нареченнаго зятя, Герцога Датсткаго—и въ сіе же время украшенъ Древній Кремль новыми зданіями: въ 1600 году воздвигнувъ огромную колокольню Ивана Великаго, пристроили въ 1601 и 1602 годахъ, на мѣстѣ сломаннаго, деревяннаго дворца Іоаннова, двѣ большія каменныя палаты къ Золотой и Грановитой, Столовую и Панихидную, чтобы доставить тѣмъ работу и пропитаніе людямъ бѣднымъ, соединяя съ милостію пользу, и во дни плача думая о великолѣпіи! Однакожь не Московскіе Лѣтописцы, а только чужеземные Историки упрекаютъ Бориса гордостію неуклонною и въ общемъ бѣдствіи, суетою, тщеславіемъ, разсказывая, что онъ запретилъ тогда Россіянамъ купить весьма умѣренною цѣною знатное количество ржи у Нѣмцевъ въ Иванѣгородѣ, стыдясь питать народъ свой чужимъ хлѣбомъ. Извѣстіе конечно несправедливое; ибо наши государственныя бумаги, свидѣтельствуя о приходѣ туда Нѣмецкихъ кораблей съ хлѣбомъ въ 1602 году, не упоминаютъ о такомъ жесто-

комъ запретѣ. Борисъ, оказавъ въ семъ несчастіи столько дѣятельности и столько щедрости, чтобы удостовѣрить Россію въ любви истинно-отеческой Царя къ подданнымъ, не могъ явно жертвовать ихъ спасеніемъ тщеславію безумному.

Но Борисъ не обольстилъ Россіянъ своими благодѣяніями: ибо мысль, для него страшная, господствовала въ душахъ—мысль, что Небо за беззаконія Царя казнитъ Царство. «Изливая на бѣдныхъ щедроты» говорятъ Лѣтописцы—«онъ въ золотой чашѣ подавалъ имъ кровь невинныхъ, да піютъ во здравіе; питалъ ихъ милостынею богопротивною, расхитивъ имѣніе Вельможъ честныхъ, и древнія сокровища Царскія осквернивъ добычею грабежа.»—Россія не блаrодѣнствовала въ новомъ изобиліи; не имѣла времени успокоиться: открылось новое бѣдствіе, въ коемъ современники непосредственно винили Бориса.

Еще Іоаннъ IV, желая населить Литовскую Украйну, землю Сѣверскую, людьми годными къ ратному дѣлу, не мѣшалъ въ ней укрываться и спокойно жительствовать преступникамъ, которые уходили туда отъ казни: ибо думалъ, что они, въ случаѣ войны, могутъ быть надежными защитниками границы. Борисъ, любя слѣдовать многимъ государственнымъ мыслямъ Іоанновымъ, послѣдовалъ и сей, весьма ложной и весьма несчастной: ибо незнаемо изготовилъ тѣмъ многочисленную дружину злодѣевъ въ услугу врагамъ отечества и собственнымъ. «Великій разумъ и жестокость Грознаго»—по словамъ Лѣтописца—«не давали двинуться зміямъ; а кроткій, набожный Ѳедоръ связывалъ ихъ своею молитвою»; но Борисъ увидѣлъ зло, и еще увеличилъ его другими плодами своего мудрованія, не согласнаго съ вѣчными уставами правды. Издревле Бояре наши окружали себя толпами слугъ, вольныхъ и крѣпостныхъ; издревле также любили кабалить первыхъ: законъ, изданный въ Ѳеодорово время, единственно въ угодность знатному Дворянству, объ укрѣпленіи всѣхъ людей, служащихъ

господамъ не менѣе шести мѣсяцевъ, совершенно прекратилъ родъ вольныхъ слугъ въ нашемъ отечествѣ, и наполнилъ домы Боярскіе рабами, коими сдѣлались тогда, въ противность Іоаннову Судебнику, даже и многіе люди воинскіе, благородные, отъ нищеты, но безъ стыда служивъ богачамъ именитымъ: законъ недостойный сего имени своею явною несправедливостью! Еще мало: къ его дѣйствію присоединилось и насиліе: знатные и случайные безсовѣстно укрѣпляли и не слугъ, а всякаго беззащитнаго, кто имъ нравился художествомъ, рукодѣльемъ, ловкостію или красотою. Но въ дешевое время охотно умноживъ свою чебядь, дворяне во время голода начали распускать ее: воля обратилась въ казнь и мучительство! Люди, еще совѣстные, выгоняли слугъ изъ дому по крайней мѣрѣ съ отпускными; а злые безъ всякаго письменнаго вида, съ намѣреніемъ клепать ихъ въ бѣгствѣ и въ сносѣ, чтобы ябедою суда разорить тѣхъ, которые могли бы изъ человѣколюбія дать имъ у себя дѣло и пищу: ужасъ разврата обыкновеннаго въ годины бѣдствій! Несчастные гибли или разбойничали, вмѣстѣ со многими людьми Вельможъ ссыльныхъ, Романовыхъ и другихъ, осужденными вести жизнь бродягъ, (ибо никто не смѣлъ принять слугъ опальнаго)— вмѣстѣ съ Украинскими бѣглецами, ходившими изъ гнѣзда своего на добычу и внутрь Россіи. Явились шайки на дорогахъ; завелись пристани въ мѣстахъ глухихъ и лѣсистыхъ; грабили, убивали подъ самою Москвою. Не боялись и сысканыхъ дружинъ воинскихъ: злодѣи смѣло пускались на сѣчу съ ними, имѣя атаманомъ Хлопка или Косолапа, удальца рѣдкаго. Государь долженъ былъ дѣйствовать съ усиліемъ немаловажнымъ, и въ мирное время отрядить цѣлое войско противъ разбойника! Главный Воевода, Окольничій Иванъ Ѳеодоровичь Басмамовъ, едва выступивъ въ поле, уже встрѣтилъ Хлопка, врага презрительнаго, но злаго, который, соединивъ свои шайки, дерзнулъ близь Москвы спорить съ нимъ о побѣдѣ.

Упорная битва, безславная и жестокая, рѣшилась смертію Басманова: видя его падающаго съ коня, воины кинулись на разбойниковъ, не жалѣли себя, и наконецъ одолѣли ихъ остервененіе: большую часть истребили и взяли въ плѣнъ атамана, изнемогшаго отъ тяжелыхъ ранъ—злодѣя, коего необыкновенная храбрость достойна была лучшаго побужденія и лучшей цѣли! Удивленный дерзостію сего опаснаго скопища, Борисъ искалъ, кажется, тайныхъ злоумышленниковъ или наставниковъ Хлопка между людьми значительнѣйшими, зная, что въ его шайкахъ находились слуги господъ опальныхъ, и подозрѣвая, что они могли быть вооружены местію противъ гонителя Романовыхъ. Нарядили слѣдствіе; допрашивали, пытали взятыхъ разбойниковъ, но, по видимому, ничего не узнали, кромѣ ихъ собственныхъ злодѣяній. Хлопка, вѣроятно, умеръ отъ ранъ или въ мукахъ: всѣхъ другихъ перевѣшали, и Борисъ единственно въ семъ случаѣ уклонился отъ своего человѣколюбиваго обѣта не казнить никого смертію. — Еще многіе изъ товарищей Хлопковыхъ спаслися бѣгствомъ въ Украйну, гдѣ Воеводы, по Указу Государеву, ихъ ловили и вѣшали, но не могли истребить гнѣзда злодѣйскаго, которое ждало новаго, гораздо опаснѣйшаго атамана, чтобы дать ему передовую дружину на пути къ столицѣ! Такъ готовилась Россія къ ужаснѣйшему изъ явленій въ свой Исторіи; готовилась долго: неистовымъ тиранствомъ двадцати-четырехъ лѣтъ Іоанновыхъ, адскою игрою Борисова властолюбія, бѣдствіями свирѣпаго голода и всемѣстныхъ разбоевъ, ожесточеніемъ сердецъ, развратомъ народа—всѣмъ, что предшествуетъ испроверженію Государствъ, осужденныхъ Провидѣніемъ на гибель или мучительное возрожденіе.

Если, какъ пишутъ очевидцы, не было ни правды, ни чести въ людяхъ; если долговременный голодъ не смирилъ, не исправилъ ихъ, но еще умножилъ пороки между ими! распутство, корыстолюбіе, лихоимство, безчувствіе къ страданію

ближнихъ; если и самое лучшее Дворянство, и самое Духовенство заражалось общею язвою разврата, слабѣя въ усердіи къ отечеству отъ беззаконій Царя, уже вообще ненавистнаго: то нужны ли были иныя, чудесныя знаменія для устрашенія Россіи? ибо сіи же Лѣтописцы, слѣдуя древнему обыкновенію суевѣрія, разсказываютъ, «что не рѣдко восходили тогда двѣ и три луны, два и три солнца вмѣстѣ; столпы огненные, ночью пылая на тверди, въ своихъ быстрыхъ движеніяхъ представляли битву воинствъ, и краснымъ цвѣтомъ озаряли землю; отъ бурь и вихрей падали колокольни и башни; женщины и животныя производили на свѣтъ множество уродовъ; рыбы во глубинѣ водъ и дичь въ лѣсахъ исчезали, или, употребляемыя въ пищу, не имѣли вкуса; алчные псы и волки, вездѣ бѣгая станицами, пожирали людей и другъ друга; звѣри и птицы невиданные явились; орлы парили надъ Москвою; въ улицахъ у самаго дворца, ловили руками лисицъ черныхъ; лѣтомъ (въ 1604 году), въ свѣтлый полдень, возсіяла на небѣ Кометета; и мудрый старецъ, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ вызванный Борисомъ изъ Германіи, объявилъ Дьяку Государственному (Власьеву), что Царству угрожаетъ великая опасность.» Оставимъ суевѣріе предкамъ; его мнимые ужасы не столь разнообразны, какъ дѣйствительные въ Исторіи народовъ.

Въ сіе время скончалась Ирина, въ келіи Новодѣвичьяго монастыря, около шести лѣтъ не выходивъ изъ своего добровольнаго заключенія никуда, кромѣ церкви, пристроенной къ ея смиренному жилищу. Жена знаменитая и душевными качествами и судьбою необыкновенною; безъ отца, безъ матери, въ печальномъ сиротствѣ взысканная удивительнымъ счастіемъ; воспитанная, любимая Іоанномъ—и добродѣтельная; первая Державная Царица Россіи, и въ юныхъ лѣтахъ Монахиня; чистая сердцемъ предъ Богомъ, но омраченная въ Исторіи союзомъ съ злымъ властолюбцемъ, коему она

указала путь къ престолу, хотя и невинно, будучи ослѣплена любовію къ нему и блескомъ его наружныхъ добродѣтелей, не зная его тайныхъ преступленій или не вѣря онымъ. Могъ ли Борисъ открыть свою темную душу сердцу преданному святой набожности? Онъ дѣлилъ съ нѣжною сестрою только добрыя чувства: съ нею радовался торжеству отечества и скорбѣлъ о случаяхъ бѣдственныхъ для онаго; повѣрялъ ей, можетъ быть, своей великое намѣреніе просвѣтить Россію, жаловался на злую неблагодарность, на злые умыслы, призраки его безпокойной совѣсти, и на горестную необходимость карать Вельможъ измѣнниковъ; лицемѣривъ предъ сестрою въ добрѣ, не лицемѣрилъ, можетъ быть, только во изъявленіяхъ скорби о кончинѣ ея: Ирина не мѣшала ему державствовать и служила Ангеломъ хранителемъ, всѣми любимая какъ истинная мать народа и въ келліи. Погребли Инокиню съ великолѣпіемъ Царскимъ, въ Дѣвичьемъ Вознесенскомъ монастырѣ, близь гроба Іоанновой дочери, Маріи— и никогда не раздавалось столько милостыни, какъ въ сей день печали; бѣдные во всѣхъ городахъ Россійскихъ благословили щедрость Борисову.—Ирина была счастлива, смеживъ глаза навѣки: ибо не видала гибели всего, что еще любила въ жизни.

Настало время явной казни для того, кто не вѣрилъ правосудію Божественному въ земномъ мірѣ, надѣясь, можетъ быть, смиреннымъ покаяніемъ спасти свою душу отъ ада (какъ надѣялся Іоаннъ), и дѣлами достохвальными загладить для людей память своихъ беззаконій. Не тамъ, гдѣ Борисъ стерегся опасности, незапная опасность явилась; не потомки Рюриковы, не Князья и Вельможи имъ гонимые—не дѣти и друзья ихъ, вооруженные местію, умыслили свергнуть его съ Царства: сіе дѣло умыслилъ и совершилъ презрѣнный бродяга, именемъ младенца, давно лежавшаго въ могилѣ.... Какъ бы дѣйствіемъ сверхъестественнымъ тѣнь Димитріева вышла

изъ гроба, чтобы ужасомъ поразить, обезумить убійцу и привести въ смятеніе всю Россію. Начинаемъ повѣсть, равно истинную и неимовѣрную.

Бѣдный сынъ Боярскій, Галичанинъ Юрій Отрепьевъ, въ юности лишась отца, именемъ Богдана—Якова, Стрѣлецкаго Сотника, зарѣзаннаго въ Москвѣ пьянымъ Литвиномъ, служилъ въ домѣ у Романовыхъ и Князя Бориса Черкасскаго: зналъ грамотѣ; оказывалъ много ума, но мало благоразумія; скучалъ низкимъ состояніемъ и рѣшился искать удовольствія безпечной праздности въ санѣ Инока, слѣдуя примѣру дѣда, Замятни—Отрепьева, который уже давно монашествовалъ во Обители Чудовской. Постриженный Вятскимъ Игуменомъ Трифономъ и названный Григоріемъ, сей юный Черпецъ скитался изъ мѣста въ мѣсто; жилъ нѣсколько времени въ Суздалѣ, въ Обители Св. Евфимія, въ Галицкой Іоанна Предтечи и въ другихъ; наконецъ въ Чудовѣ монастырѣ, въ келліи у дѣда, подъ началомъ. Тамъ Патріархъ Іовъ узналъ его, посвятилъ въ Діаконы и взялъ къ себѣ для книжнаго дѣла: ибо Григорій умѣлъ не только хорошо списывать, но даже и сочинять Каноны Святымъ лучше многихъ старыхъ книжниковъ того времени. Пользуясь милостію Іова, онъ часто ѣздилъ съ нимъ и во дворецъ; видѣлъ пышность Царскую и плѣнялся ею; изъявлялъ необыкновенное любопытство; съ жадностію слушалъ людей разумныхъ, особенно когда въ искреннихъ, тайныхъ бесѣдахъ произносилось имя Димитрія Царевича; вездѣ, гдѣ могъ, вывѣдывалъ обстоятельства его судьбы несчастной, и записывалъ на хартіи. Мысль чудная уже поселилась и зрѣла въ душѣ мечтателя, внушенная ему, какъ увѣряютъ, однимъ злымъ Инокомъ: мысль, что смѣлый самозванецъ можетъ воспользоваться легковѣріемъ Россіянъ, умиляемыхъ памятію Димитрія, и въ честь Небеснаго Правосудія казнить святоубійцу! Сѣмя пало на землю плодоносную: юный Діаконъ, съ прилѣжаніемъ читалъ Россійскія лѣ-

тописи, и не скромно, хотя и въ шутку, говаривалъ иногда Чудовскимъ Монахамъ: «знаете ли, что я буду Царемъ на Москвѣ?» Одни смѣялись; другіе плевали ему въ глаза, какъ вралю дерзкому. Сіи или подобныя рѣчи дошли до ростовскаго Митрополита Іоны, который объявилъ Патріарху и самому Царю, что «недостойный Инокъ Григорій хочетъ быть сосудомъ Діавольскимъ:» добродушный Патріархъ не уважилъ Митрополитова извѣта; но Царь велѣлъ Дьяку своему, Смирнову—Васильеву, отправить безумца Григорія въ Соловки, или въ Бѣлозерскія пустыни, будто-бы за ересь, на вѣчное покаяніе. Смирной сказалъ о томъ другому Дьяку, Евфимьеву; Евфимьевъ же, будучи свойственникомъ Отрепьевыхъ, умолилъ его не спѣшить въ исполненіи Царскаго Указа, и далъ способъ опальному Діакону спастися бѣгствомъ (въ февралѣ 1602 года), вмѣстѣ съ двумя Иноками Чудовскими Священниковъ Варлаамомъ и крылошаниномъ Мисаиломъ Повадинымъ. Не думали гнаться за ними, и не извѣстили Царя, какъ увѣряютъ, о семъ побѣгѣ, коего слѣдствія оказались столь важными.

Бродяги—Иноки были тогда явленіемъ обыкновеннымъ; всякая Обитель служила для нихъ гостинницею: во всякой находили они покой и довольствіе, а на путь запасъ и благословеніе. Григорій и товарищи его свободно достигли Новагорода Сѣверскаго, гдѣ Архимандритъ Спаской Обители принялъ ихъ весьма дружебно и далъ имъ слугу съ лошадьми, чтобы ѣхать въ Путивль; но бѣглецы, отославъ провожатаго, спѣшили въ Кіевъ, и Спаскій Архимандритъ нашелъ въ келліи, гдѣ жилъ Григорій, слѣдующую записку: «Я Царевичь Димитрій, сынъ Іанновъ, и не забуду твоей ласки, когда сяду на престолъ отца моего.» Архимандритъ ужаснуся; не зналъ, что дѣлать; рѣшился молчать.

Такъ въ первый разъ открылся Самозванецъ еще въ предѣлахъ Россіи; такъ бѣглый Діаконъ вздумалъ ложью низ-

вергнуть великаго Монарха и сѣсть на его престолѣ, въ Державѣ, гдѣ Вѣнценосецъ считался земнымъ Богомъ,—гдѣ народъ еще никогда не измѣнялъ Царямъ, и гдѣ присяга. данная Государю избранному, для вѣрныхъ подданныхъ была не менѣе священною! Чѣмъ, кромѣ дѣйствія непостижимой Судьбы, кромѣ воли Провидѣнія, можно изъяснить не только успѣхъ, но и самую мысль такого предпріятія? Оно казалось безуміемъ; но безумецъ избралъ надежнѣйшій путь къ цѣли: Литву.

Тамъ древняя, естественная ненависть къ Россіи всегда усердно благопріятствовала нашимъ измѣнникамъ, отъ Князей Шемякина, Верейскаго, Боровскаго и Тверскаго до Курбскаго и Головина: туда устремился и Самозванецъ, не прямою дорогою, а мимо Стародуба, къ Луевымъ горамъ, сквозь темные лѣса и дебри, гдѣ служилъ ему путеводителемъ новый спутникъ его, Инокъ Днѣпрова монастыря, Пименъ, и гдѣ, вышедши наконецъ, изъ Россійскихъ владѣній близь Литовскаго селенія Слободки, онъ принесъ усердную благодарность Небу за счастливое избѣжаніе всѣхъ опасностей. Въ Кіевѣ, снискавъ милость знаменитаго Воеводы, Князя Василія Константиновича Острожскаго, Григорій жилъ въ Печерскомъ монастырѣ, а послѣ въ Никольскомъ и въ Дерманѣ; вездѣ священнодѣйствовалъ какъ Діаконъ, но велъ жизнь соблазнительную, презирая уставъ воздержанія и цѣломудрія, хвалился свободою мнѣній, любилъ толковать о Законѣ съ иновѣрцами и былъ даже въ тѣсной связи съ Анабаптистами. Между тѣмъ безумная мысль не усыпала въ головѣ прошлеца: онъ распустилъ темную молву о спасеніи и тайномъ убѣжищѣ Димитрія въ Литвѣ; свелъ знакомство съ другимъ отчаяннымъ бродягою, Инокомъ Крыпецкаго монастыря Леонидомъ: уговорилъ его назваться своимъ именемъ, то есть, Григоріемъ Отрепьевымъ, а самъ, скинувъ съ себя одежду Монашескую, явился міряниномъ, чтобы удобнѣе пріобрѣсти

навыкъ и знаніе, нужныя ему для ослѣпленія людей. Среди густыхъ камышей Днѣпровскихъ гнѣздились тогда шайки удалыхъ Запорожцевъ, бдительныхъ стражей и дерзкихъ грабителей Литовскаго Княжества: у нихъ, какъ пишутъ, Разстрига Отрепьевъ нѣсколько времени учился владѣть мечемъ и конемъ, въ шайкѣ Герасима Евангелика, Старшины именитаго; узналъ и полюбилъ опасность; добылъ первой воинской опытности и корысти. Но скоро увидѣли прошлеца на иномъ ѳеатрѣ: въ мирной школѣ городка Волынскаго, Гащи, за Польскою и Латинскою грамматикою: ибо мнимому Царевичу надобно было дѣйствовать не только оружіемъ, но и словомъ. Изъ школы онъ перешелъ въ службу къ Князю Адаму Вишневецкому, который жилъ въ Брагинѣ со всею пышностію богатаго Вельможи. Тутъ Самозванецъ приступилъ къ дѣлу— и если искалъ надежнаго, лучшаго пособника въ предпріятіи равно дерзкомъ и нелѣпомъ, то не обманулся въ выборѣ: ибо Вишневецкій, сильный при Дворѣ и въ Государственной Думѣ многочисленными друзьями и прислужниками, соединялъ въ себѣ надменность съ умомъ слабымъ и легковѣріемъ младенца. Новый слуга знаменитаго Пана велъ себя скромно; убѣгалъ всякихъ низкихъ забавъ, ревностно участвовалъ только въ воинскихъ и съ отмѣнною ловкостію. Имѣя наружность не красивую—ростъ средній, грудь широкую, волосы рыжеватые, лице круглое, бѣлое, но совсѣмъ не привлекательное, глаза голубые, безъ огня, взоръ тусклый, носъ широкій, бородавку подъ правымъ глазомъ, также на лбу, и одну руку короче другой—Отрепьевъ замѣнялъ сію невыгоду живостію и смѣлостію ума, краснорѣчіемъ, осанкою благородною. Заслуживъ вниманіе и доброе расположеніе господина, хитрый обманщикъ притворился больнымъ, требовалъ Духовника, и сказалъ ему тихо: «Умираю. Предай мое тѣло землѣ съ честію, какъ хоронятъ дѣтей Царскихъ. Не объявлю своей тайны до гроба; когда же закрою глаза на вѣки, ты найдешь у меня

подъ ложемъ свитокъ, и все узнаешь; но другимъ не сказывай. Богъ судилъ мнѣ умереть въ злосчастіи.» Духовникъ былъ Іезуитъ: онъ спѣшилъ извѣстить Князя Вишневецкаго о сей тайнѣ, а любопытный князь спѣшилъ узнать ее: обыскалъ постелю мнимо-умирающаго; нашелъ бумагу заблаговременно изготовленную, и прочиталъ въ сей, что слуга его есть Царевичь Димитрій, спасенный отъ убіенія своимъ вѣрнымъ Медикомъ; что злодѣи, присланные въ Угличь, умертвили одного сына Іерейскаго, вмѣсто Димитрія, коего укрыли добрые Вельможи и Дьяки Щелкаловы, а послѣ выпроводили въ Литву, исполняя наказъ Іоанновъ, данный имъ на сей случай. Вишневецкій изумился: еще хотѣлъ сомнѣваться, но уже не могъ, когда хитрецъ, виня нескромность Духовника, раскрылъ свою грудь, показалъ золотой, драгоцѣнными каменьями осыпанный крестъ, (вѣроятно, гдѣ нибудь украденый) и съ слезами объявилъ, что сія святыня дана ему крестнымъ отцемъ, Княземъ Иваномъ Мстиславскимъ.

[Слѣдуетъ разсказъ о связяхъ Самозванца съ Польскими вельможами, о свиданіи съ королемъ Польскимъ, и о собраніи войскъ. О Маринѣ Мнишекъ Карамзинъ дѣлаетъ такой отзывъ: «Главнымъ и первымъ ревнителемъ сего подвига сдѣлался старецъ Мнишекъ, коему старость не мѣшала быть ни честолюбивымъ, ни легкомысленнымъ до безразсудности. Онъ имѣлъ юную дочь прелестницу, Марину, подобно ему честолюбивую и вѣтренную: Лжедимитрій, гостя у него въ Самборѣ, объявилъ себя, искренно или притворно, страстнымъ ея любовникомъ, и вскружилъ ей голову именемъ Царевича, а гордый Воевода съ радостію благословилъ сію взаимную склонность, въ надеждѣ видѣть Россію у ногъ своей дочери, какъ наслѣдственную собственность его потомства].

Еще прежде, нежели Самозванецъ открылся Вишневецкимъ, слухъ, распущенный имъ въ Литвѣ о Димитріи, сдѣлался, вѣроятно, извѣстнымъ Борису. Въ январѣ 1604 года Нарв-

скій сановникъ Тирфельдъ писалъ съ гонцомъ къ Абовскому градоначальнику, что мнимо-убитый сынъ Іоанновъ живетъ у Козаковъ: гонца задержали въ Иванѣ-городѣ, и письмо его доставили Царю. Въ тоже время пришли и вѣсти изъ Литвы и подметныя грамоты Лжедимитріевы отъ нашихъ Воеводъ Украинскихъ; въ то же время, на берегахъ Волги, Донскіе козаки разбили Окольничаго Семена Годунова, посланнаго въ Астрахань, и захвативъ нѣсколько стрѣльцевъ, отпустили ихъ въ Москву съ такимъ наказомъ: «объявите Борису, что мы скоро будемъ къ нему съ Царевичемъ Димитріемъ!» Одинъ Богъ видѣлъ, что̀ происходило въ душѣ Годунова, когда онъ услышалъ роковое имя!... но чѣмъ болѣе устрашился, тѣмъ болѣе хотѣлъ казаться безстрашнымъ. Не сомнѣваясь въ убіеніи истиннаго сына Іоаннова, онъ изъяснялъ для себя столь дерзкую ложь умысломъ своихъ тайныхъ враговъ, и велѣлъ лазутчикамъ узнать въ Литвѣ, кто сей Самозванецъ, искалъ заговора въ Россіи: подозрѣвалъ Бояръ; призвалъ въ Москву Царицу—Инокиню, мать Димитріеву, и ѣздилъ съ ней въ Дѣвичій монастырь съ Патріархомъ, воображая, какъ вѣроятно, что она могла быть участницею предполагаемаго кова, и надѣясь лестію или угрозами вывѣдать ея тайну: но Царица—Инокиня, равно какъ и Бояре, ничего не знала, съ удивленіемъ и, можетъ быть, не безъ внутренняго удовольствія слыша о Лжедимитріи, который не замѣнялъ сына для матери, но страшилъ его убійцу. Свѣдавъ наконецъ, что Самозванецъ есть разстрига Отрепьевъ, и что дьякъ Смирной не исполнилъ Царскаго указа сослать его въ пустыню Бѣломорскую, Борисъ усиліемъ притворства не оказалъ гнѣва, ибо хотѣлъ увѣрить Россіянъ въ маловажности сего случая: Смирной трепеталъ, ждалъ гибели, и былъ казненъ, но послѣ, и будто бы за другую вину: за расхищеніе государственнаго достоянія. Удвоивъ заставы на Литовской границѣ, чтобы перехватывать вѣсти о Самозванцѣ, однакожъ чувствуя

невозможность скрыть его явленіе отъ Россіи, и боясь молчаніемъ усилить вредные толки, Годуновъ обнародывалъ исторію бѣглеца Чудовскаго, вмѣстѣ съ допросами монаха Пимена, Венедикта Черница Смоленскаго и мѣщанина Ярославца, иконника Степана: первый объявлялъ, что онъ самъ вывелъ бродягу Григорія въ Литву, но не хотѣлъ итти съ нимъ далѣе, и возвратился; вторый и третій свидѣтельствовали, что они знали Отрепьева Діакономъ въ Кіевѣ и воромъ между Запорожцами; что сей негодяй, богоотступникъ, чернокнижникъ, съ умыслу Князей Вишневецкихъ и самого Короля, дерзаетъ въ Литвѣ называться Димитріемъ. Въ то же время Царь послалъ *отъ имени Бояръ*, дядю Разстригина, Смирнаго—Отрепьева, къ Сигизмундовымъ вельможамъ, чтобы въ ихъ присутствіи изобличить племянника; послалъ и къ Донскимъ Козакамъ Дворянина Хрущова, вывести ихъ изъ бѣдственнаго заблужденія. Но грамоты и слова не дѣйствовали: Вельможи Королевскіе не хотѣли показать Лжедимитрія Смирному—Отрепьеву, и сухо отвѣтствовали, что имъ нѣтъ дѣла до мнимаго Царевича Россійскаго; а Козаки схватили Хрущова, оковали и привезли къ Самозванцу. Разстрига двинулся съ своими дружинами къ берегамъ Днѣпровскимъ и стоялъ въ Сокольникахъ: Хрущовъ, представленный ему въ цѣпяхъ, взглянулъ на него.... залился слезами и палъ на колѣна, воскликнувъ: «вижу Іоанна въ лицѣ твоемъ: я твой слуга навѣки.» Съ него сняли оковы, и сей первый чиновный измѣнникъ, ослѣпленный страхомъ или корыстью, въ знакъ усердія донесъ своему новому Государю, мѣшая истину съ ложью, что народъ изъявляетъ въ Россіи любовь къ Димитрію, что самые знатные люди, Меньшій Булгаковъ и другіе, пили у себя съ гостями чашу за его здравіе и были, по доносу слугъ, осуждены на казнь, что Борисъ умертвилъ и сестру, вдовствующую Царицу Ирину, которая всегда видѣла въ немъ Монарха беззаконнаго; что онъ, не смѣя явно ополчаться противъ Димитрія, сводитъ

полки въ Ливнахъ, будто бы на случай Ханскаго впаденія: что главные Воеводы ихъ, Петръ Шереметевъ и Михаилъ Салтыковъ, встрѣтясь съ нимъ, Хрущовымъ, въ искренней бесѣдѣ сказали: насъ ожидаетъ не Крымская, а совсѣмъ иная война—но трудно поднять руку на Государя природнаго; что Борисъ не здоровъ, едва ходитъ отъ слабости въ ногахъ, и думаетъ тайно выслать казну Московскую въ Астрахань, и въ Персію.» Годуновъ безъ сомнѣнія не убилъ Ирины и не думалъ искать убѣжища въ Персіи; еще не видалъ дотолѣ измѣны въ Россіянахъ, и не казнилъ ни одного человѣка за явную приверженность къ Самозванцу; съ жадностью слушая лазутчиковъ, доносителей, клеветниковъ, воздерживалъ себя отъ тиранства для своей безопасности въ такихъ обстоятельствахъ, и терзаемый подозрѣніями, еще неосновательными, хотѣлъ знаками великодушной довѣренности тронуть Бояръ и чиновниковъ: но дѣйствительно медлилъ двинуть значительную рать прямо къ Литовскимъ предѣламъ, въ доказательство ли безстрашія; боясь ли сильнымъ ополченіемъ дать народу мысль о важности непріятеля, избѣгая ли войны съ Польшею до самой крайней необходимости?...

[Слѣдуетъ разсказъ о первыхъ дѣйствіяхъ Самозванца, и о сдачѣ ему городовъ].

Сіи быстрые успѣхи обольщенія поразили Годунова и всю Россію. Царь увидѣлъ, вѣроятно, свою ошибку—и сдѣлалъ другую; увидѣлъ, что ему надлежало бы не обманывать людей знаками лицемѣрнаго презрѣнія къ Разстригѣ, но готовымъ, сильнымъ войскомъ отразить его отъ нашей границы и не впускать въ Сѣверскую землю, гдѣ еще жилъ старый духъ Литовскій, и гдѣ скопище злодѣевъ, бѣглецовъ, слугъ опальныхъ, естественно ожидало мятежа какъ счастія; гдѣ народъ и самые люди воинскіе, удивленные безпрепятственнымъ входомъ Самозванца въ Россію, могли, вѣря внушенію его лазутчиковъ, думать, что Годуновъ дѣйствительно не

смѣетъ противиться истинному Іоаннову сыну. Новое доказательство, сколь умъ обманчивъ въ раздорѣ съ совѣстью, и какъ хитрость, чуждая добродѣтели, запутывается въ сѣтяхъ собственныхъ! Еще Борисъ могъ бы исправить сію ошибку: сѣсть на браннаго коня и самолично вести Россіянъ противъ злодѣя. Присутствіе Вѣнценосца, его великодушная смѣлость и довѣренность безъ сомнѣнія имѣли бы дѣйствіе. Не рожденный Героемъ, Годуновъ однакожъ съ юныхъ лѣтъ зналъ войну, умѣлъ силою души своей оживлять доблесть въ сердцахъ и спасти Москву отъ Хана, будучи только Правителемъ. За него были святость вѣнца и присяги, навыкъ повиновенія, воспоминаніе многихъ государственныхъ благодѣяній — и Россія на полѣ чести не предала бы Царя Разстригѣ. Но смятенный ужасомъ, Борисъ не дерзалъ идти на встрѣчу къ Димитріевой тѣни: подозрѣвалъ Бояръ, и вручилъ имъ судьбу свою, назвавъ главнымъ воеводою Мстиславскаго, добросовѣстнаго, лично мужественнаго, но болѣе знатнаго, нежели искуснаго Предводителя; велѣлъ строго людямъ ратнымъ, всѣмъ безъ исключенія, спѣшить въ Брянскъ, а самъ какъ бы скрывался въ столицѣ. Однимъ словомъ, Судъ Божій гремѣлъ надъ Державнымъ преступникомъ....

Грозный часъ опыта наступалъ: нельзя было медлить, ибо Самозванецъ ежедневно усиливался и распространялъ свои мирныя завоеванія. Бояре—выступили изъ Брянска, чтобы присѣчь успѣхи измѣны и спасти Новогородскую крѣпость, которая одна противилась Разстригѣ, уже среди подвластной ему страны.—Не только Годуновъ съ мучительнымъ волненіемъ души слѣдовалъ мыслями за Московскими знаменами, но и вся Россія сильно тревожилась въ ожиданіи, чѣмъ Судьба рѣшитъ столь важную прю между Борисомъ и ложнымъ или не ложнымъ Димитріемъ; ибо не было общаго удостовѣренія ни въ войскѣ, ни въ Государствѣ. Мысль поднять руку на дѣйствительнаго сына Іоаннова, или предаться дерзкому обманщику,

клятому Церковью, равно ужасала сердца благородныя. Многіе и самые благороднѣйшіе изъ Россіянъ, не любя Бориса, но гнушаясь измѣной, хотѣли соблюсти данную ему присягу; другіе, слѣдуя единственно внушенію страстей, только желали или не желали перемѣны Царя, и не заботились объ истинѣ, о долгѣ вѣрноподданнаго; а многіе не имѣли точнаго образа мыслей, готовясь думать, какъ велитъ случай. Если бы въ сіе время открылась проницанію наблюдателя и самая внутренность душъ, то онъ, можетъ быть, еще не рѣшилъ бы для себя вопроса о вѣроятной удачѣ или неудачѣ Самозванцева дѣла: столь расположеніе умовъ было отчасти несогласно, отчасти неясно и нерѣшительно! Войско шло, повинуясь Царской власти; но колебалось сомнѣніемъ, толками, взаимнымъ недовѣріемъ.

[Слѣдуетъ разсказъ о битвѣ при Новгородѣ Сѣверскомъ, объ оставленіи Поляками Самозванца, о побѣдѣ воеводъ Бориса и ихъ бездѣйствіи].

Обманутый побѣдою въ ея слѣдствіяхъ, Борисъ страдалъ, видя бездѣйствіе войска, нерадивость, неспособность или зломысліе Воеводъ, и боясь смѣнить ихъ, чтобы не избрать худшихъ; страдалъ, внимая молвѣ народной, благопріятной для Самозванца, и не имѣя силы унять ее, ни сходительными убѣжденіями, ни клятвою Святительскою, ни казнію: ибо въ сіе время уже рѣзали языки нескромнымъ. Доносы ежедневно умножались, и Годуновъ страшился жестокостію ускорить общую измѣну: еще былъ Самодержцемъ, но чувствовалъ оцѣпенѣніе власти въ рукѣ своей, и съ престола, еще окруженнаго льстивыми рабами, видѣлъ открытую для себя бездну! Дума и Дворъ не измѣнялись наружно: въ первой текли дѣла, какъ обыкновенно; вторый блисталъ пышностію, какъ и дотолѣ. Сердца были закрыты: одни таили страхъ, другіе злодѣйство; а всѣхъ болѣе долженъ былъ принуждать себя Годуновъ, чтобы унынiемъ и разслабленіемъ

духа не предвѣстить своей гибели—и, можетъ быть, только въ глазахъ вѣрной супруги обнаруживалъ сердце: казалъ ей кровавыя, глубокія раны его, чтобы облегчать себя свободнымъ стенаніемъ. Онъ не имѣлъ утѣшенія чистѣйшаго: не могъ предаться въ волю Святаго Провидѣнія, служа только идолу властолюбія: хотѣлъ еще наслаждаться плодомъ Димитріева убіенія, и дерзнулъ бы конечно на злодѣяніе новое, чтобы не лишиться пріобрѣтеннаго злодѣйствомъ. Въ такомъ ли расположеніи души утѣшается смертный вѣрою и надеждою Небесною? Храмы были отверсты: Годуновъ молился— Богу неумолимому для тѣхъ, которые не знаютъ ни добродѣтели, ни раскаянія! Но есть предѣлъ мукамъ — въ бренности нашего естества земнаго.

Борису исполнилось 53 года отъ рожденія: въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ мужества онъ имѣлъ недуги, особенно жестокую подагру, и легко могъ, уже старѣясь, истощить свои тѣлесныя силы душевнымъ страданіемъ. Борисъ 13 Апрѣля, въ часъ утра, судилъ и рядилъ съ Вельможами въ Думѣ, принималъ знатныхъ иноземцевъ, обѣдалъ съ ними въ Золотой палатѣ, и едва вставъ изъ-за стола, почувствовалъ дурноту: кровь хлынула у него изъ носу, ушей и рта; лилась рѣкою: врачи, столь имъ любимые, не могли остановить ее. Онъ терялъ память, но успѣлъ благословить сына на Государство Россійское, воспріять Ангельскій Образъ съ именемъ Боголѣпа, и чрезъ два часа испустилъ духъ, въ той же храминѣ, гдѣ пировалъ съ Боярами и съ иноземцами...

Къ сожалѣнію, потомство не знаетъ ничего болѣе о сей кончинѣ разительной для сердца. Кто не хотѣлъ бы видѣть и слышать Годунова въ послѣднія минуты *такой* жизни— читать въ его взорахъ и въ душѣ, смятенной внезапнымъ наступленіемъ вѣчности? Предъ нимъ были тронъ, вѣнецъ и могила: супруга, дѣти, ближніе, уже обреченныя жертвы

Судьбы; рабы неблагодарные, уже съ готовою измѣною въ сердцѣ; предъ нимъ и Святое Знаменіе Христіанства: образъ Того, Кто не отвергаетъ, можетъ быть, и послѣдняго раскаянія!.. Молчаніе современниковъ, подобно непроницаемой завѣсѣ, сокрыло отъ насъ зрѣлище столь важное, столь нравоучительное, дозволяя дѣйствовать одному воображенію. Увѣряютъ, что Годуновъ былъ самоубійцею, въ отчаяніи лишивъ себя жизни ядомъ; но обстоятельства и родъ его смерти подтверждаютъ ли истину сего извѣстія? И сей нѣжный отецъ, сей человѣкъ сильный духомъ, могъ ли, спасаясь ядомъ отъ бѣдствія, малодушно оставить жену и дѣтей на гибель, почти несомнительную? И торжество Самозванца было ли вѣрно, когда войско еще не измѣняло Царю дѣломъ; еще стояло, хотя и безъ усердія, подъ его знаменами? Только смерть Борисова рѣшила успѣхъ обмана; только измѣнники, явные и тайные, могли желать, могли *ускорить ее* — но всего вѣроятнѣе, что ударъ, а не ядъ прекратилъ бурные дни Борисовы, къ истинной скорби отечества: ибо сія безвременная кончина была Небесною казнію для Россіи еще болѣе, нежели для Годунова: онъ умеръ по крайней мѣрѣ на тронѣ, не въ узахъ предъ бѣглымъ Діакономъ, какъ бы еще въ воздаяніе за государственныя его благотворенія; Россія же, лишенная въ немъ Царя умнаго и попечительнаго, сдѣлалась добычей злодѣйства на многія лѣта.

Но имя Годунова, одного изъ разумнѣйшихъ Властителей въ мірѣ, въ теченіе столѣтій было и будетъ произносимо съ омерзѣніемъ, во славу нравственнаго неуклоннаго правосудія. Потомство видитъ лобное мѣсто обагренное кровію невинныхъ, Св. Дмитрія издыхающаго подъ ножомъ убійцъ, Героя Псковскаго въ петлѣ, столь многихъ Вельможъ въ мрачныхъ темницахъ и келліяхъ; видитъ гнусную мзду, рукою Вѣнценосца предлагаемую клеветникамъ—доносителямъ; видитъ систему коварства, обмановъ, лицемѣрія предъ людь-

ми и Богомъ... вездѣ личину добродѣтели, и гдѣ добродѣтель? въ правдѣ ли судовъ Борисовыхъ, въ щедрости, въ любви къ гражданскому образованію, въ ревности къ величію Россіи, въ Политикѣ мирной и здравой? Но сей яркій для ума блескъ хладенъ для сердца, удостовѣреннаго, что Борисъ не усомнился бы ни въ какомъ случаѣ дѣйствовать вопреки своимъ мудрымъ государственнымъ правиламъ, если бы властолюбіе потребовало отъ него такой перемѣны. Онъ *не былъ*, но *бывалъ* тираномъ: не безумствовалъ, но злодѣйствовалъ подобно Іоанну, устраняя совмѣстниковъ или казня недоброжелателей. Если Годуновъ на время благоустроилъ Державу, на время возвысилъ ее во мнѣніи Европы, то не онъ ли и ввергнулъ Россію въ бездну злополучія, почти неслыханнаго — предалъ въ добычу Ляхамъ и бродягамъ, вызвалъ на ѳеатръ сонмъ мстителей и самозванцевъ истребленіемъ древняго племени Царскаго? Не онъ ли, наконецъ, болѣе всѣхъ содѣйствовалъ уничиженію престола, возсѣвъ на немъ святоубійцею?

И. А. Крыловъ (род. 1768, ум. 1844 г.).

Слава Крылова основывается на его *Басняхъ*, но до сознанія своего настоящаго призванія онъ достигъ путемъ разнообразныхъ предварительныхъ попытокъ въ различныхъ родахъ литературныхъ произведеній. Не получивши такого многосторонняго образованія, какъ Карамзинъ, и поставленный съ дѣтства въ самыя тугія, неблагопріятныя обстоятельства, Крыловъ на долгое время въ своихъ произведеніяхъ былъ обреченъ на подражаніе, не могъ подняться на одинъ уровень съ лучшими представителями тогдашней литературы. Первое вниманіе Крылова обратилось на сцену, на театръ. Еще на пятнадцатомъ году своего возраста Крыловъ написалъ оперу *Кофейница*. Въ болѣе зрѣлую пору онъ задумалъ пи-

сать трагедіи. Образцы для него были готовы — въ сочиненіяхъ Сумарокова и его послѣдователя Княжнина [1]). Первая трагедія Крылова называлась *Клеопатра*. Сохранилось извѣстіе, что авторъ принесъ свою трагедію на судъ къ знаменитому въ то время актеру Дмитревскому. «Дмитревскій сталъ читать трагедію вмѣстѣ съ авторомъ и чтеніе было необыкновенно продолжительно, потому что критикъ не пропустилъ безъ замѣчанія ни одного дѣйствія, ни одного явленія, даже ни одного стиха. Онъ со всею ясностію показалъ ему, какъ ошибоченъ планъ, отъ чего дѣйствіе незанимательно, а явленія скучны, да и самый языкъ разговоровъ не соотвѣтствуетъ предметамъ. Это можно назвать первымъ курсомъ словесности, который Крылову удалось выслушать и гдѣ примѣры ошибокъ брали на каждое правило изъ его трагедіи. Онъ почувствовалъ, что легче было написать новую, нежели исправить старую, что присовѣтовалъ ему и Дмитревскій. Такимъ образомъ этотъ опытъ остался на всегда неизвѣстнымъ. Содержаніемъ новой трагедіи послужило для Крылова миѳологическое преданіе древней греціи *о Филомелѣ* [2]). Таковъ былъ вкусъ времени. Поэты не могли выйдти изъ заколдованнаго круга. Всѣ условія, по тогдашнимъ понятіямъ необходимыя для трагедіи, соблюдены въ *Филомелѣ* строго. Въ ней пять дѣйствій, Александрійскіе риѳмованные стихи, возвышенный языкъ, т. е. смѣсь Русскаго съ Церковнославянскимъ, при герояхъ наперстники, превышающіе ихъ догадливостію въ крайнихъ случаяхъ, страсти благородныя, свойственныя лицамъ идеальнымъ, злодѣянія, выступающія за предѣлы человѣческихъ силъ, словомъ — все,

1) Княжнинъ (1742—1791) въ то время какъ начиналась дѣятельность Крылова славился двумя своими трагедіями: Рославомъ (1784) и Титовымъ Милосердіемъ (1785).

2) Филомела, трагедія Крылова, напечатана въ 1786 году въ Россійскомъ Ѳеатрѣ изд. при Россійской Академіи, и оттуда перепечатана въ полномъ собраніи сочиненій Крылова.

что казалось, непремѣнно должно быть, кромѣ художнической истины и жизни съ ея красками страны и эпохи» [1]).

Оставивши, наконецъ, мысль писать трагедіи, Крыловъ предпринимаетъ изданіе сатирическихъ журналовъ: Почта Духовъ (1789). Зритель (1792) и С.-Петербургскій Меркурій (1793). Разоблаченіе темныхъ сторонъ жизни, невѣжества и злоупотребленій, приходилось болѣе по свойству таланта Крылова, хотя и въ этомъ направленіи трудно было сдѣлать что либо новое, чего бы съ большей полнотой не касались его предшественники. Въ пятилѣтіе, отъ 1769—1774 года, въ русской журналистикѣ преобладало сатирическое направленіе. Лучшими изъ журналовъ были: *Всякая Всячина* (1769—1770), издаваемая при непосредственномъ участіи Императрицы Екатерины, *И то и се* (1769) Чулкова, *Ни то ни се* Рубана, *Адская почта* (1769) Ѳ. Емина, *Смѣсь*, (1769) и наконецъ Новиковскіе журналы: *Трутень* (1769—1770), *Живописецъ* (1772), *Кошелекъ* (1774).

Одинъ изъ этихъ журналовъ, *Адская почта*, передалъ свое названіе *Почтѣ Духовъ* Крылова. Сатирическія статьи Крылова въ этомъ журналѣ передаются въ формѣ писемъ Зора, Буристона и Вестодава къ волшебнику Маликульмульку. Содержаніе писемъ разнообразно: они касаются нравовъ семейной жизни, воспитанія, взяточничества, вреднаго французскаго вліянія, мотовства въ высшемъ обществѣ и т. п. Съ особеннымъ вниманіемъ останавливается Крыловъ на богатыхъ помѣщикахъ, превращающихъ свой хлѣбъ и своихъ крестьянъ въ модные товары, и на отношеніи писателей къ вельможамъ.

Въ *Зрителѣ* Крыловъ помѣстилъ, между разными статьями, свою Восточную повѣсть Каибъ, Похвальную рѣчь моему дѣдушкѣ, Рѣчь, говоренную повѣсою въ собраніи дураковъ, Мысли философа по модѣ, или способъ казаться раз-

1) Біографія Крылова, сост. Плетневымъ.

умнымъ, не имѣя ни капли разума. Въ *Каибѣ* интересно различіе оды отъ сатиры, которое дѣлаетъ восточный стихотворецъ: «Мнѣ удивительна способность ваша, говоритъ Каибъ сочинителю одъ, хвалить тѣхъ, въ комъ, по вашему же признанію, весьма мало находите вы причинъ къ похваламъ.»

—О! это ничего, повѣрьте, что это бездѣлица. Мы даемъ нашему воображенію волю въ похвалахъ съ тѣмъ только условіемъ, чтобы послѣ всякое имя вставить можно было. Ода, какъ шелковый чулокъ, который всякой старается растягивать на свою ногу. Она имѣетъ здѣсь совсѣмъ другое преимущество, нежели сатира. Если я захочу на кого изъ визирей писать сатиру, то долженъ обыкновенно трафить на порокъ, которому онъ болѣе подверженъ; но и тутъ принужденъ часто входить въ самыя мелочи, чтобы онъ себя узналъ. Что до оды, то тамъ совсѣмъ другой порядокъ: можно набрать сколько угодно похвалъ, поднести кому угодно; и нѣтъ визиря, который бы описанія всѣхъ возможныхъ достоинствъ не принялъ сколкомъ съ своей высокой особы.—«Но если свѣтъ знаетъ, что выше описаніе ложно, что герои ваши—пустые пузыри, надутые вами?»—Что же до того нужды? Аристотель нѣгдѣ очень премудро говоритъ: что дѣйствія и героевъ должно описывать не такими, каковы они есть, но каковы быть должны,—и мы подражаемъ этому благоразумному правилу въ нашихъ одахъ; иначе бы здѣсь оды превратились въ пасквили. И такъ видите, сколько нужно читать древнихъ.

Похвальная рѣчь дѣдушки—одна изъ лучшихъ сатирическихъ статей Крылова. Поддѣлываясь подъ господствующій тонъ похвальныхъ словъ, ораторъ Крылова, по всѣмъ правиламъ риторики, произноситъ рѣчь въ память дѣдушки. Въ приступѣ говорится: «Сегодня минулъ ровно годъ, какъ собаки всего свѣта лишились лучшаго своего друга, а здѣш-

ній округъ разумнѣйшаго помѣщика: годъ тому назадъ, въ этотъ точно день, съ неустрашимостью гонясь за зайцемъ, свернулся онъ въ ровъ и раздѣлилъ смертную чашу съ гнѣдою своею лошадью прямо побратски. Судьба, уважая взаимную ихъ привязанность, не хотѣла, чтобъ изъ нихъ одинъ пережилъ другаго, а міръ между тѣмъ потерялъ лучшаго дворянина и знатнѣйшую лошадь. О комъ изъ нихъ должно намъ сожалѣть? Кого болѣе восхвалять? Оба они не уступали другъ другу въ достоинствахъ, оба были равно полезны обществу, оба вели равную жизнь и, наконецъ, оба умерли одинаковою, славною смертью».

Въ повѣствовательной части ораторъ говоритъ о происхожденіи своего героя, о его дѣтствѣ, воспитаніи, и наконецъ объ образѣ жизни.

«Сколько ни бредятъ философы, что, по родословной всего свѣта, мы всѣ братья, и сколько ни твердятъ, что всѣ мы дѣти одного Адама, но благородный человѣкъ долженъ стыдиться такой философіи; и если уже необходимо надобно, чтобъ наши слуги происходили отъ Адама, то мы лучше согласимся признать нашимъ праотцемъ осла, нежели быть равнаго съ ними происхожденія. Ничто такъ человѣка не возвышаетъ, какъ благородное происхожденіе: это первое его достоинство.—Герой нашъ еще не зналъ, что́ онъ такое, но уже благоразумная его душа чувствовала выгоды своего рожденія; и онъ на второмъ году началъ царапать глаза и кусать уши своей кормилицѣ. Въ этомъ ребенкѣ будетъ путь, сказалъ нѣкогда, восхищаясь его отецъ: онъ еще не знаетъ толкомъ приказать, но учится уже наказывать, по этому можно отгадать, что онъ благородной крови.—На пятомъ еще году своего возраста примѣтилъ онъ, что онъ окруженъ такою толпою, которую можетъ перекусать и перецарапать, когда ему будетъ угодно. Премудрый его родитель тотчасъ смекнулъ, что сыну его нуженъ товарищъ; хотя много было въ око-

лодкѣ бѣдныхъ дворянъ, но онъ не хотѣлъ себя унизить до того, чтобъ его единородный сынъ раздѣлялъ съ ними время, а холопскаго сына дать ему въ товарищи казалось еще неприличнѣе. Иной бы не зналъ, что дѣлать, но родитель нашего героя тотчасъ помогъ такому горѣ, и далъ сыну своему въ товарищи прекрасную болонскую собаку. Вотъ, можетъ быть, первая причина, что герой нашъ во всю свою жизнь любилъ болѣе собакъ, нежели людей и съ первыми проводилъ время веселѣе, нежели съ послѣдними. Звениголовъ (имя героя), привыкшій повелѣвать, принялъ новаго своего товарища довольно грубо и на первый разъ вцѣпился ему въ уши; но Задорка (такъ звали маленькую собачку) доказала ему, какъ вредно иногда шутить, надѣясь слишкомъ много на свою силу: она укусила ему руку до крови. Герой нашъ остолбенѣлъ, увидя въ первый разъ такой суровый отвѣтъ на обыкновенныя его обхожденія. Это былъ первый щипокъ, за который его наказали. Какъ сердце въ немъ ни кипѣло, но онъ боялся сразиться съ Задоркою и бросился къ отцу своему жаловаться на смертельную обиду, причиненную ему новымъ его товарищемъ. «Другъ мой! сказалъ безпримѣрный его родитель, развѣ мало около тебя холопей, кого тебѣ щипать? На что было трогать тебѣ Задорку? Собака, вѣдь, не слуга: съ нею надобно осторожнѣе обходиться, если не хочешь быть укушеннымъ. Она глупа: ее нельзя унять и принудить не разѣвая рта, какъ разумную тварь.» Описавши, затѣмъ, первое вступленіе въ свѣтъ своего героя, мотовскую городскую жизнь, ораторъ разсказываетъ о его возвращеніи въ деревню. Этотъ разсказъ составляетъ патетическую часть рѣчи; ораторъ не находитъ лица, кому бы уподобить своего героя.

«Наконецъ, онъ удалился отъ городскаго шума и вступилъ въ новое поприще, для испытанія своихъ дарованій, и вы, государи мои, сами были свидѣтелями, какъ сильно умѣлъ онъ ими блистать. Только что онъ появился здѣсь, какъ объ-

явилъ открытую войну зайцамъ, набравъ многочисленную армію псовъ и, наблюдая пользу поселянъ, хотѣлъ истребить весь заячій родъ,—и сдержалъ свое слово. Правда, многіе изъ строптивыхъ его крестьянъ кричали, что они лучше хотѣли бы кормить зайцевъ, нежели безчисленное множество псовъ и шайку тунеядцевъ-охотниковъ, что имъ милѣе въ хлѣбѣ своемъ встрѣтить зайца, нежели полсотни лошадей и вдвое болѣе того собакъ, но герой нашъ, умѣя кстати и къ мѣсту пересѣчь этихъ разсказчиковъ, укротилъ ихъ роптанія и продолжалъ непримиримую ненависть къ зайцамъ, какъ Аннибалъ къ Римлянамъ; а чтобы вѣрнѣе ихъ выжить, то вырубилъ и продалъ свои лѣса, а крестьянъ привелъ въ такое состояніе, что имъ не чѣмъ было засѣвать полей. Съ какимъ внутреннимъ удовольствіемъ герой нашъ выѣзжалъ тогда на поля и находилъ ихъ такъ чистыми, какъ скатерть, не тревожась сомнѣніемъ, чтобы гдѣ могъ скрыться заяцъ. Въ три года обрилъ онъ такъ чисто свои земли, что неустрашимѣйшіе зайцы могли въ нихъ искать одной только голодной смерти.

«Скажи, спрашивалъ у него нѣкто, не лучше ли на земляхъ своихъ видѣть тысячу сытыхъ зайцевъ, нежели пять тысячъ голодныхъ крестьянъ, и не смѣшенъ ли тотъ, кто зажжетъ свой домъ, желая выжить изъ него таракановъ?— Молчи, только отвѣчалъ нашъ герой, я самъ знаю, что моимъ крестьянамъ ѣсть нечего, но еще лѣтъ пять, и зайцы позабудутъ мои земли, а тутъ-то я и обману весь этотъ родъ трусливыхъ грабителей, возстановя прежній порядокъ и изобиліе.—Какой рѣдкій умъ, милостивые государи! Имѣлъ ли кто когда нибуть такое великое и смѣлое предпріятіе? Неронъ зажегъ великолѣпный Римъ, чтобы истребить небольшую кучку Христіанъ; Юлій побилъ множество согражданъ своихъ, желая уронить вредную дня нихъ власть Помпея; Александръ прошелъ съ мечемъ чрезъ многіе государства, побилъ и ра-

зорилъ тысячи народовъ, кажется для того, чтобы вымочить свои сапоги въ приливѣ океана и послѣ пощеголять этимъ дома. Но всѣ ихъ намѣренія и труды не входятъ въ сравненіе съ подвигами нашего героя: тѣ морили людей, чтобы пріобрѣсти славу, а онъ морилъ ихъ для того, чтобы истребить зайцевъ, но судьба, завидующая великимъ дѣламъ, не дала совершить ему своего намѣренія, подобно, какъ множеству другихъ героевъ, которые, захватя себѣ дѣлъ тысячи на двѣ лѣтъ, умираютъ на первомъ или на второмъ году своего предпріятія.»

Въ С.-Петербургскомъ Меркуріи Крыловъ помѣстилъ: Похвальную рѣчь наукѣ убивать время и Похвальную рѣчь Ермалафиду, говоренную въ собраніи молодыхъ писателей.— Въ одинъ годъ съ изданіемъ своего послѣдняго журнала Крыловъ выпустилъ въ свѣтъ «*Бѣшенную семью*», комическую оперу, и комедію *Проказники*. За ними слѣдовали другія комедіи: Сочинитель въ прихожей (1794), Модная лавка (1807), Урокъ дочкамъ (1807) и друг.

Первое обращеніе Крылова къ баснѣ относится къ 1806 г. Крыловъ, познакомившись въ Москвѣ съ И. И. Дмитріевымъ, перевелъ изъ Лафонтена [1]) двѣ басни: *Дубъ и Трость* и *Разборчивую невѣсту*. Дмитріевъ, самъ писавшій басни [2]), отозвался съ похвалою о переводѣ Крылова. По его убѣжденію послѣдній перевелъ еще изъ Лафонтена — *Старикъ и трое молодыхъ*. Эти три басни — первый опытъ Крылова — были изданы въ Московскомъ Зрителѣ (1806 г.) Въ 1809 году появилось первое изданіе басенъ Крылова, въ числѣ 23, изъ коихъ 15 переводныхъ изъ Лафонтена.

Съ 1809 года Крыловъ не переставалъ писать басни. Въ настоящее время всѣхъ басенъ Крылова считается 196, изъ

1) Лафонтенъ—французскій баснописецъ (1621—1695).

2) Кромѣ Дмитріева предшественникомъ Крылова въ обработкѣ басни былъ Хемницеръ (1744—1784).

нихъ заимствованныхъ [1]) только 35, всѣ остальные 161 оригинальны. Послѣдняя басня, по времени сочиненія,—Кукушка и пѣтухъ.

Многія басни Крылова имѣютъ несомнѣнное историческое значеніе. Слѣдующія басни написаны по поводу событій Отечественной войны 1812 года: 1) *Волкъ на псарнѣ* — подъ сѣдымъ ловчимъ разумѣется Кутузовъ, а подъ волкомъ въ овчарнѣ—Наполеонъ въ Москвѣ. 2) *Обозъ*—относится ко времени бездѣйствія Кутузова отъ выступленія главной арміи изъ Москвы до Тарутинскаго сраженія. Оставленіе въ рукахъ непріятеля Москвы должно было возбудить ропотъ и горькія нареканія. Всѣ желали рѣшительнаго боя, ждали его подъ стѣнами Москвы; а между тѣмъ Кутузовъ, никому не открывая своего обширнаго плана истребленія арміи Наполеона, спокойно и настойчиво приводилъ его въ исполненіе — старался ослабить врага, уклоняясь отъ рѣшительной развязки. У Крылова—Кутузовъ представленъ добрымъ конемъ, понесшимъ на крестцѣ своемъ тяжелый возъ. 3) *Ворона и курица*—изображаетъ бѣдственное положеніе Французской арміи, послѣ занятія Москвы. 4) *Щука и котъ*—по поводу ошибки Чичагова, начальника южной арміи, допустившаго Наполеона перейдти Березину. 5) *Крестьянинъ и змѣя*—направлена противъ французовъ-гувернеровъ, этихъ остатковъ великой Наполеоновской арміи, пригрѣтыхъ въ русскихъ семьяхъ [1]).—

---

1) Изъ Лафонтена заимствованы Крыловымъ: 1) Волкъ и журавль; 2) Волкъ и на стухи; 3) Волкъ и ягненокъ; 4) Ворона; 5) Ворона и лисица; 6) Вороненокъ; 7) Госпожа и двѣ служанки; 8) Два голубя; 9) Дубъ и трость; 10) Котелъ и горшокъ; 11) Крестьянинъ и смерть; 12) Левъ и комаръ; 13) Левъ на ловлѣ; 14) Левъ состарѣвшійся; 15) Лисица и виноградъ; 16) Лягушка и волъ; 17) Лягушки, просящія царя; 18) Моръ звѣрей; 19) Муха и дорожные; 20) Откупщикъ и сапожникъ; 21) Пастухъ и море; 22) Подагра и паукъ; 23) Пустынникъ и медвѣдь; 24) Пѣтухъ и жемчужное зерно, 25) Разборчивая невѣста; 26) Скупой и курица; 27) Старикъ и трое молодыхъ; 28) Стрекоза и муравей. *Изъ неизвѣстныхъ Авторовъ—заимствованы:* 29) Алкидъ; 30) Дикія козы; 31) Левъ и лисица; 32) Лисица и оселъ; 33) Мотъ и ласточка; 34) Пловецъ и море. *Изъ Баратона*—35) Прихожанинъ. (Русскій архивъ 1864).

1) Историческое значеніе басенъ Крылова, Кепевича (Записки Ак. Наукъ) т. IV.

Къ баснямъ, написаннымъ на извѣстныя личности или случаи, относятся: 1) *Василекъ*—подъ видомъ солнца изображена Императрица Марія Ѳедоровна, покровительствовавшая Крылову, 2) *Кукушка и пѣтухъ*—на двухъ редакторовъ попеременно хвалившихъ въ своемъ журналѣ другъ друга, 3) *Квартетъ*,—по поводу недоумѣнія, возникшаго относительно мѣстъ между членами вновь учрежденнаго при Императорѣ Александрѣ I Государственнаго Совѣта [2]).

4) *Оселъ и Соловей*—по поводу мнѣнія одного вельможи о баснях самого Крылова, 5) *Хозяинъ и Мыши*, 6) *Воспитаніе Льва*, 7) *Свинья*, 8) *Орелъ и Паукъ*, 9) *Парнассъ*, 10) *Чижъ и Ежъ*—по поводу возвращенія Императора Александра по взятіи Парижа въ Россію, 11) *Собачья дружба* —по поводу несогласій, возникшихъ между политическими союзниками. По всему вѣроятію много и другихъ басенъ написано было Крыловымъ по поводу извѣстныхъ случаевъ, но эти послѣдніе теперь неизвѣстны. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что Крыловъ живо интересовался общественными вопросами и свой отзывъ о нихъ предлагалъ въ баснях. Такъ басни: *Листы и Корни*, *Пушки и Паруса* заключаютъ въ себѣ взглядъ Крылова на отношеніе сословій. *Листы* у него высшее сословіе, жившее трудами крѣпостныхъ крестьянъ, а *Корни*—крѣпостные земледѣльцы, которые питаютъ своихъ господъ и безъ которыхъ, какъ безъ корней дерево, не можетъ существовать высшій классъ. «Красуйтесь въ добрый часъ, говорятъ корни листамъ, да только помните ту разницу межъ насъ: что съ новой весной листъ новой народится; а если корень изсушится,—не станетъ дерева, ни

---

2) Первыми предсѣдателями департаментовъ были: графъ Завадовскій, Мордвиновъ, князь Лопухинъ, и графъ Аракчеевъ. Извѣстно, что продолжительнымъ преніямъ о томъ, какъ ихъ разсадить, и даже нѣсколькимъ послѣдовавшимъ пересадкамъ мы обязаны остроумной баснѣ Крылова *Квартетъ* (Жизнь графа Сперанскаго Корфа. Т. 1).

*

васъ.» Значеніе басни *Пушки и Паруса* такъ объяснено Гоголемъ: когда нѣкоторые черезъ-чуръ военные люди стали-было уже утверждать, что все въ государствахъ должно быть основано на одной военной силѣ и въ ней одной спасеніе, а чиновники штатскіе начали, въ свою очередь, притрунивать надъ всѣмъ, что ни есть военнаго, изъ-за того только, что нѣкоторые изъ военныхъ не понимали истинной важности своего званія, Крыловъ написалъ знаменитый споръ пушекъ съ парусами, въ которомъ вводитъ обѣ стороны въ ихъ законныя границы симъ замѣчательнымъ четверостишіемъ:

Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней мудро части:
Оружіемъ врагамъ она сильна,
А паруса — гражданскія въ ней власти.

Вопросу о просвѣщеніи и правильномъ направленіи воспитанія посвящены басни: Червонецъ, Бочка, Кукушка и Горлинка, Водолазы. Въ баснѣ *Червонецъ* говорится, что какъ ни полезно само по себѣ просвѣщеніе, но нужно остерегаться:

Какъ станешь грубости кору съ людей сдирать,
Чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ, у нихъ не растерять,
Чтобъ не ослабить духъ ихъ, не испортить нравы,
Не разлучить ихъ съ простотой,
И, давши только блескъ пустой,
Безславья не навлечь имъ вмѣсто славы.

Исторія съ червонцемъ, при чисткѣ потерявшемъ свою прежнюю цѣнность, ясно показываетъ, что въ этой баснѣ имѣется въ виду ложный, наружный блескъ образованія. Его легко усвоиваютъ себѣ люди, но при томъ теряютъ свои лучшія, имъ принадлежащія, свойства. Къ тогдашнему русскому обществу эта басня имѣетъ особое приложеніе. Типы модныхъ щеголей и щеголихъ, успѣвшихъ усвоить себѣ одинъ лоскъ Европейской цивилизаціи выяснены съ полною опредѣленностью еще въ литературѣ XVIII вѣка, въ Сатирахъ Кантеми-

ра, въ Сатирическихъ журналахъ Екатерининскаго времени, въ комедіи Фонъ Визина Бригадиръ, и наконецъ въ собственныхъ комедіяхъ Крылова: Модная лавка и Урокъ дочкамъ.

Въ баснѣ о Бочкѣ, въ два дни такъ напитавшейся винным запахомъ, что стала негодна къ употребленію, баснописецъ даетъ наставленіе отцамъ:

Старайтесь не забыть, отцы, вы басней сей:
Ученьемъ вреднымъ съ юныхъ дней
Намъ стоитъ разъ лишь напитаться;
А тамъ во всѣхъ твоихъ поступкахъ и дѣлахъ,
Каковъ ни будь ты на словахъ,
А все имъ будетъ отзываться.

Въ баснѣ «Кукушка и Горлинка» въ образѣ *Кукушки* положившей свои яйца въ чужія гнѣзда и потомъ жалующейся на испорченность дѣтей, баснописецъ представляетъ родителей, которые отдадутъ дѣтей на чужія руки и этимъ ограничатъ всѣ заботы о воспитаніи, а тамъ жалуются, что дѣти испорчены.

Въ басняхъ *Лисица и Сурокъ*, *Крестьянинъ и Овца*, *Зеркало и Обезьяна*, *Крестьянинъ и Рѣка*—изображаются взяточничество и лихоимство чиновниковъ, а въ *Мірской сходкѣ* — отношеніе чиновниковъ къ обществу.

Разсматриваемыя со стороны своего содержанія и со стороны формы, басни Крылова съ полнымъ основаніемъ считаются вполнѣ народными произведеніями. Нравоученіе въ нихъ предлагается не общее, не отвлеченное, а выведенное изъ обыденныхъ явленій русской жизни. По словамъ Гоголя: притчи Крылова—достояніе народное и составляютъ книгу мудрости самого народа. Звѣри у него мыслятъ и поступаютъ слишкомъ по-русски; въ ихъ продѣлкахъ между собою слышны продѣлки и обряды производствъ внутри Россіи. Кромѣ вѣрнаго звѣринаго сходства, которое у него до того сильно, что не только лисица, медвѣдь, волкъ, но даже самъ гор-

шокъ поворачивается какъ живой, они показали въ себѣ еще и русскую природу. Даже оселъ,—не смотря на свою принадлежность климату другихъ земель, явился у него русскимъ человѣкомъ. Нѣсколько лѣтъ производя кражу по чужимъ огородамъ, онъ возгордился вдругъ чинолюбіемъ, захотѣлъ ордена и заважничалъ страхъ, когда хозяинъ повѣсилъ ему на шею звонокъ, не размышляя того, что теперь всякая кража и пакость его будутъ видны всѣмъ и привлекутъ отовсюду побои на его бока. Слова всюду у него Русь, и пахнетъ Русью.» И по языку басни Крылова изъ всѣхъ произведеній новѣйшей литературы наиболѣе близки къ народной рѣчи. Многія изреченія изъ нихъ сдѣлались ходячими поговорками, слились съ народными пословицами.

Волкъ на псарнѣ.

Волкъ, ночью, думая залѣсть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ, и рвутся вонъ на драку;
Псари кричатъ: «Ахти, ребята, воръ!»
И вмигъ ворота на запоръ;
Въ минуту псарня стала адомъ,
Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.
— «Огня!» кричатъ: «огня!» — Пришли съ огнемъ.
Мой Волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ.
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть;
Но, видя то, что тутъ не передъ стадомъ,
И что приходитъ, наконецъ,
Ему разсчесться за овецъ, —
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры,

И началъ такъ: «Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?
Я, вашъ старинный сватъ и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, со всѣмъ не ради ссоры;
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ!
А я, не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грыстся радъ,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я... «Послушай-ка, сосѣдъ,»
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
«Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой.»—
И тутъ же выпустилъ на Волка гончихъ стаю.

Пушки и Паруса.

На кораблѣ у Пушекъ съ Парусами
Возстала страшная вражда.
Вотъ, Пушки, выставясь изъ портовъ вонъ носами,
Роптали такъ предъ небесами:
О, боги! видано ль когда,
Чтобы ничтожное холстинное творенье
Равняться въ пользахъ намъ имѣло дерзновенье?
Что дѣлаютъ они во весь нашъ трудный путь?
Лишь только вѣтеръ станетъ дуть,
Они, надувъ спѣсиво грудь,
Какъ будто важнаго какого сану,
Несутся гоголемъ по океану,
И только чванятся; а мы громимъ въ бояхъ!
Не нами ль царствуетъ корабль нашъ на моряхъ?

Немы ль несемъ съ собой повсюду смерть и страхъ?
Нѣтъ, не хотимъ жить болѣ съ Парусами;
Со всѣми мы безъ нихъ управимся и сами;
Лети же, помоги, могучій нашъ Борей,
И изорви въ клочки ихъ по-скорѣй!
Борей послушался—летитъ, дохнулъ и вскорѣ
Насупилось и почернѣло море;
Покрылись тучею тяжелой небеса;
Валы вздымаются и рушатся какъ горы;
Громъ оглушаетъ слухъ; слѣпитъ блескъ молній взоры,
Борей реветъ и рветъ въ лоскутья Паруса.
Не стало ихъ, утихла непогода;
Но что жъ? Корабль безъ парусовъ
Игрушкой сталъ и вѣтровъ, и валовъ,
И носится онъ въ морѣ, какъ колода;
А въ первой встрѣчѣ со врагомъ,
Который вдоль его всѣмъ бортомъ страшно грянулъ,
Корабль мой недвижимъ: сталъ скоро рѣшетомъ,
И съ пушками, какъ ключъ, онъ ко дну канулъ.
Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней всѣ премудро части:
Оружіемъ—врагамъ она грозна,
А паруса—гражданскія въ ней власти.

Лисица и Сурокъ.

—«Куда такъ, кумушка, бѣжишь ты безъ оглядки?»
Лисицу спрашивалъ Сурокъ.
—«Охъ, мой голубчикъ—куманекъ!
Терплю напраслину, и выслана за взятки,
Ты знаешь, я была въ курятникѣ судьей,
Утратила въ дѣлахъ здоровье и покой,

Въ трудахъ куска не доѣдала,
Ночей не досыпала:
И я жъ за то подъ гнѣвъ подпала;
А все по клеветамъ. Ну, самъ подумай ты:
Кто жъ будетъ въ мірѣ правъ, коль слушать клеветы?
Мнѣ взятки брать? да развѣ я взбѣшуся!
Ну видывалъ ли ты, я на тебя пошлюся,
Чтобъ этому была причастна я грѣху?
Подумай, вспомни хорошенько.»
—«Нѣтъ, кумушка; а видывалъ частенько,
Что рыльцо у тебя въ пуху.»
Иной при мѣстѣ такъ вздыхаетъ,
Какъ-будто рубль послѣдній доживаетъ:
И подлинно, весь городъ знаетъ,
Что у него ни за собой,
Ни за женой—
А смотришь по-маленьку,
То домикъ выстроитъ, то купитъ деревеньку.
Теперь, какъ у него приходъ съ расходъ свесть,
Хоть по суду и не докажешь;
Но какъ не согрѣшишь не скажешь:
Что у него пушокъ на рыльцѣ есть.

Мірская сходка.

Какой порядокъ ни затѣй,
Но если онъ въ рукахъ безсовѣстныхъ людей,
Они всегда найдутъ уловку,
Чтобъ сдѣлать тамъ, гдѣ имъ захочется, снаровку.
Въ овечьи старосты у льва просился волкъ.
Стараньемъ кумушки-лисицы

Словцо о немъ замолвлено у львицы.
Но такъ-какъ о волкахъ худой на свѣтѣ толкъ,
И не сказали бы, что смотритъ левъ на лицы;
То велѣно звѣриный весь народъ
Созвать на общій сходъ,
И разспросить того, другаго,
Что въ волкѣ добраго онъ знаетъ, иль худаго.
Исполненъ и приказъ: всѣ звѣри созваны.
На сходкѣ голоса чинъ чиномъ собраны:
Но противъ волка нѣтъ ни слова
И волка велѣно въ овчарню посадить.
Да что́ же овцы говорили?
На сходкѣ вѣдь онѣ ужъ, вѣрно, были?
Вотъ то-то нѣтъ! Овецъ-то и забыли!
А ихъ-то бы всего нужнѣй спросить.—

Демьянова уха.

«Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуйста покушай.»
—«Сосѣдушка, я сытъ по горло».—«Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!»
—«Я три тарелки съѣлъ.»—«И, полно, что за счеты
Лишь стало бы охоты,—
А то во здравье: ѣшь до дна!
Что за уха! Да какъ жирна:
Какъ будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь же, миленькій дружочикъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочикъ!.
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!»
Такъ подчивалъ сосѣдъ-Демьянъ сосѣда ѳоку,
И не давалъ ему ни отдыху, ни сроку,
А съ ѳоки ужъ давно катился градомъ потъ.
Однако же еще тарелку онъ беретъ:

Сбирается съ послѣдней силой,
И очищаетъ всю. «Вотъ друга я люблю!»
Вскричалъ Демьянъ: «за то ужъ чванныхъ не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!»
Тутъ бѣдный Ѳока мой
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охапку
Кушакъ и шапку,
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.
Писатель, счастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь:
Но если помолчать во время не умѣешь,
И ближняго ушей ты не жалѣешь,
То вѣдай, что твои и прозы и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьяновой ухи.

Слонъ и Моська.

По улицамъ слона водили,
Какъ видно на-показъ—
Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ—
Такъ за слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Отколѣ ни возьмись, на встрѣчу моська имъ.
Увидѣвши слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться,
Ну такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
«Сосѣдка, перестань срамиться,»
Ей шафка говоритъ: «тебѣ ль съ Слономъ возиться?
Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ
Впередъ,
И лаю твоего совсѣмъ не примѣчаетъ.»
—«Эхъ, эхъ!» ей Моська отвѣчаетъ:
«Вотъ то́-то мнѣ и духу придаетъ,
Что я со всѣмъ безъ драки,
Могу попасть въ большіе забіяки.

Пускай же говорятъ собаки:
«Ай, Моська! знать, она сильна,
Что лаетъ на Слона.»

В. А. Жуковскій (род. 1784, ум. 1852).

Свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ. В. А. Жуковскій родился въ 1784 году въ селѣ Мишенскомъ, недалеко отъ Бѣлева, уѣзднаго города Тульской губерніи. Воспитаніе получилъ въ Московскомъ Благородномъ Университетскомъ Пансіонѣ. Первыя печатныя піесы Жуковскаго, Мысли при гробницѣ (въ прозѣ) и стихотвореніе Майское утро, появились въ 1797 г., но литературная извѣстность его начинается съ 1802 г., когда въ Вѣстникѣ Европы, журналѣ, издаваемомъ Карамзинымъ, появился переводъ *Сельскаго кладбища, элегіи Грея* [1]). Переводъ Жуковскаго отличается поэтическими достоинствами и замѣчателенъ какъ первый образецъ тѣхъ художественныхъ переводовъ, которые составили впослѣдствіи его литературную славу. Не выяснивши ебѣ своего. истиннаго призванія, Жуковскій дѣлалъ попытки писать въ торжественномъ, Державинскомъ родѣ. Въ 1806 г. онъ издалъ *Пѣснь Барда надъ гробомъ Славянъ побѣдителей.* Стихотвореніе это заключаетъ въ себѣ смѣсь старинныхъ ложно классическихъ пріемовъ съ новыми, заимствованными изъ романтической нѣмецкой литературы. Вотъ начало его:

«Ударь во звонкій щитъ! стекитесь, ополченны!
Умолкла брань—враги утихли расточенны!
Лишь паръ надъ пепломъ селъ густой;
Лишь волкъ, сокрытый нощи мглой,
Очами блещущій, бежитъ на ловъ обильный;

1) Томасъ Грей, Англійскій поэтъ—элегикъ (1716—1772.

Зажжемъ костеръ дубовъ; изройте ровъ могильный;
Сложите на щиты поверженныхъ во прахъ:
Да холмъ вѣщаетъ здѣсь вѣкамъ о бранныхъ дняхъ,
Да камень здѣсь хранитъ могущихъ слѣдъ священной»!

Ложный классицизмъ проявляется въ торжественномъ, высокопарномъ строѣ стихотворенія, въ самой мысли ввести гальскаго пѣвца Барда въ лагерь русскихъ солдатъ, представленныхъ въ образѣ какихъ-то первобытныхъ воиновъ,—въ языкѣ, пестрѣющемъ такими выраженіями: Бардовъ лира восхищенна, се мчатся, мужество, Славянъ, Россъ, Сарматовъ булава и т. п. На Жуковскомъ въ этомъ его произведеніи сказалось вліяніе нѣмецкаго поэта Клопштока, который подъ вліяніемъ ложно понятой мысли о возвращеніи къ народности, пытался возсоздать небывалыя у нѣмцевъ пѣсни Бардовъ и сочинилъ такъ называемыя Бардиты (Hermannsschlacht, Germann und die Fürsten, Germann's Tod). Во время отечественной войны Жуковскій поступилъ въ ополченіе и послѣ сдачи Москвы, передъ сраженіемъ при Тарутинѣ, написалъ стихи «Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ» (1-е изд. 1813 г.). Цѣль этого торжественнаго гимна—прославить героевъ отечественной войны, но форма и здѣсь совершенно искуственна. Поэтъ среди русскаго стана выводитъ какого-то пѣвца, въ родѣ Тиртея, Барда или Бояна. Среди ночной тишины пируютъ воины, представленные не русскими солдатами, а рыцарями, и пѣвецъ превозглашаетъ тосты, при чемъ величаетъ лица, въ честь коихъ поднятъ кубокъ. Всѣхъ тостовъ одиннадцать. *Первый* кубокъ—чадамъ древнихъ лѣтъ, т. е. Святославу, Димитрію Донскому, двумъ Іоаннамъ, Петру I и Суворову; *второй* кубокъ—отчизнѣ; *третій*—русскому Царю; *четвертый*—ратнымъ и вождямъ: Кутузову, Ермолову, Раевскому, Милорадовичу, Витгенштейну, Коновницыну, Платову, Бенигсену, Остерману, Тормасову, Богговуту, Дохтурову, Воронцову, Щербатову,

Палену, Строгонову, Фигнеру и друг.; *пятый* кубокъ—вождямъ, сраженнымъ въ бою: Кульневу, Кутаисову, Багратіону; *шестой*—мщенью; *седьмой*—святому братству; *осьмой*—любви; *девятый*—чистымъ музамъ (въ честь Бояна, Ломоносова, Петрова и Державина); *десятый*—чашу Богу силъ, *одиннадцатый*—кубокъ прощанья. На каждый изъ этихъ тостовъ воины вторятъ четверостишіемъ. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій 1812 г. стихи Жуковскаго пользовались всеобщею извѣстностью. Довольно указать на строфу о родинѣ:

Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Роднаго неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златые игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

«*Въ Пиитъ во станъ Русскихъ воиновъ* нѣтъ даже чувства современной дѣйствительности: въ этой піесѣ ни одного выстрѣла изъ пушки, или изъ ружья, въ ней нѣтъ и признаковъ пороховаго дыма—въ пей лѣтаютъ и свистятъ не пули, а стрѣлы, генералы являются воинами, не въ киверахъ или фуражкахъ, не въ мундирахъ и шпеляхъ, а въ броняхъ, не со шпагами въ рукахъ, а съ мечами и копьями; къ довершенію этой пародіи на древность, всѣ они—съ щитами. Все это признакъ риторики: ибо поэзія проста: она не чуждается обыкновенныхъ предметовъ дѣйствительности, не боится сдѣлаться отъ нихъ прозою, но поэтизируетъ самыя

прозаическія вещи. И неужели жерла пушекъ, изрыгающія огонь и смерть тысячамъ, неужели дула ружей, посылающія издалека вѣрную смерть, неужели трехгранный штыкъ, стальною стѣною низлагающій сомкнутые ряды,—неужели все это имѣетъ въ себѣ менѣе поэзіи, чѣмъ кольчуги, щиты, стрѣлы и копья древности?... Напротивъ, послѣднія—дѣтскія игрушки въ сравненіи съ первымъ, блѣдная проза въ сравненіи съ страшною и грандіозною поэзіею. И потомъ, къ чему эти Славяне и эти барды Славянскіе? Съ Наполеономъ дрались совсѣмъ не Славяне, а Русскіе! Скажутъ: но развѣ Русскіе—не славянскаго племени народъ?—Положимъ, что и такъ; но развѣ всѣ народы западной Европы не Тевтонскаго племени: а кто же скажетъ, что Русскіе дрались подъ Бородинымъ съ Тевтонами, на томъ основаніи, что Галлія нѣкогда была завоевана Франками, а Франки были народъ Тевтонскаго племени? И потомъ, какіе барды были у Славянъ? Да сверхъ того, бардъ Жуковскаго очень похожъ на Скандинавскаго скальда (Сочин. Бѣлинскаго, т. 8).

Другія патріотическія стихотворенія Жуковскаго: Вождю побѣдителей (писано послѣ сраженія подъ Краснымъ), Императору Александру (1815 г.), Пѣвецъ въ Кремлѣ (1816), Пѣснь русскому Царю отъ его воиновъ, и друг. Стихотворенія эти достовили автору славу и извѣстность при Дворѣ. Въ 1817 году Жуковскій былъ избранъ въ преподаватели Русскаго языка при В. К. Александрѣ Ѳедоровнѣ; а въ 1825 году назначенъ въ наставники при воспитаніи Наслѣдника Цесаревича, нынѣ царствующаго Государя Императора.

Патріотическія стихотворенія составляютъ небольшой отдѣлъ въ общемъ собраніи сочиненій Жуковскаго. Главная заслуга Жуковскаго въ его художественныхъ переводахъ съ иностранныхъ языковъ. Оригинальныя же его произведенія (за исключеніемъ Посланій къ разнымъ лицамъ)—переработка заимствованныхъ темъ, безъ всякаго отпечатка народности.

Главный матеріалъ для переводовъ и заимствованій представили литературы Нѣмецкая и Англійская.

Въ Нѣмецкой литературѣ того времени преобладало направленіе, извѣстное подъ именемъ *романтизма*. «Романтическая школа имѣла цѣлью превозгласить и утвердить единство поэзіи и жизни; она хотѣла міръ дѣйствительности пропитать духомъ поэзіи, и возвести общество въ такую сферу воспитанія и образованія, гдѣ бы жизнь и искусство встрѣчались и сливались въ высшемъ единствѣ религіи. Отсюда ясно, и должно быть признано, что первоначально романтики имѣли прекрасную и великую цѣль; но чтобы осуществить ее путемъ искусства и національной литературы, имъ не доставало отчасти таланта и энергіи, отчасти для достиженія своей цѣли они шли такими превратными путями, что вмѣсто прогресса, къ которому они сначала стремились, выходило злѣйшее ретроградство, въ слѣдствіе чего теперь реакція и романтизмъ—понятія совершенно равнозначащія. Именно, чтобы уяснить и ввести въ силу то высшее единство жизни, котораго требовали романтики, они не съумѣли сдѣлать ничего, какъ обратиться къ романтизму среднихъ вѣковъ; они утверждали, что въ немъ христіанство связывало въ единство — государство, церковь, народъ, науку, искусство и жизнь. Громко было возвѣщено, что въ средніе вѣка всѣ интересы и направленія сходились въ высшемъ пунктѣ религіи, и поэзія, вытекавшая изъ религіи, вездѣ сопровождала и проникала всю разнообразную, многоцвѣтную жизнь; что поэтому въ средніе вѣка, не смотря на рѣзкое разъединеніе сословій феодальнаго государства, всѣ явленія жизни пріобрѣли тѣсную связь съ народною жизнью, и такъ какъ эта народная жизнь есть единственный и неисчерпаемый источникъ поэзіи, то съ возстановленіемъ средневѣковаго романтическаго міра въ церкви, государствѣ и народной жизни неминуемо должна обновиться также поэзія и наука». Главны-

ми представителями нѣмецкаго романтизма были: братья Шлегели, Людвигъ Тикъ (1773—1853), Новалисъ (1772—1801), Гоффманъ (1776—1822), Клейстъ, Уландъ, Рюккертъ, Кернеръ, и другъ.

Обзоръ лучшихъ переводовъ Жуковскаго представимъ въ хронологическомъ порядкѣ Нѣмецкихъ поэтовъ.

1° *Готфридъ Бюргеръ* (1747—1794)—«его самая существенная поэтическая заслуга состоитъ въ возвращеніи къ давно уже смолкшей поэзіи баллады, при чемъ на истинную дорогу навело его собраніе англійскихъ балладъ Перси. Онъ съ счастливымъ тактомъ выбиралъ свои сюжеты и обрабатывалъ ихъ съ драматическою живостью, живописною наглядностью и художественнымъ языкомъ. Ленора, Lied vom braven Mann, и die Wilde Jagd — его лучшія произведенія» [1]).

Жуковскій еще въ 1808 написалъ вольное подражаніе *Ленорѣ* Бюргера — *балладу Людмилу*. Содержаніе Людмилы слѣдующее: «Людмила ждетъ своего жениха, который скоро долженъ вернуться изъ дальняго похода. Вотъ поднялась пыль, слышны топотъ и ржанье коней, звучатъ трубы, идутъ разные люди въ панцыряхъ, покрытыхъ прахомъ; но между ними нѣтъ друга Людмилы. Она въ отчаяніи призываетъ смерть, и ропщетъ на Провидѣніе. Мать старается образумить ее, напоминаетъ ей, что роптаніе — смертный грѣхъ, и за непокорность волѣ Божіей ждутъ муки ада. Наступаетъ ночь; мраченъ долъ и мраченъ лѣсъ; только луна, порою блеснувъ изъ облаковъ, облекаетъ свѣтлымъ сумракомъ воды, горы и небо... Въ полночь потряслись вершины дубовъ, по полю скачетъ ѣздокъ... все ближе... кто-то брякнулъ кольцемъ двери, милый другъ зоветъ Людмилу съ со-

1) Всеобщая Исторія Литературы Шерра.

бою: въ полночной часъ онъ покинулъ свою *темную* келью и примчался къ ней изъ чужей земли... Людмила садится на коня и вмѣстѣ съ всадникомъ мчится по буграмъ и равнинамъ, такъ что дрожитъ земля, отъ копытъ брызжутъ искры, къ разсвѣту путники очутились на кладбищѣ. Людмила видитъ: ея женихъ—посинѣлый трупъ, обвитый длиннымъ саваномъ; щеки его впали, мутенъ взоръ... вотъ привсталъ, манитъ перстомъ... Людмила окаменѣла и пала мертвая; въ облакахъ раздались стонъ и вопли, подъ землею — визгъ и скрежетъ, усопшіе толпою поднялись изъ могилъ и завыли: ропотъ смертныхъ безразсуденъ». Въ 1811 году сюжетъ Леноры Бюргера Жуковскій передѣлалъ въ балладѣ *Свѣтлана*, съ примѣненіемъ къ Русской жизни. Описаніе святочныхъ гаданій въ крещенскій вечерокъ, и сонъ Свѣтланы значительно измѣняютъ сущность баллады Бюргера. Всѣ кладбищенскіе ужасы Свѣтлана видитъ во снѣ, а на яву ее ждетъ живой женихъ. Въ 1829 Жуковскій снова обратился къ Бюргеру и перевелъ близко къ подлиннику, безъ передѣлокъ, его *Ленору*. Къ раннимъ балладамъ Жуковскаго, написаннымъ подъ вліяніемъ Бюргера, слѣдуетъ отнести *Двѣнадцать спящихъ дѣвъ* (1810). Но въ этомъ послѣднемъ произведеніи народнаго русскаго еще менѣе, нежели въ Свѣтланѣ. Русскія— одни имена и названія мѣстностей, а сущность, главное содержаніе напоминаетъ средневѣковыя католическія легенды. Балладѣ Двѣнадцать спящихъ дѣвъ Жуковскій предпослалъ слѣдующій прологъ:

Опять ты здѣсь, мой благодатный Геній,
Воздушная подруга юныхъ дней;
Опять съ толпой знакомыхъ привидѣній
Тѣснишься ты, мечта, къ душѣ моей...
Приди жъ, о другъ! дай прежнихъ вдохновеній,
Минувшею мнѣ жизнію повѣй,

Побудь со мной, продли очарованья,
Дай сладкаго вкусить воспоминанья.
Ты образы веселыхъ лѣтъ примчала—
И много милыхъ тѣней возстаетъ;
И то, чѣмъ жизнь столь нѣкогда плѣняла,
Что Рокъ, отнявъ, назадъ не отдаетъ,
То все опять душа моя узнала;
Проснулась скорбь, и жалоба зоветъ
Сопутниковъ, съ пути сошедшихъ прежде,
И здѣсь вотще повѣрившихъ надеждѣ.
Къ нимъ не дойдутъ послѣдней пѣсни звуки;
Разсѣянъ кругъ, гдѣ первую я пѣлъ;
Не встрѣтятъ ихъ простертыя къ нимъ руки;
Прекрасный сонъ ихъ жизни улетѣлъ.
Другихъ умчалъ могущій Духъ разлуки;
Счастливый край, ихъ знавшій, опустѣлъ:
Разбросаны по всѣмъ дорогамъ міра—
Не имъ поетъ задумчивая лира.
И снова въ томномъ сердцѣ воскресаетъ
Стремленье въ оный таинственный свѣтъ;
Давнишній гласъ на лирѣ оживаетъ,
Чуть слышимый, какъ Генія полетъ;
И душу хладную разогрѣваетъ
Опять тоска по благахъ прежнихъ лѣтъ:
Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ,
Отжившее, какъ прежде оживленнымъ.

Двѣнадцать спящихъ дѣвъ состоитъ изъ двухъ балладъ: Громобой и Вадимъ. Содержаніе ихъ слѣдующее: «Надъ пѣнистымъ Днѣпромъ-рѣкой Громобой въ глухую полночь продаетъ свою душу Асмодею. Разбогатѣвши, Громобой похитилъ изъ отческой сѣни 12 дѣвъ, отъ нихъ родились 12 дочерей и вмѣстѣ съ матерями нашли себѣ пріютъ въ святой оби-

тели. Когда наступаетъ часъ возмездія Асмодей на одномъ условіи обѣщаетъ отсрочку Громобою, если онъ продастъ ему души дочерей. Громобой соглашается, но невидимый промыслъ охраняетъ дѣвъ и онѣ засыпаютъ. Во второй балладѣ Новгородскій витязь Вадимъ отправляется въ неизвѣстный путь, повинуясь звону таинственнаго колокольчика. На пути побиваетъ великана, освобождаетъ Кіевскую княжну, добровольно отказывается отъ нея, заслыша звонъ колокольчика, и въ концѣ концевъ освобождаетъ 12 спящихъ дѣвъ, и на одной изъ нихъ женится. Что сталось потомъ съ Вадимомъ— баллада умалчиваетъ».

2° *Гебель* (1760—1826) — «по выраженію Гете самымъ увлекательнымъ образомъ весь міръ обратилъ въ поселянъ. Ни одинъ новый идилликъ не сравнится съ нимъ въ вѣрности природѣ, наивности, свѣжести и задушевности, и его поэма *Луга* (die Weise) есть перлъ нѣмецкой идиллической поэзіи». Изъ Гебеля Жуковскій перевелъ: Овсянный кисель (1816), Красный карбункулъ (1816), Деревенскій сторожъ въ полночь, (1816), Тлѣнность (1816), Утренняя звѣзда (1818), Лѣтній вечеръ (1818), Неожиданное свиданіе (1832), Воскресное утро въ деревнѣ (1836).

3°. *Уландъ* — поэтъ романтической школы. Изъ Уланда Жуковскій перевелъ: *Сонъ*, Пѣснь бѣдняка, Счастіе во снѣ, Мщеніе, баллада, Гаральдъ, баллада, Три пѣсни, баллада, (1816), Утѣшеніе (1818), Побѣдитель (1822), Три путника, (1822), Алонзо, баллада (1829), Нормадскій обычай, драматическая повѣсть (1832), Замокъ на берегу моря (1832), Роландъ оруженосецъ, баллада (1833), Плаваніе Карла Великаго, баллада (1833), Братоубійца, баллада (1833), Рыцарь Роллонъ, баллада.

4°. *Шиллеръ*, наравнѣ съ Уландомъ былъ любимымъ поэтомъ Жуковскаго. Къ сожалѣнію послѣдній переводилъ

только то, что подходило къ его собственному настроенію. Всѣ произведенія, въ которыхъ Шиллеръ является поэтомъ свободы и человѣческихъ правъ (Разбойники, Заговоръ Фіеско, Вильгельмъ Телль), и даже лучшія лирическія стихотворенія: Художникъ, Пѣснь о Колоколѣ,—не переведены Жуковскимъ, такъ что по его переводамъ нельзя составить полнаго представленія о Шиллерѣ.

За исключеніемъ нѣсколькихъ романсовъ и драматической поэмы «Орлеанская Дѣва», всѣ прочія переведенныя Жуковскимъ піэсы — *баллады*. По содержанію ихъ можно раздѣлить на Греческія и Средневѣковыя. Изъ Греческаго міра взяты: Кассандра (1809), Ивиковы журавли (1810), Торжество Побѣдителей (1829), Поликратовъ перстень (1829), Жалоба Цереры (1829), Елевзинскій праздникъ (1833). Изъ средневѣковой жизни: Графъ Габсбургскій (1818), Рыцарь Тогенбургъ (1818), Кубокъ (1829), Перчатка (1829). Сюда же относятся два подражанія Шиллеру: Сраженіе съ Змѣемъ и Судъ Божій.— Греческія баллады Шиллера внушили Жуковскому мысль сочинить балладу *Ахиллъ* (1814).

Орлеанская дѣва, драматическая поэма, переведенная въ 1821, не принадлежитъ къ числу лучшихъ драматическихъ произведеній Шиллера. «Іоанна д'-Аркъ, какъ историческое лице, развивалась подъ вліяніемъ религіознаго духа среднихъ вѣковъ и вызвана была къ дѣятельности тѣмъ напряженнымъ состояніемъ, въ какомъ находился французскій народъ во время вѣковой борьбы съ Англичанами. Франція тратила послѣднія силы въ этой борьбѣ: ей приходилось ждать спасенія отъ чуда. Но чудомъ этимъ было ничто иное, какъ горячая любовь къ родинѣ и независимости, вдругъ, подобно пламени, вспыхнувшая въ массахъ. Она приняла естественную, по духу времени, религіозную форму, и народъ, угнетенный бѣдствіемъ, готовъ былъ вѣрить въ содѣйствіе чудесной, незем-

ной силы. Предводители французскаго войска были на столько искусны, что не пренебрегли подобнымъ народнымъ настроеніемъ для достиженія цѣли: они приняли Іоанну д'-Аркъ, какъ посланницу свыше. Шиллеръ очень живо изобразилъ обѣ указанныя нами стороны въ своей героинѣ; не представляетъ дѣло такъ, какъ будто Іоанна д'-Аркъ и на самомъ дѣлѣ пользовалась сверхъестественными силами. Она по какому-то вдохновенію узнаетъ никогда невиданнаго ею короля посреди другихъ придворныхъ и говоритъ ему о его тайныхъ дѣлахъ и думахъ; она чудесно побѣждаетъ каждаго въ битвахъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣчаетъ какого-то чернаго рыцаря, олицетворяющаго собою нечистую силу: тутъ, въ самомъ пылу сраженія, она увлекается чувствомъ къ Англійскому рыцарюЛіонелю, и щадитъ его, нарушая свой обѣтъ убивать каждаго непріятеля Вслѣдствіе этого, она теряетъ свою чудесную силу, сознаетъ себя недостойною высшаго призванія, изнываетъ въ нѣжномъ томленіи сердца и наконецъ попадаетъ въ руки враговъ. Но въ плѣну сверхъестественная сила къ ней возвратилась: она разрываетъ оковы и возвращается въ станъ французскій, гдѣ и умираетъ отъ ранъ. Такъ Шиллеръ исказилъ исторію: сколько извѣстно, Іоанна д'-Аркъ не была героинею какого-нибудь чувствительнаго романа и умерла въ рукахъ враговъ, сожженая на кострѣ, какъ чародѣйка. Шиллеръ, по своему романтическому увлеченію, считалъ недостаточнымъ въ Іоаннѣ то чувство, которое одушевляло ее на подвиги, и придумалъ небывалую борьбу въ ея сердцѣ; но Орлеанская дѣва, умирающая на кострѣ за родину, безъ сомнѣнія, представляетъ болѣе величественный образъ, чѣмъ непонятная воительница, которая творитъ чудеса, какъ слѣпое орудіе роковой силы. Другія

1) Новая русская Литература, p. 28.

драмы Шиллера, не переведенныя Жуковскимъ, имѣютъ несравненно болѣе значенія [1])».

5°. Изъ *Гете* (1749—1832) Жуковскимъ переведено не много піэсъ: Моя богиня (1809), Утѣшеніе въ слезахъ (1818), Лѣсной царь, баллада (1818), Къ мѣсяцу (1818), Путешественникъ и поселянка (1822) Орелъ и голубка, басня (1833).

6°. *Изъ Гердера* (1744 — 1803) Жуковскій заимствовалъ Испанскіе романсы о Сидѣ (1832 г.)

6°. *Рюккертъ* — «универсальный лирикъ, стоитъ въ связи съ патріотическимъ романтизмомъ только по своему «*Вѣнку времени*» (Kranz der Zeit, 1817), сплетенному изъ насмѣшливыхъ и похвальныхъ пѣсенъ, по своей политической комедіи «*Наполеонъ*» и «Сонетамъ въ бронѣ» (Geharnischte Sonette), этому драгоцѣнному поэтическому плоду одушевленія войнами за освобожденіе. Исходнымъ пунктомъ его поэзіи была сельская идиллія, которая и позже вдохновила его въ его чудной «Amarvllis.» Западно-восточный диванъ Гете обратилъ его вниманіе на востокъ, и своими «*Восточными розами*» (1822) онъ началъ ту всемірно-литературную дѣятельность, которая на немъ самомъ оправдываетъ его изрѣченіе: «Поэзія на всѣхъ своихъ языкахъ для посвященнаго есть *одинъ только* языкъ!» Никто такъ прекрасно и завлекательно не раскрылъ поэзіи востока, какъ Рюккертъ своими пересозданіями. Отъ Китайцевъ онъ перенесъ къ Нѣмцамъ прелестную книгу пѣсенъ Ши-Кингъ; изъ Индіи—*Наль и Дамаянти* и глубокіе Брамапскіе разсказы; изъ Персіи—*Восточныя розы* и героическую поэму *Рустемъ и Зурабъ*; изъ пустынь Аравіи—*Амрилькаисъ* и драгоцѣнную *Гамазу*; изъ городовъ и каравансераевъ Сиріи—*Абу Сеида* Гарири.»

Къ Рюккерту обратился Жуковскій въ послѣдній періодъ своей дѣятельности, когда, по его собственному признанію изъ романтика онъ становился классикомъ. Изъ Рюккерта Жу-

ковскій перевелъ *Наль и Дамаянти* (1840) и Рустемъ и Зорабъ (1847). Повѣсть *Наль и Дамаянти* составляетъ отрывокъ Индѣйскаго Эпоса Магабараты. Содержаніе ея слѣдующее: «Наль Индѣйскій царь, съ помощью золотокрылыхъ гусей, сватается къ прекрасной царевнѣ, Дамаянти; боги стихій (воздуха, воды, огня и земли: Индра, Варуна, Агнисъ и Яма) сначала препятствуютъ, потомъ покровительствуютъ ему въ этомъ сватовствѣ; но злой духъ Кали, негодуя на бракъ, задуманный безъ его вѣдома, овладѣваетъ Нали, вселяетъ въ немъ роковую страсть къ игрѣ въ кости, вслѣдствіе чего Наль проигрываетъ все свое царство и въ нищенскомъ платьѣ обреченъ скитаться съ Дамаянти. Повинуясь своей судьбѣ Наль покидаетъ Дамаянти. Оба супруга страдаютъ одинаково, пока Наль не избавился отъ прельщеній злаго духа, выстоявъ на огнѣ во время разсказа змѣя, который своимъ ядомъ и умертвилъ въ немъ Кали.»

Поэма *Рустемъ и Зорабъ* — эпиводъ изъ Шахъ-Наме (книга царей, поэта Фирдуси.)

Благодаря Рюккерту Жуковскій до такой степени увлекся первобытною эпическою поэзіею, что рѣшился, не зная Греческаго языка, переводить Гомера. Въ 1849 г. онъ издалъ полный переводъ Одиссеи съ нарочно приготовленнаго для него подстрочнаго Нѣмецкаго перевода профессора Грасгофа, а подъ конецъ жизни занимался переводомъ Иліады, изъ которой успѣлъ приготовить первую рапсодію и часть второй.

Кромѣ указанныхъ выше Нѣмецкихъ поэтовъ, изъ которыхъ переводилъ Жуковскій, слудуетъ упомянуть еще о Клопштокѣ (1724—1803), изъ котораго переведена Аббадонна (1814), о Фридрихѣ де-ла Моттъ Фуке (1777—1843), у котораго заимствована *Ундина* [1]) (1836), о Зедлицѣ—*Ночной*

1) «Въ Ундинѣ представлена жизнь и страданія прекрасной водяной феи. Она безпечно рѣзвится, какъ свѣтлая стихія, изъ которой вышла, но какъ стихія, ос-

смотръ (1836), *Кернеръ* (1791—1813)—Вѣрность до гроба (1818).

Изъ Англійскихъ поэтовъ переведено Жуковскимъ несравненно менѣе.

Изъ Грея—Сельское кладбище, переведенное дважды; изъ *Саути* переведено: Адельстанъ, баллада (1813), Варвикъ, баллада (1814), Доника (1829), Судъ Божій надъ Епископомъ (1829), Королева Урака и пять мучениковъ (1829); изъ *Мура*: Пери и Ангелъ (1821); изъ *Байрона*:—Шильонскій узникъ (1821); изъ *Вальтеръ-Скота* Замокъ Смальгольмъ.

Къ числу оригинальныхъ произведеній Жуковскаго, кромѣ патріотическихъ стиховъ, посланій и балладъ, передѣланныхъ по чужимъ темамъ, относятся попытки обработать русскія сказки и неоконченная поэма Агасверъ, вѣчный жидъ.—Изъ сказокъ болѣе замѣчательны: Спящая царевна (1831), О царѣ Берендеѣ, О Иванѣ Царевичѣ и сѣромъ волкѣ, Котъ въ сапогахъ и другъ.

Свѣтлана

(баллада).

Разъ въ Крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачокъ,
Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;

тается бездушной до тѣхъ поръ, пока не полюбила рыцаря: любовь принесла ей страданія, потому что рыцарь ее покинулъ, а въ этихъ тяжелыхъ страданіяхъ она узнала, что такое *душа*, и такимъ образомъ изъ стихійнаго существа возвысилась до существа сознательнаго.»

Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой,
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ,
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны.
Тускло свѣтится луна
Въ сумракѣ тумана—
Молчалива и грустна
Милая Свѣтлана.
«Что подруженька, съ тобой?
Вымолви словечко,
Слушай пѣсни круговой;
Вынь себѣ колечко.
Пой, красавица: «кузнецъ,
«Скуй мнѣ златъ и новъ вѣнецъ,
Скуй кольцо златое;
«Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ,
«Обручаться тѣмъ кольцомъ
«При святомъ налоѣ.»
—Какъ могу, подружки, пѣть?
Милый другъ далеко;
Мнѣ судьбина умереть
Въ грусти одинокой.
Годъ промчался—вѣсти нѣтъ;
Онъ ко мнѣ не пишетъ;
Ахъ! а имъ лишь красенъ свѣтъ,
Имъ лишь сердце дышетъ....
Иль не воспомнишь обо мнѣ?
Гдѣ, въ какой ты сторонѣ?
Гдѣ твоя обитель?

Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангелъ—утѣшитель.—
Вотъ, въ свѣтлицѣ столъ накрытъ
Бѣлой пеленою;
И на томъ столѣ стоитъ
Зеркало съ свѣчою;
Два прибора на столѣ.
«Загадай Свѣтлана;
Въ чистомъ зеркала стеклѣ
Въ полночь, безъ обмана
Ты узнаешь жребій свой:
Стукнетъ въ двери милый твой
Легкою рукою;
Упадетъ съ дверей запоръ;
Сядетъ онъ за свой приборъ
Ужинать съ тобою.»
Вотъ красавица одна;
Къ зеркалу садится;
Съ тайной робостью она
Въ зеркало глядится;
Темно въ зеркалѣ; кругомъ
Мертвое молчанье;
Свѣчка трепетнымъ огнемъ
Чуть лѣтъ сіянье...
Робость въ ней волнуетъ грудь,
Страшно ей назадъ взглянуть,
Страхъ туманитъ очи...
Съ трескомъ пыхнулъ огонекъ,
Крикнулъ жалобно сверчокъ,
Вѣстникъ полуночи.
Подпершися локоткомъ,

Чуть Свѣтлана дышетъ...
Вотъ... легохонько замкомъ
Кто-то стукнулъ, слышитъ;
Робко въ зеркало глядитъ:
За ея плечами,
Кто-то, чудилось, блеститъ
Яркими глазами....
Занялся отъ страха духъ...
Вдругъ, въ ея влетаетъ слухъ
Тихій, легкій шопотъ:
«Я съ тобой, моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышанъ ропотъ!»
Оглянулась.... милый къ ней
Простираетъ руки.
«Радость, свѣтъ моихъ очей,
Нѣтъ для насъ разлуки.
Ѣдемъ! Попъ ужъ въ церкви ждетъ
Съ дьякономъ дьячками;
Хоръ вѣнчальну пѣснь поетъ;
Храмъ блеститъ свѣчами.»
Былъ въ отвѣтъ умильный взоръ:
Идутъ на широкій дворъ,
Въ ворота тесовы;
У воротъ ихъ санки ждутъ;
Съ нетерпѣнья кони рвутъ
Повода шелковы.
Сѣли... кони съ мѣста въ разъ;
Пышутъ дымъ ноздрями;
Отъ копытъ ихъ поднялась
Вьюга надъ санями.
Скачутъ.... пусто все вокругъ,
Степь въ очахъ Свѣтланы:

На лунѣ туманный кругъ;
Чуть блестятъ поляны.
Сердце вѣщее дрожитъ;
Робко дѣва говоритъ:
«Что ты смолкнулъ милый?»
Ни полслова ей въ отвѣтъ:
Онъ глядитъ на лунный свѣтъ,
Блѣденъ и унылый.

Кони мчатся по буграмъ;
Топчутъ снѣгъ глубокій....
Вотъ, въ сторонкѣ Божій храмъ
Видѣнъ одинокій;
Двери вихорь отворилъ;
Тьма людей во храмѣ;
Яркій свѣтъ паникадилъ
Тускнетъ въ ѳиміамѣ;
На срединѣ черный гробъ;
И гласитъ протяжно попъ:
«Буди взятъ могилой!»
Пуще дѣвица дрожитъ,
Кони мимо; другъ молчитъ,
Блѣденъ и унылой.

Вдругъ мятелица кругомъ;
Снѣгъ валитъ клоками;
Черный вранъ, свистя крыломъ,
Вьется надъ санями;
Воронъ каркаетъ: *печаль*!
Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ темну даль,
Подымая гривы;
Брезжетъ въ полѣ огонекъ;

Видѣнъ мирный уголокъ,
Хижинка подъ снѣгомъ.
Кони борзые быстрѣй,
Снѣгъ взрывая, прямо къ ней
Мчатся дружнымъ бѣгомъ.

Вотъ примчалися.... и вмигъ
Изъ очей пропали:
Кони, сани и женихъ
Будто не бывали.
Одинокая въ потьмахъ
Брошена отъ друга
Въ страшныхъ дѣвица мѣстахъ;
Вкругъ мятель и вьюга.
Возвратиться—слѣду нѣтъ....
Видѣнъ ей въ избушкѣ свѣтъ:
Вотъ перекрестилась;
Въ дверь съ молитвою стучитъ....
Дверь шатнулася.... скрыпитъ....
Тихо растворилась.

Что жъ?... Въ избушкѣ гробъ; накрытъ
Бѣлою запоной;
Спасовъ ликъ въ ногахъ стоитъ;
Свѣчка предъ иконой....
Ахъ! Свѣтлана, что съ тобой?
Въ чью зашла обитель?
Страшенъ хижины пустой
Безотвѣтный житель.
Входитъ съ трепетомъ, въ слезахъ;
Предъ иконой пала въ прахъ,
Спасу помолилась;
И съ крестомъ своимъ въ рукѣ,

Подъ Святыми въ уголкѣ
Робко притаилась.

Все утихло.... вьюги нѣтъ....
Слабо свѣчка тлится,
То прольетъ дрожащій свѣтъ,
То опять затмится....
Все въ глубокомъ мертвомъ снѣ,
Страшное молчанье....
Чу, Свѣтлана!... въ тишинѣ
Легкое журчанье....
Вотъ, глядитъ; къ ней въ уголокъ
Бѣлоснѣжный голубокъ
Съ свѣтлыми глазами,
Тихо вѣя, прилетѣлъ,
Къ ней на перси тихо сѣлъ,
Обнялъ ихъ крылами.

Смолкло все опять кругомъ....
Вотъ, Свѣтланѣ мнится,
Что подъ бѣлымъ полотномъ
Мертвый шевелится....
Сорвался покровъ; мертвецъ
(Ликъ мрачнѣе ночи)
Видѣнъ весь—на лбу вѣнецъ,
Затворены очи.
Вдругъ.... въ устахъ сомкнутыхъ стонъ;
Силится раздвинуть онъ
Руки охладѣлы....
Что же дѣвица?.. Дрожитъ....
Гибель близко.... но не спитъ
Голубочекъ бѣлый.

Встрепенулся, развернулъ

Легкія онъ крилы;
Къ мертвецу на грудь вспорхнулъ...,
Всей лишенный силы,
Простонавъ, заскрежеталъ
Страшно онъ зубами,
И на дѣву засверкалъ
Грозными очами....
Снова блѣдность на устахъ;
Въ закатившихся глазахъ
Смерть изобразилась....
Глядь, Свѣтлана.... о Творецъ!
Милый другъ ея—мертвецъ!
Ахъ!.. и пробудилась.

Гдѣ жъ?.. У зеркала. одна
Посреди свѣтлицы:
Въ тонкій занавѣсъ окна
Свѣтитъ лучъ денницы;
Шумнымъ бьетъ крыломъ пѣтухъ,
День встрѣчая пѣньемъ:
Все блеститъ... Свѣтланинъ духъ
Смутенъ сновидѣніемъ.
«Ахъ! ужасный; грозный сонъ!
Не добро вѣщаетъ онъ—
Горькую судьбину;
Тайный мракъ грядущихъ дней,
Что сулишь душѣ моей,
Радость иль кручину?»

Сѣла (тяжко ноетъ грудь)
Подъ окномъ Свѣтлана;
Изъ окна широкій путь
Видѣнъ сквозь тумана;

Снѣгъ на солнышкѣ блеститъ,
Паръ алѣетъ тонкій...
Чу!.. вдали пустой гремитъ
Колокольчикъ звонкій;
На дорогѣ снѣжный прахъ;
Мчатъ какъ будто на крылахъ,
Санки кони рьяны;
Ближе; вотъ ужъ у воротъ;
Статный гость къ крыльцу идетъ....
Кто?... Женихъ Свѣтланы.

Что же твой, Свѣтлана, сонъ,
Прорицатель муки?
Другъ съ тобой; все тотъ же онъ,
Въ опытѣ разлуки;
Та жъ любовь въ его очахъ,
Тѣ жъ пріятны взоры;
Тѣ жъ на сладостныхъ устахъ
Милы разговоры.
Отворяйся жъ, Божій храмъ;
Вы летите къ небесамъ,
Вѣрные обѣты;
Соберитесь, старъ и младъ;
Сдвинувъ звонки чаши, въ ладъ
Пойте: многи лѣты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
Въ ней большія чудеса,
Очень мало складу.
Взоромъ счастливый твоимъ,
Не хочу и славы;
Слава—насъ учили—дымъ;
Свѣтъ судья лукавый.

Вотъ баллады толкъ моей:
«Лучшій другъ намъ въ жизни сей
Вѣра въ Провидѣнье.
Благъ зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье—лживый сонъ;
Счастье—пробужденье.»
О! не знай сихъ страшныхъ сновъ
Ты, моя Свѣтлана.....
Будь, Создатель, ей покровъ?
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тѣнь
Къ ней да не коснется;
Въ ней душа какъ ясный день;
Ахъ! да пронесется
Мимо—бѣдствія рука;
Какъ пріятный ручейка
Блескъ на лонѣ луга,
Будь вся жизнь ея свѣтла,
Будь веселость, какъ была,
Дней ея подруга.

Торжество Побѣдителей.

Баллада (изъ Шиллера).

Палъ Пріамовъ градъ священный;
Грудой пепла сталъ Пергамъ;
И побѣдой насыщенны,
Къ острогрудымъ кораблямъ
Собрались Эллены—тризну
Въ честь минувшаго свершить,

И въ желанную отчизну,
Къ берегамъ Эллады плыть.

Пойте, пойте гимнъ согласной:
Корабли обращены
Отъ враждебной стороны
Къ нашей Греціи прекрасной.
Брегомъ шла толпа густая
Иліонскихъ дѣвъ и женъ:
Изъ отеческаго края
Ихъ вели въ далекій плѣнъ.
И съ побѣдной пѣснью дикой
Ихъ сливался тихій стонъ
По тебѣ, святой, великой,
Невозвратный Иліонъ.

Вы, родные холмы, нивы,
Намъ васъ болѣ не видать;
Будемъ въ рабствѣ увядать....
О, сколь мертвые счастливы!

И съ предвѣдѣньемъ во взглядѣ
Жертву самъ Калхасъ заклалъ:
Грады зиждущей Палладѣ
И губящей (онъ воззвалъ),
Буреносцу Посидону,
Воздымателю валовъ,
И носящему Горгону
Богу смертныхъ и боговъ!

Судъ оконченъ; споръ рѣшился;
Прекратилася борьба;
Все исполнила судьба:
Градъ великій сокрушился.

Царь народовъ, сынъ Атрея
Обозрѣлъ полковъ число:
Вслѣдъ за нимъ на брегъ Сигея
Много, много ихъ пришло....
И незапный мракъ печали
Отуманилъ царскій взглядъ:
Благороднѣйшіе пали....
Мало съ нимъ пойдетъ назадъ.

Счастливъ тотъ, кому сіянье
Бытія сохранено,
Тотъ, кому вкусить дано
Съ милой родиной свиданье!

И не всякій насладится
Миромъ, въ свой пришедши домъ:
Часто злобный ковъ таится
За домашнимъ алтаремъ;
Часто Марсомъ пощаженный
Погибаетъ отъ друзей,
(Рекъ, Палладой вдохновенный,
Хитроумный Одиссей).
Счастливъ тотъ, чей домъ украшенъ
Скромной вѣрностью жены!
Жены алчутъ новизны:
Постоянный миръ имъ страшенъ.

И стоящій близъ Елены
Менелай тогда сказалъ:
Плодъ губительный измѣны
Ею самъ измѣнникъ палъ;
И погибъ виной Парида

Отягченный Иліонъ....
Неизбѣженъ судъ Кронида,
Все блюдетъ съ Олимпа онъ.

Злому злой конецъ бываетъ:
Гибнетъ жертвой Эвменидъ,
Кто безумно, какъ Паридъ,
Право гостя оскверняетъ.

Пусть веселый взоръ счастливыхъ
(Оилеевъ сынъ сказалъ)
Зритъ въ богахъ боговъ правдивыхъ;
Судъ ихъ часто слѣпъ бывалъ:
Сколькихъ бодрыхъ жизнь поблёкла!
Сколькихъ низкихъ рокъ щадитъ!....
Нѣтъ Великаго Патрокла:
Живъ презрительный Терситъ.

Смертный, царь Зевесъ Фортунѣ
Своенравный предалъ насъ:
Уловляй же быстрый часъ,
Не тревожа сердца втуне.

Лучшихъ бой похитилъ ярый!
Вѣчно памятенъ намъ будь,
Ты, мой братъ, ты, подъ удары
Поставлявшій твердо грудь,
Ты, который насъ, пожаромъ
Осажденныхъ, защитилъ....
Но коварнѣйшему даромъ
Щитъ и мечъ Ахилловъ былъ.

Миръ тебѣ во тмѣ Эрева!
Жизнь твою не врагъ отнялъ.

Ты своею силой палъ,
Жертва гибельнаго гнѣва.

О Ахиллъ! о мой родитель,
(Возгласилъ Неоптолемъ)
Быстрый міра посѣтитель,
Жребій лучшій взялъ ты въ немъ.
Жить въ любви племенъ дѣлами—
Благо первое земли;
Будемъ вѣчны именами
И сокрытые въ пыли!

Слава дней твоихъ нетлѣнна;
Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она:
Жизнь живущихъ не вѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна.

Смерть велитъ умолкнуть злобѣ:
(Діомедъ провозласилъ)
Слава Гектору во гробѣ!
Онъ краса Пергама былъ,
Онъ за край, гдѣ жили дѣды
Веледушно пролилъ кровь;
Побѣдившимъ—честь побѣды
Охранявшему—любовь!

Кто, на судъ явясь кровавый,
Славно палъ за отчій домъ:
Тотъ, почтенный и врагомъ,
Будетъ жить въ преданьяхъ славы.

Несторъ, жизнью убѣленный,
Нацѣдилъ вина фіялъ,
И Гекубѣ сокрушенной
Дружелюбно выпить далъ.

Пей страданій утоленье;
Добрый Вакховъ даръ вино:
И веселость и забвенье
Проливаетъ въ насъ оно.

Пей, страдалица! печали
Услаждаются виномъ:
Боги жалостные въ немъ
Подкрѣпленье сердцу дали.

Вспомни матерь Ніобею:
Что извѣдала она!
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена!
Но и съ нею, безотрадной,
Добрый Бакхъ нсдаромъ былъ:
Онъ струею виноградной
Вмигъ тоску въ ней усыпилъ.

Если грудь виномъ согрѣта,
И въ устахъ вино кипитъ:
Скорби наши быстро мчитъ
Ихъ смывающая Лета.

И вперила взоръ Кассандра,
Внявъ шепнувшимъ ей богамъ,
На пустынный брегъ Скамандра,
На дымящійся Пергамъ.
Все великое земное
Разлетается, какъ дымъ:
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадаетъ другимъ...

Смертный, Силѣ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи;
Спящій въ гробѣ, мирно спи:
Жизнью пользуйся, живущій.

Кубокъ.

Баллада (изъ Шиллера).

«Кто рыцарь ли знатный иль латникъ простой
«Въ ту бездну прыгнетъ съ вышины?
«Бросаю мой кубокъ туда золотой:
«Кто сыщетъ во тмѣ глубины
«Мой кубокъ и съ нимъ возвратится безвредно.
«Тому онъ и будетъ наградой побѣдной.»

Такъ царь возгласилъ и съ высокой скалы,
Висѣвшей надъ бездной морской,
Въ пучину бездонной, зіяющей мглы
Онъ бросилъ своей кубокъ златой.
«Кто, смѣлый, на подвигъ опасный рѣшится?
«Кто сыщетъ мой кубокъ и съ нимъ возвратится?»

Но рыцарь и латникъ недвижно стоятъ:
Молчанье—на вызовъ отвѣтъ;
Въ молчаніи на грозное море глядятъ:
За кубкомъ отважнаго нѣтъ.
И въ третій разъ царь возгласилъ громогласно:
«Отыщется ль смѣлый на подвигъ опасной?»

И всѣ безотвѣтны.... вдругъ пажъ молодой
Смиренно и дерзко впередъ;
Онъ снялъ епанчу, снялъ поясъ онъ свой;
Ихъ молча на землю кладетъ....

И дамы и рыцари мыслятъ, безгласны:
Ахъ! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?

И онъ подступаетъ къ наклону скалы,
И взоръ устремилъ въ глубину....
Изъ чрева пучины бѣжали валы,
Шумя и гремя, въ вышину;
И волны спирались и пѣна кипѣла:
Какъ будто гроза, наступая, ревѣла.

И воетъ и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ;
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ;
Пучина бунтуетъ, пучина клокочетъ...
Не море ль изъ моря извергнуться хочетъ?

И вдругъ, успокоясь, волненье легло;
И грозно изъ пѣны сѣдой
Разинулось черною щелью жерло;
И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощеннаго чрева;
И глубь застонала отъ грома и рева.

И онъ, упредя разъяренный приливъ,
Спасителя—Бога призвалъ,
И дрогнули зрители, всѣ возопивъ—
Ужъ юноша въ безднѣ пропалъ.
И бездна таинственно зѣвъ свой закрыла:
Его не спасетъ никакая ужъ сила.

Надъ бездной утихло.... въ ней глухо шумитъ....
И каждый, очей отвести

«Не смѣя отъ бездны, печально твердитъ:
«Красавецъ отважный, прости!»
Все тише и тише на днѣ ея воетъ....
И сердце у всѣхъ ожиданіемъ ноетъ.

«Хоть брось ты туда свой вѣнецъ золотой,
«Сказавъ: кто вѣнецъ возвратитъ,
«Тотъ съ нимъ и престолъ мой раздѣлитъ со мной!
«Меня твой престолъ не прельститъ.
«Того, что скрываетъ та бездна нѣмая,
«Ни чья здѣсь душа не раскажетъ живая.
«Не мало судовъ, закруженныхъ волной,
«Глотала ея глубина:
«Всѣ мелкой назадъ вылетали щепой
«Съ ея неприступнаго дна»....
Но слышится снова въ пучинѣ глубокой
Какъ будто роптанье грозы недалекой.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣщаясь съ огнемъ;
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ....
И брызнулъ потокъ съ оглушительнымъ ревомъ,
Извергнутый бездны зіяющимъ зѣвомъ.

Вдругъ.... что-то сквозь пѣну сѣдой глубины
Мелькнуло живой бѣлизной....
Мелькнула рука и плечо изъ волны....
И борется, споритъ съ волной....
И видятъ—весь берегъ потрясся отъ клича—
Онъ лѣвою правитъ, а въ правой добыча.

И долго дышалъ онъ, и тяжко дышалъ,
И Божій привѣтствовалъ свѣтъ....

И каждый съ весельемъ, онъ живъ! повторялъ.
«Чудеснѣе подвига нѣтъ!
«Изъ темнаго гроба, изъ пропасти влажной
«Спасъ душу живую красавецъ отважной.»

Онъ на берегъ вышелъ; онъ встрѣченъ толпой;
Къ царевымъ ногамъ онъ упалъ;
И кубокъ у ногъ положилъ золотой;
И дочери царь приказалъ:
Дать юношѣ кубокъ съ струей виноградной:
И въ сладость была для него та награда.
«Да здравствуетъ царь! Кто живетъ на землѣ,
Тотъ жизнью земной веселись!
Но страшно въ подземной таинственной мглѣ...
И смертный предъ Богомъ смирись:
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, Имъ мудро отъ насъ сокровенной.

«Стрѣлою стремглавъ полетѣлъ я туда...
И вдругъ мнѣ на встрѣчу потокъ;
Изъ трещины камня лилася вода,
И вихорь ужасный повлекъ
Меня въ глубину съ непонятною силой...
И страшно меня тамъ кружило и било.

«Но Богу молитву тогда я принесъ,
И Онъ мнѣ спасителемъ былъ:
Торчащій изъ мглы я увидѣлъ утесъ
И крѣпко его обхватилъ;
Висѣлъ тамъ и кубокъ на вѣтви коралла:
Въ бездонное влага его не умчала.

«И смутно все было въ низу подо мной
Въ пурпуровомъ сумракѣ тамъ;
Все спало для слуха въ той безднѣ глухой;
Но видѣлось страшно очамъ,
Какъ двигались въ ней безобразныя груды,
Морской глубины несказанныя чуды.

«Я видѣлъ, какъ въ черной пучинѣ кипятъ,
Въ громадный свиваяся клубъ:
И млатъ водяной, и уродливый скатъ;
И ужасъ морей однозубъ;
И смертью грозилъ мнѣ, зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гіена морская.

«И былъ я одинъ съ неизбѣжной судьбой,
Отъ взора людей далеко;
Одинъ межъ чудовищъ съ любящей душой,
Во чревѣ земли, глубоко
Подъ звукомъ живымъ человѣчьяго слова,
Межъ страшныхъ жильцевъ подземелья нѣмова

«И я содрогался... вдругъ слышу: ползетъ
Стоногое грозно изъ мглы,
И хочетъ схватить, и разинулся ротъ...
Я въ ужасѣ прочь отъ скалы!...
То было спасеньемъ: я схваченъ приливомъ
И выброшенъ вверхъ водомета порывомъ.»

Чудесенъ разсказъ показался царю:
«Мой кубокъ возьми золотой;
«Но съ нимъ я и перстень тебѣ подарю,
«Въ которомъ алмазъ дорогой,
«Когда ты на подвигъ отважишься снова
«И тайны всѣ дна перескажешь морскова».

То слыша, царевна съ волненьемъ въ груди,
Краснѣя, царю говоритъ:
Довольно, родитель, его пощади!
Подобное кто совершитъ?
И если ужъ должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пэжа младова.

Но царь, не внимая, свой кубокъ златой
Въ пучину швырнулъ съ высоты:
«И будешь здѣсь рыцарь любимѣйшій мой,
«Когда съ нимъ воротишься, ты;
«И дочь моя, нынѣ твоя передо мною
«Заступница, будетъ твоею женою».

Въ немъ жизнью небесной душа зажжена;
Отважность сверкнула въ очахъ;
Онъ видитъ: краснѣетъ, блѣднѣетъ *она*;
Онъ видитъ: въ *ней* жалость и страхъ....
Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель онъ кинулся въ волны....

Утихнула бездна.... и снова шумитъ....
И пѣною снова полна....
И съ трепетомъ въ бездну царевна глядитъ....
И бьетъ за волною волна....
Приходитъ, уходитъ волна быстротечно:
А юноши нѣтъ и не будетъ ужъ вѣчно.

Перчатка.

Повѣсть (изъ Шиллера.)

Передъ своимъ звѣринцемъ,
Съ баронами, съ наслѣднымъ Принцемъ,

Король Франциск сидѣлъ;
Съ высокаго балкона онъ глядѣлъ
На поприще, сраженья ожидая;
За Королемъ, обворожая
Цвѣтущей прелестію взглядъ,
Придворныхъ дамъ являлся пышный рядъ.

Король далъ знакъ рукою—
Со стукомъ растворилась дверь:
И грозный звѣрь
Съ огромной головою,
Косматый левъ
Выходитъ;
Кругомъ глаза угрюмо водитъ;
И вотъ, все оглядѣвъ,
Наморщилъ лобъ съ осанкой горделивой,
Пошевелилъ густою гривой,
И легъ. Король опять рукой махнулъ—
Затворъ желѣзной двери грянулъ,
И смѣлый тигръ изъ-за рѣшетки прянулъ;
Но видитъ льва, робѣетъ и реветъ,
Себя хвостомъ по ребрамъ бьетъ,
И крадется, косяся взглядомъ,
И лижетъ морду языкомъ,
И, обошедши льва кругомъ,
Рычитъ и съ нимъ ложится рядомъ.
И въ третій разъ Король махнулъ рукой—
Два барса дружною четой
Въ одинъ прыжекъ надъ тигромъ очутились;
Но онъ ударъ имъ тяжкой лапой далъ,
А левъ съ рыканьемъ всталъ....
Они смирились,
Оскаливъ зубы, отошли,
И зарычали, и легли.

И гости ждутъ, чтобъ битва началася.
Вдругъ женская съ балкона сорвалася
Перчатка.... всѣ глядятъ за ней....
Она упала межъ звѣрей.
Тогда на рыцаря Делоржа съ лицемѣрной
И колкою улыбкою глядитъ
Его красавица и говоритъ:
«Когда меня, мой рыцарь вѣрной,
«Ты любишь такъ, какъ говоришь,
«Ты мнѣ перчатку возвратишь.»

Делоржъ, не отвѣчавъ ни слова,
Къ звѣрямъ идетъ,
Перчатку смѣло онъ беретъ,
И возвращается къ собранью снова.

У рыцарей и дамъ при дерзости такой
Отъ страха сердце помутилось;
А витязь молодой,
Какъ будто ничего съ нимъ не случилось,
Спокойно всходитъ на балконъ;
Рукоплесканьемъ встрѣченъ онъ;
Его привѣтствуютъ красавицины взгляды...
Но, холодно принявъ привѣтъ ея очей,
Въ лице перчатку ей
Онъ бросилъ, и сказалъ: не требую награды.

Гаральдъ.

Баллада (изъ Уланда).

Передъ дружиной на конѣ
Гаральдъ, боецъ сѣдой,
При свѣтѣ полныя луны,
Въѣзжаетъ въ лѣсъ густой.

Отбиты вражьи знамена
И вѣютъ и шумятъ,
И гуломъ пѣсней боевыхъ
Кругомъ холмы гудятъ.

Но что порхаетъ по кустамъ?
Что зыблется въ листахъ?
Что налетаетъ съ вышины,
И плещется въ волнахъ?

Что такъ ласкаетъ, такъ манитъ?
Что нѣжною рукою
Снимаетъ мечъ, съ коня влечетъ
И тянетъ за собой?

То Феи.... въ легкій хороводъ
Слетѣлись при лунѣ.
Спасенья нѣтъ; ужъ всѣ бойцы
Въ волшебной сторонѣ.

Лишь онъ, безстрашный вождь Гаральдъ,
Одинъ не побѣжденъ:
Въ нетлѣнный съ ногъ до головы
Булатъ закованъ онъ.

Пропали спутники его;
Тамъ брошенъ мечъ, тамъ щитъ,
Тамъ ржетъ осиротѣлый конь
И дико въ лѣсъ бѣжитъ.

И ѣдетъ сумрачно-унылъ
Гаральдъ, боецъ сѣдой,
При свѣтѣ полныя луны
Одинъ сквозь лѣсъ густой.

Но вотъ шумитъ, журчитъ ручей—
Гаральдъ съ коня спрыгнулъ,
И снялъ онъ шлемъ, и влаги имъ
Студеной зачерпнулъ.

Но только жажду утолилъ:
Вдругъ обезсилѣлъ онъ;
На камень сѣлъ, поникъ главой,
И погрузился въ сонъ.

И вѣки на утесѣ томъ,
Главу склоня, онъ спитъ:
Сѣдые кудри, борода;
У ногъ копье и щитъ.

Когда жъ гроза и молній блескъ,
И лѣсъ реветъ густой—
Сквозь сонъ хватается за мечь
Гаральдъ, боецъ сѣдой.—

А. С. Пушкинъ (род. 1799, ум. 1837.)

Свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился въ Москвѣ въ 1799 году. По отцу онъ происходилъ отъ старинаго рода бояръ Пушкиныхъ, по матери отъ негра, Абрама Петровича Ганнибала, любимца Петра I. Первоначальное воспитаніе Пушкина, ничѣмъ не отличавшееся отъ общепринятой въ дворянскихъ семьяхъ, системы, было великосвѣтское, французское. Подъ руководствомъ гувернеровъ-эмигрантовъ Пушкинъ училъ свои уроки по-французски и первые дѣтскіе опыты его авторства были на французскомъ языкѣ. Въ 1811 году Пушкинъ былъ помѣщенъ во вновь открытый Царско-сельскій Лицей, гдѣ пробылъ семь лѣтъ. Къ этому времени (1814—1817) относятся первые его опыты въ русскомъ стихотворствѣ, извѣстные подъ названіемъ *Лицей-*

скихъ стихотвореній. Первыми русскими стихотвореніями Пушкина считаются: Посланіе къ сестрѣ (1814), Къ другу стихотворцу, Кольна. Блаженство, Пирующіе друзья, Романсъ (Подъ вечеръ, осенью ненастной), Наполеонъ на Эльбѣ (1815), Сраженный рыцарь, Пѣздникъ, Пѣвецъ (1816), Мѣсяцъ, Осеннее утро, Окно и другъ. Во всѣхъ Лицейскихъ стихотвореніяхъ конечно нѣтъ и быть не могло ничего оригинальнаго. «Если разобрать стихотворенія трехъ годовъ, 1815 по 1818, и отдѣлить отъ нихъ подражанія Пушкина всѣмъ предшественникамъ,—Державину, Карамзину и Жуковскому,—остается еще большой отдѣлъ легкихъ, игривыхъ посланій, застольныхъ, вакхическихъ пѣсенъ, которыя видимо обязаны существованіемъ своимъ вліянію французскихъ, такъ называемыхъ, анакреонтическихъ писателей. Еще на скамьяхъ Лицея, Пушкинъ прочелъ всѣхъ корифеевъ этой поэзіи: Шолье, Шапеля, Берни, Грессе, Грекура и Парни—и первые его опыты связаны съ этими именами и съ тѣмъ родомъ произведеній, которымъ занимался отецъ его, Сергѣй Львовичъ. Стихотворенія 15 и 16-ти лѣтняго Пушкина были только продолженіемъ того рода домашней поэзіи, съ которымъ онъ познакомился у себя въ семействѣ. Не нужно пересчитывать многочисленныхъ произведеній этого отдѣла: они легко узнаются по притязаніямъ на остроуміе, по небрежности картинъ и самаго хода ихъ. Между ними есть даже Русская сказка: *Бова*, которая не смотря на простонародное свое названіе и на подражаніе Карамзину, сильно походитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и на сказочку Вуазенона. Правда, нѣкоторыя изъ нихъ уже выступаютъ изъ ряда холодныхъ, внѣшне-эфектныхъ и остроумныхъ произведеній Французской поэзіи—именно тѣ, гдѣ особенно чувствуется вліяніе Батюшкова, какъ напримѣръ въ пьесахъ: *Гробъ Анакреона*, *Мечтитель* (*По небу крадется луна*) и во всѣхъ элегіяхъ Пушкина. Батюшковъ [1]) былъ первымъ

1) К. Н. Батюшковъ (1787—1855) выступилъ на литературное поприще въ одно время съ Жуковскимъ. Лучшія его стихотворенія—въ антологическомъ родѣ.

учителемъ Пушкина въ тонкомъ, эстетическомъ вкусѣ, въ искусствѣ облекать самые смѣлые порывы фантазіи въ граціозные образы и совершенствомъ формы смягчать рѣзкость представленія. Пушкинъ признавалъ себя ученикомъ Жуковскаго, но общее впечатлѣніе, производимое его юношескими опытами, заставляетъ перенесть это званіе и эту честь скорѣе на Батюшкова, чѣмъ на автора Людмилы. Пушкинъ высоко цѣнилъ даже сходство, какое могутъ представлять нѣкоторые изъ собственныхъ его стиховъ съ манерою Батюшкова. Разсказываютъ, что 1828 году онъ, по просьбѣ одного литератора въ Москвѣ, написалъ ему въ Альбомъ извѣстное свое стихотвореніе: Муза (Въ младенчествѣ моемъ она меня любила.) На вопросъ Литератора, почему пришло ему на умъ именно это стихотвореніе, Пушкинъ отвѣчалъ: «Я люблю его;—оно отзывается стихами Батюшкова.» (Матеріалы для Біографіи Пушкина).

По выходѣ изъ Лицея Пушкинъ тотчасъ вступилъ въ кругъ тогдашнихъ Литераторовъ и былъ принятъ членомъ въ Литературное общество, носившее названіе Арзамаса. Общество это составилось изъ противодѣйствія торжественности и неподвижности другаго Литературнаго общества, имѣвшаго названіе Бесѣды любителей Россійскаго слова. «Важность обстановки, похожей на засѣданіе, чѣмъ вообще отличалась бесѣда любителей, замѣнена была въ *Арзамасѣ* тономъ дружества и шутки. Нерасположеніе Любителей Россійскаго слова къ новымъ явленіямъ въ нашей Литературѣ, подали мысль Арзамасцамъ назвать своихъ участниковъ именами и словами, встрѣчающимися въ балладахъ Жуковскаго, которыя особенно не нравились тогда защитникамъ *серьозной* поэзіи и старыхъ формъ стихотворства.» Въ 1819 году Пушкинъ окончилъ свою первую поэму *Руслань и Людмила*. По содержанію своему поэма эта—неудачный опытъ воспроизведенія русскаго сказочнаго міра. Выведенные богатыри,—Руслань, Рогдай, Фа-

флавъ, волшебникъ Черноморъ и вообще вся завязка поэмы взяты не изъ богатырскихъ былинъ, а сочинены въ духѣ западнаго романтизма. Историческая дѣйствительность разукрашена вымышленными подробностями, не имѣющими никакого отношенія къ Русской жизни. Въ свое время Руслань и Людмила принята была публикою съ восторгомъ, особенно благодаря своей легкой формѣ и роскошнымъ описаніямъ. При второмъ изданіи своей поэмы (въ 1828 году) Пушкинъ помѣстилъ Прологъ, который, по художественному воспроизведенію сказочныхъ чертъ, справедливо ставится выше всей поэмы

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ:
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ на право—пѣснь заводитъ,
На лѣво—сказку говоритъ. [1]
Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ;
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ,
Тамъ на невиданныхъ дорожкахъ
Слѣды невѣдомыхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ безъ дверей; [2]
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ

1) Въ сказкѣ, записанной Пушкинымъ со словъ своей няни, Арины Родіоновны разсказывается о чудесномъ дубѣ: «У моря Лукоморья стоитъ дубъ, и на томъ дубѣ золотыя цѣпи и по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ, вверхъ идетъ—сказки сказываетъ, внизъ идетъ—пѣсни поетъ.»

2) Избушка на курьихъ ножкахъ — обычное сказочное описаніе жилища Бабы-Яги.

И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ передъ народомъ
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря:
Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служитъ; [3]
Тамъ ступа съ бабою-ягой
Идетъ—бредетъ сама собой;
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ:
Тамъ Русской духъ... тамъ Русью пахнетъ! [4]
И тамъ я былъ, и медъ я пилъ; [5]
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ; и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ.
Одну я помню; сказку эту
Повѣдаю теперь я свѣту....

Въ 1820 году въ жизни Пушкина произошло событіе, которое ускорило его развитіе, какъ поэта. Удаленный изъ Петербурга, отъ шумнаго, свѣтскаго общества, на Югъ Россіи Пушкинъ имѣлъ болѣе времени взглянуть серьозно на свое Призваніе. Четыре года, проведенные имъ на Кавказѣ, въ Крыму, Одессѣ, Кишиневѣ, ознаменовались рядомъ превосходныхъ лирическихъ произведеній и поэмъ.

Къ числу первыхъ принадлежатъ: Элегія (Погасло дневное

---

3) Лубочная сказка объ Иванѣ Царевичѣ, Жаръ-птицѣ и сѣромъ волкѣ. (Народ. Рус. ск. Аѳанасьева, т. VI.)

4) При встрѣчѣ съ героями сказокъ или почуя присутствіе скрытаго человѣка, Баба-Яга, или Кощей обыкновенно произносятъ слова: «что это русскимъ духомъ пахнетъ!»

5) Обычныя эпическія выраженія, которыми заканчиваются народныя сказки: я тамъ былъ, медъ—пиво пилъ, по усамъ (бородѣ) текло, въ ротъ не попало, или просто: «и стали себѣ жить да поживать, да добра наживать.»

свѣтило), два посланія къ Чаадаеву (1820—1821), Къ Овидію (1821), Наполеонъ (1821), Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ (1822), Элегія (Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты), Къ морю (1824),

Въ Элегіи (Погасло дневное свѣтило), не смотря на видимое подражаніе Байрону, есть черты автобіографическія:

Погасло дневное свѣтило;
На море синее вечерній палъ туманъ.
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!
Я вижу берегъ отдаленный,
Земли полуденной волшебные края:
Съ волненьемъ и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаніемъ упоенный....
И чувствую: въ очахъ родились слезы вновь;
Душа кипитъ и замираетъ;
Мечта знакомая вокругъ меня летаетъ:
Я вспомнилъ прежнихъ лѣтъ безумную любовь,
И все, чѣмъ я страдалъ, и все, что сердцу мило,
Желаній и надеждъ томительный обманъ...
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!
Лети корабль, неси меня къ предѣламъ дальнимъ
По грозной прихоти обманчивыхъ морей,
Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей,
Страны, гдѣ пламенемъ страстей
Впервые чувства разгарались,
Гдѣ Музы нѣжныя мнѣ тайно улыбались,
Гдѣ рано въ буряхъ отцвѣла
Моя потерянная младость,
Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость
И сердце хладное страданью предала.
Искатель новыхъ впечатлѣній,

Я васъ бѣжалъ, отечески края,
Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперстницы порочныхъ заблужденій,
Которымъ безъ любви я жертвовалъ собой,
Покоемъ, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, измѣнницы младыя,
Подруги тайныя моей весны златыя,
И вы забыты мной... Но прежнихъ сердца ранъ,
Глубокихъ ранъ любви, ничто не излечило...
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!...

Въ одномъ изъ посланій къ Чаадаеву (1821) Пушкинъ разсказываетъ о совершившемся въ немъ нравственномъ переворотѣ, о своихъ занятіяхъ и новыхъ цѣляхъ:

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ,
Гдѣ прахъ Овидіевъ пустынный мой сосѣдъ,
Гдѣ слава для меня предметъ заботы малой,
Тебя не достанетъ душѣ моей усталой.
Врагу стѣснительныхъ условій и оковъ,
Нетрудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ,
Гдѣ праздный умъ блеститъ, тогда какъ сердце дремлетъ
И правды пылкую приличій хладъ объемлетъ.
Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ;
Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденья,
Враговъ моихъ предалъ проклятію забвенья,
И, сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плену,
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Познялъ и тихій трудъ, и жажду размышленій.
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ:
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;

Ищу вознаградить, въ объятіяхъ свободы,
Мятежной младостью утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.

Изъ поэмъ къ указанному выше періоду жизни Пушкина относятся: Кавказскій плѣнникъ (1821), Бахчисарайскій фонтанъ (1822), Братья разбойники (1822), Цыганы (1824).

Съ 1824 по 1826 годъ Пушкинъ жилъ въ своемъ родномъ селѣ Михайловскомъ, Псковской губерніи. Лирическія стихотворенія этого времени: Элегія (Подъ небомъ голубымъ страны своей родной), Подражаніе Корану, Я помню чудное мгновенье, 19 Октября, Андрей Шенье и друг.—Еще въ бытность свою на югѣ Россіи Пушкинъ началъ свой романъ *Евгеній Онѣгинъ*. Первыя двѣ главы Онѣгина кончены въ Одессѣ въ 1823, третья начата тамъ же въ 1824 году. Въ Михайловскомъ Пушкинъ кончилъ третью главу и написалъ 4, 5 и 6-ю, которую заключилъ прощаньемъ съ молодостью:

Такъ полдень мой насталъ, и нужно
Мнѣ въ томъ сознаться, вижу я.
Но, такъ и быть, простимся дружно,
О юность легкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милыя мученья,
За шумъ, за бури, за пиры,
За всѣ, за всѣ твои дары:
Благодарю тебя! Тобою,
Среди тревогъ и въ тишинѣ,
Я насладился.... и вполнѣ;
Довольно! Съ ясною душою
Пускаюсь нынѣ въ новый путь
Отъ жизни прошлой отдохнуть.—

Послѣднія главы Онѣгина написаны позднѣе: седьмая въ 1827 г., а осьмая въ 1831 году. Такимъ образомъ Онѣгинъ писался въ продолженіи 8 лѣтъ. Передадимъ вкратцѣ содержаніе романа «Евгеній Онѣгинъ» и опредѣлимъ характеръ Пушкинскаго героя.

Глава *Первая* содержитъ въ себѣ характеристику воспитанія Евгенія Онѣгина и его образа жизни. О воспитаніи своего героя Пушкинъ говоритъ:

Служивъ отлично благородно,
Долгами жилъ его отецъ,
Давалъ три бала ежегодно,
И промотался наконецъ.
Судьба Евгенія хранила:
Сперва madame за нимъ ходила,
Потомъ monsieur ее смѣнилъ.
Ребенокъ былъ рѣзовъ, но милъ.
Monsieur l'AbÞé, Французъ убогой,
Чтобъ не измучилось дитя,
Училъ его всему шутя,
Не докучалъ моралью строгой,
Слегка за шалости бранилъ,
И въ лѣтній садъ гулять водилъ.
Когда же юности мятежной
Пришла Евгенію пора,
Пора надеждъ и грусти нѣжной,
Monsieur прогнали со двора.
Вотъ мой Онѣгинъ на свободѣ;
Остриженъ по послѣдней модѣ;
Какъ dandy Лондонскій одѣтъ,
И наконецъ увидѣлъ свѣтъ.
Онъ по-французски совершенно
Могъ изъясняться и писалъ,
Легко мазурку танцовалъ,

И кланялся не принужденно:
Чего-жъ вамъ больше? Свѣтъ рѣшилъ,
Что онъ уменъ и оченъ милъ.
Мы всѣ учились понемногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь:
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ не мудрено блеснуть.
Онѣгинъ былъ, по мнѣнью многихъ
(Судей рѣшительныхъ и строгихъ),
Ученый малый, но педантъ:
Имѣлъ онъ счастливый талантъ,
Безъ принужденья въ разговорѣ
Коснуться до всего слегка;
Съ ученымъ видомъ знатока
Хранить молчанье въ важномъ спорѣ,
И возбуждать улыбку дамъ
Огнемъ нежданныхъ эпиграмъ.
Латынь изъ моды вышла нынѣ:
Такъ, если правду вамъ сказать,
Онъ зналъ довольно по-латынѣ,
Чтобъ эпиграфы разбирать,
Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить vale,
Да помнилъ, хоть не безъ грѣха,
Изъ Энеиды два стиха.
Онъ рыться не имѣлъ охоты
Въ хронологической пыли
Бытописанія земли;
Но дней минувшихъ анекдоты,
Отъ Ромула до нашихъ дней,
Хранилъ онъ въ памяти своей.
Высокой страсти не имѣя
Для звуковъ жизни не щадить.

Не могъ онъ ямба отъ хорея,
Какъ мы ни бились, отличить;
Бранилъ Гомера, Ѳеокрита;
За то читалъ Адама Смита,
И былъ глубокій экономъ,
То есть, умѣлъ судить о томъ,
Какъ государство богатѣетъ,
И чѣмъ живетъ, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продуктъ имѣетъ.
Отецъ понять его не могъ,
И земли отдавалъ въ залогъ.
Всего, что зналъ еще Евгеній,
Пересказать мнѣ недосугъ:
Но въ чемъ онъ истинный былъ геній,
Что зналъ онъ тверже всѣхъ наукъ,
Что было для него измлада
И трудъ, и мука, и отрада,
Что занимало цѣлый день
Его тоскующую лѣнь,—
Была наука страсти нѣжной,
Которую воспѣлъ Назонъ,
За что страдальцемъ кончилъ онъ
Свой вѣкъ блестящій и мятежной
Въ Молдавіи, въ глуши степей,
Вдали Италіи своей.

Слѣдовательно, воспитаніе Онѣгина было самое поверхностное. Оно не дало ему ни широкаго умственнаго развитія, ни знаній, было совершенно подъ стать общему уровню образованности великосвѣтскаго общества. Всего по немногу и ничего въ сущности—вотъ главный характеръ подобнаго воспитанія. Результатъ его сказался на всей послѣдующей жизни

Онѣгина: изъ него вышелъ человѣкъ *ни къ чему не способный*, не умѣющій взяться ни за какое дѣло. День Онѣгина проходилъ въ слѣдующемъ: «Съ утра къ нему несутъ приглашенья на балы; поздно вставъ, онъ гуляетъ на бульварѣ, ѣдетъ подъ вечеръ обѣдать къ модному ресторатору, гдѣ угощаетъ себя шампанскимъ, трюфлями, страсбургсимъ пирогомъ, и проч., потомъ отправляется въ балетъ; идетъ по ногамъ межъ креселъ, наводитъ двойной лорнетъ на ложи незнакомыхъ дамъ; потомъ, еще до конца представленія, онъ спѣшитъ домой, три часа одѣвается въ своемъ кабинетѣ, который украшенъ вмѣсто книгъ, духами въ граненномъ хрусталѣ, гребенками, пилочками, разными ножницами и щетками тридцати родовъ для зубовъ и для ногтей; подобный «Вѣтреной Венерѣ» въ мужскомъ нарядѣ, онъ скачетъ въ ямской каретѣ на балъ, откуда возвращается къ утру, ложится спать, когда Петербургъ ужъ пробужденъ барабаномъ—*и завтра тоже что вчера*».—Въ разсказъ о свѣтской жизни Онѣгина Пушкинъ вставляетъ цѣлыя строфы о самомъ себѣ, о своихъ театральныхъ воспоминаніяхъ. сознается, что и самъ онъ былъ отъ баловъ безъ ума, самъ платилъ дань увлеченіямъ. Передавъ въ ясныхъ чертахъ образъ жизни своего героя, Пушкинъ задаетъ вопросъ: «Былъ ли счастливъ мой Евгеній?» Отвѣтомъ служатъ слѣдующія строфы.

Нѣтъ: рано чувства въ немъ остыли;
Ему наскучилъ свѣта шумъ;
Красавицы не долго были
Предметъ его привычныхъ думъ;
Измѣны утомить успѣли;
Друзья и дружба надоѣли,
За тѣмъ, что не всегда же могъ
Beef-steaks и Страсбургскій пирогъ
Шампанской обливать бутылкой
И сыпать острыя слова,

Когда болѣла голова;
И хотя онъ былъ повѣса пылкой,
Но разлюбилъ онъ наконецъ
И брань, и саблю, и свинецъ.
Недугъ, котораго причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный Англійскому *сплину*,
Короче—Русская *хандра*
Имъ овладѣла по немногу.
Онъ застрѣлиться, слава Богу,
Попробовать не захотѣлъ,
Но къ жизни вовсе охладѣлъ.
Какъ Child-Harold, угрюмый, томный,
Въ гостиныхъ появлялся онъ;
Ни сплетни свѣта, ни бостонъ,
Ни милый взглядъ, ни вздохъ нескромный,
Ничто не трогало его,
Не замѣчалъ онъ ничего.
Отступникъ бурныхъ наслажденій,
Онѣгинъ дома заперся,
Зѣвая за перо взялся,
Хотѣлъ писать: но трудъ упорный
Ему былъ тошенъ; ничего
Не вышло изъ пера его,
И не попалъ онъ въ цехъ задорный
Людей, о коихъ не сужу,
За тѣмъ, что къ нимъ принадлежу.
И снова, преданный бездѣлью,
Томясь душевной пустотой,
Усѣлся онъ съ похвальной цѣлью
Себѣ присвоить умъ чужой,
Отрядомъ книгъ уставилъ полку,
Читалъ, читалъ, а все безъ толку:

Тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ;
Въ томъ совѣсти, въ томъ смысла нѣтъ;
На всѣхъ различныя вериги;
И устарѣла старина,
И старымъ бредитъ новизна.
Какъ женщинъ, онъ оставилъ книги,
И полку, съ пыльной ихъ семьей,
Задернулъ траурной тафтой.
Условій свѣта свергнувъ бремя,
Какъ онъ, отставъ отъ суеты,
Съ нимъ подружился и въ то время.
Мнѣ нравились его черты,
Мечтамъ невольная преданность,
Неподражительная странность
И рѣзкій, охлажденный умъ.
Я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ;
Страстей игру мы знали оба:
Томила жизнь обоихъ насъ;
Въ обоихъ сердца жаръ погасъ;
Обоихъ ожидала злоба
Слѣпой фортуны и людей
На самомъ утрѣ нашихъ дней.

Объясненіе хандры Онѣгина нужно искать въ его воспитаніи и въ направленіи всей жизни. Съ рожденія Евгенію Онѣгину предоставлена была возможность *ни чего не дѣлать*, жить безъ труда, безъ опредѣленныхъ занятій. Воспитаніе и жизнь дали ему одинъ внѣшній лоскъ, сдѣлали изъ него великосвѣтскаго франта. Но среди шумной жизни, Онѣгинъ успѣлъ нахватать разныхъ современныхъ идей и въ немъ смутно забродила потребность иной жизни, болѣе разумной, но *какой именно* онъ самъ опредѣлить не могъ, не въ состояніи. Разныя попытки дѣлаетъ онъ выйдти изъ великосвѣтской колеи, но все это не приводитъ ни къ чему. Онъ

принимается за перо,—но о чемъ же онъ въ состояніи писать? Безъ всякой серьозной подготовки, безъ всякой выдержки къ труду конечно—«ничего не вышло изъ пера его». Онъ принимается читать,—«читалъ, читалъ, а все безъ толку». Чтеніе, если только человѣкъ приступаетъ къ нему съ извѣстною цѣлью, а не для пустой забавы, есть также серьозный трудъ Чтобы читать съ пользой, чтобы изъ чтенія вышелъ результатъ, нужна систематическая подготовка, извѣстная развитость. Кто не можетъ самостоятельно переварить читанное, для того книга безполезна: вычитанное для читающаго пассивно никогда не претворится въ личное убѣжденіе, а такъ и останется чужимъ. Онѣгинъ рѣшилъ относительно книгъ: «тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ, въ томъ совѣсти, въ томъ смысла нѣтъ». Этотъ приговоръ съ плеча—лучшая характеристика Онѣгина: Полуобразованность, неспособность къ умственному труду, и при всемъ этомъ неопредѣленное стремленіе къ чему то болѣе разумному—типическія черты въ изображеніи Онѣгина. Въ лицѣ его представлена русская «*образованная публика*» страдающая немощью и пассивностью. Все что на западѣ совершалось органическимъ путемъ, путемъ правильнаго развитія, то въ русскомъ обществѣ, вслѣдствіе полуобразованности, отражалось въ карикатурѣ. На западѣ идеи вырабатывались, переживались—въ русскомъ обществѣ принимались изъ одного подраженія, напускались. Судьбу русскаго просвѣщенія Пушкинъ охарактеризовалъ превосходно словами:

Намъ просвѣщенье не пристало,
И намъ осталось отъ него
Жеманство, больше ничего.

Говоря о своемъ героѣ поэтъ спрашиваетъ:

Что жъ онъ? ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, или еще

Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чуждыхъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексисонъ?...
Ужь не парадія ли онъ? (Гл. VII).

Пушкину ставятъ въ вину его мягкое отношеніе къ своему герою, укоряютъ за чѣмъ поэтъ не предалъ Онѣгина рѣшительному посмѣянію. Но Евгеній Онѣгинъ такъ близокъ русскому обществу, а слѣдовательно и самому поэту, что обличеніе его было бы самообличеніемъ. Довольно и того, что Пушкинъ общею характеристикою русскаго полуобразованія установилъ вѣрный взглядъ на своего героя.

Глава II. Онѣгинъ живетъ въ деревнѣ нелюдимомъ и сводитъ знакомство только съ молодымъ мечтателемъ, романтикомъ, Ленскимъ. Описавъ характеръ Ленскаго, Пушкинъ знакомитъ читателя съ красавицею Ольгою, въ которую влюбленъ былъ этотъ юноша, но съ бо̀льшимъ сочувствіемъ описываетъ сестру Ольги, задумчивую Татьяну. Обѣ дѣвушки принадлежали семейству Лариныхъ, жившему по сосѣдству, и поэтъ изображаетъ въ ихъ матери и въ отцѣ, который уже умеръ, обыкновенные типы помѣщиковъ стараго вѣка.

Глава III. Ленскій представляетъ Онѣгина въ домѣ Лариныхъ. Татьяна, едва въ первый разъ его увидѣла, вообразила его героемъ своего романа. Она уже влюблена и, не имѣя никого, кому бы повѣрить свое чувство, высказываетъ его ночью старушкѣ нянѣ; она рѣшается писать письмо къ Онѣгину: Пушкинъ приводитъ въ переводѣ съ французскаго самое письмо и изображаетъ сердечную борьбу Татьяны. Она съ нетерпѣніемъ день, другой ждетъ отвѣта, наконецъ Онѣгинъ пріѣзжаетъ: Татьяна въ тревогѣ бѣжитъ въ садъ и тамъ неожиданно его встрѣчаетъ.

Глава IV. Пушкинъ разсказываетъ, какія думы волновали Онѣгина, когда онъ получилъ письмо, и передаетъ его объ-

ясненіе съ Татьяной. Онѣгинъ объявляетъ ей, что не созданъ для любви и брака; съ многими отступленіями, Пушкинъ далѣе говоритъ о страданіяхъ Татьяны, о мирной любви Ленскаго, о праздной жизни. Онѣгина Наступила зима, и оба пріятеля бесѣдуютъ передъ каминомъ. Ленскій уговариваетъ Онѣгина ѣхать къ Ларинымъ на имянины Татьяны.

Глава V. Поэтъ описываетъ зиму и гаданія о святкахъ, гаданіе Татьяны и видѣнный ею сонъ; потомъ идетъ разсказъ о томъ, какъ праздновали имянины въ домѣ Лариныхъ. Во время обѣда пріѣзжаетъ Ленскій съ Онѣгинымъ; Татьяна въ сильномъ смущеніи; Онѣгинъ досадуетъ на друга, что онъ зазвалъ его съ собою, и рѣшается отомстить ему. Когда начался балъ, онъ приглашаетъ на танцы одну Ольгу и завлекаетъ ее своею бесѣдой; взбѣшенный Ленскій уѣзжаетъ въ твердомъ намѣреніи вызвать Онѣгина на дуэль.

Глава VI. Описавъ окончаніе праздника, Пушкинъ переходитъ къ изображенію стараго гуляки Зарѣцкаго, котораго Ленскій посылаетъ къ Онѣгину съ вызовомъ на дуэль. Далѣе представлены: мысли Онѣгина при полученіи вызова, думы Ленскаго передъ дуэлью, его послѣднее свиданіе съ Ольгой и послѣдніе стихи. Дуэль окончилась смертью Ленскаго, Поэтъ высказываетъ свое сожалѣніе о смерти юноши и оканчиваетъ главу прощаньемъ съ своею молодостью.

Глава VII. Наступила весна. Поэтъ еще останавливается въ своихъ думахъ надъ могилой Ленскаго. Къ ней ходятъ обѣ сестры помечтать и поплакать; но Ольга скоро увлеклась уланомъ и вышла за него замужъ. Татьяна осталась одна въ дому; полна прежней тоски, она посѣщаетъ опустѣвшую усадьбу Онѣгина, который, убивъ друга, отправился странствовать; въ его кабинетѣ она перебираетъ книги, имъ читанныя, и старается по отмѣткамъ, сдѣланнымъ на нихъ рукою Онѣгина, разгадать его характеръ. Мать, замѣчая ея грусть, торопится ее выдать замужъ и, по совѣту сосѣдей,

везетъ ее въ Москву, «на ярмарку невѣстъ». Далѣе, Пушкинъ говоритъ о Москвѣ, о томъ, какъ Татьяну привезли къ старой теткѣ, какъ ее вывозили въ свѣтѣ на показъ и какъ наконецъ на нее обратилъ вниманіе старый генералъ.

Глава VIII. Перебравъ въ воспоминаніи предметы своихъ прежнихъ стихотвореній, Пушкинъ выводитъ Музу на свѣтскій раутъ. Онѣгинъ съ прежней хандрой появляется въ высшемъ петербургскомъ обществѣ и вдругъ встрѣчаетъ Татьяну: она княгиня, вполнѣ усвоившая себѣ свѣтскій тонъ. Онѣгинъ пораженъ ея неприступностью и величавостью, и въ свою очередь въ нее влюбляется. Какъ старый знакомый ея мужа, онъ усердно ѣздитъ къ ней въ домъ; но Татьяна холодна и недоступна. Онъ пишетъ страстныя письма: нѣтъ отвѣта; съ горя принимается за чтеніе; по мысли не вяжутся въ головѣ. Наконецъ онъ вновь къ ней ѣдетъ, и войдя безъ докладу, застаетъ ее одну, въ слезахъ, надъ его письмомъ. Слѣдуетъ сцена объясненій. Татьяна упрекаетъ Онѣгина за прежнюю холодность и за теперешнія ухаживанія, говоритъ о своемъ долгѣ—и уходитъ. Входитъ мужъ Татьяны—и на этомъ кончается романъ.

Въ одно время съ созданіями III—VI главы Евгенія Онѣгина, въ селѣ Михаиловскомъ, Пушкинъ задумалъ другое свое капитальное произведеніе, драму Борисъ Годуновъ (1825). Пушкинъ думалъ одно время предпослать своей драмѣ обстоятельное введеніе, въ которомъ хотѣлъ изложить свое мнѣніе о драмѣ и объ источникахъ, какими онъ пользовался. Предположеніе это не состоялось. Сохранились лишь два письма, на французскомъ языкѣ, которыя можно считать за программу предположеннаго предисловія. Приводимъ отрывокъ изъ одного письма: «Вотъ моя трагедія, если уже вы настоятельно того хотите, но прежде всего требую, чтобы вы пробѣжали послѣдній томъ Карамзина.... Она исполнена шутокъ и тонкихъ намековъ, относящихся къ исторіи того времени. Надо

умѣть понимать ихъ—sine qua non... По примѣру Шекспира, я ограничился изображеніемъ эпохъ и лицъ историческихъ, не гоняясь за сценическими эффектами, романическими вспышками и проч. Стиль ея вышелъ смѣшанный. Онъ пошлъ и низокъ тамъ, гдѣ мнѣ приходилось выводить грубыя и пошлыя лица. Не безъ удовольствія думалъ я сперва о трагедіи *безъ любви*; но кромѣ того, что любовь составляла существенную часть романическаго и страстнаго характера моего пройдохи, но Лже-Димитрій еще влюбляется у меня въ Марину; я принужденъ былъ допустить это изъ желанія выказать сильнѣе странный характеръ послѣдней. Карамзинъ собственно только дотронулся до нея. Конечно, это была изъ хорошенькихъ женщинъ—самая странная. Въ жизнь свою она имѣла одну страсть—честолюбіе, но въ степени энергіи, бѣшенства, какую трудно и представить себѣ. Посмотрите, какъ она борется съ войной, нищетой, позоромъ и, въ то же время, сносится съ Польскимъ королемъ, какъ будто равная съ равнымъ и, наконецъ, постыдно кончаетъ самое бурное, самое необыкновенное существованіе. Она является только два раза, но я возвращусь къ ней, если продлятся дни мои. Она возмущаетъ меня какъ страсть. *Гаврила Пушкинъ*—мой предокъ. Я изобразилъ его какъ нашелъ въ исторіи и въ бумагахъ моей фамиліи. Онъ обладалъ большими способностями, будучи въ одно время и искуснымъ военнымъ и придворнымъ человѣкомъ. Вмѣстѣ съ Плещеевымъ онъ былъ первый, очистившій путь Самозванцу своей неслыханной дерзостью. Мы находимъ его потомъ въ Москвѣ въ числѣ 7-ми начальниковъ, защищавшихъ ее въ 1612 году; въ 1616 въ Думѣ, рядомъ съ Козьмой Мининымъ, потомъ воеводой въ Нижнемъ, наконецъ посланникомъ. Онъ былъ всѣмъ. Я также намѣренъ возвратиться къ Шуйскому. Онъ представляетъ въ исторіи странное смѣшеніе дерзости, изворотливости и силы характера. Слуга Годунова, онъ одинъ изъ

первыхъ переходитъ на сторону Димитрія, первый начинаетъ заговоръ и, замѣтьте, онъ же первый и старается воспользоваться сумятицею, кричитъ, обвиняетъ, изъ начальника дѣлается сорванцемъ. Онъ уже близокъ къ казни, но Димитрій даетъ ему помилованіе, изгоняетъ его и снова возвращаетъ ко двору своему, осыпая честью и щедротами. И что же дѣлаетъ Шуйскій, уже стоявшій разъ подъ топоромъ? Тотчасъ же принимается за новый заговоръ, успѣваетъ, захватываетъ престолъ, падаетъ и въ паденіи своемъ уже показываетъ болѣе достоинства и душевной силы, чѣмъ въ продолженіи всей своей жизни [1]).

Драма Пушкина *Борисъ Годуновъ*, состоящая изъ 24 сценъ, обнимаетъ время отъ 1598 до 1605 года, отъ избранія Годунова до его смерти. Въ основу своей драмы Пушкинъ положилъ Исторію Государства Россійскаго Карамзина и лѣтописные разсказы, приведенные Карамзинымъ въ примѣчаніяхъ къ тексту Исторіи.

Къ числу отдѣльныхъ сценъ, заимствованныхъ изъ лѣтописныхъ сказаній, относятся: 1) Избраніе Годунова, какъ народъ плачетъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, самъ путемъ не зная о чемъ—изъ лѣтописнаго сказанія о Самозванцахъ, помѣщеннаго въ Хронографахъ. 2) Сцена въ Кремлевскихъ палатахъ объ обѣтахъ Бориса предъ лицемъ Патріарха и бояръ—согласно съ сказаніемъ Авраамія Палицына. 3) Разсказъ Пимена объ убіеніи Димитрія—по Морозовской лѣтописи (Ист. Госуд. Рос. Т. X. стр. 232). 4) Разсказъ Игумена Чудовскаго монастыря о первоначальной жизни Гришки Отрепьева—согласенъ съ сказаніями, занесенными въ Хронографы. 5) Сцена въ кормчѣ на Литовской границѣ—изъ Повѣсти еже содѣяся въ царствующемъ градѣ Москвѣ и о Растригѣ Гриш-

1) Матеріалы для біографіи Пушкина.

ки Отрепьевѣ и о похожденіи его [1]). 6) Молитва Царя Бориса, помѣщаемая въ Хинографахъ и въ сборникахъ, взята изъ извлеченія Карамзина. 7) Битва близь Новгорода Сѣверскаго, сцена въ Сѣвскѣ, чтеніе грамоты Самозванца на Лобномъ мѣстѣ—изъ Исторіи Карамзина.

Еще болѣе, чѣмъ въ отдѣльныхъ сценахъ, сказалось вліяніе Карамзина въ воспроизведеніи Пушкинымъ характера Бориса Годунова. Взглядъ Карамзина на Годунова отличается нравственными тенденціями. Въ судьбѣ Бориса историкъ видѣлъ осуществленіе нравственнаго неуклоннаго правосудія, покоравшаго царственнаго убійцу. II-я глава 11 тома Исторіи Карамзина представляетъ въ художественной формѣ развитіе мысли о возмездіи. Всѣ факты, всѣ частныя подробности сгруппированы такъ, что читатель съ восшествія Бориса на престолъ до его смерти видитъ постоянное осуществленіе небесной кары. Допустивъ, что Борисъ убійца Димитрія, Карамзинъ развилъ внутренній смыслъ Борисова царствованія съ нравственной точки зрѣнія. Достигнувъ престола злодѣяніемъ, Борисъ не могъ царствовать спокойно, его терзала, мучила мысль о совершенномъ преступленіи. Въ злодѣяніи, какъ въ зародышѣ,—вся дальнѣйшая судьба Бориса, въ немъ и чрезъ него его наказаніе. «Внутреннее безпокойство души, говоритъ Карамзинъ, неизбѣжное для преступника, обнаружи-

---

1) Приводимъ отрывокъ изъ указанной повѣсти, относящійся къ драмѣ: «И внидоша (т. е. Гришка, Михаилъ и Варлаамъ) въ нѣкую весь близъ Литовскаго рубежа, и видятъ ту велій пространный путь, и воспрія ихъ въ домъ едина жена, и честно ихъ угостивъ; и егда же сѣдяще за столомъ и вопросиша жену о пути, гдѣ сей пространный путь и въ кою страну прилежитъ? И глагола жена: путь сей господине, за рубежъ въ Луеву гору, и нынѣ на томъ пути заставы суть отъ Царя, не вѣмъ кто съ Москвы безъ вѣсти въ сія страны бѣгу ся ятъ, того ради во всей странѣ сей крѣпкія заставы сія. И тогда Гришка Отрепьевъ отъ страху яко мертвъ, Михаилъ же рече: Повѣждь намъ, о жено! гдѣ путь къ Чернигову прилежитъ? Мы бо Клирики суть, хочемъ помолитися тамъ, жена же имъ скоро путь показа и возвратися въ домъ свой».

лось въ Царѣ несчастными дѣйствіями подозрѣнія, которое, тревожа его, скоро встревожило и Россію». За подозрѣніемъ, родившимся изъ преступленія, слѣдовали казни, опалы, ссылки, на которыя Провидѣніе отвѣчало общественнымъ бѣдствіемъ: неслыханнымъ голодомъ. Борисъ открылъ житницы, но «*своими благодѣяніями не обольстилъ Россіянъ: ибо мысль, для него страшная, господствовала въ душахъ — мысль, что Небо за беззаконіе Царя казнитъ царство.*»—Общественное бѣдствіе было предвѣстіемъ казни и *для того, кто не вѣрилъ правосудію Божественному.* Опасность явилась не оттуда, откуда ждалъ ее Борисъ: не бояре задумали свергнуть его съ престола, но *какъ бы сверхъестественнымъ образомъ тѣнь Димитрія вышла изъ гроба, чтобы ужасомъ поразить, обезумить убійцу и привести въ смятеніе всю Россію.*—Внутреннее состояніе Бориса при первой вѣсти о Самозванцѣ Карамзинъ изображаетъ такъ: «одинъ Богъ видѣлъ, что происходило въ душѣ Годунова, когда онъ услышалъ сіе роковое имя!» Медленность Бориса, нерѣшительность мѣръ, припятыхъ противъ Самозванца, историкъ объясняетъ мучительнымъ волненіемъ души убійцы: «Борисъ не дерзалъ итти на встрѣчу къ Димитріевой тѣни».

Въ то время, когда полки шли на Самозванца, Борисъ мучился въ терзаніяхъ совѣсти, проявленіе которой онъ долженъ былъ скрывать и «можетъ быть только въ глазахъ вѣрной супруги обнаруживалъ сердце: казалъ ей кровавыя, глубокія раны, чтобы облегчить себя свободнымъ стенаніемъ». Внезапная смерть Бориса—послѣднее дѣйствіе небеснаго промысла. Въ Годуновѣ Карамзинъ видитъ умъ и притворную личину добродѣтели, которую онъ носилъ изъ одного разсчета. Властолюбіе—его преобладающая страсть, ради ея онъ готовъ отказаться отъ своихъ мудрыхъ государственныхъ правилъ, могъ сдѣлаться тираномъ своихъ подданныхъ.—Пуш-

кинъ совершенно усвоилъ себѣ взглядъ Карамзина. Вся драма проникнута одной идеею—*выставить кару, постигшую Бориса за совершенное имъ преступленіе*. Идея эта выражается въ разговорѣ Бояръ предъ избраніемъ Бориса, въ разсказѣ Пимена, въ монологахъ Царя, обнаруживающихъ терзанія совѣсти, въ угрозахъ Самозванца. Разсмотримъ сцены, въ которыхъ дѣйствующимъ лицемъ является Борисъ.

Въ сценѣ 7-й, въ царскихъ палатахъ,—первый монологъ Бориса (Достигъ я высшей власти), кончающійся сознаніемъ: «Да жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста».—Еще не объявилась вѣсть о Самозванцѣ, а Борисъ уже предчувствовалъ грозу, жалуется на судьбу, что ему нѣтъ счастія. Всѣ его благія мѣры обращаются въ ничто. Во время голода онъ отворилъ житницы народу, а народъ проклинаетъ его, умеръ нареченный женихъ дочери, народъ заподозрѣваетъ въ его смерти отца, умерла сестра Ирина—ее отравилъ братъ.

Подъ вліяніемъ таковаго народнаго приговора, Борисъ сознается, что онъ «отложилъ попеченіе щедротами любовь народную сыскать». Въ этой сценѣ Пушкинъ, воспроизводя приведенное выше разсужденіе Карамзина, имѣлъ цѣлью представить трагическое положеніе Бориса; но, къ сожалѣнію, поэтъ не выясняетъ причины, отъ чего нельзя было подкупить народное мнѣніе, отъ чего народъ не хотѣлъ и не вѣрилъ любви и доброжелательности Бориса.

Въ сценѣ 10-й Пушкинъ изображаетъ Бориса, какъ семьянина, и потомъ—въ тотъ моментъ, когда достигаетъ до него первая вѣсть о появленіи Самозванца. Съ грустнымъ чувствомъ, подъ бременемъ своей тайны, заговариваетъ Борисъ съ дочерью, потерявшей жениха:

Что, Ксенія? что, милая моя?
Въ невѣстахъ ужь печальная вдовица!
Все плачешь ты о мертвомъ женихѣ.
Дитя мое! судьба мнѣ не судила

Виновникомъ быть вашего блаженства.
Я, можетъ быть, прогнѣвалъ небеса,
Я счастіе твое не могъ устроить;
Безвинная! За чѣмъ же ты страдаешь!

Къ сыну, рисующему чертежъ земли Московской, Годуновъ обращается съ словами, оправдываемыми любовью Царя къ просвѣщенью:

Какъ хорошо! Вотъ сладкій плодъ ученья!
Какъ съ облаковъ ты можешь обозрѣть
Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки.
Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ
Намъ опыты быстротекущей жизни,
Когда нибудь, и скоро, можетъ быть,
Всѣ области, которыя ты нынѣ
Изобразилъ такъ хитро на бумагѣ,
Всѣ подъ руку достанутся твою.
Учись, мой сынъ, и легче и яснѣе
Державный трудъ ты будешь постигать.

Вслѣдъ за этими словами Бориса входитъ Семенъ Годуновъ, главный клевретъ и доносчикъ, и объявляетъ, что слуги Шуйскаго и Пушкина пришли съ доносомъ о томъ, что пріѣзжалъ тайный гонецъ изъ Кракова. Борисъ тотчасъ же распорядился послать за Шуйскимъ, но онъ является самъ и докладываетъ, что по дошедшимъ извѣстіямъ въ Краковѣ явился Самозванецъ. Борисъ спокойно принимаетъ эту новость, но когда Шуйскій прибавляетъ, что Самозванецъ принялъ имя Димитрія, Царь восклицаетъ:

Димитрія!... Какъ? этого младенца?
Димитрія!... Царевичъ удались.

Допрашивая съ волненіемъ Шуйскаго, Борисъ заставляетъ его сказать всю правду: точно ли убитъ Царевичъ Димитрій. По уходѣ Шуйскаго, Борисъ произноситъ слѣдующій монологъ:

Ухъ, тяжело!... дай духъ переведу!
Я чувствовалъ: вся кровь моя въ лице
Мнѣ кинулась и тяжко опускалась...
Такъ вотъ зачѣмъ тринадцать лѣтъ мнѣ сряду
Все снилося убитое дитя!
Да, да—вотъ что! теперь я понимаю.
Но кто же онъ, мой грозный супостатъ?
Кто на меня? пустое имя, тѣнь—
Уже ли тѣнь сорветъ съ меня порфиру,
Иль звукъ лишитъ дѣтей моихъ наслѣдства?
Безумецъ я! Чего жъ я испугался?
На призракъ сей подуй—и нѣтъ его.
Такъ рѣшено: не окажу я страха;
Но презирать не должно ничего...
Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

Рѣшимость, высказанная Борисомъ, продолжалась не долго. Онъ ослабѣлъ, упалъ духомъ. Въ сценѣ 16, въ царской думѣ, при словахъ Патріарха, совѣтующаго перенести въ Москву тѣло убитаго Царевича, Борисъ приходитъ въ крайнее смущеніе. Сцена 21-я, въ царскихъ палатахъ, занята разговоромъ Царя съ Басмановымъ и смертью Бориса. Басманову Борисъ открываетъ свое мнѣніе о народѣ и власти:

Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
Сдержать народъ. Такъ думалъ Іоаннъ,
Смиритель бурь, разумный Самодержецъ,
Такъ думалъ и его свирѣпый внукъ.
Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ:
Твори добро—не скажетъ онъ, спасибо;
Грабь и казни—тебѣ не будетъ хуже.

Готовясь къ смерти, Борисъ преподаетъ сыну науку царствовать. Во всѣхъ указанныхъ сценахъ видимъ одно преобладающее въ Борисѣ чувство, чувство раскаянія, внутренняго мученія. Подъ гнетомъ душевной тоски развивается въ Бо-

рисѣ подозрительность, формируется мрачный, деспотическій взглядъ на народъ. Вотъ двѣ стороны, изъ которыхъ послѣдняя въ зависимости отъ первой, Пушкинскаго Бориса Годунова. Сужденіе другихъ лицъ драмы дополняютъ понятіе о Борисѣ, какъ тиранѣ, и стоятъ въ противорѣчіи съ нѣжными изліяніями сердца, приписанными Борису историкомъ и слѣдовавшимъ за нимъ поэтомъ.

Въ первой сценѣ драмы, въ разговорѣ Воротынскаго съ Шуйскимъ, на замѣчаніе перваго, что, вѣроятно, Борису мѣшаетъ ступить на престолъ раскаяніе совѣсти, Шуйскій отвѣчаетъ:

Перешагнетъ; Борисъ не такъ-то робокъ!
Какая честь для насъ, для всей Руси!
Вчерашній рабъ, Татаринъ, зять Малюты!
Зять палача *и самъ въ душѣ палачъ*
Возметъ вѣнецъ и бармы Мономаха...

Въ девятой сценѣ, въ разговорѣ Шуйскаго съ Пушкинымъ по поводу первыхъ слуховъ о Самозванцѣ, Пушкинъ отвѣчаетъ на слова Шуйскаго, «что если вѣсть дойдетъ до народа, то быть грозѣ великой.»—

Такой грозѣ, что врядъ Царю Борису
Сдержать вѣнецъ на умной головѣ.
И подѣломъ ему: онъ правитъ нами,
Какъ Царь Иванъ (не къ ночи будь помянутъ).
Что пользы въ томъ, что явныхъ казней нѣтъ,
Что на полу кровавомъ всенародно
Мы не поемъ каноновъ Іисусу,
Что насъ не жгутъ на площади, а Царь
Своимъ жезломъ не подгрѣваетъ углей?
Увѣрены ли мы въ бѣдной жизни нашей!
Насъ каждый день опала ожидаетъ,
Тюрьма, Сибирь, клобукъ иль кандалы,
А тамъ въ глуши голодна смерть, иль петля.

Знатнѣйшіе межъ нами роды гдѣ?
Гдѣ Сицкіе Князья, гдѣ Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены въ изгнаньѣ.
Дай срокъ: тебѣ такая жъ будетъ участь!
Легко ль, скажи: мы дома, какъ Литвой,
Осаждены не вѣрными рабами:
Все языки, готовыя продать,
Правительствомъ подкупленные воры.
Зависимъ мы отъ перваго холопа,
Котораго захочемъ наказать.
Вотъ—Юрьевъ день задумалъ уничтожить.
Невластны мы въ помѣстіяхъ своихъ,
Не смѣй согнать лѣнивца! Радъ не радъ,
Корми его! Не смѣй переманить
Работника! Не то—въ Приказъ Холопій.
Ну, слыхано ль хоть при Царѣ Иванѣ
Такое зло? А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй Самозванецъ
Имъ посулить старинный Юрьевъ день,
Такъ и пойдетъ потѣха.

Изъ прочихъ лицъ драмы вѣрнымъ художественнымъ воспроизведеніемъ отличается изображеніе лѣтописца Пимена, Шуйскаго и Марины (въ сценѣ у фонтана). О Пименѣ Пушкинъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: «Характеръ Пимена не есть мое изобрѣтеніе. Въ немъ собралъ я черты, плѣнившія меня въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ, умилительная кротость, младенческое и вмѣстѣ мудрое простодушіе, набожное усердіе къ власти Царя, данной Богомъ, совершенное отсутствіе суетности, дышатъ въ сихъ драгоцѣнныхъ памятникахъ временъ давно-минувшихъ, между коими озлобленная лѣтопись Князя Курбскаго отличается отъ прочихъ лѣтописей, какъ бурная жизнь Іоаннова изгнанника отлича-

лась отъ смиренной жизни безмятежныхъ иноковъ. Мнѣ казалось, что сей характеръ вмѣстѣ новъ и знакомъ для Русскаго сердца; что трогательное добродушіе древнихъ лѣтописцевъ, столь постигнутое Карамзинымъ и отразившееся въ его безсмертномъ созданіи, украситъ простоту моихъ стиховъ и заслужитъ снисходительную улыбку читателей [1]).»

Въ селѣ Михайловскомъ, въ одно время съ указанными выше главами Онѣгина и съ драмою Борисъ Годуновъ, написаны Графъ Нулинъ и Египетскія ночи (1826).

Въ концѣ 1826 года Пушкинъ получилъ разрѣшеніе жить въ столицахъ.

Время отъ 1826 по годъ смерти составляетъ второй періодъ въ жизни Пушкина.—Произведенія за это время укажемъ по отдѣламъ: 1) Произведенія лирическія, въ которыхъ отмѣтимъ произведенія, посвященныя политическимъ и общественнымъ вопросамъ и стихотворенія, выясняющія задачу и призваніе художника. 2) Новыя большія по объему произведенія: поэмы, драматическія сцены, повѣсти, историческіе труды. 3) Сказки и пѣсни.

Лучшія лирическія стихотворенія этого періода слѣдующіе: Стансы (22 Дек. 1826), Поэтъ (1827), Утопленникъ (1828), Чернь (1828), Элегія (Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ), Къ вельможѣ (1830), Поэту (1830), Элегія (Безумныхъ лѣтъ), Бѣсы (1830), Клеветникамъ Россіи (1831), Бородинская годовщина (1831), Лицейская годовщина (1831), Мицкевичу (1834), Полководецъ (1835), Туча (1835), Пиръ Петра Великаго (1835), Опять на родинѣ (1835), Лицейская годовщина (1836), Памятникъ (1836). Изъ этихъ стихотвореній общественныхъ вопросовъ касаются: Стансы, Клеветникамъ Россіи и Бородинская годовщина. Приводимъ первое изъ нихъ:

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:

1) Матеріялы для біографіи Пушкина.

Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни.
Но правдой Онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ Нимъ отличенъ Долгорукой.
Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.
То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.
Семейнымъ сходствомъ будь же гордъ;
Во всемъ будь Пращуру подобенъ:

Какъ онъ неутомимъ и твердъ,
И памятью, какъ Онъ, незлобенъ.

Въ стихотвореніяхъ: Поэтъ, Чернь, Поэту, Пушкинъ подъ вліяніемъ господствовавшей въ его время теоріи развилъ свой взглядъ на искусство. Сущность теоріи состояла въ опредѣленіи искусства, какъ проявленія *безконечнаго* въ конечныхъ формахъ. «Такое идеальное пониманіе искусства само собой приводило къ мысли объ исключительномъ и важномъ значеніи художника, посвятившаго ему свою жизнь. Какъ служитель изящнаго, онъ не принадлежалъ толпѣ, не раздѣлялъ ея стремленій и не признавалъ ея нуждъ. По сущности теоріи, художникъ не нуждался въ сочувствіи окружающихъ, не имѣлъ надобности отдавать отчета въ своихъ сношеніяхъ съ идеаломъ и одинъ зналъ первую причину и настоящую цѣль своихъ произведеній. Въ превосходномъ стихотвореніи: «Поэтъ не дорожи любовію народной» Пушкинъ отвергалъ всякое по-

стороннее вмѣшательство этими гордыми словами, обращенными къ художнику:

.... Живи одинъ. Дорогой свободной и проч.

Впослѣдствіи холодность публики и невниманіе ея къ лучшимъ, зрѣлымъ его произведеніямъ, еще глубже погрузили его въ художническое уединеніе, которое онъ воспѣвалъ. Дѣйствительно, Пушкинъ сдѣлался и творцемъ независимымъ отъ вкуса и расположенія публики, и единственнымъ, вѣрнымъ судьею своихъ произведеній. Обстоятельства много способствовали къ оправданію и укорененію въ немъ отвлеченной теоріи, которая получила впослѣдствіи еще сильнѣйшее развитіе» (Мат. для Біографіи Пушкина).

Вѣрную оцѣнку Пушкинской теоріи искусства сдѣлалъ Бѣлинскій. «Въ стихотвореніи «*Чернь*» заключается художническое profession de foi Пушкина. Онъ презираетъ чернь и на ея приглашеніе исправлять ее звуками лиры, отвѣчаетъ словами, полными благородной гордости и энергическаго негодованія:

Подите прочь! Какое дѣло
Поэту мирному до васъ и проч.

Дѣйствительно смѣшны и жалки тѣ глупцы, которые смотрядъ на поэзію, какъ на искусство втискивать въ размѣренныя строчки съ рифмами разныя нравоучительныя мысли и требуютъ отъ поэта непремѣнно, чтобъ онъ воспѣвалъ имъ все любовь да дружбу и пр., и которые не способны увидѣть поэзію въ самомъ вдохновенномъ произведеніи, если въ немъ нѣтъ общихъ нравоучительныхъ мѣстъ. Но если до истины можно доходить не тѣмъ, чтобъ соглашаться съ глупцами, то и не тѣмъ, чтобъ противорѣчить имъ,—а тѣмъ, чтобы, забывая о ихъ существованіи, смотрѣть на предметъ глазами разума. Не только поэты, съ ихъ «вдохновеніями, сладкими звуками и молитвами,» но и сами жрецы, съ которыми Пушкинъ сравниваетъ поэтовъ, не имѣли бы никакого значенія,

если бъ набожная толпа не соприсутствовала алтарямъ и жертвоприношеніямъ. Толпа, въ смыслѣ массы народной, есть прямая хранительница народнаго духа, непосредственный источникъ таинственной психеи народной жизни. Народъ (взятый какъ масса), духовная субстанція жизни котораго не въ состояніи порождать изъ себя великихъ поэтовъ, не стоитъ названія народа или націи—съ него довольно чести называться просто племенемъ. Поэтъ, котораго поэзія выросла не изъ почвы субстанціяльной жизни своего народа, не можетъ ни быть, ни называться народнымъ или національнымъ поэтомъ. Никто, кромѣ людей ограниченныхъ и духовно-малолѣтныхъ, не обязываетъ поэта воспѣвать непремѣнно гимны добродѣтели и карать сатирой порокъ; но каждый умный человѣкъ вправѣ требовать, чтобъ поэзія поэта или давала ему отвѣты на вопросы времени, или, по крайней мѣрѣ, исполнена была скорбью этихъ тяжелыхъ, не разрѣшимыхъ вопросовъ. Кто поэтъ про себя и для себя, презирая толпу, тотъ рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній. И дѣйствительно, Пушкинъ, какъ поэтъ, великъ тамъ, гдѣ онъ просто воплощаетъ въ живыя прекрасныя явленія свои поэтическія созерцанія, но не тамъ, гдѣ хочетъ быть мыслителемъ и рѣшителемъ вопросовъ. Превосходно его стихотвореніе «*Поэтъ*», въ которомъ онъ развиваетъ мысль, что поэтъ, пока не потребуетъ его Аполлонъ къ священной жертвѣ, ничтожнѣе всѣхъ ничтожныхъ дѣтей міра, а какъ скоро коснется его слуха божественный зовъ, душа его стряхиваетъ съ себя нечистый сонъ жизни, какъ пробудившійся орелъ,—но мысль эта совершенно ложна. Наша современность кишитъ поэтами, которые пошлы, когда не пишутъ, и становятся благородны и чисты, когда вдохновляются; но тѣмъ не менѣе, всѣ видятъ въ нихъ теперь не болѣе, какъ великихъ людей на малыя дѣла: всѣ знаютъ, что эти господа скоро выписываются и, изъ денегъ, громкими фразами, увѣряютъ другихъ въ томъ,

чему нѣкогда сами вѣрили, но чему теперь уже сами первые не вѣрятъ. Наше время преклонитъ колѣна только предъ художникомъ, котораго жизнь есть лучшій комментарій на его творенія, а творенія—лучшее оправданіе его жизни. Гете не принадлежалъ къ числу пошлыхъ торгашей идеями, чувствами и поэзіею; но практическій и историческій индеферентизмъ не далъ бы ему сдѣлаться властителемъ думъ нашего времени, не смотря на всю широту его мірообъемлющаго генія. Личность Пушкина высока и благородна, но его взглядъ на свое художественное служеніе, равно какъ и недостатокъ современнаго европейскаго образованія тѣмъ не менѣе были причиною постепеннаго охлажденія восторга, который возбудили первыя его произведенія. Правда, самый неумѣренный восторгъ возбудили его самыя слабыя, въ художественномъ отношеніи, піэсы; но въ нихъ видна была сильная, одушевленная субъективнымъ стремленіемъ личность. И чѣмъ совершеннѣе становился Пушкинъ, какъ художникъ, тѣмъ болѣе скрывалась и исчезала его личность за чуднымъ, роскошнымъ міромъ его поэтическихъ созерцаній. Публика, съ одной стороны, не была въ состояніи оцѣнить художественнаго совершенства его послѣднихъ созданій (и это, конечно, не вина Пушкина); съ другой стороны, она вправѣ была искать въ поэзіи Пушкина болѣе нравственныхъ и философскихъ вопросовъ, нежели сколько находила ихъ (и это, конечно, была не ея вина). Между тѣмъ, избранный Пушкинымъ путь оправдывался его натурою и призваніемъ: онъ не палъ, а сдѣлался самимъ собою, но по несчастію въ такое время, которое было очень неблагопріятно для подобнаго направленія, отъ котораго выигрывало искусство и мало пріобрѣтало общество. Какъ бы то ни было, нельзя винить Пушкина, что онъ не могъ выйти изъ заколдованнаго круга своей личночти,—и со всею добросовѣстностью человѣка и художника написалъ свое превосходное стихотвореніе «Поэту»:

«Поэтъ, не дорожи любовію народной! и проч.
И Пушкинъ навсегда затворился въ этомъ гордомъ величіи не понятаго и оскорбленнаго художника... И когда онъ писалъ свои лучшія творенія—«Скупаго Рыцаря», «Египетскія ночи», «Русалку», «Мѣднаго Всадника», «Галуба», «Каменнаго гостя», онъ всего менѣе разсчитывалъ на восторгъ публики, и потому не торопился издавать ихъ....» (Сочиненія Бѣлинскаго т. 8).

Поэмы и повѣсти въ стихахъ слѣдовали у Пушкина въ такомъ порядкѣ: Полтава (1828), Домикъ въ Коломнѣ 1829—1830), Галубъ (1821), Родословная моего героя (1833), Мѣдный Всадникъ (1833), Анджело (1833).

Драматическія сцены: Сцена изъ Фауста (1826), Скупой рыцарь (1830), Моцэртъ и Сальери (1830), Каменный гость (1830), Пиръ во время чумы (1830), Русалка (1832).

Одною изъ лучшихъ драматическихъ піесъ этого времени можетъ считаться Скупой рыцарь, взятая изъ средневѣковаго, рыцарскаго быта. Она состоитъ изъ трехъ небольшихъ сценъ: Въ 1-й сценѣ три дѣйствующихъ лица: молодой рыцарь Альберъ, оруженосецъ Иванъ и жидъ Соломонъ. Альберъ горюетъ, что у него нѣтъ средствъ съ честью явиться на турниръ,—приходится занимать деньги, но жидъ Соломонъ не даетъ безъ залога. Въ разговорѣ Альбера съ Соломономъ Пушкинъ превосходно охарактеризовалъ отношенія рыцаря къ жиду. Жидъ—необходимое лице для феодальнаго рыцаря, но послѣдній въ глаза называетъ жида—проклятымъ, поминаетъ ему свиную кожу. Когда Соломонъ намекаетъ Альберу, что есть вѣрное средство покончить съ его скупымъ отцемъ, послѣдній приходитъ въ негодованіе и грозитъ тутъ же на мѣстѣ повѣсить жида. Сцена кончается тѣмъ, что Альберъ рѣшается идти къ герцогу жаловаться на отца.

Сцена вторая, въ подвалѣ, состоитъ изъ монологовъ *Скупаго рыцаря*. «Въ лицѣ Барона Пушкинъ изобразилъ *страсть*

скупости. Страсть скупости — идея не новая, но геній умѣетъ и старое сдѣлать новымъ. Идеалъ скупца одинъ, но типы его безконечно различны. Плюшкинъ Гоголя гадокъ, отвратителенъ—это лице комическое; Баронъ Пушкина ужасенъ — это лице трагическое. Оба они страшно истинны. Это не то, что скупой Мольера—риторическое олицетвореніе скупости, каррикатура, памфлетъ. Нѣтъ, эти лица страшно истинныя, заставляющія содрагаться за человѣческую природу. Оба они пожираемы одною гнустною страстью, и все-таки нисколько одинъ на другаго не похожи, потому что и тотъ другой—не аллегорическое олицетвореніе выражаемой ими идеи, но живыя лица, въ которыхъ общій порокъ выразился индивидуально, лично.» — Скупой баронъ—живое лице, взятое изъ извѣстной эпохи, и потому въ самой страсти его есть черты, могшія развиться только при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ. Скупой баронъ въ общечеловѣческой страсти своей остается рыцаремъ. Онъ самъ заявляетъ въ своемъ монологѣ, что источникъ его страсти — жажда независимости и власти. «Я ничему не подвластенъ, говоритъ онъ, а мнѣ все подвластно: захочу—воздвигнутся чертоги,—музы, геній мнѣ подчинятся, добродѣтель и трудъ будутъ ждать моего поощренія, — злодѣйство будетъ лизать мои руки.» Другими словами: Скупой баронъ не признаетъ, что есть на свѣтѣ какая нибудь нравственная сила, что есть такая добродѣтель, такой геній, которыя бы не преклонились предъ золотомъ, не подчинились его обладателю. Въ этихъ словахъ все истинно, кромѣ того, что не въ его волѣ уже пожелать воспользоваться своею мощью. Въ этомъ и заключается наказаніе за порокъ скупости. «Скупой рыцарь только тѣшилъ себя мыслію о своемъ могуществѣ, рисуя себя, свое фонтастическое царство власти; но на самомъ дѣлѣ у него уже не было силы воли испытать въ дѣйствительности это могущество, привести въ исполненіе хоть одну изъ тѣхъ обольстительныхъ картинъ, которыя рисуетъ

онъ, любуясь своими сундуками. Ему кажется, что истративъ хотя одинъ червонецъ изъ накопленнаго богатства, онъ уменьшитъ свою власть и свою силу, и дорожа ими, онъ дрожитъ и надъ своимъ золотомъ. Такими противорѣчіями онъ самъ уничтожаетъ свою дѣйствительную силу, самъ обманываетъ себя: видя въ золотѣ орудіе власти надъ другими, онъ самъ дѣлается самымъ безсильнымъ рабомъ его, и уже ни какая сила не въ состояніи освободить его изъ этого рабства [1]). Въ праздникѣ, который устроиваетъ себѣ баронъ предъ открытыми сундуками съ золотомъ, — психологическій анализъ его душевнаго состоянія: «золото — кумиръ этого человѣка, онъ исполненъ къ нему піэтическаго чувства, говоритъ о немъ языкомъ благоговѣнья, служитъ ему, какъ преданный, усердный жрецъ! Расточить его наслѣдство, по его мнѣнію, значитъ: разбить священные сосуды, напоить грязь царскимъ элеемъ.» Начавши свой монологъ гордымъ сознаньемъ силы: «*Я царствую*», Скупой баронъ приходитъ къ самой тяжелой для себя мысли, о будущемъ наслѣдникѣ золотаго царства. Онъ представляетъ себѣ картину, какъ, по его смерти, сынъ сойдетъ подъ эти нѣмые своды и сундуки со смѣхомъ отопретъ. Мысль, что сынъ подыметъ на смѣхъ отца, который копилъ, копилъ, во всемъ отказывалъ себѣ, и умеръ, не воспользовавшимъ ничѣмъ — приводитъ въ живое негодованіе Барона. Онъ раскрываетъ свою душу, перебираетъ разные доводы, разные вопросы, на которые самъ же отвѣчаетъ: «Кто знаетъ, спрашиваетъ онъ, сколько горькихъ воздержаній, обузданныхъ страстей, тяжелыхъ думъ, дневныхъ работъ, ночей безсонныхъ мнѣ все это стоило?» Иль можетъ быть, сынъ будетъ думать, что сердце у меня обросло мохомъ, что я и не зналъ никакой внутренней борьбы, и потому легко мнѣ было отказывать себѣ во всемъ? Въ отвѣтъ на это Ба-

1) О преподаваніи русской литературѣ, Стоюнина.

ронъ отвѣчаетъ, что ему приходилось бороться и съ совѣстью, которую онъ, не зная съ чѣмъ лучше сравнить, называетъ *заимодавцемъ грубымъ*.

Третья сцена, во дворцѣ. Альберъ жалуется на отца, и въ это время входитъ Баронъ, вызванный Герцогомъ. Сынъ уходитъ въ другую комнату и слышитъ разговоръ Герцога съ отцемъ. Старый баронъ изображенъ въ этой сценѣ со всѣми отличительными чертами своего характера, какъ отецъ, какъ скупой, какъ рыцарь. Отцовское чувство уступаетъ въ немъ страсти скупости. Когда Герцогъ требуетъ онъ него назначить сыну приличное содержаніе, Баронъ думаетъ отдѣлаться тѣмъ, что его сынъ не любитъ шумной, свѣтской жизни, но когда Герцогъ продолжаетъ настаивать, Баронъ не задумывается взвести на сына обвиненіе «въ буйствѣ, въ порокахъ низкихъ.» Герцогъ продолжаетъ настаивать и Баронъ, послѣ минутнаго колебанія, объявляетъ, что сынъ хотѣлъ его обокрасть. Рыцарскія черты Барона при этомъ выражаются съ полною опредѣленностью: по слову Герцога онъ готовъ снова сѣсть на коня, если того потребуетъ война, онъ бросаетъ сыну перчатку, когда тотъ осмѣлился въ глаза назвать его лжецемъ, вызываетъ сына за оскорбленіе рыцарской чести на поединокъ. Отъ сильнаго напряженія силъ, отъ столкновенія различныхъ чувствъ Баронъ неожиданно умираетъ, восклицая: Гдѣ ключи? Ключи, ключи мои!» Этимъ оканчивается піеса.

Произаическія произведенія Пушкина слѣдовали въ такомъ порядкѣ: 1) Арапъ Петра Великаго (1827), неоконченная повѣсть, въ ней выведенъ Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, прадѣдъ поэта по матери. 2) Лѣтопись села Горохина (1830), 3) Повѣсти Бѣлкина (1830), 4) Дубровскій (1832), 5) Капитанская Дочка (1833), 6) Исторія Пугачевскаго бунта.

«Повѣсть «Капитанская Дочка» хорошо знакомитъ насъ съ внѣшнею стороною событій изъ исторіи Пугачевскаго бунта,—

событій, которыя Пушкинъ изучалъ на мѣстѣ по преданіямъ и по подлиннымъ документамъ; кромѣ того въ ней удачно очерчены характеры простодушныхъ людей стараго вѣка, проведшихъ всю жизнь въ захолустьи: Ивана Кузмича, обучающаго дряхлыхъ инвалидовъ въ халатѣ, супруги его Василисы Егоровны, полной хозяйки и своего дома и крѣпости, Ивана Игнатьевича, стараго поручика, который держитъ мотокъ Василисы Егоровны и послушно выполняетъ всѣ другія ея распоряженія. Крѣпость съ ея единственной пушкой, забитой бабками и другимъ соромъ, съ ея немудренымъ управленіемъ, по обычаю: «разбери, кто правъ, кто виноватъ, да обѣихъ и накажи» — все это служитъ къ характеристикѣ времени. Вѣренъ истинѣ также типъ Савельича, съ его воркотней и холопской преданностью. Но главные характеры: Пугачевъ, Гриневъ, Швабринъ, Марья Ивановна обозначены или слишкомъ общими, или ложными чертами. Швабринъ — обыкновенный типъ романтическаго злодѣя, для котораго въ жизни нѣтъ другой цѣли, какъ терзать Марью Ивановну, дѣвушку во всѣхъ отношеніяхъ нравственную и скромную; Гриневъ — благородный любовникъ, рыцарь безъ упрека, которому по этой причинѣ все сходитъ съ рукъ благополучно; Пугачевъ существуетъ сколько самъ по себѣ, сколько и для романтической цѣли: устроить счастье Гринева. Въ личности Пугачева народныя черты выведены слабо и поверхностно: въ характеристикѣ его удали удачнѣе всего ему приписано калмыцкая сказка объ орлѣ и воронѣ; но пѣніе пѣсни «Не шуми, мати зеленая дубровушка», въ его положеніи, не совсѣмъ правдоподобно, потому что Пугачевъ не былъ обыкновеннымъ разбойникомъ. Внѣшнія событія Пугачевскаго бунта (взятіе крѣпости, кровопролитіе, и пр.) представлены довольно точно; ихъ внутренній смыслъ, также какъ народный, историческій характеръ Пугачева, почти совсѣмъ не выступаютъ предъ вами [1]).

1) Новая Русская Литература, Водовозова.

Содержаніе повѣсти *Дубровскій* взято изъ помѣщичьяго быта прошлаго вѣка.—Не удался Пушкину одинъ характеръ героя, самого Дубровскаго, изъ котораго вышелъ добродѣтельный романическій разбойникъ. Изображеніе Троекурова, самоуправца стараго вѣка, подъячихъ принадлежитъ къ лучшимъ мѣстамъ повѣсти. «Но всего лучше — характеръ героини, по преимуществу Русской женщины. Уединенная жизнь развили въ ней не чувство, а фантазію, и она считала себя героинею, готовою на всѣ жертвы для того, кого полюбитъ. Покуда ей приходилось только играть въ романъ, она дѣлала возможныя безумства, а дошло до дѣла—и она принялась за мораль и добродѣтель. Быть похищенною любовникомъ-разбойникомъ у алтаря, куда насильно притащили ее, чтобъ обвѣнчать съ развратнымъ старичишкой,—казалось для нея «романическимъ», слѣдовательно, чрезвычайно заманчивымъ. Но Дубровскій опоздалъ,—и она втайнѣ этому обрадовалась, и разыграла роль вѣрной жены, слѣдовательно, опять героини.....» [1]).

Подобно Жуковскому, но гораздо удачнѣе, Пушкинъ воспроизводилъ мотивы народной, безъискусственной поэзіи. Лучшими образцами въ этомъ родѣ служатъ: прологъ къ Руслану и Людмилѣ, отдѣльныя сцены въ Русалкѣ, сказка о *рыбакѣ и рыбкѣ* (1833) и переводныя «пѣсни Западныхъ славянъ» (1832—1833).

Пушкинъ самъ собиралъ народныя сказки и пѣсни, и преклонялся предъ ихъ высокою художественностью. — Онъ первый изъ русскихъ поэтовъ созналъ важность изученія народнаго языка. Вотъ его собственныя слова объ этомъ предметѣ: «Изученіе старинныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. необходимо для совершеннаго знанія свойствъ Русскаго языка. Разговорный языкъ простаго народа (нечитающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ

1) Сочиненія Бѣлинскаго, т. 8.

мыслей на Французскомъ языкѣ) достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій. Альфіери изучалъ Итальянскій языкъ на Флорентинскомъ базарѣ. Не худо намъ иногда прислушиваться къ московскимъ просвирнямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ».

Поэтъ (1827).

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы...

Чернь (1828).

Поэтъ по лирѣ вдохновенной
Рукой разсѣянной бряцалъ.
Онъ пѣлъ, — а хладной и надменной,
Кругомъ народъ непосвященной
Ему безсмысленно внималъ.
И толковала чернь тупая:
«Зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ?
Напрасно ухо поражая,
Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
О чемъ бренчитъ? чему насъ учитъ?
За чѣмъ сердца волнуетъ, мучитъ
Какъ своенравный чародѣй?
Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна,
За то какъ вѣтеръ и безплодна:
Какая польза намъ отъ ней?»

П о э т ъ.

Молчи, безсмысленный народъ,
Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкой.
Ты червь земли, не сынъ небесъ;
Тебѣ бы польза все — на вѣсъ
Кумиръ ты цѣнишь Бельведерской.
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
Но мраморъ сей вѣдь Богъ!.. Такъ что же?
Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

Ч е р н ь.

Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,
Во благо намъ употребляй:

Сердца собратьевъ исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки:
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя.

Поэтъ.

Подите прочь—какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменѣйте смѣло:
Не оживитъ васъ лиры гласъ;
Душѣ противны вы какъ гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры:
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ — полезный трудъ! —
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у васъ метлу берутъ?
Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ:
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Поэту (1830).

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ;
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородной.

Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ.
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

Бѣсы (1830).

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динь-динь-динь....
Страшно, страшно по неволѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!
—Эй, пошелъ, ямщикъ!...—«Нѣтъ мочи:
«Конямъ, баринъ, тяжело;
«Вьюга мнѣ слипаетъ очи;

«Всѣ дороги занесло;
«Хоть убей, слѣда невидно;
«Сбились мы. Что дѣлать намъ!
«Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
«Да кружитъ по сторонамъ.
«Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
«Дуетъ, плюетъ на меня;
«Вонъ—теперь въ оврагъ толкаетъ
«Одичалаго коня;
«Тамъ верстою небывалой
«Онъ торчалъ передо мной;
«Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
«И пропалъ во тьмѣ пустой.»
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Кони стали....—Что тамъ въ полѣ?
«Кто ихъ знаетъ: пень, или волкъ?»
Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вонъ ужъ онъ далече скачетъ;
Лишь глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ динь-динь-динь....
Вижу: духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.
Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны.
Будто листья въ ноябрѣ....

Сколько ихъ! Куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домоваго ли хоронятъ,
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна,
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ.

Элегія (1829).

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу ль во многолюдный храмъ,
Сижу ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.
Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь не видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды—
И чей нибудь ужъ близокъ часъ.
Гляжу ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.
Младенца ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю:
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.

День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.
И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина?
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?
И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать;
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бъ хотѣлось почивать.
И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Опять на родинѣ (1835 г. [1])

.... Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ [2]).
Ужъ десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо—
И кажется вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.
Вотъ смиренный домикъ,

1) Въ селѣ Михайловскомъ.

Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей.
Уже старушки нѣтъ, ужь за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ. Вотъ
И холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ, и глядѣлъ
На озеро, воспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны....
Межъ нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко:
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
Убогой неводъ. По брегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ за ними
Скривилась мельница, на силу крылья
Ворочая при вѣтрѣ.....

На границѣ

Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ, одна по-одаль, двѣ другія
Другъ въ дружкѣ близко. Здѣсь когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я, и предъ собой
Увидѣлъ ихъ опять: онѣ все тѣ же,
Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ,
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась,

2) Съ 1824 по 1826 г.

Зеленою семьей кусты тѣснятся
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, и вкругъ него
По прежнему все пусто.
Здравствуй племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда переростешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ....

Изъ Бориса Годунова, драмы Пушкина.

СЦЕНА V.

Отецъ Пименъ, Григорій спящій.

Пименъ (*пишетъ передъ лампадой*).

Еще одно, послѣднее сказанье—
И лѣтопись окончена моя,
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда нибудь монахъ трудолюбивый

Найдетъ мой трудъ усердный, безъимянный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ Царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро—
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.
На старости я съизнова живу;
Минувшее проходитъ предо мною....
Давно ль оно неслось событій полно,
Волнуяся, какъ море—окіанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно!
Но близокъ день, лампада догораетъ—
Еще одно, послѣднее сказанье. (*пишетъ*)

Григорій (*пробуждается*).

Все тотъ же сонъ! Возможно ль? въ третій разъ!
Проклятый сонъ!.. А все передъ лампадой
Старикъ сидитъ, да пишетъ—и дремотой
Знать во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведетъ; и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ ли владычествѣ Татаръ?
О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?

О бурномъ ли Новгородскомъ Вѣчѣ?
О славѣ ли отечества? Напрасно:
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Все тотъ же видъ смиренный, величавый....
Такъ точно Дьякъ, въ Приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пименъ.

Проснулся, братъ.

Григорій.

Благослови меня,

Честный отецъ.

Пименъ.

Благослови, Господь,
Тебя и днесь, и присно, и вовѣки.

Григорій.

Ты все писалъ и сномъ не позабылся;
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ:
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ, и страшно становилось

И, падая стремглавъ, я пробуждался..,
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно ли?

Пименъ.

Младая кровь играетъ;
Смиряй себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Донынѣ—если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи,—
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ;
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

Григорій.

Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ Дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ! А я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за Царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ,
И въ тихую обитель затвориться.

Пименъ.

Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній

Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ насладился,
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о Царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
Они его мѣняли на клобукъ.
Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный Царь Игумномъ богомольнымъ,
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ—
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я Царя
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней.
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ Игумну и всей братьѣ:
«Отцы мои, желанный день придетъ:
«Предстану здѣсь алкающій спасенья;
«Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кириллъ,
«Вы всѣ—обѣтъ примите мой духовный:
«Пріиду къ вамъ, преступникъ окаянный,

«И схиму здѣсь честную восприму,
«Къ стопамъ твоимъ, святый отецъ, припадши».
Такъ говорилъ державный Государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ, страдающей и бурной.
А сынъ его Ѳеодоръ? На престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ Царскіе чертоги
Преобратилъ въ молитвенную келью:
Тамъ тяжкія, державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе Царя,
И Русь при немъ во славѣ безмятежной
Утѣшилась—а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, Царю едину зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
И началъ съ нимъ бесѣдовать Ѳеодоръ,
И называть великимъ Патріархомъ....
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святый Владыка предъ Царемъ,
Во храминѣ тогда не находился.
Когда же онъ преставился, палаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ,
И ликъ его какъ солнце просіялъ.
Ужъ не видать такого намъ Царя.
О страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
Владыкою себѣ цареубійцу
Мы нарекли.

Григорій.

Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія-Царевича; въ то время
Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

Пименъ.

Охъ помню!
Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ усланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. Наутро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ Царицы. Я
Спѣшу туда жъ, а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный Царевичъ;
Царица—мать въ безпамятствѣ надъ нимъ.
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
А тутъ народъ остервенясь волочитъ
Бозбожную предательницу—мамку....
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Іуда—Битяговскій.
«Вотъ, вотъ злодѣй?» раздался общій вопль,
И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И чудо—вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
«Покайтеся!» народъ имъ завопилъ:
И въ ужасѣ подъ топоромъ злодѣи
Покаялись и назвали Бориса.

Григорій.

Какихъ былъ лѣтъ Царевичъ убіенный?

Пименъ.

Да лѣтъ семи: ему бы нынѣ было—
(Тому прошло ужъ десять лѣтъ... нѣтъ, больше:
Двѣнадцать лѣтъ)—онъ былъ бы твой ровесникъ
И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.
Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою, съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій!
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ,
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу Государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны.
А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
И погасить лампаду.... Но звонятъ
Къ заутренѣ.... Благослови, Господь,
Своихъ рабовъ!.. Подай костыль, Григорій.

(Уходитъ).

Григорій.

Борисъ, Борисъ! все предъ тобой трепещетъ,
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца;
А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ:
И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

Царскія Палаты (Сцена 7-я).

ДВА СТОЛЬНИКА.

Первый

Гдѣ Государь?

Второй.

Въ своей опочивальнѣ.
Онъ заперся съ какимъ-то колдуномъ.

Первый.

Такъ, вотъ его любимая бесѣда:
Кудесники, гадатели, колдуньи.
Все ворожитъ, что красная невѣста.
Желалъ бы знать, о чемъ гадаетъ онъ?

Второй.

Вотъ онъ идетъ. Угодно ли спросить?

Первый.

Какъ онъ угрюмъ!

(Уходятъ).

ЦАРЬ (входитъ).

Достигъ я высшей власти;
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно:
Но счастья нѣтъ моей душѣ. Не такъ ли
Мы смолоду влюбляемся и алчемъ
Утѣхъ любви, но только утолимъ
Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,
Ужъ охладѣвъ окучаемъ и томимся!...

Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной;
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать;
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна.
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ,
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше!
Богъ насылалъ на землю нашу гладъ;
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
Они жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огнь ихъ домы истребилъ;
Я выстроилъ имъ новыя жилища;
Они жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ: ищи жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ!
Какъ буря, смерть уноситъ жениха....
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня, несчастнаго отца!...
Кто ни умретъ, я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Ѳеодора кончину,
Я отравилъ свою сестру Царицу,
Монахиню смиренную.... все я!
Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;

Ничто, ничто.... едина развѣ совѣсть.
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ....
И радъ бѣжать, да некуда.... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста.

Сцена X.

Царскія палаты.

Царевичъ, чертитъ географическую карту.

Царевна, *Мамка* царевны.

Ксенія, цѣлуетъ портретъ.

Милой мой женихъ, прекрасный Королевичь, не мнѣ ты достался, не своей невѣстѣ, а темной могилкѣ, на чужой сторонѣ; никогда не утѣшусь, вѣчно по тебѣ буду плакать.

Мамка.

И Царевна! дѣвица плачетъ, что роса падаетъ: взойдетъ солнце, росу высушитъ. Будетъ у тебя другой женихъ и прекрасный и привѣтливый. Полюбишь его, дитя наше ненагляднное, забудешь Ивана Королевича.

Ксенія.

Нѣтъ, мамушка, я и мертвому буду ему вѣрна.

(Входитъ Борисъ)

Царь.

Что, Ксенія? что милая моя?
Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица!
Все плачешь ты о мертвомъ женихѣ.
Дитя мое! судьба мнѣ не судила
Виновникомъ быть вашего блаженства.
Я, можетъ быть, прогнѣвалъ небеса,
Я счастіе твое не могъ устроить:
Безвинная! зачѣмъ же ты страдаешь?
А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ? это что?

Θеодоръ.

Чертежъ земли Московской, наше царство
Изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ Москва,
Тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ море,
Вотъ Пермскіе дремучіе лѣса.
А вотъ Сибирь.

Царь.

А это что такое
Узоромъ здѣсь вьется?

Θеодоръ.

Это Волга.

Царь.

Какъ хорошо! Вотъ сладкій плодъ ученья!
Какъ съ облаковъ ты можешь обозрѣть
Все царство вдругъ, границы, грады, рѣки.
Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ

Намъ опыты быстротекущей жизни.
Когда нибудь, и скоро, можетъ быть,
Всѣ области, которыя ты нынѣ
Изобразилъ такъ хитро на бумагѣ,
Всѣ подъ руку достанутся твою.
Учись мой сынъ, и легче и яснѣе
Державный трудъ ты будешь постигать.

(Входитъ Семенъ Годуновъ).

Вотъ Годуновъ идетъ ко мнѣ съ докладомъ.
(*Ксеніи*) душа моя, поди въ свою свѣтлицу;
Прости, мой другъ; утѣшь тебя Господь.

(Ксенія съ мамкою уходитъ).

Что скажешь мнѣ, Семенъ Никитичъ?

Семенъ Годуновъ.

Нынче
Ко мнѣ, чѣмъ свѣтъ, дворецкій Князь-Василья
И Пушкина слуга пришли съ доносомъ.

Царь.

Ну.

Семенъ Годуновъ.

Пушкина слуга донесъ сперва,
Что поутру вчера къ нимъ въ домъ пріѣхалъ
Изъ Кракова гонецъ и черезъ часъ
Безъ грамоты отосланъ былъ обратно.

Царь.

Гонца схватить.

Семенъ Годуновъ.

Ужъ послано въ догоню.

Царь.

О Шуйскомъ что?

Семенъ Годуновъ.

Вечоръ онъ угощалъ
Своихъ друзей, обоихъ Милославскихъ,
Бутурлиныхъ, Михайла Салтыкова,
Да Пушкина, да нѣсколько другихъ;
А разошлись ужъ поздно. Только Пушкинъ
Наединѣ съ хозяиномъ остался.
И долго съ нимъ бесѣдовалъ еще.

Царь.

Сейчасъ послать за Шуйскимъ.

Семенъ Годуновъ.

Государь!
Онъ здѣсь уже.

Царь.

Позвать его сюда.
(Годуновъ уходитъ).

Царь.

Сношенія съ Литвою! это что?..
Противенъ мнѣ родъ Пушкиныхъ мятежный,
А Шуйскому не должно довѣрять:
Уклончивый, но смѣлый и лукавый....
(Входитъ Шуйскій).
Мнѣ нужно, Князь, съ тобой поговорить.
Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ:
И выслушать хочу тебя сперва.

Шуйскій.

Такъ, Государь: мой долгъ тебѣ повѣдать
Вѣсть важную.

Царь.

Я слушаю тебя.
Шуйскій, (тихо указывая на Θеодора).
Но Государь...

Царь.

Царевичъ можетъ знать,
Что вѣдаетъ Князь Шуйскій. Говори.

Шуйскій.

Царь! изъ Литвы пришла намъ вѣсть...

Царь.

Не та ли,

Что Пушкину привезъ вечоръ гонецъ.

Шуйскій.

Все знаетъ онъ!... Я думалъ, Государь,
Что ты еще не вѣдаешь сей тайны.

Царь.

Нѣтъ нужды, князь: хочу сообразить
Извѣстія, иначе не узнаемъ
Мы истины.

Шуйскій.

Я знаю только то,
Что въ Краковѣ явился самозванецъ,
И что Король и Паны за него.

Царь.

Что жъ говорятъ? Кто этотъ самозванецъ?

Шуйскій.

Не вѣдаю.

Царь.

Но..... чѣмъ опасенъ онъ?

Шуйскій.

Конечно, Царь, сильна своя держава!
Ты милостью, радѣньемъ и щедротой
Усыновилъ сердца своихъ рабовъ.
Но знаешь самъ: безмысленная чернь
Измѣнчива, мятежна, суевѣрна,
Легко пустой надеждѣ предана,
Мгновенному внушенію послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей нравится безстыдная отвага;
Такъ если сей невѣдомый бродяга
Литовскую границу перейдетъ,
Къ нему толпу безумцевъ привлечетъ
Димитрія воскреснувшаго имя.

Царь.

Димитрія!... какъ? этого младенца?
Димитрія!... Царевичъ, удались!

Шуйскій.

Онъ покраснѣлъ: быть бурѣ!...

Θеодоръ.

Государь,
Дозволишь ли?...

Царь.

Нельзя, мой сынъ, поди.

(Ѳеодоръ уходитъ)

Димитрія!

Шуйскій.

Онъ нечего не зналъ.

Царь.

Послушай, князь: взять мѣры сей же часъ:
Чтобы отъ Литвы Россія оградилась
Заставами: чтобъ ни одна душа
Не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ
Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ воронъ
Не прилетѣлъ изъ Кракова. Ступай.

Шуйскій.

Иду.

Царь.

Постой. Не правдаль-эта вѣсть
Затѣйлива? Слыхалъ ли ты когда,
Чтобъ мертвые изъ гроба выходили
Допрашивать царей, царей законныхъ,
Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,
Увѣнчанныхъ великимъ патріархомъ?
Смѣшно? а? чтожъ не смѣешься ты?

Шуйскій.

Я, Государь?...

Царь.

Послушай, князь Василій:

Какъ я узналъ, что отрока сего....
Что отрокъ сей лишился какъ-то жизни,
Ты посланъ былъ на слѣдствіе: теперь
Тебя крестомъ и Богомъ заклинаю,
По совѣсти мнѣ правду объяви:
Узналъ ли ты убитаго младенца.
И не было ли подмѣны? Отвѣчай.

Шуйскій.

Клянусь тебѣ....

Царь.

Нѣтъ, Шуйскій, не клянись.
Но отвѣчай: то былъ Царевичъ!

Шуйскій.

Онъ.

Царь.

Подумай, князь Я милость обѣщаю,
Прошедшей лжи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь—тебя постигнетъ злая казнь,
Такая казнь, что Царь Иванъ Васильичъ
Отъ ужаса во гробѣ содрогнется.

Шуйскій.

Не казнь страшна, страшна твоя немилость!
Передъ тобой дерзну ли я лукавить?
И могъ ли я такъ слѣпо обмануться,
то не узналъ Димитрія? Три дня
Я трупъ его въ Соборѣ посѣщалъ,

Всѣмъ Угличемъ туда сопровожденный.
Вокругъ него тринадцать тѣлъ лежало,
Растерзанныхъ народомъ, и по нимъ
Ужъ тлѣніе примѣтно проступало,
Но дѣтскій ликъ царевича былъ ясенъ
И свѣжъ и тихъ, какъ будто усыпленный:
Глубокая не запекалась язва,
Черты лица совсѣмъ не измѣнились.
Нѣтъ, Государь, сомнѣнья нѣтъ: Димитрій.
Во гробѣ спитъ.

Царь.

Довольно, удались! (Шуйскій уходитъ).
Ухъ, тяжело!.... дай духъ переведу!
Я чувствовалъ: вся кровь моя въ лице
Мнѣ кинулась и тяжко опускалась.....
Такъ вотъ зачѣмъ тринадцать лѣтъ мнѣ сряду
Все снилося убитое дитя!
Да, да—вотъ что! теперь я понимаю.
Но кто же онъ, мой грозный супостатъ?
Кто на меня? Пустое имя, тѣнь—
Уже ли тѣнь сорветъ съ меня порфиру,
Иль звукъ лишитъ дѣтей моихъ наслѣдства?
Безумецъ я! Чего жъ я испугался?
На признакъ сей подуй—и нѣтъ его.
Такъ рѣшено: не окажу я страха;
Но презирать не должно ничего....
Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

Скупой рыцарь.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

(Подвалъ).

БАРОНЪ.

Какъ молодой повѣса ждетъ свиданья
Съ какой нибудь развратницей лукавой,
Иль дурой имъ обманутой, такъ я
Весь день минуты ждалъ, когда сойду
Въ подвалъ мой тайный, къ вѣрнымъ сундукамъ.
Счастливый день! могу сегодня я
Въ шестой сундукъ (въ сундукъ еще неполный)
Горсть золота накопленнаго всыпать.
Не много кажется, но по немногу
Сокровища растутъ. Читалъ я гдѣ-то,
Что Царь однажды воинамъ своимъ
Велѣлъ снести земли по горсти въ кучу,
И гордый холмъ возвысился, и Царь
Могъ съ вышины, съ веселыемъ, озрѣть
И долъ, покрытый бѣлыми шатрами,
И море, гдѣ бѣжали корабли.
Такъ я, по горсти бѣдной принося
Привычну дань мою сюда въ подвалъ,
Вознесъ мой холмъ—и съ высоты его
Могу взирать на все, что мнѣ подвластно.
Что не подвластно мнѣ?... Какъ нѣкій демонъ
Отселѣ править міромъ я могу;
Лишь захочу—воздвигнутся чертоги;
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся Нимфы рѣзвою толпою;
И Музы дань свою мнѣ принесутъ,

И вольный Геній мнѣ поработится,
И добродѣтель, и безсонный трудъ
Смиренно будутъ ждать моей награды.
Я свисну,—и ко мнѣ послушно, робко
Вползетъ окровавленное злодѣйство,
И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли.
Мнѣ все послушно, я же—ничему;
Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;
Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Сего сознанья... (*Смотритъ на свое золото*).
Кажется не много,

А сколько человѣческихъ заботъ,
Обмановъ, слезъ, молепій и проклятій
Оно тяжеловѣсный представитель!
Тутъ есть дублонъ старинный... вотъ онъ. Нынче
Вдова мнѣ отдала его, но прежде
Съ тремя дѣтьми полдня передъ окномъ
Она стояла на колѣнахъ моя.
Шелъ дождь, и пересталъ, и вновь пошелъ,
Притворщица не трогалась; я могъ бы
Ее прогнать, но что-то мнѣ шептало,
Что мужнинъ долгъ она мнѣ принесла
И не захочетъ завтра быть въ тюрьмѣ.
А этотъ? этотъ мнѣ принесъ Тибо.
Гдѣ было взять ему лѣнивцу, плуту?
Укралъ конечно, или можетъ быть,
Тамъ на большой дорогѣ, ночью, въ рощѣ...
Да! Если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь хранится,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ бы вновь потопъ—я захлебнулся бъ

Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ. Но пора.
(*Хочетъ отпереть сундукъ*).
Я каждый разъ, когда хочу сундукъ
Мой отпереть, впадаю въ жаръ и трепетъ.
Не страхъ (о, нѣтъ! кого бояться мнѣ?
При мнѣ мой мечъ: за злато отвѣчаетъ
Честной булатъ), но сердце мнѣ тѣснитъ
Какое-то невѣдомое чувство...
Насъ увѣряютъ медики: есть люди,
Въ убійствѣ находящіе пріятность.
Когда я ключъ въ замокъ влагаю, тоже
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая въ жертву ножъ: пріятно
И страшно вмѣстѣ. (*Отпираетъ сундукъ*).
Вотъ мое блаженство!

(*Всыпаетъ деньги*).

Ступайте, полно вамъ по свѣту рыскать,
Служа страстямъ и нуждамъ человѣка.
Усните здѣсь сномъ силы и покоя,
Какъ Боги спятъ въ глубокихъ небесахъ!...
Хочу себѣ сегодня пиръ устроить:
Зажгу свѣчу предъ каждымъ сундукомъ,
И всѣ ихъ отопру, и стану самъ
Средь нихъ глядѣть на блещущія груды.

(*Зажигаетъ свѣчи и отпираетъ сундуки одинъ за другимъ*).

Я царствую!... Какой волшебный блескъ!
Послушна мнѣ, сильна моя держава;
Въ ней счастіе, въ ней честь моя и слава!
Я царствую!... Но кто вослѣдъ за мной
Пріиметъ власть надъ ней? Мой наслѣдникъ!
Безумецъ, расточитель молодой!

Развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ!
Едва умру, онъ, онъ! сойдетъ сюда
Подъ эти мирные, нѣмые своды,
Съ толпой ласкателей, придворныхъ жадныхъ.
Укравъ ключи у трупа моего,
Онъ сундуки со смѣхомъ отопретъ—
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные, дырявые карманы.
Онъ разобьетъ священные сосуды,
Онъ грязь елеемъ царскимъ напоитъ,
Онъ расточитъ... А по какому праву?
Мнѣ развѣ даромъ это все досталось,
Или шутя, какъ игроку, который
Гремитъ костьми, да груды загребаетъ?
Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,
Обузданныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
Дневныхъ заботъ, ночей безсонныхъ мнѣ
Все это стоило? Иль скажетъ сынъ,
Что сердце у меня обросло мохомъ,
Что я не зналъ желаній, что меня
И совѣсть никогда не грызла,—совѣсть,
Когтистый звѣрь, скребящей сердце—совѣсть,
Незванный гость, докучный собесѣдникъ,
Заимодавецъ грубый; эта вѣдьма,
Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылаютъ!..,
Нѣтъ, выстрадай сперва себѣ богатство,
А тамъ, посмотримъ, станетъ ли несчастный
То расточать, что кровью пріобрѣлъ.
О, еслибъ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
Я скрыть подвалъ!.. О, еслибъ изъ могилы
Придти я могъ, сторожевою тѣнью

Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
Сокровища мои хранить, какъ пыпѣ!...

СЦЕНА III.

(Во дворцѣ.)

АЛЬБЕРЪ, ГЕРЦОГЪ.

Альберъ.

Повѣрьте, Государь, терпѣлъ я долго
Стыдъ горькой бѣдности. Когда бъ не крайность,
Вы бъ жалобы моей не услыхали.

Герцогъ.

Я вѣрю: благородный рыцарь,
Таковъ какъ вы, отца не обвинитъ
Безъ крайности. Такихъ развратныхъ мало..
Спокойны будьте; вашего отца
Усовѣщу наединѣ безъ шуму.
Я жду его. Давно мы не видались.
Онъ былъ другъ дѣду моему. Я помню,
Когда я былъ еще ребенкомъ, онъ
Меня сажалъ на своего коня
И покрывалъ своимъ тяжелымъ шлемомъ,
Какъ будто колоколомъ. (*Смотритъ въ окно*).
Это кто?
Не онъ ли?

Альберъ.

Такъ—онъ, Государь.

Герцогъ.

Подите-жъ
Въ ту комнату. Я кликну васъ.
(*Альберъ уходитъ; входитъ Баронъ.*)
Баронъ!
Я радъ васъ видѣть бодрымъ и здоровымъ.

Баронъ.

Я счастливъ, Государь, что въ силахъ былъ
По приказанью вашему явиться.

Герцогъ.

Давно, Баронъ, давно разстались мы.
Вы помните меня?

Баронъ.

Я, Государь?
Я какъ теперь васъ вижу. О, вы были
Ребенокъ рѣзвый.—Мнѣ покойный Герцогъ
Говаривалъ: Филиппъ (онъ звалъ меня
Всегда Филиппомъ), что ты скажешь? а?
Лѣтъ черезъ двадцать, право, ты да я,
Мы будемъ глупы передъ этимъ малымъ...
Передъ вами то есть...

Герцогъ.

Мы теперь знакомство
Возобновимъ. Вы Дворъ забыли мой.

Баронъ.

Старъ, Государь, я нынче: при Дворѣ
Что дѣлать мнѣ? Вы молоды; вамъ любы
Турниры, праздники. А я на пихъ
Ужъ не гожусь. Богъ дастъ войну, такъ я

Готовъ, кряхтя, взлѣсть снова на коня;
Еще достанетъ силы старый мечъ
За васъ рукой дрожащей обнажить.

Герцогъ.

Баронъ, усердье ваше намъ извѣстно:
Вы дѣду были другомъ; мой отецъ
Васъ уважалъ. И я всегда считалъ
Васъ вѣрнымъ, храбрымъ рыцаремъ; но сядемъ.
У васъ, Баронъ, есть дѣти?

Баронъ.

Сынъ одинъ.

Герцогъ.

Зачѣмъ его я при себѣ не вижу?
Вамъ Дворъ наскучилъ, но ему прилично
Въ его лѣтахъ и званьи быть при насъ.

Баронъ.

Мой сынъ не любитъ шумной, свѣтской жизни:
Онъ дикаго и сумрачнаго нрава—
Вкругъ замка по лѣсамъ онъ вѣчно бродитъ,
Какъ молодой олень.

Герцогъ.

Не хорошо
Ему дичиться. Мы тотчасъ пріучимъ
Его къ веселью̀мъ, къ баламъ и турнирамъ.
Пришлите мнѣ его; назначьте сыну
Приличное по званью содержанье...
Вы хмуритесь—устали вы съ дороги,
Быть можетъ.

Баронъ.

Государь, я не усталъ:
Но вы меня смутили. Передъ вами
Я бъ не хотѣлъ сознаться, но меня
Вы принуждаете сказать о сынѣ
То, что я желалъ отъ васъ бы утаить.
Онъ, Государь, къ несчастью, недостоинъ
Ни милостей, ни вашего вниманья,
Онъ молодость свою проводитъ въ буйствѣ,
Въ порокахъ низкихъ...

Герцогъ.

Это потому,
Баронъ, что онъ одинъ. Уединенье
И праздность губятъ молодыхъ людей,
Пришлите къ намъ его; онъ позабудетъ
Привычки, зарожденныя въ глуши.

Баронъ.

Простите мнѣ, но право, Государь,
Я согласиться не могу на это...

Герцогъ.

Но почему жъ?

Баронъ.

Увольте старика.

Герцогъ.

Я требую: откройте мнѣ причину
Отказа вашего.

Баронъ.

На сына я
Сердитъ.

Герцогъ.

За что?

Баронъ.

За злое преступленье.

Герцогъ.

А въ чемъ оно, скажите, состоитъ?

Баронъ.

Увольте, Герцогъ...

Герцогъ.

Это очень странно!
Иль вамъ стыдно за него?

Баронъ.

Да... стыдно..

Герцогъ.

По что же слѣлалъ онъ?

Баронъ.

Онъ... онъ меня
Хотѣлъ убить.

Герцогъ.

Убить! Такъ я суду
Его предамъ, какъ черпаго злодѣя.

Баронъ.

Доказывать не стану я, хоть знаю,
Что точно смерти жаждетъ онъ моей,
Хоть знаю то, что покушался онъ
Меня...

Герцогъ.

Что?

Баронъ.

Обокрасть.

(*Альберъ бросается въ комнату*).

Альберъ.

Баронъ, вы лжете!

Герцогъ (*сыну*).

Какъ смѣли вы?

Баронъ.

Ты здѣсь! ты, ты мнѣ смѣлъ!...
Ты могъ отцу такое слово молвить!...
Я лгу и передъ нашимъ Государемъ!...
Мнѣ, мнѣ... иль ужъ не рыцарь я?...

Альберъ.

Вы лжецъ!

Баронъ.

И громъ еще не грянулъ, Боже правый!
Такъ подыми жъ, и мечъ насъ разсуди!
(*Бросаетъ перчатку, сынъ послушно ее поднимаетъ*).

Альберъ.

Благодарю. Вотъ первый даръ отца.

Герцогъ.

Что видѣлъ я? что было предо мною?
Сынъ принялъ вызовъ стараго отца!
Въ какіе дни надѣлъ я на себя
Цѣпь Герцоговъ! Молчите: вы, безумецъ,
И ты, тигренокъ!—полно. (*Сыну*). Бросьте это:
Отдайте мнѣ перчатку эту (*отнимаетъ ее*).

Альберъ, (a parte)

Жаль!

Герцогъ.

Такъ и впился въ нее когтями!... Извергъ!
Подите: на глаза мои не смѣйте

Являться до тѣхъ поръ, пока я самъ
Не призову васъ. (*Альберъ выходитъ*).
Вы старикъ несчастный,
Нестыдно ль вамъ?...

Баронъ.

Простите, Государь...
Стоять я не могу... мои колѣна
Слабѣютъ... душно... душно... Гдѣ ключи?
Ключи, ключи мои!

Герцогъ.

Онъ умеръ. Боже!
Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!

Гоголь (род. въ 1808 ум. въ 1852 г.)

Свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ. Николай Васильевичъ Гоголь былъ родомъ Малороссъ, сынъ небогатаго Полтавскаго помѣщика, воспитаніе получилъ въ Нѣжинскомъ Лицеѣ. По окончаніи курса ученія, въ 1829 году, отправился служить въ Петербургъ и здѣсь рѣшился издать свой первый юношескій опытъ Идиллію въ картинахъ, Ганцъ Кюхельгартенъ, написанную еще въ 1827 г. Идиллія вышла очень неудачна, и подверглась журнальнымъ насмѣшкамъ, такъ что самъ авторъ отобралъ всѣ экземпляры у книгопродавцевъ и сжегъ ихъ.—Гоголь жилъ первое время въ Петербургѣ въ большой нуждѣ; руку помощи подали ему Плетневъ, Жуковскій и Пушкинъ. Благодаря посредничеству первыхъ, онъ получилъ въ 1831 году мѣсто преподавателя въ Патріотическомъ Институтѣ, а въ 1834 г. былъ назначенъ адъюнктомъ профессоромъ Петербургскаго Университета по кафедрѣ Всеобщей Исторіи.

Въ этой должности Гоголь пробылъ всего одинъ годъ и ею закончилъ навсегда свои служебныя занятія. Изданія сочиненій и пособіе отъ Государя обезпечивали Гоголя и дали ему возможность совершать частыя поѣздки по Россіи и за границу, въ Швейцарію и Римъ, гдѣ онъ и занимался главнымъ трудомъ своей жизни, первымъ томомъ Мертвыхъ Душъ.—Съ 1845 года Гоголь подвергся мучительной, разрушительной болѣзни, за которою слѣдовало душевное растройство, иппохондрія, кончившаяся смертью, 21 февраля 1852.—Литературная извѣстность Гоголя началась съ его изданія первыхъ разсказовъ изъ Малороссійской жизни, появившихся подъ заглавіемъ: *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки*. Въ составъ ихъ вошли: Сорочинская Ярмарка, Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы, Майская ночь или утопленница, Пропавшая Грамота, Ночь передъ Рождествомъ, Страшная Месть, Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка, Заколдованное мѣсто.

За *Вечерами* слѣдовалъ «*Миргородъ, повѣсти служащія продолженіемъ Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки*» (1835). Здѣсь помѣщены: Старосвѣтскіе помѣщики, Тарасъ Бульба, Вій, Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ.

Въ сочиненіяхъ, посвященныхъ Малороссіи, Гоголь касается разныхъ сторонъ жизни и разныхъ эпохъ. Въ Вечерахъ преобладаютъ сюжеты *народные*, описаніе народныхъ обычаевъ, первыя попытки воспроизвести типъ стараго запорожца (Пропавшая грамота, Заколдованное мѣсто), народныя преданія о колдунахъ, вѣдьмахъ, кладахъ и т. п. Большаго совершенства достигаетъ Гоголь въ Миргородѣ. Здѣсь только въ одной повѣсти, Вій, рядомъ съ типическимъ изображеніемъ бурсацкой жизни, встрѣчается фантастическій элементъ, въ остальныхъ же произведеніяхъ—въ Старосвѣтскихъ помѣщикахъ, и въ повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ изображается захолустная малороссій-

ская жизнь, какъ она есть, во всей ея прозаической обстановкѣ.—Но лучшее произведеніе, посвященное Малороссійской жизни—Тарасъ Бульба, повѣсть изъ старинной жизни Казаческой украйны. Гоголь занимался Малороссійскою исторіею, собиралъ историческіе документы, казацкія поэтическіе думы, и на основаніи ихъ художественно воспроизвелъ картину казачества въ эпоху его борьбы съ Ляхами, въ XVI вѣкѣ.

«Что такое Тарасъ Бульба? Герой, представитель жизни цѣлаго народа, политическаго общества въ извѣстную эпоху жизни. Что вы видите въ этой поэмѣ? что особенно поражаетъ васъ въ ней? Общество, составленное изъ пришельцевъ разныхъ странъ, изъ удалыхъ головъ, бѣжавшихъ, кто отъ нищеты, кто отъ родительскаго проклятія, кто отъ меча закона, и, между тѣмъ, общество, имѣющее одинъ общій характеръ, твердо сплоченное и связанное какимъ-то крѣпкимъ цементомъ. Въ чемъ эта связь? — въ православіи? — но оно такъ безтребовательно, такъ ограниченно и бѣдно въ своей сущности, что мало походитъ на религію.—Они приходили сюда какъ будто возвращались въ свой собственный домъ, изъ котораго за часъ передъ тѣмъ вышли. Пришедшій являлся только къ кошевому, который обыкновенно говоритъ: «Здравствуй. Что—во Христа вѣруешь?» Вѣрую! отвѣчалъ приходящій. «И въ Троицу святую вѣруешь?» Вѣрую! «И въ церковь ходишь?» Хожу. «А ну, перекрестись?» Пришедшій крестился. «Ну, хорошо», отвѣчалъ кошевой: «ступай же въ который самъ знаешь курень.» Этимъ оканчивалась вся церемонія. Нѣтъ, тутъ была другая, сильнѣйшая связь; это удальство, которому жизнь—копѣйка, голова—наживное дѣло; это жажда дикихъ натуръ, людей кипящихъ избыткомъ испепляющихъ силъ, жажда наполнить свою жизнь, тяготимую бездѣйствіемъ и праздностью; что же лучше могло наполнить ее, удовлетворить дикій духъ человѣка могучаго, но безъ идей, безъ образованности, почти полу-дикаря, какъ не кровавая

сѣча, какъ не отчаянное удальство во время войны, и не бѣшенная гульба во время мира? Отъ того-то и въ этой гульбѣ нѣтъ ничего оскорбляющаго чувство, но такъ много поэтическаго; отъ того-то эта гульба была, какъ превосходно выразился поэтъ, широкимъ разметомъ души. И такъ, вотъ гдѣ основа и источникъ казацкой жизни и Запорожской сѣчи, «того гнѣзда, откуда вылетали тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы, и *вотъ гдѣ основная идея поэмы Гоголя.* Тарасъ Бульба является у него представителемъ этой жизни, идеи этого народа, апотеозомъ этого широкаго размета души. Дурной мужъ, какъ всѣ люди полудикой гражданственности, онъ любитъ своихъ сыновей, потому что изъ нихъ должны выйдти важные рыцари, и онъ не любилъ бы и презиралъ бы дочерей своихъ, еслибы имѣлъ ихъ, потому что онъ никакъ не могъ понять, что хорошаго въ человѣкѣ, если онъ не годится въ рыцари. Онъ былъ христіянинъ и православный по преданію, въ самомъ отвлеченномъ смыслѣ: рѣдко видалъ церковь Божію, и въ правилахъ жизни своей руководствовался обычаемъ и собственными страстями, а не религіею и между тѣмъ зарѣзалъ бы роднаго сына за малѣйшее слово противъ религіи, и фанатически ненавидѣлъ басурмановъ. Онъ любилъ свою родную Украйну и ничего не зналъ выше и прекраснѣе удалаго казачества, потому что чувствовалъ то и другое въ каждой каплѣ крови своей, и духъ того и другаго нашелъ въ немъ свой настоящій сосудъ, рѣзкими, рельефными чертами выпечатлѣлся на его полудикой физіономіи и во всей его полудикой личности. Народную вражду онъ смѣшалъ съ личною ненавистію, и когда къ этому присоединился дикій фанатизмъ отвлеченной религіозности, то мысль о поганомъ католичествѣ, какъ называлъ онъ Поляковъ, представлялась ему въ формѣ дымящейся крови, предсмертныхъ стоновъ и зарева пылающихъ городовъ, селъ, монастырей и костеловъ.... Это лице со-

вершенно трагическое; его комизмъ только въ противоположности формъ его индивидуальности съ нашими, — комизмъ чисто внѣшній. Вы смѣетесь, когда онъ дерется на кулачки съ роднымъ сыномъ и пресерьезно совѣтуетъ ему тузить всякаго, какъ онъ тузилъ своего батьку; но вы уже не улыбаетесь, когда видите, что онъ попался въ плѣнъ, потянувшись за грошевою люлькой; но вы содрагаетесь, только еще видя, что онъ, въ яростной битвѣ, приближается къ оторопѣвшему сыну сердце ваше предчувствуетъ трагическую катастрофу; но у васъ замираетъ духъ отъ ужаса, когда въ вашемъ слухѣ раздается этотъ комическій вопросъ: «что, сынку?»; но вы болѣзненно раздѣляете это мимолетное умиленіе желѣзнаго характера, въ словахъ Бульбы: «Чѣмъ бы не козакъ былъ?—и станомъ высокій, и чернобровый, и лице какъ у дворянина, и рука была крѣпка въ бою—пропалъ, пропалъ безъ славы!»... А эта страшная жажда мести у Бульбы противъ красавицы Польки, по мнѣнію его чарами погубившей его сына, и потомъ—это море крови и пожаровъ, объявшее враждебный край и, среди его, грозная фигура стараго фанатика, совершавшаго страшную тризну, въ память сына; наконецъ, это омертвѣніе могучей души, оглушенной двукратнымъ потрясеніемъ, потерею обоихъ сыновей: «Неподвижый сидѣлъ онъ на берегу моря, шевеля губами и произнося: «Остапъ мой, Остапъ мой!» Передъ нимъ сверкало и разстилалось Черное море; въ дальнемъ тростникѣ кричала чайка; бѣлый усъ его серебрился и слезы капали одна за другою...«А это безконечно—знаменательное: «слышу, сынку!» и эта вторая страшная тризна мщенія за втораго сына, кончившаяся смертію мстителя, и какою смертію!—привязанный желѣзною цѣпью къ стоячему бревну, съ пригвожденною рукою, кричалъ онъ своимъ хлопцамъ, что имъ надо дѣлать, чтобы спастись отъ непріятеля, и изъявлялъ свой восторгъ отъ ихъ удальства и проворства... Видите ли: у этого че-

ловѣка была идея, которою онъ жилъ и для которой онъ жилъ; видите ли: онъ не пережилъ ея, онъ умеръ вмѣстѣ съ нею... Для нея убилъ онъ собственною рукою милаго сына, для нея онъ умеръ и самъ... Въ его душѣ жила одна идея, и всѣ другія были ему недоступны, враждебны и ненавистны.—Грубость и ограниченность Бульбы принадлежатъ не его личности, но его народу и времени. Сущность жизни всякаго народа есть великая дѣйствительность; въ Тарасѣ Бульбѣ эта сущность нашла свое полнѣйшее выраженіе.» (Сочин. Бѣлинскаго, т. 3)

Тарасомъ Бульбою закончился рядъ Малороссійскихъ повѣстей Гоголя, за ними слѣдовали повѣсти изъ Петербургской жизни: Портретъ, Невскій проспектъ, Шинель, Записки сумасшедшаго, разныя мелкія историческія статьи и наконецъ два самыхъ замѣчательныхъ произведеній: Ревизоръ, комедія (1835) и Мертвыя души (1842). Первая мысль Ревизора и Мертвыхъ душъ принадлежитъ Пушкину. Вотъ какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Гоголь: «Пушкинъ заставилъ меня взглянуть на дѣло серьозно. Онъ уже давно склонялъ меня приняться за большее сочиненіе и наконецъ, одинъ разъ послѣ того, какъ я ему прочелъ одно небольшое изображеніе небольшой сцены, но которое, однакожъ, поразило его больше всего, мной прежде читаннаго, онъ мнѣ сказалъ: «какъ съ этою способностью угадывать человѣка и нѣсколькими чертами выставлять его вдругъ всего, какъ живаго, съ этою способностью, не приняться за большое сочиненіе это просто грѣхъ! Вслѣдъ за этимъ началъ онъ представлять мнѣ слабое мое сложеніе, мои недуги, которые могутъ прекратить мою жизнь рано; привелъ мнѣ въ примѣръ Сервантеса, который хотя и написалъ нѣсколько очень замѣчательныхъ и хорошихъ повѣстей, но если бы не принялся за Донъ-Кишота, никогда-бы не занялъ того мѣста, которое занимаетъ теперь между писателями: и въ заключеніе всего отдалъ мнѣ свой собствен-

ный сюжетъ, изъ котораго онъ хотѣлъ сдѣлать самъ что-то въ родѣ поэмы, котораго, по словамъ его, онъ бы не отдалъ другому никому; это былъ сюжетъ Мертвыхъ душъ. (Мысль ревизора принадлежитъ также ему)».

Въ *Мертвыхъ Душахъ*, въ воспроизведеніи темной стороны Русской жизни, выразился вполнѣ геній Гоголя. Содержаніе этой поэмы изъ Великорусской жизни—помѣщичій бытъ, съ его крѣпостной обстановкой, нравы губернскаго города и типъ хозяина пріобрѣтателя, Чичикова.

Передаемъ содержаніе Мертвыхъ Душъ по главамъ.

Глава 1. Отставной Коллежскій Совѣтникъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ пріѣзжаетъ въ губернскій городъ N N. Остановившись въ гостинницѣ, пріѣзжій немедленно съ чрезвычайною точностію распросилъ половаго: кто въ городѣ губернаторъ, кто предсѣдатель палаты, кто прокуроръ, словомъ—не пропустилъ ни одного значительнаго чиновника; но еще съ большею точностію, если даже не съ участьемъ, распросилъ обо всѣхъ значительныхъ помѣщикахъ, сколько кто имѣетъ душъ крестьянъ, какъ далеко живетъ отъ города, какого даже характера и какъ часто пріѣзжаетъ въ городъ; распросилъ внимательно о состояніи края: не было ли какихъ болѣзней въ ихъ губерніи, повальныхъ горячекъ, убійственныхъ какихъ либо лихорадокъ, оспы и тому подобнаго, и все такъ и съ такою точностью, *которая показывала болѣе чѣмъ простое любопытство*. На слѣдующій день пріѣзжій отправился дѣлать визиты всѣмъ городскимъ чиновникамъ. Былъ у Губернатора, Вице-губернатора, у прокурора у предсѣдателя палаты, полиціймейстера, не забылъ даже инспектора Врачебной управы, губернскаго архитектора. Каждому онъ нашелся что сказать: Губернатору намекнулъ всколзь, что въ его губернію въѣзжаешь какъ въ рай; полиціймейстеру сказалъ что-то очень лестное на счетъ городскихъ будочниковъ; а въ разговорахъ съ Вице-губернаторомъ

и предсѣдателемъ палаты, которые еще были только Статскіе совѣтники сказалъ даже ошибкою *Ваше Превосходительство*... Слѣдствіемъ этого было то, что Губернаторъ сдѣлалъ ему приглашеніе на вечеръ, а прочіе чиновники—кто на обѣдъ, кто на бостонъ, кто на чашку чая. О себѣ пріѣзжій говорилъ мало, съ замѣтною скромностью: *что онъ незначущій червь міра сего, претерпѣлъ по службѣ за правду* имѣлъ много непріятелей, что теперь ищетъ мѣсто для жительства. Такимъ образомъ, Чичиковъ сдѣлалъ первый шагъ къ знакомству. Губернскій балъ и обѣдъ у Полиціймейстера еще болѣе дали ему возможность познакомиться съ *нужными* лицами, между прочимъ съ помѣщиками Маниловымъ, Собакевичемъ и Ноздревымъ. Пріѣзжій въ обществѣ показалъ въ себѣ опытнаго свѣтскаго человѣка. О чемъ бы ни шелъ разговоръ онъ всегда умѣлъ поддержать его, умѣлъ найтись и понравиться каждому. И потому первое впечатлѣніе, произведенное въ городѣ новымъ гостемъ, было въ его пользу: Губернаторъ нашелъ, что онъ благонамѣренный человѣкъ, прокуроръ—что онъ дѣльный человѣкъ, жандармскій полковникъ говорилъ, что онъ ученый человѣкъ, предсѣдатель палаты—что онъ знающій и почтенный человѣкъ; полиціймейстеръ—что онъ почтенный и любезный человѣкъ, жена полиціймейстера—что онъ любезнѣйшій и обходительнѣйшій человѣкъ.

Глава 2. Уже болѣе недѣли Чичиковъ жилъ въ городѣ, разъѣзжая по вечеринкамъ и обѣдамъ. Наконецъ, онъ рѣшился перенести свои визиты за городъ и навѣстить помѣщиковъ Манилова и Собакевича, которымъ далъ слово. Характеръ вновь вводимаго въ разсказъ лица—*Манилова*, самъ Гоголь затрудняется опредѣлить—такъ онъ безцвѣтенъ, *пассивенъ*, такъ не поддается опредѣленію. «У всякаго есть свой задоръ: у одного на борзыхъ собакъ, другому кажется, что онъ сильный любитель музыки, третій—мастеръ лихо

пообѣдать, четвертый сыграть роль хоть однимъ вершкомъ выше той, которая ему назначена,—у всякаго есть свое, но у Манилова ничего не было. Дома онъ говорилъ очень мало и большею частію размышлялъ и думалъ, но о чемъ онъ думалъ, тоже развѣ Богу было извѣстно.» О мечтаніяхъ его, впрочемъ, Гоголь даетъ понятіе: иногда глядя съ крыльца на дворъ и на прудъ, говорилъ онъ о томъ, какъ бы хорошо было, если-бы вдругъ отъ дома провести подземный ходъ, или чрезъ прудъ выстроить каменный мостъ, на которомъ бы были по обѣимъ сторонамъ лавки, и чтобы въ нихъ сидѣли купцы и продавали разные мелкіе товары, нужные для крестьянъ. «Жена Манилова... впрочемъ они были совершенно довольны другъ другомъ. Несмотря на то, что минуло болѣе 8 лѣтъ ихъ супружеству, изъ нихъ все еще каждый приносилъ другому или кусочекъ яблочка, или конфетку, или орѣшекъ, и говорилъ трогательно-нѣжнымъ голосомъ: разинь, душенька, свой ротикъ, я тебѣ положу этотъ кусочекъ... Ко дню рожденія приготовляемы были сюрпризы—какой нибудь бисерный чехольчикъ на зубочистку...» По поводу Маниловой Гоголь сдѣлалъ превосходное замѣчаніе о женскомъ пансіонскомъ воспитаніи: «Конечно можно бы замѣтить, что въ домѣ есть много другихъ занятій, кромѣ продолжительныхъ поцѣлуевъ и сюпризовъ, и много бы можно сдѣлать разныхъ вопросовъ.... За чѣмъ, напримѣръ, глупо и безъ толку готовится на кухнѣ? За чѣмъ воровка ключница? За чѣмъ нечистоплотны и пьяницы слуги? Но все это предметы низкіе. *Манилова воспитана хорошо*; а хорошее воспитаніе, какъ извѣстно, получается въ пансіонахъ; а въ пансіонахъ, какъ извѣстно, *три главные предмета составляютъ основу человѣческихъ добродѣтелей*: французскій языкъ, необходимый для счастья семейственной жизни, фортепьяно для доставленія пріятныхъ минутъ супругу и, наконецъ, собственно хозяйственная часть: вязанье кошельковъ и другихъ

сюпризовъ. Впрочемъ бываютъ разныя усовершенствованія и измѣненія въ методахъ, особенно въ нынѣшнее время: все это болѣе зависитъ отъ благоразумія и способностей самихъ содержательницъ пансіона. Въ другихъ пансіонахъ бываетъ такимъ образомъ, что прежде фортепьяно, потомъ французскій языкъ, а тамъ уже хозяйственная часть. А иногда бываетъ и такъ, что прежде хозяйственная часть, т. е. вязаніемъ сюрпризовъ, потомъ французскій языкъ, а тамъ уже фортепьяно. Разныя бываютъ методы.» Чичиковъ, пріѣхавъ къ Манилову, понялъ, съ кѣмъ онъ будетъ имѣть дѣло, и высказалъ всю свою тонкость обращенія. Съ первыхъ словъ и гость и хозяинъ наперерывъ разсыпаются въ отборныхъ похвалахъ чиновникамъ города. Всѣ оказались самыми достойными людьми. Послѣ обѣда Чичиковъ приступаетъ къ дѣлу, за которымъ пріѣхалъ, высказываетъ свое желаніе купить мертвыя души, которыя по ревизіи значились какъ живыя Маниловъ совершенно сконфузился и смѣшался. Неожиданность предложенія смутила его: ни одна мысль, ни одинъ вопросъ не идетъ у него съ языка. Разобрать въ чемъ дѣло онъ не можетъ, а если и могъ—не въ его правилахъ отказать другу. Чичиковъ нашелся, выѣхавъ на громкой фразѣ, противъ которой не могъ устоять Маниловъ: «Мы напишемъ, что онѣ (т. е. души) живы, такъ какъ въ ревизской сказкѣ. *Я привыкъ ни въ чемъ не отступать отъ гражданскихъ законовъ*; хотя за это и потерпѣлъ на службѣ, но ужъ извините *обязанность для меня дѣло священное, законъ—я нѣмъю* предъ закономъ.» Послѣ такихъ словъ, Маниловъ соглашется уступить души даромъ и купчую совершить на свой счетъ. Чичиковъ пришелъ въ восторгъ и въ духѣ своего хозяина вдался въ сантиментальность: «если бы вы знали, какую слугу оказали сей, повидимому, дрянью человѣку безъ племени и роду! Да и дѣйствительно чего не потерпѣлъ я? Какъ борка какая нибудь среди свирѣпыхъ волнъ... Какихъ

гоненій, какихъ преслѣдованій не испыталъ, какого горя не видалъ, а за что? за то, что я соблюдалъ правду... Что подавалъ руку вдовицѣ безпомощной и сиротѣ горемыкѣ.» Маниловъ былъ совершенно растроганъ; оба пріятели долго жали другъ другу руки и на глазахъ ихъ были видны навернувшіяся слезы». Покончивъ такъ удачно свое дѣло, Чичиковъ прощается съ Маниловымъ и ѣдетъ къ Собакевичу.

Маниловъ предался мечтательности по отъѣздѣ друга: онъ думалъ о благополучіи дружеской жизни, о томъ, какъ бы хорошо было жить другъ съ другомъ на берегу какой нибудь рѣки, потомъ чрезъ эту рѣку началъ строиться у него мостъ, потомъ огромнѣйшій мостъ съ такимъ высокимъ бельведеромъ, что можно даже оттуда видѣть Москву... потомъ, что они вмѣстѣ съ Чичиковымъ пріѣхали въ какое-то общество, въ хорошихъ каретахъ, гдѣ обворажаютъ всѣхъ пріятностью обращенія, и что самое высшее начальство, узнавши о такой ихъ дружбѣ, пожаловало ихъ генералами.

Глава 3. По оплошности кучера Селифана, Чичиковъ сбился съ дороги и вмѣсто Собакевича ему пришлось искать ночлега у помѣщицы Коробочки. Выходя новое лицо Гоголь такъ характеризуетъ его: «это одна изъ тѣхъ матушекъ, небольшихъ помѣщицъ, которыя плачутся на неуржаи, убытки и держать голову на бокъ, а между тѣмъ набиваютъ понемногу деньжонокъ въ пестрядивые мѣшочки, размѣщенные по ящикамъ комодовъ. Въ одинъ мѣшочекъ отбираютъ все цѣлковики, въ другой полтинники, въ третій четвертачки, хотя съ виду и кажется, будто въ комодѣ ничего нѣтъ, кромѣ бѣлья, да ночныхъ кофточекъ, да нитянныхъ мотковъ, да распоротаго солопа.» Изъ семьи Маниловыхъ, гдѣ безпрестанно толкуютъ о нѣжныхъ чувствахъ, Чичиковъ очутился въ гостяхъ у простой хозяйки, помѣщицы, не знакомой съ разными методами пансіонскаго воспитанія, а живущей по старинѣ. Вмѣсто аглійскихъ куртинъ и бесѣдокъ,

съ надписью—храмъ уединеннаго размышленія—у нея предъ окнами курятникъ и огороды. Крестьяне Коробочки живутъ несравненно лучше, чѣмъ у Манилова: вездѣ довольство, вездѣ виденъ хозяйскій глазъ. Всѣ интересы Коробочки сосредоточены на ея хозяйствѣ. Крайне ограниченная, суевѣрная, тупая ко всему, что внѣ ея сферы, Коробочка въ хозяйствѣ госпожа своего дѣла, заботится о крестьянахъ, потому, что отъ ихъ благосостоянія зависитъ ея личная выгода, знаетъ свое дѣло такъ, что ее не проведетъ и Чичиковъ, много видавшій на свѣтѣ и знающій людей. Бесѣда Чичикова съ Коробочкою обрисовываетъ вполнѣ характеръ разговаривающихъ лицъ. Чичиковъ, какъ замѣчено и выше Гоголемъ, съ каждымъ зналъ какъ говорить. Съ Маниловымъ онъ сантименталенъ, съ Коробочкою грубъ; не мало не стѣсняясь въ жару разговору, сулитъ ей чорта. Коробочка—когда Чичиковъ высказалъ желаніе купить души—обнаружила свою полною безтолковность: ей показалось даже не хочетъ ли Чичиковъ выкапывать мертвыхъ изъ могилъ, но съ другой стороны ей показалась, что предложеніе Чичикова какъ будто выгодно. Особенно въ цѣнѣ условиться было трудно. Коробочка боялась промахнуться:—дѣло для нея новое, она не знаетъ по чемъ ходятъ мертвыя души. Чичиковъ невзначай проговорился, что ведетъ и казенные подряды и можетъ закупать разные хозяйственные продукты—противъ этого Коробочка не могла устоять и согласилась на сдѣлку съ мертвыми душами. Чичиковъ сразу выросъ въ нея глазахъ, сдѣлался человѣкомъ нужнымъ, полезнымъ для хозяйства. «Хорошо бы было, если бы онъ забиралъ у меня въ казну муку и скотину. Нужно его задобрить: тѣсто со вчерашняго вечера еще осталось, такъ пойти сказать Фетиньѣ, чтобъ испекла блиновъ..» Разставаясь съ Коробочкою, Гоголь правильноустанавливаетъ взглядъ на подобныхъ людей. Ограниченность Коробочки, ея безхитростная жизнь по старинѣ,

не прикрытая никакимъ наружнымъ обманчивымъ блескомъ — слишкомъ бросаются въ глаза. Нѣтъ ничего легче, какъ произнести строгій приговоръ надъ ея скудными интересами, выставить ее всю съ безпощадно смѣшной стороны. Гоголь, какъ мыслитель, художникъ, добирающійся до внутренняго смысла жизненныхъ явленій, а не до одной наружной ихъ стороны, задаетъ читателю вопросъ: «Да полно, точно ли Коробочка стоитъ такъ низко на безконечной лѣстницѣ человѣческаго существованія? Точно ли такъ велика пропасть, отдѣляющая ее отъ сестры ея, недосягаемо огражденной стѣнами аристократическаго дома, съ благовонно-чугунными лѣстницами, сіяющею мѣдью, краснымъ деревомъ и коврами, зѣвающею за недочитанною книгою, въ ожиданіи остроумнсвѣтскаго визита, гдѣ ей предстоитъ поле блеснуть умомъи высказать вытверженныя мысли, занимающія, по законаъ моды, на цѣлую недѣлю городъ, мысли не о томъ, что блается въ ея домѣ и въ ея помѣстьяхъ, запутанныхъ и разстроенныхъ, благодаря незнанью хозяйственнаго дѣла, о томъ, какой политическій переворотъ, готовится во Франціи, какое направленіе принялъ модный католизмъ?»

Вопросъ поставленъ Гоголемъ такъ, что отвѣтъ неминемо долженъ быть въ пользу Коробочки, у которой, по крайней мѣрѣ есть свое дѣло, которое она знаетъ, и изъ котораго выходитъ прокъ и ей самой и крестьянамъ. А сестра еяаристократка—неспособна ни къ какому занятію, у нея мысли чужія, вычитанныя и интересы — неискренніе, а запущенные изъ одной моды. Коробочка заботится о крестьянахъ, а аристократка считаетъ это низкимъ для себя дѣломъи разоряетъ мужиковъ.

Глава 4. Выѣхавши отъ Коробочки Чичиковъ останавился по дорогѣ въ трактирѣ. Здѣсь онъ сталкивается сънакомымъ своимъ помѣщикомъ Ноздревымъ и его зятемъ ижуевымъ. «Такихъ людей, какъ Ноздревъ приходилось якому

встрѣчать не мало. Они называются разбитными малыми, слывутъ еще съ дѣтства и въ школѣ за хорошихъ товарищей, и при всемъ томъ бываютъ весьма больно покалачиваемы. Въ ихъ лицахъ всегда видно, что-то открытое, прямое, удалое. Они скоро знакомятся, и не успѣешь оглянуться, какъ уже говорятъ тебѣ ты.... Ноздревъ въ 35 лѣтъ былъ таковъ же совершенно, какимъ былъ въ осьмнадцать и двадцать: охотникъ погулять.... Чуткій носъ его слышалъ за нѣсколько десятковъ верстъ, гдѣ была ярмарка со всѣми съѣздами и балами; онъ уже въ одно мгновеніе ока былъ тамъ, спорилъ и заводилъ сумятицу за зеленымъ столомъ.... Въ картишки игралъ онъ не совсѣмъ безгрѣшно и чисто, зная много разныхъ передержекъ, и потому игра часто оканчивалась другою игрою; или покалачивали его сапогами; или же задавали передержку его густымъ и очень хорошимъ бакенбардамъ, такъ что возвращался домой онъ иногда съ одной только бакенбардой и то довольно жидкой. И что всего страннѣе, что можетъ только на одной Руси случится, онъ чрезъ нѣсколько времени уже встрѣчался опять съ тѣми пріятелями, которые его тузили, и встрѣчался какъ ни въ чемъ не бывало: и онъ, какъ говорится ничего, и они ничего. Ноздревъ былъ въ нѣкоторомъ отношеніи *историческій* человѣкъ. Ни на одномъ собраніи, гдѣ онъ былъ, не обходилось безъ исторіи. Какая нибудь исторія непремѣнно происходила: или выведутъ его подъ руки изъ зала жандармы, или принуждены бываютъ выталкать свои же пріятели. Если же этого не случится, то все-таки что нибудь да будетъ такое, чего съ другимъ никакъ не будетъ: или нарѣжется въ буфетѣ такимъ образомъ, что только смѣется, или провретъся самымъ жестокимъ образомъ, такъ-что наконецъ самому сдѣлается совѣстно. Въ немъ была еще одна черта: страстишка безъ всякой цѣли нагадить ближнему: распустить небылицу, разстроить свадьбу, торговую сдѣлку. Ко всему этому, Ноздревъ былъ человѣкъ многосто-

ронній, т. е. человѣкъ на всѣ руки. Въ ту же минуту онъ предлагаетъ ѣхать куда угодно, хоть на край свѣта, войти, въ какое хотите, предпріятіе, мѣнять все что ни есть на все, что хотите. «Вотъ каковъ былъ Ноздревъ! можетъ быть назовутъ его характеръ избитымъ, станутъ говорить, что теперь нѣтъ уже Ноздрева. Увы! несправедливы будутъ тѣ, которые станутъ говорить такъ, *Ноздревъ еще долго не выведется изъ міра. Онъ вездѣ между нами*, и, можетъ, быть, только ходитъ въ другомъ кафтанѣ; но легкомысленно-непроницательны люди, и человѣкъ въ другомъ кафтанѣ кажется имъ другимъ человѣкомъ.»—Ноздревъ Гоголевскій—очень опредѣленный типъ, взлелѣянный всѣми условіями отжившаго крѣпостнаго права. Возможность ничего не дѣлать—у одного выраждается въ сонную, мечтательную жизнь (Маниловъ), у другаго—въ гульбу, попойки; безпрестанныя исторіи (Ноздревъ). Въ обращеніи съ Чичиковымъ Ноздревъ развернулся вполнѣ. Началъ съ ярмарочныхъ похожденій, при чемъ вралъ немилосердно, и кончилъ тѣмъ, что затащилъ Чичикова къ себѣ въ гости. Дома онъ повелъ его осматривать свои владѣнія, показалъ все до послѣдняго чубука и шарманки. За обѣдомъ Ноздревъ хотѣлъ подпоить гостя, чтобы вѣрнѣе обыграть его, но Чичиковъ былъ остороженъ. Выбравши удобную минуту, Чичиковъ заговариваетъ о мертвыхъ душахъ, и сдѣлалъ этимъ ошибку, навлекшую ему много непріятностей. Ноздревъ согласенъ даромъ уступить души, только съ условіемъ, чтобы Чичиковъ купилъ у него жеребца, за котораго заплачено 10000 рублей, а пріятелю уступаетъ за 4000. за тѣмъ предлагаетъ собакъ, органъ, мѣняться лошадьми, бричкою.—Чичиковъ ни на что не согласился. На другой день Ноздревъ предлагаетъ Чичикову сыграть съ нимъ хоть въ шашки. Чичиковъ соглашается,—Ноздревъ и здѣсь, по обыкновенію, плутуетъ. Чичиковъ бросаетъ игру и дорого бы поплатился за это, если бы не подоспѣлъ третье лице Капи-

танъ Исправникъ: герою поэмы угрожала чисто Ноздревская исторія—быть избитымъ хозяиномъ и его дворовыми.

Глава 5. По дорогѣ отъ Ноздрева къ Собакевичу встрѣчается Чичикову дорожный экипажъ, въ которомъ сидѣла молодая дѣвушка, какъ оказалось, впослѣдствіи, губернаторская дочка. Эта встрѣча даетъ поводъ къ слѣдующему лирическому отступленію:... «хорошенькая головка, съ тоненькими чертами лица скрылась какъ что-то похожее на видѣнье и опять остались—дорога, бричка, трое знакомыхъ читателю лошадей, Селифанъ, Чичиковъ, гладь и пустота окрестныхъ полей. Вездѣ, гдѣ бы ни было въ жизни, среди ли черствыхъ, шероховато-бѣдныхъ и неопрятно-плѣснѣющихъ низменныхъ рядовъ ея, или среди однообразно-хладныхъ и скучно опрятныхъ сословій высшихъ, вездѣ хоть разъ встрѣтится на пути человѣку явленье, непохожее на все то, что случалось ему видѣть дотолѣ, которое хоть разъ пробудитъ въ немъ чувство, непохожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь. Вездѣ, поперегъ какимъ бы ни было печалямъ, изъ которыхъ плетется жизнь наша, весело промчится веселая радость, какъ иногда блестящій экипажъ съ золотою упряжью, картинными конями и сверкающимъ блескомъ стеколъ, вдругъ, неожиданно, пронесется мимо какой-нибудь заглохнувшей бѣдной деревушки, невидавшей ничего, кромѣ сельской телѣги, и долго мужики стоятъ, зѣвая, съ открытыми ртами, не надѣвая шапокъ, хотя давно уже унесся и пропалъ изъ виду дивный экипажъ». Разговоръ съ Собакевичемъ Чичиковъ начинаетъ также, какъ начиналъ съ Маниловымъ—похвалами губернскимъ чиновникамъ. Но Собакевичъ оказался человѣкомъ другимъ, у него все дрянь: губернаторъ и вице-губернаторъ—гога и магога, полиціймейстеръ—мошенникъ, одинъ прокуроръ порядочный человѣкъ, да и тотъ, если сказать правду, свинья. Переговоры о мертвыхъ душахъ шли также не въ Маниловскомъ, сантиментальномъ духѣ. Чичиковъ началъ было

издалека: коснулся всего русскаго государства, отозвался съ большею похвалою объ его пространствѣ и т. п. Собакевичъ, молча выслушавъ все, и прямо, нисколько не смутясь странностью предложенія, отвѣчалъ: *извольте я готовъ продать* и запросилъ сто рублей за душу. Чичиковъ далъ восемь гривенъ и наконецъ сошелся на двухъ съ половиною рубляхъ. Пока Собакевичъ писалъ списокъ запроданныхъ душъ, Гоголь заставляетъ своего героя произнести слѣдующую характеристику Собакевичу, болѣе приличную, впрочемъ, самому автору, нежели Чичикову: «Экъ наградилъ-то тебя Богъ! вотъ ужъ, точно, какъ говорятъ, не ладно скроенъ, да крѣпко сшитъ!... Родился ли ты ужъ такимъ медвѣдемъ, или омедвѣдила тебя захолустная жизнь, хлѣбные посѣвы, возня съ мужиками, и ты чрезъ нихъ сдѣлался то, что называютъ человѣкъ-кулакъ? Но нѣтъ: я думаю, ты все былъ тотъ же, хотя бы даже воспитали тебя по модѣ въ Петербургѣ, а не въ захолустьи. Вся разница въ томъ, что ты теперь упишешь полъбараньяго бока съ кашей, закусивши вотрушкою въ тарелку, а тогда бы ты ѣлъ какія-нибудь котлетки съ трюфелями. Да вотъ теперь подъ властью мужики: ты съ ними въ ладу, и, конечно, ихъ не обидишь, потому что они твои,—тебѣ же будетъ хуже; а тогда бы у тебя были чиновники, которыхъ бы ты сильно пощелкивалъ, смекнувши, что они не твои же крѣпостные, или грабилъ бы ты казну! Нѣтъ, кто ужъ кулакъ, тому не разогнутся въ ладонь! А разогни кулаку одинъ, или два пальца—выдетъ еще хуже. Попробуй онъ слегка верхушекъ какой-нибудь науки—дастъ онъ знать потомъ, занявши мѣсто повиднѣе, всѣмъ тѣмъ, которые въ своемъ дѣлѣ узнали какую нибудь науку!»

Глава 6. Узнавши отъ Собакевича о существованіи Плюшкина, и что у него люди мрутъ какъ мухи, Чичиковъ немедленно отправляется къ нему. Зная напередъ о скупости Плюшкина и увидя лично всю обстановку его жизни, Чичиковъ

сразу понялъ, какъ ему дѣйствовать—предложилъ заплатить подати за умершихъ и бѣглыхъ, а чтобы сдѣлать это въ законной формѣ на души предложилъ совершить купчую. Плюшкинъ пришелъ въ восторгъ и хотѣлъ было въ знакъ признательности угостить гостя чаемъ, но тотъ къ радости его отказался. Въ самомъ хорошемъ расположеніи духа вернулся Чичиковъ послѣ своихъ похожденій въ городъ.

Глава 7. Начинается лирическимъ отступленіемъ о различномъ призваніи двухъ писателей. Одному выпадаетъ на долю изображать характеры, являющіе высокое достоинство человѣка, а другому—разоблачать пошлую жизнь, потрясающую тину мелочей, опутывающихъ жизнь нашу. На другой день по пріѣздѣ въ городъ Чичиковъ немедленно приступаетъ къ составленію купчихъ крѣпостей на купленныя мертвыя души. Въ гражданской палатѣ сошелся снова покупщикъ съ своими знакомцами, Собакевичемъ и Маниловымъ.

Купчіи совершили скоро, предсѣдатель просилъ Чичикова ничего не давать чиновникамъ, потому что знакомые предсѣдателя ничего не платятъ, даже пошлинъ взяли меньше, а остальное отнесли на счетъ какого-то другаго просителя. Обѣдъ у полиціймейстера закончилъ день, посвященный судейскимъ хлопотамъ.

Глава 8. Покупки Чичикова сдѣлались предметомъ разговоровъ. Онъ сразу выросъ у всѣхъ въ глазахъ, сдѣлался человѣкомъ интереснымъ. Пронесся слухъ, что онъ ни болѣе ни менѣе, какъ милліонщикъ. Губернаторскій балъ сильно повредилъ ему. Онъ встрѣтилъ попавшуюся ему на дорогѣ блондинку, которая оказалась губернаторская дочка, и столкнулся съ Ноздревымъ. Губернаторская дочка привлекла все вниманіе Чичикова,—дамы города были обижены этимъ предпочтеніемъ и Чичиковъ безвозвратно погибъ въ ихъ мнѣніи. Ноздревъ при всемъ обществѣ разсказалъ, какъ Чичиковъ торговалъ у него

мертвыя души. Ноздреву, конечно, не повѣрили, но хорошее, самодовольное настроеніе Чичикова исчезло и онъ поспѣшилъ уѣхать съ бала домой. Въ довершеніе всего въ тотъ самый день на другомъ концѣ города происходило событіе, которое увеличило непріятность положенія Чичикова: въ городъ пріѣхалъ Коробочка. Старушка по отъѣздѣ Чичикова пришла въ такое безпокойство на счетъ могущаго произойти съ его стороны обмана, что рѣшилась сама пріѣхать въ городъ узнать, по чемъ ходятъ мертвыя души.

Глава 9. Новость, привезенная Коробочкой,—что Чичиковъ ночью пріѣхалъ къ ней и купилъ мертвыя души,—быстро разнеслась по городу. Начало сплетенъ положилъ разговоръ двухъ дамъ *пріятной во всѣхъ отношеніяхъ и просто пріятной*. Разговоръ ихъ очень замѣчателенъ. «Какой веселенькій ситецъ, воскликнула съ первыхъ словъ дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, глядя на платье просто пріятной дамы. Да, очень веселенькій, однакоже находятъ, что лучше еслибы клѣточки были помельче, и чтобы не коричневыя были крапинки, а голубыя. Сестрѣ я принесла матерійку: это такое очарованье, котораго просто нельзя выразить словами. Вообразите себѣ: полосочки узенькія, узенькія, какія только можетъ представить воображеніе человѣческое, фонъ голубой и чрезъ полоску все глазки и лапки, глазки и лапки, глазки и лапки.»... За такимъ разговоромъ слѣдуетъ разсказъ дамы пріятной во всѣхъ отошеніяхъ о новости, привезенной Коробочкой: «Вообразите себѣ только то, что является вооруженный съ ногъ до головы въ родѣ Ринальда Ринальдина и требуетъ: «Продайте, говоритъ, всѣ души, которыя умерли.» Коробочка отвѣчаетъ очень резонно, говоритъ: Я не могу продать, потому что онѣ мертвыя.—Нѣтъ, говоритъ, онѣ не мертвыя, это мое, говоритъ, дѣло знать, мертвыя ли онѣ, или нѣтъ, онѣ не мертвыя, не мертвыя! кричитъ, не мертвыя! словомъ, скандальозу надѣлалъ ужас-

наго: вся деревня сбѣжалась, ребенки плачутъ все кричитъ· никто никого не понимаетъ, ну, просто орреръ, орреръ, орреръ!»... На этомъ не остановилось воображеніе дамъ: мертвыя души оказались однимъ предлогомъ, а въ сущности Чичиковъ хочетъ увезти губернаторскую дочку. Порѣшивши на этомъ, обѣ дамы отправились каждая въ свою сторону бунтовать городъ. Это предпріятіе удалось произвести имъ съ небольшимъ въ полчаса. Городъ былъ рѣшительно взбунтованъ, все пришло въ броженіе и хоть кто-нибудь могъ что-либо понять. Образовались двѣ партіи: мужская и женская. Мужская партія обратила вниманіе на мертвыя души, а женская—на похищеніе губернаторской дочки. Въ женской партіи дѣло приняло скоро живой, опредѣленный видъ, облеклось въ ясныя очевидныя формы. «Оказалось, что Чичиковъ давно уже влюбленъ, и видѣлись они въ саду при лунномъ свѣтѣ; что губернаторъ даже бы отдалъ за него дочку, потому что Чичиковъ богачъ, какъ жидъ, если бы причиною не была жена его, которую онъ бросилъ (откуда онѣ узнали, что Чичиковъ женатъ—это никому не было вѣдомо); и что жена, которая страдаетъ отъ безнадежной любви, написала письмо къ губернатору самое трогательное; и что Чичиковъ, видя, что отецъ и мать не согласятся, рѣшился на похищеніе.» Слухи дошли и до губернаторскаго дома. Чичикова не велѣно было принимать. Къ довершенію суматохи въ губернію назначался новый генералъ-губернаторъ. Чиновники пришли въ тревожное состояніе, стали думать—не есть ли Чичиковъ подосланный чиновникъ изъ канцеляріи генералъ-губернатора. Инспектору врачебной управы показалось, что мертвыя души—это больные, умершіе въ лазаретахъ, предсѣдатель задалъ себѣ вопросъ—что если души въ самомъ дѣлѣ мертвыя, а у него въ палатѣ сдѣлана на нихъ купчая, да еще самъ съигралъ роль повѣреннаго Плюшкина.

Глава 10. Чиновники собрались у отца и благодѣтеля го-

рода, полиціймейстера, чтобы вмѣстѣ пообсудить свое положеніе, рѣшить—кто же такой Чичиковъ и какъ смотрѣть на него. Почтмейстеръ на общемъ совѣщаніи высказалъ мысль, что Чичиковъ капитанъ Копѣйкинъ, и при этомъ разсказалъ цѣлую повѣсть о Капитанѣ Копѣйкинѣ. Другія предположенія были не менѣе удачны: было мнѣніе не есть ли Чичиковъ самъ переодѣтый Наполеонъ. Думали, думали и рѣшились распросить Ноздрева. Ноздревъ, приглашенный въ собраніе, не задумался дать самые положительные отзывы:—Чичиковъ накупилъ мертвыхъ душъ на нѣсколько тысячъ, и что онъ самъ продалъ ему, потому что не видитъ причины, почему не продать. На вопросъ: не шпіонъ ли онъ и не старался ли что-нибудь развѣдать? Ноздревъ отвѣчалъ, что шпіонъ, что еще въ школѣ, гдѣ онъ съ нимъ вмѣстѣ учился, его называли фискаломъ и что за это товарищи, а въ томъ числѣ и онъ, нѣсколько его поизмяли, и т. п. Такъ и не узнали ничего чиновники. Чичиковъ не зналъ объ этихъ толкахъ совершенно ничего. Каково же было его изумленіе, когда у губернатора его не приняли, а Ноздревъ съ прикрасами передалъ ему всѣ городскіе толки. Чичиковъ спохватился и рѣшилъ немедленно уѣхать навсегда изъ города.

Глава 11. На другой день, послѣ разговора съ Ноздревымъ, Чичиковъ выѣзжаетъ изъ города. Отправляя своего героя на новыя странствованія, Гоголь разсказываетъ о происхожденіи, воспитаніи и жизни Чичикова до его пріѣзда въ городъ N. Происхожденіе Чичикова темно и скромно. Жизнь его постоянная борьба. Жизнь при началѣ взглянула на него какъ-то кисло-непріятно. Отдавая въ училище Павлушу, отецъ далъ ему такое наставленье: «Смотри же, Павлуша, учись, не дури и не повѣстничай, а больше всего угождай учителямъ и начальникамъ. Коли будешь угождать начальнику, то хоть въ наукѣ и не успѣешь, и таланту Богъ не далъ, все пойдешь въ ходъ и всѣхъ опередишь. Съ товарищами не водись:

они тебя добру не научатъ, а ужъ если пошло на то, такъ водись съ тѣми, которые побогаче, чтобы при случаѣ могли быть тебѣ полезными... а болѣе всего береги копѣйку... Все сдѣлаешь и все прошибешь на свѣтѣ копѣйкой.» Слова и наставленья отца глубоко заронились въ душу Павлуши. Еще ребенкомъ онъ умѣлъ отказать себѣ во всемъ. Изъ данной отцемъ полтины не издержалъ ни копѣйки, напротивъ, въ тотъ же годъ сдѣлалъ въ ней приращеніе, показавъ оборотливость почти необыкновенную. Слѣпилъ изъ воска снегиря, выкрасилъ его и продалъ очень выгодно. Потомъ въ продолженіи нѣкотораго времени пустился на другія спекуляціи, именно вотъ какіе: накупивши на рынкѣ съѣстнаго, садился въ классѣ возлѣ тѣхъ, которые были побогаче, и какъ только замѣчалъ, что товарища начинало тошнить—признакъ подступающаго голода, онъ высовывалъ изъ-подъ скамьи будто невзначай уголъ пряника, или булки, и, раззадоривши его, бралъ деньги, соображаяся съ аппетитомъ. Два мѣсяца онъ провозился у себя на квартирѣ безъ отдыха около мыши, которую засадилъ въ маленькую деревянную клѣточку, и добился наконецъ, что мышь становилась на заднія лапки, ложилась и вставала по приказу, и продалъ потомъ ее тоже очень выгодно. Когда набралось денегъ до пяти рублей, онъ мѣшочекъ зашилъ и сталъ копить въ другой. По выходѣ изъ школы образъ мыслей Чичикова не измѣнился. Береги копейку—было его правиломъ. Но у него не было собственно привязанности къ деньгамъ для денегъ, имъ не владѣли скряжничество и скупость. Нѣтъ, не онѣ двигали имъ; ему мерещилась впереди жизнь во всѣхъ довольствахъ, со всякими достатками. На первый разъ мѣстечко ему досталось ничтожное. При всей рѣшимости *все побѣдить и все преодолѣть* дорога для него была очень трудна. Онъ попалъ подъ начальство уже престарѣлому повытчику, который былъ образъ какой-то безчувственности и непотрясаемости. Чичиковъ испро-

бовалъ все, чтобы привлечь его расположеніе, угождалъ во всѣхъ мелочахъ, изучилъ всѣ привычки,—ничто не помогало. Наконецъ онъ принялся ухаживать за его дочерью. Уже и день свадьбы былъ назначенъ. Повытчикъ выхлопоталъ ему мѣсто, но этого только и было нужно. О свадьбѣ болѣе и помину не было, и старый повытчикъ долженъ былъ сознаться: «надулъ, надулъ чортовъ сынъ». Это былъ самый трудный порогъ, который перешагнулъ Чичиковъ. Съ этихъ поръ пошло легче и успѣшнѣе. Скоро попалъ онъ въ коммиссію для построенія какого-то казеннаго зданія. Тутъ только и теперь Чичиковъ сталъ по немногу выпутываться изъ-подъ суровыхъ законовъ воздержанія и неумолимаго своего самоотверженья. Но вдругъ назначенъ новый начальникъ, злоупотребленія раскрыты и Чичиковъ получилъ отставку.«Ну что же, сказалъ онъ, зацѣпилъ, поволокъ, сорвалось—не спрашивай. Плачемъ горю не пособить, нужно *дѣло дѣлать*.» Снова рѣшился онъ начинать карьеру, вновь вооружиться терпѣніемъ, вновь ограничиться во всемъ... Двѣ, три должности перемѣнилъ онъ, и наконецъ поступилъ въ таможню. Планъ разбогатѣть онъ составилъ простой. Сначала прикинулся неумолимымъ, неподкупнымъ чиновникомъ, обратилъ на себя общее вниманіе и представилъ проектъ изловить всѣхъ контрабандистовъ. Ему тотчасъ же вручена была команда и неограниченное право производить всюду поиски. Тутъ-то и развернулся Чичиковъ: вступилъ въ сдѣлку съ контрабандистами, подговорилъ своего товарища и пріобрѣлъ за пятьсотъ тысячъ. Но и тутъ дѣло оборвалось, чиновники выдали другъ-друга и имѣнье Чичикова было конфисковано. Удержалось у него всего на все тысячъ десять, да не большая бричка, да два крѣпостныхъ человѣка: кучеръ Селифанъ и лакей Петрушка. И послѣ этой неудачи Чичиковъ не успокоился, не опустился: «дѣятельность никакъ не умирала въ головѣ его, тамъ все хотѣло что то строиться и ждало только плана. Вновь съ-

ежился онъ, вновь принялся вести трудную жизнь, вновь ограничилъ себя во всемъ». Въ ожиданіи лучшаго принужденъ былъ заняться званіемъ повѣреннаго. Изъ порученій досталось ему, между прочимъ, одно: похлопотать о залогѣ въ опекунскій совѣтъ нѣсколькихъ сотъ крестьянъ. Хлопоча по этому дѣлу, Чичиковъ объснялъ секретарю слѣдующее, между прочимъ, обстоятельство: половина крестьянъ вымерла, такъ чтобы не было какихъ-нибудь потомъ привязокъ... «Да вѣдь они по ревизкой сказкѣ числятся?» сказалъ секретать. «Числятся», отвѣчалъ Чичиковъ. «Но такъ чего же вы орошли? сказалъ секретарь: «одинъ умеръ, другой родится, а все въ дѣло годится». Въ эту минуту Чичикова осѣнила вдохновенная мысль, какая когда-либо приходила въ человѣческую голову. Эхъ, я Акимъ-простота! сказалъ онъ самъ въ себѣ: ищу рукавицъ, а обѣ за поясомъ! Да на купи я всѣхъ этихъ, которые вымерли, пока еще не подавали новыхъ ревизкихъ сказокъ, пріобрѣти ихъ, положимъ, тысячу, да положимъ, опекунскій совѣтъ дастъ по двѣсти рублей на душу: вотъ ужъ двѣсти тысячъ капиталу». Глава оканчивается общимъ опредѣленіемъ характера Чичикова, какъ хозяина пріобрѣтателя, и лирическимъ отступленіемъ о тройкѣ и русской землѣ.—

Изъ Мертвыхъ Душъ.

(Глава VI).

Прежде, давно, въ лѣта моей юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго моего дѣтства, мнѣ было весело подъѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту: все равно была ли то деревушка, бѣдный, уѣздный городишка, село ли, слободка — любопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскій

любопытный взглядъ. Всякое строеніе, все, что носило только на себѣ напечатлѣнье какой-нибудь замѣтной особенности, все останавливало меня и поражало. Каменный ли казенный домъ, извѣстной архитектуры, съ половиною фальшивыхъ оконъ, одинъ-одинешенекъ, торчавшій среди бревенчатой тесанной кучи одноэтажныхъ мѣщанскихъ, обывательскихъ домиковъ, круглый ли, правильный куполъ, весь обитый листовымъ бѣлымъ желѣзомъ, вознесенный надъ выбѣленою, какъ снѣгъ, новою церковью, рынокъ ли, франтъ ли уѣздный, попавшійся среди города—ничто не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманія, и, высунувши носъ изъ походной телѣги своей, я глядѣлъ и на невиданный дотолѣ покрой какого-нибудь сюртука, и на деревяные ящики съ гвоздями, съ сѣрой, желтѣвшей вдали, съ изюмомъ и мыломъ, мелькавшіе изъ дверей овощной лавки вмѣстѣ съ банками высохшихъ московскихъ конфектъ, глядѣлъ и на шедшаго въ сторонѣ пѣхотнаго офицера, занесеннаго Богъ знаетъ изъ какой губерніи на уѣздную скуку, и на купца, мелькнувшаго въ сибиркѣ на бѣговыхъ дрожкахъ, — и уносился мысленно за ними въ бѣдную жизнь ихъ. Уѣздный чиновникъ пройди мимо—я уже и задумывался: куда онъ идетъ, на вечеръ ли къ какому-нибудь своему брату, или прямо къ себѣ домой, чтобы посидѣвши съ полчаса на крыльцѣ, пока не совсѣмъ еще сгустились сумерки, сѣсть за ранній ужинъ, съ матушкой, съ женой, съ сестрой жены и всей семьей; и о чемъ будетъ веденъ разговоръ у нихъ, въ то время, когда дворовая дѣвка въ монистахъ, или мальчикъ въ толстой курткѣ, принесетъ, уже послѣ супа, сальную свѣчу въ долговѣчномъ, домашнемъ подсвѣчникѣ? Подъѣзжая къ деревнѣ какого-нибудь помѣщика, я любопытно смотрѣлъ на высокую, узкую, деревянную колокольню, или широкую, темную деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мнѣ издали, сквозь древесную зелень, красная крыша и бѣлыя трубы по-

мѣщичьяго дома, и я ждалъ нетерпѣливо, пока разойдутся на обѣ стороны заступавшіе его сады и онъ покажется весь, съ своею, тогда, увы! вовсе непошлою наружностью; и по немъ старался я угадать: кто таковъ самъ помѣщикъ, толстъ ли онъ, и сыновья ли у него, или цѣлыхъ шестеро дочерей, съ звонкимъ дѣвическимъ смѣхомъ, играми и вѣчною красавицей меньшою сестрицей, и черноглазы ли онѣ, и весельчакъ ли онъ самъ, или хмуренъ, какъ сентябрь въ послѣднихъ числахъ, глядитъ въ календерь, да говоритъ про скучную для юности рожь и пшеницу?

Теперь равнодушно подъѣзжаю ко всякой незнакомой деревнѣ и равнодушно гляжу на ея пошлую наружность; моему охлажденному взору непріютно, мнѣ не смѣшно, и то, что пробудило бы въ прежніе годы живое движенье въ лицѣ, смѣхъ, и немолчныя рѣчи, то скользитъ теперь мимо, и безъучастное молчаніе хранятъ мои недвижныя уста. О моя юность, о моя свѣжесть!

Покамѣстъ Чичиковъ думалъ и внутренно посмѣивался надъ прозвищемъ, отпущеннымъ мужиками Плюшкину, онъ не замѣтилъ, какъ въѣхалъ въ средину обширнаго села, со множествомъ избъ и улицъ. Скоро, однакоже, далъ замѣтить ему это препорядочный толчокъ, произведенный бревенчатою мостовою, предъ которою городская каменная было ничто. Эти бревна, какъ фортепьянныя клавиши подымались то вверхъ, то внизъ, и необерегшійся ѣздокъ пріобрѣталъ или шишку на затылокъ, или синее пятно на лобъ, или же случалось своими собственными зубами откусить пребольно хвостикъ собственнаго же языка. Какую-то особенную ветхость замѣтилъ онъ на всѣхъ деревенскихъ строеніяхъ: бревно на избахъ было темно и старо: многія крыши сквозили, какъ рѣшето, на иныхъ оставался только конекъ вверху да жерди по сторонамъ въ видѣ ребръ. Кажется, сами хозяева снесли съ нихъ дранье и тесъ, разсуждая, и конечно справедливо,

что въ дождь избы не кроютъ, а въ ведро и сама не каплетъ, бабиться же въ ней не зачѣмъ, когда есть просторъ и въ кабакѣ, и на большой дорогѣ, словомъ — гдѣ хочешь. Окна въ избенкахъ были безъ стеколъ, иныя были заткнуты тряпкой, или зипуномъ, балкончики подъ крышами съ перилами, неизвѣстно для какихъ причинъ дѣлаемые въ иныхъ русскихъ избахъ, покосились и почернѣли даже неживописно. Изъ-за избъ тянулись во многихъ мѣстахъ рядами огромныя клади хлѣба, застоявшіяся, какъ видно, долго; цвѣтомъ походили они на старый, плохо выжженный кирпичъ, на верхушкѣ ихъ росла всякая дрянь, и даже прицѣпился съ боку кустарникъ. Хлѣбъ, какъ видно, былъ господскій. Изъ-за хлѣбныхъ кладей и ветхихъ крышъ возносились и мелькали на чистомъ воздухѣ то справа, то слѣва, по мѣрѣ того какъ бричка дѣлала повороты, двѣ сельскія церкви, одна возлѣ другой,—опустѣвшая деревянная, и каменная, съ желтенькими стѣнами, испятнанная, истрескавшаяся. Частями сталъ выказываться господскій домъ и наконецъ выглянулъ весь въ томъ мѣстѣ, гдѣ цѣпь избъ прервалась, и на мѣстѣ ихъ остался пустыремъ огородъ, или капустникъ, обнесенный низкою, мѣстами изломанною, городьбою. Какимъ-то дряхлымъ инвалидомъ глядѣлъ сей странный замокъ, длинный непомѣрно. Мѣстами былъ онъ въ одинъ этажъ, мѣстами въ два; на темной крышѣ, не вездѣ надежно защищавшей его старость, торчали два бельведера, одинъ противъ другаго, оба уже пошатнувшіеся, лишенные когда-то покрывавшей ихъ краски. Стѣны дома ощеливали мѣстами нагую штукатурную рѣшетку и, какъ видно, много потерпѣли отъ всякихъ непогодъ, дождей, вихрей и осеннихъ перемѣнъ. Изъ оконъ только два были открыты, прочія были заставлены ставнями, или даже забиты досками. Эти два окна, съ своей стороны, были тоже подслѣповаты; на одномъ изъ нихъ темнѣлъ наклеенный треугольникъ изъ синей сахарной бумаги.

Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій за село и потомъ пропадавшій въ полѣ, заросшій и засохлый, казалось, одинъ освѣжалъ эту обширную деревню и одинъ былъ вполнѣ живописенъ въ своемъ картинномъ опустѣніи. Зелеными облаками и неправильными, трепетолистными куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревъ. Бѣлый колоссальный стволъ березы, лишенный верхушки, отломленной бурею, или грозою, подымался изъ этой зеленой гущи и круглился на воздухѣ, какъ правильная мраморная, сверкающая колонна; косой, остроконечный изломъ его, которымъ онъ оканчивался къ верху вмѣсто капители, темнѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ его, какъ шапка, или черная птица. Хмѣль, глушившей внизу кусты бузины, рябины и лѣснаго орѣшника и пробѣжавшій потомъ по верхушкѣ всего частокола, взбѣгалъ, наконецъ, вверхъ и обвивалъ до половины сломленную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ и начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревъ, или же висѣлъ на воздухѣ, завязавши кольцами свои тонкіе, цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ. Мѣстами расходились зеленыя чащи, озаренныя солнцемъ, и показывали неосвѣщенное между нихъ углубленіе, сіявшее какъ темная пасть; оно было все окинуто тѣнью, и чуть-чуть мелькали въ черной глубинѣ его: бѣжавшая узкая дорожка, обрушенныя перилы, пошатнувшаяся бесѣдка, дуплистый дряхлый стволъ ивы, сѣдой чапыжникъ, густой щетиною вытыкавшій изъ-за ивы изсохшіе отъ страшной глушины, перепутавшіеся и скрестившіеся листья и сучья, и, наконецъ, молодая вѣтвь клена, протянувшая съ боку свои зеленые лапы-листы, подъ одинъ изъ которыхъ забравшись, Богъ вѣсть какимъ образомъ, солнце, превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ сторонѣ у самого края сада, нѣсколько высокорослыхъ, не

вровень другимъ, осинъ, подымали огромныя вороньи гнѣзда на трепетныя свои вершины. У иныхъ изъ нихъ отдернутыя и невполнѣ отдѣленныя вѣтви висѣли внизъ вмѣстѣ съ изсохшими листьями. Словомъ, все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ, ни искусству, но какъ бываетъ только тогда, когда онѣ соединятся вмѣстѣ, когда по нагроможденному, часто безъ толку, труду человѣка пройдетъ окончательнымъ рѣзцомъ своимъ природа, облегчитъ тяжелыя массы, уничтожитъ грубощутительную правильность и нищенскія прорѣхи, сквозь которыя проглядываетъ нескрытый, нагой планъ, и даетъ чудную теплоту всему, что создалось въ хладѣ размѣренной чистоты и опрятности.

Сдѣлавъ одинъ, или два поворота, герой нашъ очутился наконецъ передъ самимъ домомъ, который показался теперь еще печальнѣе. Зеленая плѣснь уже покрыла ветхое дерево на оградѣ и воротахъ. Толпа строеній—людскихъ, амбаровъ, погребовъ, видимо ветшавшихъ, — наполняла дворъ; возлѣ нихъ направо и налѣво видны были ворота въ другіе дворы. Все говорило, что здѣсь когда-то хозяйство текло въ обширномъ размѣрѣ, и все глядѣло нынѣ пасмурно. Ничего незамѣтно было оживляющаго картину,—ни отворявшихся дверей, ни выходившихъ откуда-нибудь людей, никакихъ живыхъ хлопотъ и заботъ дома. Только одни главныя ворота были растворены, и то потому, что въѣхалъ мужикъ, съ нагруженною телѣгою, покрытою рогожею, показавшійся какъ бы нарочно для оживленія сего вымершаго свѣта: въ другое время и они были заперты наглухо, ибо въ желѣзной петлѣ висѣлъ замокъ-исполинъ. У одного изъ строеній Чичиковъ скоро замѣтилъ какую-то фигуру, которая начала вздорить съ мужикомъ, пріѣхавшимъ на телѣгѣ. Долго онъ не могъ распознать, какого пола была фигура, баба или мужикъ. Платье на ней было совершенно неопредѣленное, похожее очень на женскій капотъ; на головѣ колпакъ, какой носятъ

деревенскія дворовыя бабы; только одинъ голосъ показался ему нѣсколько сиплымъ для женщины. «Ой баба!» подумалъ онъ про-себя, и тутъ-же прибавилъ: «Ой нѣтъ! — Конечно, баба!» наконецъ сказалъ онъ, разсмотрѣвъ попристальнѣе. Фигура, съ своей стороны, глядѣла на него тоже пристально. Казалось, гость былъ для нея въ диковинку, потому-что она обсмотрѣла не только его, но и Селифана, и лошадей, начиная съ хвоста и до морды. По висѣвшимъ у нея за поясомъ ключамъ и потому, что она бранила мужика довольно поносными словами, Чичиковъ заключилъ, что это, вѣрно, ключница.

«Послушай, матушка», сказалъ онъ, выходя изъ брички: «что баринъ?...»

«Нѣтъ дома», прервала ключница, не дожидаясь окончанія вопроса, и потомъ, спустя минуту, прибавила: «А что вамъ нужно?»

«Есть дѣло.»

«Идите въ комнаты!» сказала ключница, отворотившись и показавъ ему спину, запачканную мукою, съ большой прорѣхою пониже.

Онъ вступилъ въ темныя, широкія сѣни, отъ которыхъ подуло холодомъ, какъ изъ погреба. Изъ сѣней онъ попалъ въ комнату, тоже темную, чуть-чуть озаренную свѣтомъ, выходившимъ изъ-подъ широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, онъ наконецъ очутился въ свѣту и былъ пораженъ представшимъ безпорядкомъ. Казалось, какъ будто въ домѣ происходило мытье половъ и сюда на время нагромоздили всю мебель. На одномъ столѣ стоялъ даже сломанный стулъ и, рядомъ съ нимъ, часы съ остановившимся маятникомъ, къ которому паукъ уже приладилъ паутину. Тутъ-же стоялъ, прислоненный бокомъ къ стѣнѣ, шкафъ, съ стариннымъ серебромъ, графинчиками и китайскимъ фарфоромъ. На бюрѣ, выложенномъ перламутровою

мозаикою, которая мѣстами уже выпала и оставила послѣ себя одни желтенькіе желобки, наполненные клеемъ, лежало множество всякой всячины: куча исписанныхъ мелко бумажекъ, накрытыхъ мраморнымъ, позелѣневшимъ прессомъ, съ яичикомъ наверху, какая-то старинная книга въ кожаномъ переплетѣ съ краснымъ обрѣзомъ, лимонъ весь высохшій, ростомъ не болѣе лѣснаго орѣха, отломленная ручка креселъ, рюмка съ какою-то жидкостью и тремя мухами, покрытая письмомъ, кусочекъ сургучека, кусочекъ гдѣ-то поднятой тряпки, два пера, запачканыя чернилами, высохшія какъ въ чахоткѣ, зубочистка, совершенно пожелтѣвшая, которою хозяинъ, можетъ быть, ковырялъ въ зубахъ своихъ еще до нашествія на Москву Французовъ.

По стѣнамъ навѣшано было весьма тѣсно и безтолково нѣсколько картинъ: длинный, пожелтѣвшій гравюръ какого-то сраженія, съ огромными барабанами, кричащими солдатами въ треугольныхъ шляпахъ и тонущими конями, безъ стекла, вставленный въ раму краснаго дерева съ тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по угламъ. Въ рядъ съ ними занимала полстѣны огромная почернѣвшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цвѣты; фрукты, разрѣзанный арбузъ, кабанью морду и висѣвшую, головою внизъ, утку. Съ средины потолка висѣла люстра въ холстинномъ мѣшкѣ, отъ пыли сдѣлавшаяся похожею на шелковый коконъ, въ которомъ сидитъ червякъ. Въ углу комнаты была навалена на полу куча того, что погрубѣе и что недостойнно лежать на столахъ. Что именно находилось въ кучѣ, рѣшить было трудно: ибо пыли на ней было въ такомъ изобиліи, что руки всякаго касавшагося становились похожими на перчатки; замѣтнѣе прочаго высовывались оттуда отломленный кусокъ деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никакъ бы нельзя было сказать чтобы въ комнатѣ сей обитало живое существо, если бы не возвѣщалъ

его прибыванье старый, поношенный колпакъ, лежавшій на столѣ. Пока онъ разсматривалъ все странное убранство, отворилась боковая дверь, и взошла та же самая ключница, которую встрѣтилъ онъ на дворѣ. Но тутъ увидѣлъ онъ, что это былъ скорѣе ключникъ, чемъ ключница: ключница, по крайней мѣрѣ, не брѣетъ бороды, а этотъ, напротивъ того, брилъ, и, казалось, довольно рѣдко, потому что весь подбородокъ съ нижней части щеки походилъ у него на скребницу изъ желѣзной проволоки, каковою чистятъ на конюшнѣ лошадей. Чичиковъ, давши вопросительное выраженіе лицу своему, ожидалъ съ нетерпѣніемъ, что хочетъ ему сказать ключникъ. Ключникъ тоже, съ своей стороны, ожидалъ, что хочетъ ему сказать чиновникъ. Наконецъ послѣдній, удивленный такимъ страннымъ недоумѣніемъ, рѣшился спросить.

«Чтожъ баринъ? у себя, что ли?»

«Здѣсь хозяинъ», сказалъ ключникъ.

«Гдѣ же?» повторилъ Чичиковъ.

«Что, батюшка, слѣпы-то, что ли?» сказалъ ключникъ. «Эх-ва! А вить хозяинъ-то я!»

Здѣсь герой нашъ по неволѣ отступилъ назадъ и поглядѣлъ на него пристально. Ему случалось видѣть не мало всякаго рода людей,—даже такихъ, какихъ намъ съ читателемъ, можетъ быть, никогда не придется увидать, но такого онъ еще не видывалъ. Лицо его не представляло ничего особеннаго: оно было почти такое же, какъ у многихъ худощавыхъ стариковъ; одинъ подбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ, такъ что онъ долженъ быть всякій разъ закрывать его платкомъ, чтобы не заплевать; маленькіе глазки его не потухнули и бѣгали изъ-подъ высоко выросшихъ бровей, какъ мыши, когда высунувши изъ темныхъ норъ остренькія морды, насторожа уши и моргая усомъ, онѣ высматриваютъ, не затаился ли гдѣ котъ, или шалунъ мальчишка, и нюхаютъ подозрительно самый воздухъ. Гораздо

замѣчательнѣе былъ нарядъ его. Никакими средствами и стараньями нельзя было докопаться, изъ чего состряпанъ былъ его халатъ: рукава и верхнія полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идетъ на сапоги: назади, вмѣсто двухъ, болталось четыре полы, изъ которыхъ охлопьями лѣзла хлопчатая бумага. На шеѣ у него тоже было повязано что-то такое, котораго нельзя было разобрать: чулокъ ли, повязка ли, или набрюшникъ, только никакъ не галстукъ. Словомъ, если бы Чичиковъ встрѣтилъ его, такъ принаряженнаго гдѣ-нибудь у церковныхъ дверей, то, вѣроятно, далъ бы ему мѣдный грошъ; ибо къ чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательно и онъ не могъ никакъ удержаться, чтобы не подать бѣдному человѣку мѣднаго гроша. Но предъ нимъ стоялъ не нищій, передъ нимъ стоялъ помѣщикъ. У этого помѣщика была тысяча слишкомъ душъ, и попробовалъ бы кто найти у кого другого столько хлѣба, зерномъ, мукою и, просто, въ кладяхъ, у кого бы кладовыя, амбары и сушилы загромождены были такимъ множествомъ холстовъ, суконъ, овчинъ, выдѣланныхъ и сыромятныхъ, высушенными рыбами и всякой овощью, или губиной. Заглянулъ бы кто-нибудь къ нему на рабочій дворъ, гдѣ наготовлено было на заказъ всякаго дерева и посуды, никогда неупотреблявшейся,—ему бы показалось, ужъ не попалъ ли онъ какъ-нибудь въ Москву на щепной дворъ, куда ежедневно отправляются расторопныя тещи и свекрухи, съ кухарками позади, дѣлать свои хозяйственные запасы и гдѣ горами бѣлѣетъ всякое дерево, шитое, точеное, лаженое и плетеное: бочки, пересѣки, ушаты, лагуѣны, жбаны съ рыльцами и безъ рылецъ, побратимы, лукошки, мыкольники, куда бабы кладутъ свои мочки, и прочій дрязгъ, коробья изъ тонкой гнутой осины, бураки изъ плетеной берестки и много, всего, что идетъ на потребу богатой и бѣдной Руси. На что бы, казалось, нужна была Плюшкину

такая гибель подобныхъ издѣлій? Во всю жизнь не пришлось бы ихъ употребить даже на два такихъ имѣнія, какія были у него: но ему и этого казалось мало. Не довольствуясь симъ, онъ ходилъ еще каждый день по улицамъ своей деревни, заглядывалъ подъ мостики, подъ перекладины, и все, что ни попадалось ему—старая подошва, бабья тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ,—все тащилъ къ себѣ и складывалъ въ ту кучу, которую Чичиковъ замѣтилъ въ углу комнаты. «Вонъ уже, рыболовъ пошелъ на охоту!» говорили мужики, когда видѣли его, идущаго на добычу. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ него не зачѣмъ было мести улицу: случилось проѣзжавшему офицеру потерять шпору—шпора эта мигомъ отправлялась въ извѣстную кучу; если баба, какъ нибудь зазѣвавшись у колодца, позабывала ведро, онъ утаскивалъ и ведро. Впрочемъ, когда примѣтившій мужикъ уличалъ его тутъ-же, онъ не спорилъ и отдавалъ похищенную вещь: но если только она попадала въ кучу, тогда все кончено: онъ божился, что вещь его, куплена имъ тогда-то, у того-то, или досталась отъ дѣда. Въ комнатѣ своей онъ подымалъ съ пола все, что не видѣлъ: сургучикъ, лоскутокъ бумажки, перышко и все это клалъ на бюро, или на окошко.

А вѣдь было время, когда онъ только былъ бережливымъ хозяиномъ, былъ женатъ и семьянинъ, и сосѣдъ заѣзжалъ къ нему пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости! Все текло живо и совершалось размѣреннымъ ходомъ: двигались мельницы, валяльни, работали суконныя фабрики, столярные станки, прядильни: вездѣ, во все входилъ зоркій взглядъ хозяина и, какъ трудолюбивый паукъ, бѣгалъ, хлопотливо, но расторопно по всѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины. Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ виденъ умъ; опытностію и познаніемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было пріятно его слушать; привѣтливая и го-

ворливая хозяйка славилась хлѣбосольствомъ; на встрѣчу выходили двѣ миловидныя дочки, обѣ бѣлокурыя и свѣжія, какъ розы; выбѣгалъ сынъ, разбитной мальчишка и цѣловался со всѣми, мало обращая вниманія на то, радъ ли, или не радъ былъ этому гость. Въ домѣ были открыты всѣ окна; атресоли были заняты квартирою учителя Француза, который славно брился и былъ большой стрѣлокъ: приносилъ всегда къ обѣду тетерекъ, или утокъ, а иногда и одни воробьиныя яйца, изъ которыхъ заказывалъ себѣ яичницу, потому что больше въ цѣломъ домѣ никто ея не ѣлъ. На антресоляхъ жила такъ же его компатріотка, наставница двухъ дѣвицъ. Самъ хозяинъ являлся къ столу въ сюртукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ; локти были въ порядкѣ; нигдѣ никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а съ ними мелкихъ заботъ перешло къ нему. Плюшкинъ сталъ безпокойнѣе и, какъ всѣ вдовцы, подозрительнѣе и скупѣе. На старшую дочь Александру Степановну, онъ не могъ во всемъ положиться, да и былъ правъ, потому что Александра Степановна скоро убѣжала съ штабсъ-ротмистромъ Богъ вѣсть какого кавалерійскаго полка, и обвѣнчалась съ нимъ гдѣ-то наскоро, въ деревянной церкви, зная, что отецъ не любитъ офицеровъ, по странному предубѣжденію, будто всѣ военные картежники и мотишки. Отецъ послалъ ей на дорогу проклятіе, а преслѣдовать не заботился. Въ домѣ стало еще пустѣе. Во владѣльцѣ стала замѣтнѣе обнаруживаться скупость; сверкнувшая въ жесткихъ волосахъ его сѣдина, вѣрна подруга ея, помогла ей еще болѣе развиться. Учитель Французъ былъ отпущенъ, потому что сыну пришла пора на службу; мадамъ была прогнана, потому что оказалась не безгрѣшною въ похищеніи Александры Степановны; сынъ, будучи отправленъ въ губернскій городъ съ тѣмъ, чтобы узнать въ палатѣ, по мнѣнію отца, службу существенную, опредѣлился вмѣсто того въ полкъ и

написалъ къ отцу, уже по своемъ опредѣленіи, прося денегъ на обмундировку. Весьма естественно, что онъ получилъ на это то, что называется въ простонародіи—шишъ. Наконецъ, послѣдняя дочь, оставшаяся съ нимъ въ домѣ, умерла, и старикъ очутился одинъ сторожемъ, хранителемъ и владѣтелемъ своихъ богатствъ. Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, какъ извѣстно, имѣетъ волчій голодъ, и чѣмъ болѣе пожираетъ, тѣмъ становится ненасытнѣе; человѣческія чувства, которыя и безъ того не были въ немъ глубоки, мелѣли ежеминутно, и каждый день что-нибудь утрачивалось въ этой изношенной развалинѣ. Случись же подъ такую минуту какъ будто нарочно въ подтвержденіе его мнѣнія о военныхъ, что сынъ его проигрался въ карты; онъ послалъ ему отъ души свое отцовское проклятіе и никогда уже не интересовался знать, существуетъ ли онъ на свѣтѣ, или нѣтъ. Съ каждымъ годомъ притворялись окна въ его домѣ, наконецъ осталось только два, изъ которыхъ одно, какъ уже видѣлъ читатель, было заклеено бумагою; съ каждымъ годомъ уходили изъ вида болѣе и болѣе, главныя части хозяйства, и мелкій взглядъ его обращался къ бумажкамъ и перышкамъ, которыя онъ собиралъ въ своей комнатѣ; неуступчивѣе становился онъ къ покупщикамъ, которые пріѣзжали забирать у него хозяйственныя произведенія; покупщики торговались, торговались и наконецъ бросили его вовсе, сказавши, что это бѣсъ, а не человѣкъ; сѣно и хлѣбъ гнили, клади и стоги обращались въ чистый навозъ, хоть разводи на нихъ капусту; мука въ подвалахъ превратилась въ камень, и нужно было ее рубить; къ сукнамъ, холстамъ и домашнимъ матеріямъ страшно было притронуться: они обращались въ пыль. Онъ уже позабывалъ самъ, сколько у него было чего, и помнилъ только, въ какомъ мѣстѣ стоялъ у него въ шкафу графинчикъ съ остаткомъ какой нибудь настойки, на которомъ онъ самъ сдѣлалъ намѣтку, чтобы

никто воровскимъ образомъ ея не выпилъ, да гдѣ лежало перышко, или сургучикъ. А между тѣмъ въ хозяйствѣ доходъ собирался по прежнему; столько же оброку долженъ былъ принесть мужикъ, такимъ же приносомъ орѣховъ обложена была всякая баба, столько же поставовъ холста должна было наткать ткачиха. Все это сваливалось въ кладовыя и все становилось гниль и прорѣха, и самъ онъ обратился наконецъ въ какую-то прорѣху на человѣчествѣ. Александра Степановна какъ-то пріѣзжала раза два съ маленькимъ сынкомъ, пытаясь, нельзя ли чего-нибудь получить: видно, походная жизнь съ штабсъ-ротмистромъ не была такъ привлекательна, какою казалась до свадьбы. Плюшкинъ, однако же, ее простилъ и даже далъ маленькому внучку поиграть какую-то пуговицу, лежавшую на столѣ, но денегъ ничего не далъ. Въ другой разъ Александра Степановна пріѣхала съ двумя малютками и привезла ему куличъ къ чаю и новый халатъ, потому что у батюшкѣ былъ такой халатъ, на который глядѣть не только было совѣстно, но даже стыдно. Плюшкинъ приласкалъ обоихъ внуковъ и, посадивши ихъ къ себѣ одного на правое колѣно, а другаго на лѣвое, покачалъ ихъ совершенно такимъ образомъ, какъ будто они ѣхали на лошадяхъ; куличъ и халатъ взялъ, но дочери рѣшительно ничего не далъ; съ тѣмъ и уѣхала Александра Степановна.

И такъ, вотъ какого рода помѣщикъ стоялъ передъ Чичиковымъ! Должно сказать, что подобное явленіе рѣдко попадается на Руси, гдѣ все любитъ скорѣе развернуться, нежели съежиться, и тѣмъ поразительнѣе бываетъ оно, что тутъ-же, въ сосѣдствѣ, подвернется помѣщикъ, кутящій во всю ширину русской удали и барства, прожигающій, какъ говорится, насквозь жизнь. Небывалый проѣзжій остановится съ изумленіемъ при видѣ его жилища, недоумѣвая, какой владѣтельный принцъ очутился внезапно среди маленькихъ, темныхъ владѣльцевъ: дворцами глядятъ его бѣлые, камен-

ные домы съ безчисленнымъ множествомъ трубъ, бельведеровъ, флюгеровъ, окруженные стадомъ флигелей и всякими помѣщеніями для пріѣзжихъ гостей. Чего нѣтъ у него? театры, балы: всю ночь сіяетъ убранный огнями и плошками, оглашенный громомъ музыки, садъ. Полгуберніи разодѣто и весело гуляетъ подъ деревьями, и никому не является дикое и грозящее въ семъ насильственномъ освѣщеніи, когда театрально выскакиваетъ изъ древесной гущи озаренная поддѣльнымъ свѣтомъ вѣтвь, лишенная своей яркой зелени, а вверху темнѣе, и суровѣе, и въ двадцать разъ грознѣе, является чрезъ то ночное небо, и далеко трепеща листьями въ вышинѣ, уходя глубже въ непробудный мракъ, негодуютъ суровыя вершины деревъ на сей мишурный блескъ, освѣтившій снизу ихъ корни.

Уже нѣсколько минутъ стоялъ Плюшкинъ, не говоря ни слова, а Чичиковъ все еще не могъ начать разговора, развлеченный какъ видомъ самого хозяина, такъ и всего того, что было въ его комнатѣ. Долго не могъ онъ придумать, въ какихъ-бы словахъ изъяснить причину своего посѣщенія Онъ уже хотѣлъ было выразиться въ такомъ духѣ, что, наслышась о добродѣтели и рѣдкихъ свойствахъ души его, почелъ долгомъ принести лично дань уваженія; но спохватился и почувствовалъ, что это слишкомъ. Искоса бросивъ еще одинъ взглядъ на все, что было въ комнатѣ, онъ почувствовалъ, что слова: добродѣтель и рѣдкія свойства души можно съ успѣхомъ замѣнить словами: экономія и порядокъ; и потому, преобразивши такимъ образомъ рѣчь, онъ сказалъ, что, наслышась объ экономіи его и рѣдкомъ управленіи имѣніями, онъ почелъ за долгъ познакомиться и принести лично свое почтеніе. Конечно, могло бы было привести иную, лучшую причину, но ничего иного не взбрело тогда на умъ.

На это Плюшкинъ что-то пробормоталъ сквозь зубы, ибо зубовъ не было, — что именно, неизвѣстно, но вѣроятно,

смыслъ былъ таковъ: «А побралъ бы тебя чортъ съ твоимъ почтеніемъ!» Но такъ какъ гостепріимство у насъ въ такомъ ходу, что скряга не въ силахъ преступить его законовъ, то онъ прибавилъ тутъ же нѣсколько внятнѣе: «Прошу покорнѣйше садится! Я давненько не вижу гостей», сказалъ онъ, «да признаться сказать въ нихъ мало вижу проку. Завели пренеприличный обычай ѣздить другъ къ другу, а въ хозяйствѣ-то упущенія.... да и лошадей ихъ корми сѣномъ! Я давно уже отобѣдалъ, а кухня у меня низкая, прескверная, и трубато совсѣмъ развалилась,—начнешь топить, еще пожару надѣлаешь.»

«Вонъ оно какъ!» подумалъ про себя Чичиковъ: «хорошо же, что я у Собакевича перехватилъ ветрушку, да ломоть бараньяго бока.»

«И такой скверный анекдотъ, что сѣна хоть бы клокъ въ цѣломъ хозяйствѣ!» продолжалъ Плюшкинъ. «Да и въ самомъ дѣлѣ какъ прибережешь его? землишка маленькая, мужикъ лѣнивъ, работать не любитъ, думаетъ, какъ бы въ кабакъ.... того и гляди, пойдешь на старости лѣтъ по міру!»

«Мнѣ, однакоже, сказывали», скромно замѣтилъ Чичиковъ, «что у васъ болѣе тысячи душъ.»

«А кто это сказывалъ? А вы бы, батюшка, наплевали въ глаза тому, который это сказывалъ! Онъ пересмѣшникъ; видно, хотѣлъ пошутить надъ вами. Вотъ баютъ — тысячи душъ, а подитка сосчитай, а и ничего не начтешь! Послѣдніе три года проклятая горячка выморила у меня здоровенный кушъ мужиковъ.»

«Скажите! и много выморила?» воскликнулъ Чичиковъ съ участіемъ.

«Да, снесли многихъ.»

«А позвольте узнать, сколько числомъ?»

«Душъ восемьдесятъ.»

«Пѣтъ?»

«Не стану лгать, батюшка.»

«Позвольте еще спросить: вѣдь эти души, я полагаю, вы считаете со дня послѣдней подачи ревизіи?»

«Это бы еще слава Богу», сказалъ Плюшкинъ; «да ихъ-то, что съ того времени, до ста-двацати наберется.»

«Вправду? цѣлыхъ сто-двадцать?» воскликнулъ Чичиковъ и даже разинулъ нѣсколько ротъ отъ изумленія.

«Старъ я, батюшка, чтобы лгать: седьмой десятокъ живу!» сказалъ Плюшкинъ. Онъ, казалось, обидѣлся такимъ, почти радостнымъ, восклицаніемъ. Чичиковъ замѣтилъ, что въ самомъ дѣлѣ неприлично подобное безучастіе къ чужому горю, и потому вздохнулъ тутъ же и сказалъ, что соболѣзнуетъ.

«Да вѣдь соболѣзнованія въ карманъ не положишь», сказалъ Плюшкинъ. «Вотъ возлѣ меня живетъ капитанъ, чортъ знаетъ его, откуда взялся! говоритъ — родственникъ. «Дядюшка, дядушка!» и въ руку цѣлуетъ, а какъ начнетъ соболѣзновать, вой такой подыметъ, что уши береги. Съ лица весь красный: пѣннику, чай, на смерть придерживается. Вѣрно, спустилъ денежки, служа въ офицерахъ, или театральная актриса выманила, такъ вотъ онъ теперь и соболѣзнуетъ!»

Чичиковъ постарался объяснить, что его соболѣзнованіе совсѣмъ не такого рода, какъ капитанское, и что онъ не пустыми словами, а дѣломъ готовъ доказать его, и не откладывая дѣла далѣе, безъ всякихъ обиняковъ, тутъ же объявилъ готовность принять на себя обязанность платить подати за всѣхъ крестьянъ, умершихъ такими несчастными случаями. Предложеніе, казалось, совершенно изумило Плюшкина. Онъ, вытаращивъ глаза, долго смотрѣлъ на него и наконецъ спросилъ: Да вы, батюшка, не служили ли въ военной службѣ?

«Нѣтъ», отвѣчалъ Чичиковъ довольно лукаво, «служилъ по статской.»

«По статской?» повторилъ Плюшкинъ и сталъ жевать гу-

бами, какъ будто что нибудь кушалъ. «Да вѣдь какъ же? вѣдь это вамъ самимъ-то въ убытокъ?»

«Для удовольствія вашего готовъ и на убытокъ.»

«Ахъ, батюшка! ахъ благодѣтель мой!» воскликнулъ Плюшкинъ; не замѣчая отъ радости, что у него изъ носа выглянулъ весьма не картинно табакъ, на образецъ густого кофея, и полы халата, раскрывшись, показали платье не весьма приличное для разсматриванья. «Вотъ утѣшили старика! Ахъ, Господи ты мой! ахъ, Святители вы мои!...» Далѣе Плюшкинъ и говорить не могъ. Но не прошло и минуты, какъ эта радость, такъ мгновенно показавшаяся на деревянномъ лицѣ его, такъ же мгновенно и прошла, будто ея вовсе не бывало, и лице его вновь приняло заботливое выраженіе. Онъ даже утерся платкомъ и, свернувши его въ комокъ, сталъ имъ водить себя по верхней губѣ.

«Какъ же, съ позволенія вашего, чтобы не разсердить васъ, вы за всякій годъ беретесь платить за нихъ подать? и деньги будете выдавать мнѣ, или въ казну?»

«Да мы вотъ какъ сдѣлаемъ: мы совершимъ на нихъ купчую крѣпость, какъ-бы они были живые и какъ-бы вы ихъ мнѣ продали.»

«Да, купчую крѣпость....» сказалъ Плюшкинъ, задумался и сталъ опять кушать губами. «Вѣдь вотъ купчую крѣпость— все издержки. Приказные такіе безсовѣстные! Прежде бывало полтиной мѣди отдѣлаешься, да мѣшкомъ муки, а теперь пошли цѣлую подводу крупъ, да и красную бумажку прибавь,— такое сребролюбіе! Я не знаю, какъ никто другой не обращаетъ на это вниманіе. Ну, сказалъ бы ему какъ-нибудь душеспасительное слово! Вѣдь словомъ хоть кого проймешь. Кто что ни говори, а противъ душеспасительнаго слова не устоишь.»

«Ну, ты, я думаю, устоишь!» подумалъ про себя Чичиковъ, и произнесъ тутъ же, что изъ уваженія къ нему, онъ готовъ принять даже издержки по купчей на свой счетъ.

Услыша, что даже издержки по купчей онъ принимаетъ на себя, Плюшкинъ заключилъ, что гость долженъ быть совершенно глупъ и только прикидывается, будто служилъ по статской, а вѣрно былъ въ офицерахъ и волочился за актерами. При всемъ томъ, онъ, однакожъ, не могъ скрыть своей радости, и пожелалъ всякихъ утѣшеній не только ему, но даже и дѣткамъ его, не спросивъ, были ли они у него, или нѣтъ. Подошедъ къ окну, постучалъ онъ пальцами въ стекло и закричалъ: «Эй Прошка!» Черезъ минуту было слышно, кто-то вбѣжалъ въ попыхахъ въ сѣни, долго возился тамъ и стучалъ сапогами, наконецъ дверь отворилась и вошелъ Прошка, мальчикъ лѣтъ тринадцати, въ такихъ большихъ сапогахъ, что, стукая, едва не вынулъ изъ нихъ ноги. Почему у Прошки были такіе большіе сапоги, это можно узнать сейчасъ же; у Плюшкина для всей дворни сколько ни было ея въ домѣ, были одни только сапоги, которые должны были всегда находиться въ сѣняхъ. Всякій призываемый въ барскіе покои обыкновенно отплясывалъ черезъ весь дворъ босикомъ, но, входя въ сѣни, надѣвалъ сапоги и такимъ уже образомъ являлся въ комнату. Выходя изъ комнаты, онъ оставлялъ сапоги опять въ сѣняхъ и отправлялся вновь на собственной подошвѣ. Если бы кто взглянулъ изъ окошка въ осеннее время, и особенно, когда по утрамъ начинаются маленькія изморози, то бы увидѣлъ, что вся дворня дѣлала такіе скачки, какіе врядъ ли удастся выдѣлать на театрахъ самому бойкому танцовщику.

«Вотъ посмотрите, батюшка, какая рожа!» сказалъ Плюшкинъ Чичикову, указывая пальцемъ на лицо Прошки. «Глупъ вѣдь, какъ дерево, а попробуй что нибудь положить—мигомъ украдетъ! Ну, чего ты пришелъ, дуракъ, скажи, чего? Тутъ онъ произвелъ небольшое молчаніе, на которое Прошка отвѣчалъ тоже молчаніемъ. «Поставь самоваръ,—слышишь? да возьми ключъ, да отдай Маврѣ, чтобы пошла въ кладовую:

тамъ на полкѣ есть сухарь изъ кулича, который привезла Александра Степановна,—чтобы подали его къ чаю!... Постой, куда же ты, дурачина! Эхма, дурачина!... Бѣсъ у тебя въ ногахъ, что-ли, чешется?.... Ты выслушай прежде. Сухарь-то сверху, чай, испортился, такъ пусть соскоблитъ его ножемъ, да крохъ не бросаетъ; а снесетъ въ курятникъ. Да смотри ты, ты не входи, братъ, въ кладовую; не то—я тебя, знаешь? березовымъ-то вѣникомъ, чтобы для вкуса-то! вотъ у тебя теперь славный аппетитъ, такъ чтобы еще былъ получше! Вотъ попробуй-ка войти въ кладовую, а я тѣмъ временемъ изъ окна стану глядѣть. Имъ ни въ чемъ нельзя довѣрять», продолжалъ онъ, обратившись къ Чичикову послѣ того, какъ Прошка убрался вмѣстѣ съ своими сапогами. Вслѣдъ затѣмъ онъ началъ и на Чичикова посматривать подозрительно. Черты такого необыкновеннаго великодушія стали ему казаться невѣроятными, и онъ подумалъ про себя: «Вѣдь чортъ его знаетъ, можетъ быть, онъ просто хвастунъ, какъ всѣ эти мотишки: навретъ, навретъ, чтобы поговорить да напиться чаю; а потомъ и уйдетъ!» А потому изъ предосторожности, и вмѣстѣ желая нѣсколько поиспытать его, сказалъ онъ, что не дурно бы совершить купчую поскорѣе, потому что, де, въ человѣкѣ не увѣренъ: сегодня живъ, а завтра и Богъ вѣсть.

Чичиковъ изъявилъ готовность совершить хоть сію же минуту и потребовалъ только списка всѣмъ крестьянамъ.

Это успокоило Плюшкина. Замѣтно было, что онъ придумывалъ что-то сдѣлать, и точно, взявши ключи, приблизился къ шкафу и, отперши дверцу, рылся долго между стаканами и чашками и наконецъ произнесъ: «Вѣдь вотъ не сыщешь, а у меня былъ славный ликерчикъ, если только не выпили: народъ—такіе воры! А вотъ развѣ не это-ли онъ.» Чичиковъ увидѣлъ въ рукахъ его графинчикъ, который былъ весь въ пыли, какъ въ фуфайкѣ. «Еще покойница дѣлала», продолжалъ Плюшкинъ; «мошенница ключница совсѣмъ было

его забросила, и даже не закупорила, каналья! Казявки и всякая дрянь было напичкались туда, но я весь соръ-то повынулъ и теперь вотъ чистенькая, я вамъ налью рюмочку.»

Но Чичиковъ постарался отказаться отъ такого ликерчика, сказавши, что онъ уже и пилъ, и ѣлъ.

«Пили уже и ѣли!» сказалъ Плюшкинъ. «Да, конечно, хорошаго общества человѣка хоть гдѣ узнаешь: онъ не ѣстъ, а сытъ; а какъ эдакой какой-нибудь воришка, да его сколько ни корми....Вѣдь вотъ капитанъ пріѣдетъ: «Дядюшка», говоритъ, «дайте чего нибудь поѣсть! А я ему такой-же дядюшка, какъ онъ мнѣ дѣдушка. У себя дома ѣсть вѣрно нечего, такъ вотъ онъ шатается! Да, вѣдь вамъ нуженъ реестрикъ всѣхъ этихъ тунеядцевъ? Какъ-же я, какъ зналъ, всѣхъ ихъ списалъ на особую бумажку, чтобы, при первой подачѣ ревизіи, всѣхъ ихъ вычеркнуть. Плюшкинъ надѣлъ очки и сталъ рыться въ бумагахъ. Развязывая всякія связки, онъ попотчивалъ своего гостя такою пылью, что тотъ чихнулъ. Наконецъ вытащилъ бумажку, всю исписанную кругомъ. Крестьянскія имена усыпали ее тѣсно, какъ мошки. Были тамъ всякіе: и Парамоновъ, и Пименовъ, и Пантелеймоновъ, и даже выглянулъ какой-то Григорій Доѣзжай-не-доѣдешь; всѣхъ было стодвадцать слишкомъ. Чичиковъ улыбнулся при видѣ такой многочисленности. Спрятавъ ее въ карманъ, онъ замѣтилъ Плюшкину, что ему нужно будетъ для совершенія крѣпости пріѣхать въ городъ.

«Въ городъ?—Да какъ-же?... а домъ-то какъ оставить? Вѣдь у меня народъ или воръ или мошенникъ: въ день такъ оберутъ, что и кафтана не на чѣмъ будетъ повѣсить.»

«Такъ не имѣете-ли кого-нибудь знакомаго?»

«Да кого-же знакомаго? Вѣдь мои знакомые померли, или раззнакомились...Ахъ, батюшка! какъ не имѣть? имѣю!» вскричалъ онъ. «Вѣдь знакомъ самъ предсѣдатель, ѣзжалъ даже въ старые годы ко мнѣ! Какъ не знать? однокорытниками

были, вмѣстѣ по заборамъ лазили! Какъ не знакомый? ужъ такой знакомый! такъ ужъ не къ нему ли написать?»

«Конечно къ нему.»

«Какъ-же? ужъ такой знакомый! въ школѣ были пріятели.» И на этомъ деревяномъ лицѣ вдругъ скользнулъ какой-то теплый лучъ, выразилось—не чувство, а какое-то блѣдное отраженіе чувства: явленіе, подобное неожиданному появленію на поверхности водъ утопающаго, произведшему радостный крикъ въ толпѣ, обступившей берегъ. Но напрасно обрадовавшіеся братья и сестры кидаютъ съ берега веревку и ждутъ, не мелькнетъ-ли вновь спина, или утомленныя бореньемъ руки: появленіе было послѣднее. Глухо все, и еще страшнѣе и пустыннѣе становится послѣ того затихнувшая поверхность безотвѣтной стихіи. Такъ и лицо Плюшкина, вслѣдъ за мгновенно скользнувшимъ на немъ чувствомъ стало еще безчувственнѣй и еще пошлѣе.

«Лежала на столѣ четверка чистой бумаги», сказалъ онъ, «да не знаю куда запропастилась: люди у меня такіе негодные!» Тутъ сталъ онъ заглядывать и подъ столъ, и на столъ, шарилъ вездѣ и наконецъ закричалъ: «Мавра, а Мавра!» На зовъ явилась женщина съ тарелкой въ рукахъ, на которой лежалъ сухарь, уже знакомый читателю, и между ними произошелъ такой разговоръ:

«Куда ты дѣла, разбойница, бумагу?»

«Ей Богу, баринъ не видывала, опричь небольшаго лоскутка, которымъ изволили прикрыть рюмку.»

«А вотъ я по глазамъ вижу, что подтибрила.»

«Да на что-жъ бы я подтибрила? Вѣдь мнѣ проку съ ней никакого: я грамотѣ не знаю.»

«Врешь, ты снесла пономаренку: онъ маракуетъ, такъ ты ему и снесла.»

«Да пономаренокъ, если захочетъ, такъ достанетъ себѣ бумаги. Не видалъ онъ вашего лоскутка!»

«Вотъ погоди-ко: на страшномъ судѣ черти припекутъ тебя за это желѣзными рогатками! вотъ посмотришь, какъ припекутъ!»

«Да за что же припекутъ, коли я не брала и въ руки четверки? Ужъ скорѣй другой какой бабьей слабостью, а воровствомъ меня еще никто не попрекалъ.»

«А вотъ черти-то тебя и припекутъ! скажутъ: «А вотъ тебѣ, мошенница, за то, что барина-то обманывала!» да горячими-то тебя и припекутъ!»

«А я скажу: «Не за что! ей Богу, не за что: не брала я....» Да вонъ она лежитъ на столѣ. Всегда напраслиной попрекаете!»

Плюшкинъ увидѣлъ точно четверку и на минуту остановился, пожевалъ губами и произнесъ: «Ну чтожъ ты расходилась такъ! экая занозистая! Ей скажи только одно слово, а она ужъ въ отвѣтъ десятокъ! Поди-ко принеси огоньку запечатать письмо. Да стой! ты схватишь сальную свѣчу; сало дѣло топкое: сгоритъ да и нѣтъ, только убытокъ; а ты принеси-ка мнѣ лучинку!»

Мавра ушла, а Плюшкинъ, сѣвши въ кресла и взявши въ руки перо, долго еще ворочалъ на всѣ стороны четвертку, придумывая, нельзя ли отдѣлить отъ нея еще осьмушку, но наконецъ убѣдился, что никакъ нельзя; всунулъ перо въ чернильницу съ какою-то заплѣснѣвшею жидкостью и множествомъ мухъ на днѣ, и сталъ писать, выставляя буквы, похожія на музыкальныя ноты, придерживая поминутно прыть руки, которая разскакивалась по всей бумагѣ, лѣпя скупо строка на строку, и не безъ сожалѣнія подумывая о томъ, что все еще останется много чистаго пробѣла.

И до такой пичтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ! могъ такъ измѣниться! И похоже это на правду? Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ

ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество, забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ—не подымите потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея, на могилѣ напишется: здѣсь погребенъ человѣкъ; но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости.

«А не знаете ли вы какого-нибудь вашего пріятеля, сказалъ Плюшкинъ, складывая письмо, «которому бы понадобились бѣглыя души?»

«А у васъ есть и бѣглыя?» быстро спросилъ Чичиковъ, очнувшись.

«Въ томъ-то и дѣло, что есть. Зять дѣлалъ выправки: говоритъ, будто и слѣдъ простылъ; но вѣдь онъ человѣкъ военный: мастеръ притопывать шпорой, а если бы похлопотать по судамъ....»

«А сколько ихъ будетъ числомъ?»

«Да десятковъ до семи тоже наберется.»

«Нѣтъ?»

«Ай ей Богу такъ! Вѣдь у меня, что годъ, то бѣгаютъ! Народъ-то больно прожорливъ, отъ праздности завелъ привычку трескать, а у меня ѣсть и самому нечего.... А ужъ я бы за нихъ, что ни дай, взялъ бы. Такъ посовѣтуйте вашему пріятелю-то: отыщись вѣдь только десятокъ, такъ вотъ уже у него славная деньга. Вѣдь ревизская душа стоитъ въ пятистахъ рубляхъ.»

«Нѣтъ, этого мы пріятелю и понюхать не дадимъ», сказалъ про-себя Чичиковъ и потомъ объяснилъ, что такого пріятеля никакъ не найдется, что однѣ издержки по этому дѣлу будутъ стоить болѣе, ибо отъ судовъ нужно отрѣзать полы обственнаго кафтана да уходить подалѣе; но что если онъ

уже дѣйствительно такъ стиснутъ, то, будучи подвигнутъ участіемъ, онъ готовъ дать... но что это такая бездѣлица, о которой даже не стоитъ и говорить.

«А сколько бы вы дали?» спросилъ Плюшкинъ, и самъ ожидовѣлъ; руки его задрожали, какъ ртуть.

«Я бы далъ по двадцати пяти копѣекъ за душу.»

«А какъ, вы покупаете на чистыя?»

«Да, сейчасъ деньги.»

«Только, батюшка, ради нищеты-то моей, уже дали бы по сорока копѣекъ.»

«Почтеннѣйшій!» сказалъ Чичиковъ: «не только по сорока копѣекъ, по пяти сотъ рублей заплатилъ бы! съ удовольствіемъ заплатилъ бы, потому что вижу почтенный, добрый старикъ терпитъ по причинѣ собственнаго добродушія.»

«А ей Богу такъ! ей Богу правда!» сказалъ Плюшкинъ, свѣсивъ голову внизъ и сокрушительно покачавъ ее. «Все отъ добродушія.»

«Ну, видите ли? я вдругъ постигнулъ вашъ характеръ. И такъ, почему жъ не дать мнѣ по пяти сотъ рублей за душу, но.... состоянья нѣтъ; по пяти копѣекъ, извольте, готовъ прибавить, чтобы каждая душа обошлась такимъ образомъ въ тридцать копѣекъ.»

«Ну, батюшка, воля ваша, хоть по двѣ копѣйки пристегните.»

«По двѣ копѣечки пристегну, извольте. Сколько ихъ у васъ! Вы, кажется, говорили семьдесятъ!»

«Нѣтъ, всего наберется семьдесятъ восемь.»

«Семьдесятъ-восемь, семьдесятъ-восемь, по тридцати-копѣекъ за душу, это будетъ....» здѣсь герой нашъ одну секунду, не болѣе, думалъ и сказалъ вдругъ: «это будетъ двадцать четыре рубля девяносто шесть копѣекъ!» онъ былъ въ ариѳметикѣ силенъ. Тутъ же заставилъ онъ Плюшкина написать росписку и выдалъ ему деньги, которыя тотъ принялъ

въ обѣ руки и понесъ ихъ къ бюро съ такою же осторожностью, какъ будто бы несъ какую-нибудь жидкость, ежеминутно боясь расплескать ее. Подошедши къ бюро, онъ перегляделъ ихъ еще разъ и уложилъ то же чрезвычайно осторожно въ одинъ изъ ящиковъ, гдѣ, вѣрно, имъ суждено быть погребенными до тѣхъ поръ, покамѣсть отецъ Карпъ и отецъ Поликарпъ, два священника его деревни, не погребутъ его самого, къ неописанной радости зятя и дочери, а можетъ быть, и капитана, приписавшагося ему въ родню. Спрятавши деньги, Плюшкинъ сѣлъ въ кресла и уже, казалось, больше не могъ найти матеріи, о чемъ говорить.

«А что, вы уже собираетесь ѣхать?» сказалъ онъ, замѣтивъ небольшое движеніе, которое сдѣлалъ Чичиковъ для того только, чтобы достать изъ кармана платокъ.

Этотъ вопросъ напомнилъ ему, что въ самомъ дѣлѣ не зачѣмъ болѣе мѣшкать. «Да, мнѣ пора!» произнесъ онъ, взявшись за шляпу.

«А чайку?»

«Нѣтъ, ужъ чайку пусть лучше когда-нибудь въ другое время.»

«Какъ же? а я приказалъ самоваръ. Я, признаться сказать, не охотникъ до чаю: напитокъ дорогой да и цѣна на сахаръ поднялась немилосердная! Прошка! не нужно самовара! Сухарь отнеси Маврѣ, слышишь? пусть его положитъ на то же мѣсто; или, нѣтъ, подай его сюда, я ужо снесу его самъ. Прощайте, батюшка, да благословитъ васъ Богъ! А письмо то предсѣдателю вы отдайте. Да, пусть прочтетъ, онъ мой старый знакомый. Какъ же! были съ нимъ однокорытниками!»

За симъ, это странное явленіе, этотъ съежившійся старичишка проводилъ его съ двора, послѣ чего велѣлъ ворота тотъ же часъ же запереть; потомъ обошелъ кладовыя, съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть, на своихъ-ли мѣстахъ сторожа, которые

стояли на всѣхъ углахъ, колотя деревянными лопатками въ пустой боченокъ, на-мѣсто чугунной доски; послѣ этого заглянулъ въ кухню, гдѣ, подъ видомъ того, чтобы попробовать, хорошо-ли ѣдятъ люди, наѣлся препорядочно щей съ кашею и, выбранивши всѣхъ до послѣдняго за воровство и дурное поведеніе, возвратился въ свою комнату. Оставшись одинъ, онъ даже подумалъ о томъ, какъ бы ему возблагодарить гостя за такое, въ самомъ дѣлѣ, безпримѣрное великодушіе. «Я ему подарю,» подумалъ онъ про-себя, «карманные часы: они вѣдь хорошіе, серебряные часы, а не то, чтобы какіе нибудь томпаковые, или бронзовые,—немножко поиспорчены, да вѣдь онъ себѣ переправитъ; онъ человѣкъ еще молодой, такъ ему нужны карманные часы, чтобы понравиться своей невѣстѣ. Или нѣтъ,» прибавилъ онъ, послѣ нѣкотораго размышленія, «лучше я оставлю ихъ ему, послѣ моей смерти, въ духовной, чтобы вспоминалъ обо мнѣ.».....

Счастливъ путникъ, который, послѣ длинной, скучной дороги, съ ея холодами, слякостью, грязью, невыспавшимися станціонными смотрителями, бряканьями колокольчиковъ, починками, перебранками, ямщиками, кузнецами и всякаго рода дорожными подлецами, видитъ наконецъ знакомую крышу съ несущимися на встрѣчу огоньками, и предстанутъ передъ нимъ знакомыя комнаты, радостный крикъ выбѣжавшихъ на-встрѣчу людей, шумъ и бѣготня дѣтей, и успокоительныя тихія рѣчи, прерываемыя пылающими лобзаніями властными истребить все печальное изъ памяти! Счастливъ семьянинъ, у кого есть такой уголъ; но горе холостяку!

Счастливъ писатель, который, мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, поражающихъ печальною своею дѣйствительностью, приближается къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство человѣка, который, изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ, избралъ одни немногія исключенія, который не измѣнилъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры

не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ ничтожнымъ своимъ собратьямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы! Вдвойнѣ завиденъ прекрасный удѣлъ его: онъ среди ихъ, какъ въ родной семьѣ; а между тѣмъ далеко и громко разносится его слава. Онъ окурилъ упоительнымъ куревомъ людскія очи, онъ чудно польстилъ имъ, сокрывъ печальное въ жизни, показавъ имъ прекраснаго человѣка. Все, рукоплеща, несется за нимъ и мчится вслѣдъ за торжественной его колесницей. Великимъ всемірнымъ поэтомъ именуютъ его, паряшимъ высоко надъ всѣми другими геніями міра, какъ паритъ орелъ надъ другими высоколетающими. При одномъ имени его уже объемлются трепетомъ молодыя пылкія сердца; отвѣтныя слезы ему блещутъ во всѣхъ очахъ. Нѣтъ равнаго ему въ силѣ!... Но не таковъ удѣлъ, и другая судьба писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно предъ очами и чего не зрятъ равнодушныя очи,—всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подъ-часъ горькая и скучная дорога,—и, крѣпкою силою неумолимаго рѣзца, дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи! Ему не собрать народныхъ рукоплесканій, ему не зрѣть признательныхъ слезъ и единодушнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ; къ нему не полѣтитъ на встрѣчу шестнадцатилѣтняя дѣвушка съ закружившеюся головою и геройскимъ увлеченьемъ; ему не позабыться въ сладкомъ обаяньи имъ же исторгнутыхъ звуковъ; ему не избѣжать, наконецъ, современнаго суда, лицемѣрно-безчувственнаго современнаго суда, который назоветъ ничтожными и низкими имъ лелѣяныя созданья, отведетъ ему презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придастъ ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, отниметъ отъ него

и сердце, и душу, и Божественное пламя таланта. Ибо не признаетъ современный судъ, что равно чудны стекла, озирающія солнцы и передающія движенья незамѣченныхъ насѣкомыхъ; ибо не признаетъ современный судъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданья; ибо не признаетъ современный судъ, что высокій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеньемъ, и что цѣлая пропасть между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скомороха! Не признаетъ сего современный судъ, и все обратитъ въ упрекъ и поношеніе непризнанному писателю: безъ раздѣленья, безъ отвѣта, безъ участія, какъ безсемейный путникъ, останется онъ одинъ посреди дороги. Сурово его поприще и горько почувствуетъ онъ свое одиночество. И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью идти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы! И далеко еще то время, когда инымъ ключомъ грозная вьюга вдохновенья подымется изъ облеченной въ святой ужасъ и въ блистанье главы, и почуютъ, въ смущенномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей...

Замѣчанія къ VI главѣ Мертвыхъ Душъ. Опредѣленіе призванія истиннаго комика.

Плюшкинъ, изображенію котораго посвящена VI глава, завершаетъ собою рядъ выведенныхъ Гоголемъ личностей изъ среды помѣщичьей. Плюшкинъ—личность, по словамъ поэта, рѣдко являющаяся на Руси, гдѣ все любитъ скорѣе развернуться, нежели съежиться. Съ характеромъ Плюшкина читатель знакомится изъ разговора его съ Чичиковымъ, но,

главнымъ образомъ, изъ разсказа, предложеннаго отъ лица самого автора. Въ разговорѣ съ Чичиковымъ обнаруживается доведенная до послѣдней степени скаредность Плюкшина. Она низводитъ его съ одной стороны до грубости, съ другой до ницества и мелочности (жалуется постоянно на свою бѣдность, умоляетъ пристегнуть на бѣдность двѣ копѣйки). Какъ ни опредѣлены эти черты, но разсказъ о домашней жизни, объ образовавшихся привычкахъ еще яснѣе обнаруживаетъ всю пошлость и мелочность жизни Плюшкина. Деревня его полуразорена, домъ заброшенъ. Внутри дома—безпорядокъ, въ углу кабинета—куча со всякимъ хламомъ. Самъ Плюшкинъ ходитъ въ нищенскомъ платьѣ, отказываетъ себѣ въ пищѣ, вѣчно подозрителенъ и бездушенъ. А между тѣмъ онъ человѣкъ богатый, у него слишкомъ тысяча душъ, рѣдко у кого можно найти такой запасъ хлѣба, такое множество холстовъ, сукопъ, овчинъ. Всего было такъ много, что самъ Плюшкинъ забылъ счетъ всему, что у него было, но продолжалъ все копить. Но сбереженье не шло ему въ прокъ. Благодаря скупости, онъ отучилъ отъ себя покупщиковъ. Покупщики его бросили: сѣно и хлѣбъ гнили, мука въ подвалахъ превратилась въ камень, сукна и холсты обращались въ пыль. Плюшкинъ запустилъ всѣ главныя части хозяйства: мужики его были разорены, а частью въ бѣгахъ, скопленные продукты пропадали, не имѣя сбыта, въ то время какъ все вниманіе хозяина было обращено на мелочи—на графинчикъ, на четвертку бумаги, да на разный хламъ. Онъ ходилъ каждый день по улицамъ и все что ни попадалось ему—старая подошва, тряпка, гвоздь, черепокъ—все тащилъ къ себѣ и складывалъ въ кучу. И изъ этихъ подробностей о жизни Плюшкина видимъ, что скупость его отличается особымъ характеромъ, не имѣетъ ничего общаго съ хозяйственною бережливостью, съ естественною жаждою пріобрѣтенія и сбереженія пріобрѣтеннаго. У Плюшкина скупость—болѣзнь, преобладаю-

щая страсть, которая затемнила и человѣческій разсудокъ и простую общежитейскую сообразительность. Отъ скупости своей онъ не богатѣетъ, какъ слѣдовало бы ожидать, а разоряетъ и себя и крестьянъ, запускаетъ всѣ доходныя статьи въ хозяйствѣ, и наконецъ весь погружается въ одни мелочи. Въ этомъ противорѣчіи—комическое положеніе Плюшкина и осужденіе его страсти. Онъ всю жизнь свою положилъ на сбереженье и хозяйственную пользу, но чѣмъ онъ становится бережливѣе, чѣмъ болѣе урѣзываетъ свои расходы и желанія, тѣмъ болѣе наноситъ ущербу своему хозяйству, тѣмъ болѣе погружается въ кучу мелочей и выживаетъ изъ ума. Изображая въ лицѣ Плюшкина такое глубокое паденіе, такую ничтожность, гадость, Гоголь предвидѣлъ вопросъ: какъ дошелъ Плюшкинъ до такого положенія? Образованіе человѣческихъ характеровъ слагается изъ обоюднаго вліянія природныхъ задатковъ и окружающей жизни, занятій и т. п.—«Было время, когда Плюшкинъ былъ только бережливымъ хозяиномъ, былъ женатъ и семьянинъ, и сосѣдъ заѣзжалъ къ нему пообѣдать,—и учиться у него хозяйству *и мудрой скупости*. Все текло живо—во все входилъ зоркій взглядъ хозяина и какъ трудолюбивый паукъ, бѣгалъ хлопотливо, но расторопно, по всѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины. *Слишкомъ сильныя чувства* не отражались *въ чертахъ лица его*, но въ глазахъ былъ видѣнъ умъ.» Приведенныя слова очень важны для пониманія личности Плюшкина. *Въ немъ не было слишкомъ сильныхъ чувствъ*—эти слова указываютъ на природные задатки холодности, сдержанности, на неспособность къ сильной привязанности. Всѣ эти свойства, какъ все врожденное, должны были отражаться на его характерѣ. Внѣшнія обстоятельства, занятія, образъ жизни, могли или смягчить эти свойства, или еще болѣе развить. Плюшкинъ былъ хозяиномъ въ полномъ смыслѣ слова: вся жизнь, весь умъ его были обращены на хозяйственныя заботы. Желая

вести правильнѣе свое хозяйство, желая пріобрѣтать, какъ можно болѣе, онъ сдѣлался *мудрымъ скупцомъ*. Хозяйственныя хлопоты, одно стрѣмленіе къ пріобрѣтенію и сбереженію, не умѣряемое другими болѣе высшими интересами, не только не могли смягчить врожденныхъ задатковъ, но еще сильнѣе развивали ихъ. Погруженный весь въ свои расчеты, Плюшкинъ не развилъ въ себѣ многихъ человѣческихъ сторонъ, былъ крайне односторонень. Внѣ хозяйства онъ не видѣлъ ничего, одну свою *мудрую скупость* выставлялъ какъ образецъ, училъ ей другихъ. Одно могло бы внести разнообразіе въ жизнь Плюшкина, оживить его самого—семейная жизнь. О семейной жизни находимъ у Гоголя слѣдующія подробности: жена Плюшкина славилась хлѣбосольствомъ, была привѣтлива и говорлива, семейство его состояло изъ двухъ дочерей и сына. Но добрая хозяйка умерла, часть ключей а съ ними мелкихъ заботъ перешло къ Плюшкину. *Онъ сталъ безпокойнѣе и какъ всѣ вдовцы подозрительнѣе и скупѣе.* Старшая дочь скоро убѣжала съ штабсъ-ротмистромъ какого-то полка. Отецъ проклялъ ее, и преслѣдовать не заботился. Въ домѣ стало еще пустѣе. *Во владѣльцѣ стала замѣтнѣе обнаруживаться скупость.* Сынъ, противъ воли отца, поступилъ въ полкъ, послѣдняя дочь умерла, и семейная жизнь Плюшкина рушилась: онъ очутился одинъ сторожемъ, хранителемъ и владѣтелемъ своихъ богатствъ. Изъ фактовъ, сообщенныхъ Гоголемъ, можно заключить, что Плюшкинъ былъ плохой семьянинъ. Въ семейныя отношенія, благодаря своей холодности и односторонности, онъ не могъ внести мягкости, чувства. Незамѣтно для него самого онъ становился чужимъ въ своей семьѣ, не съумѣлъ привязать къ себѣ дѣтей, заставить ихъ полюбить себя, сдѣлать ихъ, по крайней мѣрѣ, откровенными съ собою. Разладъ дѣтей съ отцемъ обнаружился въ полной силѣ: старшая дочь убѣжала тайно, сынъ тайкомъ ропедѣлился въ военную службу. Въ концѣ

концевъ семейная жизнь вмѣсто смягченія принесла Плюшкину раздраженіе, сдѣлала его еще холоднѣе, подозрительнѣе и скупѣе. Одинокая старость дала окончательное развитіе природнымъ задаткамъ, поддержаннымъ внѣшними обстоятельствами. *Человѣческія чувства, которыя и безъ того не были въ немъ глубоки, мелѣли ежеминутно и каждый день что-нибудь утрачивалось въ этой изношенной развалинѣ.*—Плюшкинъ отрекся отъ отцовскаго чувства, отрекся и отъ самолюбія, мѣсто котораго заступило нищенство, вѣчныя жалобы. Умственныя силы слабѣли, исчезла воля, а страсть къ сбереженью все росла и переросла самый разсудокъ, дошла до ребячества. Не безъ особой цѣли Гоголь вывелъ Плюшкина послѣ Манилова, Коробочки, Ноздрева, Собакевича. Во всѣхъ названныхъ личностяхъ Гоголь изображаетъ разныя формы житейскойп ошлости, но въ Плюшкинѣ самое глубокое паденіе человѣка, пошлость, достигшую своихъ послѣднихъ границъ. Вотъ почему ни надъ однимъ лицемъ Гоголь не дѣлаетъ такого приговора какъ надъ Плюшкинымъ: «И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ!»

Въ слѣдъ за характеристикою Плюшкина, какъ бы подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ живаго образа крайняго человѣческаго паденія, Гоголь дѣлаетъ лирическое отступленіе о двухъ писателяхъ, изображающихъ двѣ разныя стороны жизни, идеальную и обыденную, свѣтлые образы и характеры скучные, поражающіе печальною своею дѣйствительностью. Въ этомъ отступленіи Гоголь самъ опредѣляетъ свое истинное призваніе—изображать то, «что ежеминутно предъ очами и чего не зрятъ равнодушныя очи,—всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подъ-часъ горькая и скучная дорога.» Но не смотря на свое глубокое пониманіе значенія истиннаго

комизма, Гоголь даетъ понять читателю, что наступитъ время, «когда инымъ ключемъ грозная вьюга вдохновенья подымется изъ облеченной въ святой ужасъ и въ блистанье главы, и почуютъ, въ священномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей.»

Съ большою опредѣленностью туже мысль Гоголь высказываетъ въ XI главѣ: «можетъ быть въ сей же самой повѣсти почуются иныя, еще доселѣ небранныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный Божественными доблестями, или чудная русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія; и мертвыми покажутся предъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга передъ живымъ словомъ! Подымутся русскія движенія.... и увидятъ, какъ глубоко заронилось въ славянскую природу то, что скользнуло только по природѣ другихъ народовъ».... Не смотря на свою геніальность Гоголь не могъ отрѣшиться вполнѣ отъ господствовавшей въ его время теоріи искусства, по которой воспроизведеніе чистыхъ идеаловъ почиталось болѣе высшею задачею, чѣмъ изображеніе простой, повседневной жизни. Это стремленіе къ созданію идеальныхъ личностей было роковымъ для Гоголя. Въ мучительномъ сознаніи, что такая задача выше его силъ и подъ вліяніемъ душевной болѣзни Гоголь сжегъ вторую часть Мертвыхъ Душъ и въ Перепискѣ съ друзьями (1846 г.) произнесъ строгій, нравственный приговоръ надъ всѣми своими произведеніями, какъ самыми ничтожными и не стоящими никакого вниманія.

Конецъ.